

ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 3 (26) 2017

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 3 (26) 2017

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2017

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 3 (26) 2017

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2017

CONTENTS

No 3 (26) 2017

Maria Amelina. Stress in underived nouns with homogeneous vocalic structure in the Yamal dialect of Tundra Nenets. Part I. Phonetic words with low and middle vowels	7
Tatiana Bondarenko. Passivization of matrix predicates in the light of constructions with accusative subjects: the case of Barguzin Buryat	117
Anna Dybo. Again on the subject of the history of personal-numeral conjugation in Turkic languages	127
Yulia Normanskaya, Natalia Kosheliuk. Archival Pelym-Russian dictionary, compiled by the Russian priest, father Konstantin Slotvsov, as a source for estimating the accuracy of recordings in the Mansi dictionaries of A. Kannisto and B. Munkácsi	151
Fanuza Nurieva. A linguistic monument of the Sergach Mishars' dialect: a confession text from the 19th century.....	161
Indira Semenova. Quantitative description of the Karachay-Balkar vocabulary (based on the material of the Concise Karachay-Balkar-Russian dictionary)	174
Olesya Khanina. Advantages of digital technologies: a description of front vowel allophones, of a glottal stop, and of verbal object cross-reference in Enets	186
Vitaly Shabykov, Raisiya Kudryavtseva. Linguistic situation in the Mari El Republic in early 2010s: a sociolinguistic analysis.....	208

DISCUSSIONS

Nikolay Urtegeshev, Iraida Selyutina, Tatyana Ryzhikova. Phonetic transformations in the sandhi positions in the Tuvan analytic constructions	230
Anna Dybo, Valeriya Lemskaya. A polemic note to the article "Phonetic transformations in the sandhi positions in the Tuvan analytic constructions" by N. S. Urtegeshev et al.	243

PERSONALIA

Arzhana Mayzina. Taisiya Makarovna Toshchakova, the first linguist of Altay (for the 115th anniversary)	253
Style sheet	259

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3 (26) 2017

М. К. Амелина. Ударение в непроезженных именах с однородным вокалическим составом в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка. Часть I. Фонетические слова с гласными нижнего и среднего подъёмов.....	7
Т. И. Бондаренко. Пассивизация матричных предикатов в свете конструкций с аккумулятивным субъектом на примере баргузинского диалекта бурятского языка	117
А. В. Дыбо. Еще раз об истории показателей лично-числового спряжения в тюркских языках.....	127
Ю. В. Норманская, Н. А. Кошелюк. Архивный пельымско-русский словарь, составленный русским священником о. Константином Словоцовым, как источник, позволяющий оценить точность записей в мансийских словарях А. Каннисто и Б. Мункачи.....	151
Ф. Ш. Нуриева. Языковой памятник говора сергачских мишарей: текст исповеди XIX века	161
И. Д. Семенова. Квантитативная характеристика лексики карачаево-балкарского языка (на материале малого карачаево-балкарско-русского словаря)	174
О. В. Ханина. Возможности цифровых технологий: описание аллофонов передних гласных, гортанного смычного и объектного согласования глагола в энецком языке	186
В. И. Шабыков, Р. А. Кудрявцева. Языковая ситуация в Республике Марий Эл в начале 2010-х годов: социолингвистический анализ.....	208

ДИСКУССИИ

Н. С. Уртегешев, И. Я. Селютина, Т. Р. Рыжикова. Фонетические преобразования в позициях сандхи в тувинских аналитических конструкциях.....	230
А. В. Дыбо, В. М. Лемская. Дискуссионная заметка к статье Н. С. Уртегешева, И. Я. Селютиной и Т. Р. Рыжиковой «Фонетические преобразования в позициях сандхи в тувинских аналитических конструкциях».....	243

PERSONALIA

А. Н. Майзина. Таисия Макаровна Тошакова — первый алтайский ученый-лингвист (к 115-летию со дня рождения).....	253
Требования к оформлению статей.....	259

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., академик РАН, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Широкова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbeev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmás Garipov (M. Akmuulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Ударение в непроеизводных именах с однородным вокалическим составом в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка.

Часть I. Фонетические слова с гласными нижнего и среднего подъемов¹

Введение

Тундровый ненецкий язык относится к самодийской ветви уральской языковой семьи и распадается на три основных диалектных группы: западную, центральную и восточную. Гыданский диалект, наряду с надымским, тазовским и таймырским (енисейским), является одним из крайневосточных идиомов восточной диалектной группы [Терещенко 1965, 2008: 8—11]. В работе [Salminen 1998: 16] приводится соответствие обозначений диалектов тундрового ненецкого языка по изданиям [Терещенко 1965] и [Lehtisalo 1956]: так, крайневосточным диалектам по [Терещенко 1965] территориально наиболее близки тазовские говоры (Т) в записи Т. Лехтисало [Lehtisalo 1956: СИИ].

В данной статье к исследованию привлекаются полевые данные автора, собранные в ходе работы с носителями гыданского диалекта Т ненец. в с. Гыда Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа в сентябре 2011 г.² Полевые данные были собраны нами по специальной анкете, нацеленной на выявление акцентных характеристик непроеизводных имен разных слоговых структур и вокалических составов. Каждое из интересующих нас слов трижды было повторено носителями в изолированном произнесении, а также в различных контекстах (в разных грамматических формах).

Данная статья посвящена анализу акустических коррелятов ударения в непроеизводных³ именах с однородным вокалическим составом, представленным гласными нижнего и среднего подъемов, в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка. В недавних статьях [Амелина 2016а] и [Амелина 2016б] нами уже были рассмотрены акустические корреляты ударения в непроеизводных именах с однородным вокалическим составом, представленным гласными нижнего, среднего и верхнего подъемов, в ямальском диалекте (одном из восточных идиомов) тундрового ненецкого языка. В этих работах мы подробно коснулись особенностей комбинаторики акустических коррелятов ударения в ямальском диалекте, а также выявили его экспираторно-квантитативный характер. В данной статье представлен аналогичный просодический анализ на материале другого, хотя и довольно близкого (более восточного), диалекта — гыданского.

В работах [Амелина 2012: 8—9; Амелина 2016а: 8; Амелина 2016б: 8] вопрос о системе вокализма и количестве гласных фонем тундрового ненецкого языка уже был рассмотрен нами подробно. Мы придерживаемся точки зрения Т. Салминена, который выделяет следующие фонемы в системе вокализма Т ненец.: пять «нейтральных» по длительности монофтонгов (*i, u, e, o, a*), один краткий монофтонг ($\emptyset = \partial$), при чередовании с которым по правилам редукции реализуется также “schwa phoneme”, один дифтонгоид *æ* и два долгих монофтонга ($\bar{i} = i$ в обозначении Т. Салминена, $\bar{u} = u$ в обозначении Т. Салминена) [Salminen 1997]. В работах [Амелина 2012: 8—9; Амелина 2016а: 9—11; Амелина 2016б: 9—10] нами также уже были подробно проанализированы основные характеристики ударения в тундровом ненецком языке, выделявшиеся ранее учеными.

Подробно о типах «оценок выраженности ударения», которыми мы руководствуемся при определении места словесного акцента, см.: [Амелина 2012: 9; Амелина 2016а: 14; Амелина 2016б: 7] («оценка по максимуму» [Кривнова 2004: 6; Кодзасов 1991: 108—109], «оценка выраженности ударения по контрасту» и «оценка выраженности ударения по временному эталону» [Кривнова 2004: 3]). Так как обычно

¹ Сбор материала для статьи был выполнен при поддержке проекта РГНФ № 14-04-12019в «Создание мультимедийных словарей самодийских языков» (рук. Ю. В. Норманская), а анализ материала осуществлялся при поддержке проекта РНФ № 15-18-00044 «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира. Создание описаний алтайских и уральских языков России, находящихся на грани исчезновения» (рук. В. М. Алпатов).

² Мы выражаем искреннюю благодарность информантам, которые деятельно помогали нам в течение полевой работы на Гыданском полуострове: Салиндер (Яптунай) Ульяне Григорьевне, Яптунаю Николаю Ханзотавичу, Яр Нине Ябиновне, Лапцуй (Салиндер) Анжелике Ляликовне, Яр (Лапцуй) Галине Ванзовне, Вэнго Зое Торневне, — а также Яру Иосифу Пияковичу — за помощь в организации экспедиции.

³ Под «непроеизводными» здесь и далее мы понимаем слова, которые не являются производными по продуктивным моделям в современном тундровом ненецком языке, при этом на прасамодийском или протоненецком уровнях они могут быть производными и образованными по типичным словообразовательным моделям.

принято выделять три фонетических компонента ударения (по преобладанию одного из них определяется фонетический тип ударения): 1) интенсивность, «достигаемую увеличением мускульного напряжения и усилением выдоха», 2) высоту голосового тона и 3) длительность [ЛЭС 1990: 530], — то ниже мы подробно останавливаемся именно на этих трех параметрах, анализируя их комбинаторику и значимость каждого из них.

Собранные полевые данные по гыданскому диалекту были проанализированы нами с помощью экспериментально-фонетической программы “Praat” (версия 5.3.61 by Paul Boersma and David Weenink; официальный сайт: www.praat.org). Настройки спектрографирования (Spectrogram settings): тип фильтра (Window length) — широкополосный (время реакции, отклика — 5 мсек.), диапазон частот (View range) — от 0 до 5000 Гц, динамический диапазон (Dynamic range, настройка яркости/затемненности спектра) — 70 дБ. Настройки визуализации частоты основного тона (Pitch settings): диапазон основной частоты голоса (Pitch range) — от 75 до 500 Гц. Подробно об акустическом анализе с помощью программы “Praat” и использовании этой программы в лингвистических целях см. [Boersma 2013, 2014; Styler 2017].

В качестве основных средств визуализации речевого сигнала и акустического анализа нами были использованы осциллограммы (waveforms) и динамические широкополосные спектрограммы (dynamic broadband spectrograms). На широкополосных динамических спектрограммах в программе “Praat” желтой тонкой линией также отображается контур интенсивности (в децибелах, дБ), а голубой толстой линией — частоты основного тона (в герцах, Гц). Красными точками визуализированы форманты⁴ и области формантных переходов. Таблицы, представленные ниже, состоят из девяти колонок:

1) порядковый номер фонетического слова с буквенным указанием на диалект (Г — гыданский диалект);
2) в колонке «слово» дается запись слова в фонологической (без скобок) и фонетической (в квадратных скобках с отмеченным ударением) транскрипциях, в круглых скобках строчкой ниже приводится примерная общая длительность произнесения слова в мсек. (с точностью до 5 мсек.);

3) в колонке «Д1» указаны абсолютная длительность гласного первого слога в мсек. с точностью до 1 мсек. (без скобок) и его относительная длительность в процентах по отношению к усредненной длительности каждого сегмента (в круглых скобках);

4) в колонке «И1» приводятся данные по максимальной (пиковой) и средней (суммарной) интенсивности гласного первого слога — в децибелах с точностью до 0,01 дБ; числовые показатели максимальной (пиковой) интенсивности гласного приводятся за пределами скобок, а средней — в круглых скобках;

5) в колонке «ЧОТ1» указаны данные по частоте основного тона гласного первого слога — в герцах с точностью до 1 Гц (см. комментарий ниже);

6) в колонке «Д2» указаны абсолютная длительность гласного второго слога в мсек. с точностью до 1 мсек. (без скобок) и его относительная длительность в процентах по отношению к усредненной длительности каждого сегмента (в круглых скобках);

7) в колонке «И2» приводятся данные по максимальной (пиковой) и средней (суммарной) интенсивности гласного второго слога — в децибелах с точностью до 0,01 дБ; числовые показатели максимальной (пиковой) интенсивности гласного приводятся за пределами скобок, а средней — в круглых скобках;

8) в колонке «ЧОТ2» указаны данные по частоте основного тона гласного второго слога — в герцах с точностью до 1 Гц (см. комментарий ниже);

9) в последней колонке («инф.») указаны инициалы информантов, в произнесении которых были записаны фонетические слова, привлекаемые к анализу (полные данные об информантах приводятся в конце статьи); номер в круглых скобках после инициалов диктора обозначает порядковый номер произнесения при анализе.

Если частота основного тона значительно изменяется на протяжении произнесения гласного звука, то через дефис приводятся несколько числовых показателей (1); если же ЧОТ остается практически неизменной, приводится только средняя ЧОТ (2); в случае одновременного указания на (1) и (2) данные по средней ЧОТ приводятся в круглых скобках, а данные по динамике ЧОТ — за пределами скобок.

В формулах слоговых структур *C* обозначает любой согласный, а *V* — любой гласный звук; «мягкость» в фонологической транскрипции обозначается прямым апострофом с наклоном (’), а в фонетической — символом для обозначения палатализации [̑] в верхнем регистре.

Осциллограммы, спектрограммы, контуры (оггибающие) интенсивности и контуры частоты основного тона (мелодические кривые) для рассматриваемых фонетических слов в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка в форме именительного падежа единственного (редко множественного) числа (NOM.SG / NOM.PL) представлены в *Приложении* в конце статьи. Все осциллограммы, спектрограммы,

⁴ Форманты — это резонансные максимумы передаточной функции речевого тракта. Они формируют фонетические различия между звуками.

контуры интенсивности и частоты основного тона снабжены указанием на порядковый номер слова, диалект, фонетическую и фонологическую транскрипции, произнесшего это слово информанта и номер конкретного произнесения: например, (1Г) Т гыдан. [láta] *lata* [СУГ: 1].

Ударение в производных именах с однородным вокалическим составом, представленным гласными нижнего и среднего подъёмов, в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка

Различия по длительности ударного гласного (УГ) и безударного гласного (БГ) отражаются наиболее последовательно, когда эти звуки являются аллофонами одной и той же фонемы [Бондарко 1977; Кривнова 2004: 3]. Таким образом, анализ акустических характеристик ударения фонетических слов с однородным вокалическим составом — с одинаковыми гласными в первом (1С) и втором (2С) слогах, т. е. гласными, обладающими одинаковой ингерентной длительностью, — представляется наиболее показательным и наименее спорным, т. к. дает возможность опираться на оценку выраженности ударения по временному эталону: длительность любого безударного гласного меньше длительности «виртуального» ударного аллофона той же фонемы.

1. Акцентные характеристики фонетических слов с аллофонами гласной фонемы нижнего подъема (а) в первом и втором слогах в гыданском диалекте

Нам кажется целесообразным начать анализ акцентных характеристик фонетических слов (ФС) с однородным вокалическим составом с имен, в которых как в первом, так и во втором слоге представлен аллофон гласной фонемы нижнего подъема (а). Это связано с тем, что принцип оценки ударения по максимуму (т. е. когда ударный гласный выделен максимальной длительностью и наибольшей интенсивностью на фоне остальных гласных в фонетическом слове) зависит от фонемного качества ударного гласного: «чем ниже подъем гласного и, следовательно, больше его собственная длительность, тем реже принцип максимума нарушается» [Кривнова 2004: 6].

Таким образом, акустические корреляты ударения в ФС с вокалической слоговой структурой $a—a^5$ представляются менее сложными для анализа, чем ФС с гласными верхнего и среднего подъёмов. Кроме того, в тундровом ненецком языке представлено значительное число производных имен с гласными *a* в первом и втором слогах, и их количество превышает количество ФС с одинаковыми гласными верхнего и среднего подъёмов в 1С и 2С.

1.1. В *Таблице 1* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона аллофонов гласной фонемы *a* в первом и втором слогах фонетических слов, где оба слога открытые, т. е. слоговой структуры **CaCa**, представленной подвидными: [CaCa] / [CaCɛ]⁶, [CaCia] / [CaCɪz] = [CaCɪɛ]⁷, [CiaCa] / [CiaCa] / [CiaCɛ]⁸, [CiaCia] / [CiaCia] / [CiaCɪz] = [CiaCɪɛ], — где 1) оба согласных твердые (слова 1Г, 2Г), 2) первый согласный твердый, а второй мягкий⁹ (3Г), 3) первый согласный мягкий, а второй твердый (4Г, 5Г), 4) оба согласных мягкие (6Г). Осциллограммы, спектрограммы, контуры интенсивности и частоты основного тона (всего 23) произнесений этих фонетических слов см. в *Приложении*, (1Г)—(6Г). Как примеры слов данных слоговых структур ниже приводятся следующие имена.

[CaCa] / [CaCɛ]:

(1Г) *лата* I ‘доска; пол (в чуме)’, *лата* II ‘широкий, свободный, обширный; плоский’ [Терещенко 1965, 2008: 178], *lata* (N $a \rightarrow \emptyset$)¹⁰, LAQTA [Salminen 1998: 208], O, Sj., MB *lātt̃p̃*, OP *lātt̃æ*, T₁, U, M *lātt̃æ*

⁵ Через длинное тире обозначается слоговая структура слова: буквенные символы перед тире обозначают гласные первого слога, а буквенные символы после тире — гласные второго слога.

⁶ Символом *ɛ* здесь и далее обозначен ненапряженный, редуцированный [a].

⁷ Символом *ɪ* (или *ɨ*) здесь и далее обозначен ненапряженный, редуцированный [a], продвинутый вверх и вперед (средне-нижнего подъема, “open-mid”).

⁸ Точкой над гласным обозначено некоторое продвижение языка вперед при произнесении гласного после палатализованного или палатального («мягкого») согласного.

⁹ Под «мягкими» здесь и далее понимаются как палатализованные, так и палатальные согласные.

¹⁰ В круглых скобках приводится указание на морфонологическое чередование в форме аккузатива множественного числа (ACC.PL) по [Salminen 1998].

‘breit; Brett; Fussboden, Diele’ <‘широкий; доска; пол’> [Lehtisalo 1956: 223a]; ср. Л *ла’ма* ‘пол (в доме, чуме); деревянный настил нарты’ [Бармич, Вэлло 2002: 59, 241] (но: *ла’тку* ‘доска’ [Бармич, Вэлло 2002: 57]), *ла’ма* ‘широкий, просторный, обширный’ [Бармич, Вэлло 2002: 56, 284], *’lata*¹¹ ‘ширина’ [Попова 1978: 43], Lj., Nj. *rā’ttṛḍ* ‘Brett; Fussboden, Diele’ <‘доска; пол’> [Lehtisalo 1956: 223a];

(2Г) хада ‘бабушка; прабабушка; свекровь; невестка (жена старшего брата мужа); все женщины из рода отца и рода матери, старше их; бабушка (обращение к любой старой женщине)’ [Терещенко 1965, 2008: 714], *xada* (N *a*→*∅*), ХАТА¹ [Salminen 1998: 177], О, Окс. *χḗδṛ*, Sj. *χḗDṛ*, К, U, U-Ts. *χḗδḗ* ‘Grossmutter (z. B. Mutter der Mutter, Mutter des Vaters, ältere Schwester der Mutter u. a.)’ <‘бабушка (например, мать матери, мать отца, старшая сестра матери и т. д.)’> [Lehtisalo 1956: 175b]; ср. Л *kāma* ‘бабушка, прабабушка; свекровь; обращение к любой старой женщине; тетя (старшая сестра матери или отца)’ [Бармич, Вэлло 2002: 45], *’kāta* ‘бабушка’ [Попова 1978: 33], Lj. *kāttṛḍ* ‘Grossmutter, Mutter der Mutter, ältere Schwester der Mutter, Frau des älteren Bruders der Mutter, Mutter des Vaters, Frau des älteren Bruders des Vaters, ältere Schwester des Vaters, ältere Schwester des Mannes, Frau des älteren Bruders des Mannes, Mutter (vom Erwachsenen so genannt)’ <‘бабушка, мать матери, старшая сестра матери, жена старшего брата матери, мать отца, жена старшего брата отца, старшая сестра отца, старшая сестра мужа, жена старшего брата мужа, мать’> [Lehtisalo 1956: 175a—176b] < ПС **kātā* [Janhunen 1977: 62].

[CaCja] / [CaCjз]=[CaCjē]:

(3Г) халя ‘рыба’, ‘рыбный’ [Терещенко 1965, 2008: 729], *xalya* (N *ya*→*e*), ХАЛЯ [Salminen 1998: 232], О, Т₂, Т₇, Sj., Окс., U-Ts. *χḗll’le*, К *χḗll’le*, ОР *χḗll’l’ḗ*, N *χḗll’l’ḗ*¹² ‘Fisch’ <‘рыба’> [Lehtisalo 1956: 165b]; ср. Л *кḗля* ‘рыба; рыбный’ [Бармич, Вэлло 2002: 41], *’kāl’a* ‘рыба; рыбный’ [Попова 1978: 28], Lj., S, Ni., P₂ *kāl’l’ḗṛ*, Nj. *kār’r’ḗṛ* ‘Fisch’ <‘рыба’> [Lehtisalo 1956: 165b] < ПС **kālā* [Janhunen 1977: 59].

[CjaCa] / [CjāCa] / [CjāCē]:

(4Г) няба ‘мачеха; золовка, жена старшего брата (по отношению к младшим сестрам и братьям мужа); тетка, жена младшего брата отца; жена двоюродного брата (старше говорящего)’ [Терещенко 1965: 335—336], *nyaba* (N *a*→*∅*¹²), NYAPA [Salminen 1998: 172], О, Sj., К, U, U-Ts., МВ *n’āB’ṛ*, Т₁, N *n’ābṛ* ‘Stiefmutter, zweite Frau des Vaters, Frau des älteren Bruders’ <‘мачеха, вторая жена отца, жена старшего брата’> [Lehtisalo 1956: 309b]; ср. Л *ана* ‘старшая сестра; тетя (младшая сестра отца)’ [Бармич, Вэлло 2002: 10, 261, 271], *’nara* ‘жена старшего брата’ [Попова 1978: 62], Lj. *n’āṛṛṛḗ*, P *n’āṛṛṛ* ‘Stiefmutter, zweite Frau des Vaters, Frau des älteren Bruders; Frau des jüngeren Bruders der Mutter, Frau des Sohnes des älteren Bruders der Mutter’ <‘мачеха, вторая жена отца, жена старшего брата; жена младшего брата матери, жена сына старшего брата матери’> [Lehtisalo 1956: 309b] < ПС **āpā* [Janhunen 1977: 21];

(5Г) няда ‘ягель (лишайник, служащий кормом для оленей)’ [Терещенко 1965, 2008: 337], *nyada* (N *a*→*∅*), NYATA [Salminen 1998: 177], О *n’āḍṛ*, ОР *n’āḍṛ* ‘Renntierflechte’ <‘ягель’> [Lehtisalo 1956: 310b]; ср. Л *нята* ‘ягель (лишайник, служащий кормом для оленей); мох’ [Бармич, Вэлло 2002: 90], *’nata* ‘ягель (лишайник, служащий кормом для оленей)’ [Попова 1978: 62], Lj., Nj. *n’āttṛḍ*, P *n’āttṛ* ‘Renntierflechte’ <‘ягель’> [Lehtisalo 1956: 310b] < ПС **nācā* [Janhunen 1977: 105].

[CjaCja] / [CjāCjā] / [CjāCjз]=[CāCjē]:

(6Г) яля ‘день; свет, освещение’ [Терещенко 1965, 2008: 838], *yalya* (N *ya*→*e*), ЎАЛЯ [Salminen 1998: 232], О *jāl’l’ē*, ОР, Т₁, Sj., U, Окс., МВ, N *jāl’l’ē*, Sjo. *jāl’l’ḗṛ* ‘Licht; Sonne; Tag’ <‘свет; солнце; день’> [Lehtisalo 1956: 91b]; ср. Л *дḗля* ‘день; свет, освещение; солнце’, ‘светлый, яркий; ясный’ [Бармич, Вэлло 2002: 35], *’ḥal’a* ‘солнце; свет, день’ [Попова 1978: 11—12], Lj., S *jāl’l’ḗṛ*, P *jāl’l’ḗṛ*, Kis₂ *jāl’l’ḗṛ*, Ni. *jēl’l’ḗṛ*, Nj. *jār’r’ḗṛ* ‘Licht; Sonne; Tag’ <‘свет; солнце; день’> [Lehtisalo 1956: 91b—92a] < ПС **jālā* [Janhunen 1977: 40].

Отдельно следует оговорить, что здесь мы не рассматриваем слово *нява* ‘заяц’ [Терещенко 1965: 336] (*nyawa* (N *a*→*∅*), NYAWA [Salminen 1998: 226, 492], О, Sj., К, U-Ts., М *n’āḅḅṛ* ‘Hase’ <‘заяц’> [Lehtisalo 1956: 300b]) < ПС **nāmā* [Janhunen 1977: 105—106], которое было приведено нами в статье [Амелина 2016а: 17—18] для ямальского диалекта (6Я), т. к. в гыданском диалекте оно не употребляется: в его значении — ‘заяц’ — в Т гыдан. используется только слово *təwas’i* букв. ‘бесхвостый’ (ср. *təwāsi* ‘бесхвостый, куцый’, (вост.) ‘заяц’ [Терещенко 1965, 2008: 685] < *təwā* ‘хвост (животного)’ [Терещенко 1965, 2008: 684]; ср. *təwasyi* [Salminen 1998: 274, 518] < *təwa* [Salminen 1998: 226]).

¹¹ В издании [Попова 1978] ударение обозначается символом ‘ перед ударным слогом.

¹² Символ *∅* с подчеркиванием в издании [Salminen 1998] обозначает, что, скорее всего, мы имеем дело с *∅* (э), но, возможно, также с *a* [Salminen 1998: 18].

Таблица 1

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
слова с <i>a</i> в 1С и 2С (<i>a—a</i>)								
<i>CaCa</i> [CaCa] ([CaCε])								
1Г	<i>lata</i> [láta] ¹³ ‘доска, пол’ (433 мсек.)	81 (75%)	83,29 (81,69)	240-218 (230)	133 (123%)	85,87 (83,19)	279	СУГ (1)
	<i>lata</i> [láta] ‘доска, пол’ (457 мсек.)	102 (89%)	84,67 (82,74)	216-190 (206)	104 (91%)	87,88 (82,07)	265-245- 264-255 (254)	СУГ (2)
	<i>lata</i> [láte] ‘широкий’ (630 мсек.) ¹⁴	100 (63%)	84,88 (83,71)	206-223 (217)	93 [с глухим призв. — 215] (59%)	85,21 (81,97)	177-159- [без голоса]	СУГ (3)
	<i>lata</i> [láte] ‘широкий’ (695 мсек.) ¹⁵	109 (63%)	85,17 (83,95)	209-220-214 (215)	82 [с глухим призв. — 206] (47%)	81,65 (79,58)	162	СУГ (4)
2Г	<i>xada</i> [xáde] (575 мсек.)	181 (126%)	83,99 (82,71)	200	157 (109%)	83,05 (80,38)	220-232-197 (222)	СУГ (1)
	<i>xada</i> [xáde] (370 мсек.)	103 (111%)	83,98 (82,36)	198	65 (70%)	79,99 (78,09)	193-167 (174)	СУГ (2)
	<i>xada</i> [xáde] (477 мсек.)	99 (83%)	83,69 (83,08)	206-232 (221)	117 (98%)	82,67 (77,54)	232-201-173 (191)	СУГ (3)
	<i>xada</i> [xáde] (477 мсек.)	149 (125%)	85,07 (83,27)	160-197-185	119 (100%)	86,11 (82,75)	164-115	ЯГВ (1)
	<i>xada</i> [xáde] (487 мсек.)	164 (135%)	87,03 (83,17)	152-179-169 (170)	152 (125%)	83,87 (80,72)	154-132-118	ЯГВ (2)
	<i>xada</i> [xáde] (413 мсек.)	144 (139%)	82,61 (81,40)	200	95 (92%)	78,46 (76,46)	172	ВЗТ (1)
<i>CaC'a</i> [CaC'a] ([CaC'ε]=[CaC'ε])								
3Г	<i>xal'a</i> [xál'ε] ([xál'ε]) (475 мсек.)	115 (97%)	85,58 (82,43)	229-225-232 (228)	137 (115%)	83,23 (80,61)	194-146	ВЗТ (1)
	<i>xal'a</i> [xál'ε] ([xál'ε]) (515 мсек.)	123 (96%)	86,41 (82,05)	220-245	179 (139%)	83,11 (80,63)	205-139	ВЗТ (2)

¹³ Подстрочной дужкой здесь и далее обозначена апиальная («кончиковая») артикуляция смычного согласного.¹⁴ Указана длительность фонетического слова без глухого призвукa в абсолютном конце. Длительность фонетического слова с глухим призвукoм в конце составляет 757 мсек. Относительная длительность сегментов рассчитывается с учетом общей длительности фонетического слова как 630 мсек.¹⁵ Указана длительность фонетического слова без глухого призвукa в абсолютном конце. Длительность фонетического слова с глухим призвукoм в конце составляет 815 мсек. Относительная длительность сегментов рассчитывается с учетом общей длительности фонетического слова как 695 мсек.

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
	<i>xal'a</i> [xálʲɜ́] ([xálʲɛ̃]) (493 мсек.)	136 (110%)	86,38 (82,27)	227-261	150 (122%)	83,50 (81,11)	205-149	ВЗТ (3)
	<i>xal'a</i> [xálʲɜ́] ([xálʲɛ̃]) (422 мсек.)	117 (111%)	84,40 (83,09)	168-199	105 (100%)	83,72 (82,16)	164-132-109- [без голоса]	ЯГВ (1)
	<i>xal'a</i> [xálʲɜ́] ([xálʲɛ̃]) (433 мсек.)	128 (118%)	86,61 (82,65)	189-205-184 (198)	91 (84%)	83,83 (82,92)	157-115	ЯГВ (2)
C'aCa [C'aCa] ([C'aCa], [C'aCɛ̃])								
4Г	<i>n'aba</i> [n'ábɛ̃] (447 мсек.)	132 (118%)	79,76 (79,44)	187-201-190 (195)	83 (74%)	76,62 (73,49)	168-151 (158)	СУГ (1)
	<i>n'aba</i> [n'ábɛ̃] (430 мсек.)	140 (130%)	81,34 (80,31)	185-206-190 (197)	126 (117%)	79,29 (75,27)	185-154 (166)	СУГ (2)
	<i>n'aba</i> [n'ába] (547 мсек.)	142 (104%)	83,02 (81,59)	192-242	224 (164%)	80,38 (79,62)	228-154	СУГ (3)
	<i>n'aba</i> [n'ába] (473 мсек.)	116 (98%)	82,80 (81,96)	195-230	186 (157%)	81,49 (79,77)	209-155	СУГ (4)
5Г	<i>n'ada</i> [n'áɖɛ̃] (440 мсек.)	131 (119%)	85,16 (84,48)	188	147 (134%)	82,84 (81,55)	189	ЛАЛ (1)
	<i>n'ada</i> [n'áɖɛ̃] (415 мсек.)	114 (110%)	81,95 (81,36)	174	155 (149%)	82,44 (81,55)	183-189-156 (179)	ЛАЛ (2)
C'aC'a [C'aC'a] ([C'aC'a], [C'aC'ɜ́]=[C'aC'ɛ̃])								
6Г	<i>jal'a</i> [jálʲá] (640 мсек.)	189 (118%)	84,30 (81,75)	198	212 (133%)	83,71 (82,38)	188-193- 173-151 (184)	ЛАЛ (1)
	<i>jal'a</i> [jálʲá] (540 мсек.)	205 (152%)	83,77 (82,77)	207-188 (196)	162 (120%)	83,43 (81,95)	191	ЛАЛ (2)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам аллофонов гласной фонемы *a* в первом и втором слогах, можно отметить следующее.

Во многих из рассмотренных выше произнесений длительность гласного первого слога превышает длительность гласного второго слога: на 12—30 мсек. (на 10—25%) в произнесениях слов *lata* (произн. 4), *xada* (произн. 1) и *n'aba* (произн. 2) диктором СУГ и слов *xada* (произн. 1 и 2) и *xal'a* (произн. 1) диктором ЯГВ, а также примерно на 40—50 мсек. (на 32—47%) в произнесениях слов *xada* (диктор СУГ, произн. 2; диктор ВЗТ), *xal'a* (диктор ЯГВ, произн. 2), *n'aba* (диктор СУГ, произн. 1) и *jal'a* (диктор ЛАЛ, произн. 2).

Однако длительность аллофона гласной фонемы *a* в первом слоге может и не превышать длительность гласного второго слога, что обусловлено открытостью второго слога перед паузой, позволяющей произнести гласный в абсолютном конце фонетического слова более длительно, т. к. его не ограничивает никакой согласный звук. В таких случаях гласные первого и второго слогов оказываются сопоставимы

по длительности, т. е. темпоральные различия не превышают дифференциального порога¹⁶: например, в произнесении слова *lata* (произн. 2) диктором СУГ.

При более протяжном произнесении открытого второго слога в абсолютном конце фонетического слова перед паузой длительность гласного второго слога может даже превышать длительность первого гласного: как незначительно, на 14—23 мсек. (на 15—22%), в произнесениях слов *xal'a* диктором ВЗТ (произн. 1 и 3), *xada* диктором СУГ (произн. 3), *n'ada* (произн. 1) и *jal'a* (произн. 1) диктором ЛАЛ, так и более значительно — примерно на 40—55 мсек., т. е. на 39—48% (*lata*, диктор СУГ, произн. 1; *xal'a*, диктор ВЗТ, произн. 2; *n'ada*, диктор ЛАЛ, произн. 2), и даже на 70—80 мсек. (примерно на 60%) в двух произнесениях слова *n'aba* информантом СУГ (произн. 3 и 4).

Числовые показатели максимальной (пиковой) и средней интенсивности аллофона гласной фонемы *a* в первом слоге в большинстве рассмотренных случаев превосходят соответствующие показатели гласного второго слога. Так, максимальная интенсивность *a* первого слога превышает пиковую интенсивность второго гласного на 0,7—4 дБ в 15-ти произнесениях: *lata*, диктор СУГ, произн. 4; *xada*, диктор СУГ, произн. 1—3; *xada*, диктор ЯГВ, произн. 2; *xada*, диктор ВЗТ; *xal'a*, диктор ВЗТ, произн. 1—3; *xal'a*, диктор ЯГВ, произн. 1 и 2; *n'aba*, диктор СУГ, произн. 1—4; *n'ada*, диктор ЛАЛ, произн. 1. В этих случаях средняя интенсивность аллофона гласной фонемы *a* в первом слоге превосходит среднюю интенсивность второго гласного на 1—6 дБ.

Однако редко встречаются также случаи, когда максимальная интенсивность гласного второго слога сопоставима с пиковой интенсивностью *a* первого слога (*jal'a*, диктор ЛАЛ, произн. 1 и 2) или даже превышает ее на 0,3—3,2 дБ, но не более (особенно это заметно, когда второй гласный следует за глухим смычным взрывным *t*): *lata* в произнесении диктора СУГ (произн. 1—3), *xada* в произнесении ЯГВ (произн. 1) и *n'ada* в произнесении ЛАЛ (произн. 2). Средняя интенсивность гласного второго слога в таких случаях может быть количественно сопоставима со средней интенсивностью аллофона гласной фонемы *a* в первом слоге (*n'ada*, диктор ЛАЛ, произн. 2), меньше его средней интенсивности на 0,5—1,8 дБ (*lata*, диктор СУГ, произн. 2 и 3; *xada*, диктор ЯГВ, произн. 1; *jal'a*, диктор ЛАЛ, произн. 2) или больше ее примерно на 0,6—1,5 дБ (*lata*, диктор СУГ, произн. 1; *jal'a*, диктор ЛАЛ, произн. 1).

При этом разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного в произнесениях информанта СУГ составляет 0,3—2 дБ, а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — 0,4—5,8 дБ, что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается быстрее и значительнее, чем на протяжении произнесения первого гласного. В произнесениях дикторов ЯГВ, ВЗТ и ЛАЛ наблюдается несколько иная картина: разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного в их произнесениях составляет примерно 0,6—4 дБ, а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — примерно 0,9—3,3 дБ, что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается не быстрее, чем на протяжении произнесения первого гласного. См. контуры интенсивности произнесений данных фонетических слов в *Приложении*.

Из тональных особенностей следует отметить повышение частоты основного тона (на 10—25 Гц и даже на 30—50 Гц) на аллофоне гласной фонемы *a* в первом слоге, наблюдаемое в большинстве рассмотренных выше произнесений фонетических слов дикторами СУГ, ЯГВ и ВЗТ: *lata* (диктор СУГ, произн. 3 и 4), *xada* (диктор СУГ, произн. 3; диктор ЯГВ, произн. 1 и 2), *xal'a* (диктор ВЗТ, произн. 2 и 3; диктор ЯГВ, произн. 1 и 2) и *n'aba* (диктор СУГ, произн. 1—4). При этом частота основного тона понижается к концу произнесения этих фонетических слов (по сравнению с ЧОТ в начале их произнесения) на 50—90 Гц в идиолектах дикторов СУГ и ЯГВ и даже на 100—110 Гц в идиолекте информанта ВЗТ. В тех произнесениях, где тон не повышается на аллофоне гласной фонемы *a* в первом слоге, понижение частоты основного тона к концу фонетических слов составляет 30—80 Гц в идиолектах дикторов СУГ и ВЗТ и не превышает 50 Гц в идиолекте информанта ЛАЛ. См. контуры частоты основного тона произнесений данных фонетических слов в *Приложении*.

Из особенностей, свойственных конкретным информантам, можно отметить, что наиболее резкое и заметное падение частоты основного тона к концу произнесения фонетических слов характерно для диктора ВЗТ, а наименьшее — для диктора ЛАЛ. При этом диктор ЛАЛ не выделяет гласный первого слога тонально, в отличие от информантов СУГ, ЯГВ и ВЗТ. Отметим также меньшую частоту основного тона как в начале, так и в конце произнесения фонетических слов в речи диктора ЯГВ (по сравнению с информантами СУГ, ВЗТ и ЛАЛ); диктор ЯГВ имеет более низкий голос, чем другие опрошенные нами носители.

Для рассмотренных выше слов структуры *CaCa* характерно ударение на первом слоге. Акустически коррелятами словесного акцента являются бóльшая длительность (темпоральная выделенность) и

¹⁶ Подробнее о дифференциальном пороге см. [Lehiste 1970; Кривнова 2004: 4].

большая интенсивность (как пиковая, так и средняя) ударного гласного по сравнению с безударным. Для речи конкретных носителей (дикторов СУГ, ЯГВ и ВЗТ) характерно также тональное выделение ударного гласного первого слога (повышение частоты основного тона на нем), которое можно считать дополнительным акустическим коррелятом ударения.

При этом из особенностей произношения конкретных дикторов можно отметить некоторую «экономия» в использовании просодических средств при выделении ударного гласного первого слога, характерную для информанта ЛАЛ: в идиолекте ЛАЛ ударный гласный первого слога выделяется менее значительно экспираторно, чем в речи других носителей, и совсем не выделяется тонально (в отличие от идиолектов дикторов СУГ, ЯГВ и ВЗТ).

О том, что ударение в словах (1Г)—(6Г) падает на первый слог, а не на второй, свидетельствуют также формы аккузатива единственного числа (о том, что ударение не перетягивается на слог вправо в форме ACC.SG, подробно см. [Амелина 2016а: 10—13; Амелина 2016б: 9—10]): (1Г) [látɛm(?)] (*lata-m*)¹⁷ ‘доска’-ACC.SG; (2Г) [xádɛm(?)] (*xada-m*) ACC.SG; (3Г) [xálʔɛm(?)] / [xálʔɛm(?)] (*xalya-m*) ACC.SG; (4Г) [nʔábɛm(?)] (*nyaba-m*) ACC.SG; (5Г) [nʔádɛm(?)] (*nyada-m*) ACC.SG; (6Г) [jálʔɛm(?)] / [jálʔɛm(?)] (*yalya-m*) ACC.SG [СУГ, ЯГВ, ВЗТ, ЛАЛ].

В гыданском диалекте, помимо подробно рассмотренных нами выше, встречаются также другие производные имена слоговой структуры *CáCa*, в которых также ударение падает на первый слог, например: *pápa* [pápe], *nana* ‘младший брат или младшая сестра, племянник или племянница (сын или дочь старшего брата); все младшие родственники по отцовской линии (по отношению к говорящему)’ [Терещенко 1965, 2008: 445], *papa* (N *a→ø*), PAQPA [Salminen 1998: 200], O, T₁, U, Oks., U-Ts. *pāppp* ‘jüngerer Bruder, Sohn des älteren Bruders’ ‘младший брат, сын старшего брата’ [Lehtisalo 1956: 348a]; (ср. Л *pāpa* [pʔāppʔp] ‘младший брат или младшая сестра; племянник; все младшие родственники со стороны отца по отношению к говорящему’ [Попова 1978: 94]¹⁸);

sáda [sáde], *cada* ‘лужа’ [Терещенко 1965, 2008: 521], *sada* (N *a→ø*), SATA [Salminen 1998: 177], O, T₄, T₅, Sj. *šādp*, OP, M *šāda* ‘Pfützte’ ‘лужа’ [Lehtisalo 1956: 407b]; ср. Л *xāta* [xʔāʔtʔ] ‘лужа’ [Попова 1978: 138], S *χāttṗā* ‘nasses, nicht schwappendes Moor’ ‘болото, трясина’, P *χāttæ* ‘1) Sumpfmoss (wird getrocknet und zerkleinert in die Wiege gelegt), 2) kleiner moosbewachsener Tümpel, Grube im Morast (kann wasserlos sein)’ ‘1) болотный мох (сушится, измельчается и кладется в колыбель), 2) небольшие лужи, влажные ямы, поросшие мхом’ [Lehtisalo 1956: 407b];

wáda [wáde], *wada* ‘слово (звуковое выражение понятия о предмете); слово (разговор, высказывание); слово, выступление, речь; слово (в противоположность делу); слово, мнение’, ‘язык, речь’ [Терещенко 1965, 2008: 30—31], *wada* (N *a→yi*), WATA¹ [Salminen 1998: 177], O, T₇, Sj., Oks., N *βādp*, OP *βādp* ‘Wort, Sprache’ ‘слово, язык (речь)’ [Lehtisalo 1956: 57a]; ср. Л *wāta* ‘слово; язык, речь; ответ’ [Бармич, Вэлло 2002: 13], *βā tā* [βāʔtā] ‘слово’ [Попова 1978: 145], Lj., S, Nj. *βāttṗā*, P *βāttṗ* ‘Wort, Sprache’ ‘слово, язык (речь)’ [Lehtisalo 1956: 57a] < ПС **wāâcā* / **wāâtā* (? **wāâtā*) ‘Wort’ ‘слово’ [Janhunen 1977: 171] < дер. ПС **wāâ-* ‘sprechen, versprechen’ ‘говорить, обещать’ [Janhunen 1977: 170].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов обобщены нами в Таблице 2, где Д1, И1, ЧОТ1 — длительность, интенсивность и частота основного тона гласного первого слога соответственно, а Д2, И2, ЧОТ2 — длительность, интенсивность и частота основного тона гласного второго слога соответственно.

Таблица 2

<i>CáCa</i>		
[CáCa] / [CáCɛ], [CáCja] / [CáCɜ] = [CáCʔɛ], [CíáCa] / [CíáCa] / [CíáCɛ], [CíáCja] / [CíáCɜ] / [CíáCɜ] = [CíáCʔɛ]		
[á], [á] первого слога		[a], [ɛ], [ɜ]=[ʔɛ] второго слога
Д1	>	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

Наш вывод о большей длительности и большей интенсивности ударного гласного первого слога в рассмотренных выше словах структуры *CáCa* в гыданском диалекте подтверждается также данными,

¹⁷ В круглых скобках приводится запись в нотации Т. Салминена (по [Salminen 1998]).

¹⁸ Это слово зафиксировано для Л ненец. только в словаре Я. Н. Поповой [Попова 1977], но отсутствует в [Бармич, Вэлло 2002] и [Lehtisalo 1956].

зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для говоров тазовского диалекта (Т), наиболее близкого к гыданскому: (1Г) Т₁ *lāitæ* [Lehtisalo 1956: 223a]; (3Г) Т₂, Т₇ *χāl'l'e* [Lehtisalo 1956: 165b]; (4Г) Т₁ *n'āb̄p̄* [Lehtisalo 1956: 309b]; (6Г) Т₁ *jāl'l'e* [Lehtisalo 1956: 91b]¹⁹; ср. также Т₁ *pāpp̄p̄* [Lehtisalo 1956: 348a]; Т₄, Т₅ *šād̄p̄* [Lehtisalo 1956: 407b]; Т₇ *βād̄p̄* [Lehtisalo 1956: 57a].

Таким образом, в словаре [Lehtisalo 1956] *á* первого слога в этих словах в говорах тазовского диалекта обозначается символами с диакритикой долготы над ними: *ā* (между твердыми согласными, C_C), *ā̄* (после твердого согласного перед мягким, C_C'), *ā̄̄* (после мягкого согласного перед твердым, C'_C) и *ā̄̄̄* (между мягкими согласными, C'_C'), — т. е. с указанием на долготу (длительность) этого гласного по сравнению с гласным второго слога. Гласный второго слога передается в этих словах в словаре [Lehtisalo 1956] как *p̄* или *æ* (после *tt̄* в говоре Т₁) после твердых согласных и как *e* (Т₁, Т₂, Т₇) после мягких, что дает нам право говорить о меньшей интенсивности и, следовательно, редукции гласного второго слога по сравнению с *á* первого слога не только в современном гыданском диалекте, но и в близком к нему тазовском диалекте времен записи Т. Лехтисало (а также о переходе [C'a#] > [C'z#] > [C'e#] в безударной позиции).

(Ср. анализ слов данной слоговой структуры в ямальском диалекте в [Амелина 2016а: 16—22].)

1.2. В Таблице 3 приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона аллофонов гласной фонемы *a* в первом и втором слогах фонетических слов слоговой структуры **CaCCa**, представленной подвидом [CaCCa] / [CaCCe], а также **CaC°Ca**, представленной подвидом [CaC°Ca] / [CaC°Ce]. Осциллограммы, спектрограммы, контуры интенсивности и частоты основного тона (всего 11) этих фонетических слов см. в Приложении, (7Г)—(10Г). Как примеры слов данной слоговой структуры ниже приводятся следующие имена.

[CaCCa] / [CaCCe], **CaCCa**:

(7Г) **тарка** 'отросток; ответвление, разветвление; развилка' [Терещенко 1965, 2008: 634], *tarka* (N *a*→*yi* ~ →*o*), TARXA [Salminen 1998: 183, 517], O, Sj. *tārkk̄p̄*, OP *tārkk̄p̄*, M *tārkk̄æ* 'Gabelung (z. B. am Baum, des Weges), Gabelholz (z. B. an den Hals des Renntiers gehängt), Gabel (der Russen beim Essen)' ('ответвление (ветка дерева, развилка дороги), деревянное разветвление (которое вешается на шею оленю), вилка') [Lehtisalo 1956: 471b]; ср. Л *та́рка* 'отросток, ветвь, ответвление' [Бармич, Вэлло 2002: 122], '*talka* [tä'ɪk̄p̄]²⁰ 'отросток' [Попова 1978: 125], Lj. *tārčkk̄p̄*, Nj. *tarčkk̄p̄* 'Holzgabel, die dem Fahrrenntier an den Hals gehängt wird (wenn es wild ist oder damit es nicht durchgeht)' ('деревянная вилка (деревянное разветвление), которая(-ое) вешается на шею оленю') [Lehtisalo 1956: 471b] < ПСС **tårkå* ~ **cårkå* [Janhunen 1977: 152];

(8Г) **хамба** 'волна' [Терещенко 1965, 2008: 730], *xampa* (N *a*→*o*), XAMPA [Salminen 1998: 200, 530], O, Sj. *χāmp̄p̄*, Oks. *χāmb̄p̄* 'Welle, Woge' ('волна'), N *χāmb̄æ*²¹ 'die Wellen' ('волны') [Lehtisalo 1956: 169]; ср. Л *кампа* 'волна' [Бармич, Вэлло 2002: 42], '*kām.pa* 'волна' (с отмеченным просодическим выделением второго слога) [Попова 1978: 30] < ПСС **kāmp̄a* [Janhunen 1977: 59];

(9Г) **ярка** 'большой, крупный, рослый; взрослый, старший; важный, значительный, великий' [Терещенко 1965, 2008: 385—386], *ngarka*²¹ (N *a*→*i*, ~ →*o*), NGARXA [Salminen 1998: 183], O, Т₁, Sj. *ñārkk̄p̄*, OP *ñārkk̄p̄*, U, Oks., Sjo., N *ārkk̄p̄* 'gross' ('большой') (< O, OP, Т₁, Т₉, Sj. *ñār* 'Grösse' ('размер')) [Lehtisalo 1956: 16b]; ср. Л *я́рка* 'большой, крупный; рослый; взрослый; старший; могучий' [Бармич, Вэлло 2002: 92], '*ñalka* 'большой' [Попова 1978: 71], S, Nj., Ni. *ñarčkk̄p̄*²¹ 'gross' ('большой') [Lehtisalo 1956: 16b] < ПС **årkå* (der. korr.) < ПС **år̄* [Janhunen 1977: 19].

[CaC°Ca] / [CaC°Ce], **CaC°Ca**:

(10Г) **найха** '(зоол.) сырок; пелядь' [Терещенко 1965, 2008: 435], *pay°xa* (N *a*→*i*), PAÿØXA [Salminen 1998: 227, 501], O *pā̄l̄x̄ā* 'ein Lachsfisch, russ. (рус.) сырок (Coregonus vimba)', Sj. *pā̄l̄x̄ā*, K *pā̄l̄x̄p̄*, U, U-Ts. *pā̄l̄x̄æ* 'пелядь (Coregonus peled)' [Lehtisalo 1956: 344b—345a]; ср. Л *па́дья* 'сырок (рыба)' [Бармич, Вэлло 2002: 103], Lj. *pād'd'ex̄p̄*, S *pā̄j̄j̄x̄p̄*, P *pād'd'ex̄p̄* 'ein Lachsfisch, russ. (рус.) сырок (Coregonus vimba)' [Lehtisalo 1956: 345a].

Здесь следует оговорить, что, по мнению Т. Салминена, слово (10Г) является фонологически трехсложным, а не двусложным и имеет слоговую структуру **CaC°Ca** с особой фонемой ° во втором слоге: *pay°xa* (N *a*→*i*), PAÿØXA [Salminen 1998: 227, 501]. Что касается наших полевых материалов по гыдан-

¹⁹ Слова (2Г) и (5Г) не представлены в записи Т. Лехтисало для говоров тазовского диалекта.

²⁰ В издании [Попова 1978] символом *p̄* обозначен ненапряженный, редуцированный [a].

²¹ В записи Т. Салминена согласная фонема *ñ* обозначается как диграф *ng*.

скому диалекту Т ненец., то ни на спектрограммах, ни на слух нами не было обнаружено гласного звука или призвука в консонантном сочетании [jx] в слове (10Г) [rajxə] / [rajʏə], поэтому далее мы рассматриваем это имя как фонетически двусложное, т. е. в одном ряду с другими фонетическими словами слоговой структуры [CaCCa] / [CaCCə].

Таблица 3

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
слова с <i>a</i> в 1С и 2С (<i>a—a</i>) CaCCa [CaCCa] ([CaCCə])								
7Г	<i>tarka</i> [tárka] (470 мсек.)	108 (115%)	82,98 (82,65)	207	136 (145%)	83,54 (81,62)	211-153	ЛАЛ (1)
	<i>tarka</i> [tárkə] (440 мсек.)	122 (139%)	83,50 (82,64)	199	96 (109%)	83,44 (81,59)	200-177-154 (181)	ЛАЛ (2)
8Г	<i>xampa</i> [xámpə] (557 мсек.)	63 (57%)	85,32 (84,18)	234	92 (83%)	78,69 (75,09)	192-149	СУГ (1)
	<i>xampa</i> [xámpə] (390 мсек.)	73 (94%)	84,45 (81,91)	230-250	74 (95%)	76,26 (73,72)	187-149	СУГ (2)
	<i>xampa</i> [xámbə] (577 мсек.)	112 (97%)	85,05 (84,02)	160-188	121 (105%)	83,60 (82,64)	133-110-89	ЯГВ (1)
	<i>xampa</i> [xámbə] (557 мсек.)	116 (104%)	85,72 (84,92)	168-186-178 (180)	165 (148%)	84,40 (81,29)	145-101	ЯГВ (2)
9Г	<i>ɲarka</i> [ɲárkʰə] ²² (583 мсек.)	83 (71%)	84,23 (82,97)	215-232	80 [с глухим призв. — 226] (69%)	81,67 (79,91)	205-155	СУГ (1)
	<i>ɲarka</i> [ɲárka] ²³ (710 мсек.)	120 (85%)	83,88 (83,25)	213-231	97 [с глухим призв. — 198] (68%)	81,52 (80,10)	204-158	СУГ (2)
	<i>ɲarka</i> [ɲárkʰə] (555 мсек.)	91 (82%)	84,28 (81,50)	195-211	90 (81%)	77,00 (74,96)	191-161	СУГ (3)
[CaCʰCa] ([CaCʰCə]) // CaC°Ca (CaC°°Ca), по [Salminen 1998: 227, 501]								
10Г	<i>raj°xa</i> [rájxə] ²⁴ (403 мсек.)	103 (128%)	85,36 (82,53)	220	115 (143%)	80,01 (77,17)	173-179-155 (168)	ВЗТ (1)
	<i>raj°xa</i> [rájʏə] (450 мсек.)	119 (132%)	85,84 (83,05)	214	122 (136%)	81,06 (79,43)	170-152-140 (159)	ВЗТ (2)

²² В таблице указана длительность произнесения фонетического слова без учета глухого призвука в абсолютном конце. Длительность ФС с учетом глухого призвука в абсолютном конце составляет примерно 730 мсек.

²³ В таблице указана длительность произнесения фонетического слова без учета глухого призвука в абсолютном конце. Длительность ФС с учетом глухого призвука в абсолютном конце составляет примерно 813 мсек.

²⁴ Относительная длительность гласных в двух рассмотренных произнесениях фонетического слова (10Г) вычитывается с учетом пяти фонетических сегментов, а не шести фонем.

Длительность *a* первого слога превышает длительность второго гласного всего в двух из рассмотренных выше случаев: на 26 и 23 мсек. (на 30% и 17%) в произнесениях слова *tarka* диктором ЛАЛ (произн. 2) и *ɲarka* диктором СУГ (произн. 2). В большинстве случаев длительность гласного *a* первого слога не превышает длительность второго гласного, что обусловлено закрытостью первого слога (позиция гласного между двумя согласными) и открытостью второго слога в абсолютном конце фонетического слова перед паузой, позволяющей произнести конечный гласный более длительно и протяжно. В таких случаях гласные первого и второго слогов оказываются сопоставимы по длительности (разница составляет менее 10 мсек., 1—8%, т. е. не превышает дифференциального порога), например: *xampa* (диктор СУГ, произн. 2; диктор ЯГВ, произн. 1), *ɲarka* (диктор СУГ, произн. 1 и 3) и *paj^oxa* (диктор ВЗТ, произн. 2). При более протяжном произнесении открытого второго слога в абсолютном конце фонетического слова перед паузой длительность второго гласного может даже превышать длительность *a* первого слога (примерно на 12—50 мсек., примерно на 15—45%), например: *tarka* (диктор ЛАЛ, произн. 1), *xampa* (диктор СУГ, произн. 1; диктор ЯГВ, произн. 2), *paj^oxa* (диктор ВЗТ, произн. 1).

Числовые показатели максимальной (пиковой) и средней интенсивности гласного *a* первого слога в абсолютном большинстве рассмотренных случаев превосходят соответствующие показатели гласного второго слога. Исключением являются только два произнесения слова *tarka* диктором ЛАЛ (произн. 1 и 2), где показатели пиковой интенсивности двух гласных оказываются количественно сопоставимы, при этом средняя интенсивность гласного *a* первого слога все же превосходит среднюю интенсивность второго гласного, хотя и не очень значительно — на 1 дБ; как уже было отмечено выше, для идиолекта информанта ЛАЛ не характерно значительное экспираторное выделение гласного первого слога. Во всех остальных случаях максимальная интенсивность первого *a* превышает пиковую интенсивность гласного второго слога примерно на 1,5—2,5 дБ (*xampa*, диктор ЯГВ, произн. 1 и 2; *ɲarka*, диктор СУГ, произн. 1 и 2), на 5—6,5 дБ (*xampa*, диктор СУГ, произн. 1; *paj^oxa*, диктор ВЗТ, произн. 1 и 2) и даже на 7—8 дБ (*xampa*, диктор СУГ, произн. 2; *ɲarka*, диктор СУГ, произн. 3); в этих случаях средняя интенсивность *a* первого слога превосходит среднюю интенсивность второго *a* примерно на 1,5—3,5 дБ и даже на 5,5—9 дБ. См. контуры интенсивности произнесений данных фонетических слов в *Приложении*.

При этом разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет примерно 0,3—2,8 дБ, а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — обычно 1—3,6 дБ, что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается немного быстрее, чем на протяжении произнесения первого гласного.

Из тональных особенностей следует отметить локальное повышение частоты основного тона (на 15—30 Гц) на гласном *a* первого слога, наблюдаемое в большинстве рассмотренных выше произнесений фонетических слов дикторами СУГ и ЯГВ: *xampa* (диктор СУГ, произн. 2; диктор ЯГВ, произн. 1 и 2) и *ɲarka* (диктор СУГ, произн. 1—3). При этом частота основного тона понижается к концу произнесения этих фонетических слов (по сравнению с ЧОТ в начале их произнесения) на 50—100 Гц в идиолектах дикторов СУГ и ЯГВ. В тех произнесениях, где тон не повышается на гласном *a* первого слога, понижение частоты основного тона к концу фонетических слов составляет 65—80 Гц в идиолектах дикторов СУГ и ВЗТ и не превышает 50 Гц в идиолекте информанта ЛАЛ. См. контуры частоты основного тона произнесений данных фонетических слов в *Приложении*.

Из особенностей, свойственных конкретным информантам, можно отметить, что наименьшее падение частоты основного тона к концу произнесения фонетических слов характерно для идиолекта диктора ЛАЛ. При этом диктор ЛАЛ не выделяет гласный первого слога тонально, в отличие от информантов СУГ и ЯГВ. Отметим также меньшую частоту основного тона как в начале, так и в конце произнесения фонетических слов в речи диктора ЯГВ (по сравнению с информантами СУГ, ВЗТ и ЛАЛ); диктор ЯГВ имеет более низкий голос, чем другие опрошенные нами носители.

Для рассмотренных выше слов структуры [CaCCa] / [CaCCe] характерно ударение на гласном первом слоге. Первым основным акустическим коррелятом словесного акцента является бóльшая интенсивность (как пиковая, так и средняя), а вторым — бóльшая длительность (темпоральная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. Следует при этом отметить, что в словах структуры *CáCa* ([CáCa] / [CáCe], [CáCa] / [CáCz]=[CáCɛ], [CáCa] / [CáCa] / [CáCe], [CáCa] / [CáCa] / [CáCz]=[CáCɛ]) ударный гласный первого слога обычно заметнее выделен темпорально, чем в словах структуры [CáCCa] / [CáCCe], что связано с закрытостью первого слога (позицией первого гласного перед двумя согласными) во втором случае. Для речи конкретных носителей (дикторов СУГ и ЯГВ) характерно также тональное выделение ударного гласного первого слога (повышение частоты основного тона на нем), которое можно считать дополнительным акустическим коррелятом ударения.

При этом из особенностей произношения конкретных дикторов можно отметить некоторую «экономичность» в использовании просодических средств при выделении ударного гласного первого слога, характерную для информанта ЛАЛ: в идиолекте ЛАЛ ударный гласный *a* первого слога выделяется менее

значительно экспираторно, чем в речи других носителей (особенно дикторов СУГ и ВЗТ), и совсем не выделяется тонально (в отличие от идиолектов СУГ и ЯГВ).

О том, что ударение в словах (7Г)—(10Г) падает на первый слог, а не на второй, свидетельствуют также формы винительного падежа единственного числа: (7Г) [tárkəm(?)] (*tarka-m*) ACC.SG; (8Г) [xámpəm(?)] / [xámbəm(?)] (*xampa-m*) ACC.SG; (9Г) [ŋárkəm(?)] (*ngarka-m*) ACC.SG; (10Г) [pájxəm(?)] / [pájxəm(?)] (*pay°xa-m*) ACC.SG [СУГ, ЯГВ, ВЗТ, ЛАЛ].

В гыданском диалекте, помимо подробно рассмотренных нами выше, встречаются также другие непроизводные имена слоговой структуры [CáCCa] / [CáCCe], в которых также ударение падает на первый слог, например: *jábtá* [jábtə] / [jápte], *ябта* ‘тонкий, узкий; тонкий, высокий; тонкий, прямой, стройный; прямо стоящий, прямо держащийся; (перен.) скудный; бедный, бедненький (употребляется при выражении сожаления)’ [Терещенко 1965, 2008: 822], *yabta* (N *a*→*yi* (~ →*ø*)), ЁАРТА [Salminen 1998: 215].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных в произнесениях рассмотренных фонетических слов обобщены нами в Таблице 4.

Таблица 4

CáCCa, CáC°Ca [CáCCa] / [CáCCe], [CáC°Ca] / [CáC°Ce]		
[á] первого слога		[a], [e] второго слога
Д1	> (/ =)	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

Наш вывод о большей длительности и большей интенсивности ударного гласного первого слога в рассмотренных выше словах структур [CáCCa] / [CáCCe] и [CáC°Ca] / [CáC°Ce] в гыданском диалекте подтверждается также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для говоров тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому: (9Г) Т₁ *ŋárkkp* [Lehtisalo 1956: 16b]; Т₃ *jáptae* [Lehtisalo 1956: 102a]. (К сожалению, слова (7Г), (8Г) и (10Г) не представлены в записи Т. Лехтисало для говоров тазовского диалекта, но зафиксированы для говоров другого восточного диалекта — ямальского: (7Г) О *tárkkp*, ОР *tárkkp* [Lehtisalo 1956: 471b]; О *xámpy* [Lehtisalo 1956: 169].)

Таким образом, в словаре [Lehtisalo 1956] *á* первого слога в этих словах в тазовском диалекте обозначается символом *ā* (между твердыми согласными, C_C) или *ā̄* (после мягкого согласного перед твердым, C'_C) с указанием на долготу (длительность) этого гласного по сравнению с гласным второго слога; гласный второго слога при этом передается как *ɤ* (Т₁) или *æ* (Т₃, после *t*), что дает нам право говорить о меньшей интенсивности и, следовательно, редукации гласного второго слога (*a*) по сравнению с *á* первого слога не только в современном гыданском диалекте, но и в близком ему тазовском диалекте времен записи Т. Лехтисало.

(Ср. анализ слов данной слоговой структуры в ямальском диалекте в [Амелина 2016а: 22—27].)

1.3. В гыданском диалекте Т ненец. зафиксированы также слова слоговых структур [CaC°aC] / [CaC°aC] / [CvC°aC] (*CaCaC(°)*)²⁵ и [CaCaCC] / [CvCaCC] / [CəwáCC] = [CəwáCC]²⁶ (*CaCaCC(°)*). В Таблице 5 приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных *a* в первом и втором слогах следующих фонетических слов данной слоговой структуры (см. семь осциллограмм, спектрограмм, контуров интенсивности и ЧОТ в Приложении, (11Г) и (12Г)):

(11Г) *паяр* (тайм.)²⁷ ‘прыщ, нарыв, чирей’ [Терещенко 1965, 2008: 455] (~ *naep* [Терещенко 1965, 2008: 434]), *payar* (N *r+o*), ПАЎАР [Salminen 1998: 345] ~ *payar°* (N *ø≡*), ПАЎАРØ [Salminen 1998: 131] (~ *payer* (N *r+o*), ПАЎЕР [Salminen 1998: 350] ~ *payer°* (N *ø≡*), ПАЎЕРØ [Salminen 1998: 132, 501]), О, Sj., К *pājjēr*²⁷, Т₇ *pājjēr*²⁷, U-Ts. *pājjer* ‘Geschwür, Geschwulst’ ‘нарыв, опухоль’ [Lehtisalo 1956:

²⁵ Здесь в круглых скобках приводится запись слоговых структур в фонологической интерпретации Т. Салмина, по данным [Salminen 1998].

²⁶ Символом *ə* (или *ɤ̄*) здесь и далее обозначен ненапряженный, редуцированный огубленный [a] (средне-нижнего подъема, “open-mid”).

²⁷ В словаре Н. М. Терещенко это слово снабжено пометой «тайм.», т. е. оно было зафиксировано в таймырском диалекте, однако, по нашим полевым данным, оно встречается не только в таймырском, но и в близком ему другом крайневосточном диалекте — рассматриваемом здесь нами гыданском.

344b)²⁸; ср. Л *pā'hel* 'нарыв, волдырь; родинка' [Попова 1978: 88], Лj. *pāđ'd'ēr'*, S *pajjēr'*, Nj. *pājjēr'*, P *pāđ'd'ēr'* 'Geschwulst; Geschwür' <'опухоль; нарыв'> [Lehtisalo 1956: 344b];

(12Г) *наванг* 'жировая пленка в брюшине упитанного животного' [Терещенко 1965, 2008: 281], *nawangk°* (N $\emptyset \equiv$), NAWANXØ [Salminen 1998: 72], ОР *ṅāββāṅk°* 'Fett in den Eingeweiden' <'внутренний жир'> [Lehtisalo 1956: 282b]; ср. Л Lj., S *nāmmāk*, Kis. *nāmmāk^л*, P *nāmmāṅk* 'Fett in den Eingeweiden' <'внутренний жир'> [Lehtisalo 1956: 282b].

Как пример слова слоговой структуры [CaCiaC] / [CaCiāC] / [CɛCiāC] (*CaCaC°*) мы рассматриваем здесь имя (11Г) [pajār] / [pejār]. Отметим, что это диалектный вариант слова, характерный для крайневосточных говоров: в словаре Н. М. Терещенко этот диалектный вариант снабжается пометой «тайм.» <таймырское> [Терещенко 1965, 2008: 455], однако, по нашим полевым данным, он характерен также для гыданского диалекта. В словаре Т. Салминена этот диалектный вариант также зафиксирован, при этом указаны две разных фонологических интерпретации этого слова — как двусложного (*payar* (N $r+o$), PAÿAR [Salminen 1998: 345]) и как трехсложного (*payar°* (N $\emptyset \equiv$), PAÿARØ [Salminen 1998: 131]). Что касается наших полевых материалов по гыданскому диалекту Т ненец., то ни на спектрограммах, ни на слух мы не обнаруживаем гласного звука или призвука в абсолютном конце слова (11Г), поэтому далее мы рассматриваем это имя как фонетически двусложное, т. е. как фонетическое слово слоговой структуры [CaCiaC] / [CaCiāC] / [CɛCiāC] (при этом сонорный *r* в позиции конца слова часто оглушается).

В статье [Амелина 2016а] это имя не было рассмотрено нами для ямальского диалекта как слово с однородным вокалическим составом слоговой структуры [CaCiaC] / [CaCiāC] / [CɛCiāC], т. к. в ямальском, как и в большинстве других (кроме крайневосточных) диалектов, оно представлено в варианте [pajer] / [pejer]: ср. *naep* [Терещенко 1965, 2008: 434]; *payer* (N $r+o$), PAÿER [Salminen 1998: 350] ~ *payer°* (N $\emptyset \equiv$), PAÿERØ [Salminen 1998: 132, 501]; O, Sj., K *pājjēr^л*, T₇ *pājjēr^л*, U-Ts. *pājjer* [Lehtisalo 1956: 344b]. Отметим, что если в словарях Н. М. Терещенко и Т. Салминена приведены оба варианта (как структуры [CaCiaC] / [CaCiāC] / [CɛCiāC], так и [CaCieC] / [CɛCieC]), то в словаре Т. Лехтисало — только вариант с *e* во втором слоге (в том числе и для тазовского диалекта). К тому же, в [Lehtisalo 1956] для тазовского диалекта (близкого гыданскому) приводится вариант с гортанным смычным в абсолютном конце слова: T₇ *pājjer^л* [Lehtisalo 1956: 344b], — однако, по нашим полевым данным, по крайней мере в гыданском диалекте этот согласный звук в слове (11Г) не представлен.

Как пример слова слоговой структуры [CaCaCC] / [CɛCaCC] / [CɛwāCC]=[CɛwāCC] (*CaCaCC°*) мы рассматриваем здесь имя (12Г). Следует оговорить, что, по мнению Т. Салминена, слово (12Г) является фонологически трехсложным, а не двусложным и имеет слоговую структуру *CaCaCC°*: *nawangk°* (N $\emptyset \equiv$), NAWANXØ [Salminen 1998: 72]. Что касается наших полевых материалов по гыданскому диалекту Т ненец., то ни на спектрограммах, ни на слух мы не обнаруживаем гласного звука или призвука в абсолютном конце этого слова, поэтому далее мы рассматриваем это имя как фонетически двусложное, т. е. как фонетическое слово слоговой структуры [CaCaCC] / [CɛCaCC] / [CɛwāCC]=[CɛwāCC]. Ср. также запись этого слова как двусложного в словарях Н. М. Терещенко и Т. Лехтисало: *наванг* [Терещенко 1965, 2008: 281]; ОР *ṅāββāṅk°* [Lehtisalo 1956: 282b] (для ямальского диалекта).

Таблица 5

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
слова с <i>a</i> в 1С и 2С (<i>a—a</i>)								
[CaCiaC] ([CaCiāC], [CɛCiāC]) // <i>CaCaC</i> ~ <i>CaCaC°</i> , по [Salminen 1998: 131, 345]								
11Г	<i>pajar°</i> [pejār] ²⁹ (527 мсек.)	118 (112%)	83,66 (82,03)	237	165 (157%)	82,69 (82,09)	255-265- 223-201	ЛАЛ (1)
	<i>pajar°</i> [pejār] (540 мсек.)	120 (111%)	83,63 (83,29)	208	149 (138%)	83,09 (82,12)	222-156	ЛАЛ (2)
	<i>pajar°</i> [pejār] ³⁰ (575 сек.)	119 (103%)	86,35 (83,20)	226-209 (218)	206 (179%)	82,52 (81,71)	214-141	ЛАЛ (3)

²⁸ Гортанный смычный согласный в словаре [Lehtisalo 1956] обозначается символом ^л.

²⁹ Относительная длительность гласных в пяти рассмотренных произнесениях фонетического слова (11Г) вычисляется с учетом пяти фонетических сегментов, а не шести возможных фонем.

³⁰ В произн. 3 и 5 слова (11Г) диктором ЛАЛ конечный сонорный согласный [r] звучит без голоса. Глухость обозначена подстрочной диакритикой _л под символом для согласного звука.

	<i>pajar</i> ^o [pejár] (545 мсек.)	127 (117%)	85,56 (82,72)	201-206-189 (200)	153 (140%)	82,69 (81,20)	170-144 (154)	ЛАЛ (4)
	<i>pajar</i> ^o [pejár̄] (503 мсек.)	100 (99%)	84,25 (82,98)	199-184 (193)	160 (159%)	81,87 (80,66)	163-135 (148)	ЛАЛ (5)
слова с <i>a</i> в 1С и 2С (<i>a—a</i>) [CaCaCC] ([CɤCaCC], [CɛCäCC]=[Cɛ̄CäCC] ([CewäCC]=[Cɛ̄wäCC])) // CaCaCC ^o , по [Salminen 1998: 72]								
12Г	<i>nawaŋk</i> ^{o31} [nɛβáŋk ^h] ([nɛ̄βáŋk ^h]) (695 мсек.)	90 (78%)	82,39 (81,66)	211-221 (217)	160 (138%)	82,32 (80,90)	219-166	СУГ (1)
	<i>nawaŋk</i> ^o [nɛβáŋk ^h] ([nɛ̄βáŋk ^h]) (980 мсек.)	118 (72%)	81,66 (80,82)	198	167 (102%)	83,49 (82,16)	229-277-222	СУГ (2)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам аллофонов гласной фонемы *a* в первом и втором слогах, можно отметить следующее.

Так как данные слова заканчиваются на согласный звук, определение длительности гласного последнего слога оказывается проще, чем в случае с описанными выше именами с открытыми слогами в абсолютном конце фонетического слова. Во всех рассмотренных выше произнесениях слов (11Г) и (12Г) дикторами ЛАЛ и СУГ длительность *a* второго слога превосходит длительность первого гласного примерно на 25—50 мсек. (на 23—45%) и даже примерно на 60—85 мсек. (на 60—76%). Таким образом, соотношение длительности гласного первого слога к длительности гласного *a* второго слога, которую легко измерить, т. к. гласный не находится в абсолютном конце слова, в рассмотренных произнесениях составляет: (11Г) 1:1,4 [ЛАЛ: 1]; 1:1,2 [ЛАЛ: 2]; 1:1,7 [ЛАЛ: 3]; 1:1,2 [ЛАЛ: 4]; 1:1,6 [ЛАЛ: 5]; (12Г) 1:1,8 [СУГ: 1]; 1:1,4 [СУГ: 2], — т. е. обычно длительность гласного *a* второго слога превосходит длительность гласного первого слога в 1,2—1,8 раза в произнесениях информантов ЛАЛ и СУГ.

В большинстве произнесений максимальная и средняя интенсивность гласного первого слога превышает интенсивность второго *a*, что связано также с общей речевой тенденцией произносить начало фонетического слова более громко и экспираторно выделенно, чем его конец: максимальная — примерно на 0,5—2,5 дБ и даже на 3—4 дБ (слово (11Г), диктор ЛАЛ, произн. 3 и 4); средняя — обычно на 0,8—2,3 дБ. Также возможно произнесение данных фонетических слов с численно сопоставимой интенсивностью обоих гласных звуков: так, показатели по средней интенсивности первого и второго гласных сопоставимы в произн. 1 слова (11Г) диктором ЛАЛ (при разнице показателей по максимальной интенсивности менее 1 дБ), а показатели по пиковой интенсивности первого и второго гласных сопоставимы в произн. 1 слова (12Г) информантом СУГ (при разнице по средней интенсивности в 0,8 дБ). В идиолекте диктора СУГ возможен также вариант произнесения слова (12Г) с большей интенсивностью гласного *a* второго слога: так, пиковая интенсивность *a* второго слога превышает максимальную интенсивность первого *a* на 1,8 дБ, а средняя — на 1,3 дБ (слово (12Г), диктор СУГ, произн. 2).

При этом разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет примерно 0,3—1,5 дБ (и даже около 3 дБ в произнесениях диктора ЛАЛ), а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — 0,6—1,5 дБ, что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается не быстрее и не значительнее, чем на протяжении произнесения первого гласного, а часто даже медленнее. См. контуры интенсивности произнесений данных фонетических слов дикторами ЛАЛ и СУГ в *Приложении*.

Можно отметить два разных способа тонального оформления данных фонетических слов. Тон может постепенно понижаться к концу фонетического слова — на 55—85 Гц (если сравнивать частоту основного тона в начале и в конце слова): слово (11Г) в произнесениях диктора ЛАЛ (произн. 3—5) и слово (12Г) в произнесении диктора СУГ (произн. 1). Также при более отчетливом произнесении возможно повышение частоты основного тона на гласном *a* второго слога по сравнению с ЧОТ на гласном первого

³¹ Относительная длительность гласных в двух рассмотренных произнесениях фонетического слова (12Г) вычитывается с учетом шести фонетических сегментов, а не семи фонем.

слога — на 15—25 Гц в речи ЛАЛ (слово (11Г), произн. 1 и 2) и даже на 80 Гц в идиолекте СУГ (слово (12Г), произн. 2); последующее понижение тона к концу фонетического слова составляет при этом 55—65 Гц в произнесениях обоих информантов (ЛАЛ и СУГ). См. контуры частоты основного тона произнесений данных фонетических слов дикторами ЛАЛ и СУГ в *Приложении*.

Для рассмотренных выше слов слоговых структур [CaC^áaC] / [CaC^ááC] / [C^əC^ááC] (CaCaC^(°)) и [CaCaCC] / [C^əCaCC] / [C^əw^áCC]=[C^əw^áCC] (CaCaCC^(°)) характерно ударение на гласном *a* второго слога. Основным акустическим коррелятом словесного акцента при выделении гласного не первого слога в первую очередь оказывается бóльшая длительность (темпоральная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. При этом экспираторный параметр (параметр интенсивности) отходит на второй план и даже иногда перестает быть значимым при маркировании словесного ударения, что связано с общей речевой тенденцией произносить начало фонетического слова с большей интенсивностью и громкостью, чем его конец. Экспираторное и тональное выделение ударного гласного второго слога (повышение частоты основного тона на нем) можно считать дополнительными акустическими коррелятами ударения, реализующимися при отчетливом произнесении фонетических слов.

Отметим при этом, что, возможно, тональный параметр при маркировании ударения на гласном второго слога оказывается более значимым, чем при маркировании ударения на гласном первого слога (так, для диктора ЛАЛ ранее не отмечалось повышение тона на ударном гласном первого слога, но отмечается на ударном гласном второго слога), тогда как экспираторный параметр, наоборот, оказывается ослаблен. При отчетливом произнесении ударный гласный второго слога может быть маркирован в гыданском диалекте по всем трем просодическим параметрам (темпоральному, экспираторному и тональному), при менее отчетливом произнесении — по двум (темпоральному и тональному), при наименее отчетливом — по одному (темпоральному), т. е. в этом случае самым значимым является темпоральное маркирование ударного гласного, а наименее значимым — экспираторное.

При этом из особенностей произношения конкретных дикторов можно отметить некоторую «экономия» в использовании просодических средств при выделении ударного гласного второго слога, характерную для информанта ЛАЛ (аналогичная «экономия» уже отмечалась для идиолекта этого диктора и при выделении ударного гласного первого слога): в идиолекте ЛАЛ ударный гласный *a* второго слога выделяется менее значительно тонально, чем в речи носителя СУГ, и обычно совсем не выделяется экспираторно.

О том, что ударение в словах (11Г) и (12Г) падает на второй слог, а не на первый, свидетельствуют также формы винительного падежа единственного числа: (11Г) [pej^áar^ám^(?)] (payar^o-m) ACC.SG; (12Г) [neβ^áŋk^ám^(?)] ([neβ^áŋk^ám^(?)]) / [neβ^áŋg^ám^(?)] ([neβ^áŋg^ám^(?)]) (nawang^o-m) ACC.SG [ЛАЛ, СУГ].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов обобщены нами в *Таблице 6*.

Таблица 6

CaC ^á C(C) ^o [CaC ^á áC] / [CaC ^á áC] / [C ^ə C ^á áC] (CaC ^á C ^(°)), [CaC ^á CC] / [C ^ə CaCC] / [C ^ə w ^á CC]=[C ^ə w ^á CC] (CaC ^á CC ^(°))		
[a], [e], [e]=[ë] первого слога		[á], [á], [á] второго слога
Д1	<	Д2
И1	(> / = / <)	И2
ЧОТ1	> / <	ЧОТ2

Однако наш вывод о темпоральной выделенности ударного гласного второго слога в рассмотренных выше словах структур [CaC^ááC] / [CaC^ááC] / [C^əC^ááC] (CaC^áC^(°)) и [CaC^áCC] / [C^əCaCC] / [C^əw^áCC]=[C^əw^áCC] (CaC^áCC^(°)) в гыданском диалекте не подтверждается данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для тазовского диалекта (Т₇). Так, для слова (11Г) приводится фиксация Т₇ p^ájj^áer^á [Lehtisalo 1956: 344b] — с диакритикой долготы над первым гласным, а не вторым (ср., однако, запись с диакритиками долготы над обоими гласными для большеземельского и ямальского диалектов: О, S^áj^á, K^áp^ájj^áer^á [Lehtisalo 1956: 344b]); к тому же, в этой фиксации мы наблюдаем диалектный вариант с неоднородным вокалическим составом, в отличие от варианта структуры [CaC^ááC] / [CaC^ááC] / [C^əC^ááC] (CaC^áC^(°)), который рассматривался нами выше для гыданского диалекта. Слово (12Г) не зафиксировано в словаре Т. Лехтисало для тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому, но представлено для одного ямальского говора: ОР n^áβ^áŋk^á [Lehtisalo 1956: 282b]; здесь оба гласных обозначены одинаковыми символами (á) без указания на их долготу.

О том, что в словах (11Г) и (12Г) ударение падает на второй, а не на первый слог, косвенно свидетельствует фонологическая интерпретация этих имен, сделанная Т. Салмином: (11Г) *paʏar*^o (N $\emptyset \equiv$), PAÏARØ [Salminen 1998: 131]; (12Г) *nawangk*^o (N $\emptyset \equiv$), NAWANXØ [Salminen 1998: 72]. По мнению Т. Салмина, слог, предшествующий слогу с фонемой / \emptyset / (“pre-schwa syllable”), является ударным [Salminen 2007: 350]. Таким образом, в системе Т. Салмина [a] второго слога в рассмотренных нами словах должен считаться ударным, т. к. находится перед слогом с фонемой / \emptyset /, что согласуется с нашими полевыми данными.

(Ср. анализ слов данных слоговых структур в ямальском диалекте в [Амелина 2016а: 27—30].)

Подводя итог, можно сказать, что в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка основными акустическими коррелятами ударения на первом слоге в словах с однородным вокалическим составом, представленным гласными нижнего подъема (слоговых структур *CáCa* и *CáCCa*, а также *CáC^oCa*), являются бóльшая длительность (темпоральная выделенность) и бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного; тональная выделенность (повышение частоты основного тона) является при этом распространенным дополнительным акустическим коррелятом ударения. В словах с ударением на втором слоге (слоговых структур *CaCáC^o* и *CaCáCC^o*) параметр экспираторной выделенности отходит на второй план в связи с общей речевой тенденцией произносить начало слова с большей интенсивностью и громкостью, чем его конец; темпоральное маркирование ударного гласного остается в таком случае доминирующим акустическим коррелятом словесного ударения, а экспираторное и тональное маркирование — второстепенными (дополнительными).

2. Акцентные характеристики фонетических слов с гласными среднего подъема переднего ряда в первом и втором слогах в гыданском диалекте

2.1. В *Таблице 7* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных [e] ([э])³² в первом и втором слогах фонетических слов, где оба слога открытые, т. е. имеющих слоговую структуру [CeCe] ([C^eeCe] / [C^eeC^e]). Как примеры такой слоговой структуры нами были выбраны для анализа следующие слова (см. шесть осциллограмм, спектрограмм, контуров интенсивности и частоты основного тона в *Приложении*, (13Г) и (14Г)):

(13Г) *сехэ* ‘большой ком снега; твердый снег’ [Терещенко 1965, 2008: 550], *суеха* (N $a \rightarrow y\bar{i}$), SYEXA¹ [Salminen 1998: 227, 512], O *šèxè*, OP *šixè*, Sj. *šexè* ‘harder Schnee’ ‘твердый снег’ [Lehtisalo 1956: 435b];

(14Г) *мехэ* ‘тот дальний, тот отдаленный (о месте или времени)’ [Терещенко 1965, 2008: 652], *туехэ*³³ (N $a \rightarrow \emptyset$), TYEXA [Salminen 1998: 227, 521], O *t^hèxè*, OP *t^hixè*, Sj. *t^hèxè*, K *t^hixè*, U, U-Ts. *t^hèxè* ‘jener dort’ ‘тот (дальний)’ [Lehtisalo 1956: 504a]; ср. Л *чaxи* ‘тот, та, то (дальний)’ [Бармич, Вэлло 2002: 143], *t^hixè* ‘тот дальний’ [Попова 1978: 132] < ПС дер. корг. *tā(-) ~ *te(-) [Janhunen 1977: 152].

В первую очередь следует оговорить, что для этих слов Т. Салминен избирает фонологическую интерпретацию конечного гласного не как *e*, а как *a*: (13Г) *суеха* (N $a \rightarrow y\bar{i}$), SYEXA [Salminen 1998: 227, 512]; (14Г) *туехэ* (N $a \rightarrow \emptyset$), TYEXA [Salminen 1998: 227, 521]. Однако в гыданском диалекте (как и в ямальском, см. подробнее [Амелина 2016а: 30—31]) мы имеем дело с фонетическими последовательностями (13Г) [sⁱex^e] ([sⁱex^ə]) / [sⁱey^e] ([sⁱey^ə]) и (14Г) [t^hex^e] ([t^hex^ə]) / [t^hey^e] ([t^hey^ə]) с однородным вокалическим составом, а не [sⁱex^a] (вариант [sⁱex^a]) характерен, например, для канинского диалекта тундрового ненецкого языка) и [t^hex^a], что подтверждают в частности данные словарей: (13Г) *сехэ* [Терещенко 1965, 2008: 550] (ср. O *šèxè*, OP *šixè*, Sj. *šexè* [Lehtisalo 1956: 435b]); (14Г) *мехэ* [Терещенко 1965, 2008: 652] (ср. O *t^hèxè*, Sj. *t^hixè* [Lehtisalo 1956: 504a]; ср. также Л ненец. *t^hixè* [Попова 1978: 132]).

На фонетические последовательности (13Г) [sⁱex^e] ([sⁱex^ə]) / [sⁱey^e] ([sⁱey^ə]) и (14Г) [t^hex^e] ([t^hex^ə]) / [t^hey^e] ([t^hey^ə]) с однородным вокалическим составом в гыданском диалекте указывают также средние данные по числовым значениям первой форманты (F1) гласных: так, F1 гласного второго слога в произнесениях слов (13Г) и (14Г) дикторами ЛАЛ и СУГ оказывается меньше величин, характерных для *a*. Таким образом, здесь мы имеем дело с проявлением своего рода сингармонизма (прогрессивной дистантной ассимиляции) гласных после *x*, о которой см. подробнее [Амелина 2016а: 31], а также [Терещенко 1966: 378; Терещенко 1965, 2008: 864—865].

³² Символом \emptyset обозначен немного сдвинутый назад ненапряженный, редуцированный [e].

³³ Символ \underline{a} с подчеркиванием в издании [Salminen 1998] обозначает, что, скорее всего, мы имеем дело с *a*, но, возможно, также с \emptyset [Salminen 1998: 18].

Таблица 7

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
[e] в 1С и [e]/[э] во 2С ([e]—[e]/[э]) // (e—a), по [Salminen 1998: 227, 512, 521] [C'eCe] ([C'eCэ]) // CeCa (C'eCa), по [Salminen 1998: 227, 512, 521]								
13Г	(s'exa) [s'ɛyɔ] (525 мсек.)	114 (87%)	83,92 (82,87)	213-166	152 (116%)	79,93 (78,50)	155-162-138 (156)	ЛАЛ (1)
	(s'exa) [s'ɛyɔ] (545 мсек.)	110 (81%)	83,75 (82,74)	210-168	178 (131%)	82,68 (80,98)	152-167-144 (156)	ЛАЛ (2)
	(s'exa) [s'ɛxɔ] (455 мсек.)	58 (51%)	82,71 (80,61)	232-200	77 (68%)	71,73 (70,95)	[без голоса]- 201-176	СУГ (1)
	(s'exa) [s'ɛxɔ] (475 мсек.)	68 (57%)	82,78 (80,42)	236-220-204	81 (68%)	74,52 (72,10)	184-163 (172)	СУГ (2)
14Г	(t'exa) [t'ɛyɔ] (467 мсек.)	71 (61%)	81,46 (80,33)	269-277-268 (273)	211 (181%)	79,37 (74,73)	189-136	СУГ (1)
	(t'exa) [t'ɛxɔ] (375 мсек.)	69 (74%)	80,87 (79,94)	284-270-261 (277)	134 (143%)	75,60 (72,19)	170-178-147 (166)	СУГ (2)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных первого и второго слогов, можно отметить следующее.

Длительность гласного второго слога, являющегося открытым и конечным, превышает длительность первого гласного как незначительно, примерно на 13—20 мсек., 11—17% (слово (13Г), диктор СУГ, произн. 1 и 2), так и более значительно — примерно на 40—70 мсек., 29—69% (слово (13Г), диктор ЛАЛ, произн. 1 и 2; слово (14Г), диктор СУГ, произн. 2), и даже на 140 мсек., т. е. на 120% (слово (14Г), диктор СУГ, произн. 1), что, однако, связано с протяжным произношением перед паузой. Во всех случаях длительность гласного конечного открытого слога оказывается больше длительности гласного [e] первого слога (ср. аналогичную ситуацию в ямальском диалекте [Амелина 2016а: 31]).

Следует, однако, отметить, что гласный второго слога, хоть и произносимый длительно, звучит со значительно меньшей интенсивностью, чем гласный [e] первого слога. Так, максимальная интенсивность гласного [e] первого слога превосходит пиковую интенсивность гласного второго слога на 1—2 дБ (слово (13Г), диктор ЛАЛ, произн. 2; слово (14Г), диктор СУГ, произн. 1), на 4—5 дБ (слово (13Г), диктор ЛАЛ, произн. 1; слово (14Г), диктор СУГ, произн. 2) и даже на 8—11 дБ (слово (13Г), диктор СУГ, произн. 1 и 2), а средняя интенсивность — примерно на 2—5,5 дБ и даже на 8—10 дБ. При этом в некоторых случаях наблюдается следующая закономерность: чем значительнее интенсивность гласного [e] первого слога превосходит интенсивность второго гласного, тем меньше длительность второго гласного превышает длительность первого. Разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет обычно 1—2,5 дБ, а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — примерно 1,5—4,5 дБ (в речи СУГ однократно 0,8 дБ), что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается обычно быстрее, чем на протяжении произнесения первого гласного. См. контуры интенсивности произнесений данных фонетических слов в *Приложении*.

Что касается динамики частоты основного тона на протяжении произнесения рассмотренных выше фонетических слов, то она обычно довольно резко (примерно на 25—50 Гц) падает на гласном [e] первого слога, после чего тон остается относительно ровным, равномерно понижаясь к концу фонетического слова (условно движение тона можно изобразить как ___). Общее падение частоты основного тона (от начала до конца) на протяжении произнесений слова (13Г) (диктор ЛАЛ, произн. 1 и 2; диктор СУГ, произн. 1 и 2) составляет 55—75 Гц, а слова (14Г) (диктор СУГ, произн. 1 и 2) — даже 140 Гц. См. контуры частоты основного тона произнесений данных фонетических слов в *Приложении*.

Для рассмотренных выше слов структуры [C'eCe] / [C'eCэ] (C'eCa) характерно ударение на гласном [e] первого слога. Основным акустическим коррелятом ударения при выделении гласного [e] первого

слога в данном случае в первую очередь оказывается бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. Видимо, как дополнительный акустический коррелят ударения в этих фонетических словах можно рассматривать заметно понижающийся высокий тон на ударном гласном первого слога. На то, что словесное ударение маркирует гласный первого, а не второго слога указывает также и явление сингармонизма (прогрессивной дистантной ассимиляции) гласных после *x*, в результате которого гласный второго слога «подстраивается» под гласный первого.

При этом из особенностей произношения конкретных дикторов можно отметить бóльшую экспираторную выделенность ударного гласного первого слога, т. е. бóльшую редукцию безударного гласного второго слога, в идиолекте СУГ.

О том, что ударение в словах (13Г) и (14Г) падает на первый слог, а не на второй, свидетельствуют также формы винительного падежа единственного числа: (13Г) [s'íxem(?)] ([s'íxəm(?)]) / [s'íyem(?)] ([s'íyəm(?)]) (*syexa-m*) ACC.SG; (14Г) [t'íxem(?)] ([t'íxəm(?)]) / [t'íyem(?)] ([t'íyəm(?)]) (*tyexa-m*) ACC.SG [СУГ, ЛАЛ].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов обобщены нами в *Таблице 8*.

Таблица 8

C'éCa		
[C'íCe] / [C'íCə], где второй согласный — x		
[é] первого слога		[e], [ə] второго слога
Д1	<	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

Наш вывод о том, что в гыданском диалекте ударный гласный первого слога в рассмотренных выше словах структуры [C'íCe] / [C'íCə] (C'éCa) не выделен темпорально по сравнению с гласным открытого второго слога, не подтверждается напрямую данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956]: в этом издании для тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому, слова (13Г) и (14Г) не зафиксированы. Для говоров другого восточного диалекта — ямальского — эти слова в [Lehtisalo 1956] приводятся без диакритики долготы над символом, обозначающим первый гласный, и иногда даже с диакритикой долготы над символом для гласного второго слога (O ē) или с дифтонгом во втором слоге (OP āp): O šéxē, OP šíxē [Lehtisalo 1956: 435b]; O t'íxē, OP t'íxāp [Lehtisalo 1956: 504a]. Ср. также указание на долготу гласного второго слога (а не первого) в варианте слова (14Г) для большеземельского и малоземельского диалектов: Sj. t'íxē, K t'íxī, U, U-Ts. t'íxī [Lehtisalo 1956: 504a].

(Ср. анализ слов данной слоговой структуры в ямальском диалекте в [Амелина 2016а: 30—33].)

2.2. В гыданском диалекте тундрового ненецкого языка имеются также слова слоговой структуры [CeCeC] (CeCeC°), представленной в том числе подвидами [C'eCeC'] (C'eCeC°), где первый и третий согласные мягкие, а второй твердый (15Г, 16Г), и [C'eC'eC'] (C'eC'eC°) (17Г), где все три согласных мягкие. В *Таблице 9* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных в первом и втором слогах фонетических слов этой слоговой структуры. Как примеры слов такой слоговой структуры нами были выбраны для анализа следующие имена (см. семь осциллограмм, спектрограмм, контуров интенсивности и частоты основного тона в *Приложении*, (15Г)—(17Г)):

(15Г) едэй 'новый; молодой (недавно появившийся)' [Терещенко 1965, 2008: 89], *yedey*° (N ø≡), YETEY(Ø) [Salminen 1998: 160, 539], O jēdāi, OP jēdāēi, T₁ jēdāi, U jēdāi, N jēdāi 'neu' <'новый'> [Lehtisalo 1956: 120a]; ср. Л *деты* 'новый; свежий' [Бармич, Вэлло 2002: 26, 226], *he'taj* 'новый' [Попова 1978: 21];

(16Г) ненэй 'настоящий, подлинный; ненецкий', 'серебро; (зап.) деньги; серебряный' [Терещенко 1965, 2008: 299, 300], *nyenyey*° (N yø≡), NYENA→eY(Ø) [Salminen 1998: 161, 493], O n'ēññāi, OP n'ēññāj, Oks. n'ēññāēi, N n'āññāēi, Sj. n'ēññāēi 'richtig, echt; Silber, Silbergeld' <'настоящий, действительный; серебро, серебряные деньги'> [Lehtisalo 1956: 317]; ср. Л *ненэй* 'настоящий, подлинный; истинный', 'ненецкий', 'серебряный' [Бармич, Вэлло 2002: 81], *he'naj* [hēññāi] 'настоящий' [Попова 1978: 65], Nj. n'ēññāēj 'richtig; Silber' <'настоящий; серебро'> [Lehtisalo 1956: 317a] < ПС *enājā (? ~ *enājā) < der. ПС *enā- [Janhunen 1977: 23];

(17Г) сересь (~ *сересь'(н)*) 'напильник' [Терещенко 1965, 2008: 547], *syeryesy*° (N yø≡), SYERYESYØ [Salminen 1998: 156, 512] (~ *syeryesy*°h (N ng+yē³⁴), SYERYESYØNG [Salminen 1998: 264]),

³⁴ Символ *ē* с подчеркиванием в непервом слоге в издании [Salminen 1998] обозначает, что, скорее всего, мы имеем дело с *e*, но, возможно, также с *i* [Salminen 1998: 18].

О, Sj. *šērēš* 'Feile' <'напильник'> [Lehtisalo 1956: 438b]; ср. Л *шедеша* 'напильник' [Бармич, Вэлло 2002: 152], *še'Vejš(an)* 'подпилоч' [Попова 1978: 117], S *šēlliš'ž*, Kis. *šēliš'žē*, Nj. *šēr'žēš*, P *šēllēn'š* 'Feile' <'напильник'> [Lehtisalo 1956: 438b].

Следует, однако, оговорить, что, по мнению Т. Салминена, все эти слова являются фонологически трехсложными, а не двусложными и имеют слоговую структуру *CeCeC°*: (15Г) *yedey°* (N $\emptyset \equiv$) [Salminen 1998: 160, 539]; (16Г) *nyeny°* (N $y\emptyset \equiv$) [Salminen 1998: 161, 493]; (17Г) *syeryesy°* (N $y\emptyset \equiv$) [Salminen 1998: 156, 512] (ср. также трехсложную структуру когната слова (17Г) в лесном ненецком языке: Л *шедеша* [Бармич, Вэлло 2002: 152], *še'Vejš(an)* [Попова 1978: 117], S *šēlliš'ž*, Kis. *šēliš'žē* [Lehtisalo 1956: 438b]). В словаре Н. М. Терещенко представлена интерпретация этих слов как фонетически двусложных: (15Г) *едэй* [Терещенко 1965, 2008: 89]; (16Г) *ненэй* [Терещенко 1965, 2008: 299, 300]; (17Г) *сересь* [Терещенко 1965, 2008: 547].

Что касается наших полевых материалов по гыданскому диалекту Т ненец., то ни на спектрограммах, ни на слух мы не обнаруживаем гласного звука или призвука в абсолютном конце этих слов (а в слове (16Г) последний согласный *j* даже произносится без голоса), поэтому далее мы рассматриваем эти имена как фонетически двусложные.

Таблица 9

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
<i>e</i> в 1С и 2С (<i>e—e</i>) // (<i>e—e—°</i>), по [Salminen 1998: 160, 539; 493; 156, 512] [<i>CeCeC</i>] ([<i>CieCeCi</i>], [<i>CieCeCi</i>], [<i>CieCieCi</i>]) // <i>CeCeC°</i> (<i>C'eCeC°</i> , <i>C'eC'eC°</i>), по [Salminen 1998: 160, 539; 493; 156, 512]								
15Г	<i>jedej</i> ³⁵ [jedėj] (750 мсек.)	123 (82%)	83,59 (82,43)	226-239 (234)	248 (165%)	83,10 (81,12)	230-198	СУГ (1)
	<i>jedej°</i> [jedėj] (657 мсек.)	79 (60%)	82,50 (80,26)	223	283 (215%)	82,73 (81,87)	223-182 (202)	СУГ (2)
	<i>jedej°</i> [jėdėj] ³⁶ (467 мсек.)	59 (63%)	74,10 (73,49)	93	121 (130%)	82,28 (81,53)	105-218- 236-227 (197)	СУГ (3)
16Г	<i>n'enej</i> ³⁷ [n'ėnėj'] ³⁸ (903 мсек.)	113 (63%)	83,41 (82,56)	222-208 (215)	176 (97%)	82,82 (80,90)	195-165	СУГ (1)
	<i>n'enej°</i> [n'ėnėj'] ³⁹ (555 мсек.)	84 (76%)	83,36 (82,65)	192	172 (155%)	82,83 (82,03)	193-167	СУГ (2)
17Г	<i>s'er'es</i> ⁴⁰ [s'ier'ėsi] (1140 мсек.)	233 (102%)	83,22 (82,05)	255-228 (236)	298 (131%)	83,32 (81,31)	235-171	СУГ (1)
	<i>s'er'es</i> ⁴⁰ [s'ier'ėsi] (960 мсек.)	154 (80%)	83,84 (81,97)	237	249 (130%)	83,75 (81,82)	234-156	СУГ (2)

³⁵ Относительная длительность гласных звуков в слове (15Г) высчитывается с учетом пяти фонетических сегментов, а не шести фонем.

³⁶ Обращаем внимание на длительное произношение конечного [j].

³⁷ Относительная длительность гласных звуков в слове (16Г) высчитывается с учетом пяти фонетических сегментов, а не шести фонем.

³⁸ Обращаем внимание на фрикативный шум в абсолютном конце фонетического слова (16Г) в обоих произнесениях диктора СУГ.

³⁹ В таблице указана длительность фонетического слова без фрикативного шума в абсолютном конце. Длительность произнесения фонетического слова с учетом фрикативного шума составляет примерно 773 мсек.

⁴⁰ Относительная длительность гласных звуков в слове (17Г) высчитывается с учетом пяти фонетических сегментов, а не шести фонем.

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных *e* первого и второго слогов, можно отметить следующее.

Так как данные слова фонетически заканчиваются на согласный звук, определение длительности гласного второго слога оказывается проще, чем в случае с описанными выше именами с открытыми слогами в абсолютном конце фонетического слова. Во всех произнесениях этих фонетических слов диктором СУГ длительность гласного *e* второго слога превосходит длительность гласного первого слога: примерно на 60—95 мсек., т. е. примерно на 30—80% (слово (15Г), произн. 3; (16Г), произн. 1 и 2; (17Г), произн. 1 и 2), и даже на 125 мсек. (на 83%) и на 204 мсек. (155%) — слово (15Г), произн. 1 и 2. Таким образом, соотношение длительности гласного первого слога к длительности гласного *e* второго слога, которую легко измерить, т. к. гласный не находится в абсолютном конце слова, в рассмотренных произнесениях составляет: (15Г) 1:2 [СУГ: 1]; 1:3,6 [СУГ: 2]; 1:2,1 [СУГ: 3]; (16Г) 1:1,6 [СУГ: 1]; 1:2 [СУГ: 2]; (17Г) 1:1,3 [СУГ: 1]; 1:1,6 [СУГ: 2], — т. е. обычно длительность гласного *e* второго слога превосходит длительность гласного первого слога в 1,3—2,1 раза, а иногда даже в 3,6 раза.

В некоторых произнесениях средняя интенсивность гласного *e* первого слога превышает среднюю интенсивность второго *e* примерно на 0,7—1,7 дБ (слово (15Г), произн. 1; (16Г), произн. 1 и 2; (17Г), произн. 1), что, однако, не является значительной разницей, учитывая тот факт, что начальный слог фонетического слова всегда произносится с большей громкостью и интенсивностью, чем конечный; максимальная интенсивность гласного *e* первого слога при этом либо количественно сопоставима с пиковой интенсивностью второго *e* (слово (17Г), произн. 1 и 2), либо незначительно превышает ее — примерно на 0,5 дБ (слово (15Г), произн. 1; (16Г), произн. 1 и 2). В меньшем количестве произнесений средняя интенсивность гласного *e* первого слога количественно уступает средней интенсивности второго *e*: как незначительно, примерно на 1,5 дБ (слово (15Г), произн. 2), так и намного заметнее — примерно на 8 дБ (слово (15Г), произн. 3). Следует указать при этом, что такое значительное экспираторное выделение (на 8 дБ) гласного *e* второго слога характерно для «расслабленного», «ненапряженного» (третьего) произнесения слова (15Г): так, средняя интенсивность начального слога не превышает в этом случае 74 дБ. См. контуры интенсивности произнесений данных фонетических слов в *Приложении*.

Частота основного тона в абсолютном большинстве произнесений постепенно понижается к концу фонетического слова — на 25—55 Гц и даже на 80 Гц. Повышение частоты основного тона на втором слоге зафиксировано только для «ненапряженного» (третьего) произнесения слова (15Г), в котором гласный первого слога произносится с очень низким тоном (не более 100 Гц). См. контуры частоты основного тона произнесений данных фонетических слов в *Приложении*.

Для рассмотренных выше слов структуры [CeCeC] / [CieCeC] / [CiëCeC] / [CieCieC] (*CeCeC*^o) характерно ударение на гласном *e* второго слога. Основным акустическим коррелятом словесного акцента при выделении гласного не первого слога в первую очередь оказывается большая длительность (темпоральная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. При этом экспираторный параметр (большая интенсивность ударного гласного второго слога) и тональный параметр (повышение частоты основного тона на ударном гласном второго слога) отходят на второй план, что связано в том числе с общей речевой тенденцией произносить начало фонетического слова с большей интенсивностью и более высоким тоном, чем его конец. Оба этих параметра можно считать дополнительными, второстепенными акустическими коррелятами ударения.

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов обобщены нами в *Таблице 10*.

Таблица 10

<i>CeCeC</i> ^o		
[CeCéC] / [CieCéC] / [CiëCéC] / [CieCieC]		
[e], [ë] первого слога		[é] второго слога
Д1	<	Д2
И1	(> / = / <)	И2
ЧОТ1	> / <	ЧОТ2

Однако наш вывод о темпоральной выделенности ударного гласного второго слога в рассмотренных выше словах структуры [CeCéC] (*CeCeC*^o) в гыданском диалекте не подтверждается данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956]. В словаре Т. Лехтисало приведена запись слова (15Г) для тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому: Т₁ jēðàì [Lehtisalo 1956: 120a], — где с помощью диакритики отмечена долгота первого, а не второго гласного, а над вторым гласным находится диакритика

гравис, которая может обозначать иное просодическое выделение этого гласного. В словаре Т. Лехтисало отсутствует запись слов (16Г) и (17Г) для тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому, но приведена диалектная форма этих слов, свойственная ямальским говорам: (16Г) О *n'èññàì*, ОР *n'èññàj* [Lehtisalo 1956: 317]; (17Г) О *šërēš* [Lehtisalo 1956: 438b]. Мы видим, что для слова (16Г) в ямальских говорах оба гласных обозначены символами без диакритики долготы⁴¹, а для слова (17Г) — с диакритикой долготы (*ē*).

Однако о том, что в этих словах ударение падает на второй, а не на первый слог, косвенно свидетельствует фонологическая интерпретация этих имен, сделанная Т. Салмином: (15Г) *yedey*^o (N *ø*≡) [Salminen 1998: 160, 539]; (16Г) *nyeny*^o (N *yø*≡) [Salminen 1998: 161, 493]; (17Г) *syeryesy*^o (N *yø*≡) [Salminen 1998: 156, 512]. По мнению Т. Салмины, слог, предшествующий слогу с фонемой /*ø*/ (“pre-schwa syllable”), является ударным [Salminen 2007: 350, 359].

(Ср. анализ слов данной слоговой структуры в ямальском диалекте в [Амелина 2016а: 34—36].)

Подводя итог, можно сказать, что в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка основным акустическим коррелятом ударения на первом слоге в словах с однородным вокалическим составом, представленным гласными среднего подъема переднего ряда (слоговой структуры [CjéCe] / [CjéCэ], C'éCa), является бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного, а возможным факкультативным — тональная выделенность. В словах с ударением на втором слоге (слоговой структуры CeCéC^o) параметр экспираторной выделенности, наоборот, отходит на второй план в связи с общей речевой тенденцией произносить начало слова с большей интенсивностью и громкостью, чем его конец; темпоральное маркирование ударного гласного оказывается в этом случае основным акустическим коррелятом словесного акцента, а экспираторное и тональное маркирование — второстепенными (дополнительными).

3. Акцентные характеристики фонетических слов с гласными среднего подъема заднего ряда в первом и втором слогах в гыданском диалекте

3.1. В гыданском диалекте тундрового ненецкого языка имеются слова следующих слоговых структур: 1) [CoCo] / [CoCэ]⁴² / [CoCɔ]⁴³ (CoCa), где оба согласных твердые (18Г и 19Г), 2) [CjоCo] / [CjөCo] / [CjөCэ]⁴⁴ (C'oCa), где первый согласный мягкий, а второй твердый (20Г) и 3) [CoCjо] / [CoCjө]⁴⁵ (CoC'o), где первый согласный твердый, а второй мягкий (21Г). В Таблице 11 приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных в первом и втором слогах таких фонетических слов. Как примеры слов этих слоговых структур нами были выбраны для анализа имена (18Г)—(20Г) с неисконно однородным вокалическим составом (см. подробнее ниже) и (21Г) с исконно однородным вокалическим составом (см. 11 осциллограмм, спектрограмм, контуров интенсивности и частоты основного тона в Приложении, (18Г)—(21Г)):

(18Г) нохо ‘песец’ [Терещенко 1965, 2008: 317], *ноха* (N *a*→*y*), NOXA [Salminen 1998: 227], O, T₁, U, Oks. *noχò*, S_j., U-Ts. *nòχò*, K, M *nòχò* ‘Polarfuchs, Eisfuchs’ ‘песец’ [Lehtisalo 1956: 289b—290a]; ср. Л *нохо* ‘песец’ [Бармич, Вэлло 2002: 84], *no'xo* ‘песец’ [Попова 1978: 68], L_j., N_j. *noχpâ*, P *noχòv* ‘Polarfuchs, Eisfuchs’ ‘песец’ [Lehtisalo 1956: 290a] < ПС **nokâ* [Janhunen 1977: 84];

(19Г) сохо ‘высокая остроконечная сопка с широким основанием’ [Терещенко 1965, 2008: 567], *soxa* (N *a*→*y*, ~ →*ø*), SOXA [Salminen 1998: 227, 510], ОР *soχò* ‘hoher, runder, spitz zulaufender Erdhügel’ ‘высокая остроконечная сопка’ [Lehtisalo 1956: 415a]; ср. Л *šo'xo* [šqχò] ‘гора’ [Попова 1978: 122], L_j. *χòχââ*, Kis. *χòχp*, N_j. *χòχpâ*, P *soχop* ‘hoher, runder, spitz zulaufender Erdhügel’ ‘высокая остроконечная сопка’ [Lehtisalo 1956: 415a] < ПС **sok* (~ **sokâ*, ? **sokâ*) [Janhunen 1977: 143];

(20Г) нёхо ‘пот’ [Терещенко 1965, 2008: 308], *nyoxa* (N *a*→*y*⁴⁶), NYOXA [Salminen 1998: 227]; ср. Л *нёхо* ‘пот’ [Бармич, Вэлло 2002: 82, 245], *'noxo* ‘пот’ [Попова 1978: 68] < ПС **nöjkâ* ~ **nüjkâ* (? **nojâ* (~ **nöjkâ*) ~ **nüjkâ* (~ **nüjkâ*)) [Janhunen 1977: 103];

⁴¹ Ср., однако, обозначение второго гласного как дифтонга, т. е. как долгого по существу, в записи этого слова для западных диалектов — канинского и малоземельского: Oks. *n'èññâi*, N *n'âññâi* [Lehtisalo 1956: 317].

⁴² Символом *э* обозначен «*o*-открытый», лабиализованный звук средне-нижнего подъема (open-mid) заднего ряда.

⁴³ Символом *ɔ* обозначен лабиализованный звук более нижнего подъема (более открытый), чем *э*.

⁴⁴ Точкой над *o* обозначена продвинутость гласного [o] вперед после «мягкого» согласного.

⁴⁵ Символом *ө* обозначен лабиализованный ненапряженный, редуцированный гласный звук.

⁴⁶ Символ *ï* с подчеркиванием в позиции конца слова в издании [Salminen 1998] обозначает, что, скорее всего, мы имеем дело с *i*, но, возможно, также с последовательностью *i^o* [Salminen 1998: 18].

(21Г) *морё* ‘жар, горячие угли’ [Терещенко 1965, 2008: 259], *moruo* (N *yo*→*yu*), MORØ¹→*yo* [Salminen 1998: 312], O *mōr'ù*, T₇ *mōr'ò*, Sj., K *mōr'ò* ‘Feuerbrand’ <‘головня’> [Lehtisalo 1956: 262a]; ср. Л *mōl'u* [m⁵l'u] ‘жар’ [Попова 1978: 56]⁴⁷.

В первую очередь следует оговорить, что для слов (18Г)—(20Г), как аналогично для имен (13Г) и (14Г), разобранных подробно выше, и ряда других подобных, Т. Салминен избирает фонологическую интерпретацию конечного гласного как *a*: (18Г) *noxa* (N *a*→*yi*), NOXA [Salminen 1998: 227]; (19Г) *soxa* (N *a*→*yi*, ~ →*ø*), SOXA [Salminen 1998: 227, 510]; (20Г) *nyoxa* (N *a*→*yi*), NYOXA [Salminen 1998: 227], — на что указывает в частности отмеченное типичное чередование *a* / *i* (N *a*→*yi*). Ср. также гласный **ā* во втором слоге этих слов в прасамодийской реконструкции Ю. Янхунена: (18Г) ПС **nokā* [Janhunen 1977: 84]; (19Г) ПС **sok* (~ **sokā*, ? **sokā*) [Janhunen 1977: 143]; (20Г) ПС **nōjkā* ~ **nūjkā* (? **nōjkā* (~ **nōjkā*) ~ **nūjkā* (~ **nūjkā*)) [Janhunen 1977: 103].

Однако в гыданском диалекте, как и в ямальском, мы имеем дело с фонетическими последовательностями [noxo] ([noχo]) / [noyo] ([noyɔ]), [soxo] ([soχo]) / [soyo] ([soyɔ]) и [n'oxo] ([n'oxɔ]) / [n'oyo] ([n'oyɔ]) с однородным вокалическим составом, а не [noxa] / [noya], [soxa] / [soya] и [n'oxa] / [n'oya], что подтверждают в частности данные словарей Н. М. Терещенко и Т. Лехтисало: (18Г) *нохо* [Терещенко 1965, 2008: 317], T₁ *нохò* (ср. также O, U, Окс. *нохò*, Sj., U-Ts. *нохò*, K, M *нохò*) [Lehtisalo 1956: 289b—290a]; (19Г) *сохо* [Терещенко 1965, 2008: 567] (ср. ОР *soxò* [Lehtisalo 1956: 415a]); (20Г) *нёхо* [Терещенко 1965, 2008: 308].

На фонетические последовательности [noxo] ([noχo]) / [noyo] ([noyɔ]) и [n'oxo] ([n'oxɔ]) / [n'oyo] ([n'oyɔ]) с однородным вокалическим составом в гыданском диалекте указывают также средние данные по числовым значениям первой форманты (F1) гласных. Так, средняя величина F1 гласных второго слога в произнесениях диктора ЛАЛ (18Г и 20Г) составляет примерно 520 Гц, что не превышает F1 гласных первого слога и однозначно соответствует «открытому о» (ɔ), а не *a* (F1 которого обычно составляет в среднем около 850 Гц). Таким образом, здесь мы имеем дело с проявлением своего рода сингармонизма (прогрессивной дистантной ассимиляции) гласных после *x* (см. подробнее выше).

Таблица 11

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
[o]/[ɔ] в 1С и [o]/[ɔ]/[ɐ] во 2С ([o]/[ɔ]—[o]/[ɔ]/[ɐ]) // (o—a), по [Salminen 1998: 227] [CoCo], [CoCɔ], [CoCɐ], [C'ɔCo], [C'ɔCɔ] // CoCa (CoCa, C'oCa), по [Salminen 1998: 227]								
18Г	(<i>noxa</i>) [n'oxɔ] (457 мсек.)	106 (93%)	84,76 (83,75)	231-238-209	195 (171%)	85,12 (81,62)	189-200-162 (189)	ЛАЛ (1)
	(<i>noxa</i>) [n'oxɔ] (550 мсек.)	131 (95%)	84,31 (83,26)	209-180	228 (166%)	84,21 (81,16)	179-186-156 (179)	ЛАЛ (2)
	(<i>noxa</i>) [n'oxɔ] (433 мсек.)	87 (80%)	83,39 (82,61)	216-191	202 (187%)	84,03 (82,14)	181-195-152 (183)	ЛАЛ (3)
19Г	(<i>soxa</i>) [s'oxɔ] (510 мсек.)	94 (74%)	85,22 (82,27)	197-160	123 (96%)	79,23 (76,52)	120-92 (102)	ЯНХ (1)
	(<i>soxa</i>) [s'oxɔ] (460 мсек.)	99 (86%)	82,83 (81,88)	132-112 (126)	124 (108%)	76,40 (73,11)	98	ЯНХ (2)
20Г	(<i>n'oxa</i>) [n'oxɔ] (570 мсек.)	130 (91%)	83,19 (82,26)	221-178	203 (142%)	79,79 (78,49)	154	ЛАЛ (1)
	(<i>n'oxa</i>) [n'oxɔ] (470 мсек.)	148 (126%)	83,49 (82,92)	202-159	158 (134%)	79,95 (78,19)	154	ЛАЛ (2)
	(<i>n'oxa</i>) [n'oxɔ] (570 мсек.)	160 (112%)	83,21 (82,65)	225-232-186	194 (136%)	83,79 (79,46)	195-151 (162)	ЛАЛ (3)

⁴⁷ Это слово не зафиксировано в словаре [Бармич, Вэлло 2002].

o в 1С и 2С (o—o) CoCo (CoC'o) [CoC'io], [CoC'ie]								
21Г	<i>mor'o</i> [mór'iə] ⁴⁸ (525 мсек.)	131 (100%)	83,58 (83,07)	183-159	173 (132%)	78,00 (74,93)	146	СУГ (1)
	<i>mor'o</i> [mór'iə] (587 мсек.)	164 (112%)	83,32 (81,90)	179-155 (165)	208 (142%)	77,46 (72,49)	146	СУГ (2)
	<i>mor'o</i> [mór'iə] (583 мсек.)	196 (134%)	82,61 (80,64)	167-146 (156)	178 (122%)	72,93 (71,92)	157-134-139 (145)	СУГ (3)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных первого и второго слогов, можно отметить следующее.

В большинстве случаев длительность гласного второго слога, являющегося открытым и конечным, превышает длительность первого гласного как незначительно, на 10—45 мсек., т. е. на 8—32% (слово (19Г), диктор ЯНХ, произн. 1 и 2; (20Г), диктор ЛАЛ, произн. 2 и 3; (21Г), диктор СУГ, произн. 1 и 2), так и более значительно — примерно на 70—115 мсек., т. е. на 51—107% (слово (18Г), диктор ЛАЛ, произн. 1—3; (20Г), диктор ЛАЛ, произн. 1). Только в третьем произнесении слова (21Г) *mor'o* информантом СУГ длительность первого гласного оказывается больше длительности второго гласного на 18 мсек. (12%).

Следует, однако, отметить, что гласный второго слога, хоть и произносимый длительно, обычно звучит с меньшей интенсивностью, чем гласный *o* первого слога. Так, средняя интенсивность гласного *o* первого слога во всех произнесениях превышает среднюю интенсивность гласного второго слога: примерно на 0,5—2 дБ (слово (18Г), произн. 1—3) и на 3—4,7 дБ (слово (20Г), произн. 1—3) в произнесениях диктора ЛАЛ, примерно на 6 и 9 дБ в произнесениях диктора ЯНХ (слово (19Г), произн. 1 и 2) и на 8—9,5 дБ в речи информанта СУГ (слово (21Г), произн. 1—3). При этом максимальная интенсивность гласного *o* первого слога в большинстве произнесений превышает пиковую интенсивность гласного второго слога: примерно на 3,5 дБ в произнесениях диктора ЛАЛ (слово (20Г), произн. 1 и 2), на 5,5—6,5 дБ в произнесениях информантов ЯНХ и СУГ (слово (19Г), диктор ЯНХ, произн. 1 и 2; (21Г), диктор СУГ, произн. 1 и 2) и даже более чем на 9,5 дБ в третьем произнесении слова (21Г) *mor'o* информантом СУГ. Также в *Таблице 11* зафиксировано четыре произнесения, в которых максимальная интенсивность гласного второго слога либо численно сопоставима с пиковой интенсивностью гласного *o* первого слога (слово (18Г), диктор ЛАЛ, произн. 1 и 2), либо превосходит ее, правда, совсем незначительно — не более чем на 0,6 дБ (слово (18Г), диктор ЛАЛ, произн. 3; (20Г), диктор ЛАЛ, произн. 3).

При этом можно отметить следующую закономерную тенденцию: чем значительнее интенсивность гласного *o* первого слога превосходит интенсивность второго гласного, тем меньше длительность второго гласного превышает длительность первого. Разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет при этом примерно 0,5—3 дБ, а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — 1—5 дБ, что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается быстрее и значительнее, чем на протяжении произнесения первого гласного. См. контуры интенсивности произнесений данных фонетических слов в *Приложении*.

Что касается динамики частоты основного тона на протяжении произнесения рассмотренных выше фонетических слов, то она часто повышается на гласном *o* первого слога и сразу же начинает резко понижаться на нем, после чего тон остается относительно ровным, равномерно понижаясь к концу фонетического слова. Общее понижение тона от начала к концу произнесения фонетических слов составляет обычно 30—80 Гц, а в одном произнесении диктора ЯНХ (слово (19Г), произн. 1) — даже 100 Гц. Для идиолекта диктора ЛАЛ характерно озвончение [x] > [y] в интервокальной позиции. См. контуры частоты основного тона произнесений данных фонетических слов в *Приложении*.

Для рассмотренных выше слов структур [CoCo] / [CoC'ə] / [CoC'ə] (*CoCa*), [C'ioCo] / [C'ioC'ə] / [C'ioC'ə] (*C'oCa*) и [CoC'io] / [CoC'ie] (*CoC'o*) характерно ударение на гласном первого слога. Основным акустическим коррелятом словесного акцента при выделении гласного первого слога в данном случае в первую очередь оказывается бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. Видимо, как дополнительные акустические корреляты ударения в этих фонетиче-

⁴⁸ Символом «тильда» (˜) обозначена назализация гласного звука.

ских словах можно рассматривать высокий тон на ударном гласном первого слога и его темпоральное выделение (не перед *x*). На то, что словесный акцент маркирует гласный первого, а не второго слога в словах (18Г)—(20Г) указывает также и явление сингармонизма (прогрессивной дистантной ассимиляции) гласных после *x*, в результате которого гласный второго слога «подстраивается» под гласный первого. При этом из особенностей произношения конкретных дикторов можно отметить большую экспираторную выделенность ударного гласного первого слога, т. е. большую редукцию безударного гласного второго слога, в идиолектах информантов ЯНХ и СУГ по сравнению с идиолектом ЛАЛ.

О том, что ударение в словах (18Г)—(21Г) падает на первый слог, а не на второй, свидетельствуют также формы винительного падежа единственного числа: (18Г) [nóxom(?)] ([nóxэм(?)]) / [núyom(?)] ([núyэм(?)]) (*noxa-m*) ACC.SG; (19Г) [sóxom(?)] ([sóxэм(?)]) / [sóyom(?)] ([sóyэм(?)]) (*saxa-m*) ACC.SG; (20Г) [níxom(?)] ([níxэм(?)]) / [níyom(?)] ([níyэм(?)]) (*nyoxa-m*) ACC.SG; (21Г) [mór'em(?)] / [mór'ëm(?)] (*moryo-m*) ACC.SG [ЛАЛ, ЯНХ, СУГ].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных произнесений разобранных фонетических слов обобщены нами в *Таблице 12*.

Таблица 12

CóCa, C'óCa, где второй согласный — <i>x</i> (Cóxa, C'óxa) [CóCo] / [CóCɔ] / [CóCɒ] ([Cóxo] / [Cóxɔ] / [Cóxp]), [C'óCo] / [C'óCɔ] / [C'óCɒ] ([C'óxo] / [C'óxo] / [C'óxɔ])		
[ó], [ó'] первого слога		[o], [ɔ] ([ɒ]) второго слога
Д1	<	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2
CóC'o, где второй согласный — не <i>x</i> [CóCo] / [CóC'ə]		
[ó] первого слога		[ə] второго слога
Д1	> (/ = / <)	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

Наш вывод о том, что в гыданском диалекте ударный гласный первого слога в рассмотренных выше словах структуры [Cóxo] / [Cóxɔ] / [Cóxp] // [Cóyo] / [Cóyɔ] / [Cóyɒ] (*Cóxa*, с фонемой *x* во втором слоге) не выделен темпорально по сравнению с гласным открытого второго слога, подтверждается также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому: (18Г) T₁ *noxò* [Lehtisalo 1956: 289b], — в этой словарной фиксации не отмечена длительность гласного первого слога. Слово (19Г) не зафиксировано в словаре Т. Лехтисало для тазовского диалекта, но зафиксировано для другого восточного диалекта — ямальского: (19Г) OP *soxò* [Lehtisalo 1956: 415a]; в этой фиксации ни один из символов для гласных также не снабжен диакритикой, обозначающей долготу⁴⁹.

Что касается слов структуры [CóC'io] / [CóC'iə] (*CóC'o*), где второй согласный — не *x* (21Г), то в словаре Т. Лехтисало находится подтверждение нашему выводу о том, что ударный гласный первого слога в этих случаях может превосходить второй гласный по длительности: (21Г) T₇ *mōr'ə* [Lehtisalo 1956: 262a]. В этой словарной фиксации для тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому, первый гласный передается символом с диакритикой долготы (*ō*), а второй гласный не имеет такой диакритики (*ə*).

3.2. В *Таблице 13* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных *o* в первом и втором слогах фонетического слова слоговой структуры *CoCoC'o*, представленной подвидом [CoCoC'i] / [CəCoC'i] (*CoCoC'o*), где первый и второй согласные твердые, а третий мягкий. Как пример слова такой слоговой структуры нами было выбрано для анализа следующее (см. три осциллограммы, спектрограммы, контура интенсивности и частоты основного тона в *Приложении*, (22Г)):

(22Г) *нопой* (числ. колич.) 'один, одна, одно' [Терещенко 1965, 2008: 398], *ngorou*^o (N 0~yø, ~yø≡), NGOP0←MPO+ÿ(ø) [Salminen 1998: 168, 498], O, T₁, S_j, I *nořřòì*, OP *nořřoj*, U-Ts., Oks. *ořřòì*, U, N, S_jo. *ořřòì* 'einer' <'один'> [Lehtisalo 1956: 39a]; ср. Л *ноп*, *но'пой* 'один, одна, одно' [Бармич, Вэлло 2002: 97],

⁴⁹ Слово (20Г) не зафиксировано в словаре Т. Лехтисало ни для одного из говоров тундрового ненецкого языка.

ηōp(?) [ηōp(?) = (*η*)*o'poj* [(η)ōp^oɔi] ‘один’ [Попова 1978: 82], Lj., Nj., Ni., P *ηōp* ‘eins, einer’ <‘один’> [Lehtisalo 1956: 38b] < der. ПС **op* (? **oāp*) < der. ПС **o-* (? **oā-*) [Janhunen 1977: 28]⁵⁰.

Следует, однако, оговорить, что, по мнению Т. Салминена, это слово является фонологически трехсложным, а не двусложным и имеет слоговую структуру *CoCoC*^o: *ngorou*^o (N *0~jθ*, ~ *yθ*≡) [Salminen 1998: 168, 498]. Что касается наших полевых материалов по гыданскому диалекту Т ненец., то ни на спектрограммах, ни на слух мы не обнаруживаем гласного звука или призвука в абсолютном конце этого слова (укажем также на турбулентный шум, придыхание, в конце звучания *j*), поэтому далее мы рассматриваем это имя как фонетически двусложное.

Таблица 13

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
<i>o</i> в 1С и 2С (<i>o—o</i>) // (<i>o—o—°</i>), по [Salminen 1998: 168, 498]								
[<i>CoCoC</i>] ([<i>CθCoCj</i>]) // <i>CoCoC</i> ^o (<i>CoCoC</i> ^o), по [Salminen 1998: 168, 498]								
22Г	<i>ηorou</i> ^o ⁵¹ [ηōrōj] (465 мсек.)	67 (72%)	85,04 (83,19)	251-287-265	81 (87%)	83,57 (82,60)	233-176	СУГ (1)
	<i>ηorou</i> ^o [ηōrōj] ⁵² (440 мсек.)	41 (47%)	84,29 (83,39)	229-241 (235)	95 (108%)	91,13 (88,04)	[без голоса]	СУГ (2)
	<i>ηorou</i> ^o [ηōrōj] ⁵³ (590 мсек.) ⁵⁴	95 (81%)	84,01 (82,52)	197-259-253	120 (102%)	82,94 (82,58)	208-152	СУГ (3)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных *o* первого и второго слогов, можно отметить следующее.

Так как данное слово фонетически заканчивается на согласный звук, определение длительности гласного последнего слога оказывается проще, чем в случае с описанными выше именами с открытыми слогами в абсолютном конце фонетического слова. В приведенных здесь для примера произнесениях слова (22Г) диктором СУГ длительность гласного *o* второго слога превосходит длительность *o* первого слога примерно на 15—55 мсек. (на 15—61%). Таким образом, соотношение длительности гласного *o* первого слога к длительности гласного второго слога, которую легко измерить, т. к. гласный не находится в абсолютном конце слова, в этих рассмотренных произнесениях составляет: 1:1,2 [СУГ: 1]; 1:2,3 [СУГ: 2]; 1:1,3 [СУГ: 3], — т. е. длительность гласного *o* второго слога превосходит длительность гласного первого слога в 1,2—2,3 раза.

В двух из рассмотренных в *Таблице 13* произнесениях (произн. 1 и 3) средняя интенсивность гласного *o* первого слога численно сопоставима со средней интенсивностью второго *o*: она не превышает среднюю интенсивность второго *o* более чем на 0,6 дБ. При этом максимальная интенсивность гласного *o* первого слога превышает пиковую интенсивность второго *o* на 1—1,5 дБ, что, однако, не является значительной разницей, учитывая тот факт, что начальный слог фонетического слова всегда произносится с большей громкостью и интенсивностью, чем конечный. В одном произнесении (произн. 2) средняя интенсивность гласного *o* второго слога значительно — почти на 5 дБ — превосходит среднюю интенсивность первого *o*, а максимальная — почти на 7 дБ. Такая значительная разница указывает на явное экспираторное маркирование гласного *o* второго слога, несмотря на то, что он произносится без голосового источника звука. См. контуры интенсивности данных произнесений в *Приложении*.

Частота основного тона во всех трех рассмотренных произнесениях диктором СУГ повышается на гласном *o* первого слога: на 10 Гц (произн. 2), 40 Гц (произн. 1) и даже на 60 Гц (произн. 3), — а на глас-

⁵⁰ Здесь мы рассматриваем это слово в ряду производных в современном тундровом ненецком языке, т. к. считаем его дериватом прасамодийского уровня.

⁵¹ Относительная длительность гласных звуков в слове (22Г) высчитывается с учетом пяти фонетических сегментов, а не шести фонем.

⁵² В этом произнесении слова (22Г) диктором СУГ гласный второго слога и конечный сонорный *j* не имеют голосового источника звука (произносятся без голоса).

⁵³ Отметим фрикативный шум в абсолютном конце фонетического слова после [j].

⁵⁴ В таблице указана длительность фонетического слова без фрикативного шума в конце.

ном *o* второго слога довольно резко понижается — примерно на 100 Гц (по сравнению с наибольшей ЧОТ на первом *o*). Что касается второго произнесения слова (22Г), то в нем гласный *o* второго слога вообще звучит без голосового источника звука, однако в этом случае он оказывается значительно более выделен темпорально (превышает гласный первого слога примерно на 55 мсек., 61%) и экспираторно (почти на 5 дБ по сравнению с гласным первого слога), чем в двух других произнесениях. См. контуры частоты основного тона данных произнесений в *Приложении*.

Для рассмотренного выше слова структуры [CoCoCi] / [CəCoCi] (CoCoC^o) характерно ударение на гласном второго слога. Основным акустическим коррелятом словесного акцента при выделении гласного не первого слога в первую очередь является бóльшая длительность (темпоральная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. При этом экспираторный параметр можно считать дополнительным акустическим коррелятом ударения.

О том, что ударение в слове (22Г) падает на второй слог, а не на первый, свидетельствует также форма винительного падежа единственного числа: [ɲəɔ́jɲm(?)] / [ɲəɔ́j³m(?)] (ngopoy^o-m) [СУГ].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных обобщены нами в *Таблице 14*.

Таблица 14

CoC ^o C ^o		
[CoC ^o Ci] / [CəC ^o Ci]		
[o], [ə] первого слога		[ó] второго слога
Д1	<	Д2
И1	(> / = / <)	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

Наши выводы о просодической выделенности ударного гласного второго слога в рассмотренном выше слове структуры [CoC^oCi] / [CəC^oCi] (CoC^oC^o) в гыданском диалекте подтверждаются также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому: T₁ ɲoɔ́pɔ̀i [Lehtisalo 1956: 39a]. Возможно, что диакритика грависа над символом для гласного второго слога говорит о его экспираторной или тональной выделенности, однако его темпоральная выделенность при этом никак не обозначена.

О том, что в этом слове ударение падает на второй, а не на первый слог, косвенно свидетельствует и фонологическая интерпретация этого имени, сделанная Т. Салминеном: ngopoy^o (N 0~jə, ~ yə≡), NGOP0←MPO+ÿ(Ø) [Salminen 1998: 168, 498]. По мнению Т. Салминена, слог, предшествующий слогу с фонемой /^o/ (“pre-schwa syllable”), является ударным [Salminen 2007: 350, 359]. Таким образом, в системе Т. Салминена гласный *o* второго слога в рассмотренном нами слове должен считаться ударным, т. к. находится перед слогом с фонемой /^o/, что согласуется с нашими полевыми данными.

Подводя итог, можно сказать, что в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка основным акустическим коррелятом словесного ударения на первом слоге в словах с однородным вокалическим составом, представленным лабиализованными гласными звуками среднего подъема заднего ряда (слоговых структур [C^oC^o] / [C^oC^o] / [C^oC^o] = C^oCa, [C^oC^o] / [C^oC^o] / [C^oC^o] = C^oCa и [C^oC^o] / [C^oC^o] = C^oC^o), является бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного, а параметр темпоральной выделенности отходит на второй план. В словах с ударением на втором слоге (слоговой структуры CoC^oC^o) параметр экспираторной выделенности, наоборот, ослабевает в связи с общей речевой тенденцией произносить начало слова с большей интенсивностью и громкостью, чем его конец; темпоральное выделение ударного гласного оказывается в этом случае основным акустическим коррелятом словесного акцента, а экспираторное и тональное маркирование — второстепенными (дополнительными). При этом второстепенные параметры становятся более значимыми в «ненапряженных» произнесениях, т. е. «активизируются» для того, чтобы ударный гласный оставался маркирован даже при нечетком и беглом произнесении.

4. Акцентные характеристики фонетических слов с краткими гласными среднего ряда в первом и втором слогах в гыданском диалекте

4.1. В гыданском диалекте тундрового ненецкого языка имеются также слова слоговой структуры [CəCə^o] / [CəCə^o] / [CəCə^o] (CəC^oC^o = CəC^oC^o в записи Т. Салминена). В *Таблице 15* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных первого и второго слогов в произнесениях фонетического слова данной слоговой структу-

ры. Как пример слова этой слоговой структуры нами было выбрано для анализа следующее имя (см. осциллограммы, спектрограммы, контуры интенсивности и частоты основного тона в *Приложении*, (23Г)):

(23Г) *пax̃ʰ(н)* ‘корень (дерева); основание’ [Терещенко 1965, 2008: 454], *pəxʰh* (N *ng→j̃+0*), PØXØNG [Salminen 1998: 257].

Отметим, что в словаре [Терещенко 1965, 2008] гласный первого слога обозначен как *a*, а не как *ə* (*ǎ*), в отличие от фиксации этого слова в работе Т. Салминена, где первый гласный обозначен как *ø* (= *ə*), а второй — как *°*.

Таблица 15

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
[ǎ] в 1С и [ǎ]/[v] во 2С ([ǎ]—[ǎ]/[v]) // (ø—°), по [Salminen 1998: 257] [CǎCǎʰ] ([CǎCǎʰ], [CǎCǎʰʰ]) // CǎC°C = CøC°C, по [Salminen 1998: 257]								
23Г	<i>(pəxʰ°)</i> [pǎxʰʰ] (585 мсек.)	97 (83%)	84,29 (82,29)	202-181 (193)	268 (229%)	83,13 (81,66)	174	ЛАЛ (1)
	<i>(pəxʰ°)</i> [pǎxʰʰʰ] (842 мсек.)	121 (72%)	83,44 (82,40)	218-176	256 (152%)	83,68 (81,61)	179	ЛАЛ (2)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных первого и второго слогов, можно отметить следующее.

В рассмотренных произнесениях длительность гласного второго слога, закрытого гортанным смычным, значительно превышает длительность первого гласного — примерно на 170 и 135 мсек. (на 146% и 80%).

Гласный второго слога при этом обычно звучит с меньшей интенсивностью, чем гласный первого слога. Так, средняя интенсивность гласного первого слога превосходит среднюю интенсивность гласного второго слога примерно на 0,6—0,8 дБ в произнесениях диктора ЛАЛ, что, однако, не является значительной величиной. При этом максимальная интенсивность первого гласного может как превышать пиковую интенсивность второго (на 1,2 дБ в произн. 1), так и быть численно сопоставимой с ней (произн. 2). См. контуры интенсивности данных произнесений в *Приложении*.

На протяжении произнесения рассмотренных выше фонетических слов тон обычно понижается на первом слоге на 20—40 Гц, а затем остается практически ровным и равномерно убывает к концу слова (условно движение тона можно изобразить как плавное ___). Во втором произнесении слова (23Г) происходит озвончение [x] > [ɣ] в интервокальной позиции. См. контуры частоты основного тона данных произнесений в *Приложении*.

Для рассмотренного выше слова структуры [CǎCǎʰ] / [CǎCǎʰʰ] / [CǎCǎʰʰʰ] (CǎC°C = CøC°C) характерно ударение на гласном первого слога. Основным акустическим коррелятом словесного акцента при выделении гласного первого слога в данном случае в первую очередь оказывается не бóльшая длительность (темпоральная выделенность), а бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным, а также более высокий тон на ударном гласном, что, возможно, является дополнительным акустическим параметром ударения.

О том, что ударение в данном слове падает на первый слог, а не на второй, свидетельствует также форма винительного падежа единственного числа: [pǎxʰəmʰ] / [pǎxʰəmʰʰ] (*pəxʰh-m*) ACC.SG [ЛАЛ].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных обобщены нами в *Таблице 16*.

Таблица 16

<i>CǎC°C</i> [CǎCǎʰ] ([CǎCǎʰʰ], [CǎCǎʰʰʰ]), где второй согласный — x [Cǎxʰʰ] ([Cǎxʰʰʰ], [Cǎxʰʰʰʰ])		
[ǎ] первого слога		[ǎ], [v] второго слога
Д1	<	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

Наш вывод о том, что в гыданском диалекте Т ненец. ударный гласный первого слога в рассмотренном выше слове структуры [Cǎxʰʰ] / [Cǎxʰʰʰ] / [Cǎxʰʰʰʰ] (CǎC°C) не всегда выделен темпорально по сравнению с гласным закрытого гортанным смычным второго слога, не подтверждается напрямую данными,

зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для наиболее близкого ему тазовского диалекта, однако подтверждается для ямальского диалекта, следующего по близости к гыданскому: О р̄а̄χ̄ā⁵⁵ [Lehtisalo 1956: 335a], где отмечается долгота второго гласного (ā).

4.2. В гыданском диалекте тундрового ненецкого языка имеются также фонетические слова слоговых структур [CəCɪəC] / [CəCɪəC]⁵⁵ (CəCəC° = CəCəC° в записи Т. Салминена) и [CəCɪəCC] = [CəCɪəC?] / [CəCɪəCC] = [CəCɪəC?] (CəCəC° = CəCəC° в записи Т. Салминена). В Таблице 17 приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных ə в первом и втором слогах в произнесениях фонетических слов данных слоговых структур.

Как примеры фонетических слов данных слоговых структур нами были выбраны для анализа формы имени (24Г) — форма номинатива единственного числа (24Г(1)) и номинатива множественного числа (24Г(2)); см. семь осциллограмм, спектрограмм, контуров интенсивности и частоты основного тона в Приложении, (24Г(1)) и (24Г(2)): (24Г) х̄я̄л̄ ‘слеза’ [Терещенко 1965, 2008: 761], х̄əӯə^o (N ə≡), Х̄Ө̄Ÿ̄Ө̄L̄Ө̄ [Salminen 1998: 77, 529], О х̄ā̄j̄j̄ēl̄⁵⁶, К х̄ā̄j̄j̄ēl̄⁵⁶, U-Ts. х̄ā̄j̄j̄ēl̄⁵⁶ ‘Träne’ ⟨‘слеза’⟩ [Lehtisalo 1956: 165a] < ПС *kəñälä (? *kəjnälä ~ *kəjälä) [Janhunen 1977: 53].

Следует прежде всего указать на разницу в фонологической интерпретации этого слова в словаре Н. М. Терещенко, где оно представлено как х̄я̄л̄ [Терещенко 1965, 2008: 761], и в словаре Т. Салминена, где оно зафиксировано как х̄əӯə^o (N ə≡), Х̄Ө̄Ÿ̄Ө̄L̄Ө̄ [Salminen 1998: 77, 529], т. е. как трехсложное (а не двусложное) слово с фонемой /^o/ в третьем, последнем, слоге. Фонологическая интерпретация Т. Салминена согласуется с прасамодийской реконструкцией этого слова как трехсложного (ПС *kəñälä (? *kəjnälä ~ *kəjälä) [Janhunen 1977: 53]), однако не находит подтверждения в записи диалектных вариантов этого имени, представленной в словаре Т. Лехтисало: О х̄ā̄j̄j̄ēl̄⁵⁶, К х̄ā̄j̄j̄ēl̄⁵⁶, U-Ts. х̄ā̄j̄j̄ēl̄⁵⁶ [Lehtisalo 1956: 165a]. Кроме того, для ямальского и большеземельского диалекта в словаре Т. Лехтисало приведены варианты этого слова с долгим гласным в первом слоге, что не согласуется ни с данными Н. М. Терещенко и Т. Салминена, ни с прасамодийской реконструкцией этого слова, сделанной Ю. Янхуненом, ни с нашими полевыми данными.

Здесь мы рассматриваем слово (24Г) как фонетически двусложное; в записи Т. Салминена форма NOM.PL для этого слова должна выглядеть как х̄əӯə^oq. Что касается наших полевых материалов по гыданскому диалекту, то ни на спектрограммах, ни на слух мы не обнаруживаем гласного звука или призвука после сонорного l.

Таблица 17

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
[ə] в 1С и [ə]/[ə] во 2С ([ə]—[ə]/[ə]) // (ə—ə— ^o), по [Salminen 1998: 77, 529] [CəCɪəC] ([CəCɪəC]) // CəCəC° (CəC'əC°), по [Salminen 1998: 77, 529]								
24Г (1)	х̄əj̄ə ^o [xəj̄ə] ⁵⁶ (485 мсек.)	95 (98%)	84,24 (83,41)	187-196-182 (189)	116 (120%)	82,95 (82,28)	155	ЛАЛ (1)
	х̄əj̄ə ^o [xəj̄ə] (610 мсек.)	80 (66%)	86,45 (84,39)	187-216	104 (85%)	83,97 (81,64)	175-148	ЯГВ (1)
	х̄əj̄ə ^o [xəj̄ə] (527 мсек.)	69 (65%)	85,75 (84,94)	172-194-213	87 (83%)	82,65 (81,94)	186-159	ЯГВ (2)
	х̄əj̄ə ^o [xəj̄ə] (470 мсек.)	60 (64%)	85,80 (85,04)	192-219	95 (101%)	83,26 (82,94)	182-151	ЯГВ (3)
	х̄əj̄ə ^o [xəj̄ə] (477 мсек.)	63 (66%)	85,09 (84,07)	201-215-211 (209)	87 (91%)	83,23 (82,41)	174-153	ЯГВ (4)

⁵⁵ Символом ə здесь и далее обозначен краткий гласный звук верхне-среднего подъема среднего ряда, более верхний и более передний, чем [ə].

⁵⁶ Относительная длительность гласных в произнесениях (24Г(1)) дикторами ЛАЛ и ЯГВ высчитывается с учетом пяти фонетических сегментов, а не шести фонем.

[ə] в 1С и [ə]/[ə] во 2С ([ə]—[ə]/[ə]) // (ə—ə—ə), по [Salminen 1998: 77, 529] [CəCəCC] = [CəCəC?] ([CəCəCC] = [CəCəC?]) // CəC'əC'C, по [Salminen 1998: 77, 529]								
24Г (2)	<i>xəjəl'ə?</i> [xəjəlʰ] ⁵⁷ (673 мсек.)	63 (56%)	84,66 (83,22)	220-195 (208)	102 (91%)	84,01 (83,01)	182-166 (175)	ЛАЛ (1)
	<i>xəjəl'ə?</i> [xəjəlʰ] (517 мсек.)	66 (77%)	85,10 (83,55)	210	109 (126%)	83,93 (82,24)	192-161 (174)	ЛАЛ (2)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных первого и второго слогов, можно отметить следующее.

В рассмотренных выше произнесениях фонетического слова (24Г(1)) дикторами ЛАЛ и ЯГВ длительность гласного второго слога превышает длительность первого [ə] на 18—35 мсек. (18—37%); в рассмотренных выше произнесениях фонетического слова (24Г(2)) диктором ЛАЛ длительность гласного второго слога превышает длительность первого [ə] даже примерно на 40 мсек. (35% и 49%). Таким образом, соотношение длительности гласного первого слога к длительности гласного второго слога, которую легко измерить, т. к. гласный не находится в абсолютном конце слова, в этих рассмотренных произнесениях составляет: (24Г(1)) 1:1,2 [ЛАЛ: 1]; 1:1,3 [ЯГВ: 1]; 1:1,3 [ЯГВ: 2]; 1:1,6 [ЯГВ: 3]; 1:1,4 [ЯГВ: 4]; (24Г(2)) 1:1,6 [ЛАЛ: 1]; 1:1,7 [ЛАЛ: 2], — т. е. длительность гласного второго слога превосходит длительность гласного первого слога в 1,2—1,7 раза в произнесениях дикторов ЛАЛ и ЯГВ.

В рассмотренных выше произнесениях фонетических слов (24Г(1)) и (24Г(2)) диктором ЛАЛ как максимальная, так и средняя интенсивность гласного [ə] первого слога незначительно превосходит пиковую и среднюю интенсивность гласного второго слога — примерно на 1—1,3 дБ, а в произнесении 1 слова (24Г(2)) диктором ЛАЛ разница в показателях по максимальной интенсивности гласных не превосходит 0,6 дБ, а по средней — даже 0,2 дБ, что свидетельствует об экспираторной сопоставимости гласных. В рассмотренных выше произнесениях (24Г(1)) диктором ЯГВ максимальная интенсивность [ə] первого слога превосходит пиковую интенсивность гласного второго слога значительно, чем в речи ЛАЛ, — примерно на 1,9—3,1 дБ, а средняя — на 1,7—3 дБ. При этом следует помнить об общей речевой тенденции произносить начало фонетического слова с большей интенсивностью и громкостью, чем его конец. Разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет обычно 0,8—2,1 дБ, между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — 0,3—2,3 дБ, что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается не быстрее и не значительнее, чем на протяжении произнесения первого гласного, а часто даже, наоборот, медленнее. См. контуры интенсивности рассмотренных произнесений в *Приложении*.

На протяжении произнесения фонетического слова (24Г(1)) дикторами ЛАЛ и ЯГВ тон всегда имеет локальное повышение на гласном первого слога (на 10—40 Гц), а затем равномерно понижается к концу фонетического слова (более чем на 40—75 Гц). Для произнесений фонетического слова (24Г(2)) диктором ЛАЛ характерен относительно ровный тон, равномерно понижающийся к концу (примерно на 50—55 Гц); колебания по частоте основного тона при этом незначительны. См. контуры ЧОТ рассмотренных произнесений в *Приложении*.

Для рассмотренного выше имени существительного (24Г) в формах NOM.SG (24Г(1)) и NOM.PL (24Г(2)) характерно ударение на гласном второго слога. Основным акустическим коррелятом словесного ударения в данном случае оказывается большая длительность (темпоральная выделенность) ударного гласного второго слога по сравнению с безударным.

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных рассмотренных произнесений фонетических слов обобщены нами в *Таблице 18*.

Таблица 18

CəC'əC'C, CəC'əC'C (= CəC'əC'?) [CəC'əC] ([CəC'əC]), [CəC'əCC] = [CəC'əC?] ([CəC'əCC] = [CəC'əC?])		
[ə] первого слога		[ə], [ə] второго слога
Д1	<	Д2
И1	= / >	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

⁵⁷ Относительная длительность гласных в двух произнесениях (24Г(2)) диктором ЛАЛ высчитывается с учетом шести фонетических сегментов, а не семи фонем.

Наш вывод о темпоральной выделенности ударного гласного второго слога в рассмотренном выше слове в гыданском диалекте не подтверждается данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому: в словаре Т. Лехтисало для слова (24Г) не приводится тазовская диалектная форма.

О том, что в этом слове ударение падает на второй, а не на первый слог, косвенно свидетельствует фонологическая интерпретация этого имени, сделанная Т. Салминеном: $x\sigma y\emptyset l^{\circ}$ ($N \emptyset \equiv$), $X\emptyset\check{Y}\emptyset L\emptyset$ [Salminen 1998: 77, 529]. По мнению Т. Салминена, слог, предшествующий слогу с фонемой / σ / (“pre-schwa syllable”), является ударным [Salminen 2007: 350, 359].

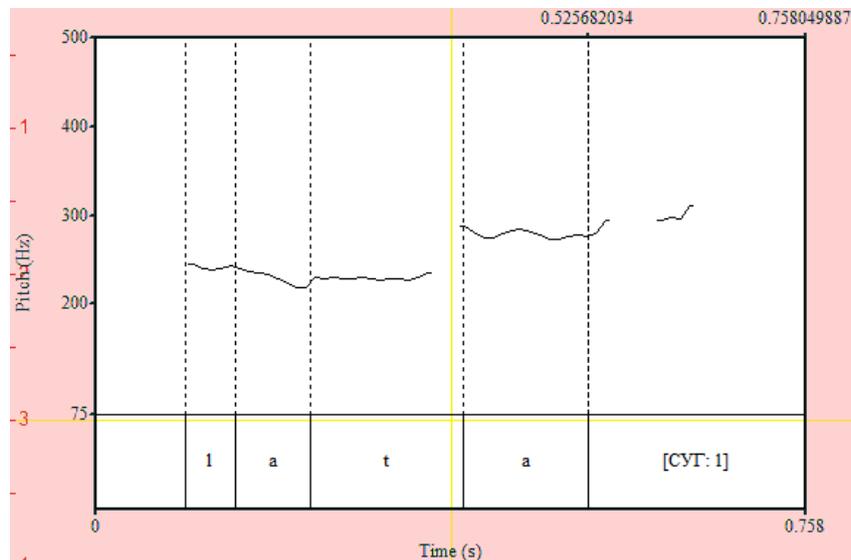
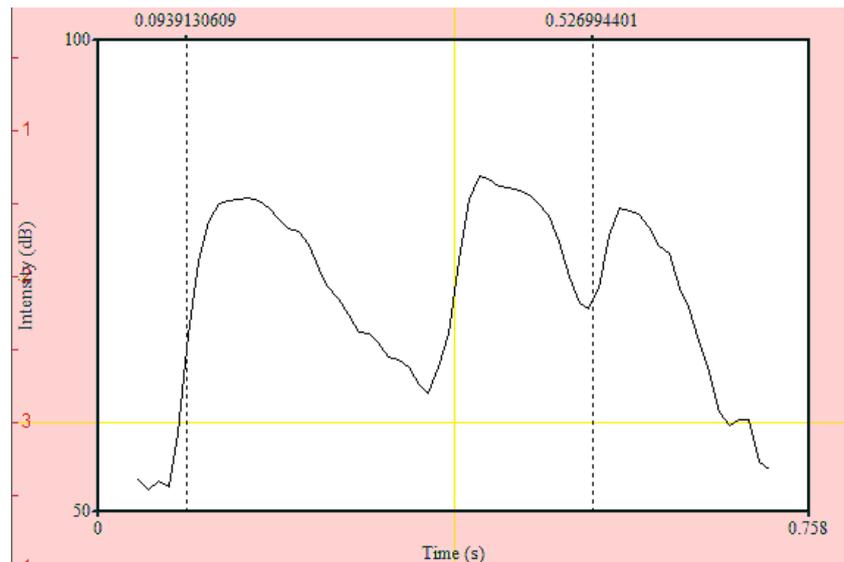
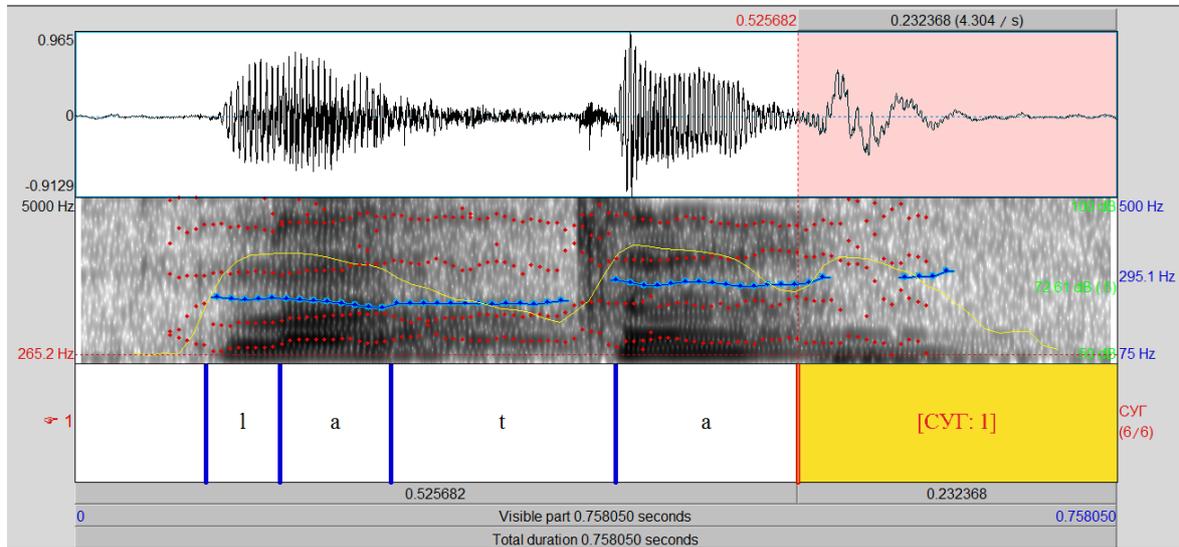
Подводя итог, можно сказать, что в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка основным акустическим коррелятом словесного ударения на первом слоге в словах с однородным вокалическим составом, представленным краткими гласными звуками (слоговой структуры $[C\acute{a}C\acute{e}^{\circ}] / [C\acute{a}C\acute{e}^{\circ}] / [C\acute{a}C\acute{e}^{\circ}] = C\acute{a}C^{\circ}C$), является бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного, а параметр темпоральной выделенности отходит на второй план. В словах с ударением на втором слоге (слоговой структуры $C\acute{a}C\acute{a}C^{\circ}(C)$) параметр экспираторной выделенности, наоборот, ослабевает в связи с общей речевой тенденцией произносить начало слова с большей интенсивностью и громкостью, чем его конец; темпоральное выделение ударного гласного оказывается в этом случае основным акустическим коррелятом словесного акцента, а экспираторное маркирование — второстепенным (дополнительным).

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что ударение в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка является **квантитативно-экспираторным с элементами тонального**, т. е. акустически коррелятами словесного акцента в гыданском диалекте являются бóльшая длительность (темпоральная выделенность), бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) и более высокий тон (тональная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. При этом для маркирования ударного гласного первого слога на первый план выходит экспираторный параметр. Наоборот, для маркирования ударного гласного второго слога на первый план выходит темпоральный параметр, а тональный и экспираторный параметры оказываются дополнительными. Это связано с общими речевыми тенденциями — длительного произношения конечного открытого слога и более громкого и интенсивного произношения начала фонетического слова по сравнению с его концом.

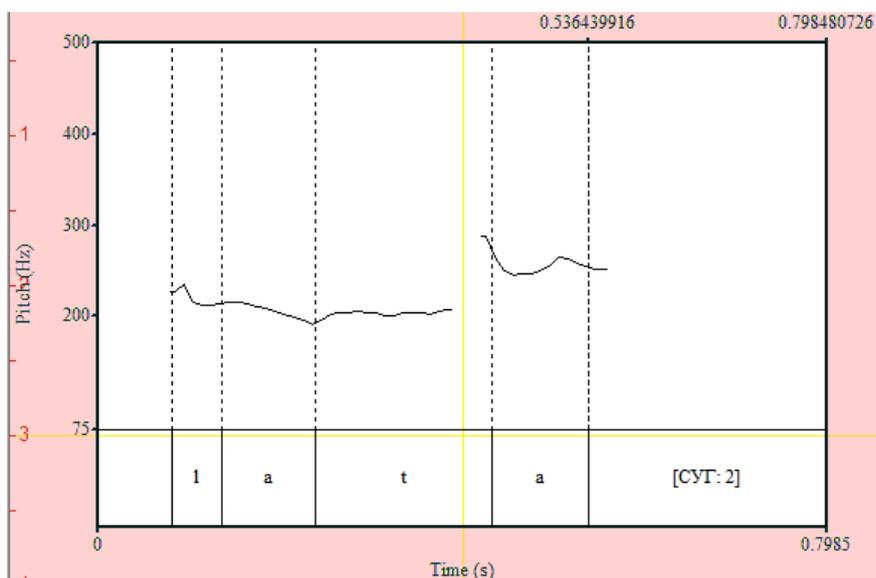
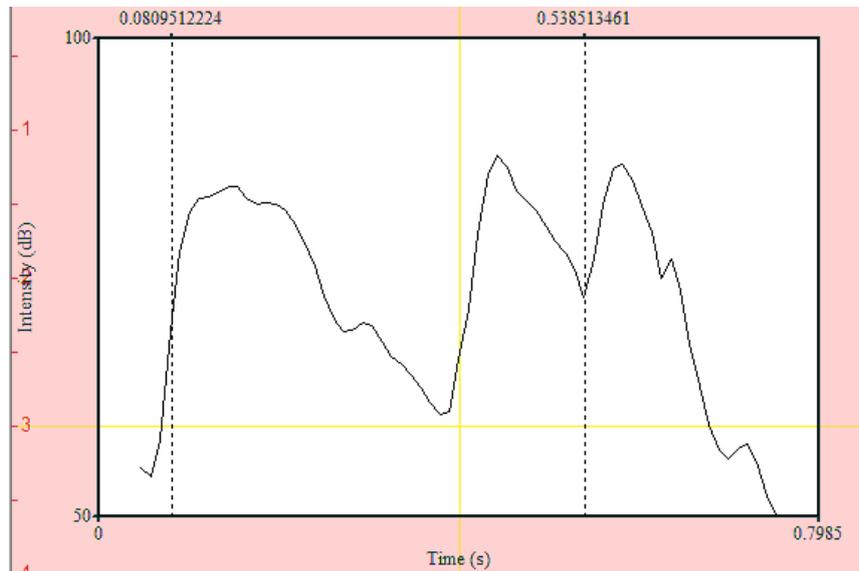
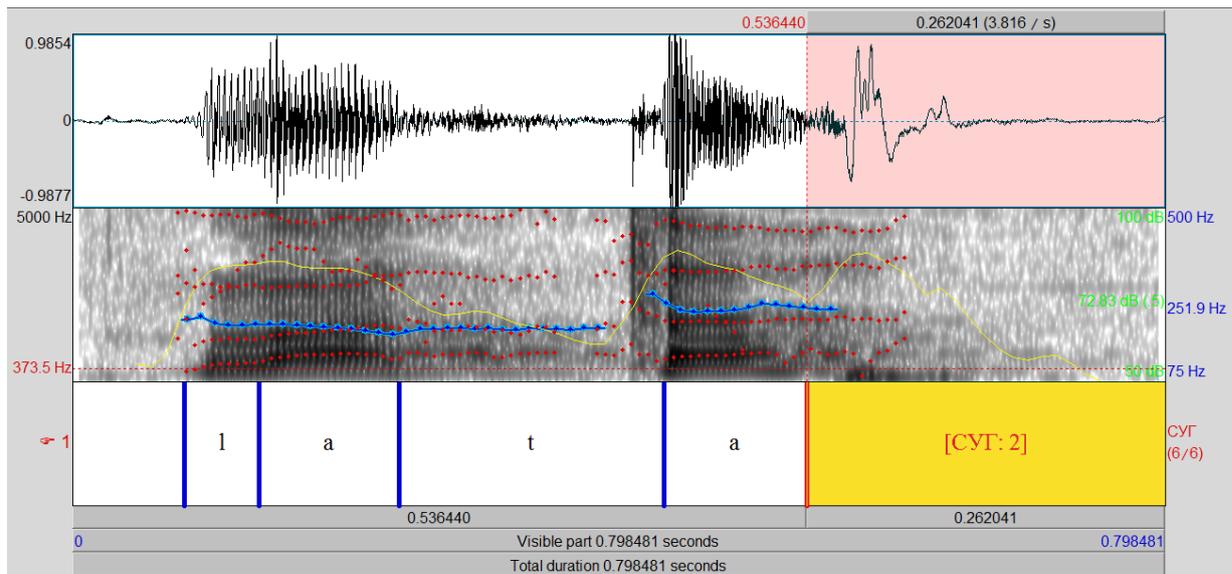
Приложение

1. Фонетические слова с аллофонами гласной фонемы нижнего подъема (а) в первом и втором слогах

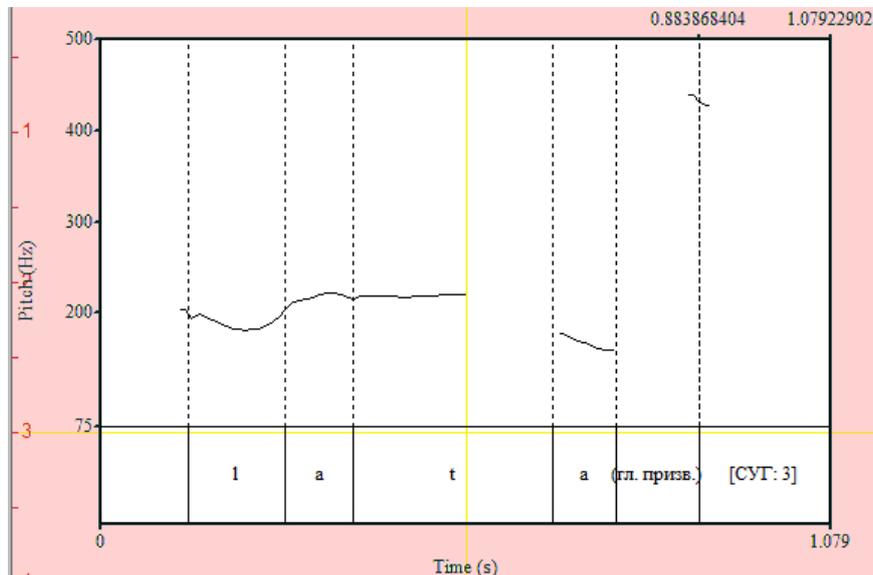
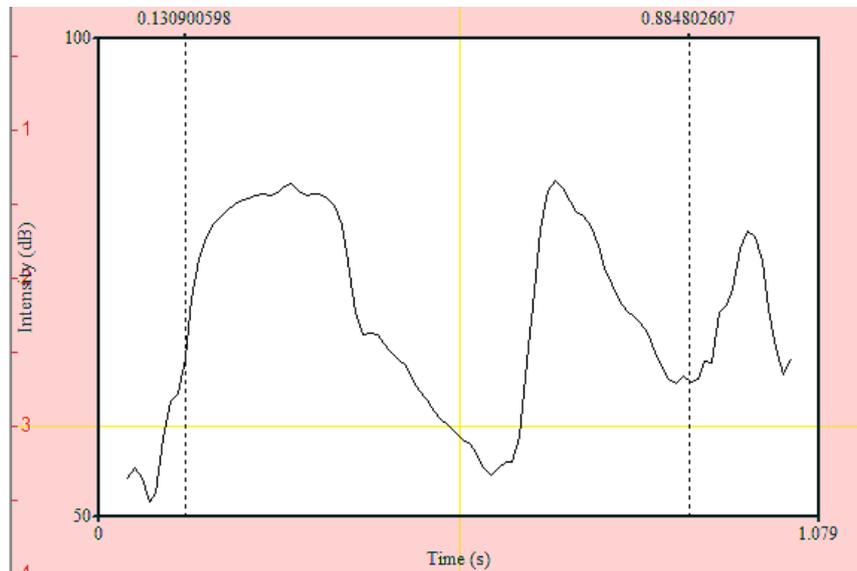
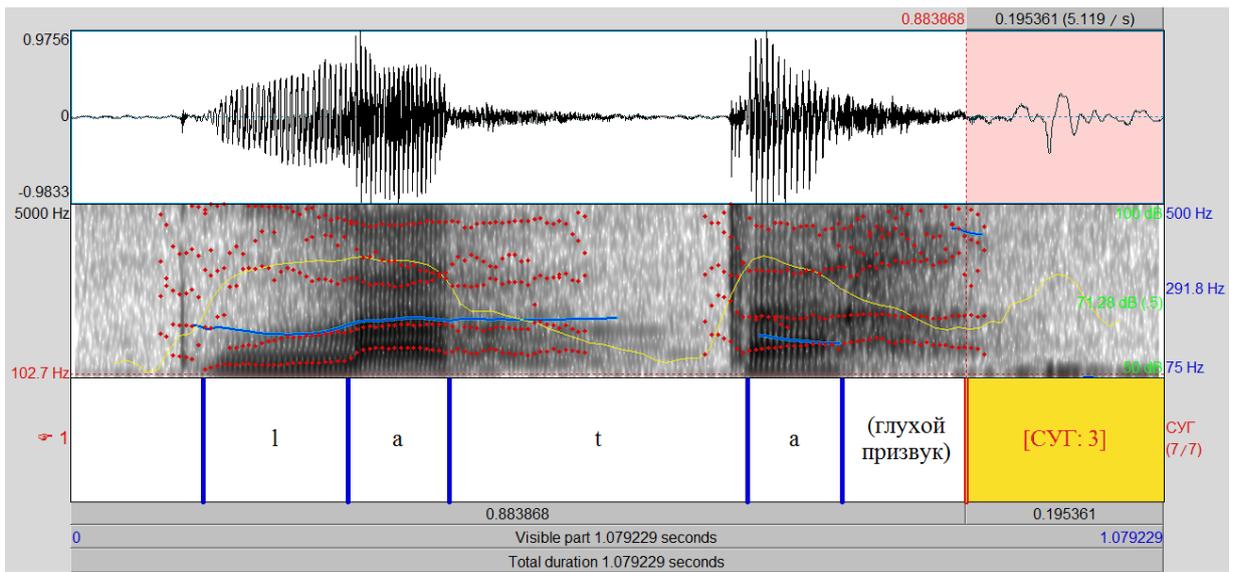
(1Г) Т гыдан. [láʈa] *lata* [СУГ: 1]

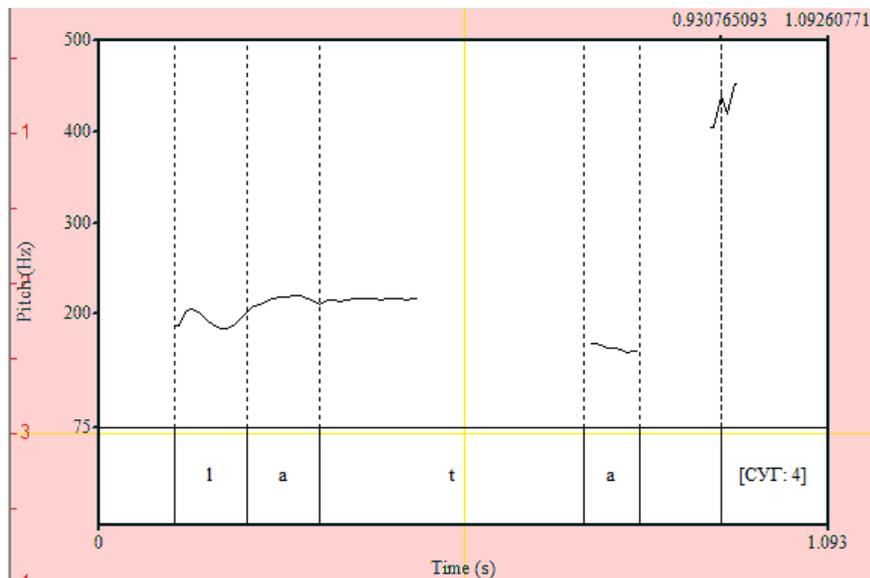
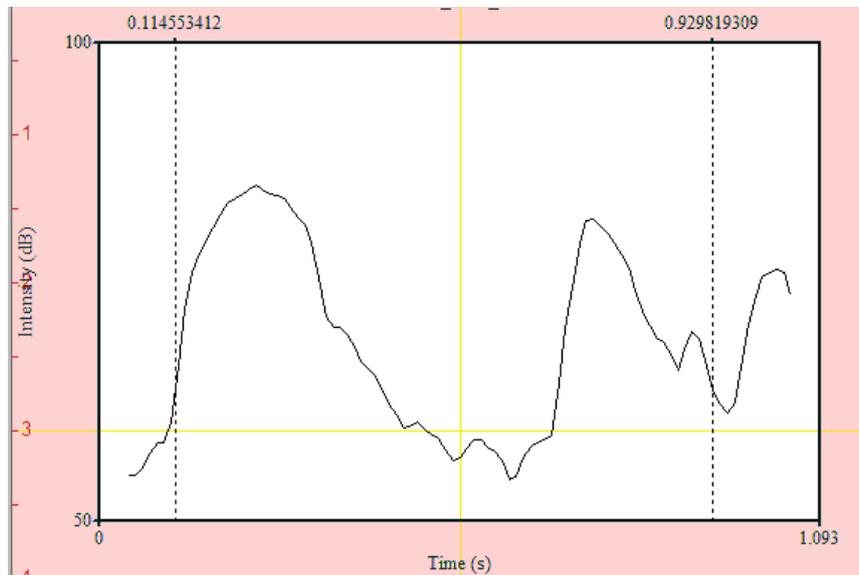
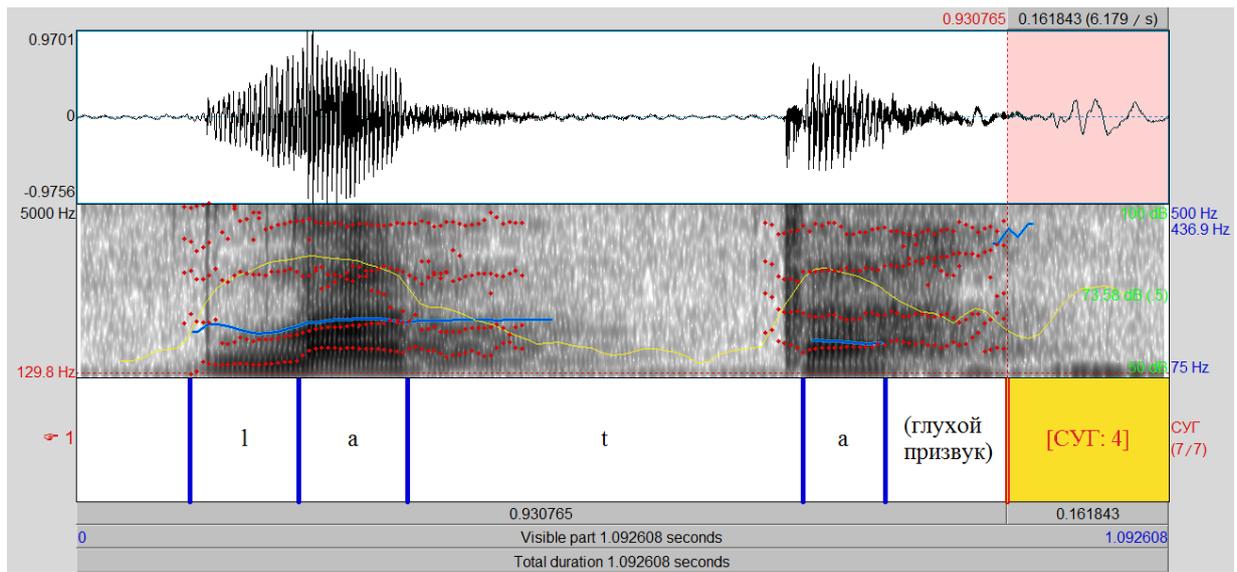
(1Г) Т гыдан. [láta] lata [СУГ: 2]

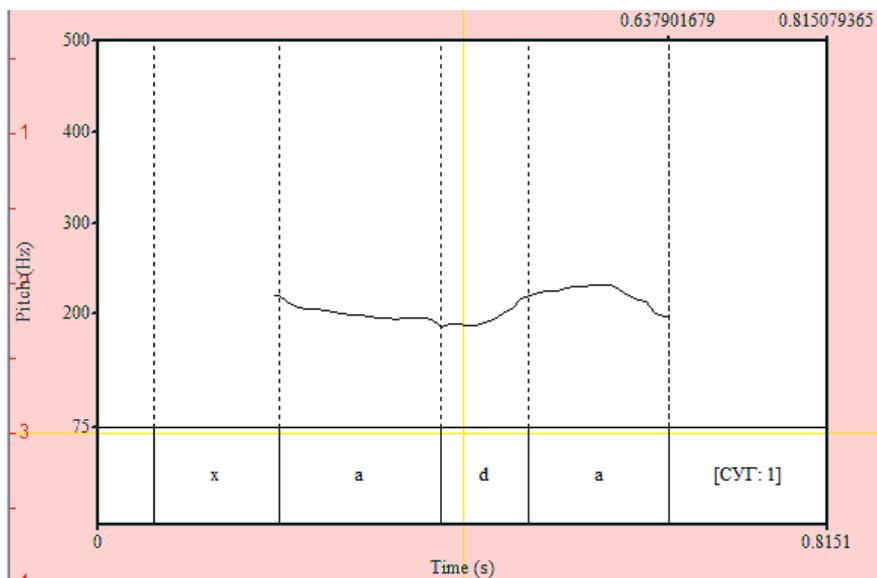
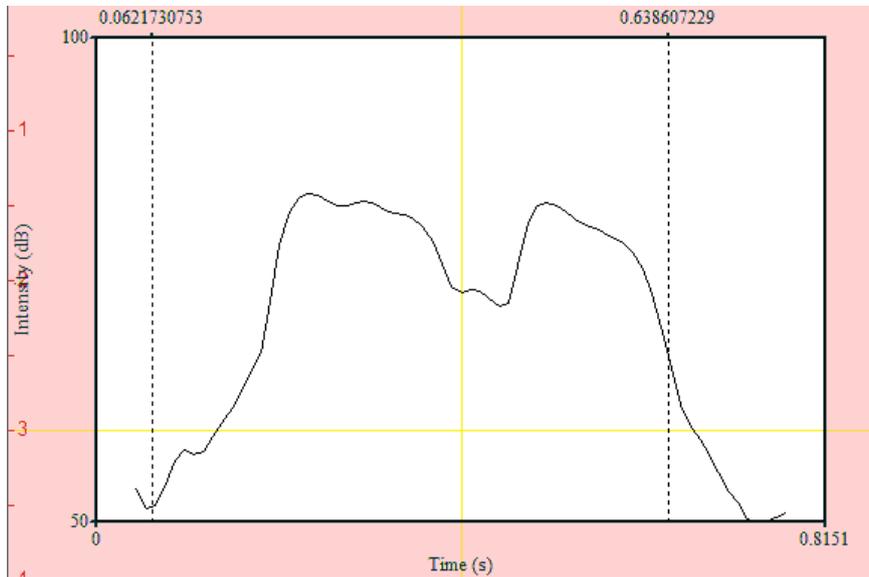
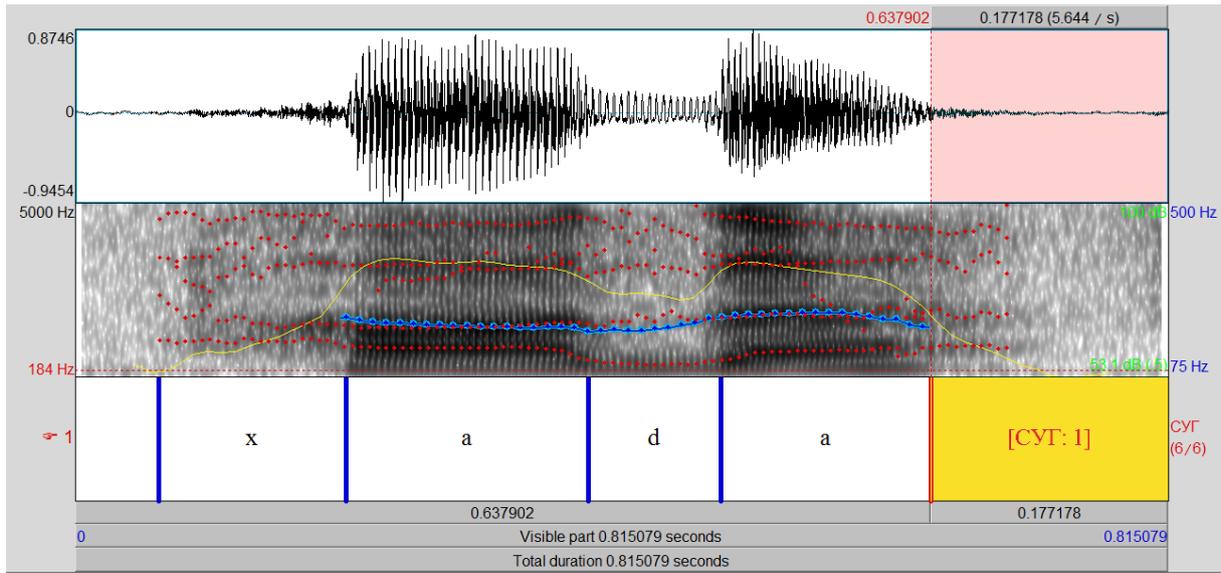
(1Г) Т гыдан. [láɥɛ] *lata* [СУГ: 3]

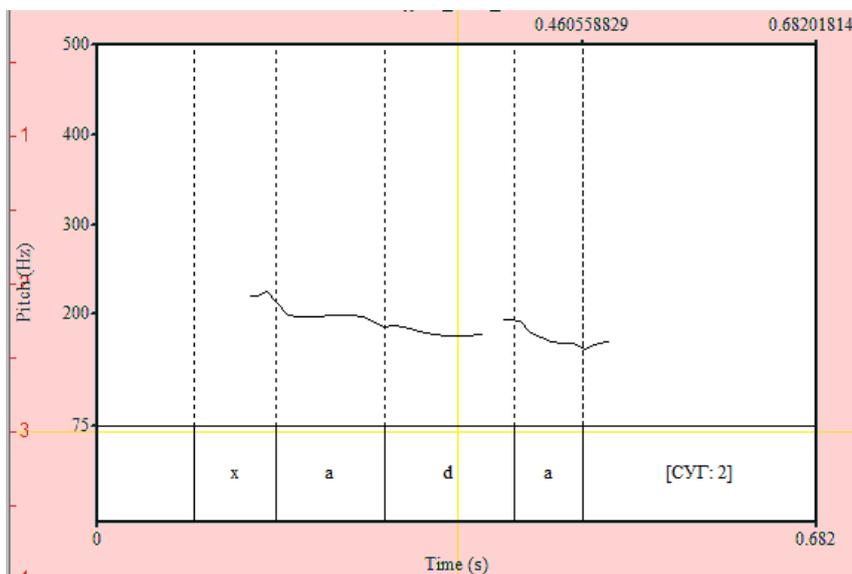
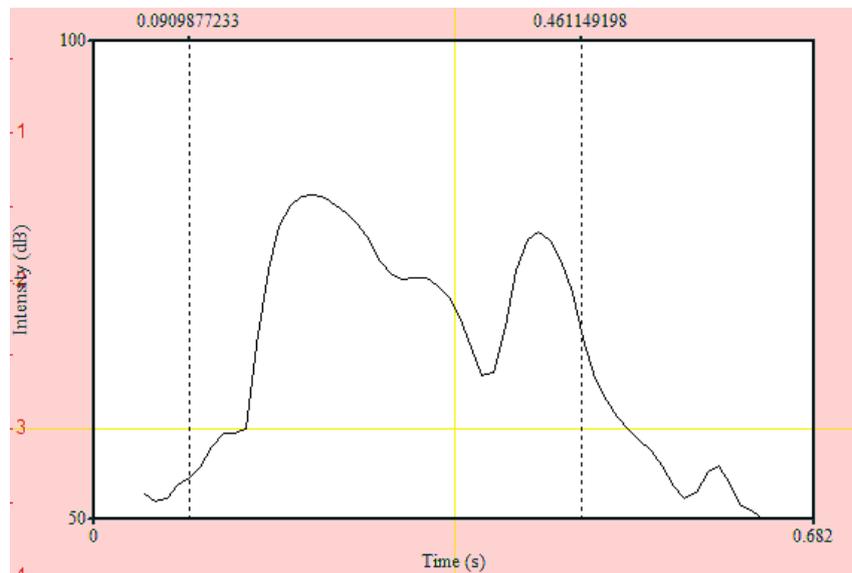
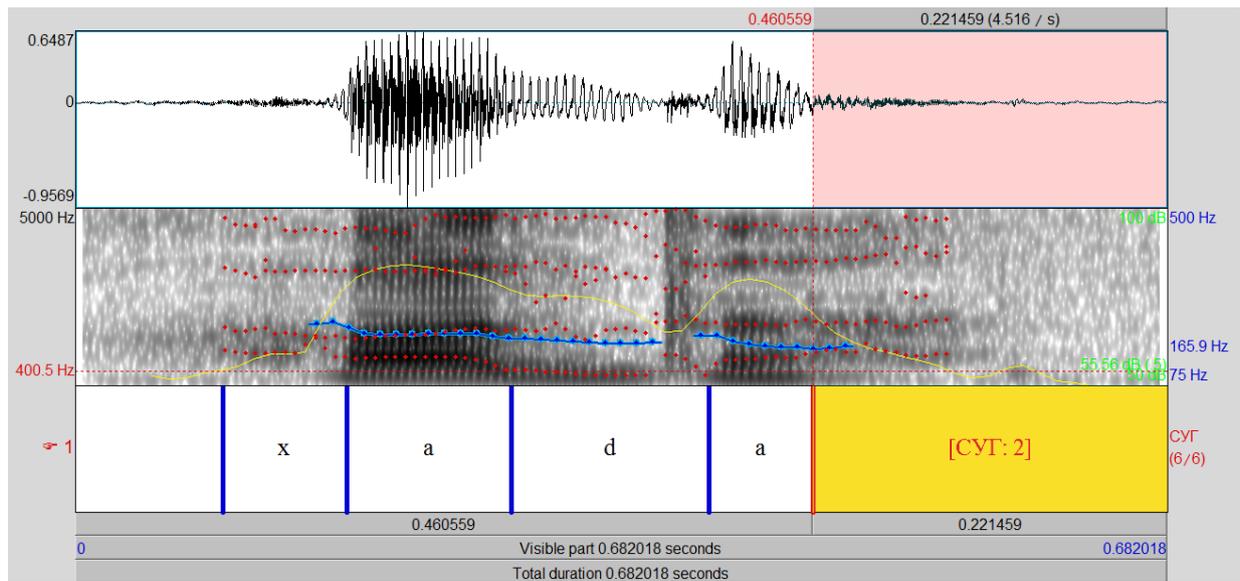
(1Г) Т гыдан. [láte] lata [СУГ: 4]

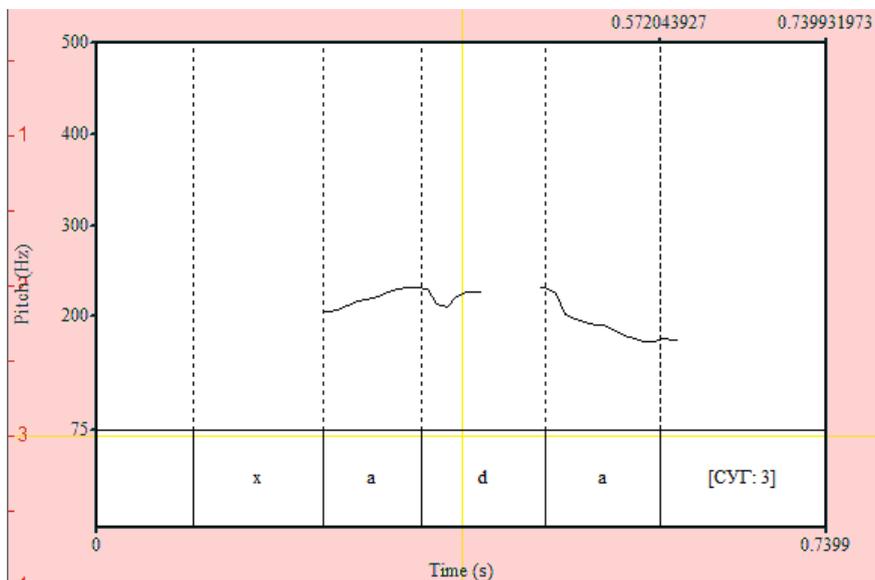
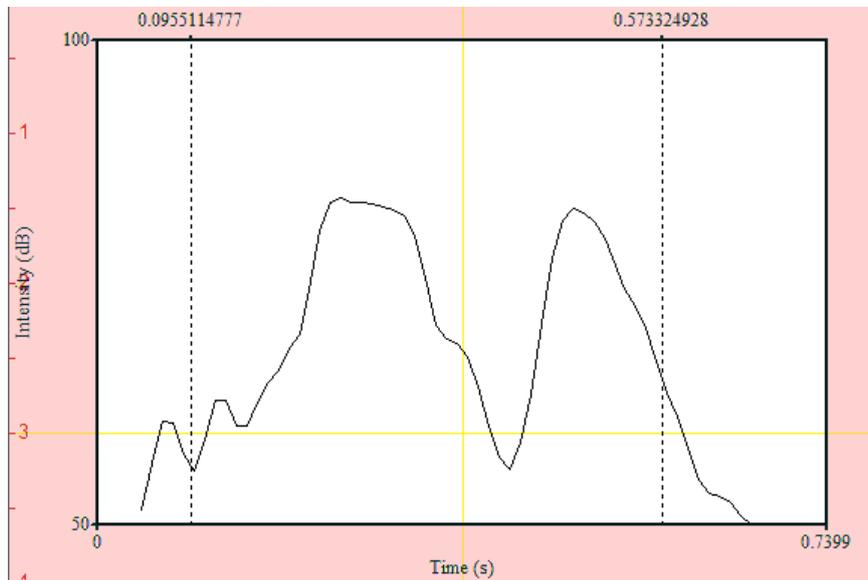
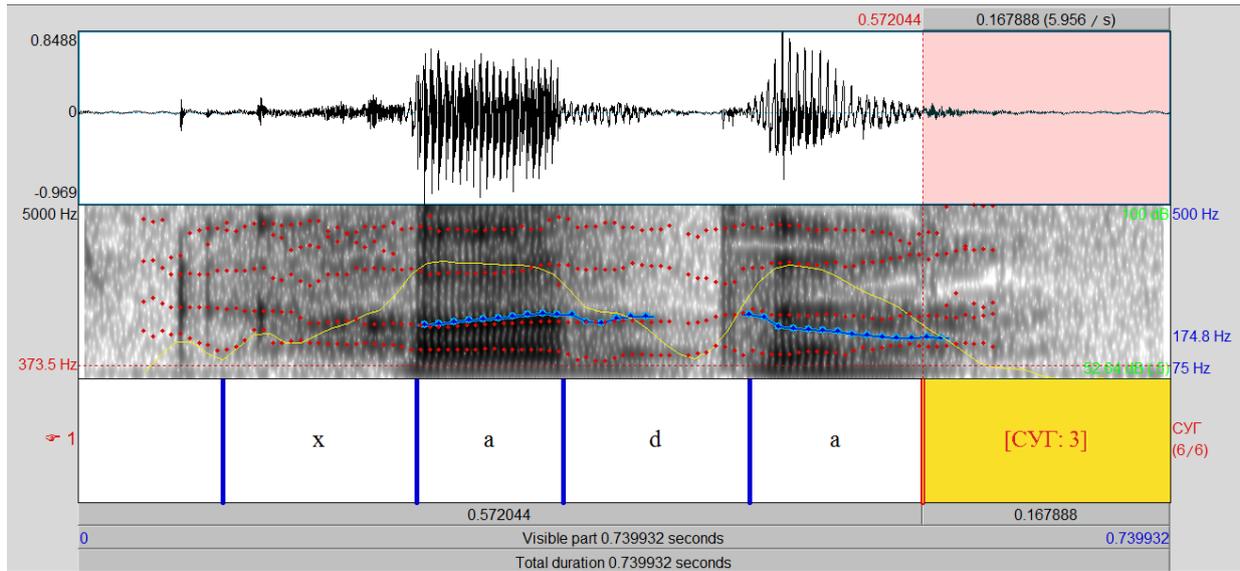
(2Г) Т гыдан. [xáǰe] xada [CYГ: 1]

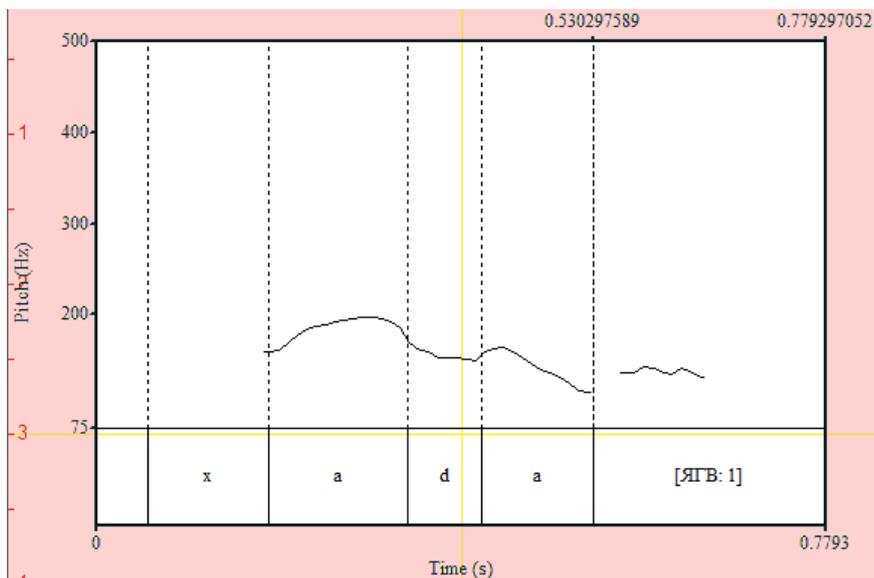
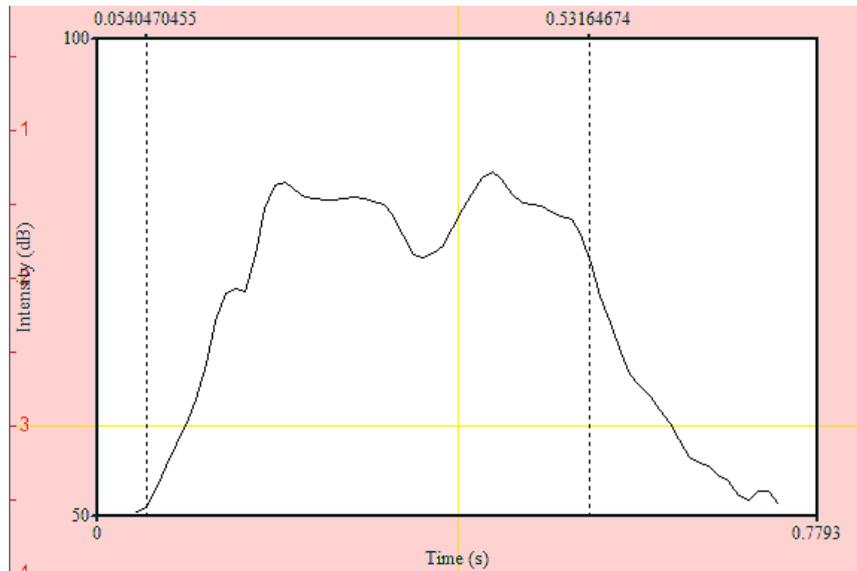
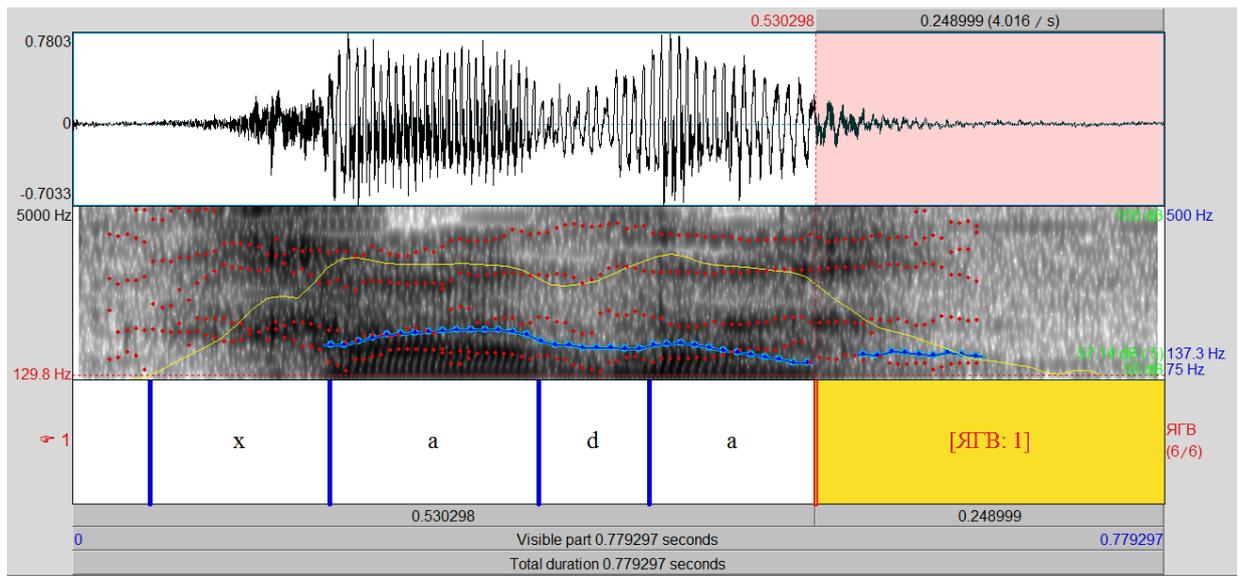
(2Г) Т гыдан. [xáðɛ] xada [CYГ: 2]

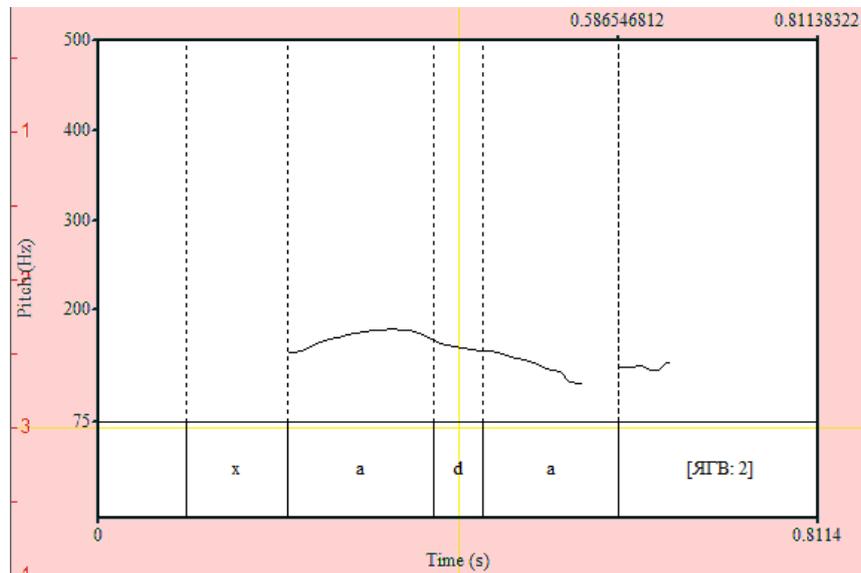
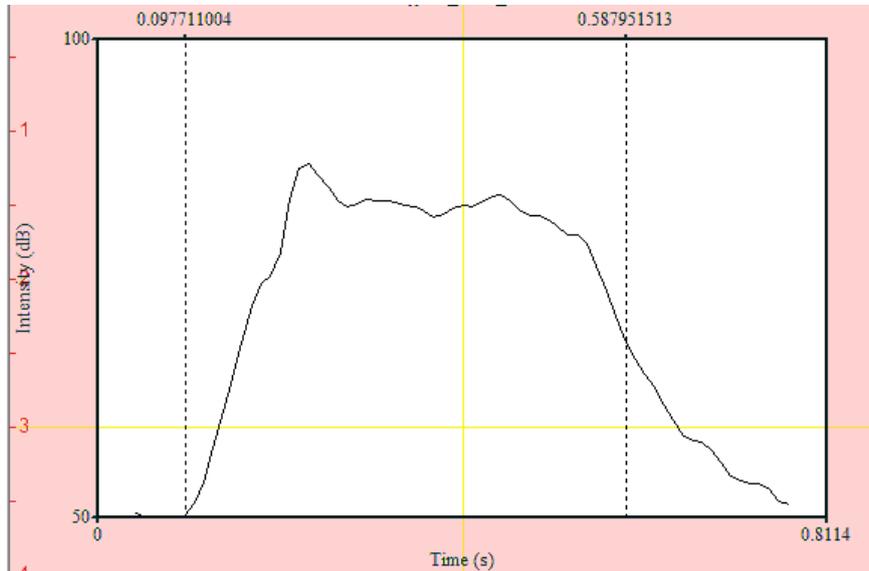
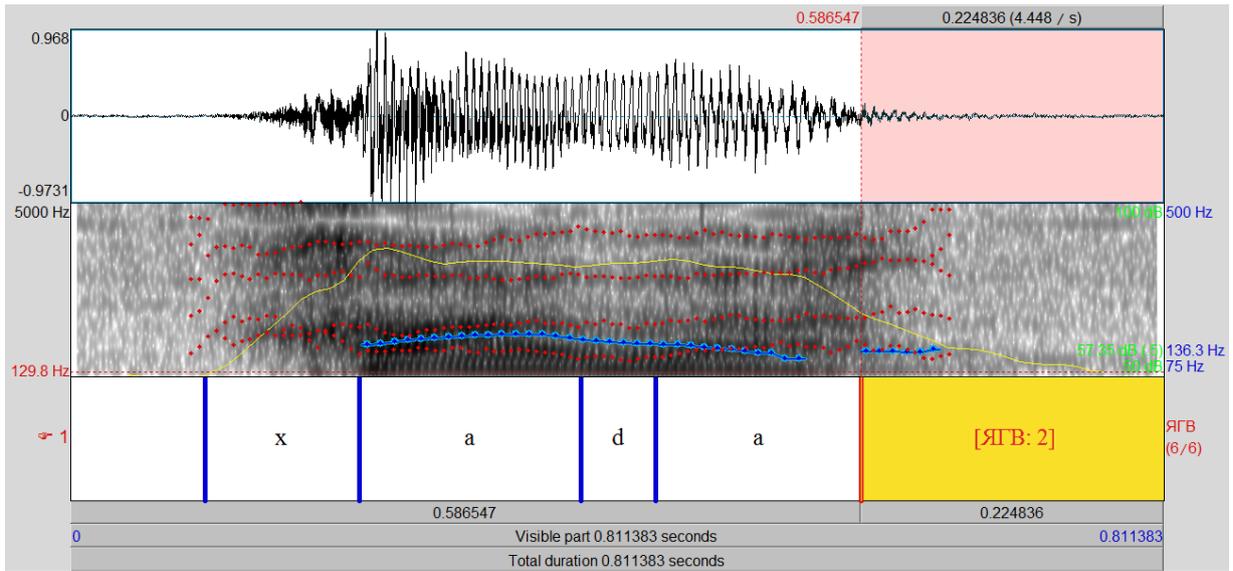
(2Г) Т гыдан. [xáde] xada [CYГ: 3]

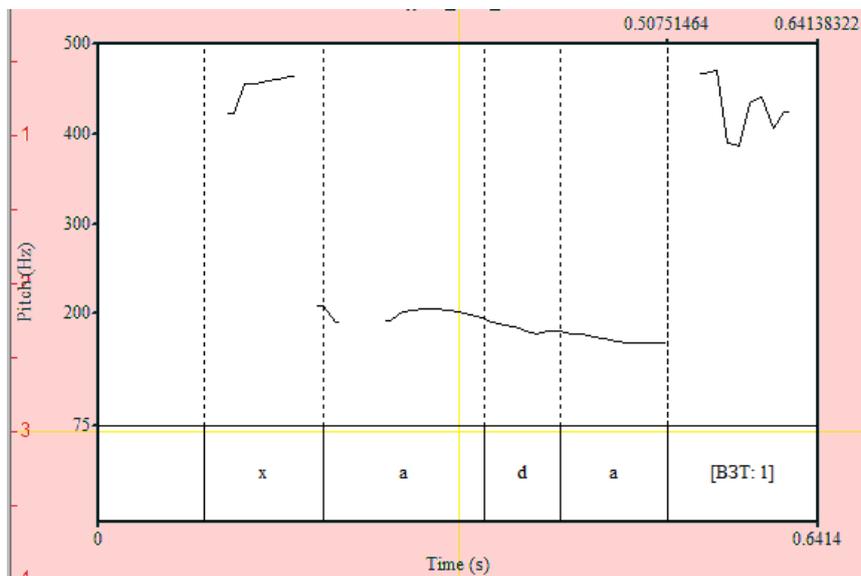
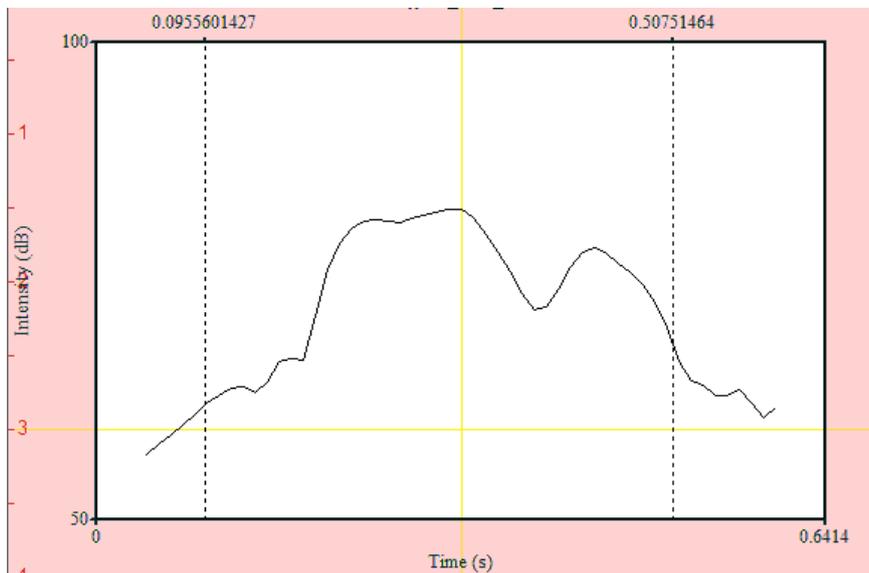
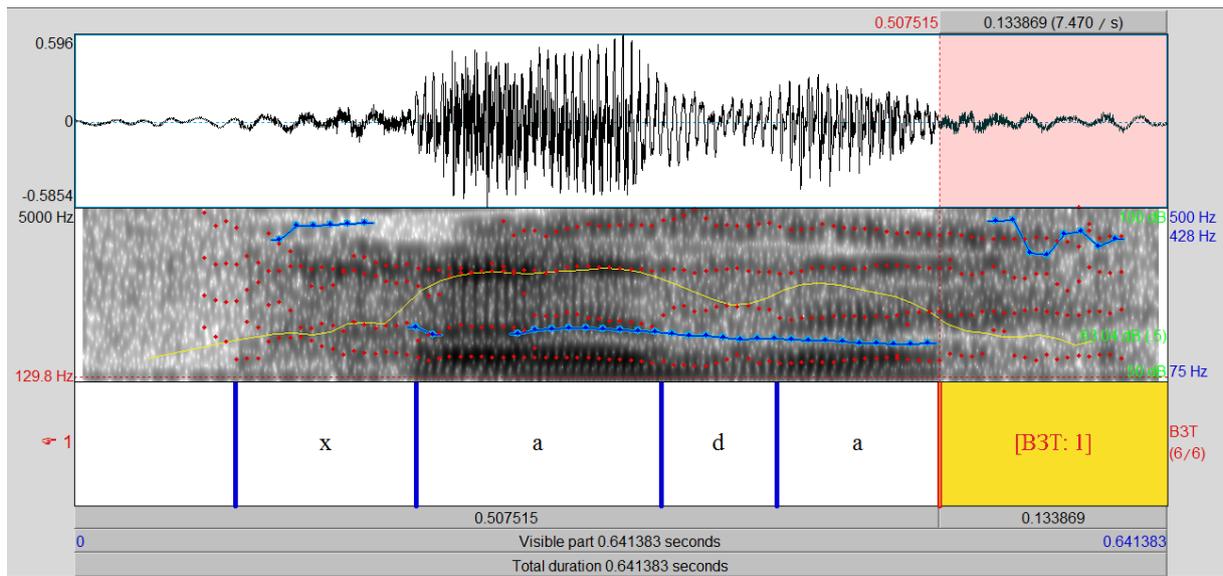
(2Г) Т гыдан. [хáðе] хада [ЯГВ: 1]

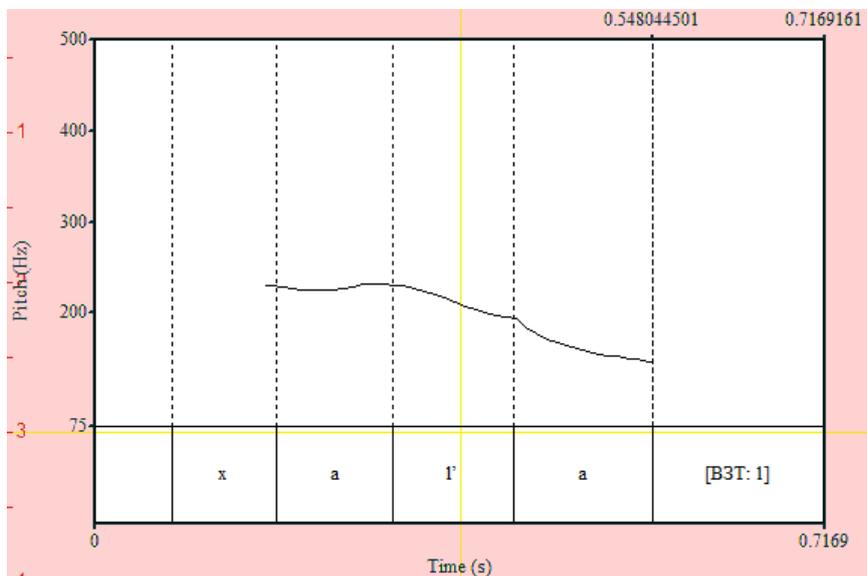
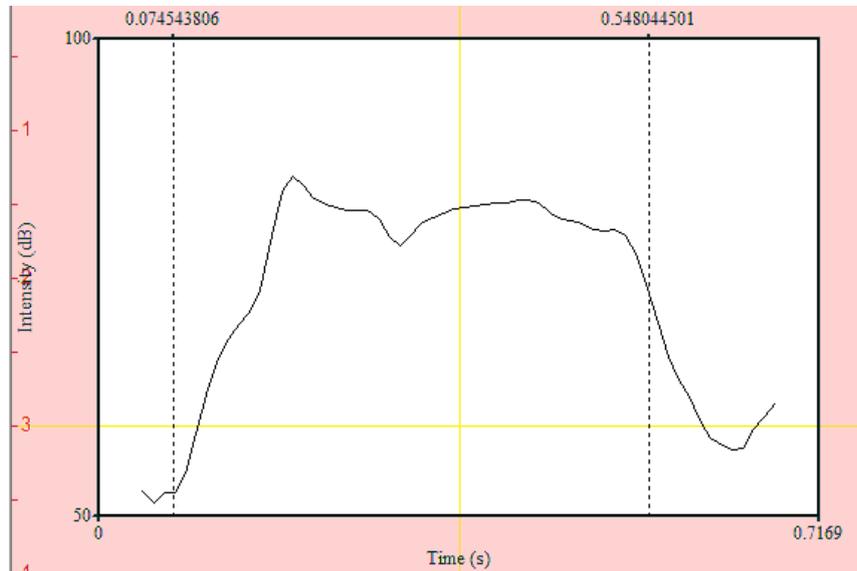
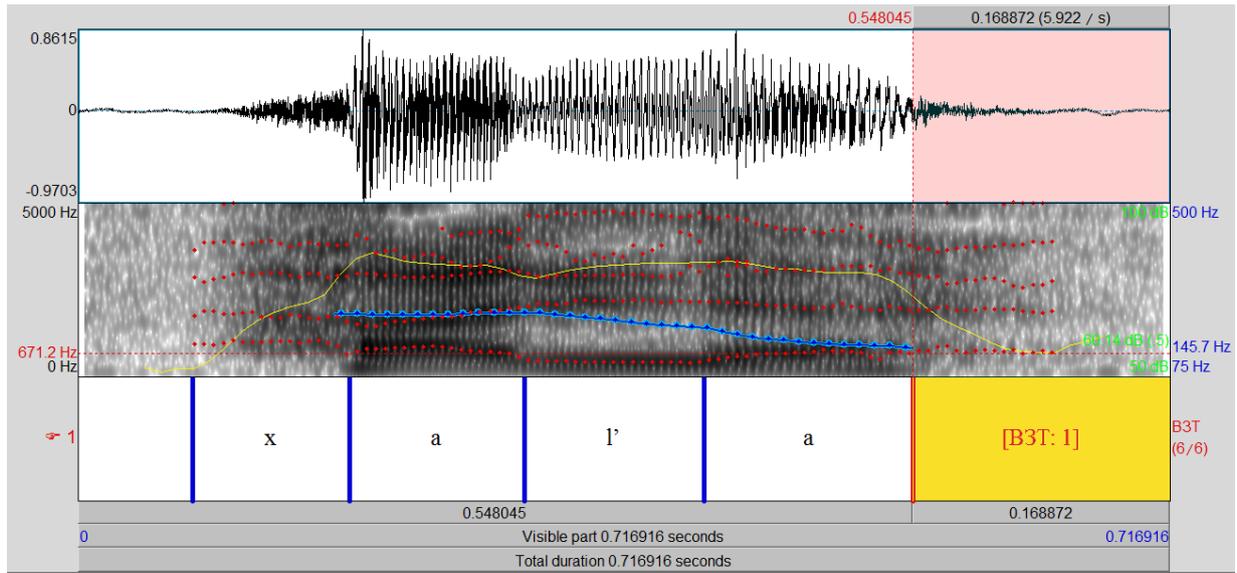
(2Г) Т гыдан. [хáðе] *xada* [ЯГВ: 2]

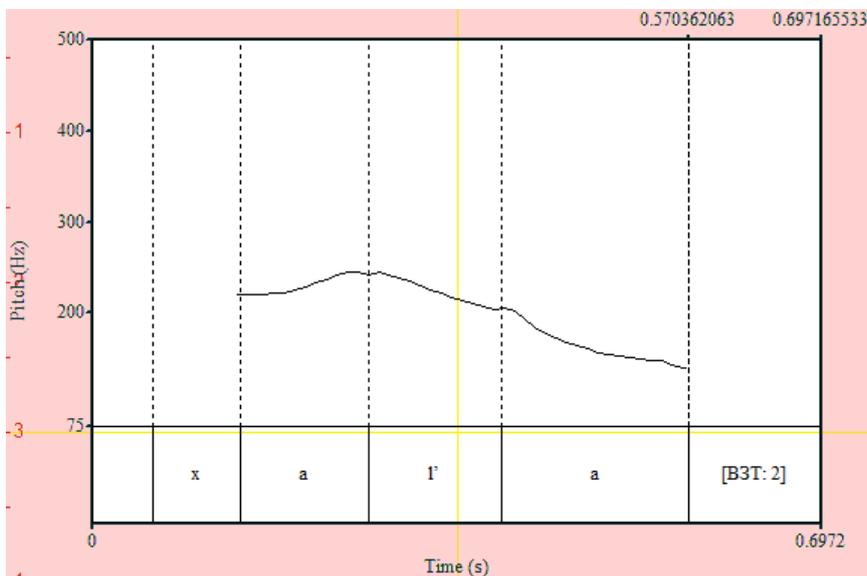
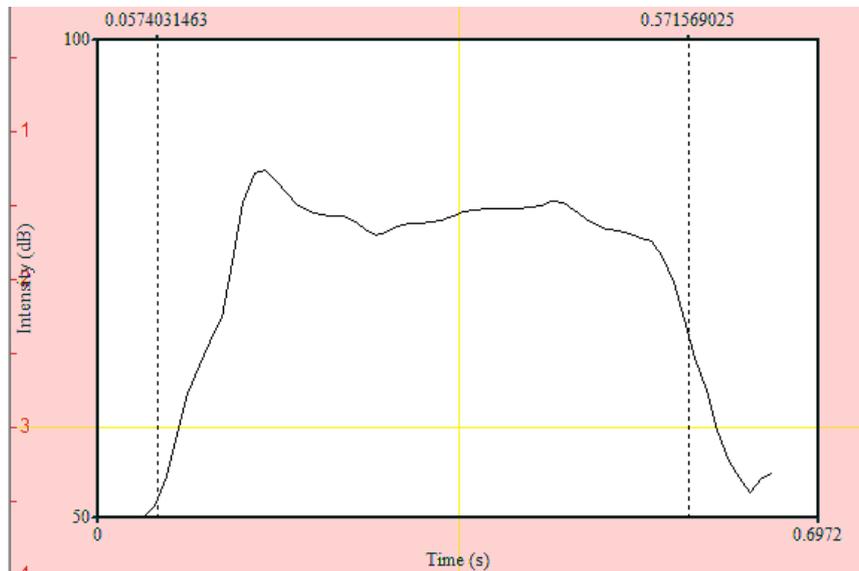
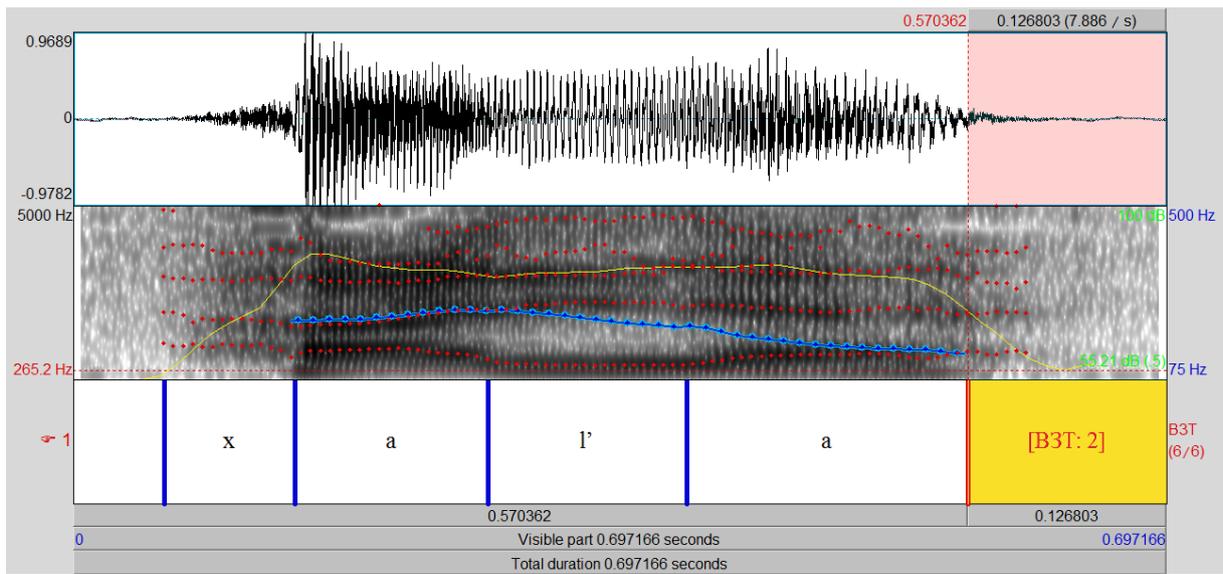
(2Г) Т гыдан. [xáǰe] xaða [B3T: 1]

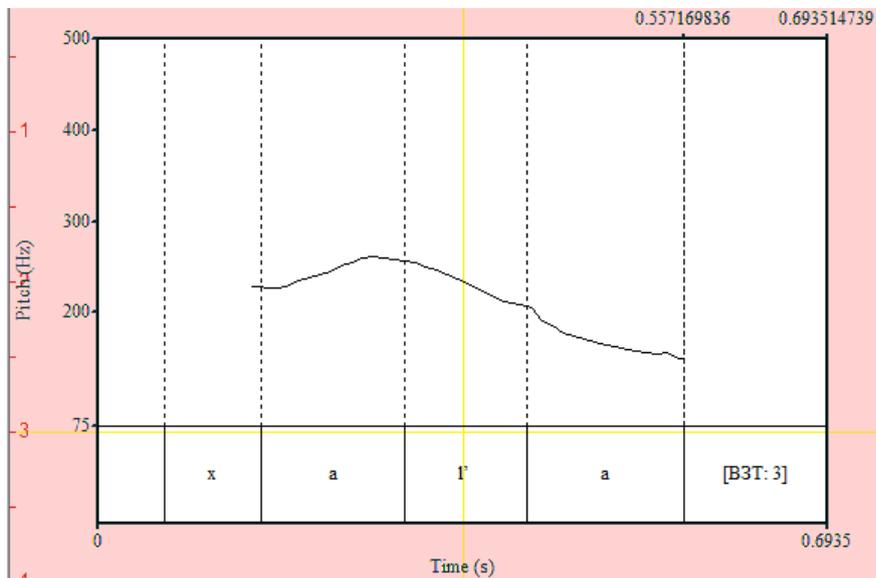
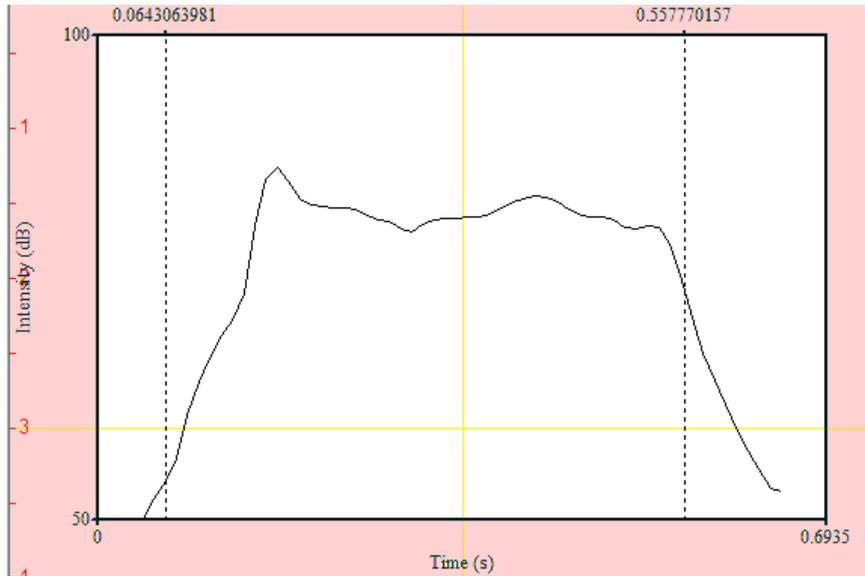
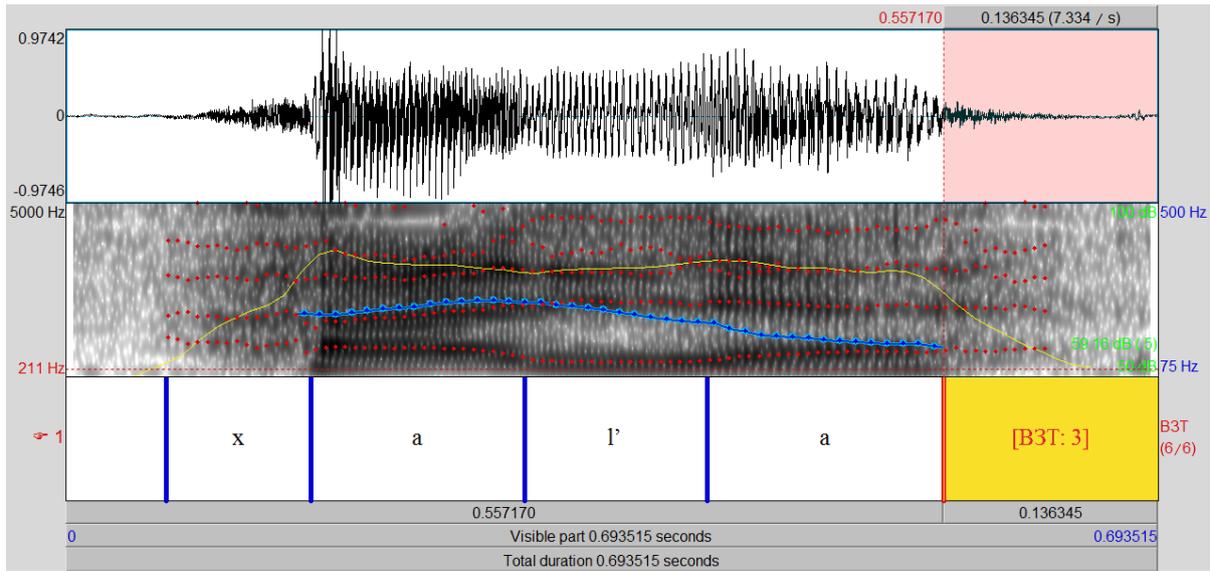
(3Г) Т гыдан. [xálʲə] ([xálʲə]) *xal'a* [B3T: 1]

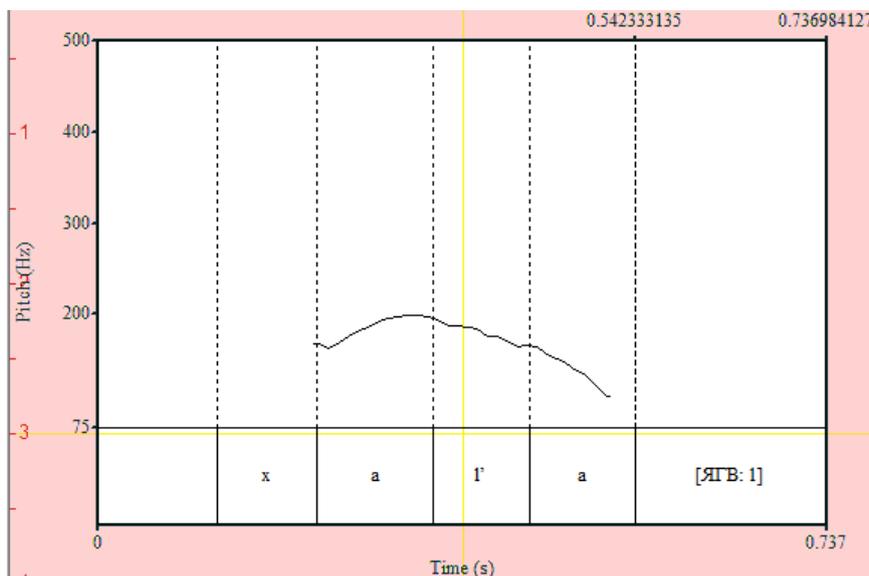
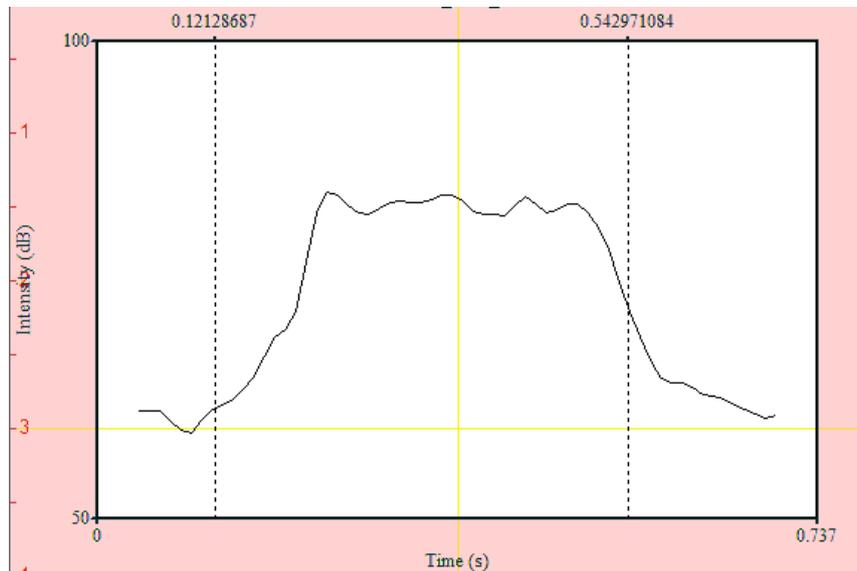
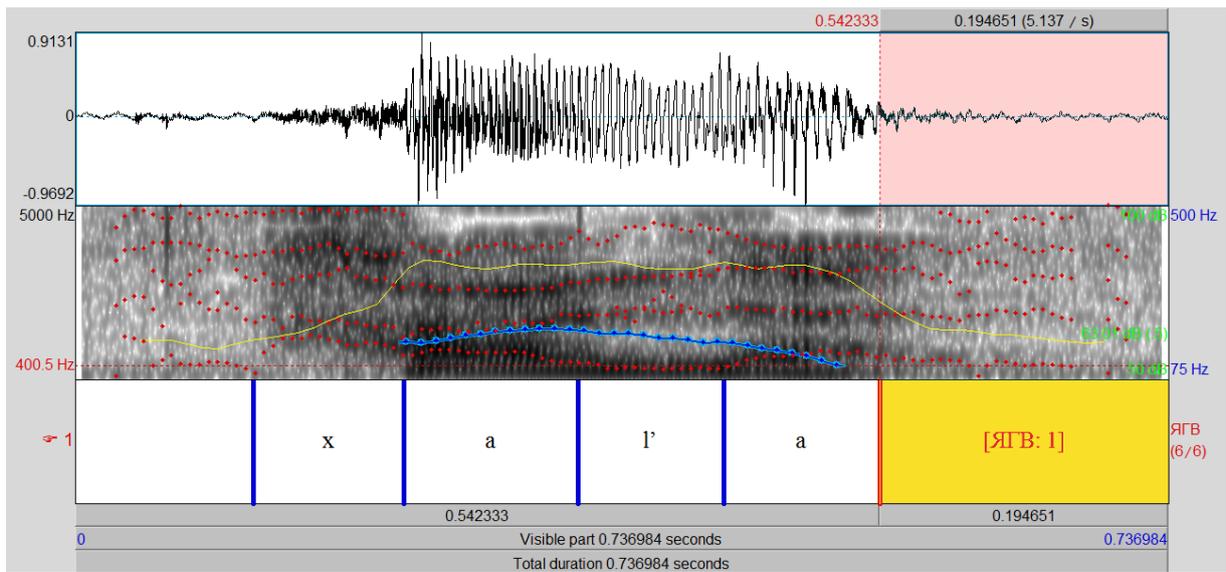
(3Г) Т гыдан. [xálʲɘ] ([xálʲə]) xal'a [B3T: 2]

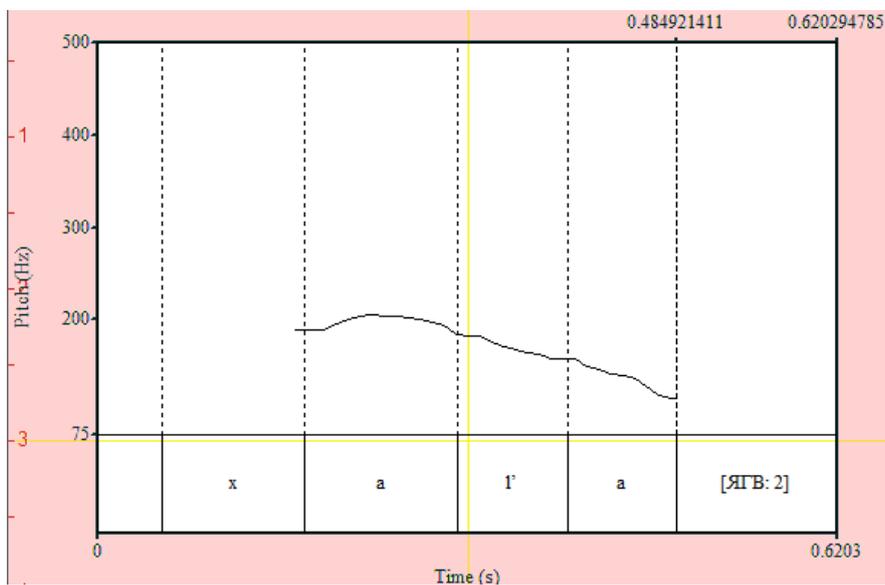
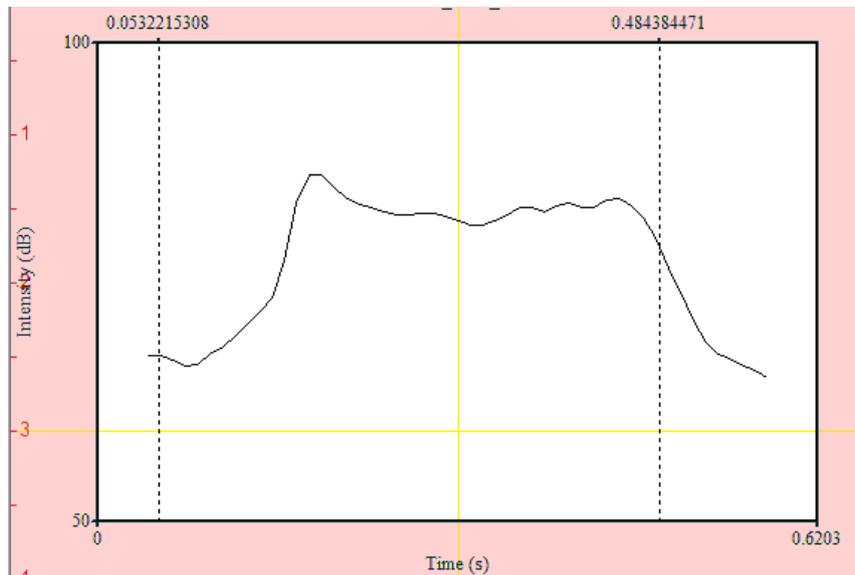
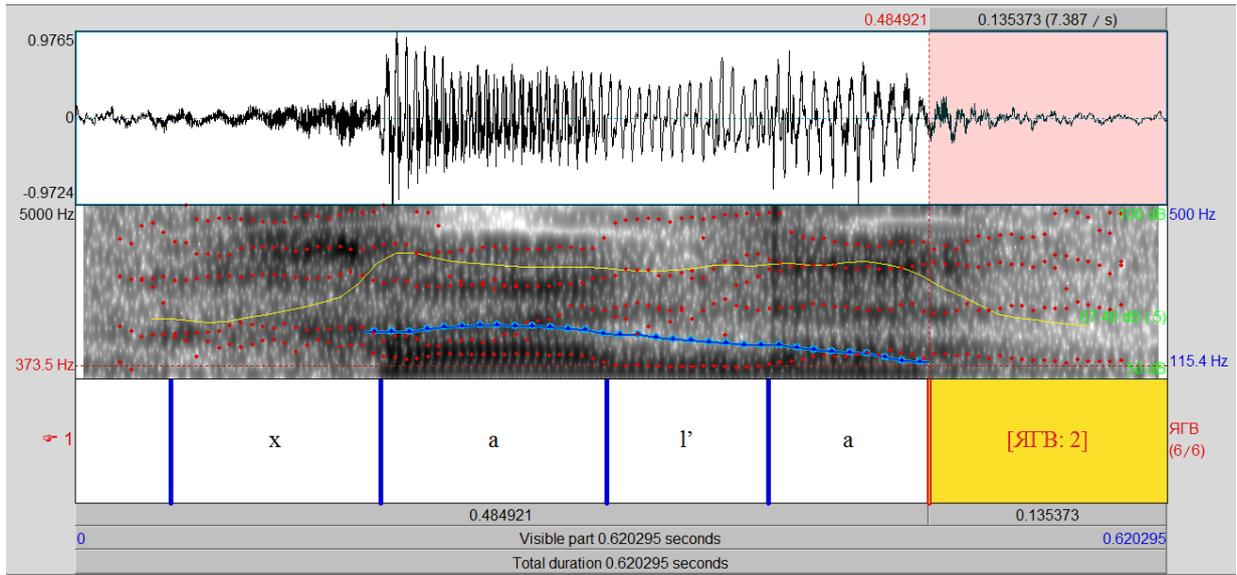
(3Г) Т гыдан. [xálʲɛ] ([xálʲɛ]) *xal'a* [B3T: 3]

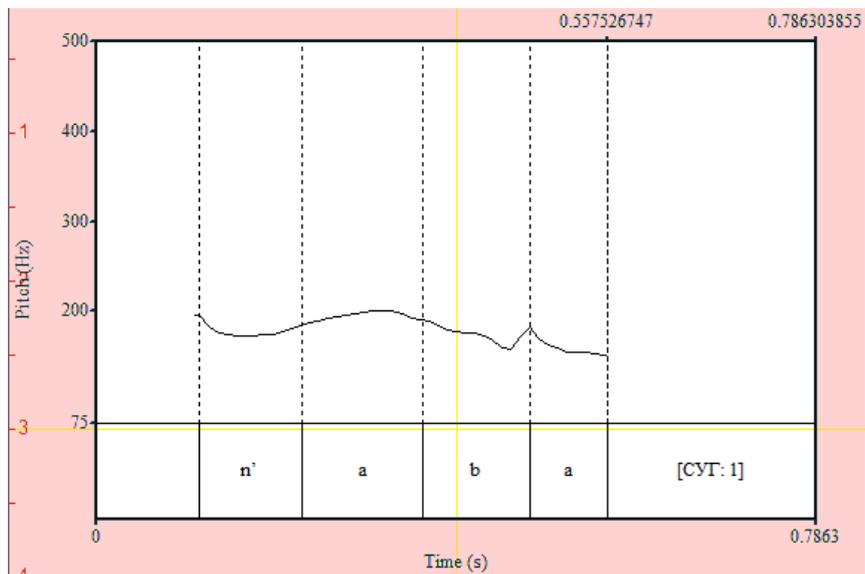
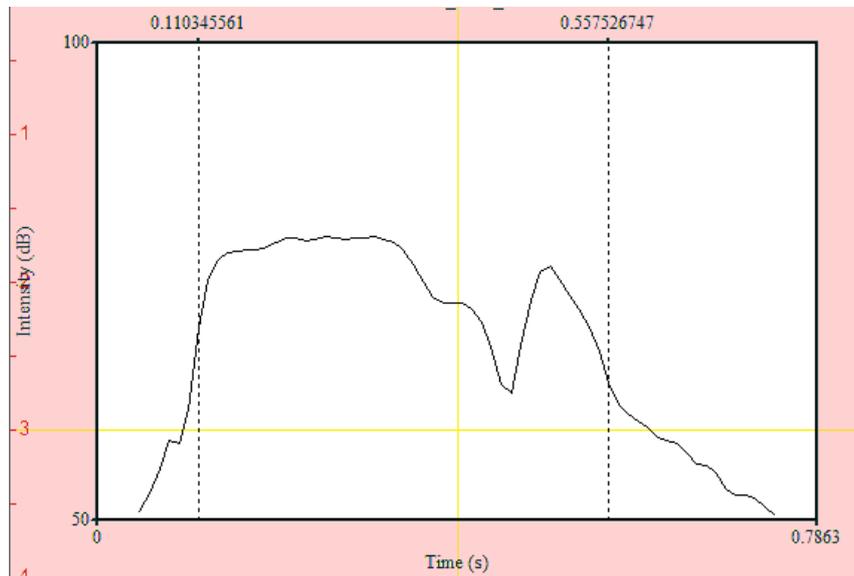
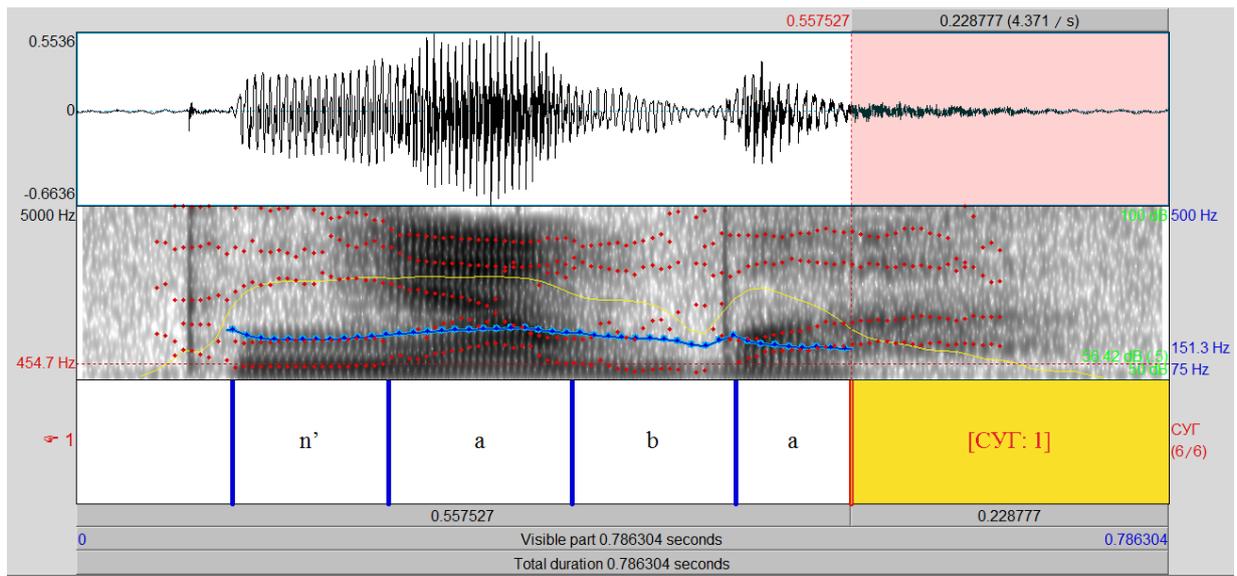
(ЗГ) Т гыдан. [xálʲɛ] ([xálʲɛ̃]) xal'a [ЯГВ: 1]

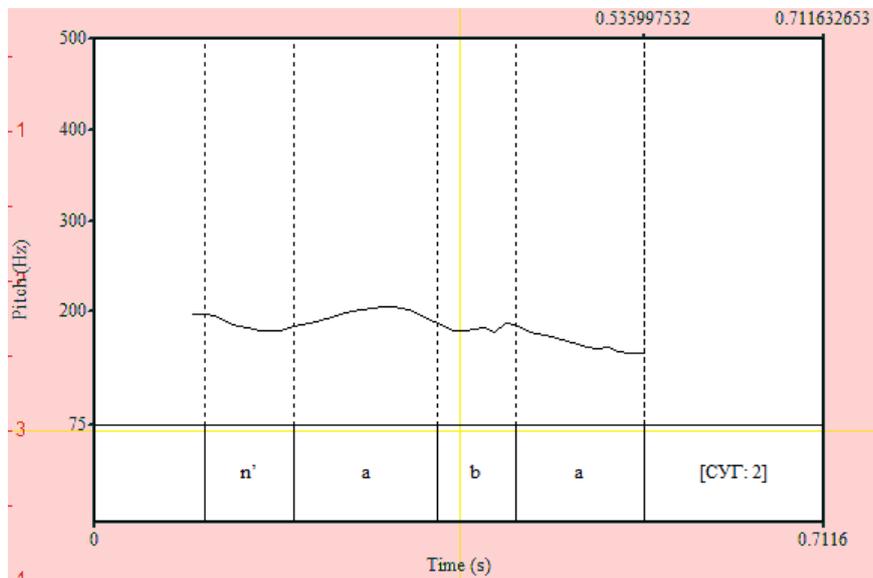
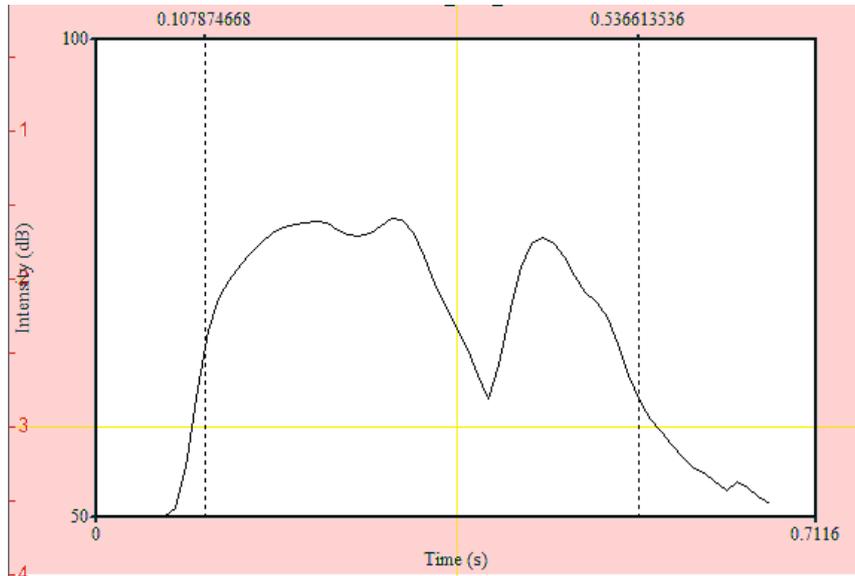
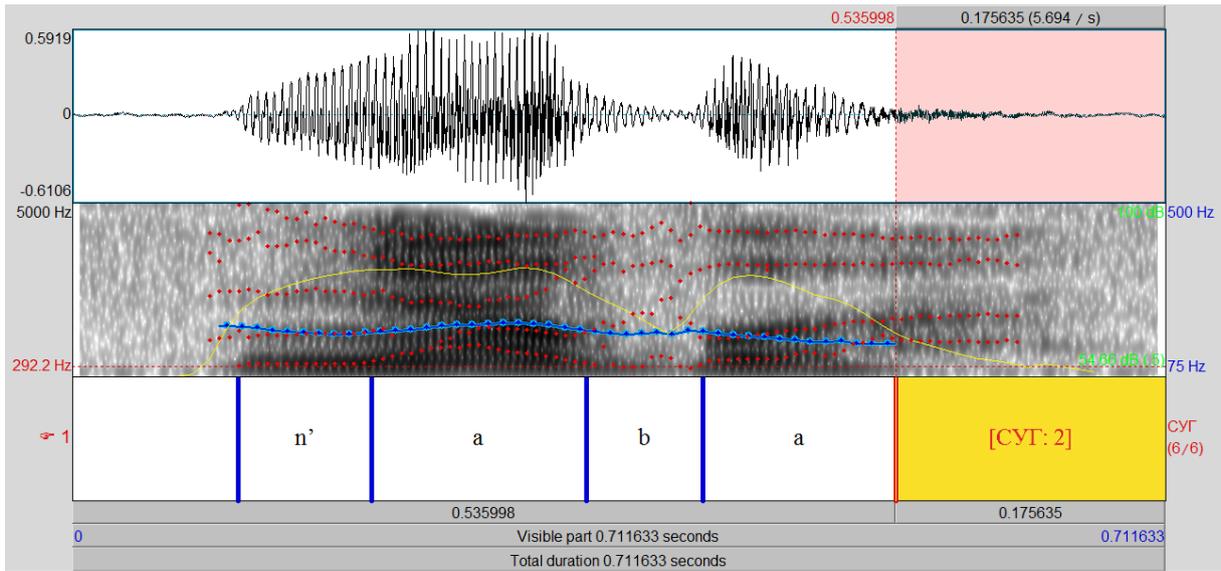
(3Г) Т гыдан. [xálʲɜ] ([xálʲɛ]) xal'a [ЯГВ: 2]

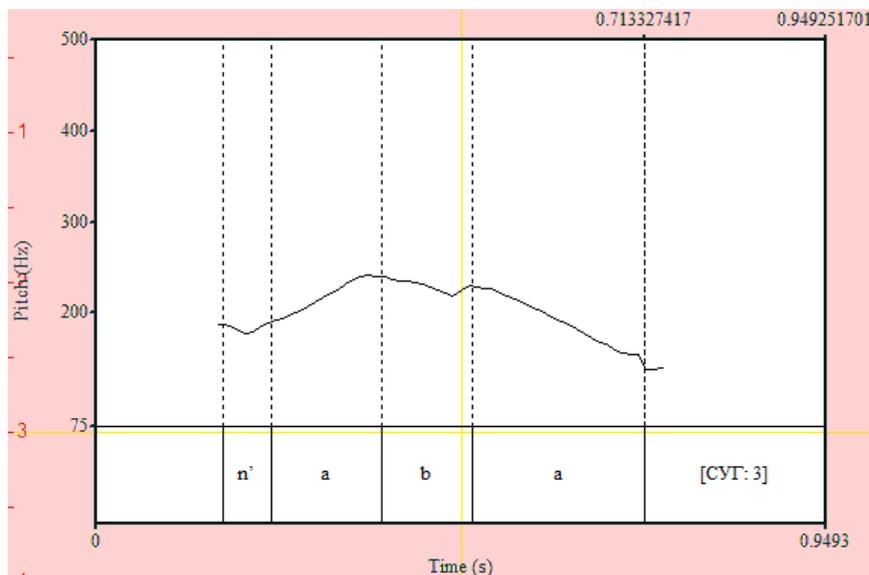
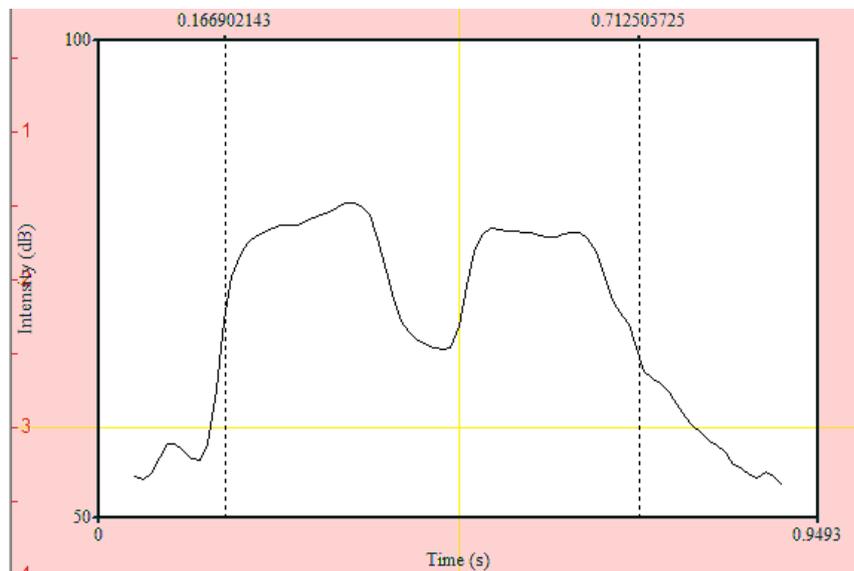
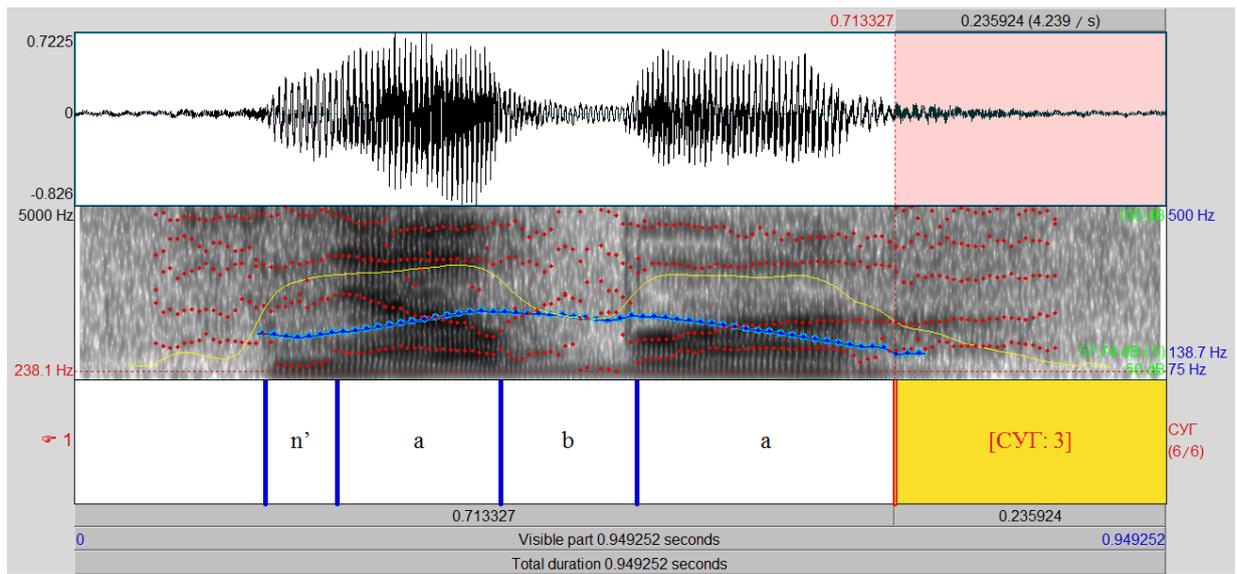
(4Г) Т гыдан. [n'ábe] n'aba [CYT: 1]

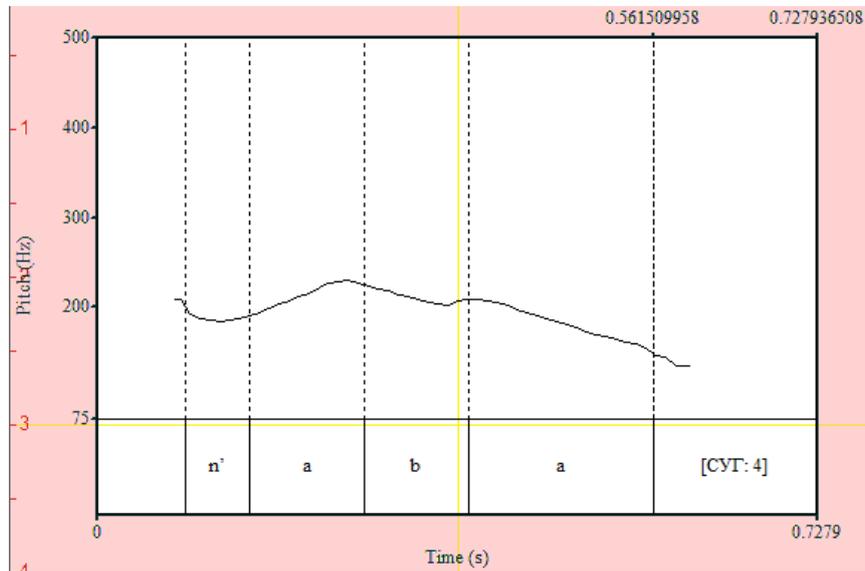
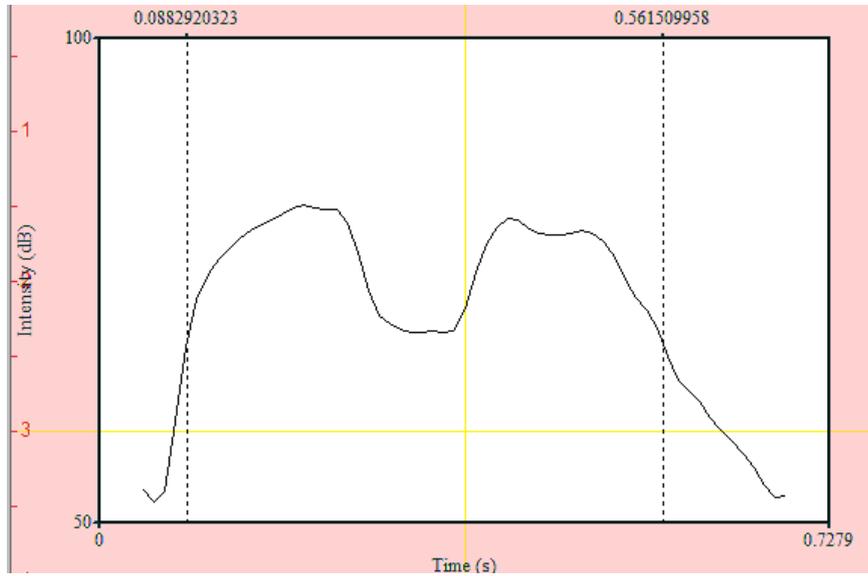
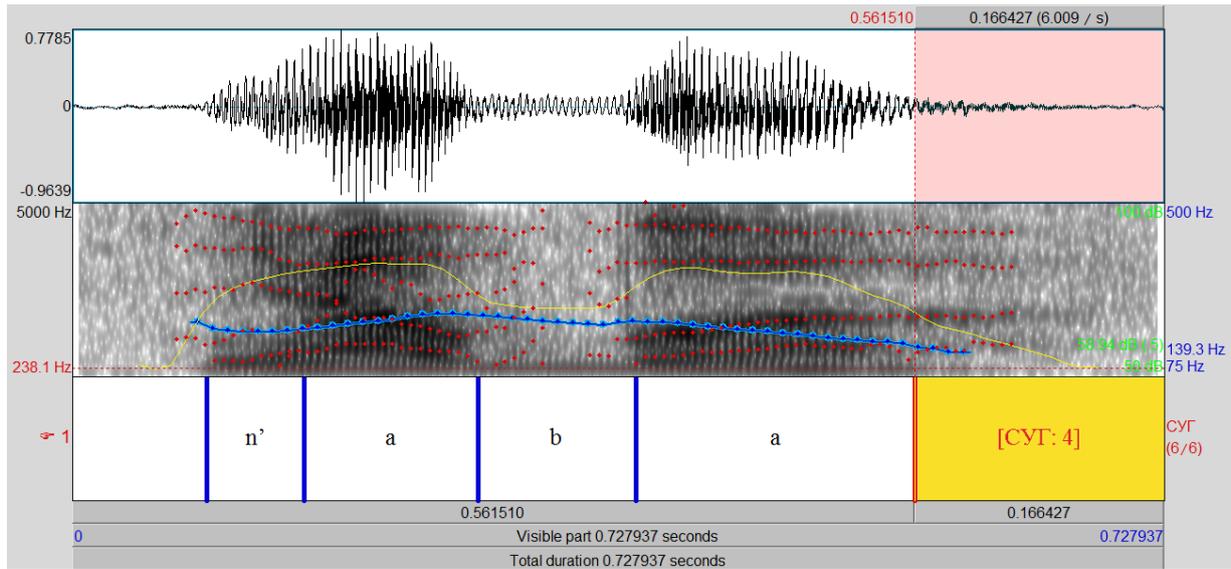
(4Г) Т гыдан. [n'ábe] n'aba [CUT: 2]

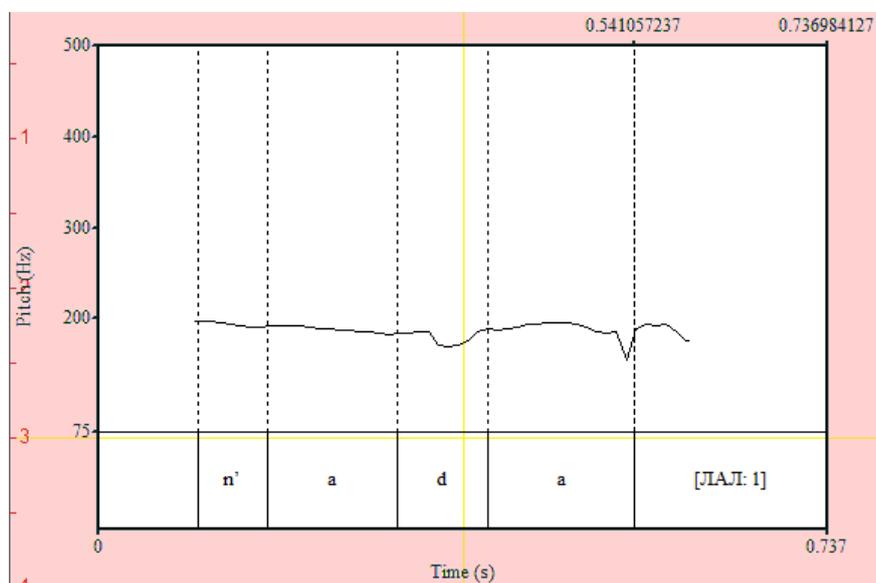
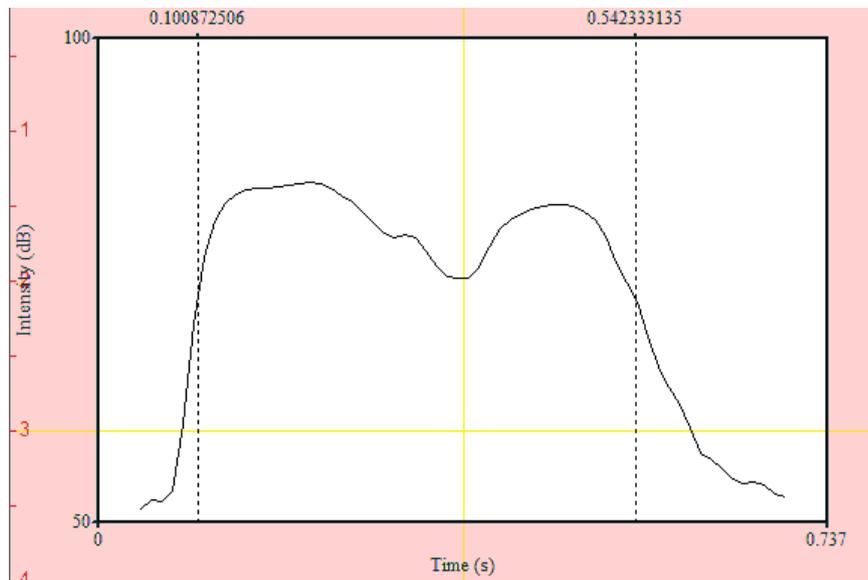
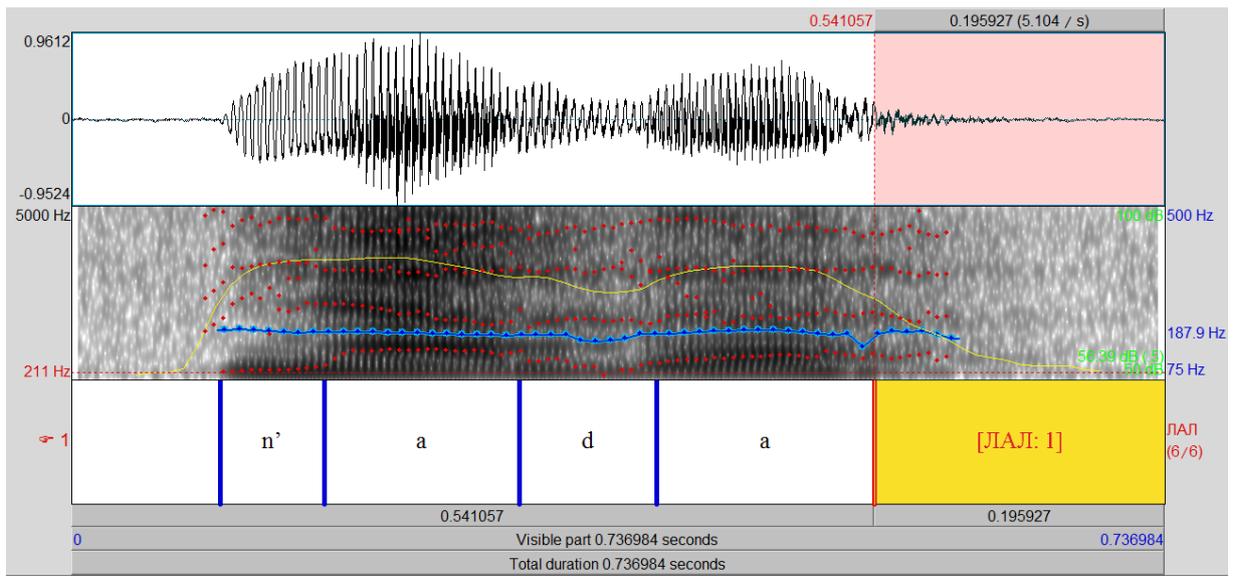
(4Г) Т гыдан. [n'aba] n'aba [CYT: 3]

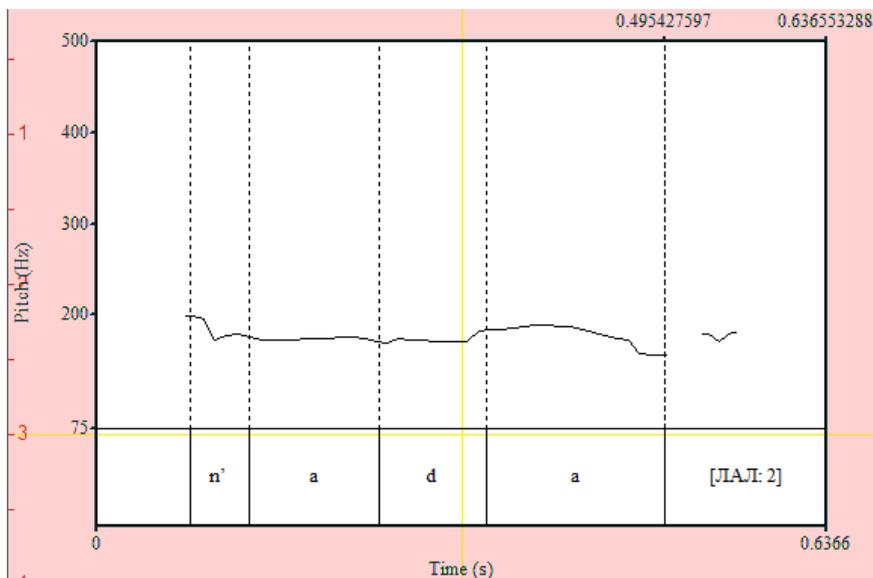
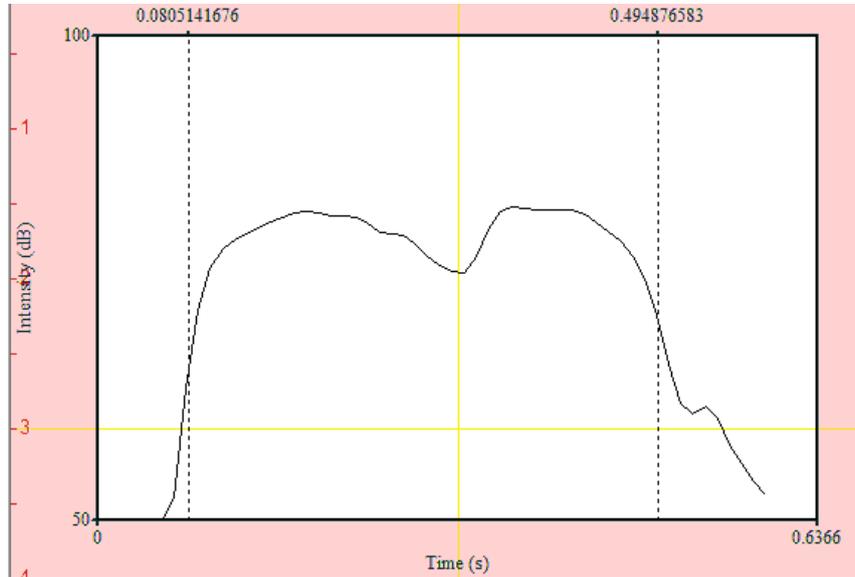
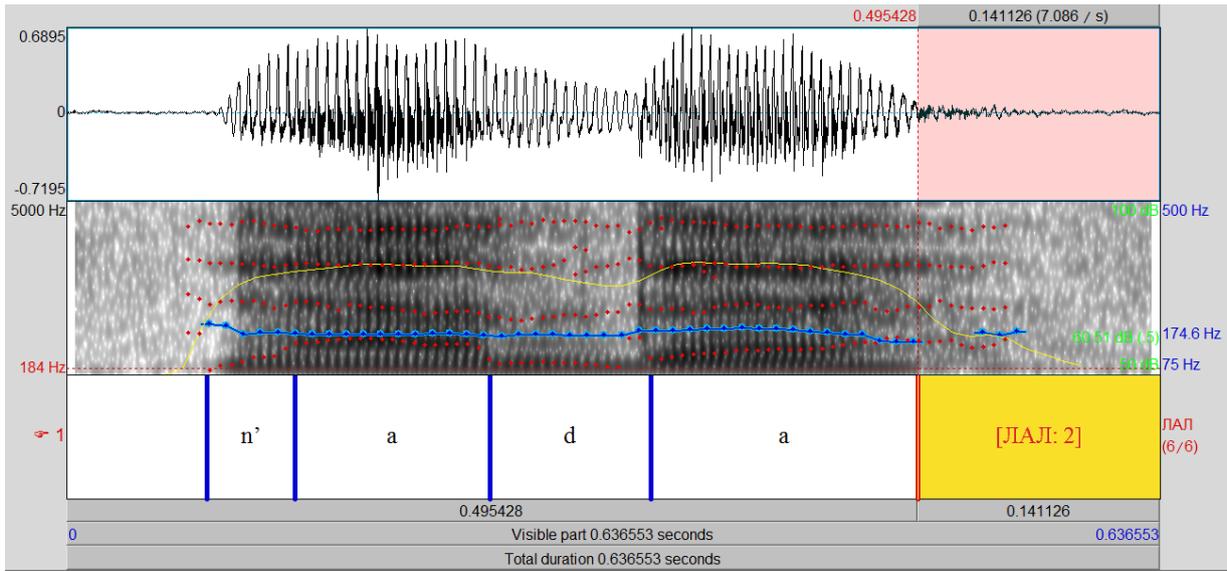
(4Г) Т гыдан. [n'ába] n'aba [CYГ: 4]

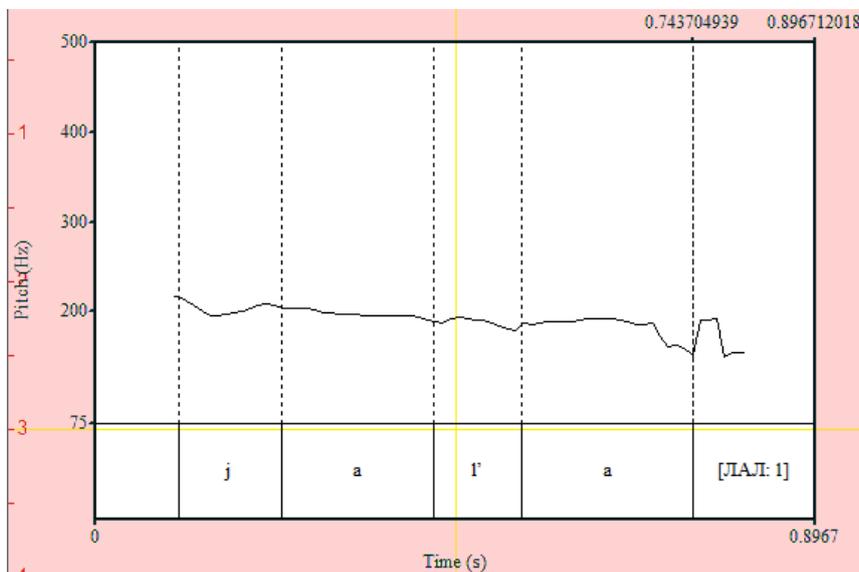
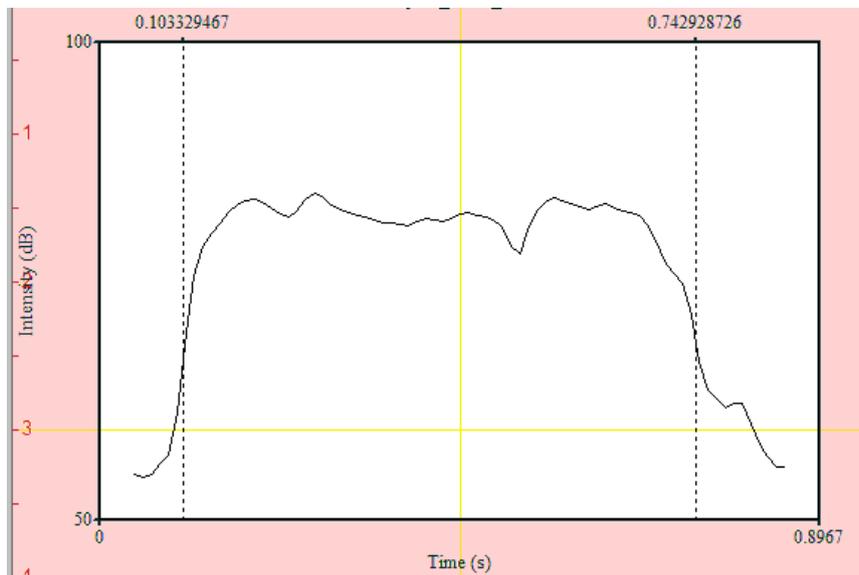
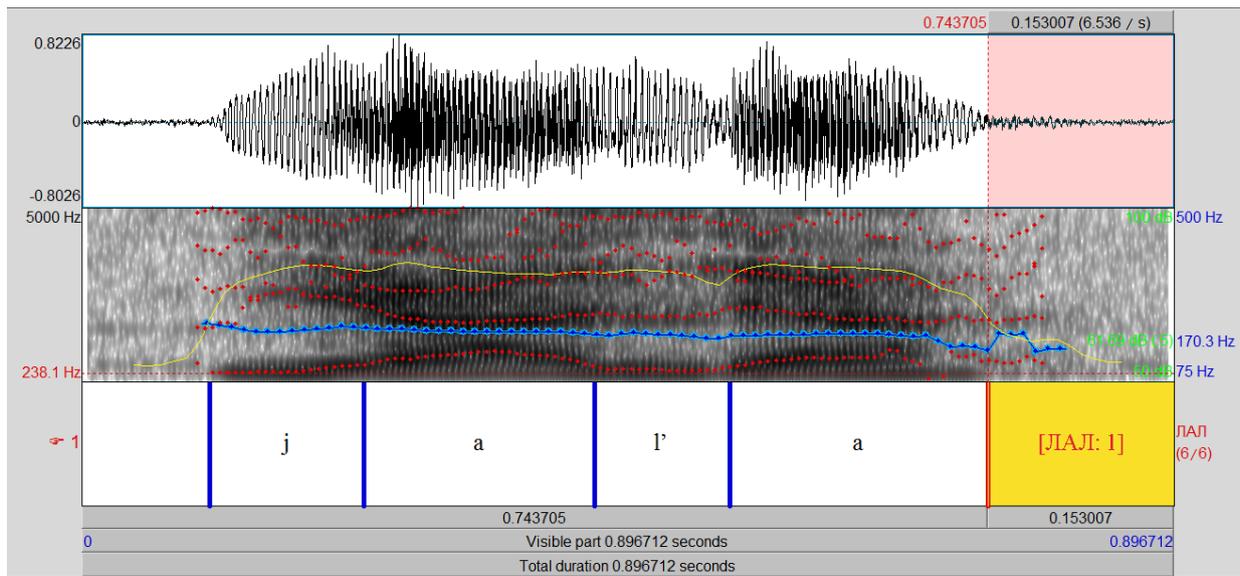
(5Г) Т гыдан. [nʲáde] nʲada [ЛАЛ: 1]

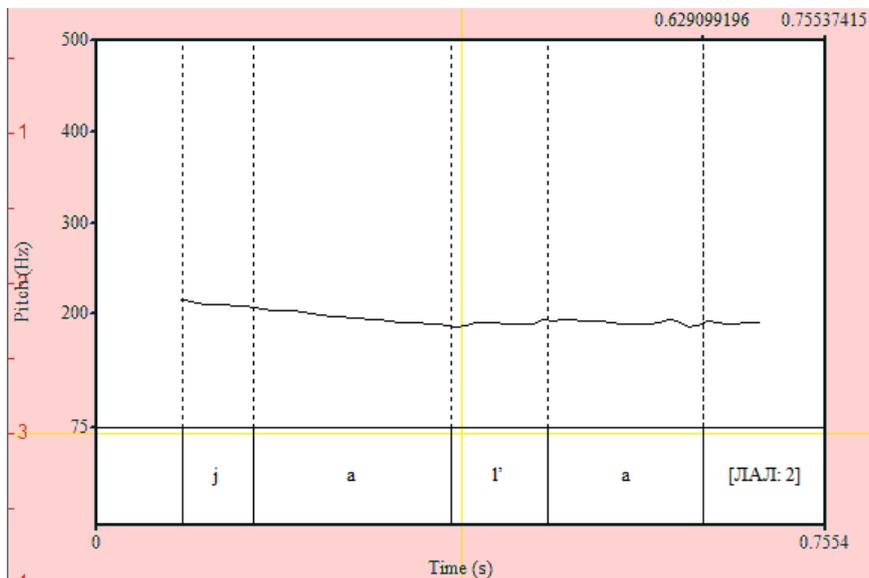
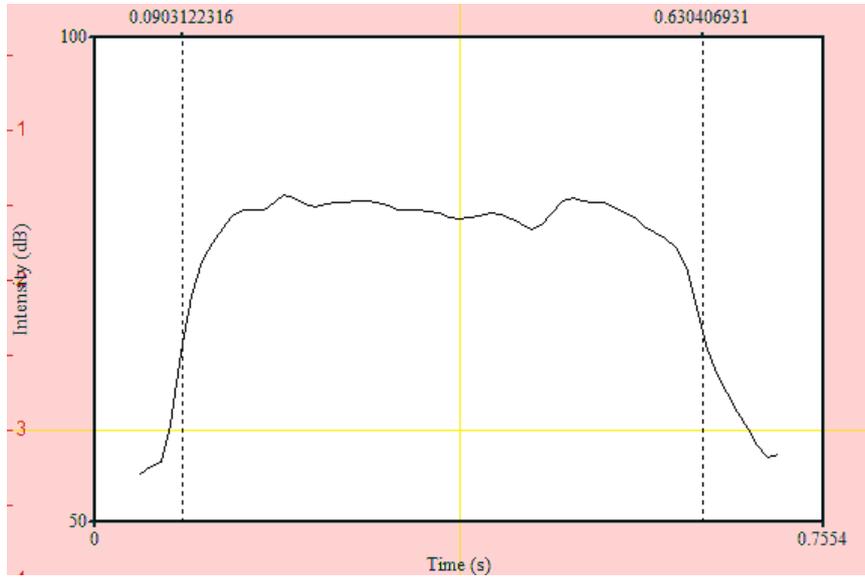
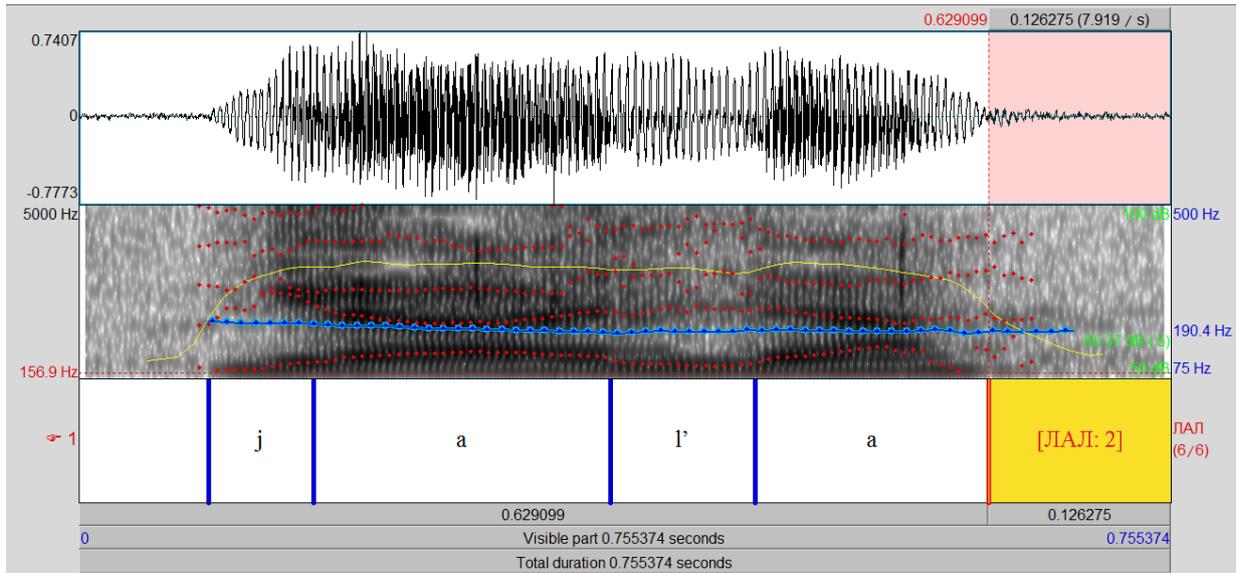
(5Г) Т гыдан. [nʲáde] n'ada [ЛИАЛ: 2]

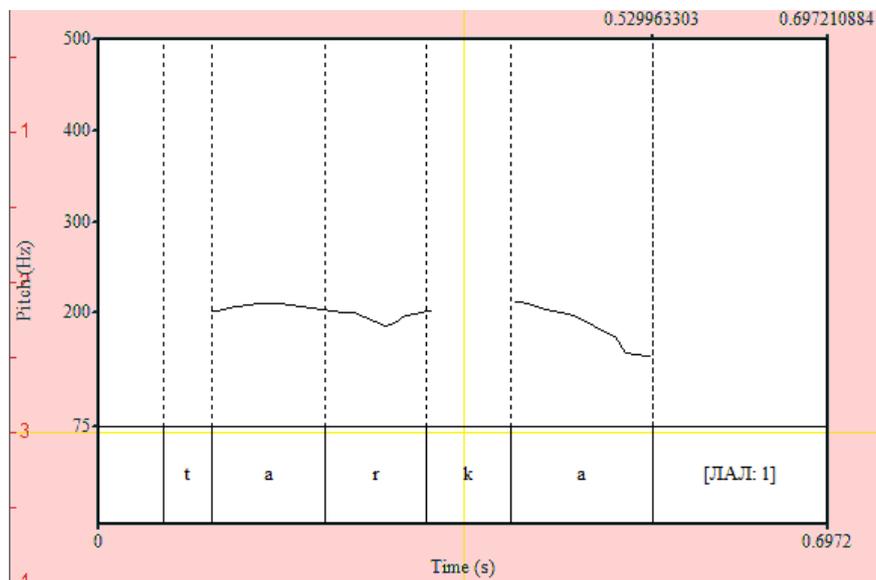
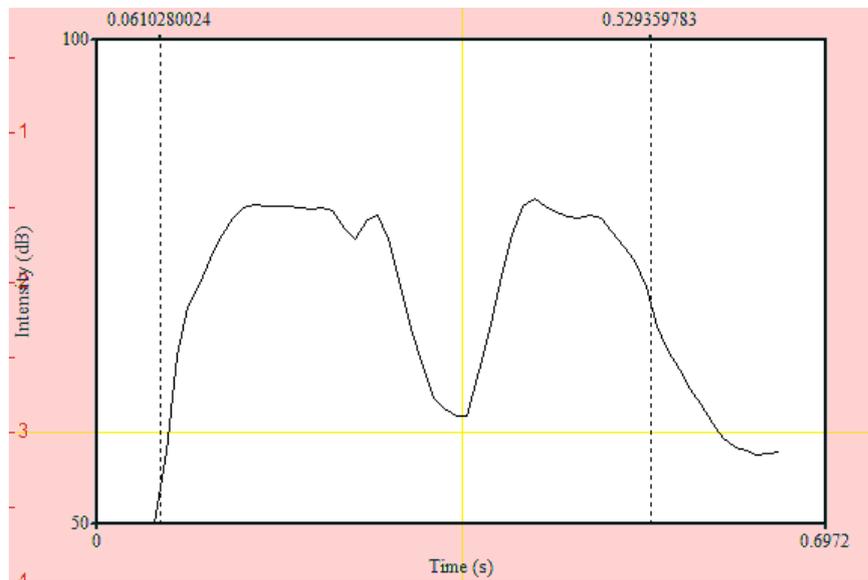
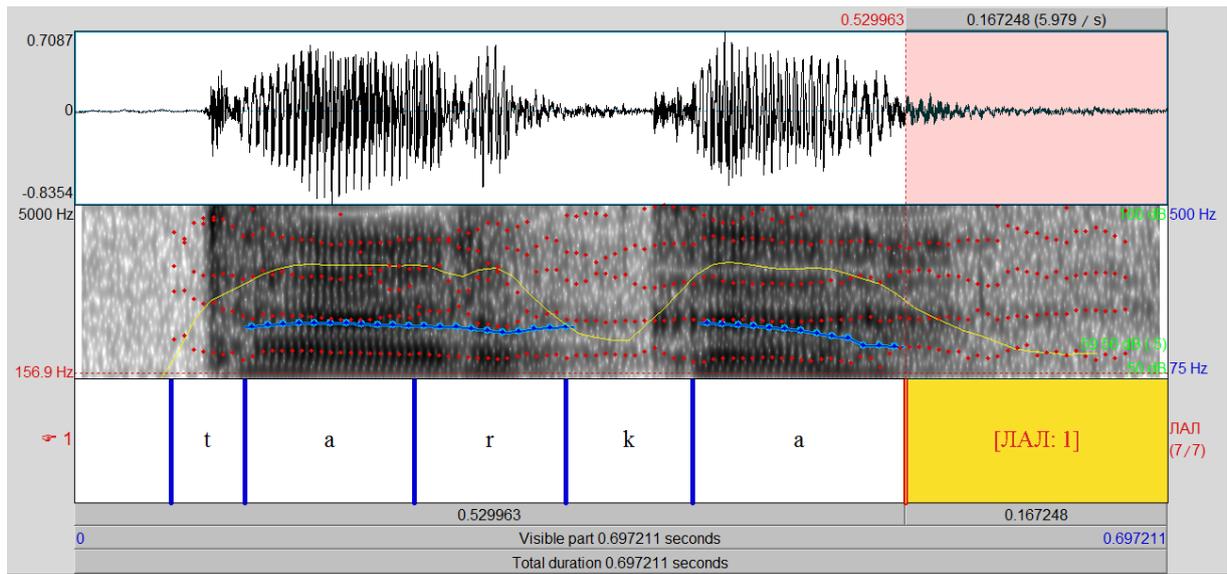
(6Г) Т гыдан. [jál'a] jal'a [ЛАЛ: 1]

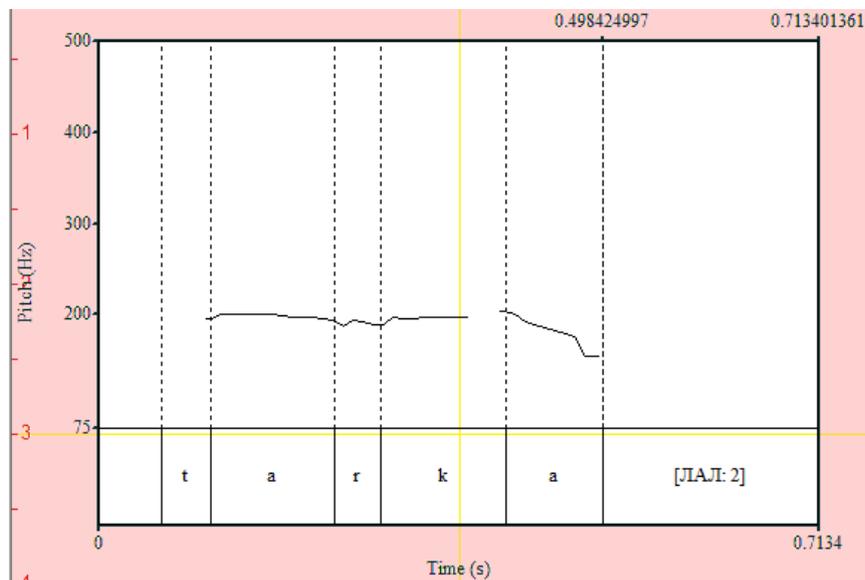
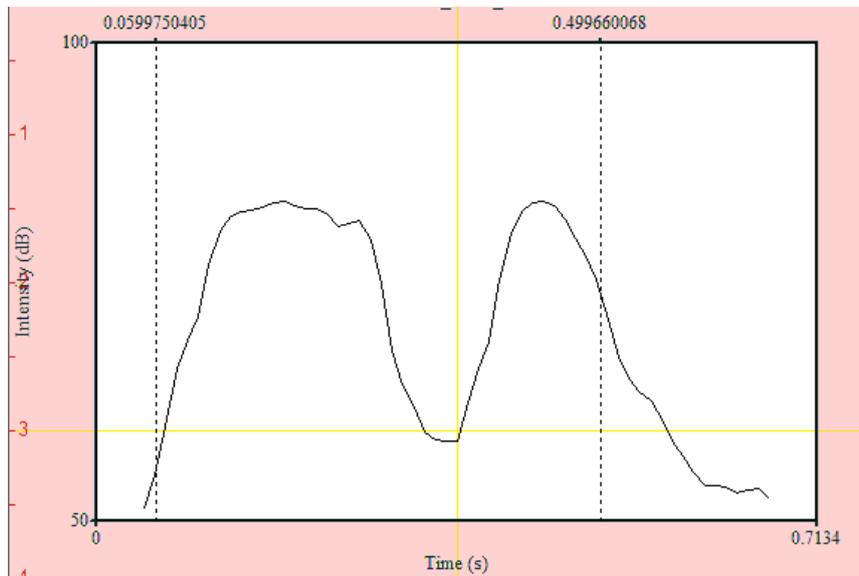
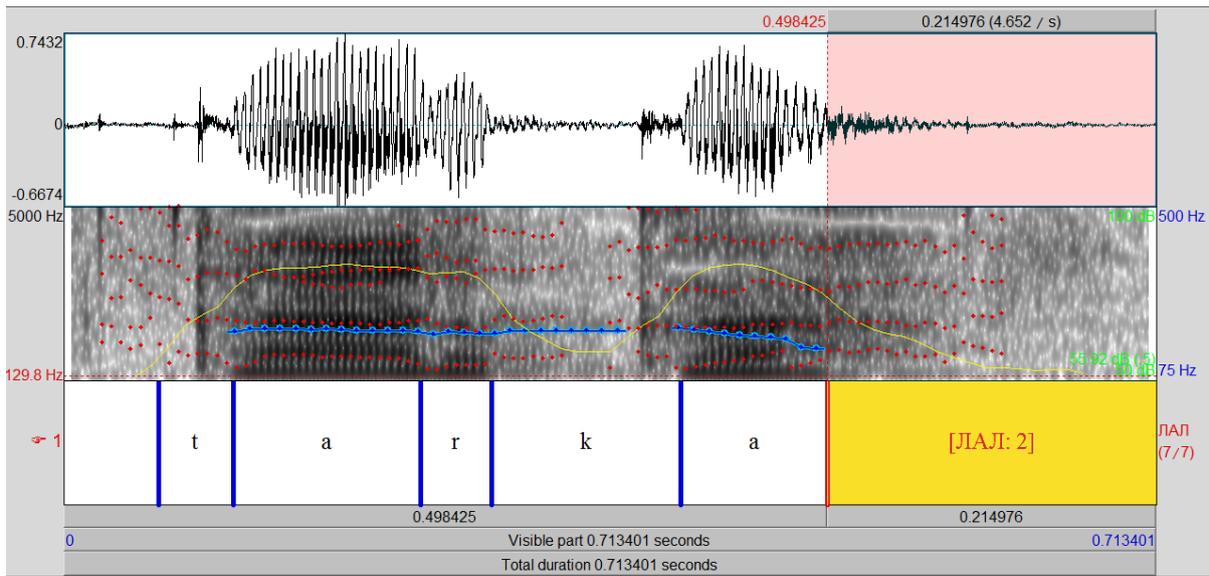
(6Г) Т гыдан. [jál'a] *jal'a* [ЛАЛ: 2]

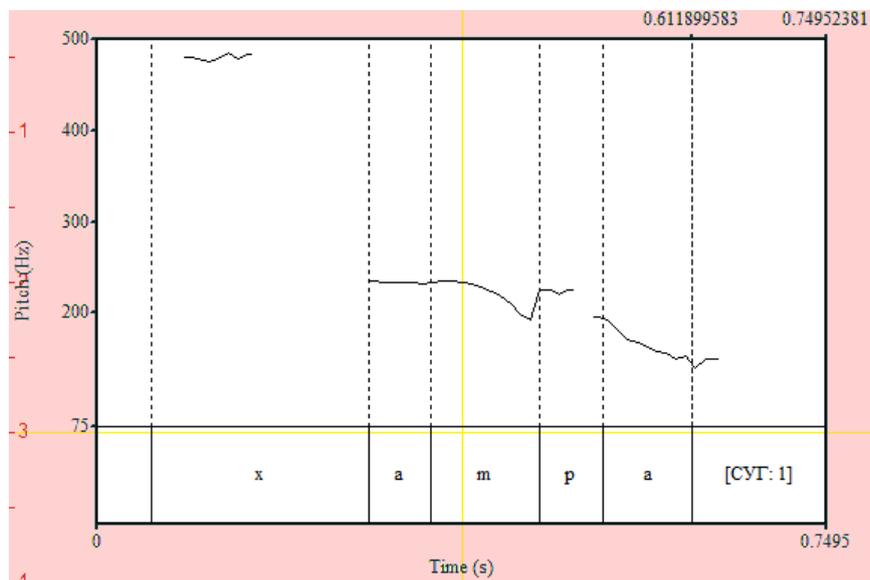
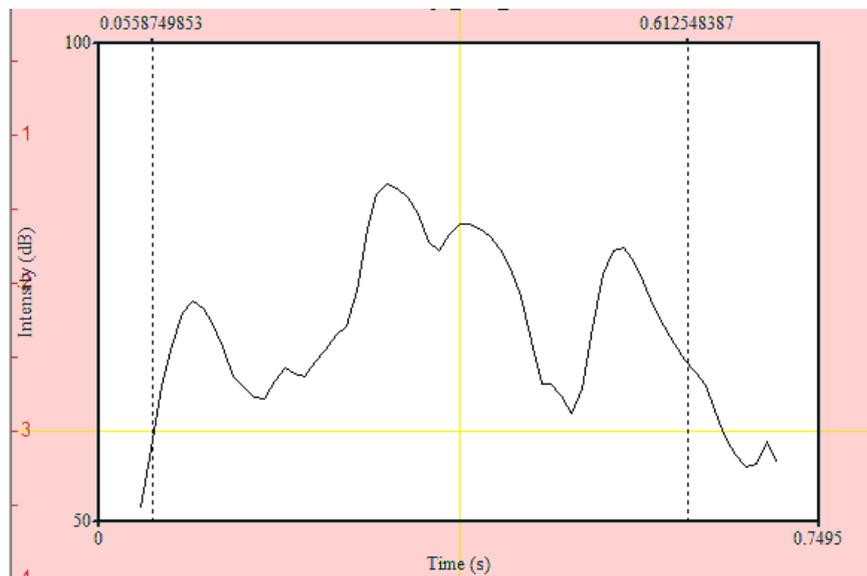
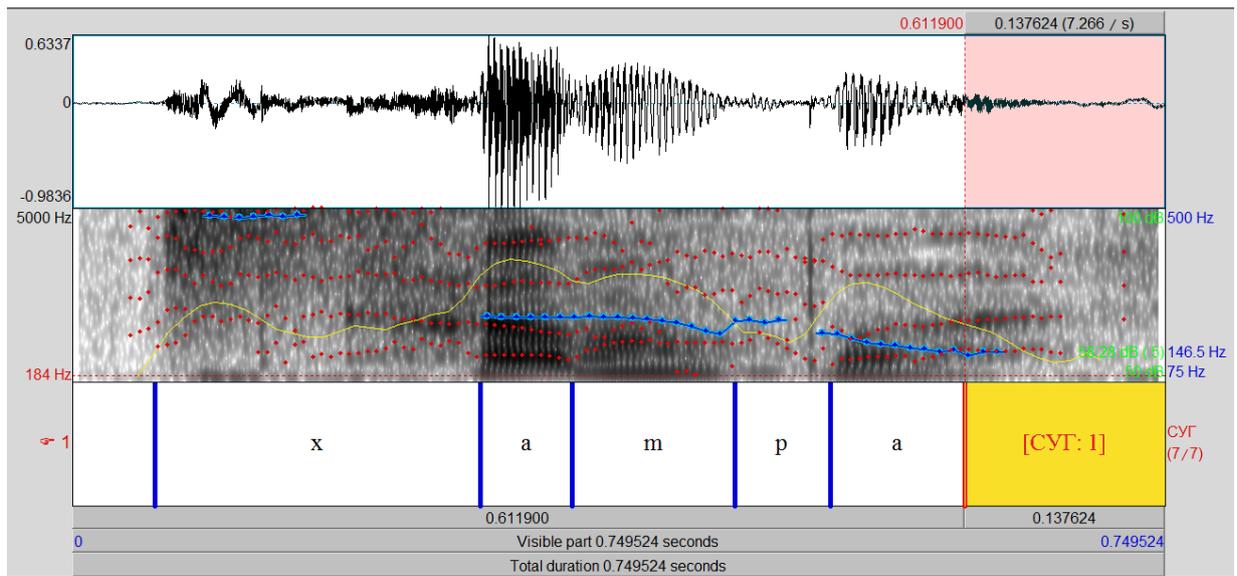
(7Г) Т гыдан. [tárka] *tarka* [ЛАЛ: 1]

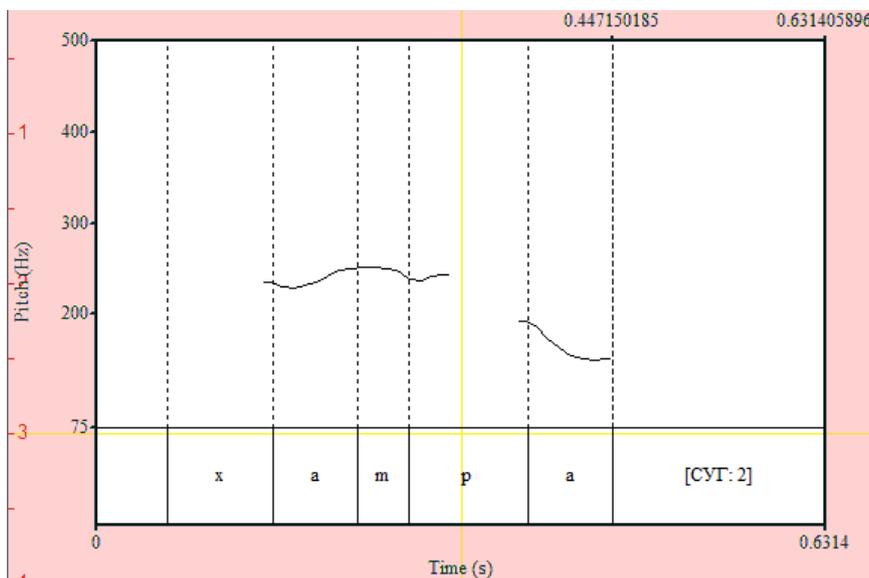
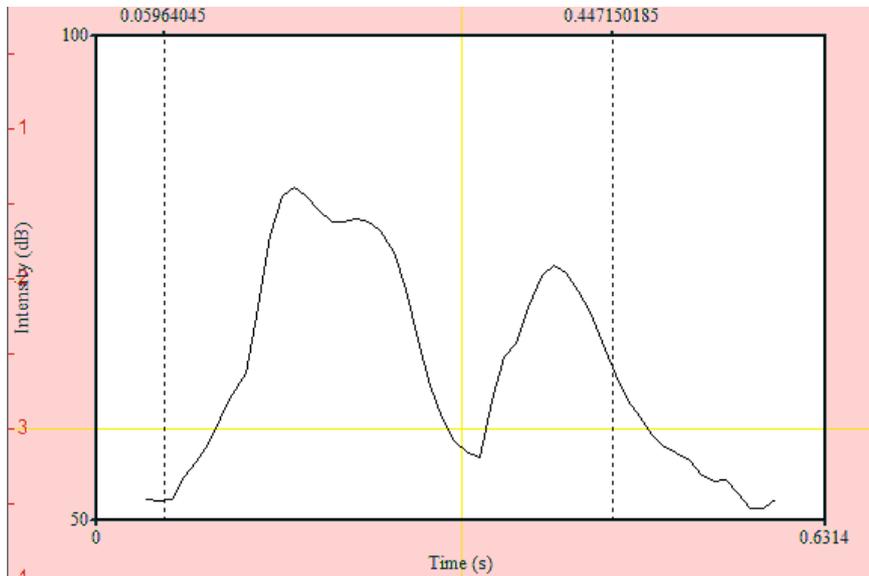
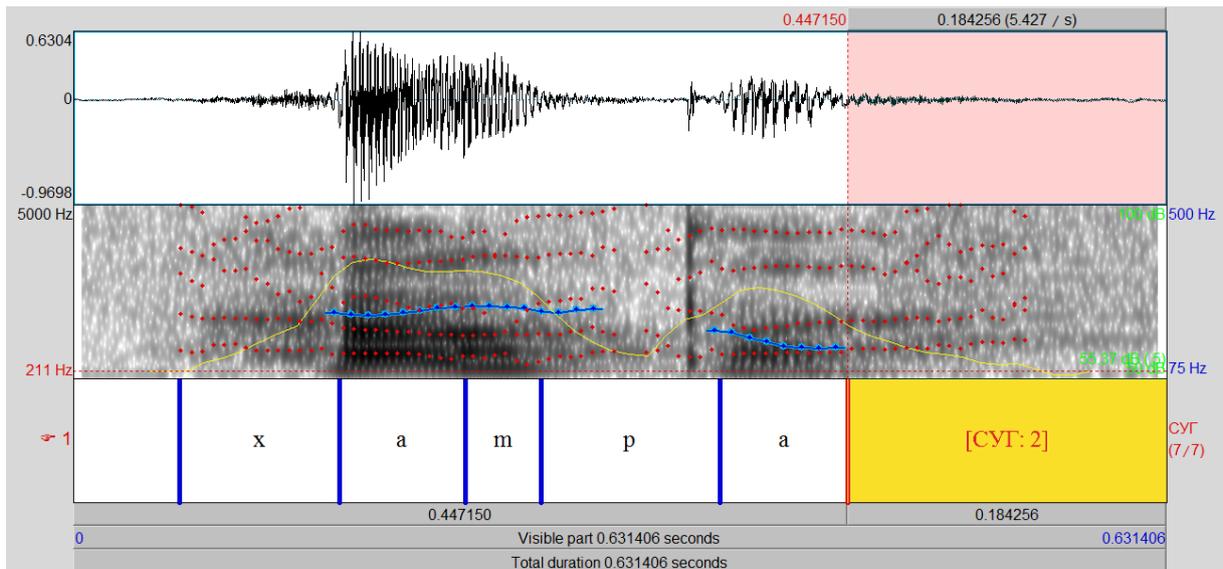
(7Г) Т гыдан. [tárkə] *tarka* [ЛАЛ: 2]

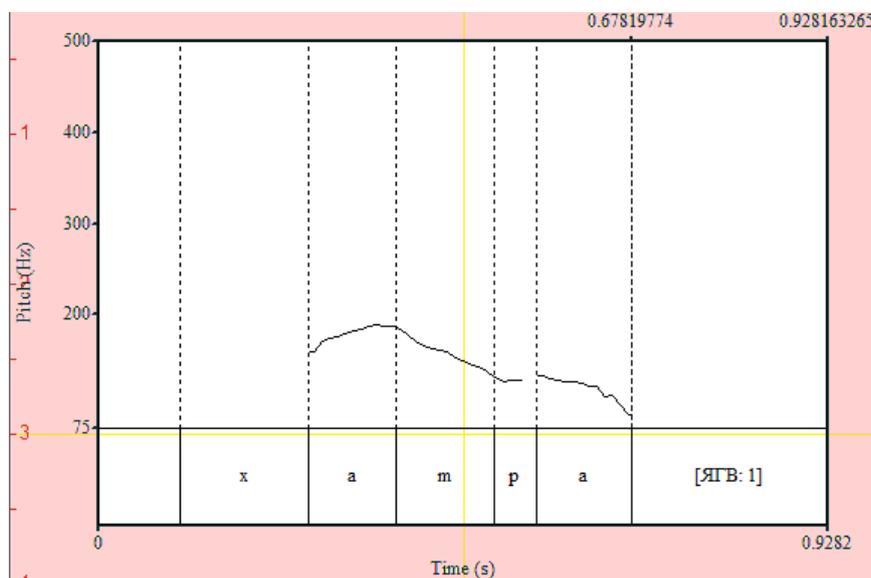
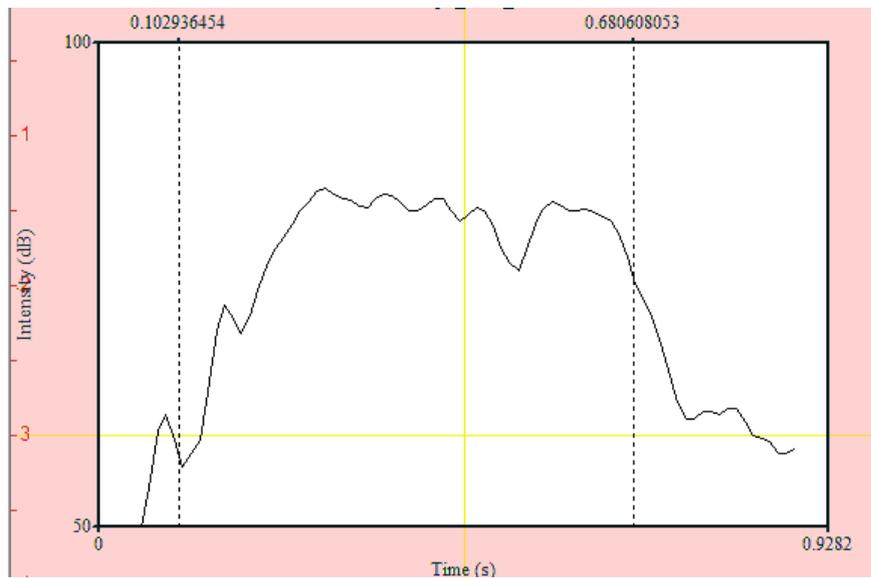
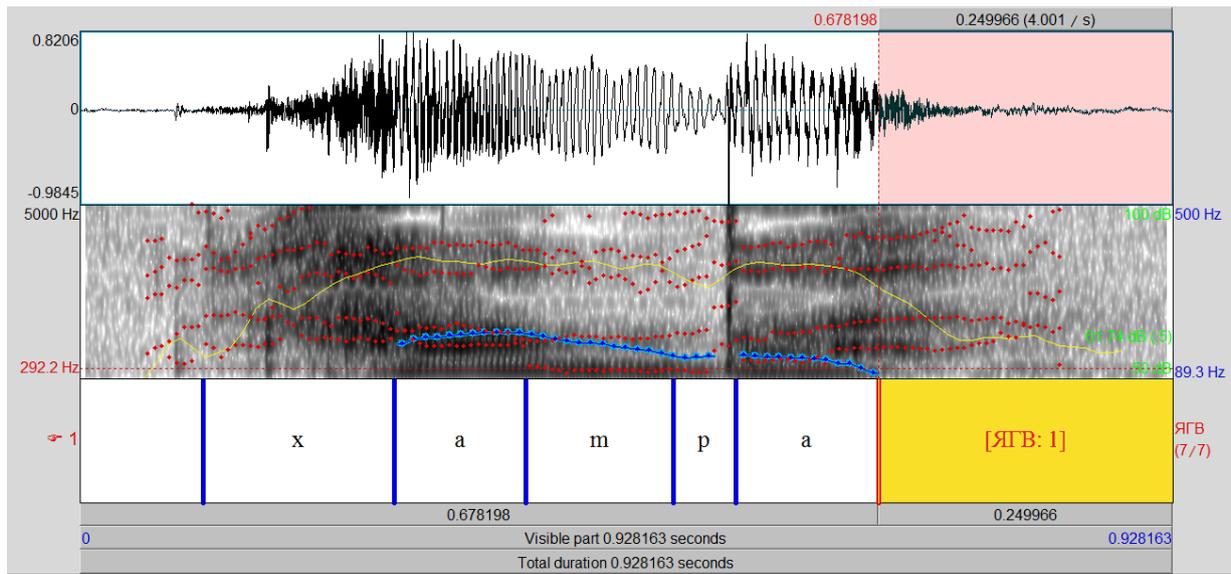
(8Г) Т гыдан. [хáтpe] хатра [СУГ: 1]

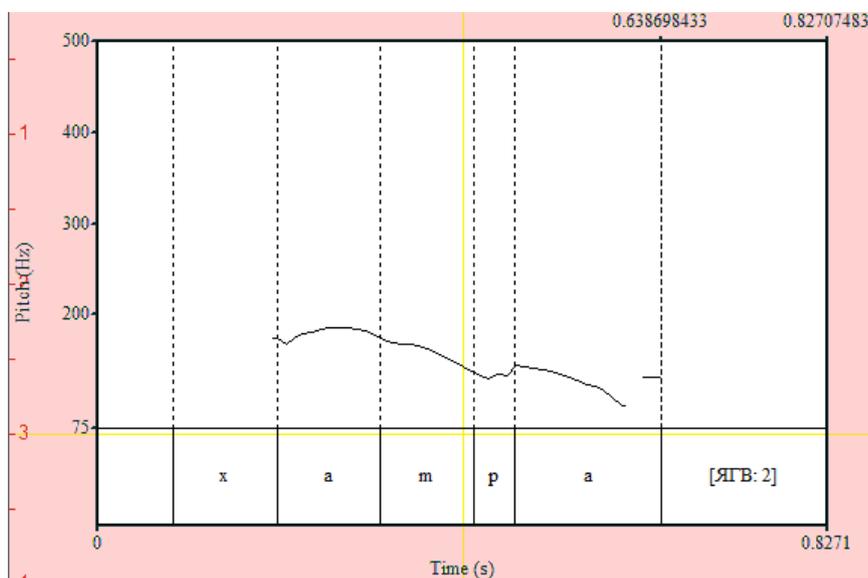
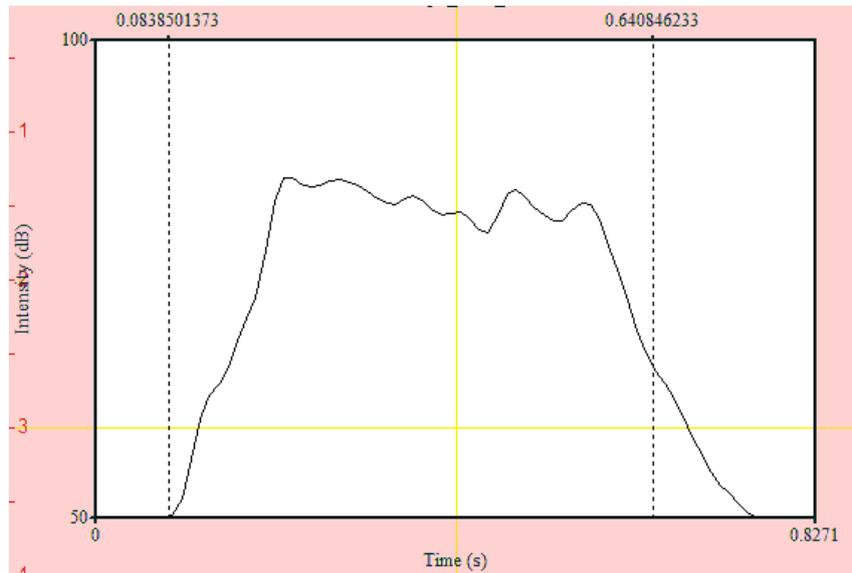
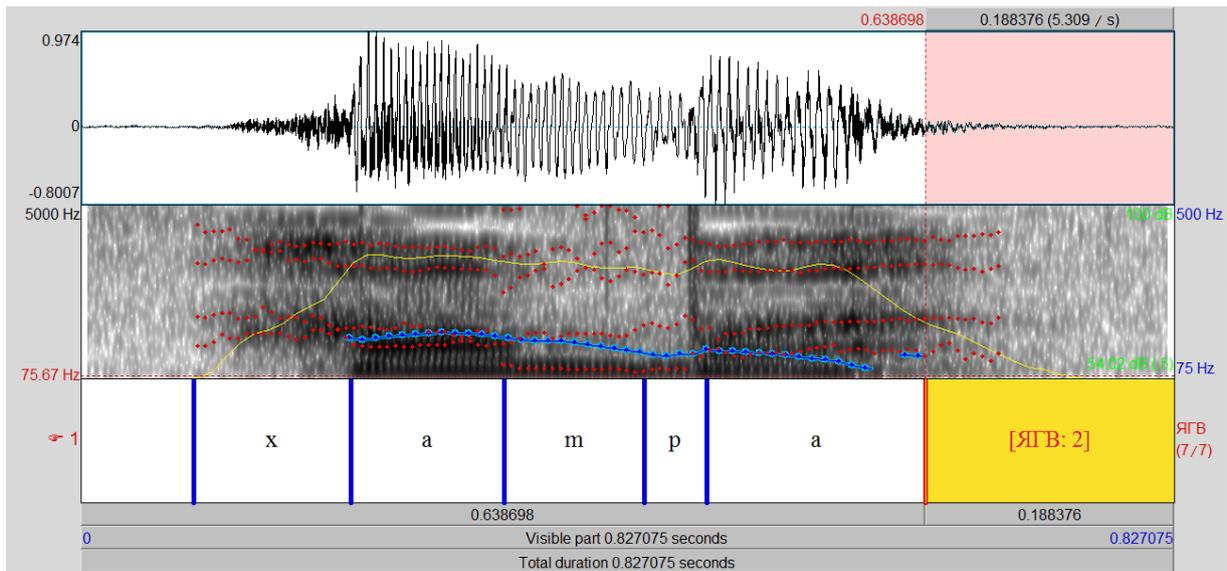
(8Г) Т гыдан. [xámpɐ] *xampɐ* [CVГ: 2]

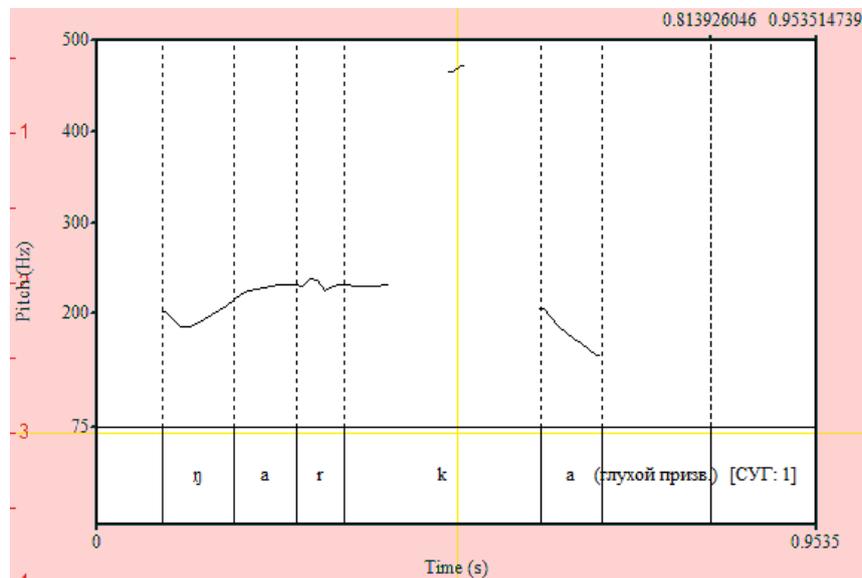
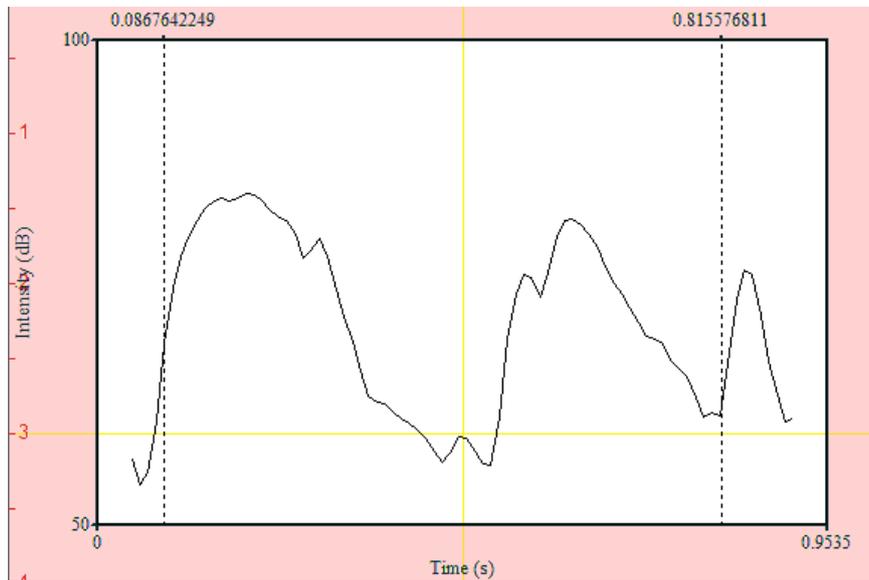
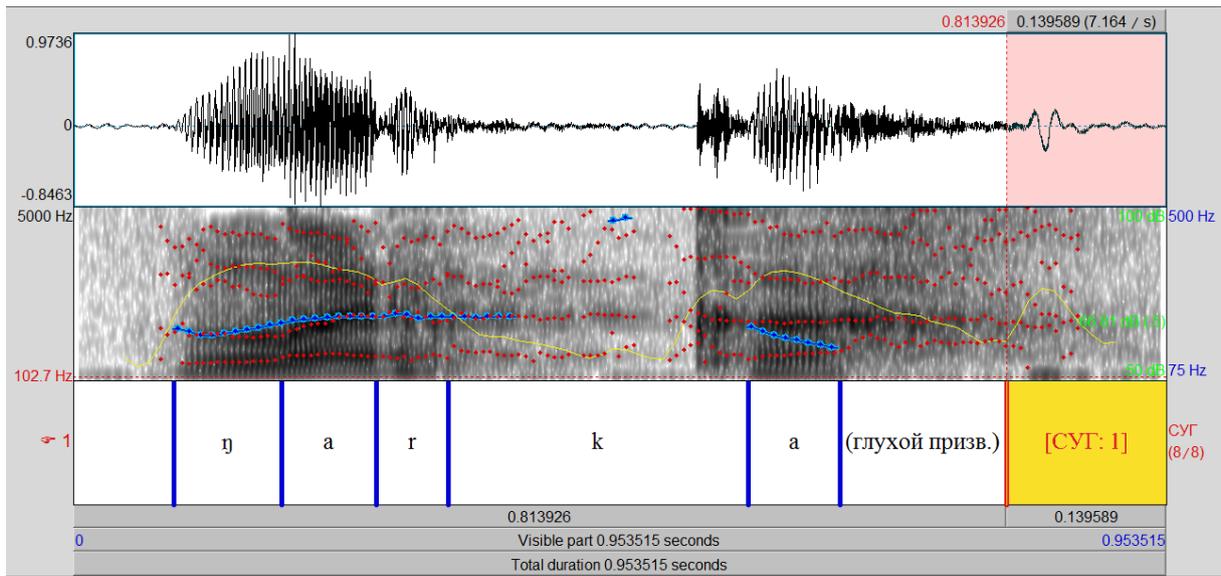
(8Г) Т гыдан. [xámβə] хатра [ЯГВ: 1]

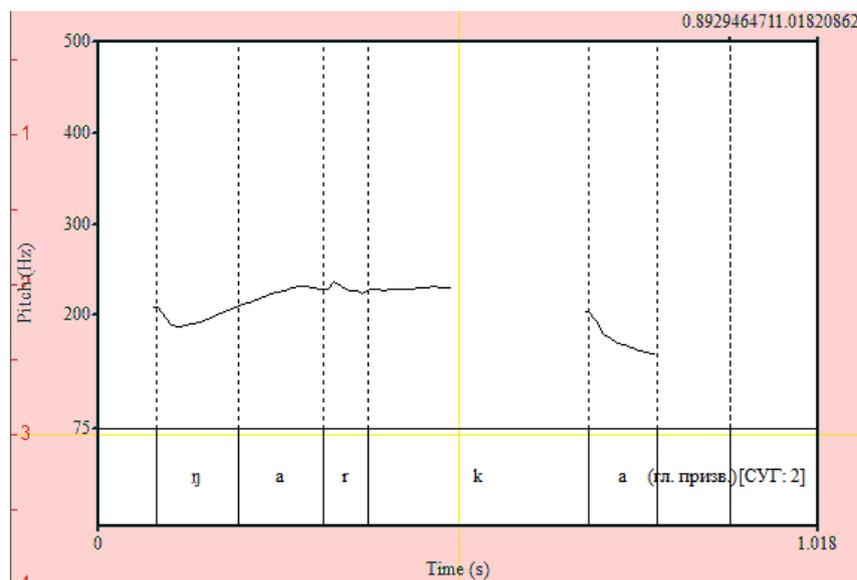
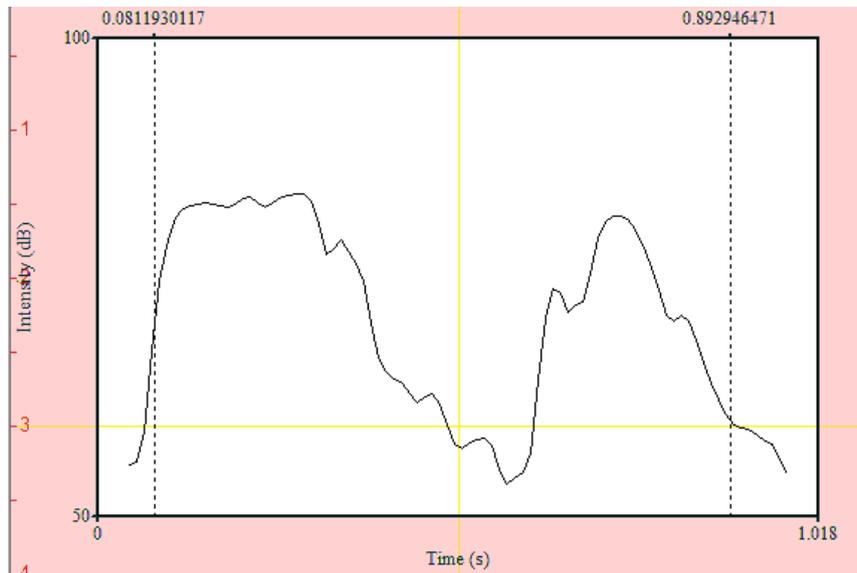
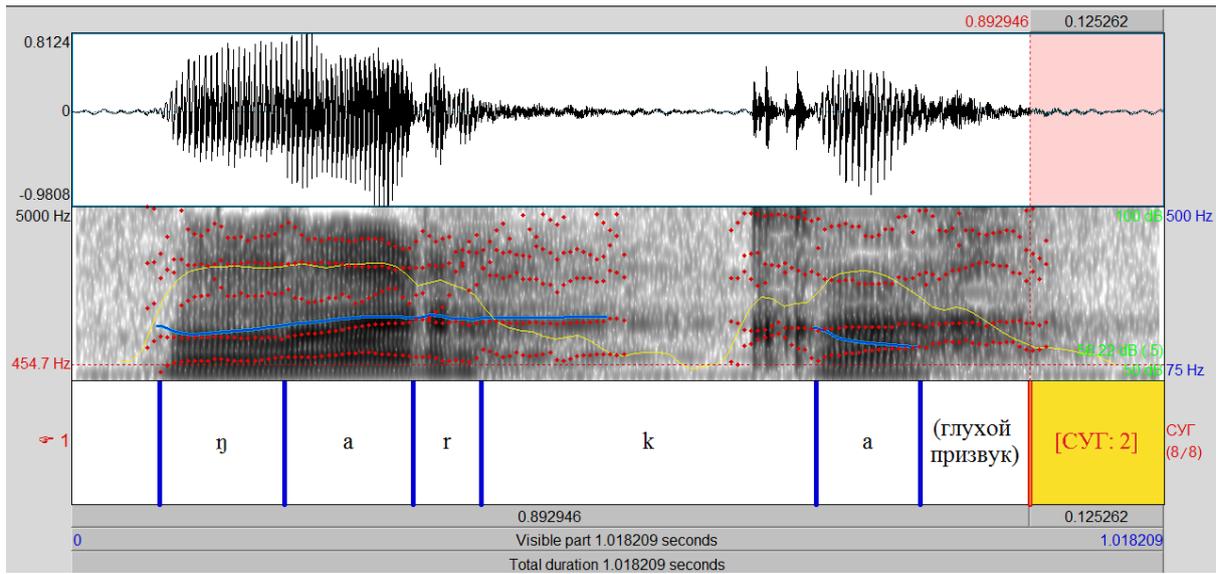
(8Г) Т гыдан. [xámbe] *xampra* [ЯГВ: 2]

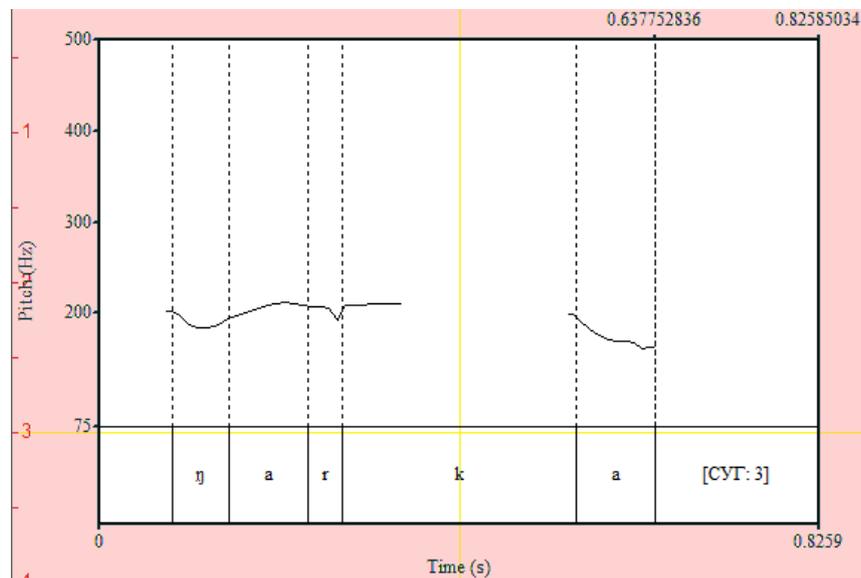
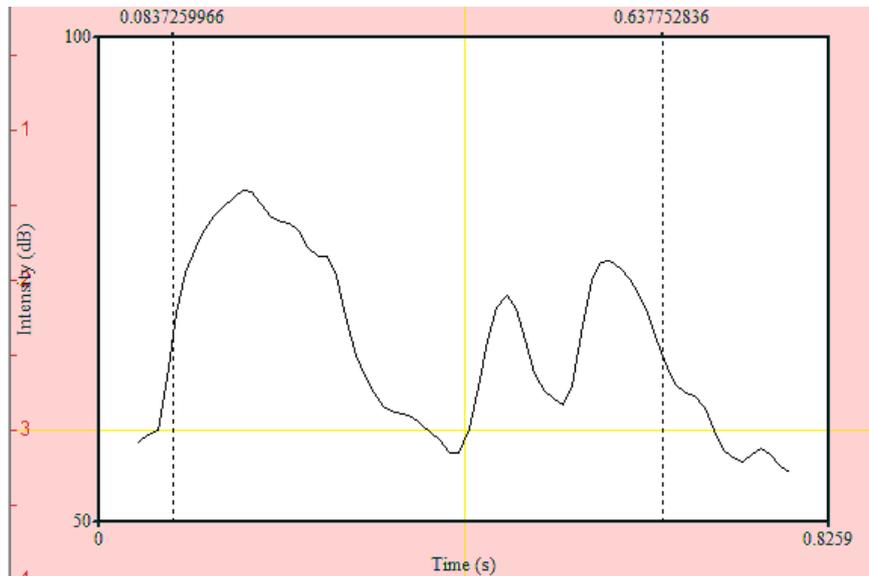
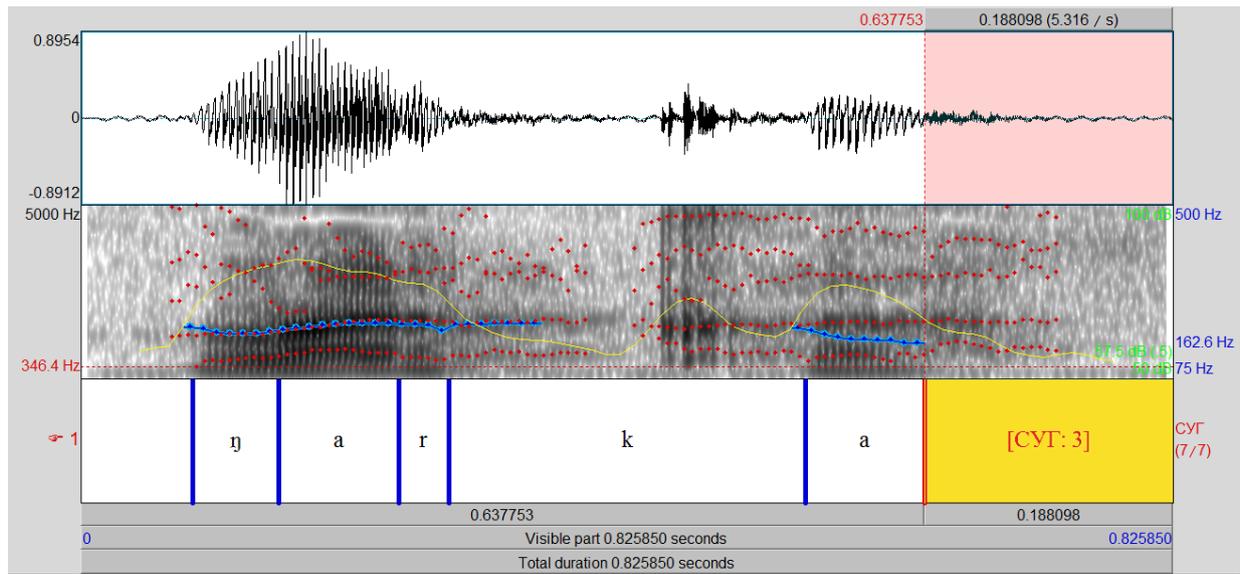
(9Г) Т гыдан. [ɲárkʰɛ] *ɲarka* [СУГ: 1]

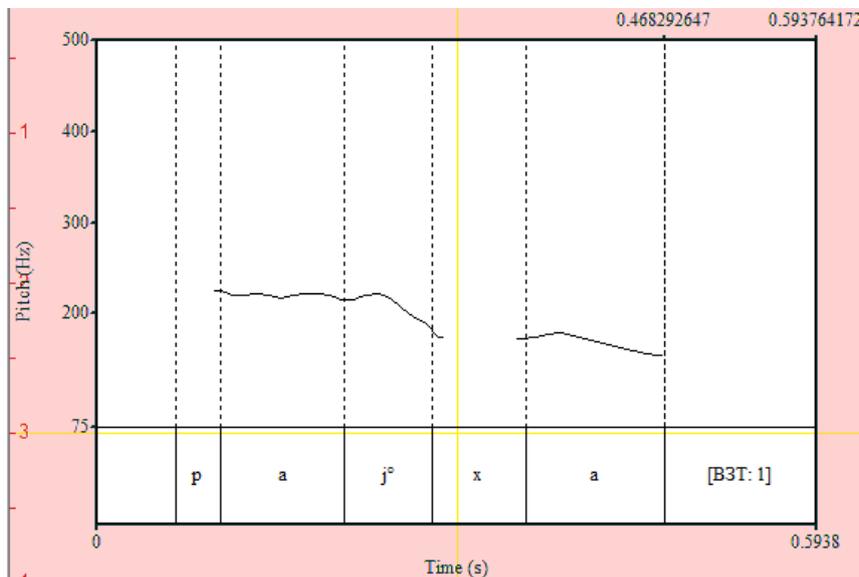
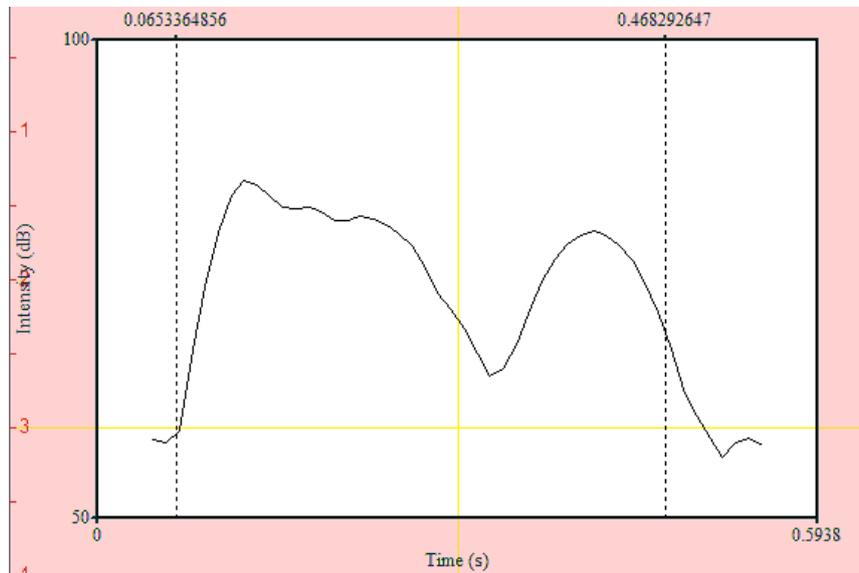
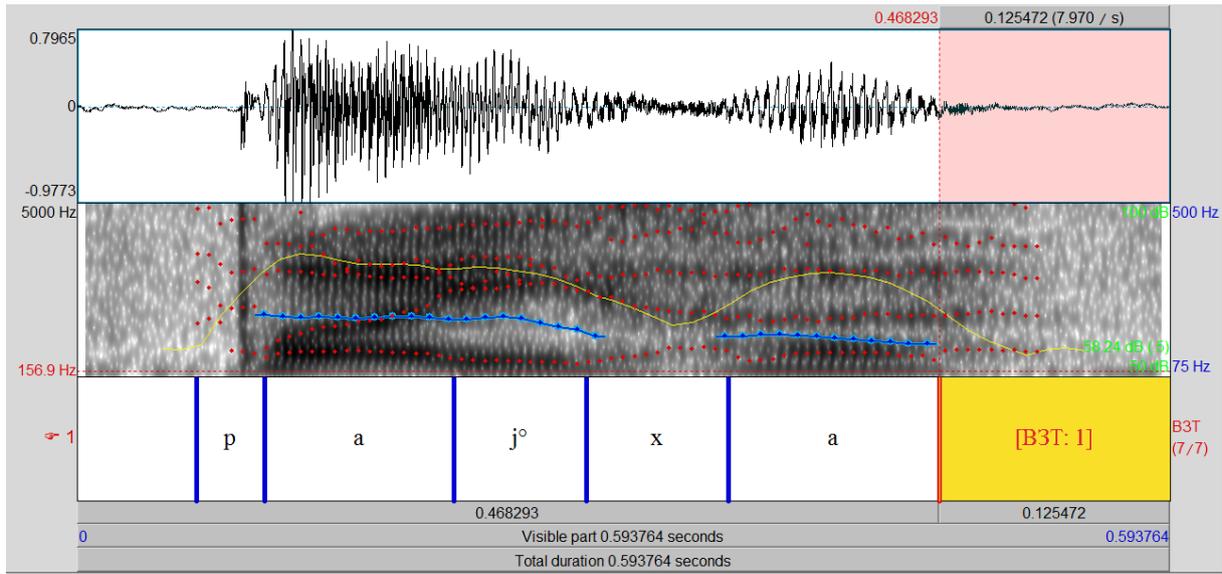
(9Г) Т гыдан. [ŋárka] *ŋarka* [СУГ: 2]

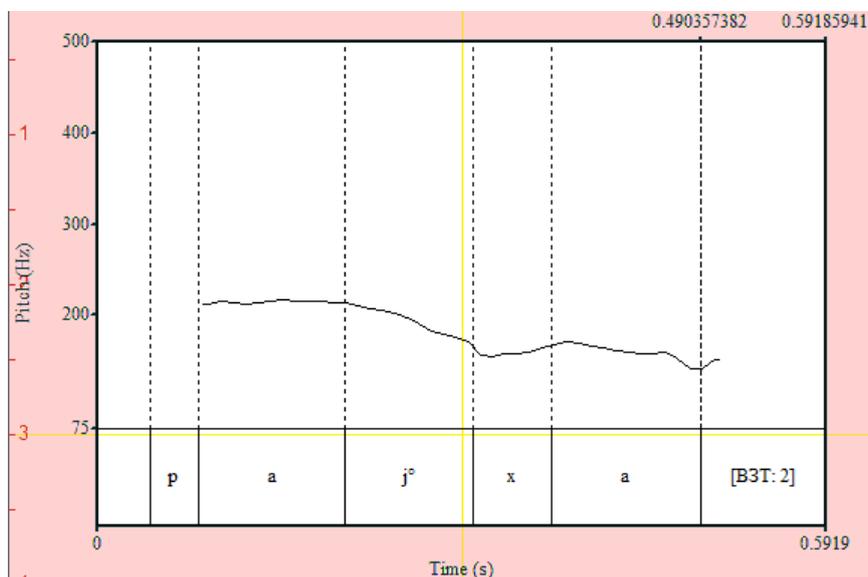
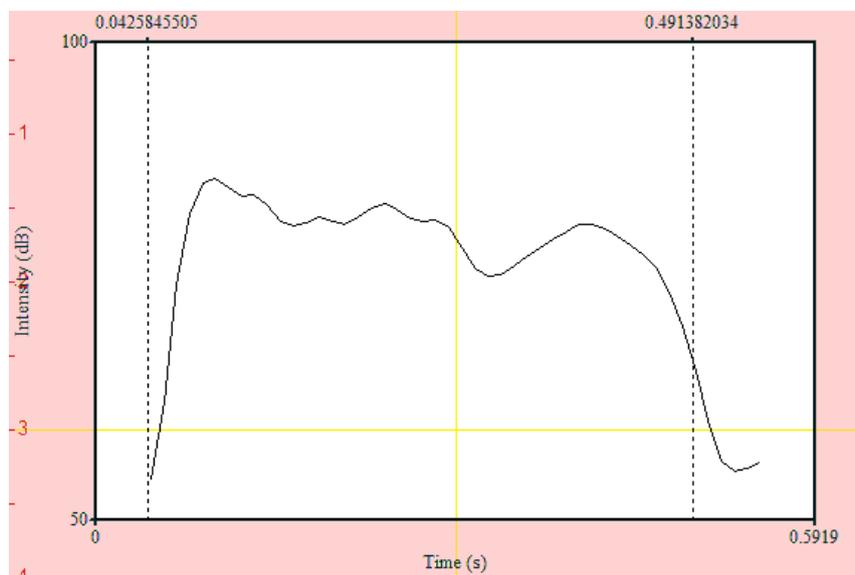
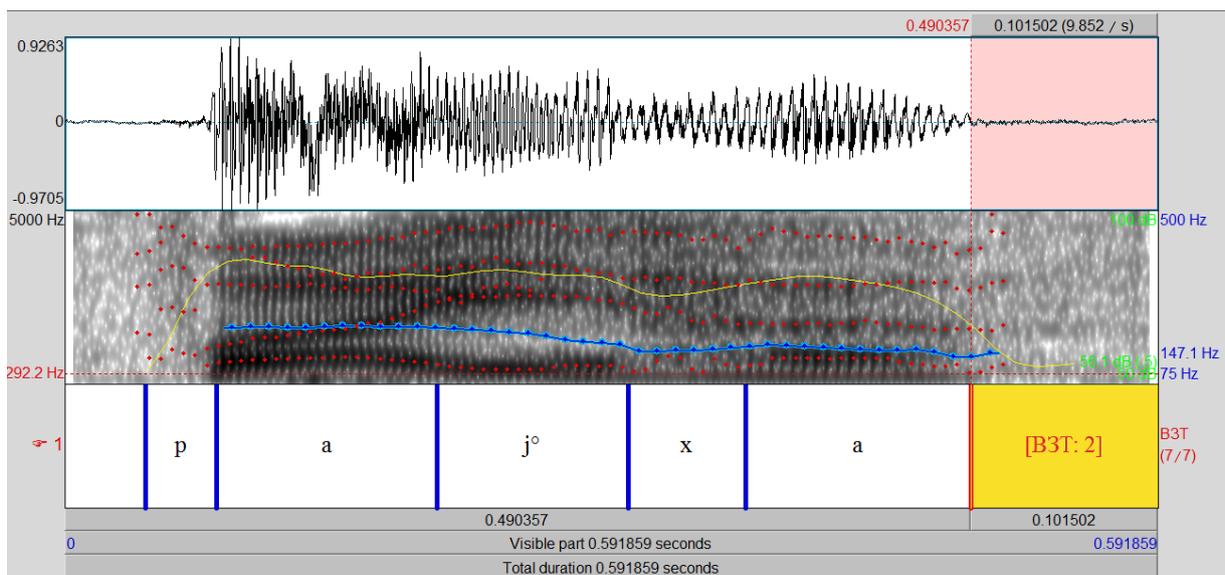
(9Г) Т гыдан. [ŋárkʰɛ] *ŋarka* [СҮГ: 3]

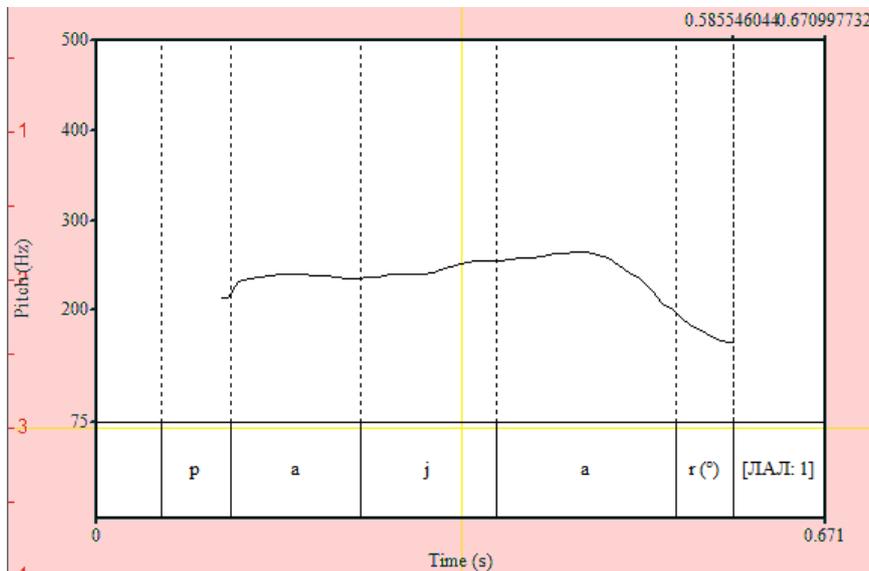
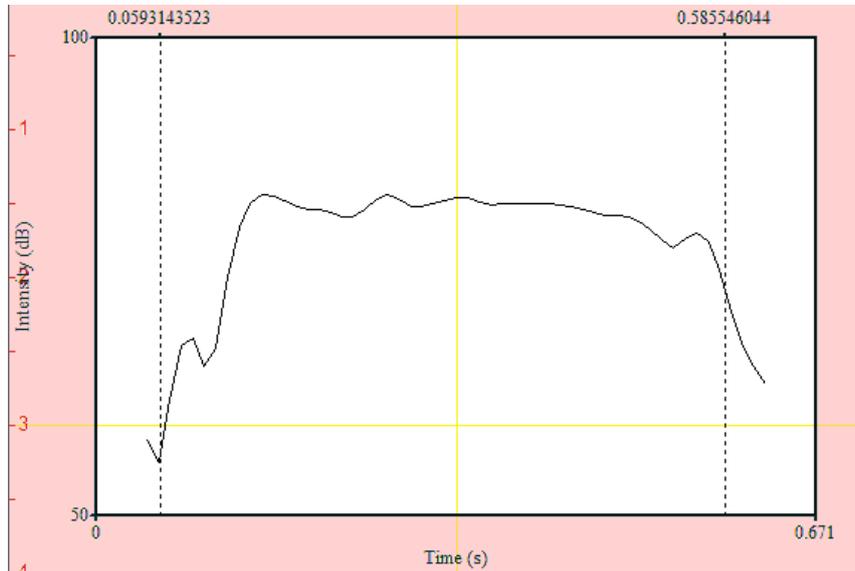
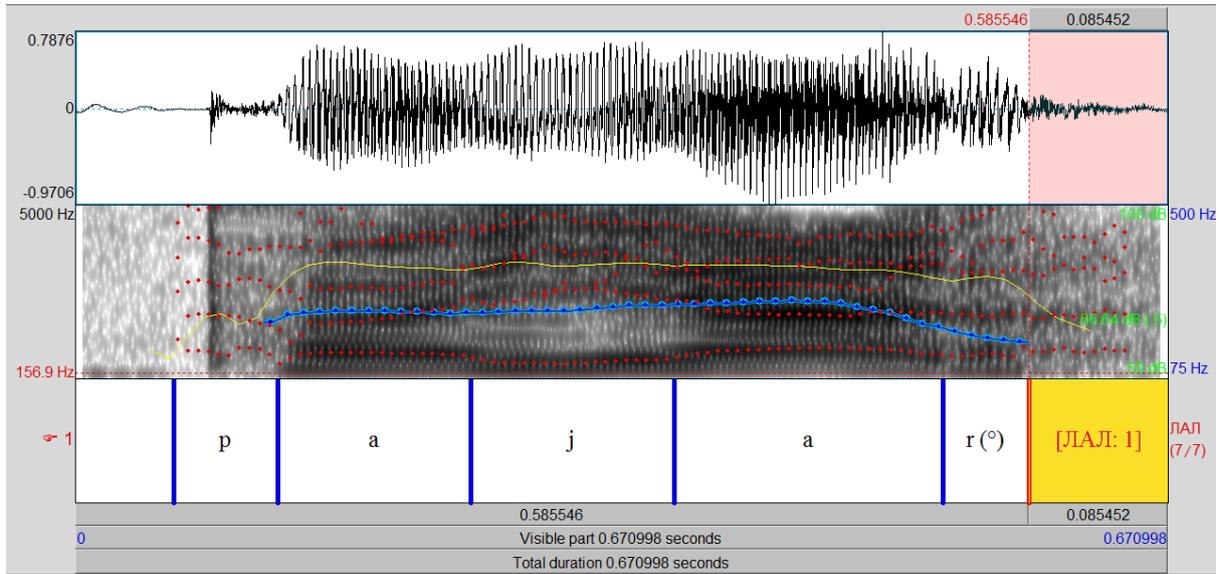
(10Г) Т гыдан. [pájxə] paj°xa [B3T: 1]

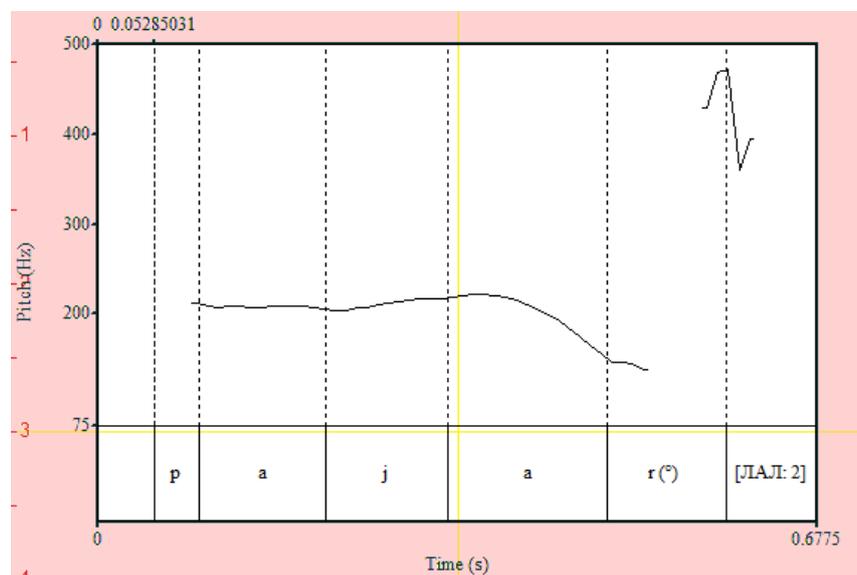
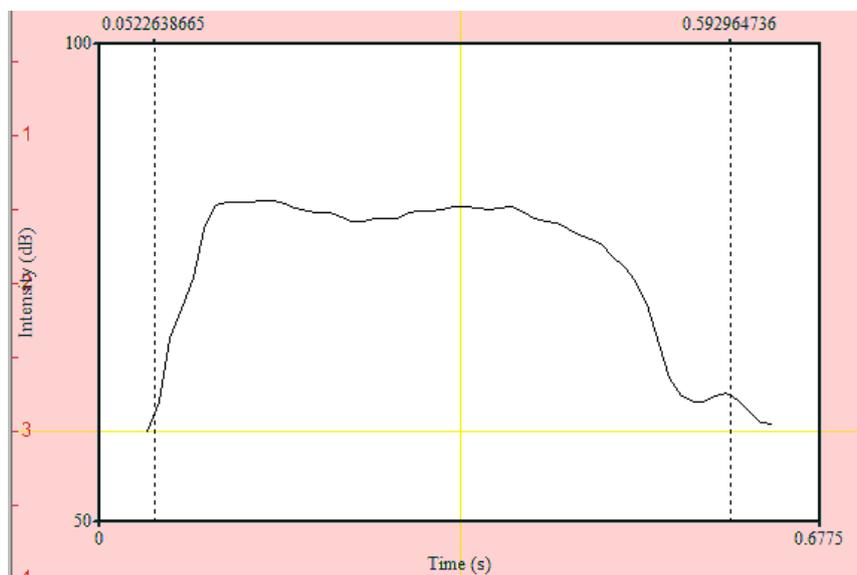
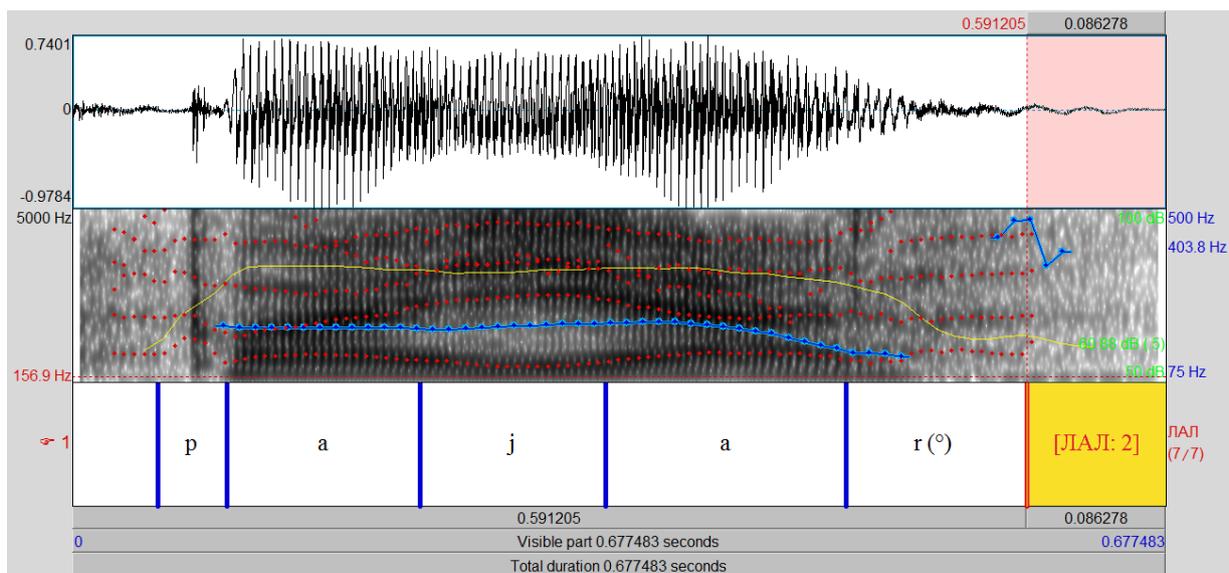
(10Г) Т гыдан. [pájʏe] paj°xa [B3T: 2]

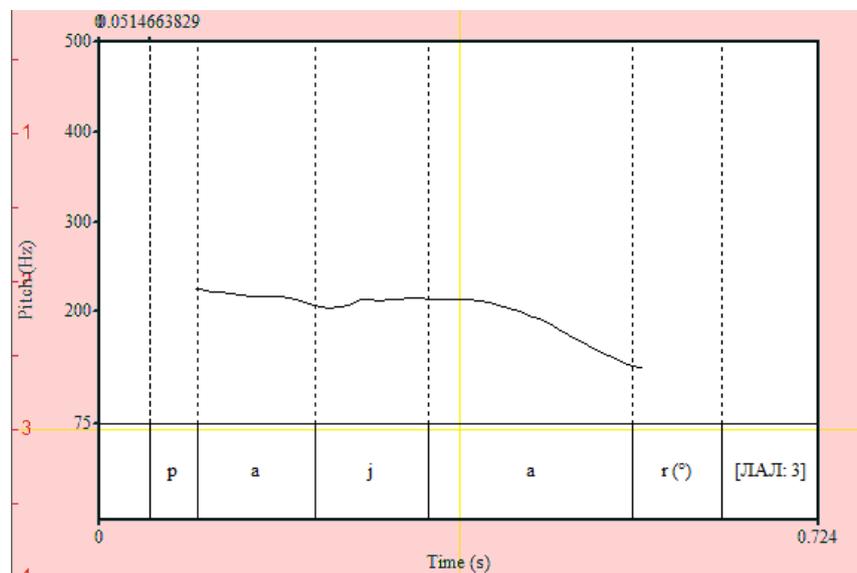
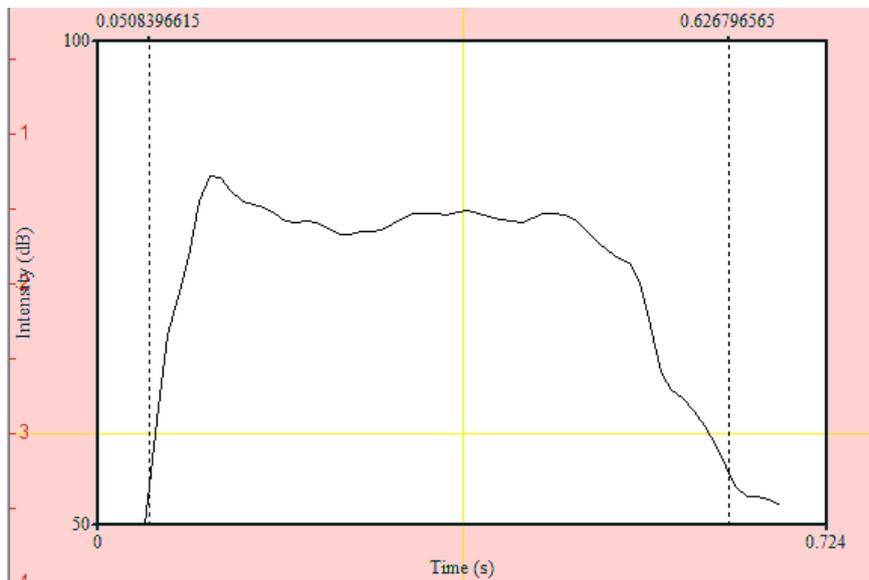
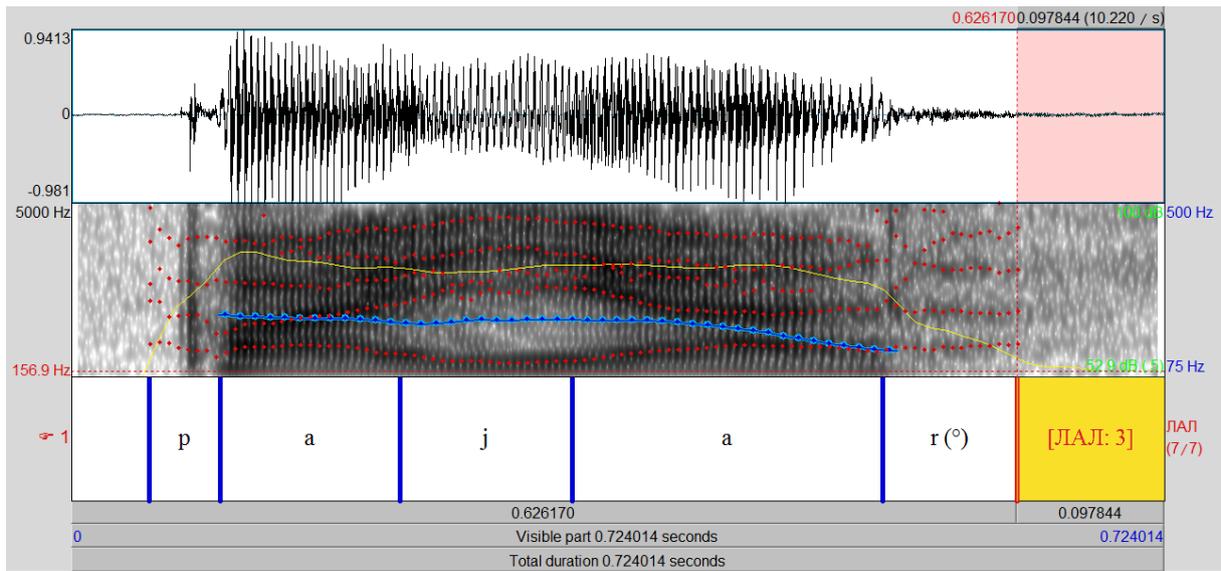
(11Г) Т гыдан. [pejár] *pajar*(°) [ЛАЛ: 1]

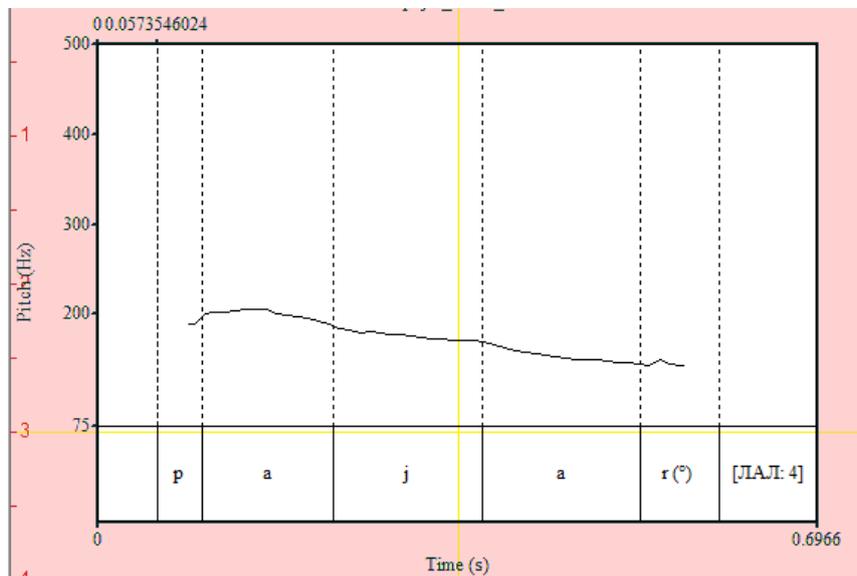
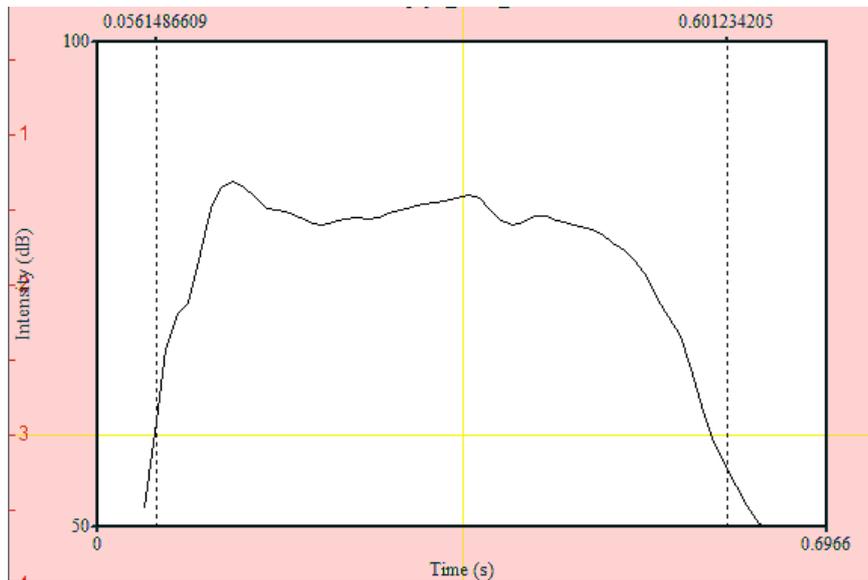
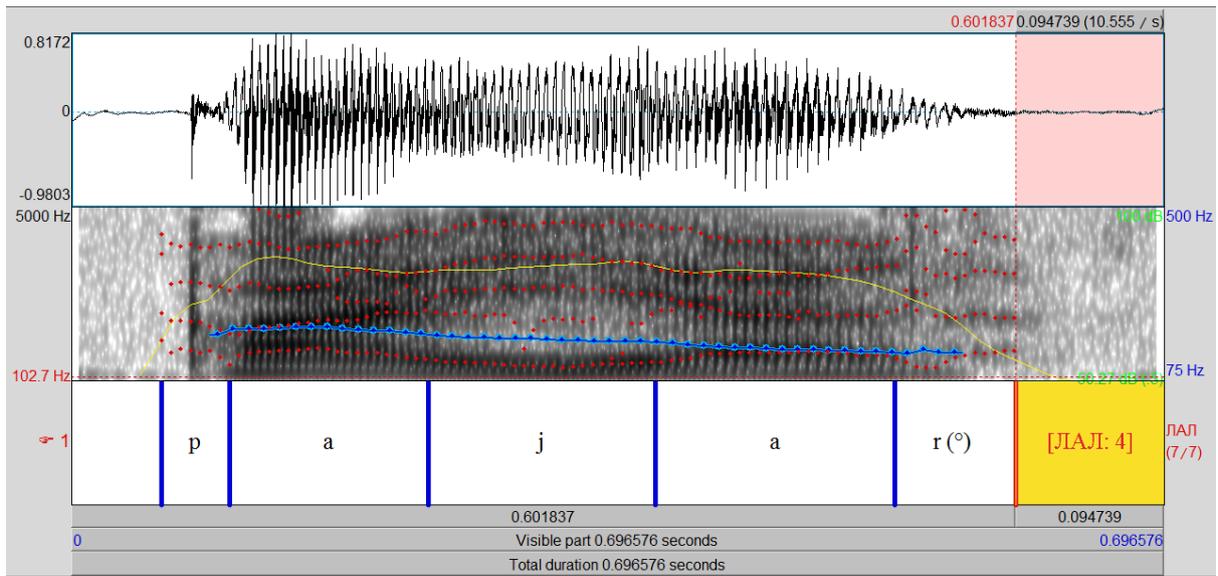
(11Г) Т гыдан. [pɛjɑr] pajar(°) [ЛАЛ: 2]

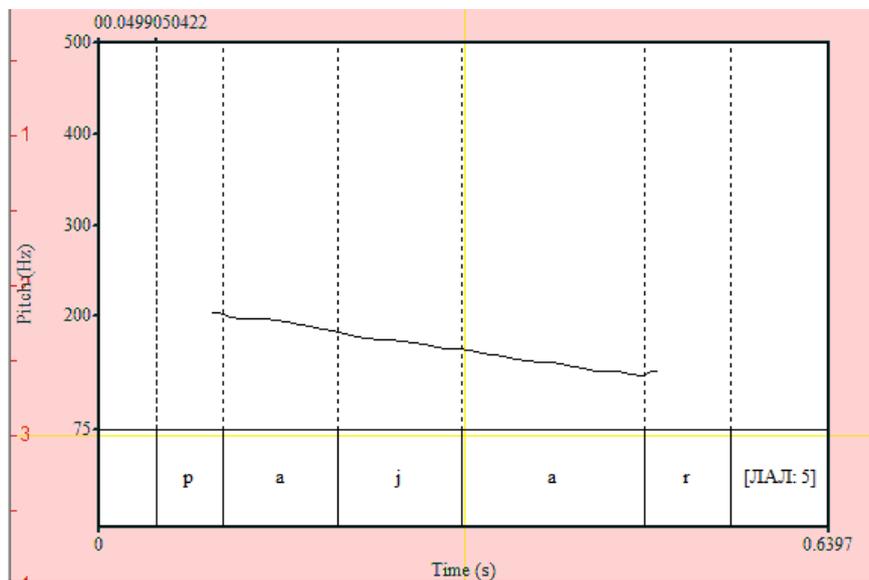
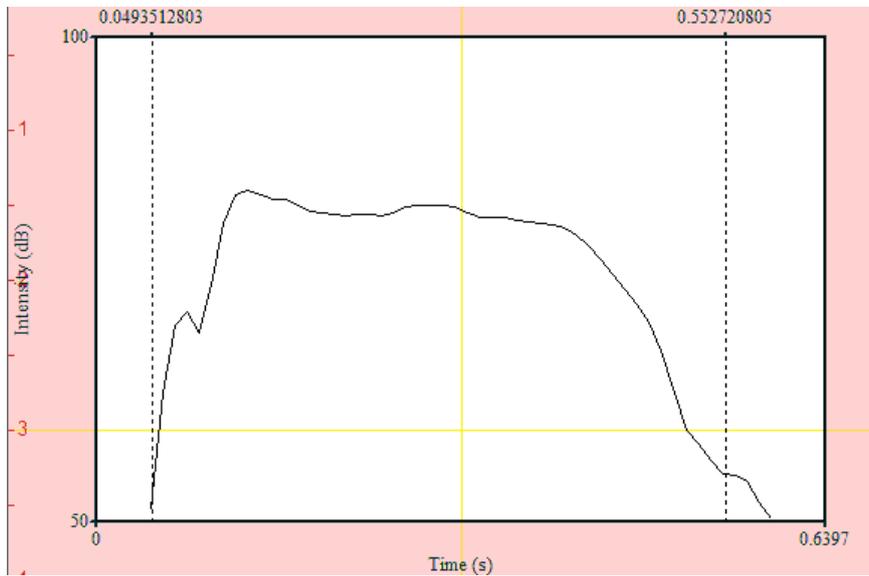
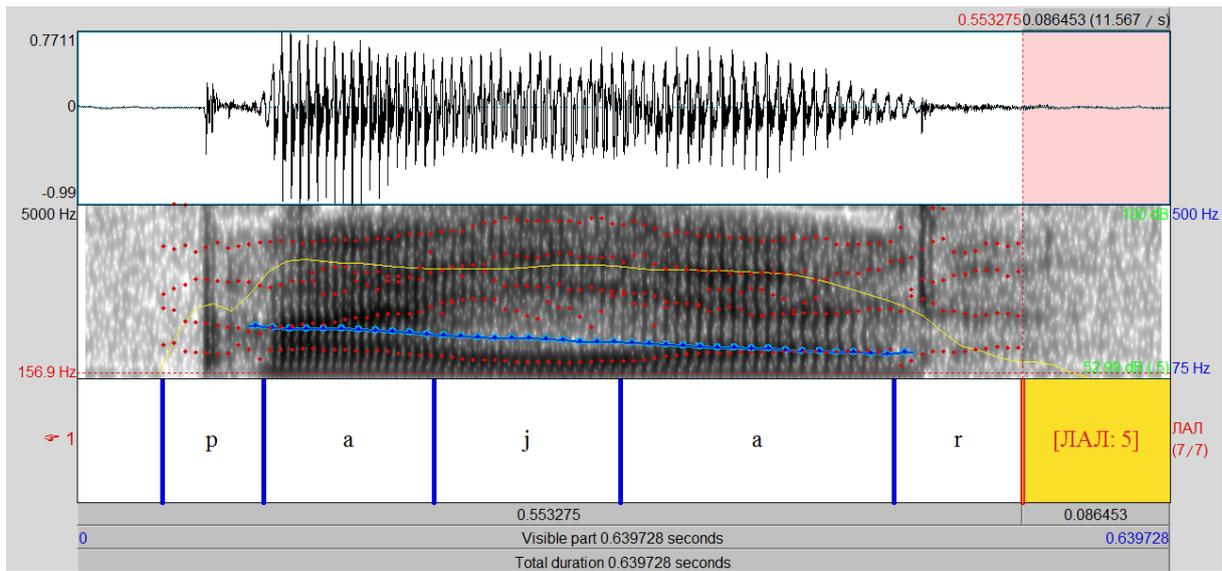
(11Г) Т гыдан. [pejáj] pajar(°) [ЛАЛ: 3]

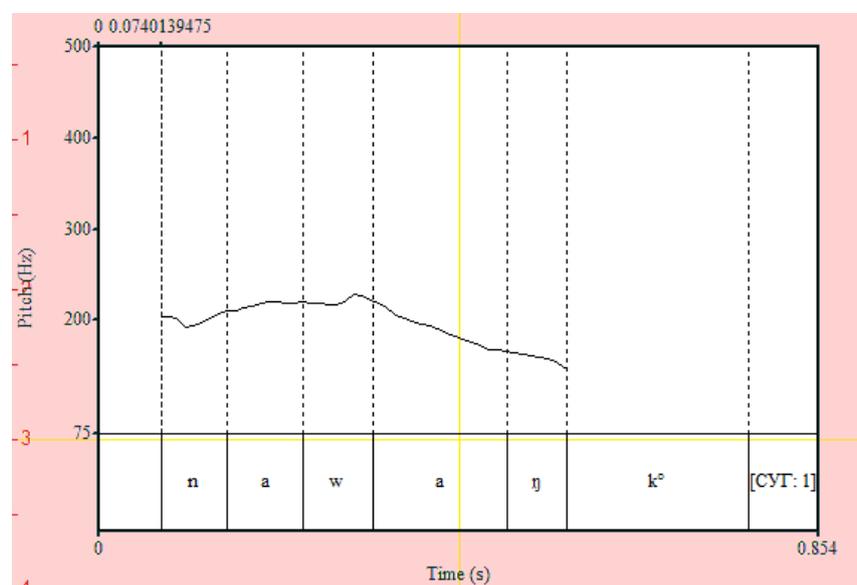
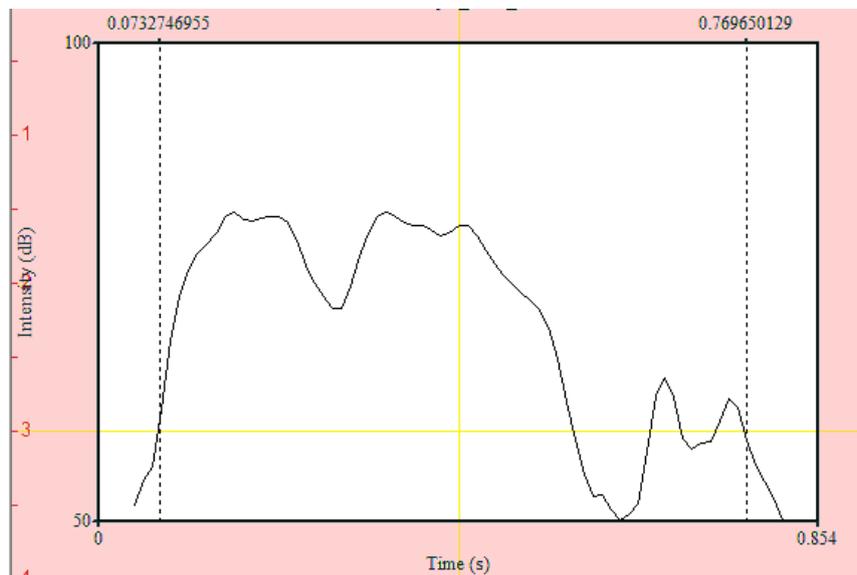
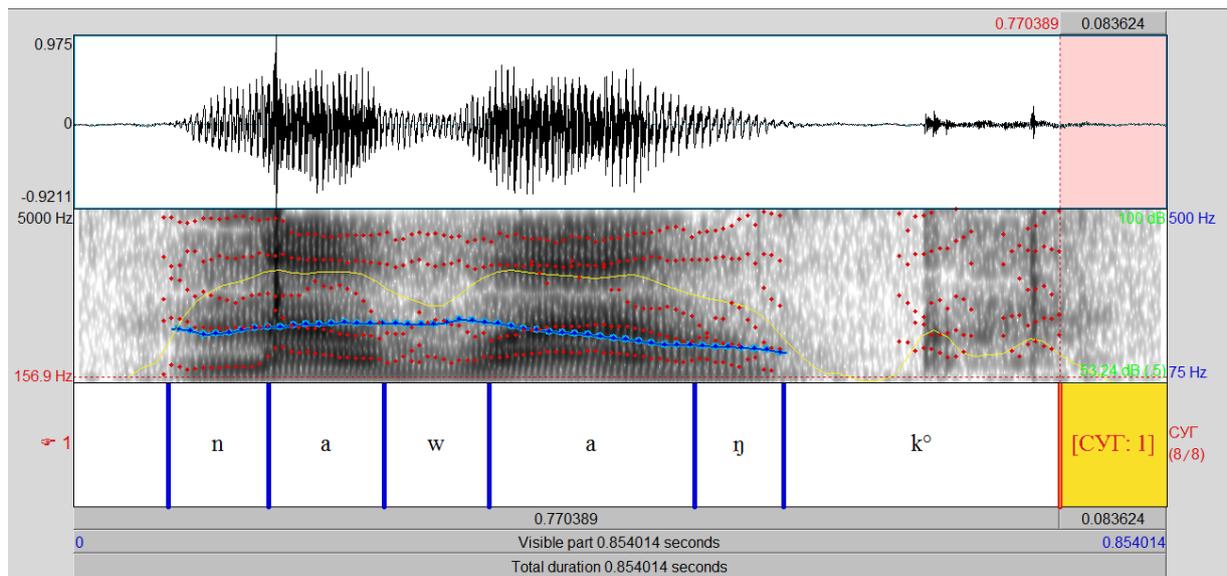
(11Г) Т гыдан. [pɛjɑr] pajar(°) [ЛАЛ: 4]

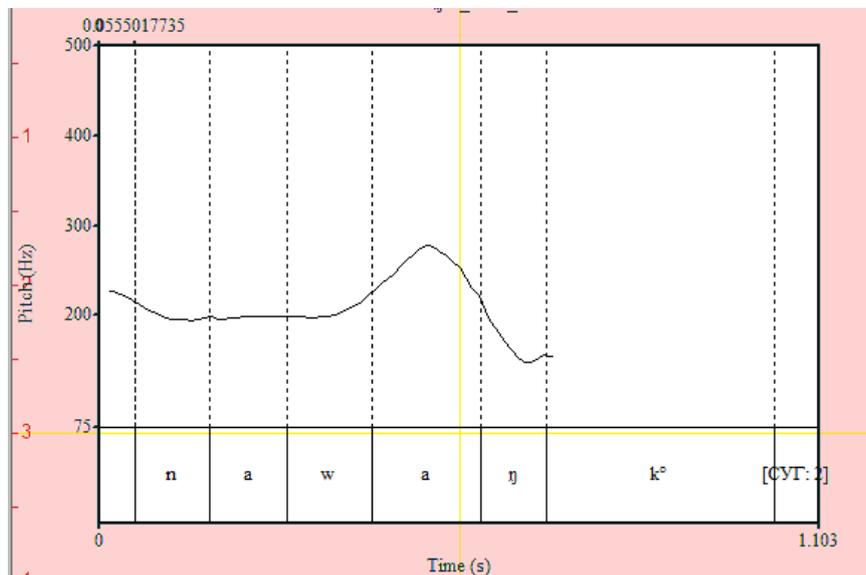
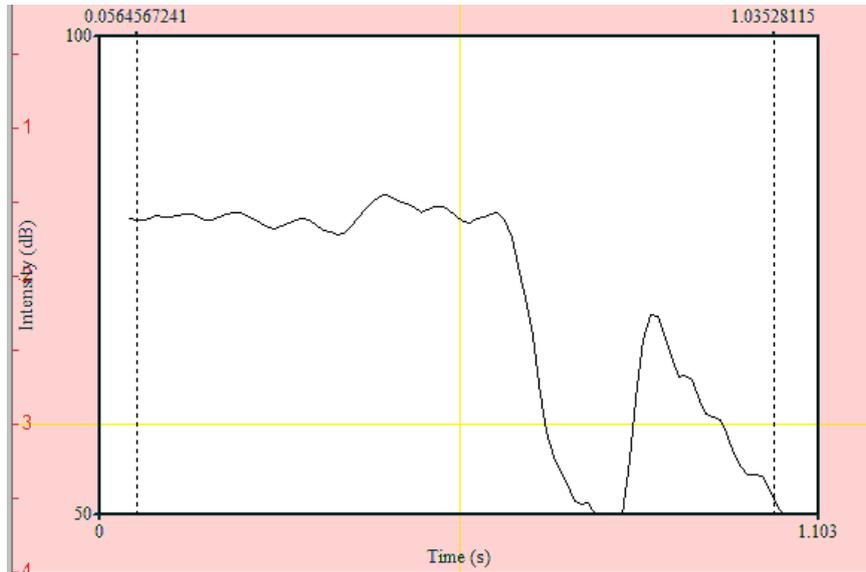
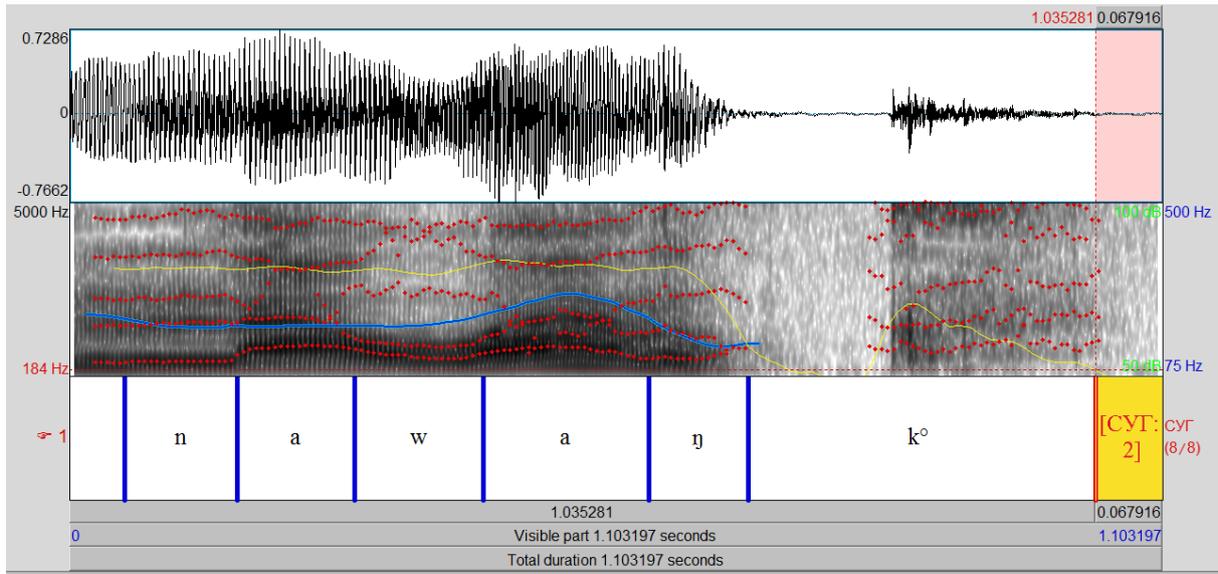
(11Г) Т гыдан. [pejáj] *pajar*(°) [ЛАЛ: 5]

(12Г) Т гыдан. [nəβáŋkʰ] ([nəβáŋkʰ]) *nawaŋk°* [СУГ: 1]

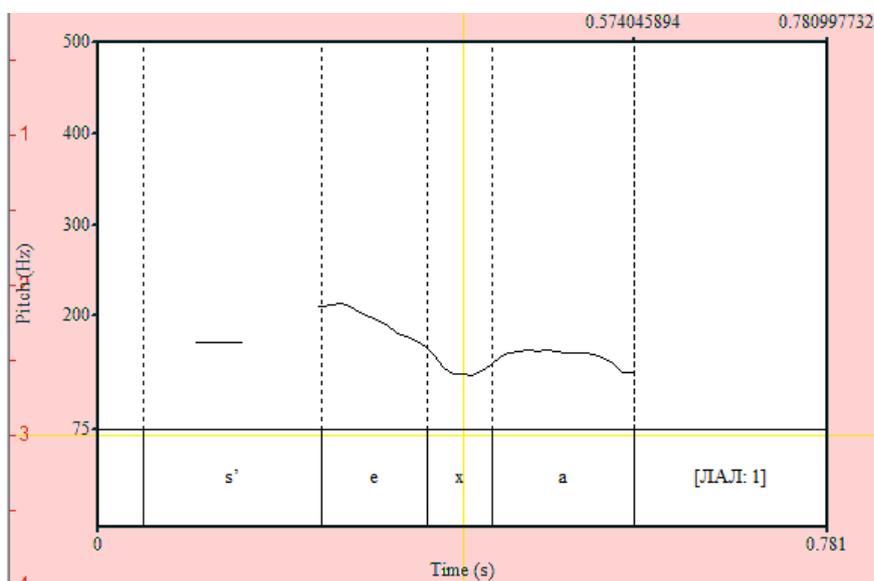
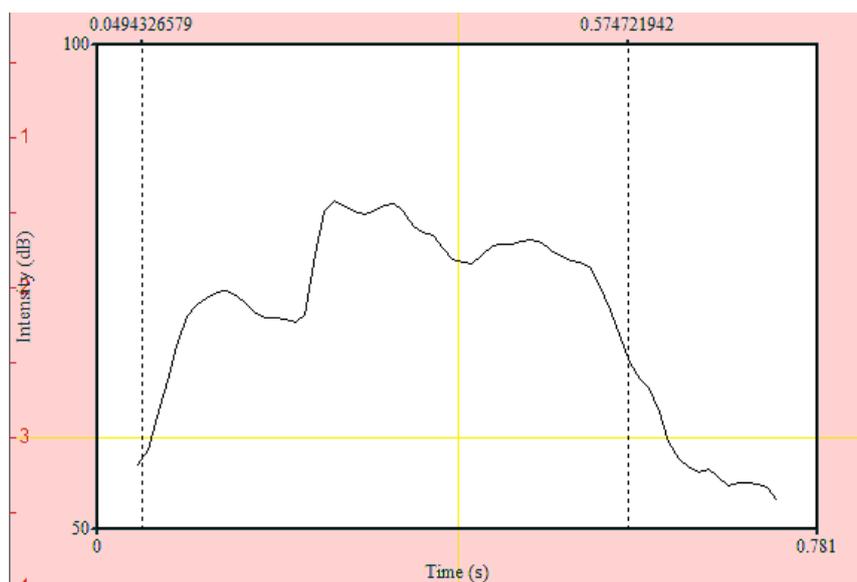
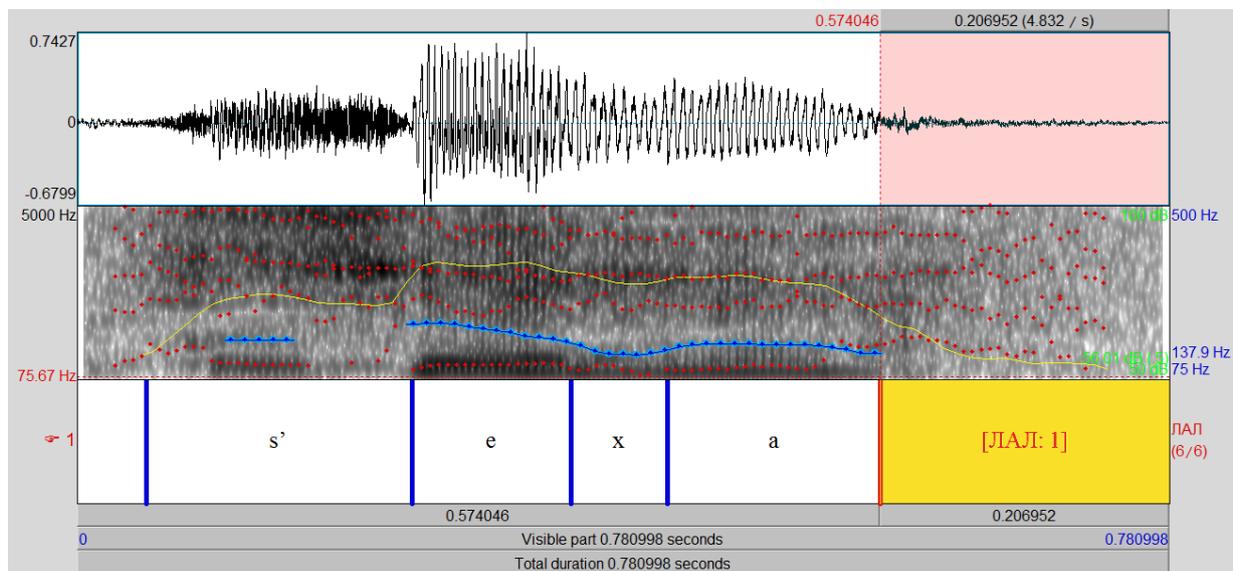

(12Г) Т гыдан. [nɛβáŋkʰ] ([nɛ̃βáŋkʰ]) *nawaŋk°* [CUT: 2]

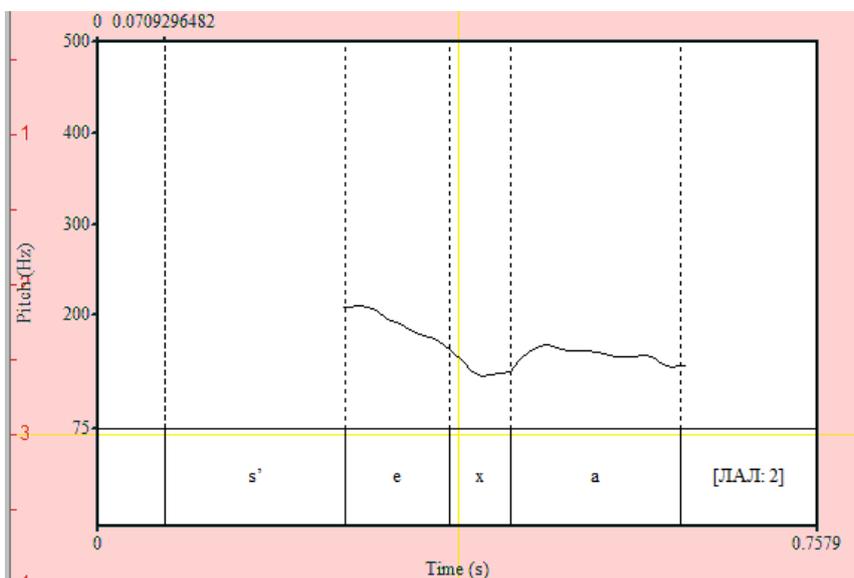
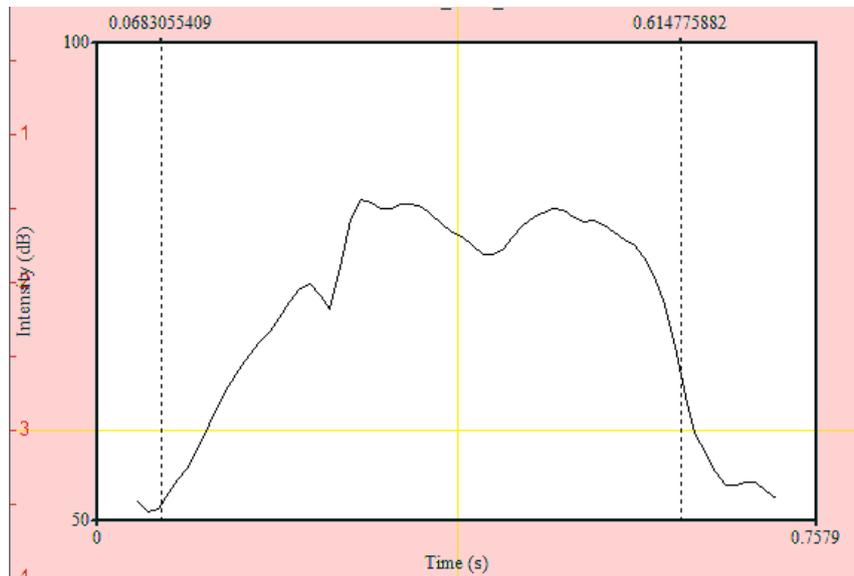
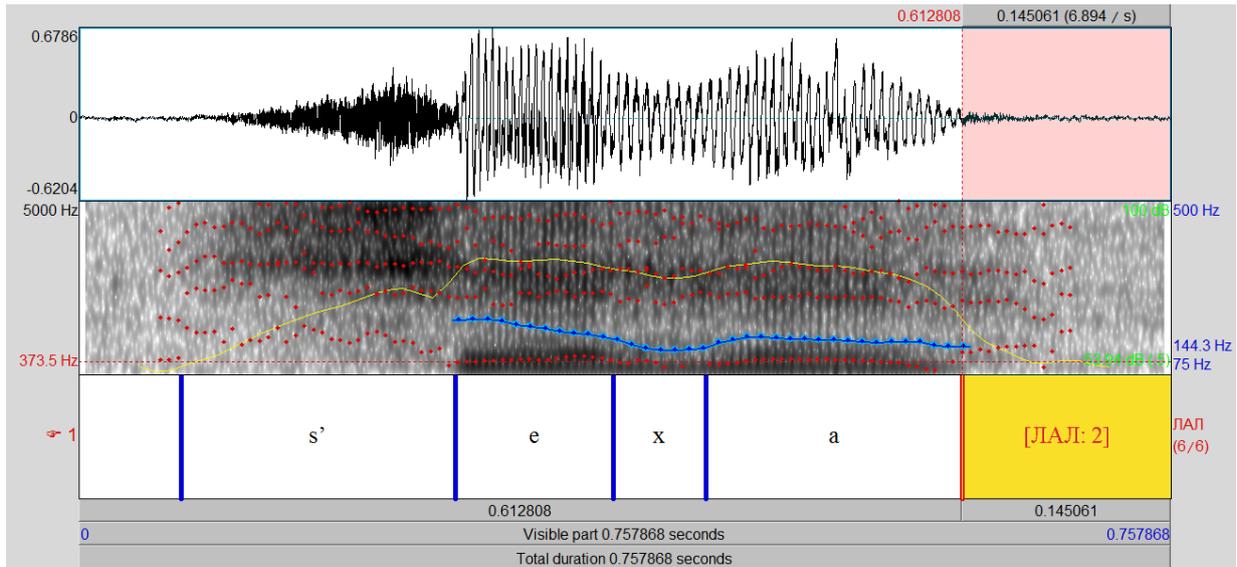

2. Фонетические слова с гласными среднего подъема переднего ряда в первом и втором слогах

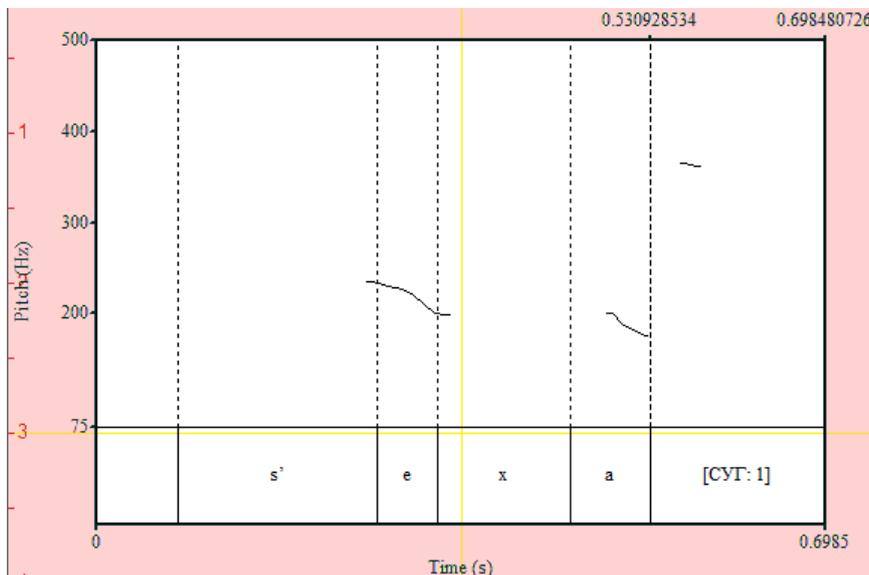
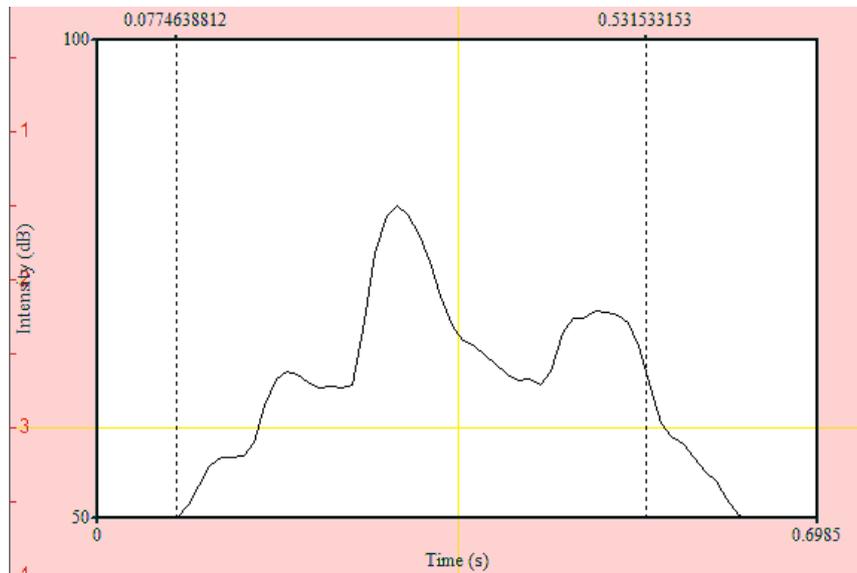
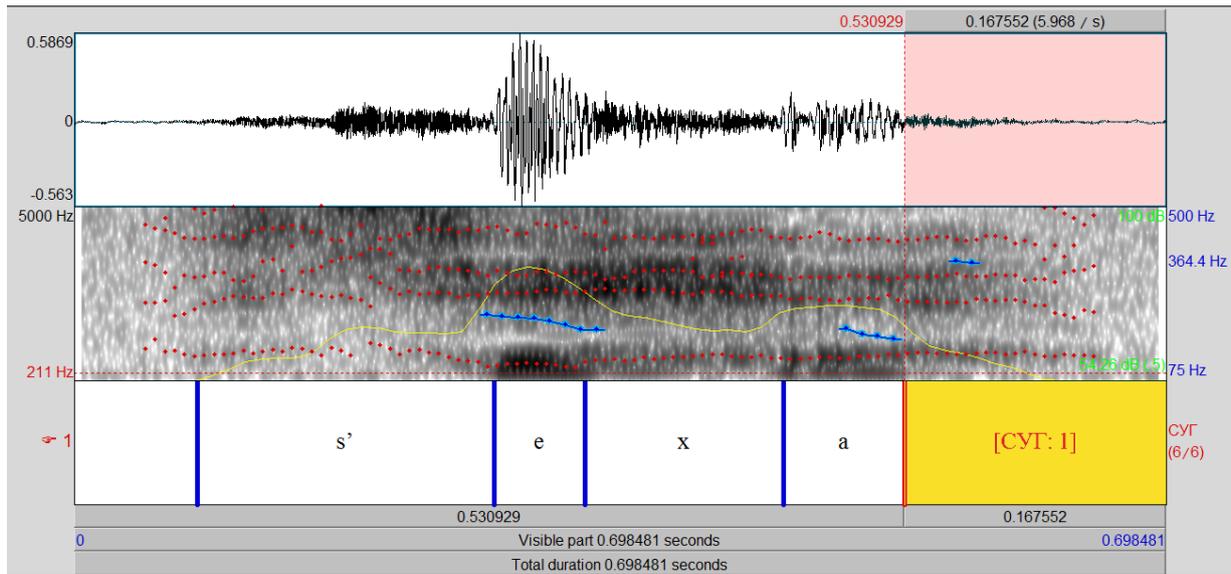
(13Г) Т гыдан. [s'ɛyɤ] s'exa [ЛАЛ: 1]

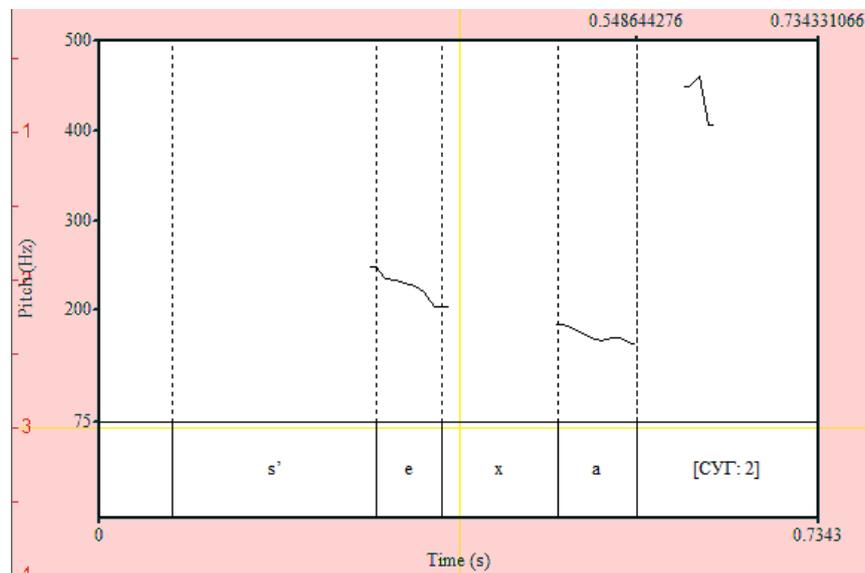
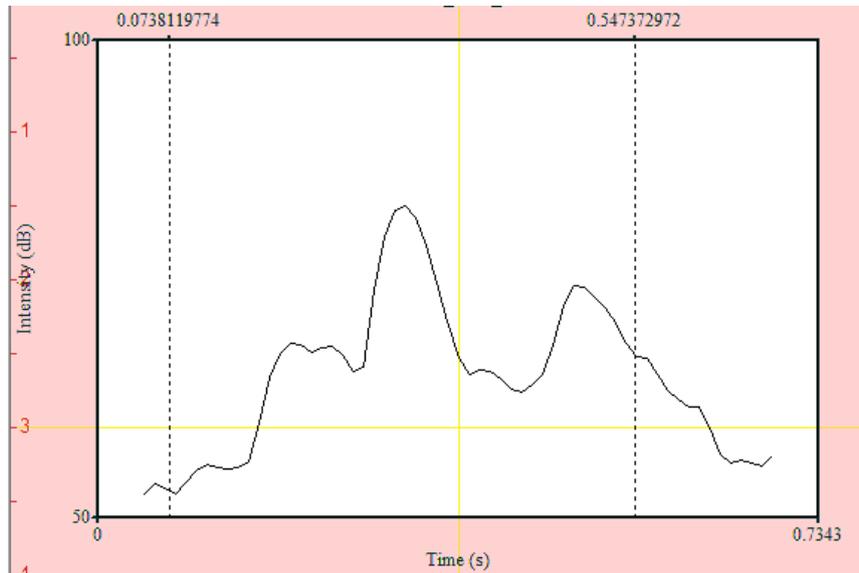
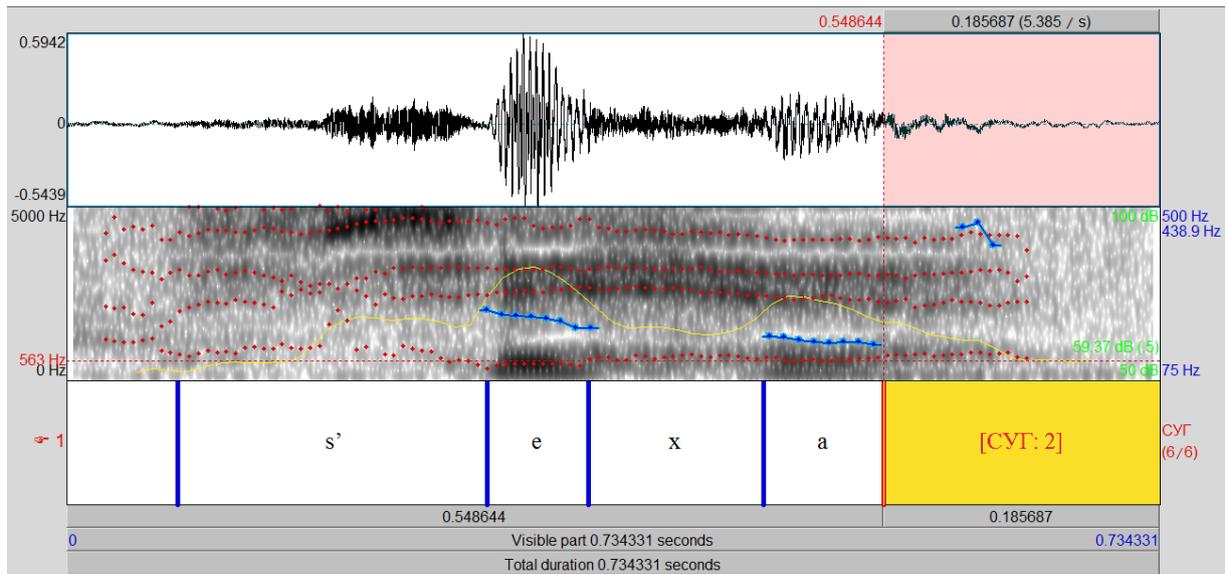
(13Г) Т гыдан. [s'éyə] s'exa [ЛЛЛ: 2]

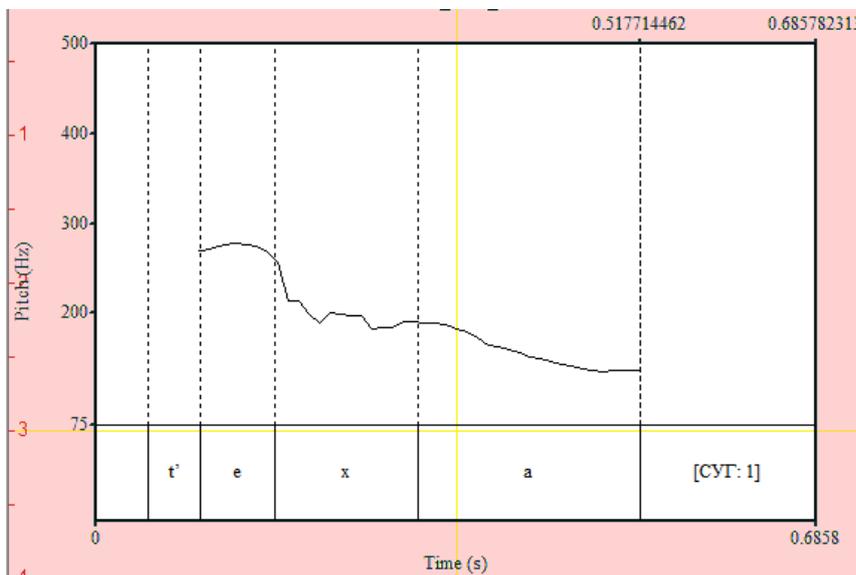
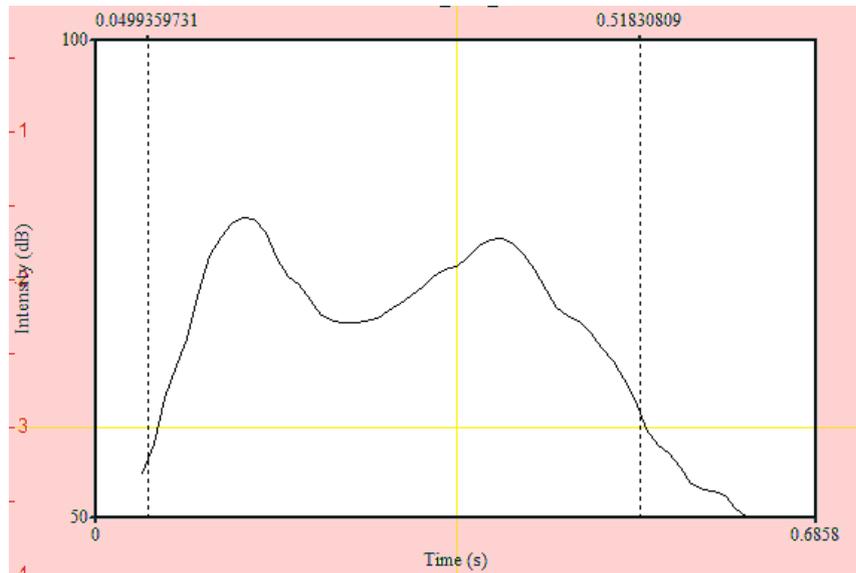
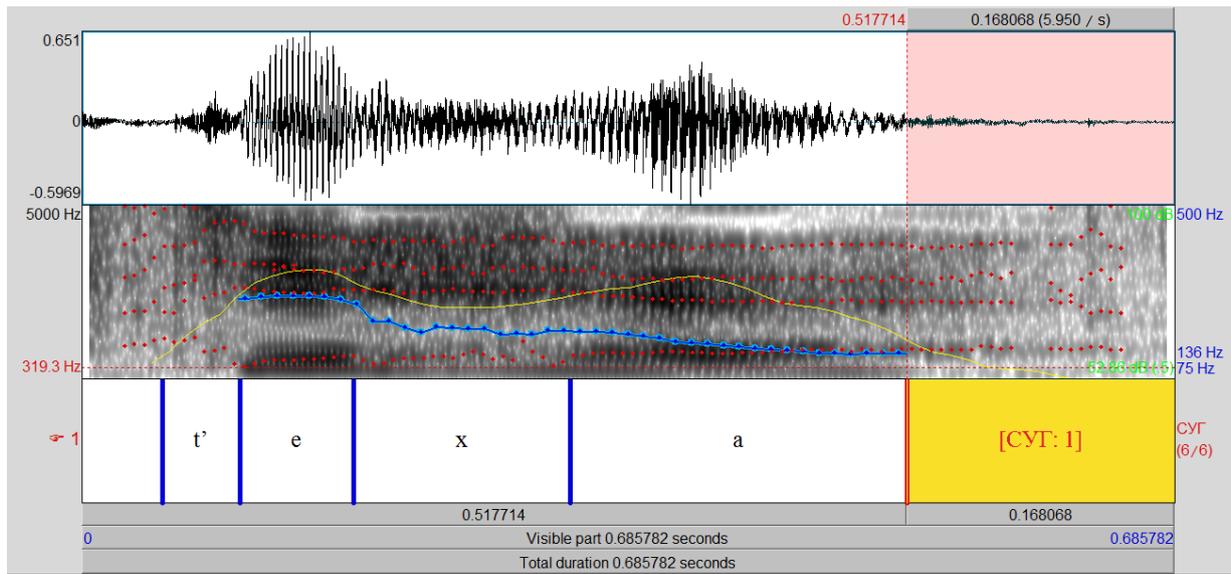
(13Г) Т гыдан. [s'ɛxə] s'exa [СУГ: 1]

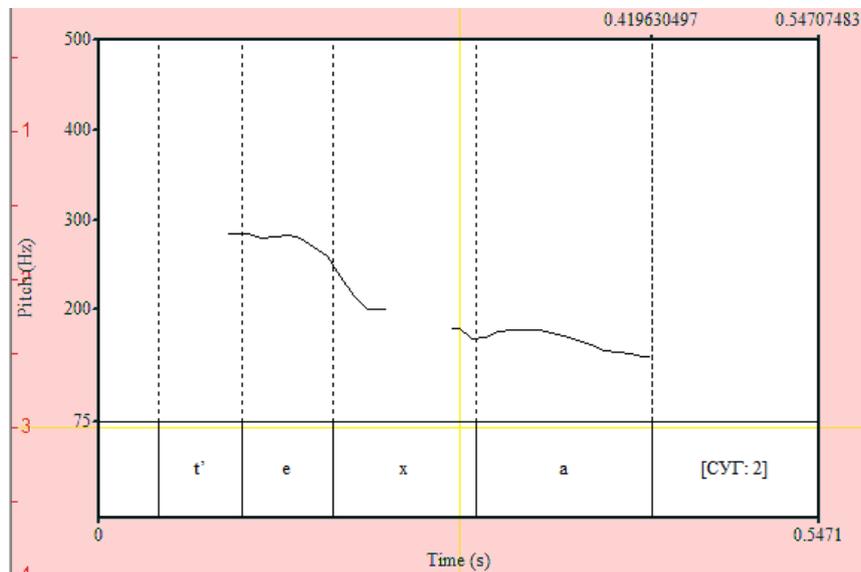
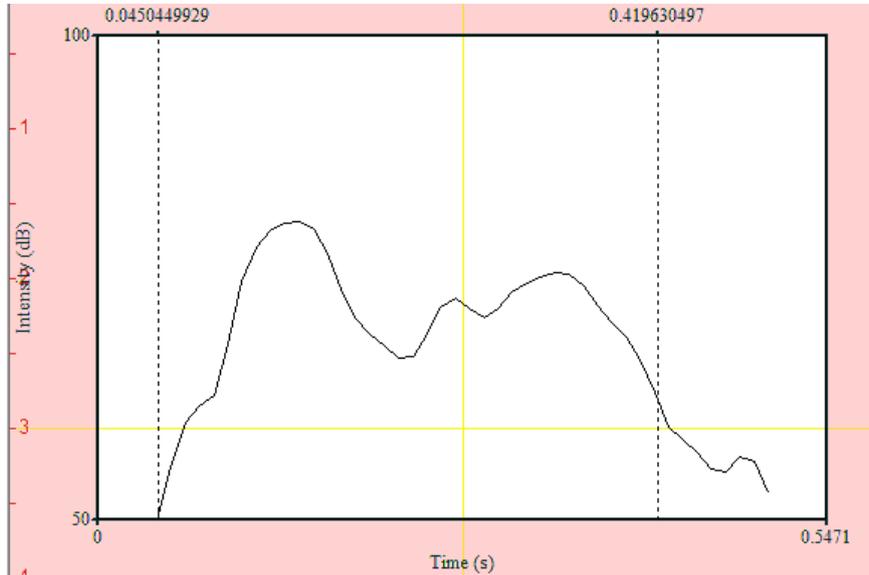
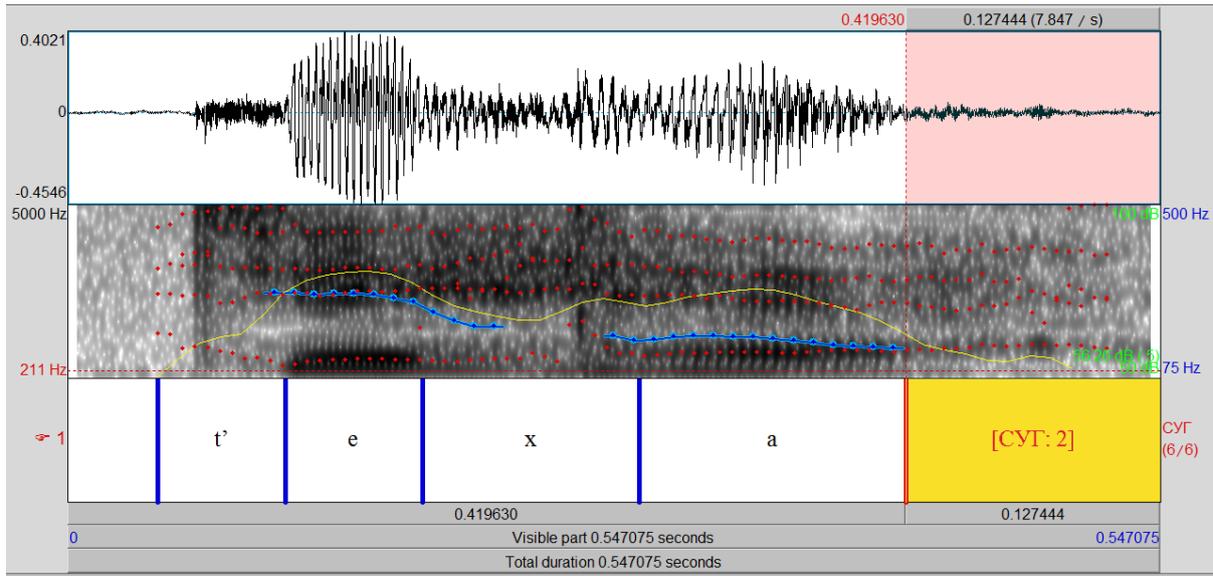
(13Г) Т гыдан. [s'éxə] s'exa [CYT: 2]

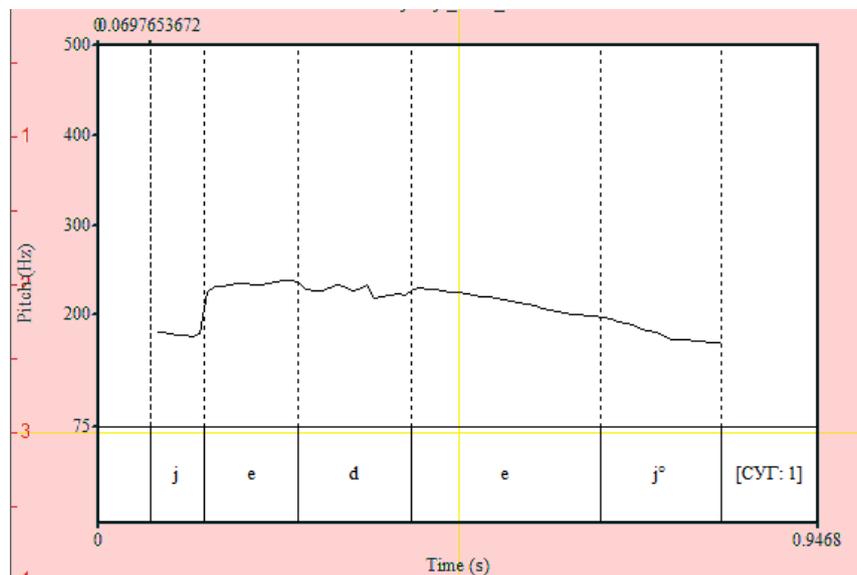
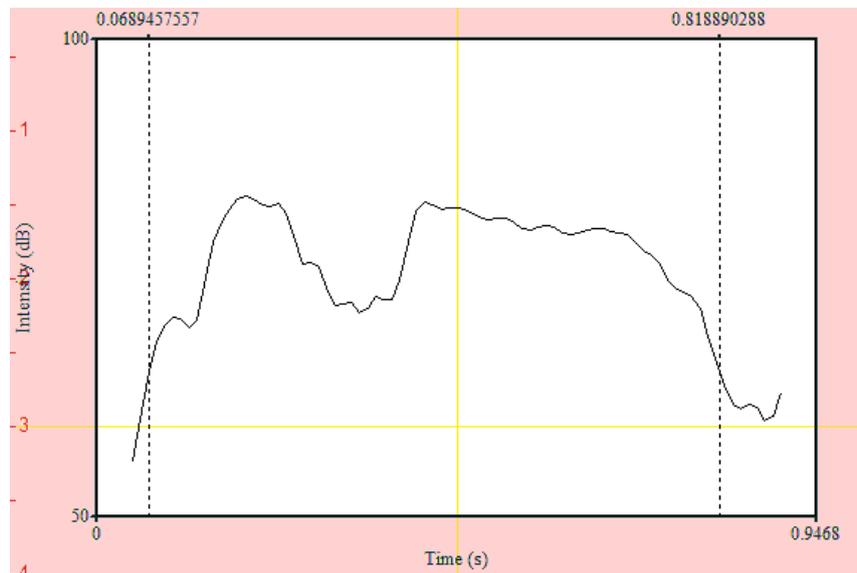
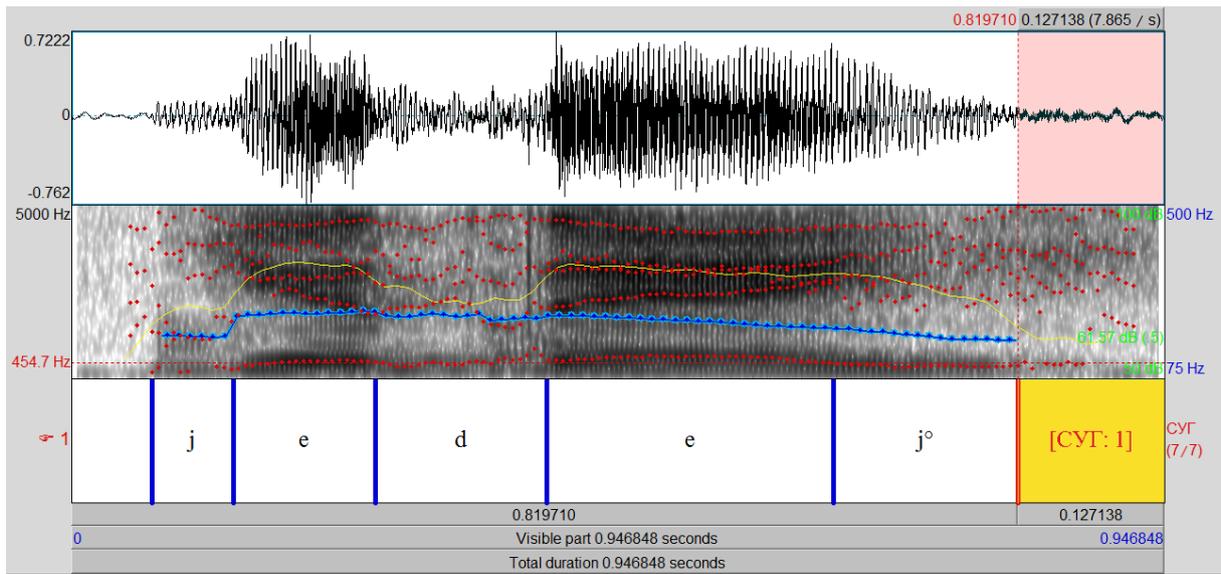
(14Г) Т гыдан. [tʰéyə] t'exa [CYT: 1]

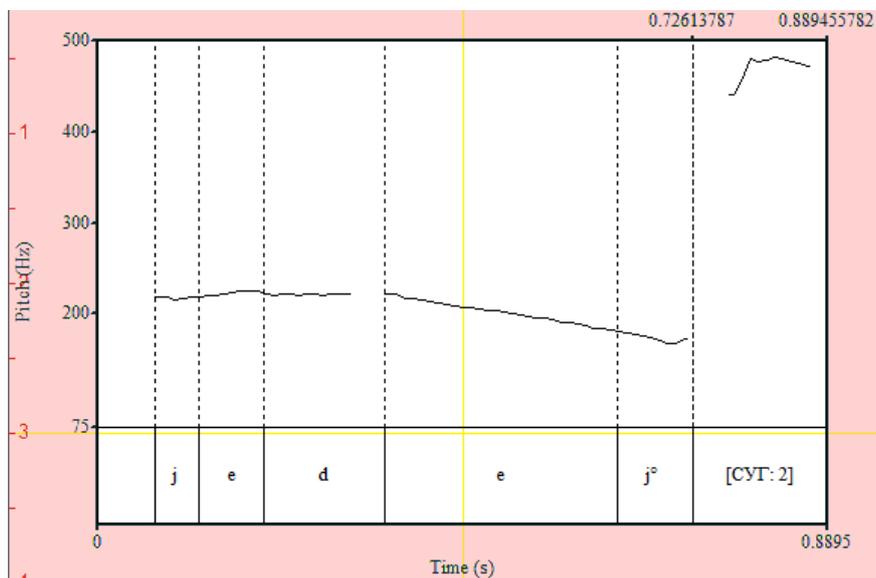
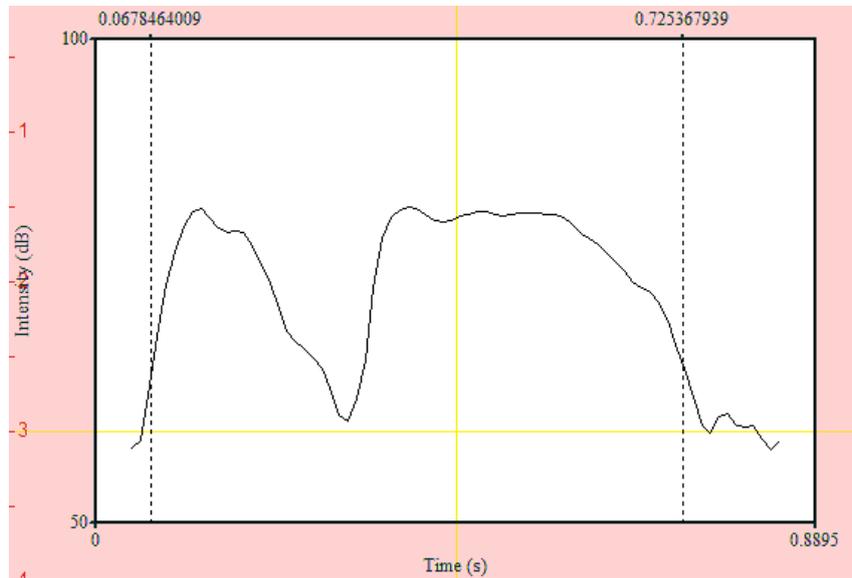
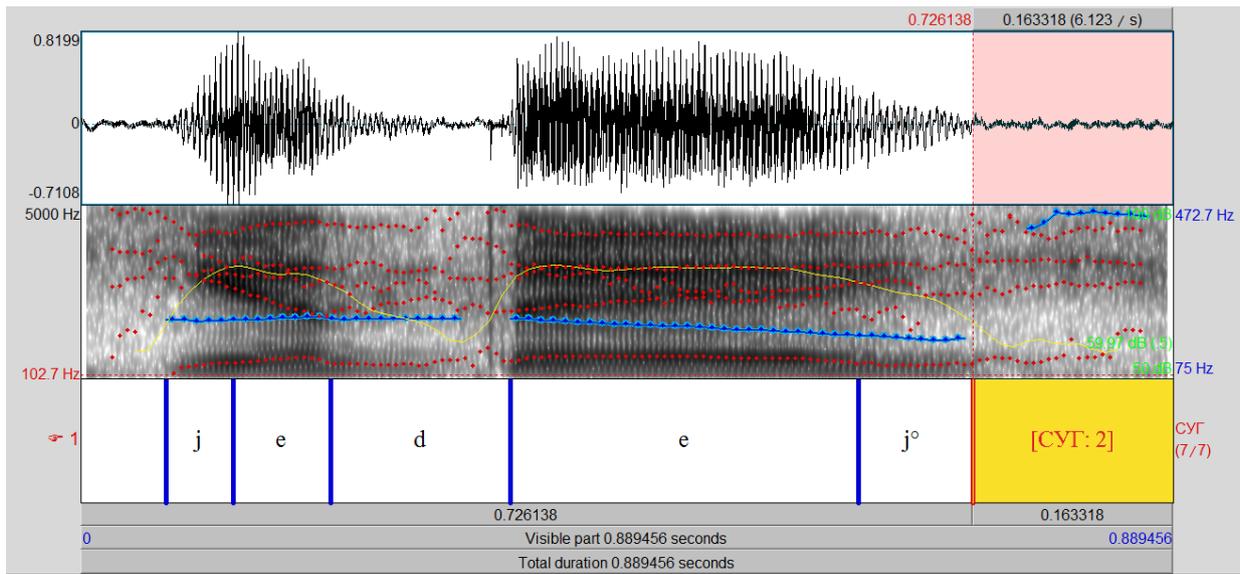
(14Г) Т гыдан. [tʰéxə] t'exa [CYT: 2]

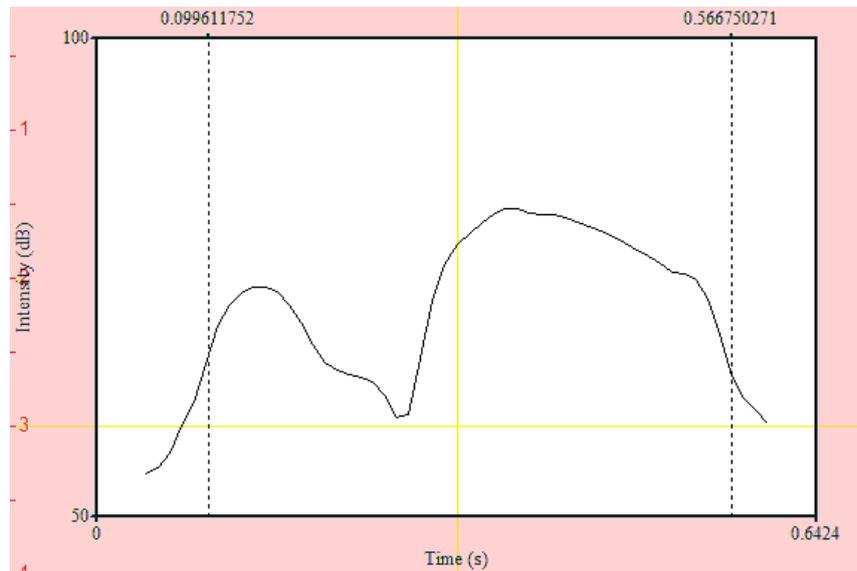
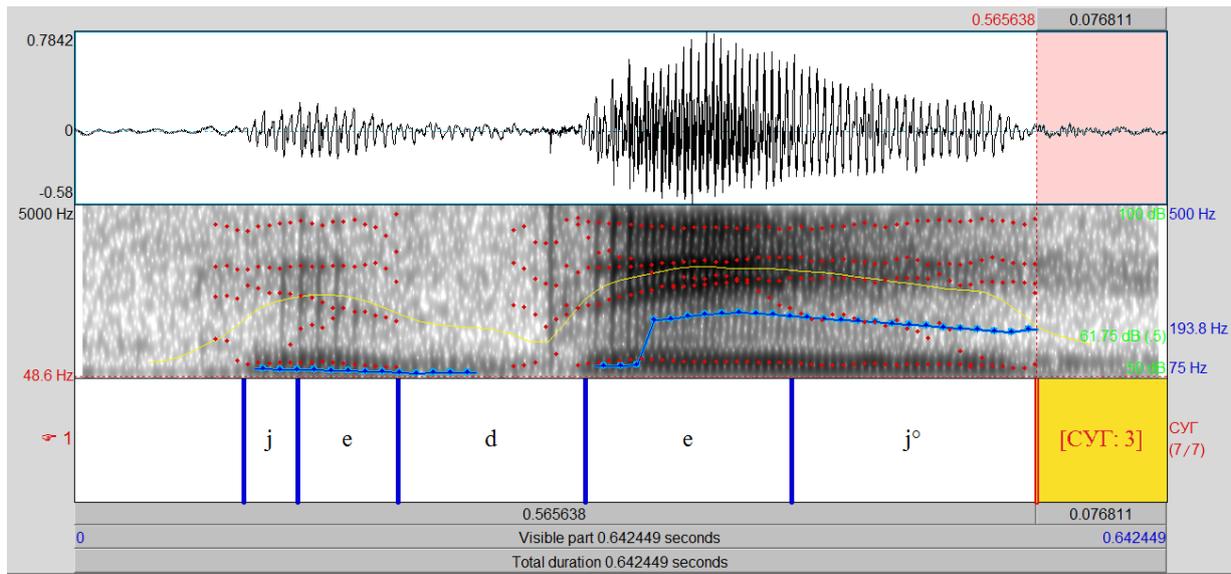
(15Г) Т гыдан. [jedej] jedej° [CYГ: 1]

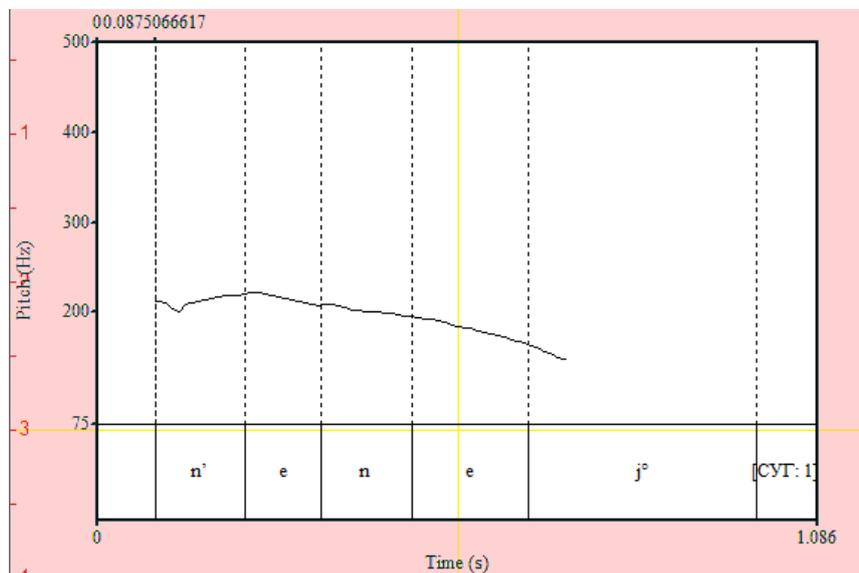
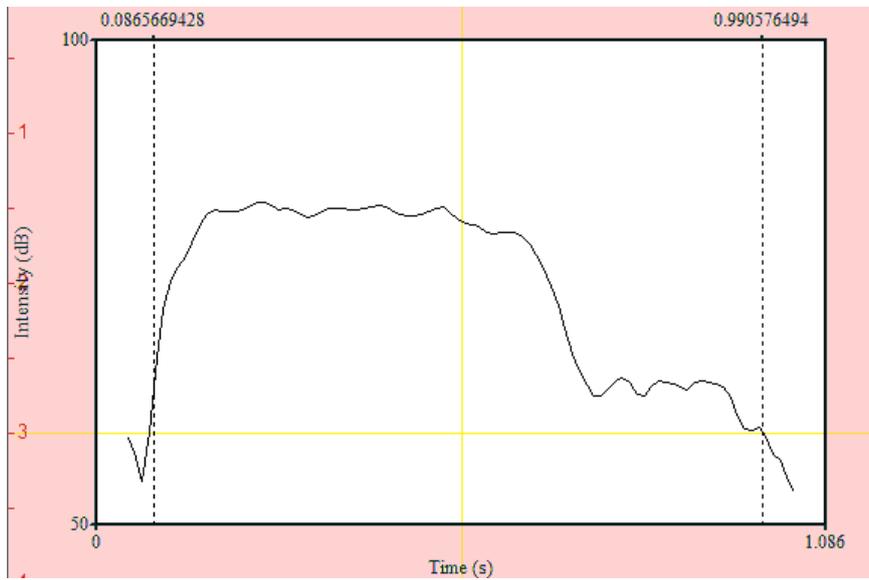
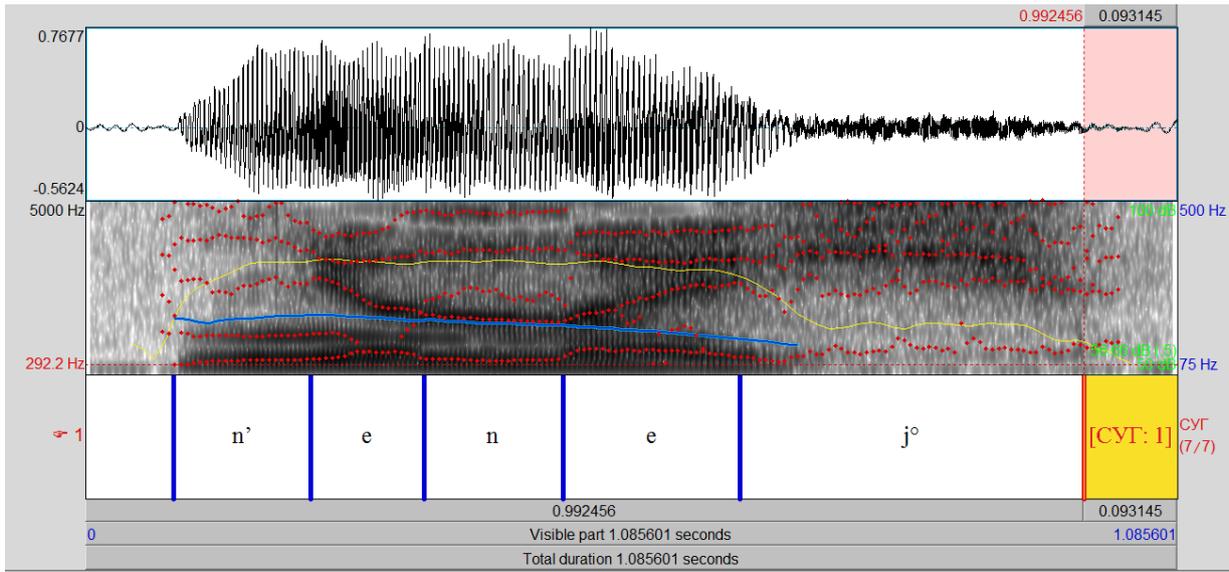
(15Г) Т гыдан. [jeděj] *jedej*° [CUT: 2]

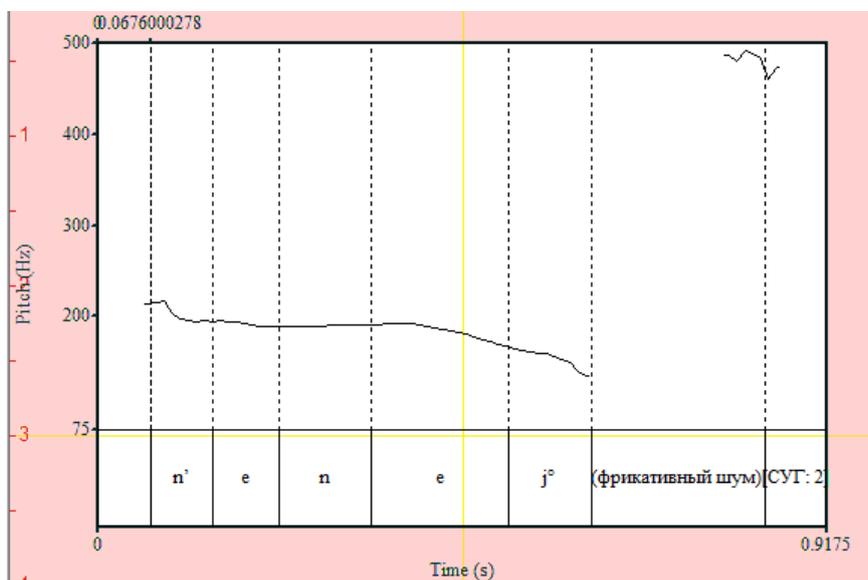
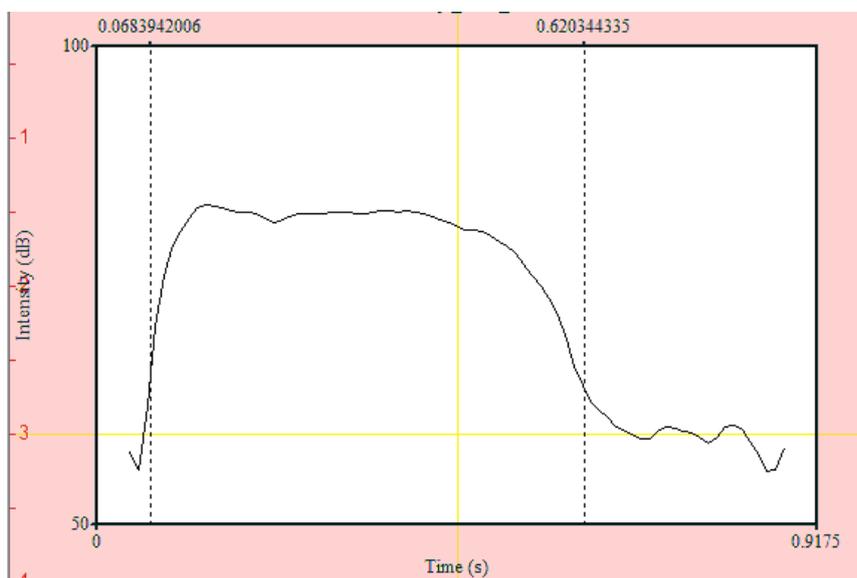
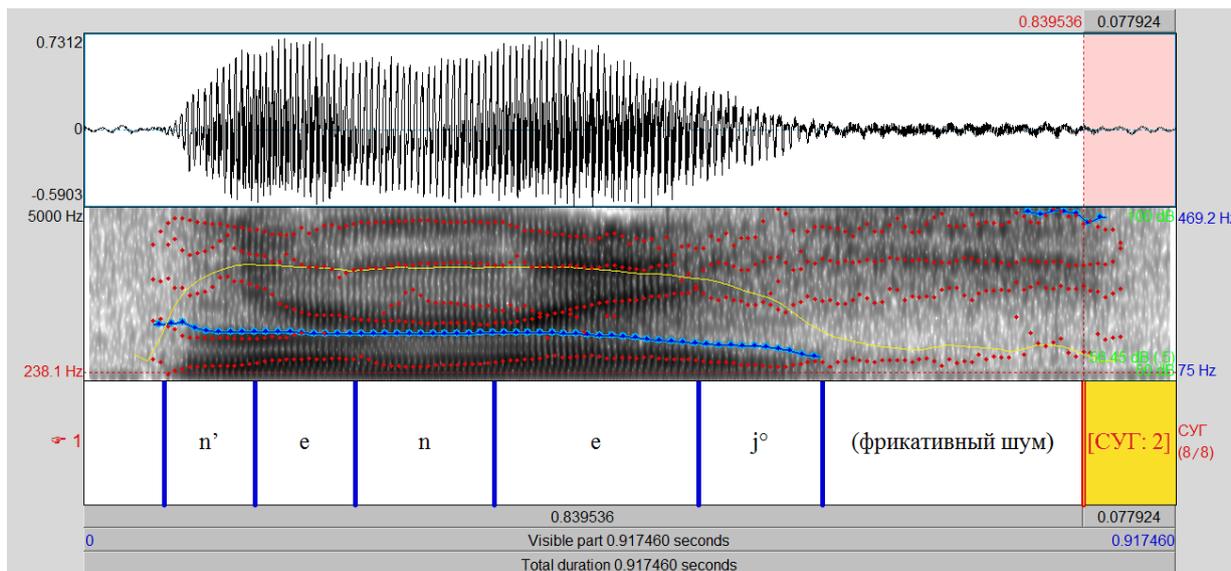
(15Г) Т гыдан. [jədej] jedej° [СУГ: 3]

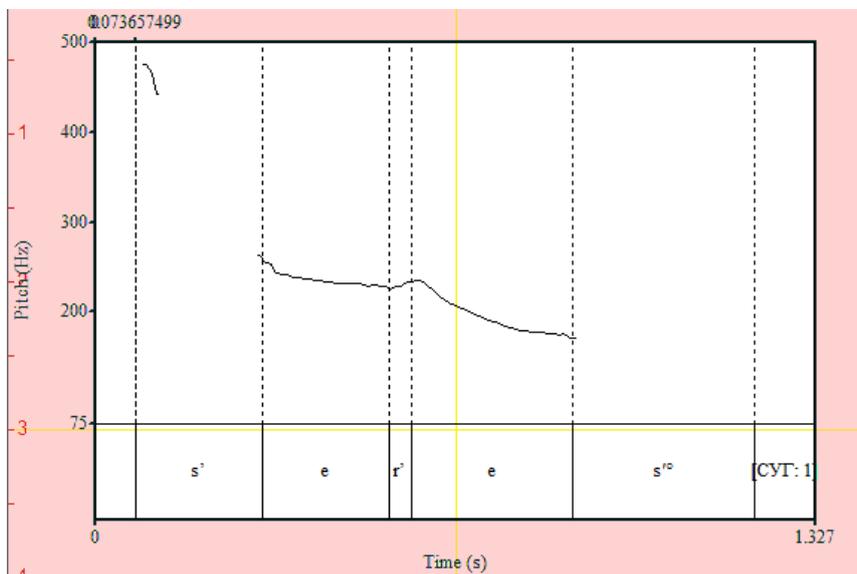
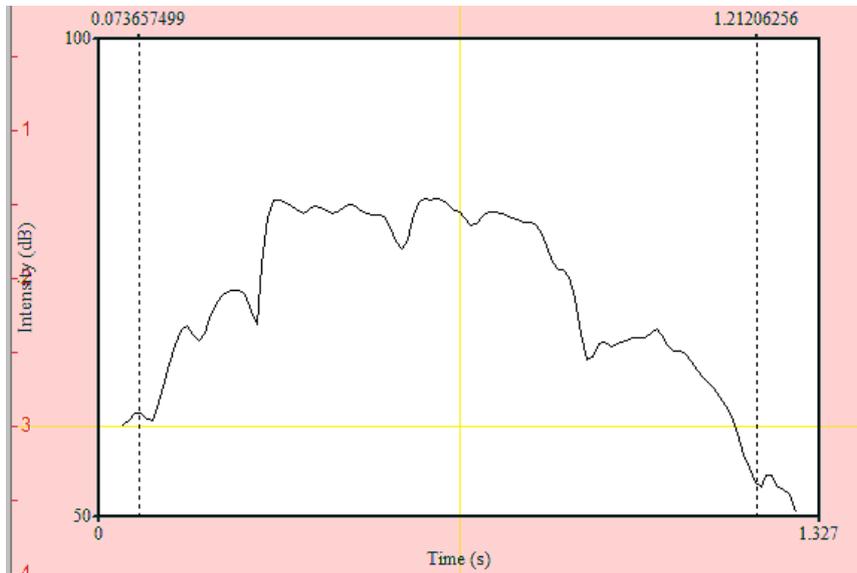
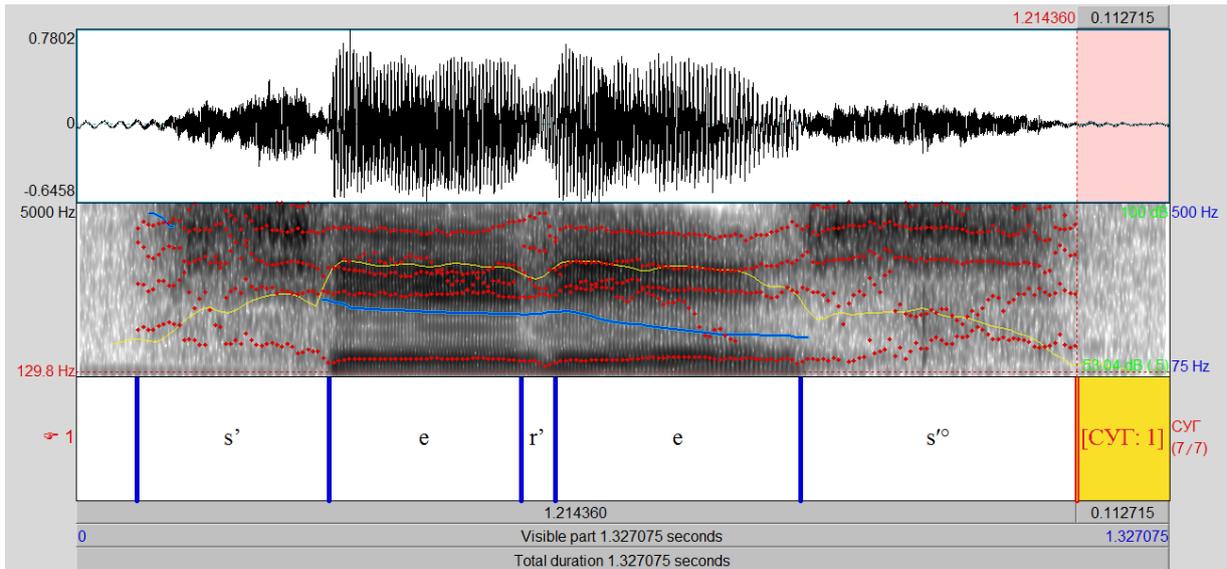
(16Г) Т гыдан. [ni̯ənéj̯[◌]] n'enej̯[◌] [CYT: 1]

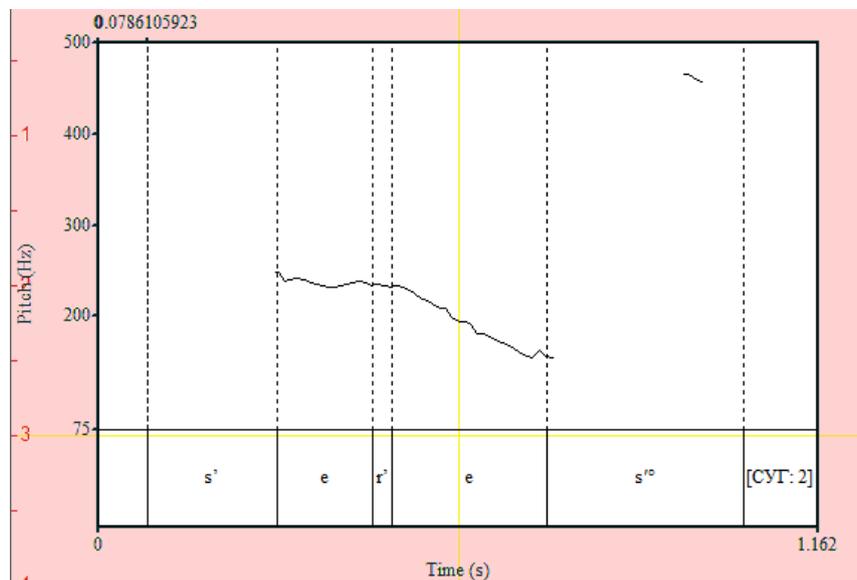
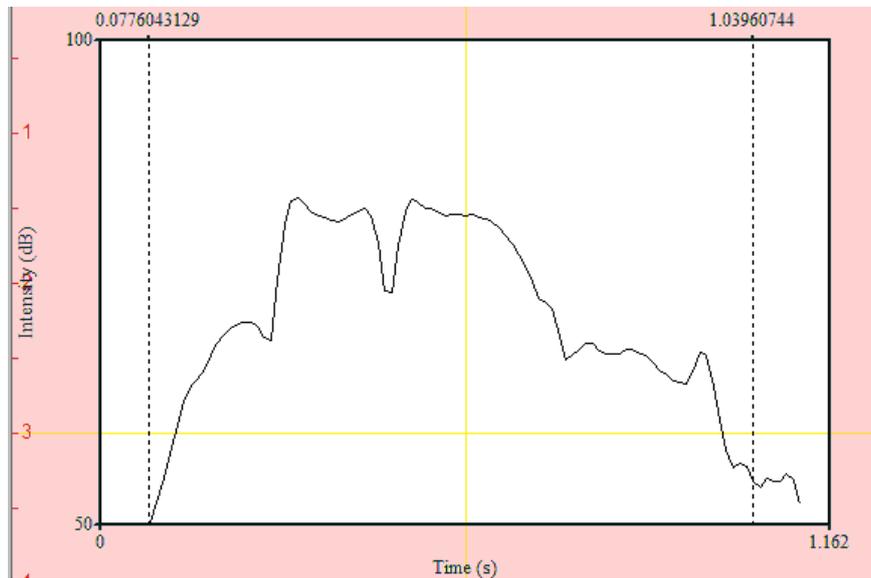
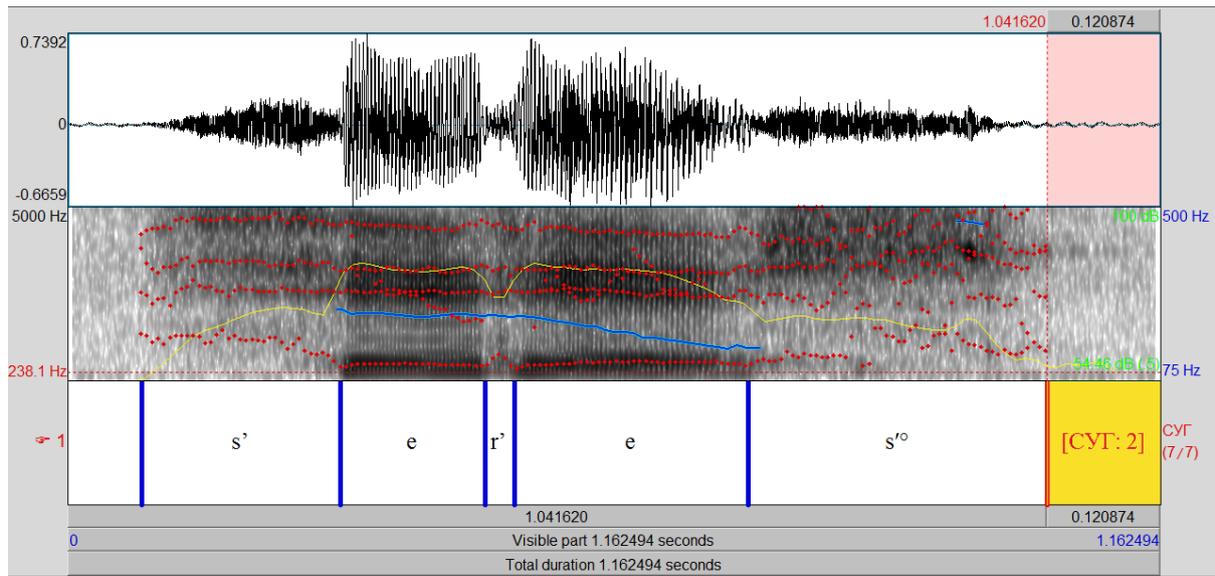
(16Г) Т гыдан. [ni̯ɛnɛj°] n'enej° [СУГ: 2]

(17Г) Т гыдан. [s'eriés] s'er'es'° [CYT: 1]

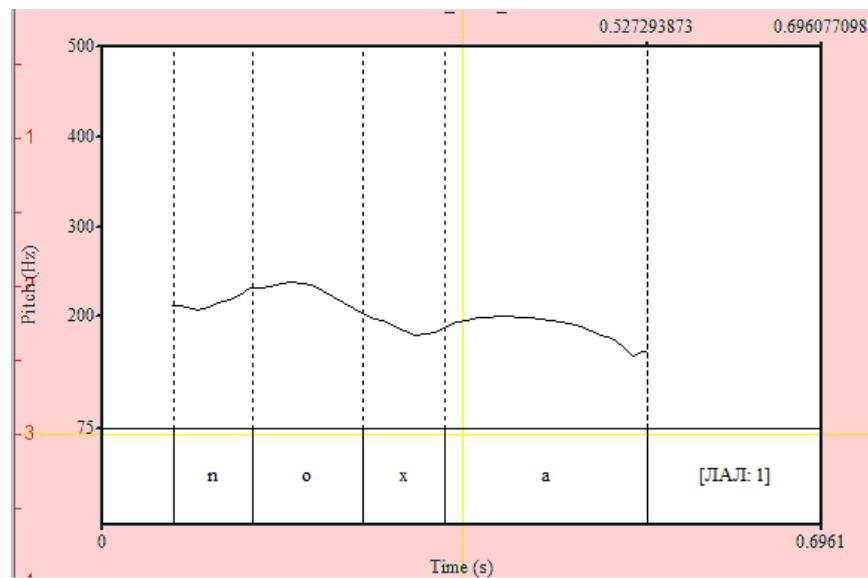
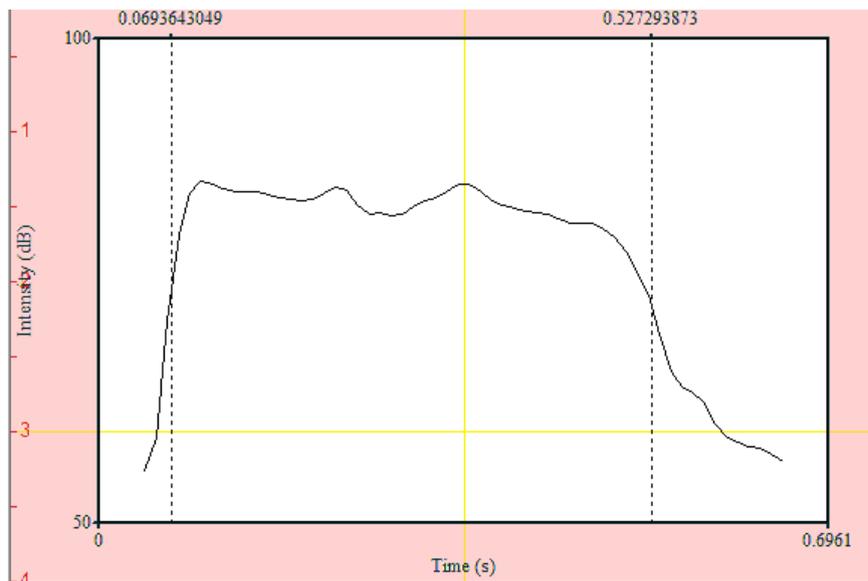
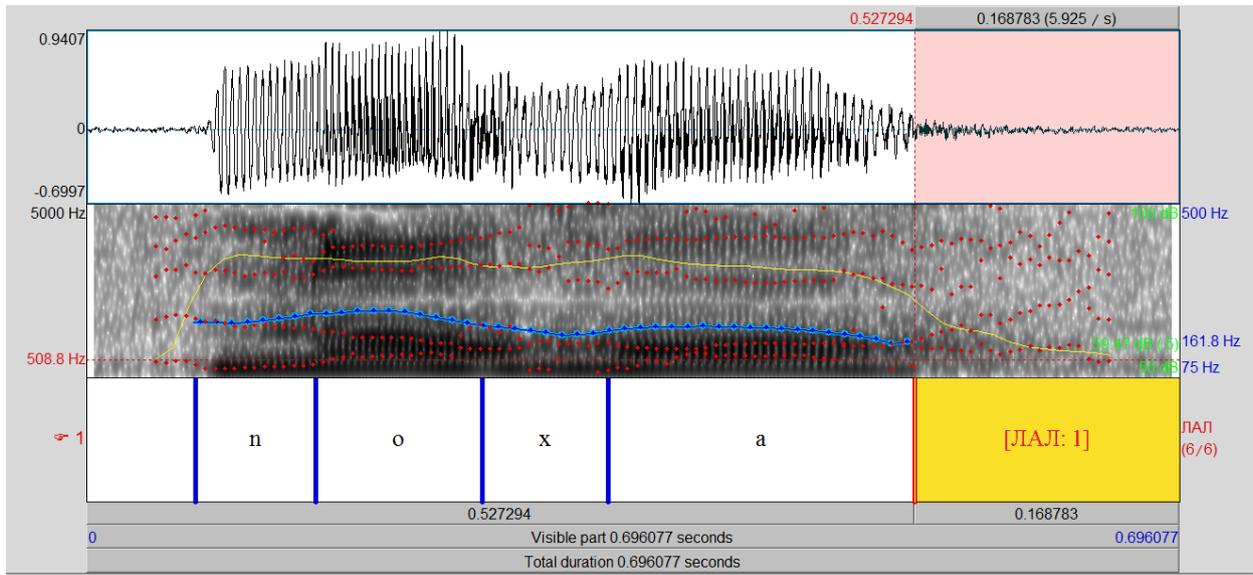

(17Г) Т гыдан. [sʲerʲesʲo] sʲerʲesʲo [СУГ: 2]

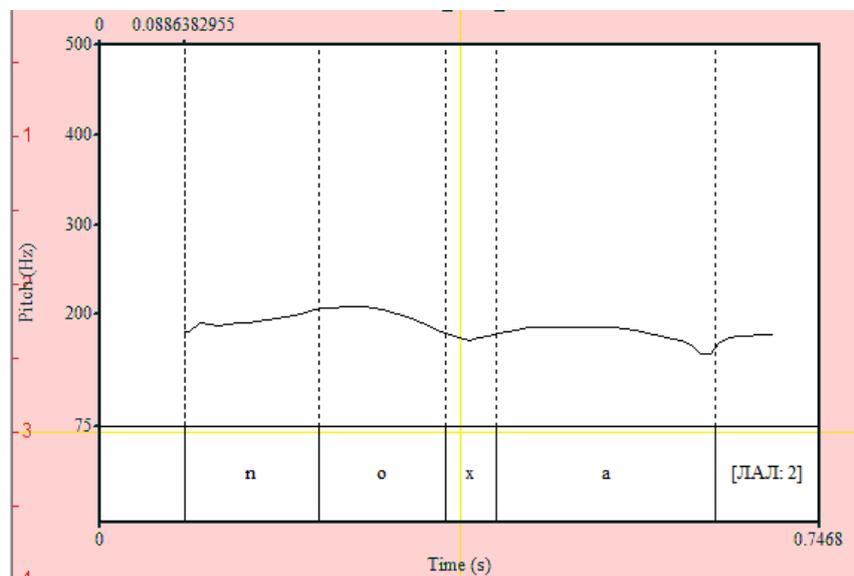
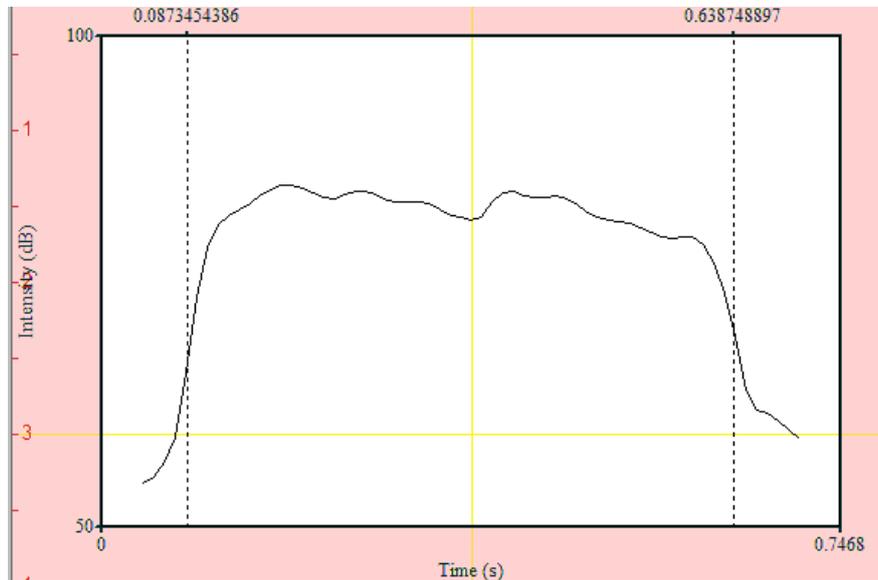
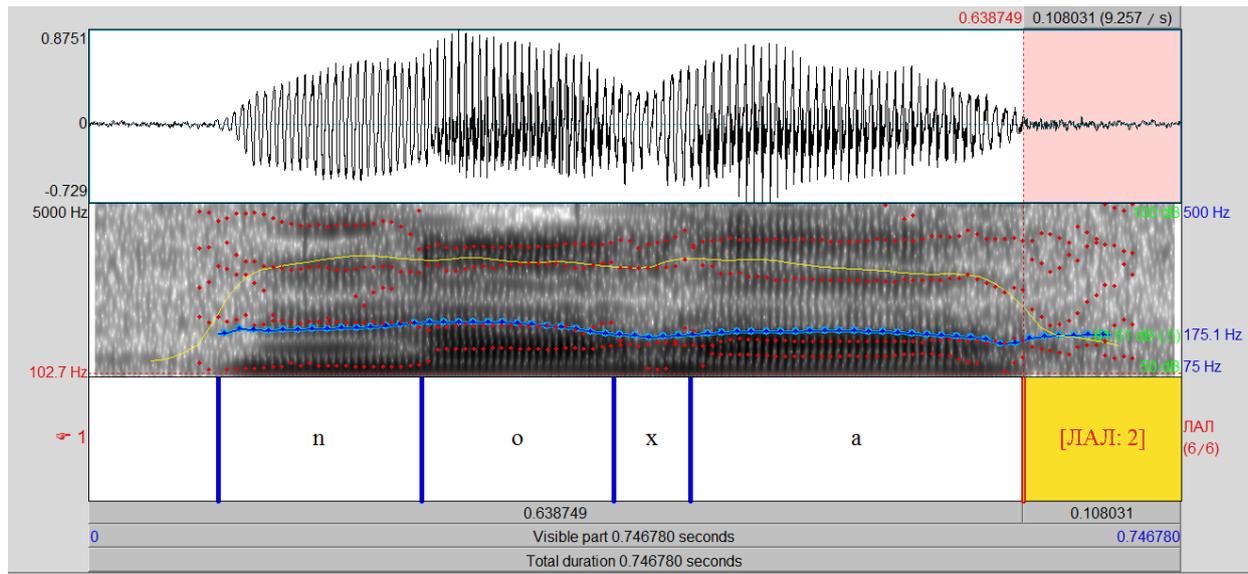

3. Фонетические слова с гласными среднего подъема заднего ряда в первом и втором слогах

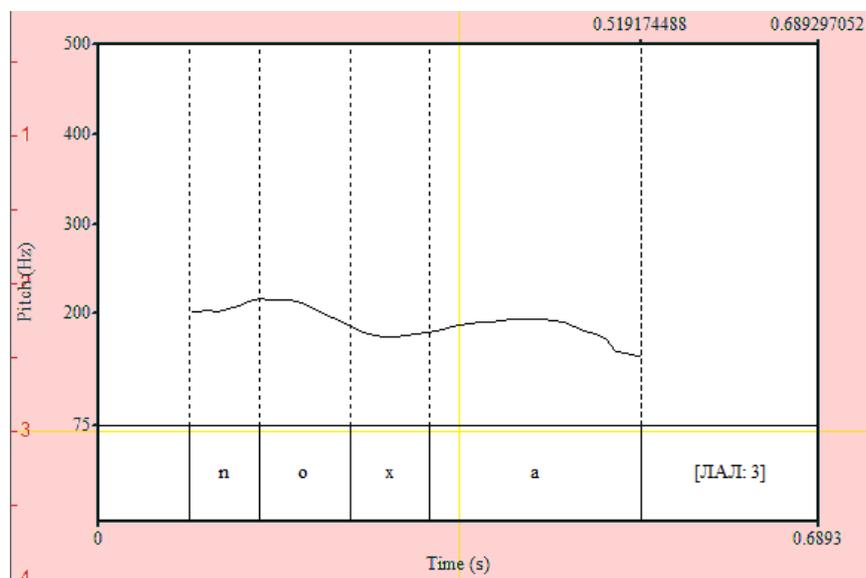
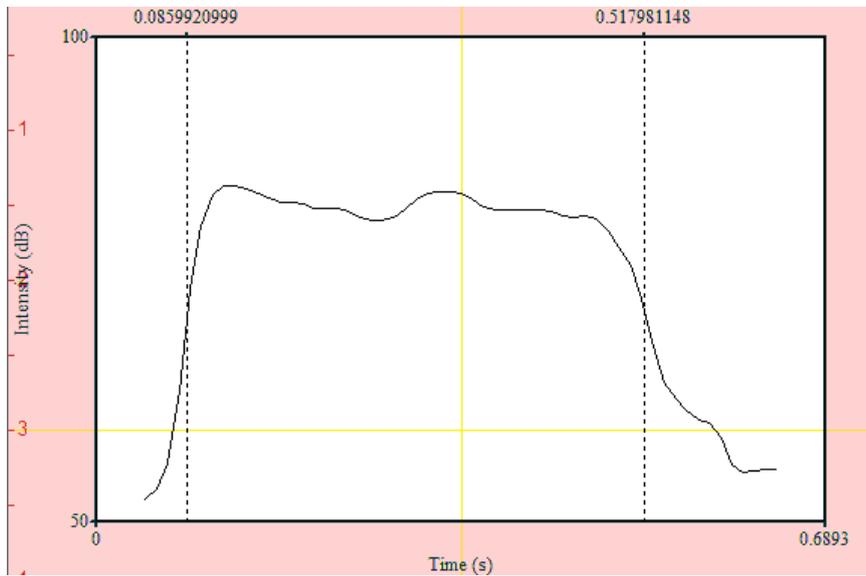
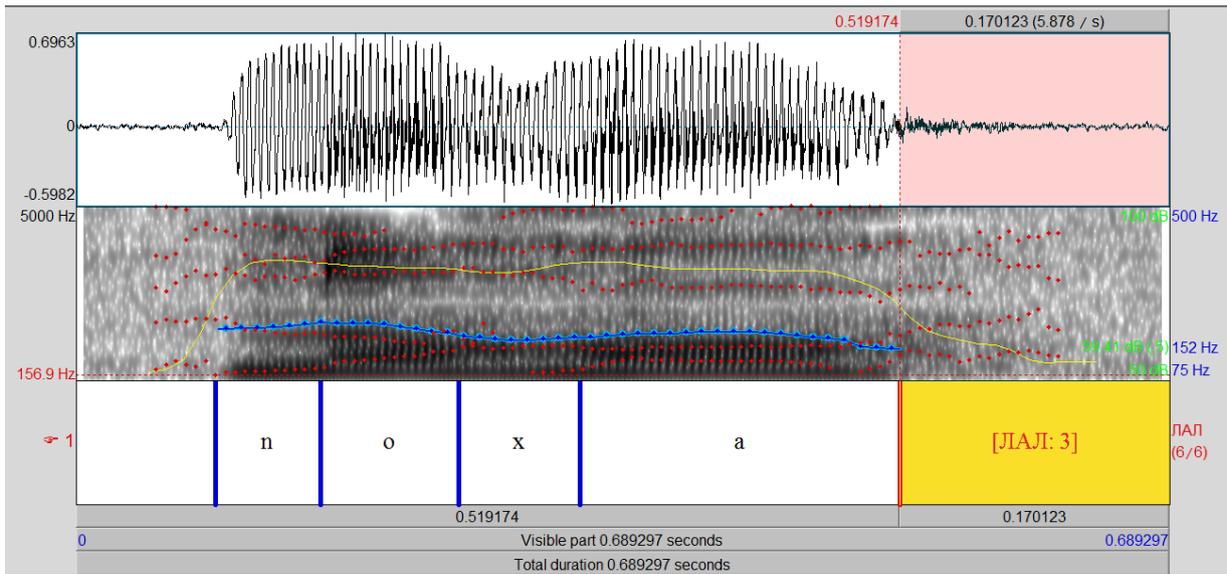
(18Г) Т гыдан. [nóуэ] *noxa* [ЛЛЛ: 1]

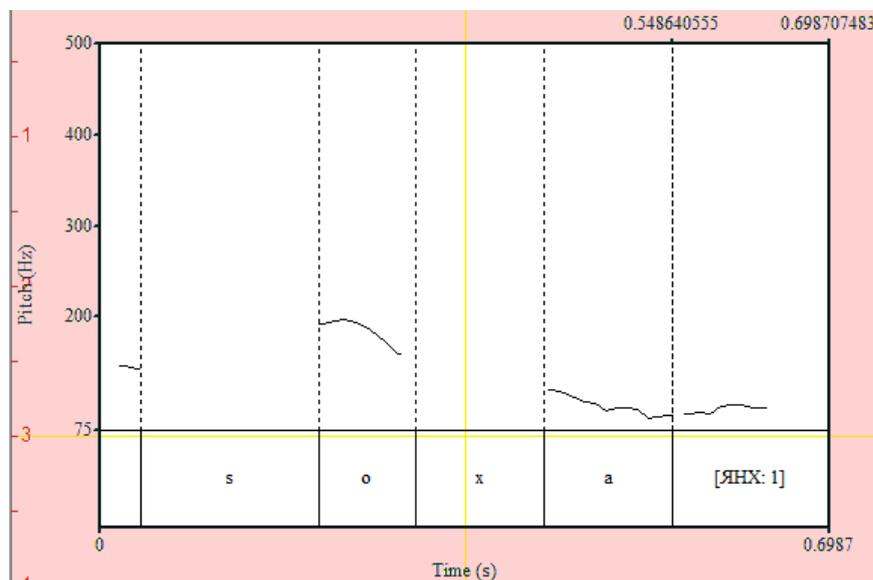
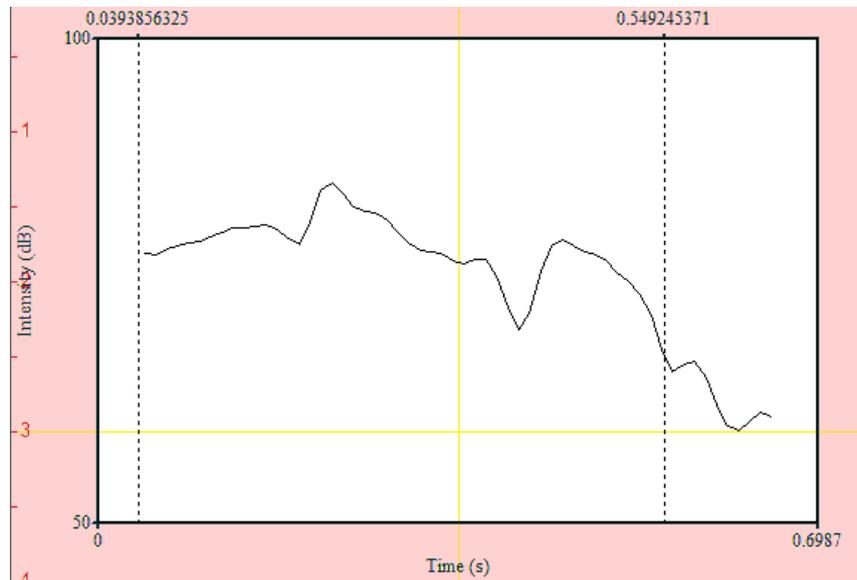
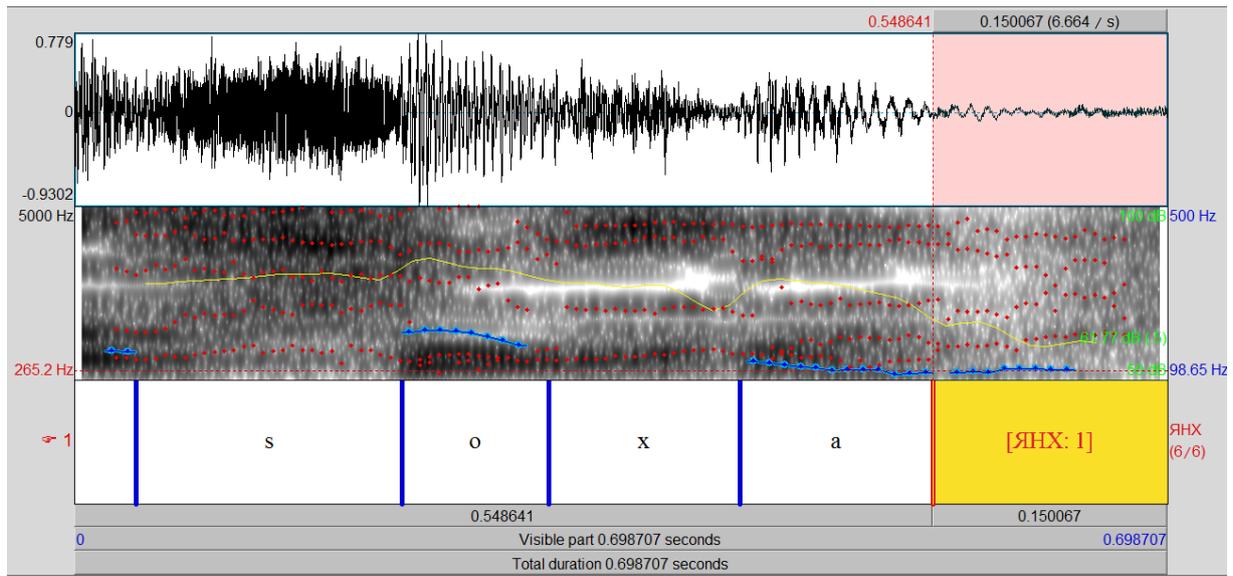
(18Г) Т гыдан. [ноуэ] ноха [ЛАЛ: 2]

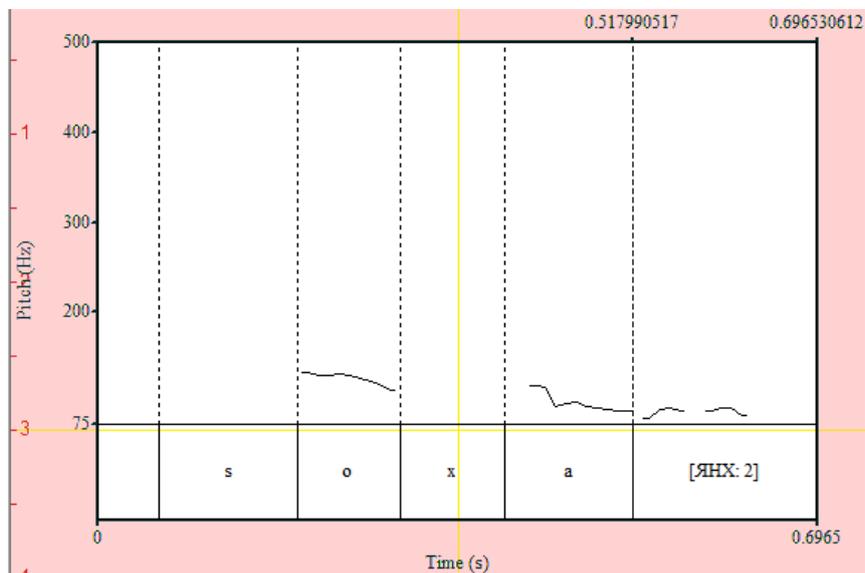
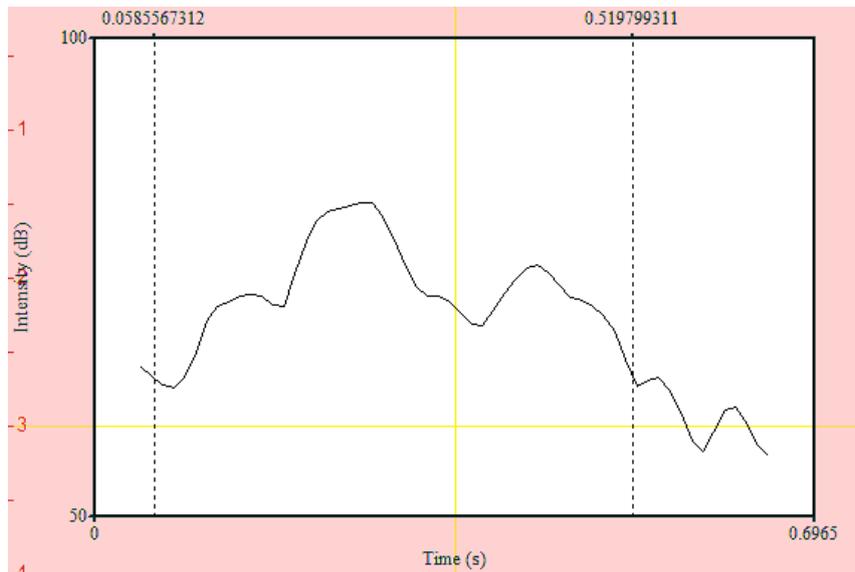
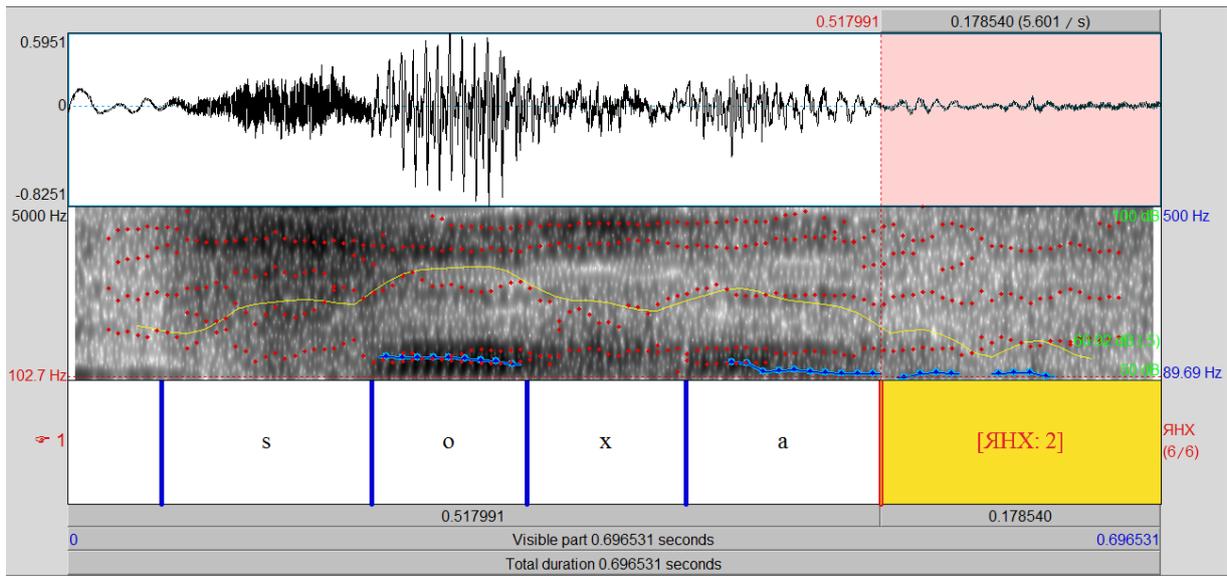
(18Г) Т гыдан. [nóуэ] *ноха* [ЛАЛ: 3]

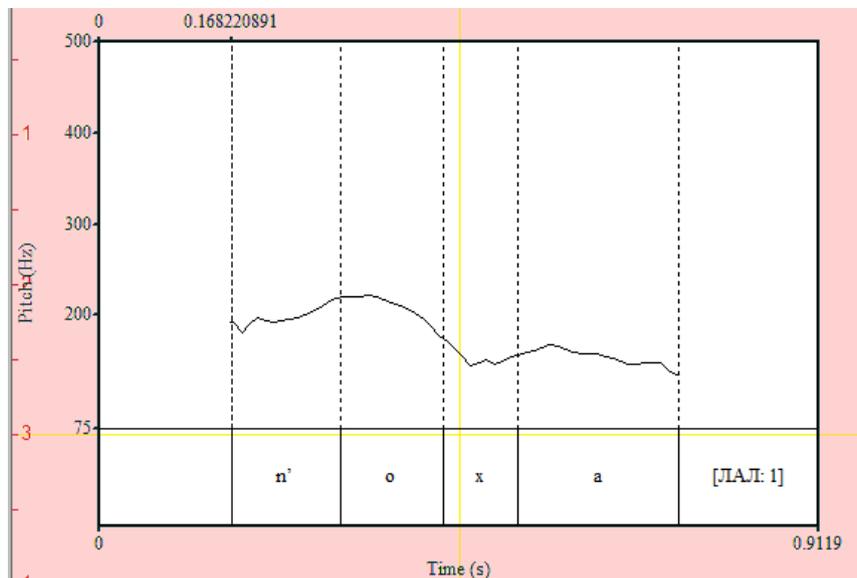
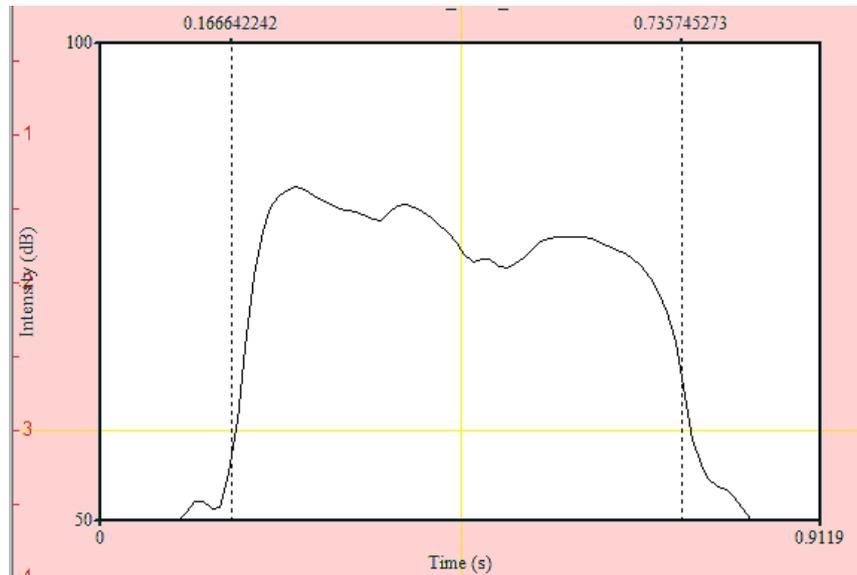
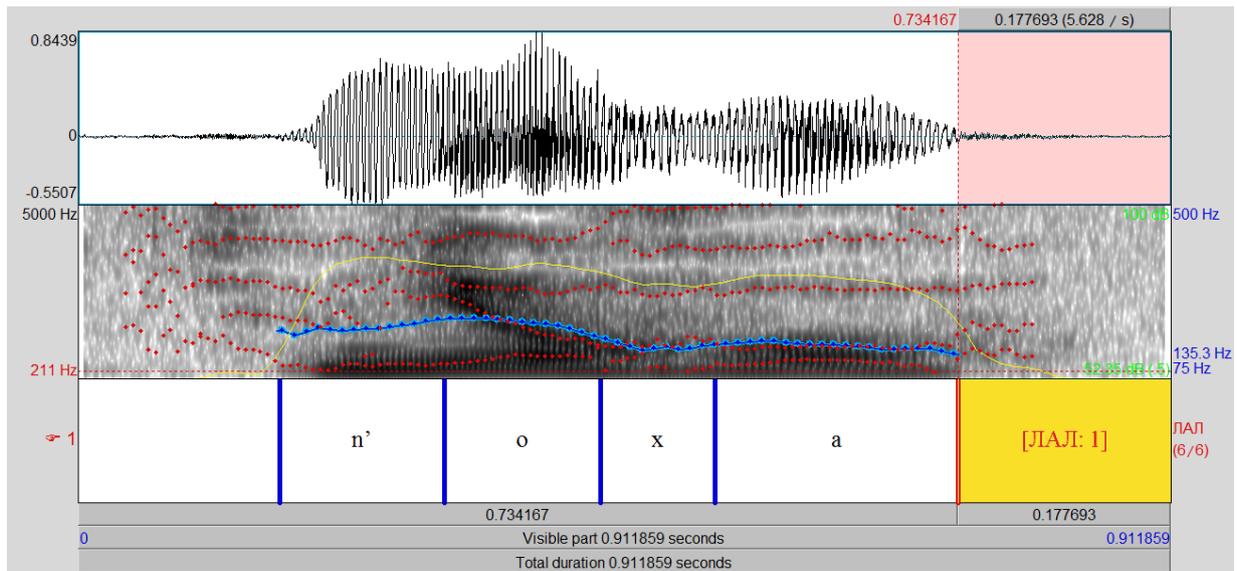
(19Г) Т гыдан. [sóxɔ] soxa [ЯНХ: 1]

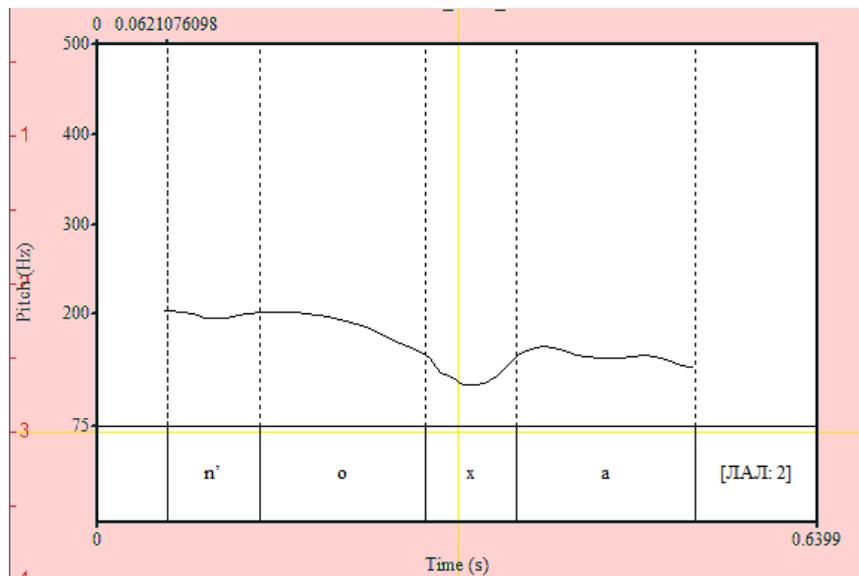
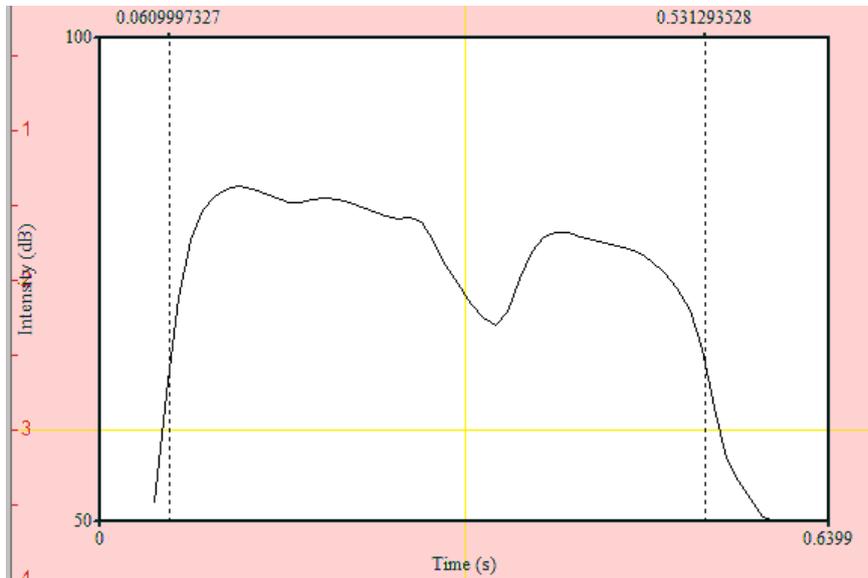
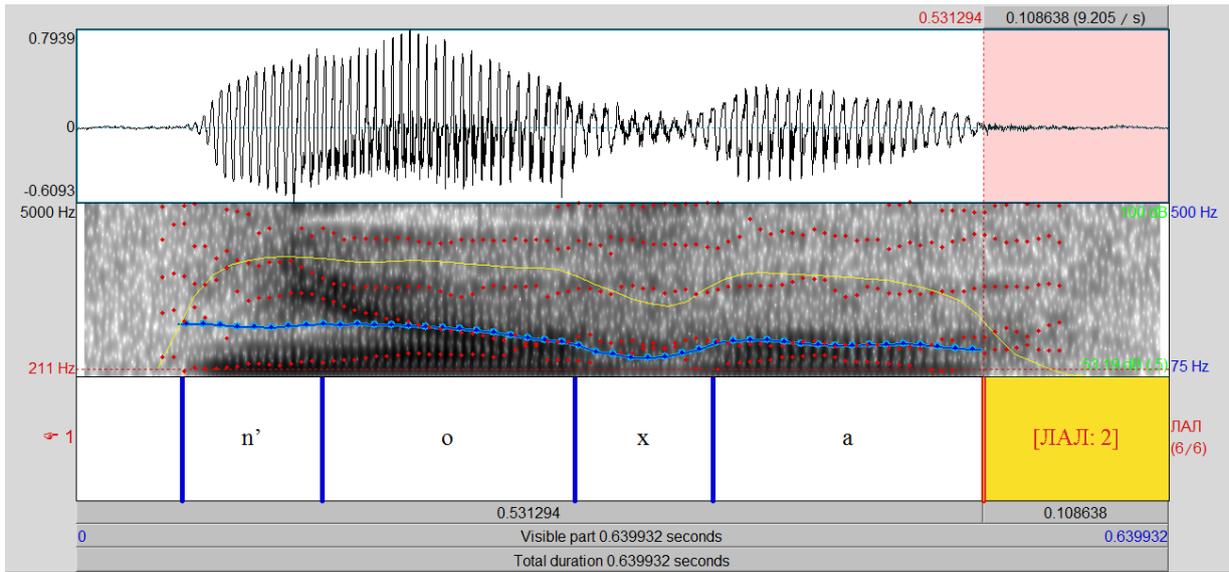
(19Г) Т гыдан. [sóxə] soxa [ЯНХ: 2]

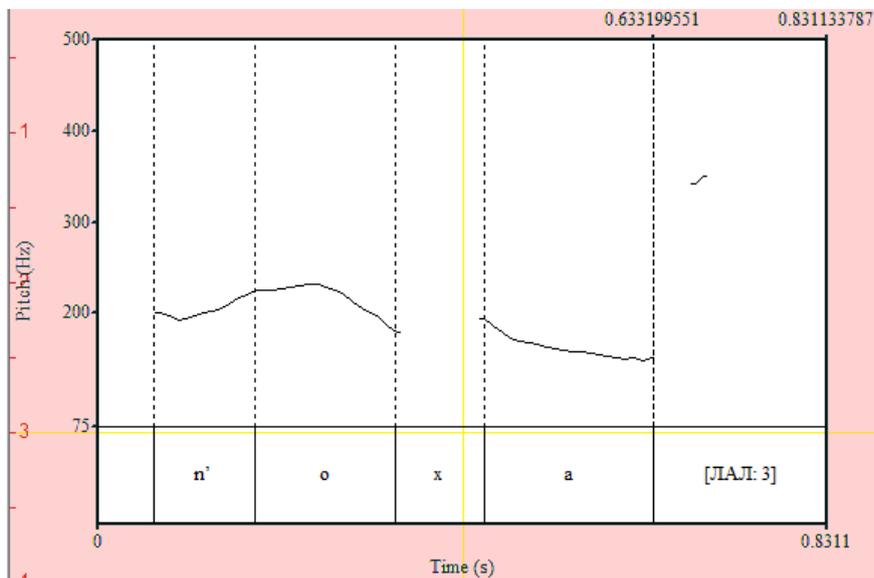
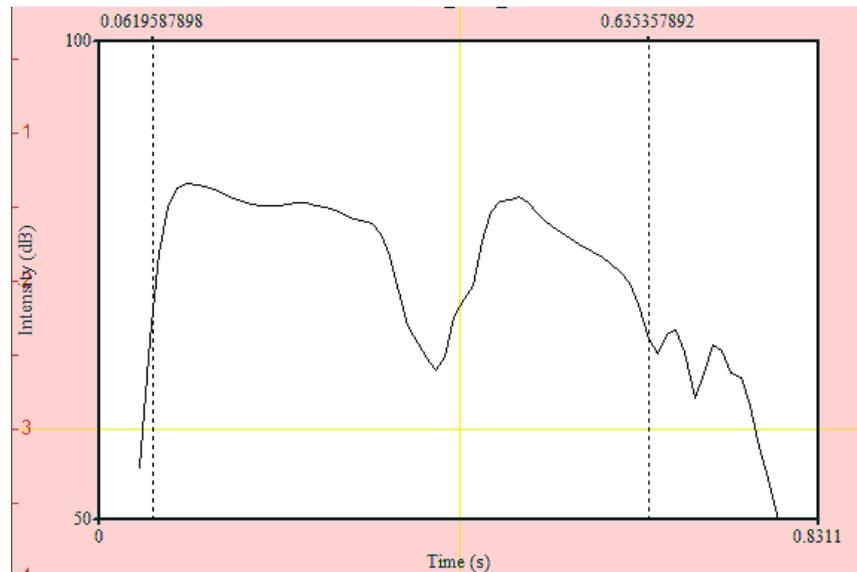
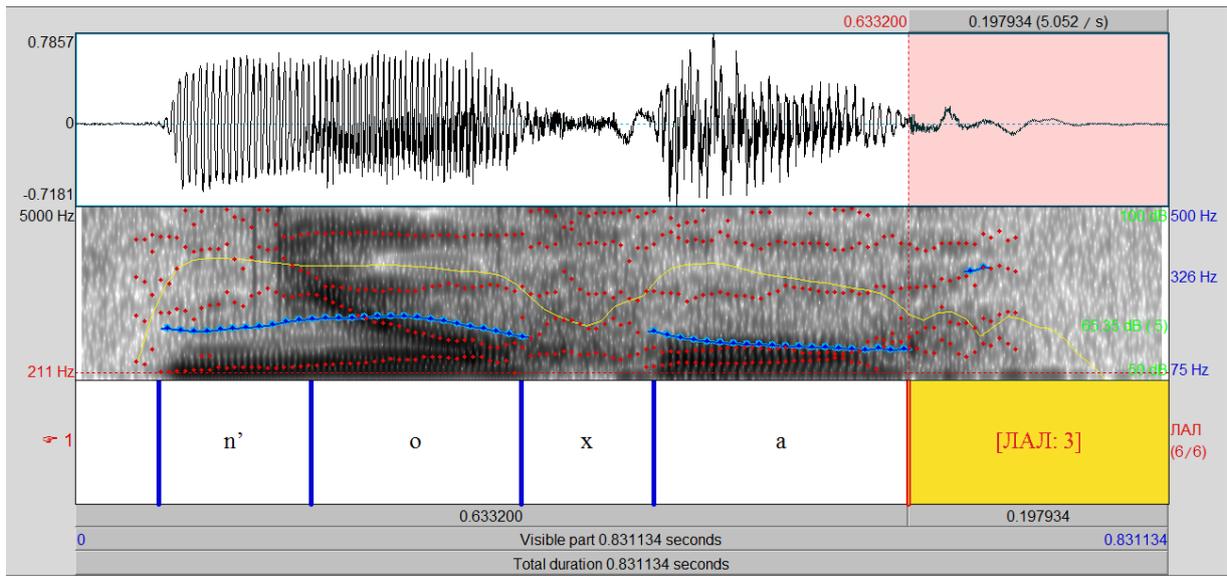
(20Г) Т гыдан. [n'oxa] n'oxa [ЛАЛ: 1]

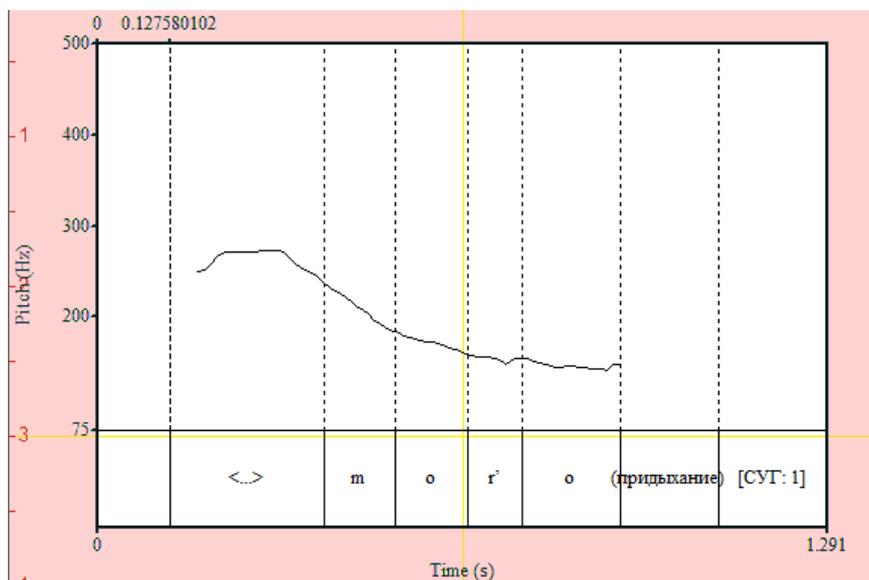
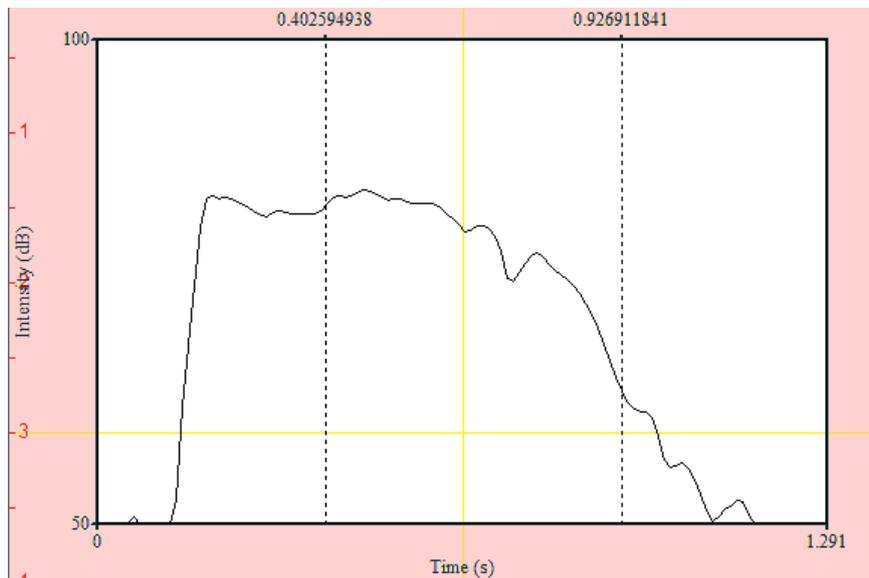
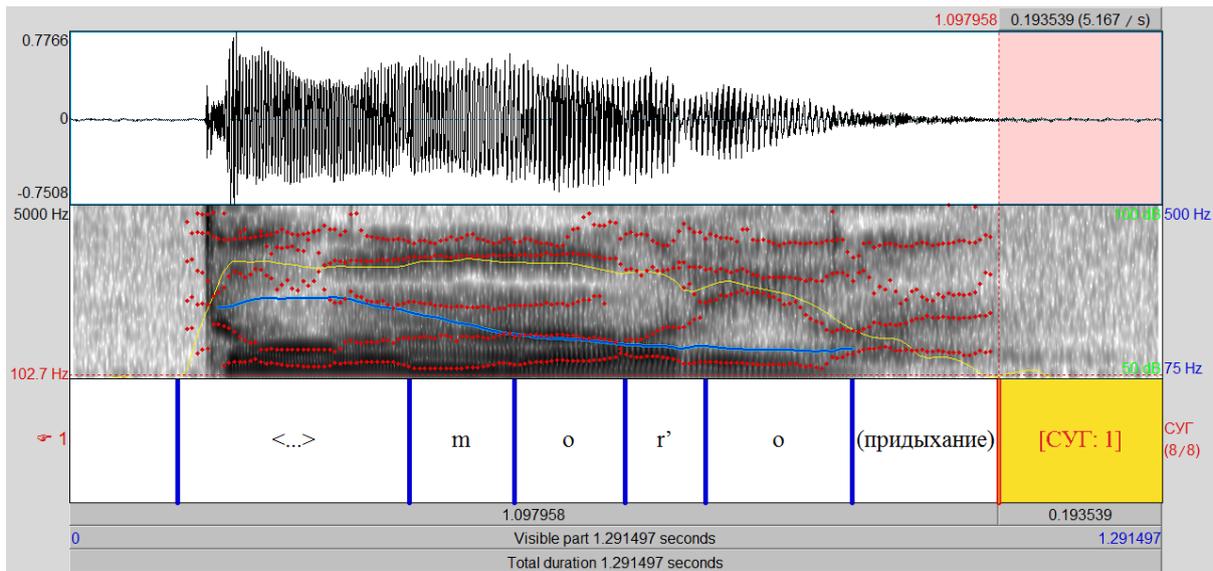
(20Г) Т гыдан. [n'óxə] n'oxa [ЛАЛ: 2]

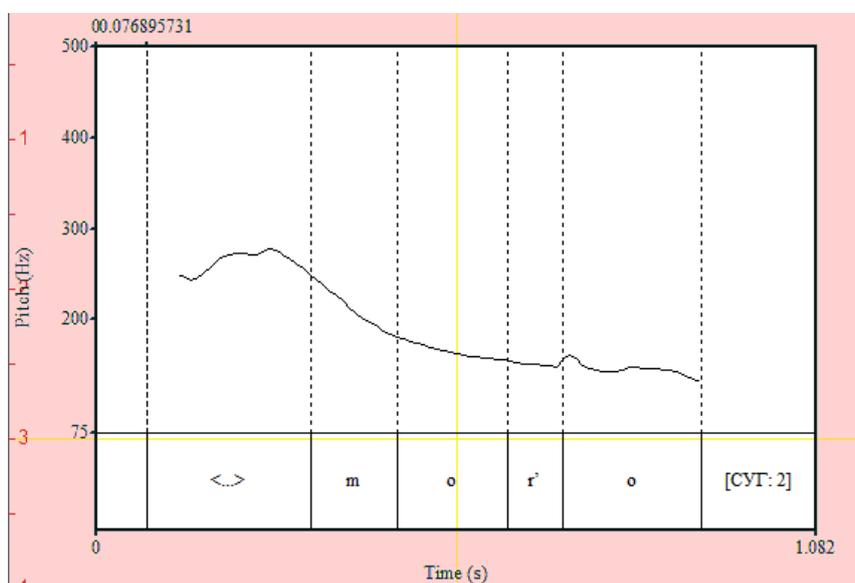
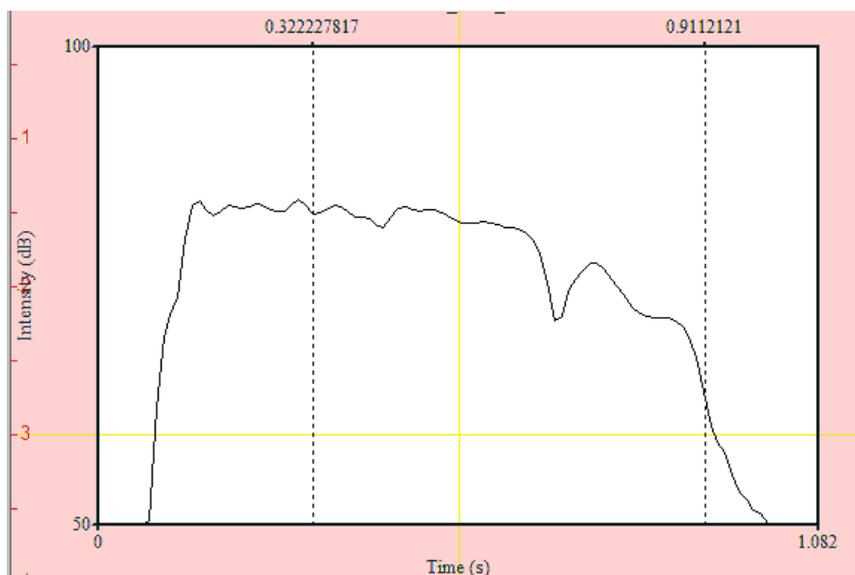
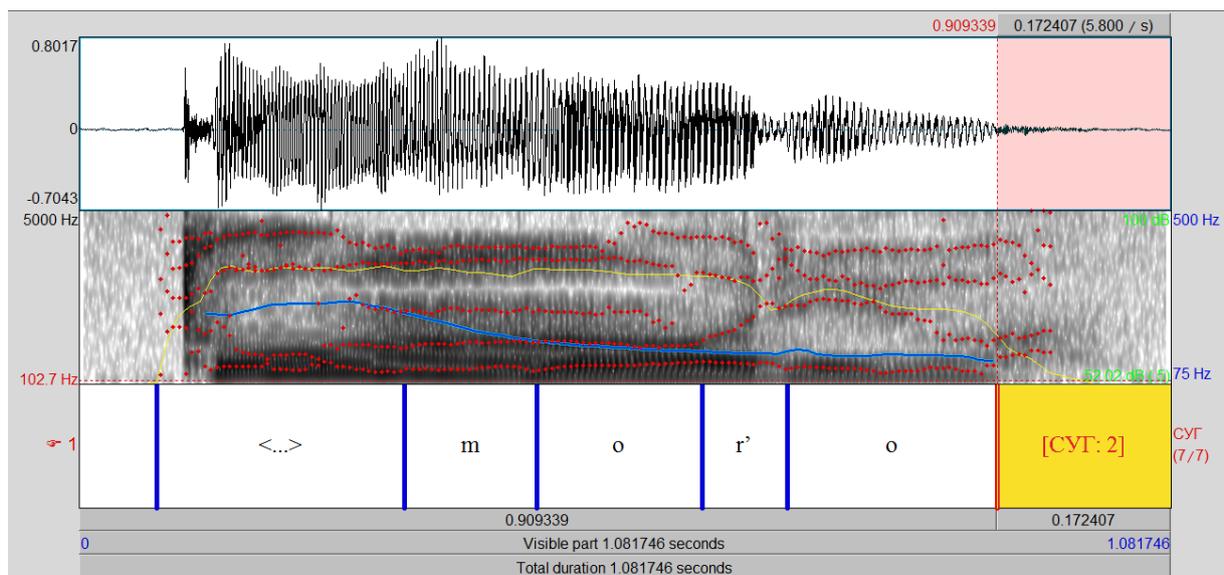
(20Г) Т гыдан. [n'oxa] n'oxa [ЛАЛ: 3]

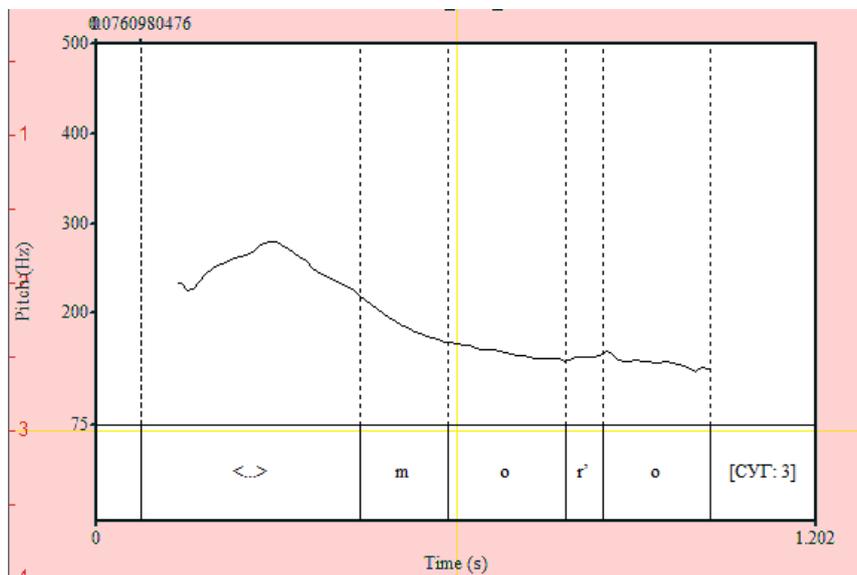
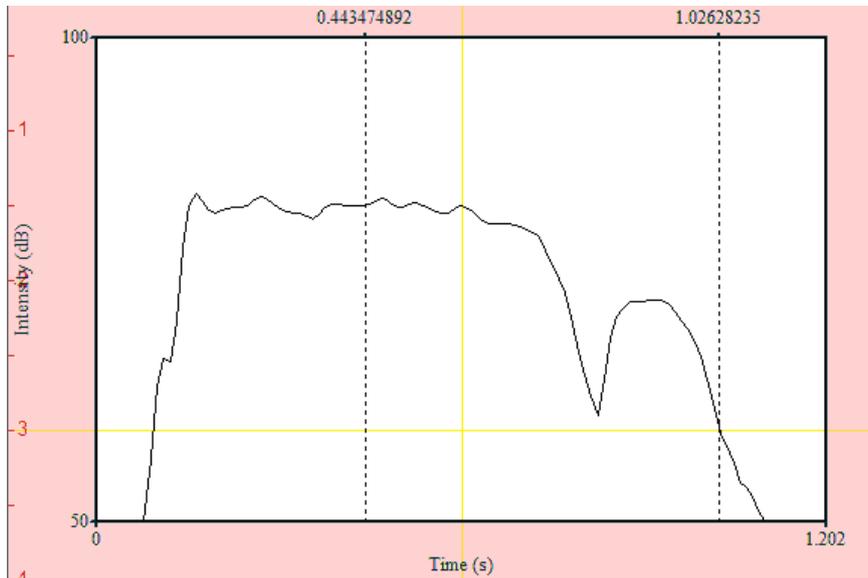
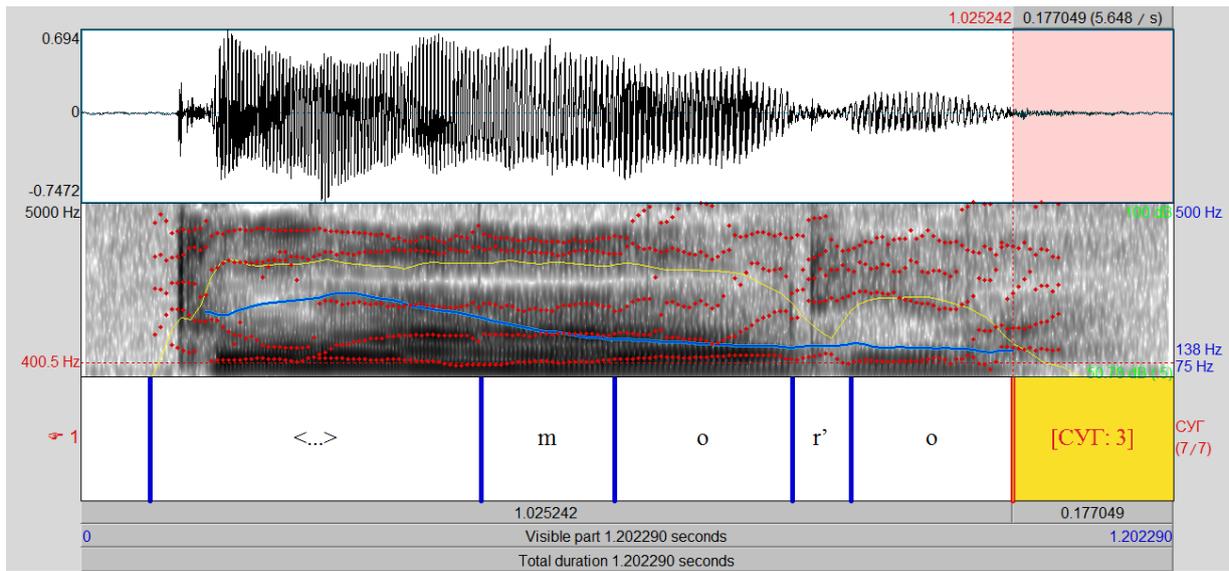
(21Г) Т гыдан. [móŕ'ə] *mor'o* [СУГ: 1]

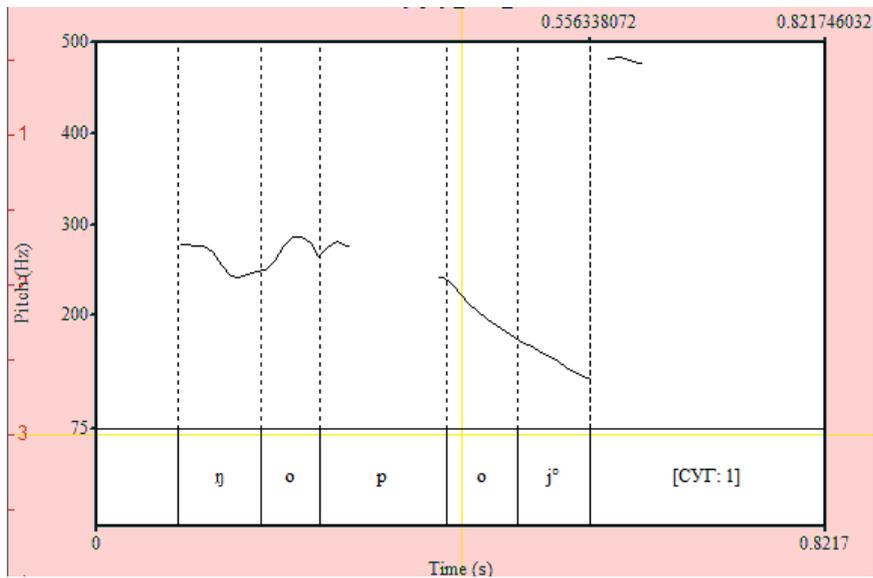
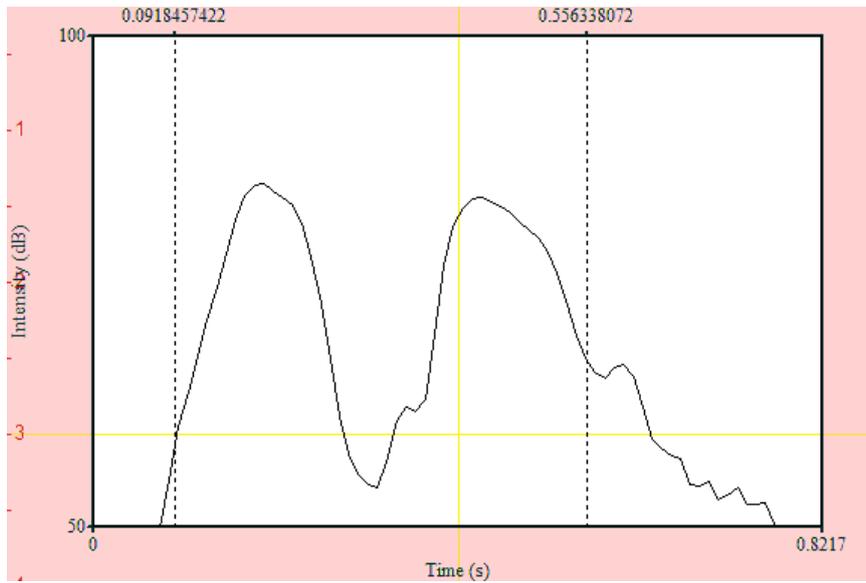
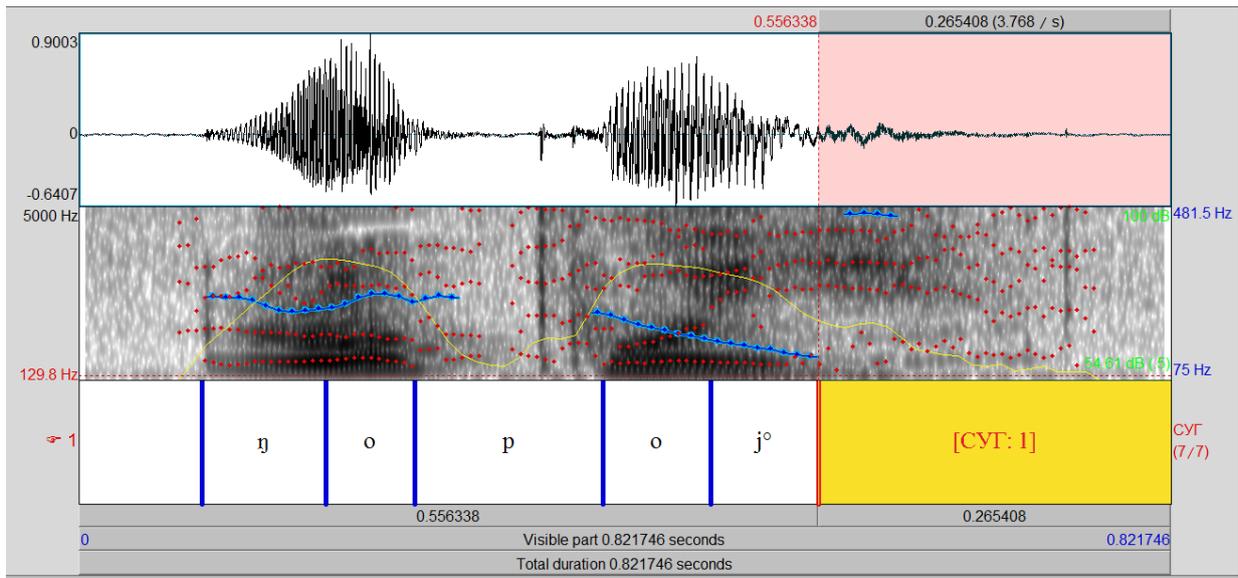
(21Г) Т гыдан. [mǫŋiə] *mor'o* [СУГ: 2]

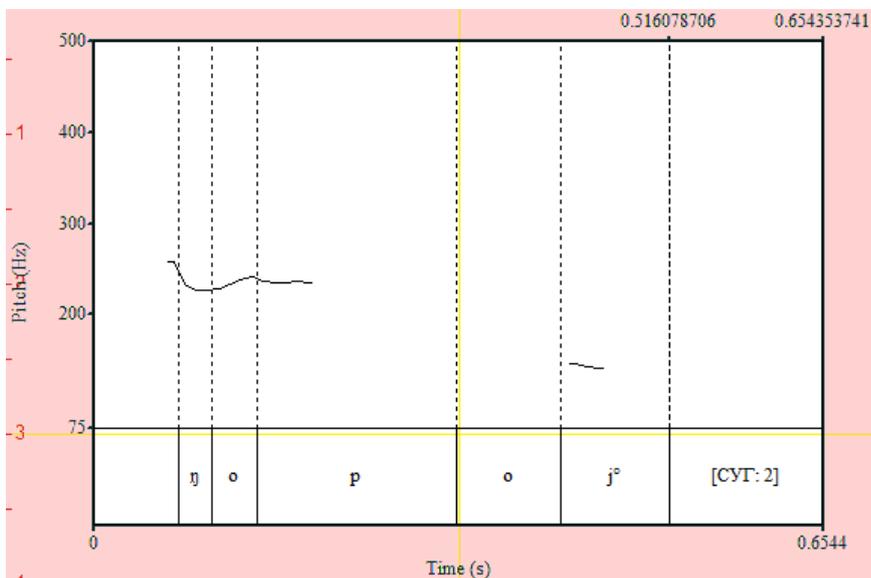
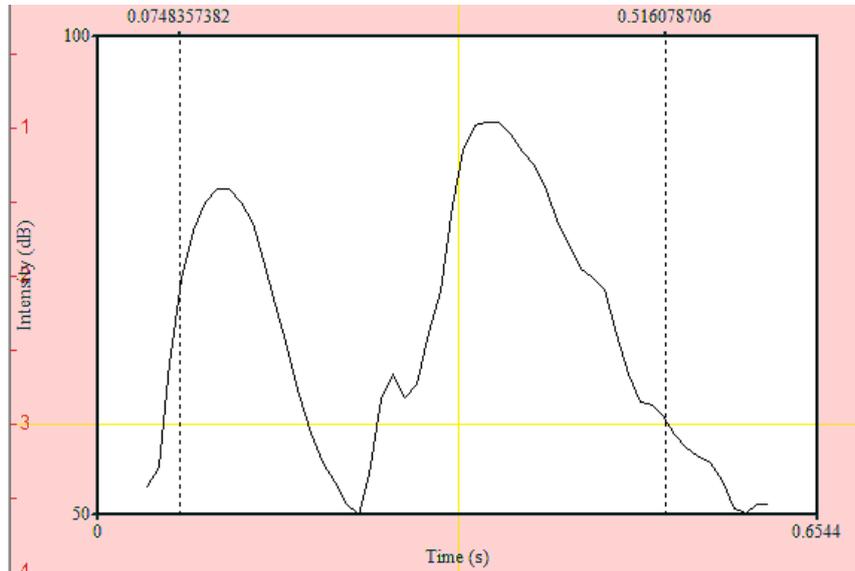
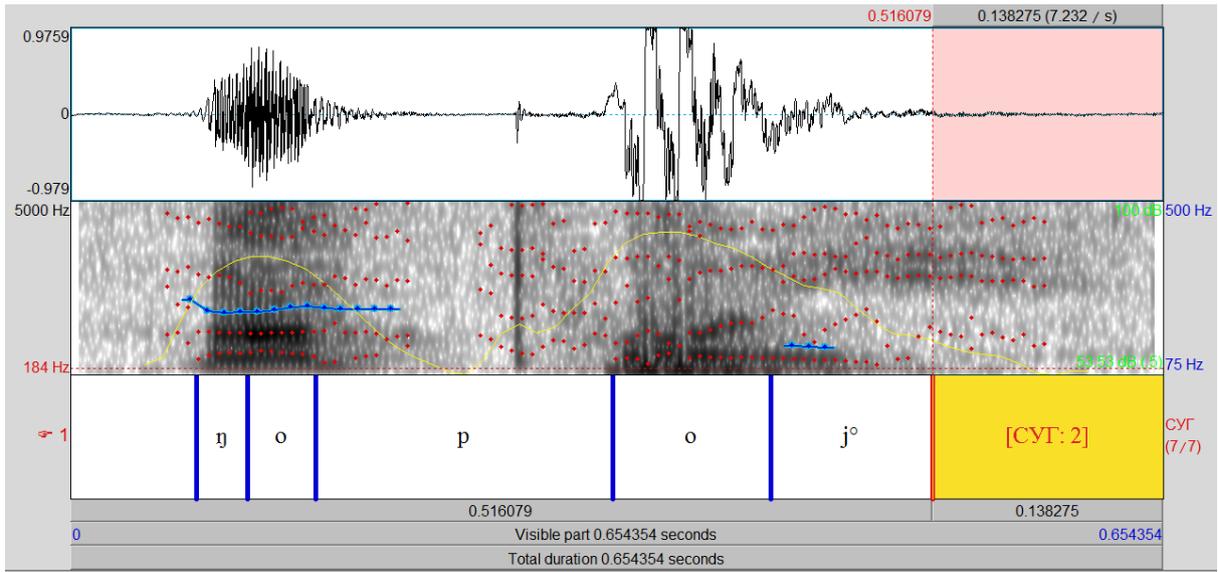
(21Г) Т гыдан. [móŕ'ə] *mor'o* [СУГ: 3]

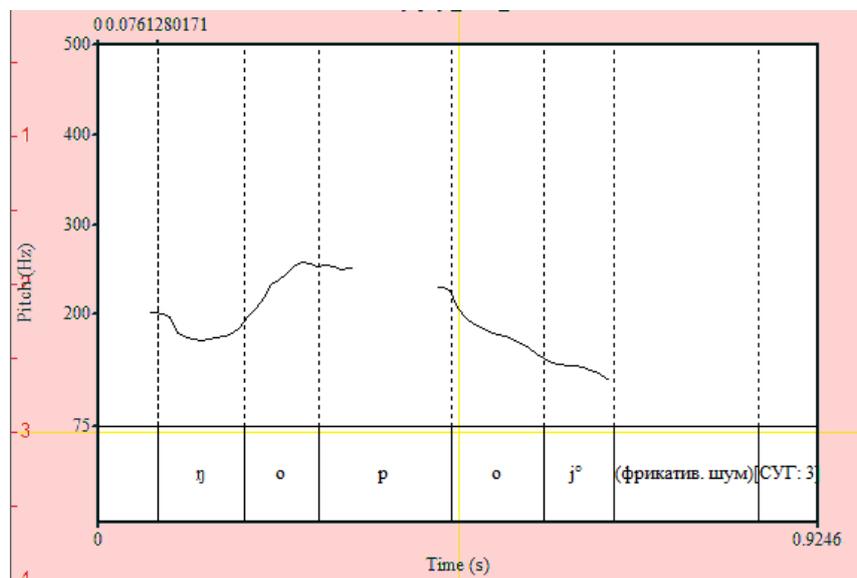
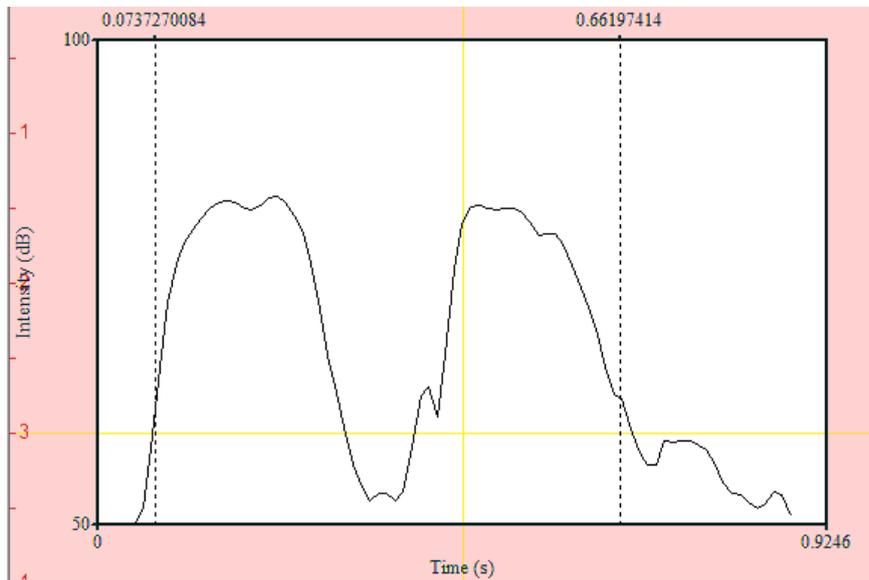
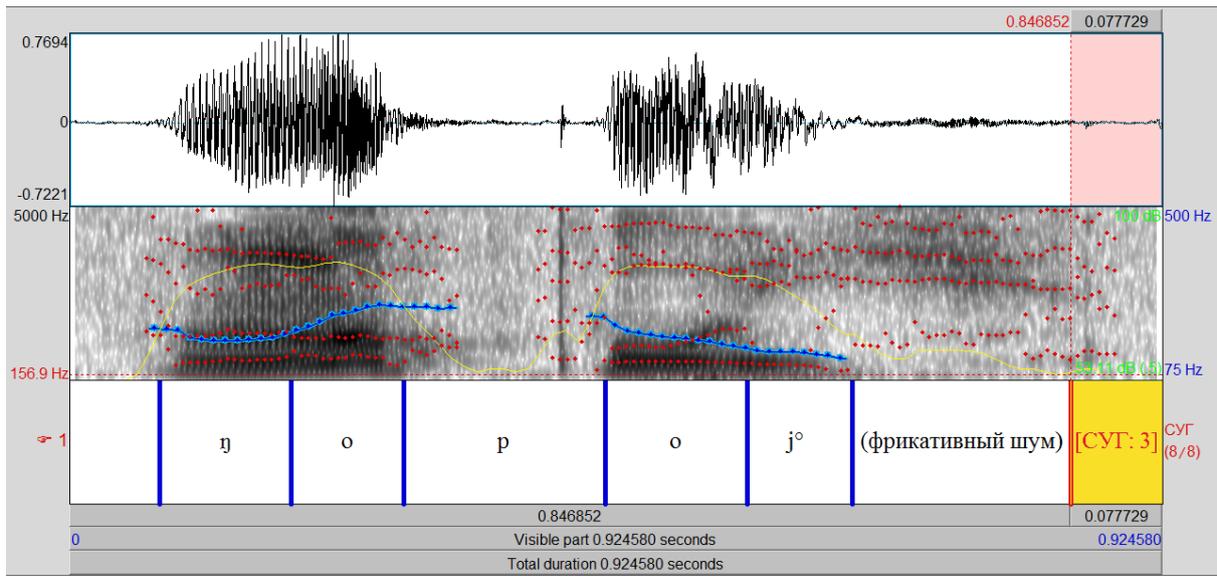
(22Г) Т гыдан. [ηорój] ηорój° [СУГ: 1]

(22Г) Т гыдан. [ɲəɾɔj] ɲəɾɔj° [CVГ: 2]

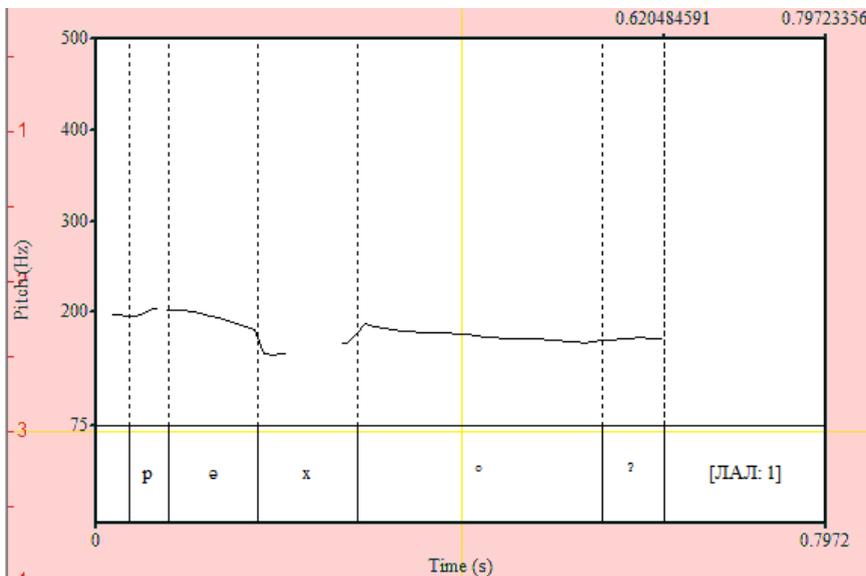
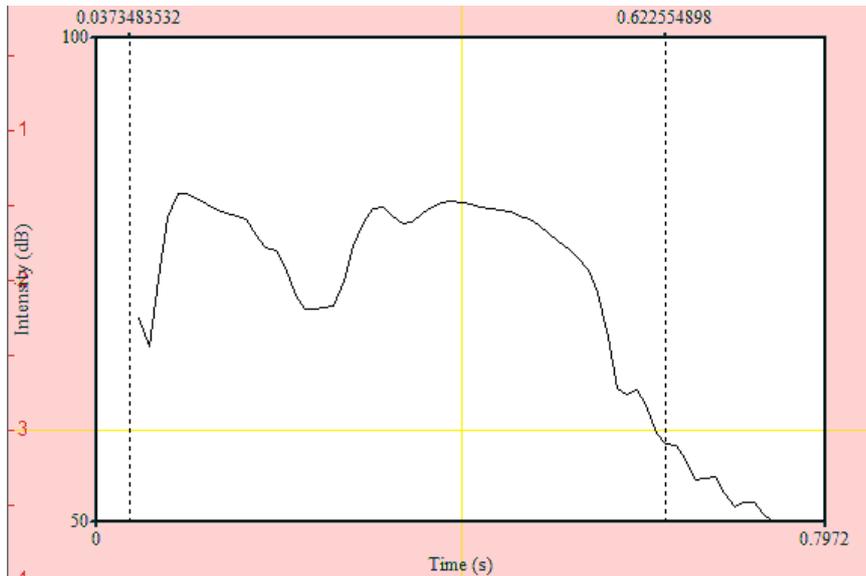
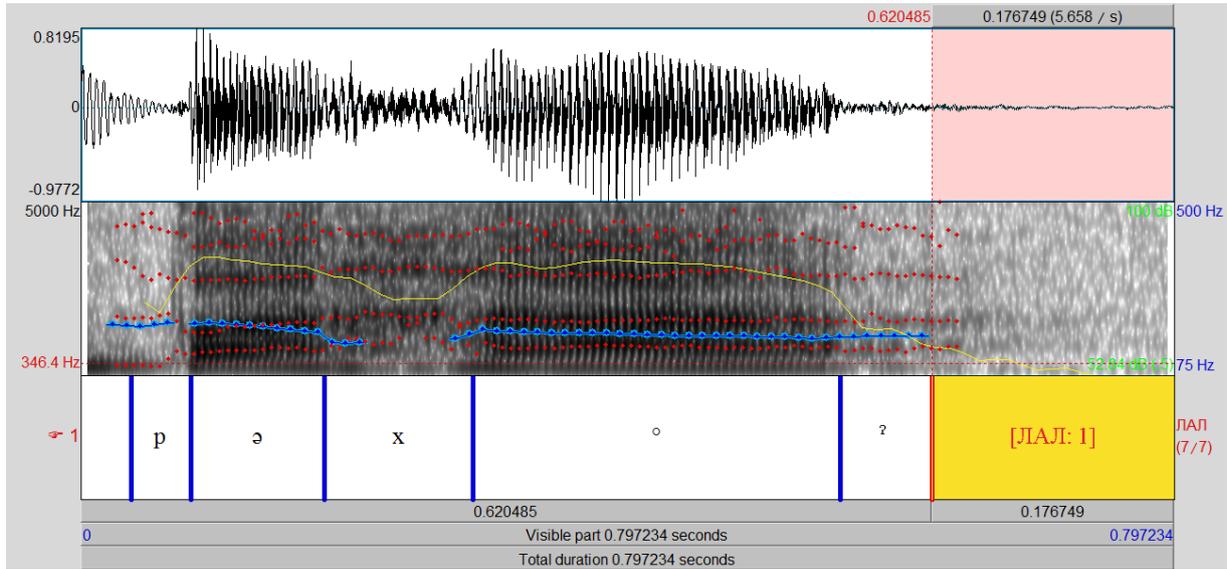

(22Г) Т гыдан. [ηорój°] ηорój° [СУГ: 3]

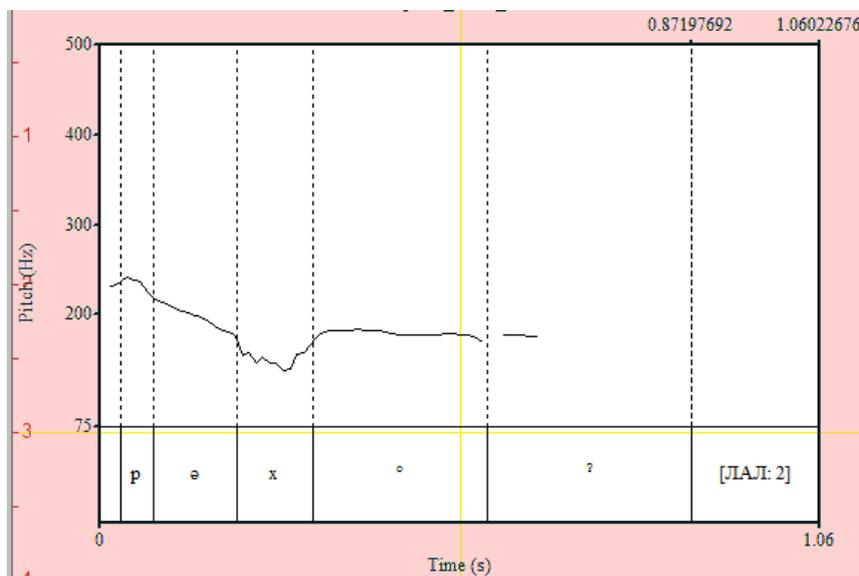
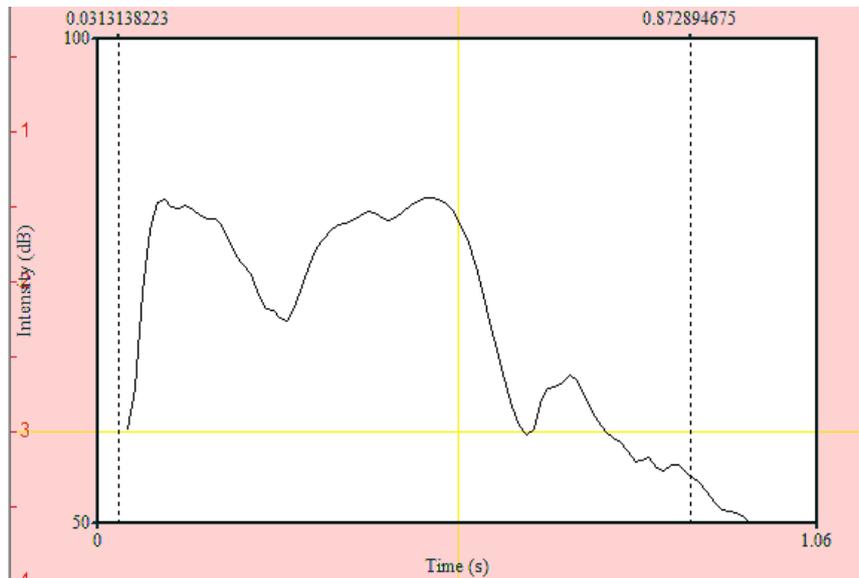
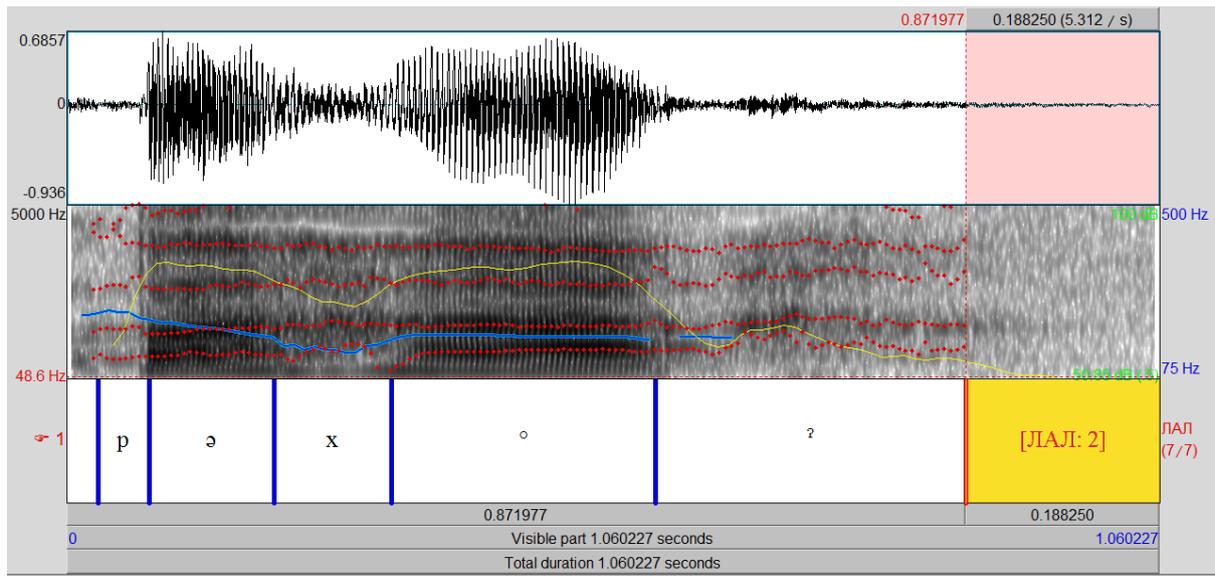

4. Фонетические слова с краткими гласными среднего ряда в первом и втором слогах

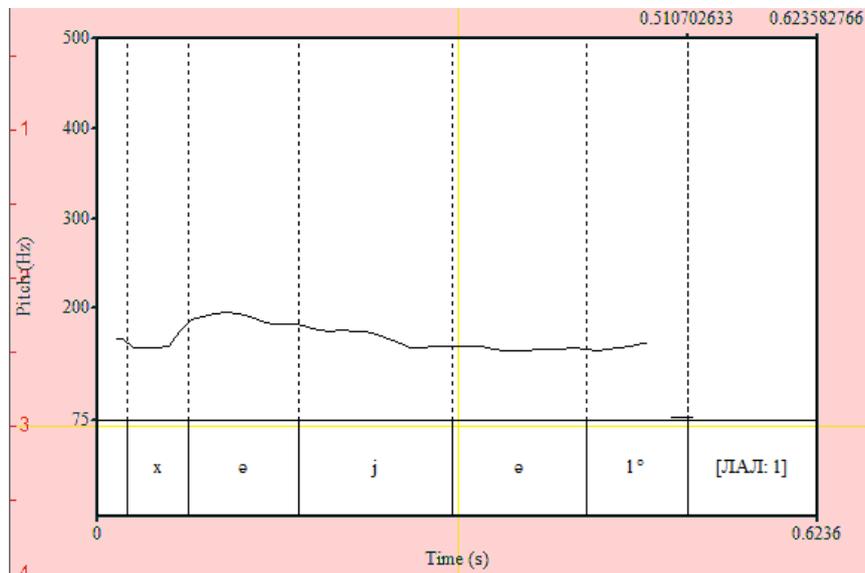
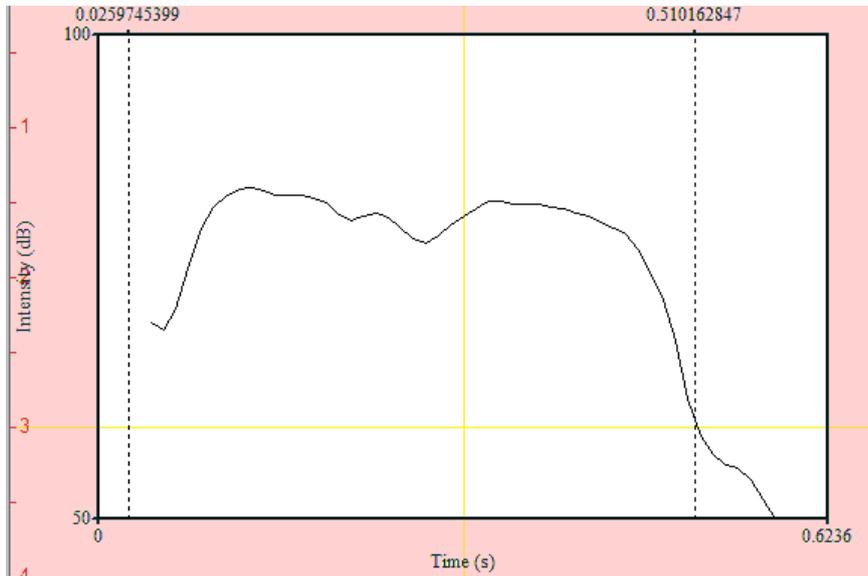
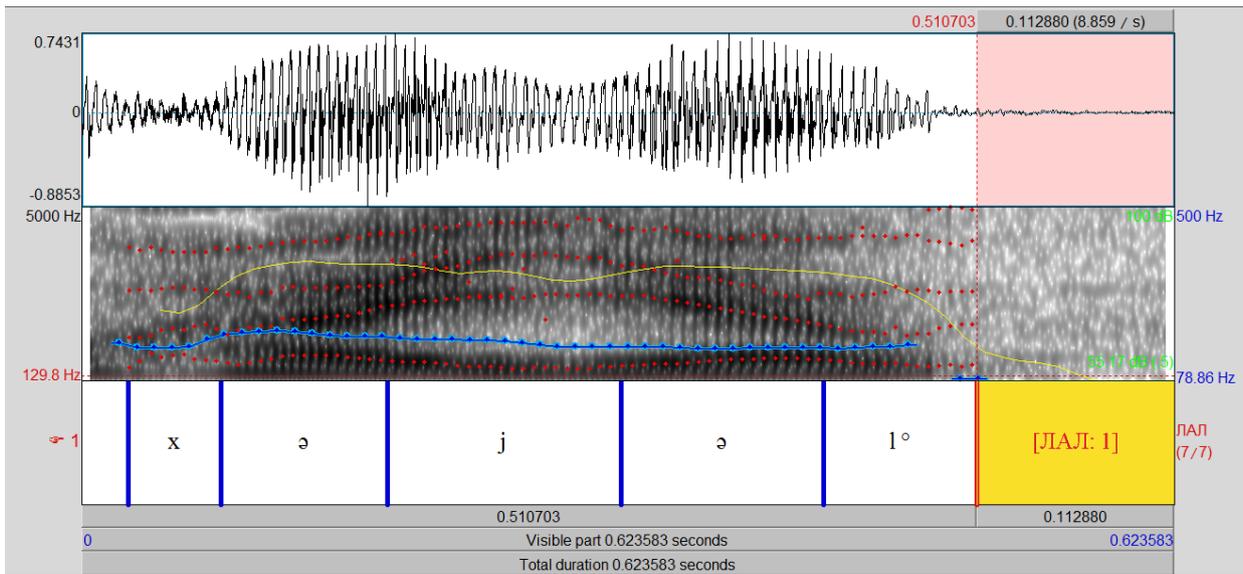
(23Г) Т гыдан. [pəx^o] [ЛЛЛ: 1]

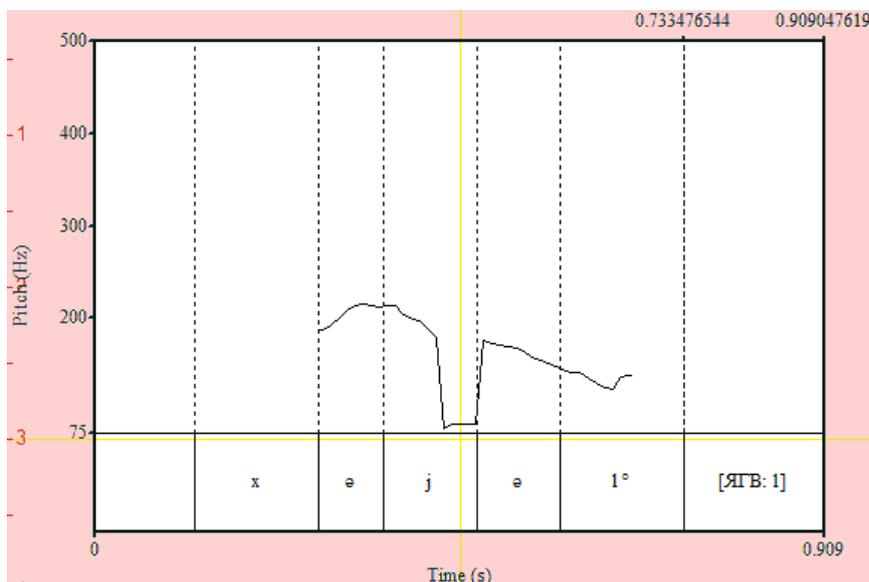
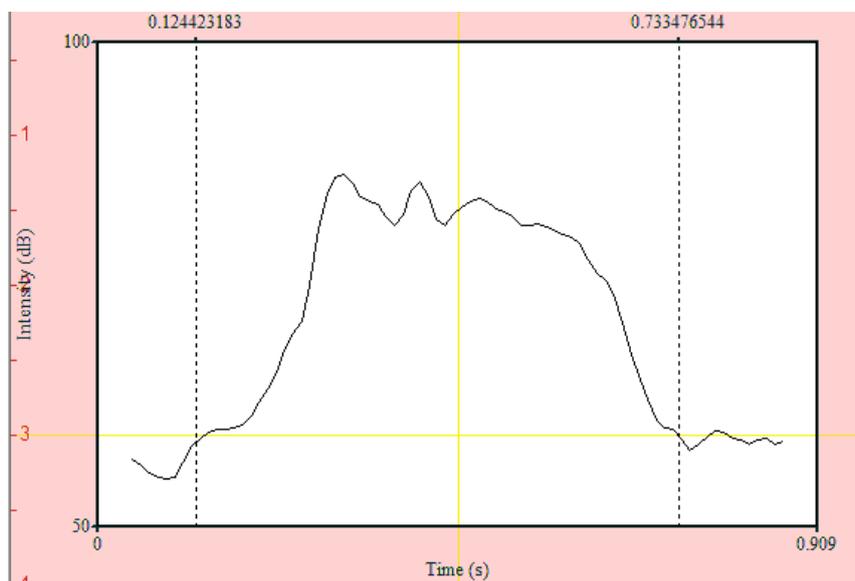
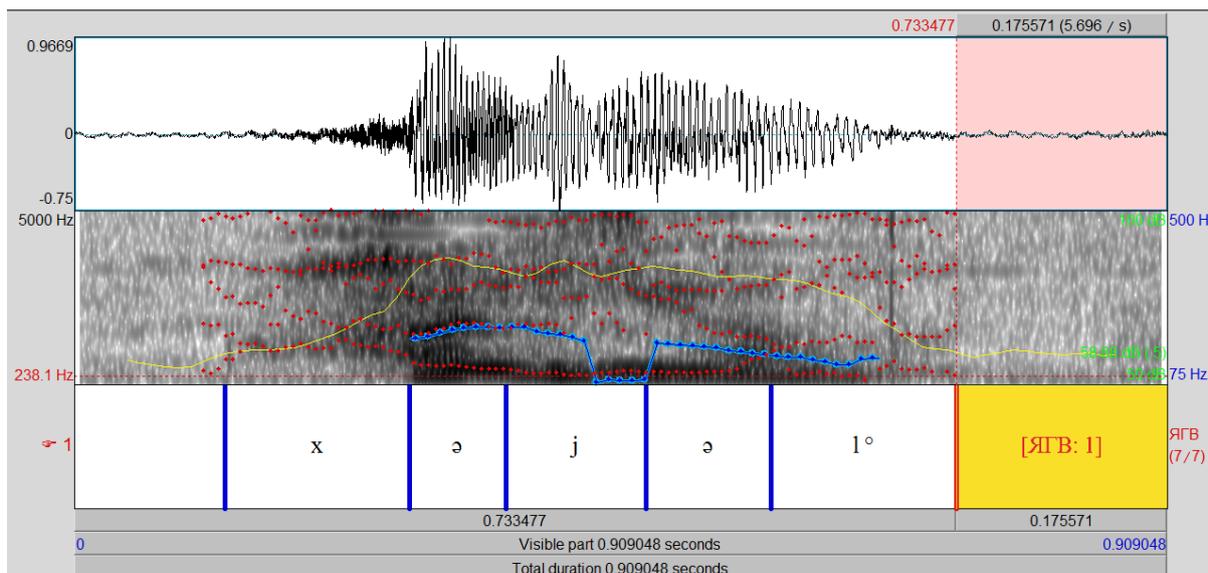
(23Г) Т гыдан. [pəiʏeʔ^h] pəx^{oʔ} [ЛИАЛ: 2]

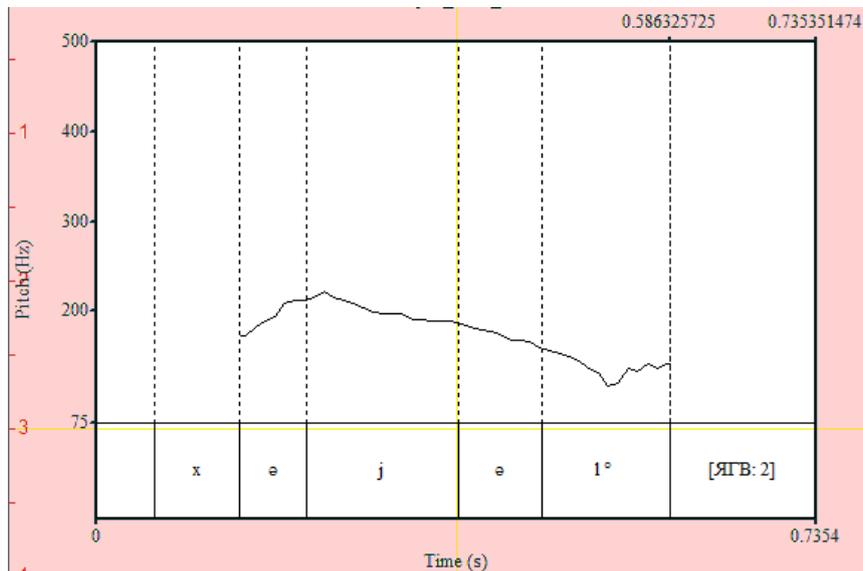
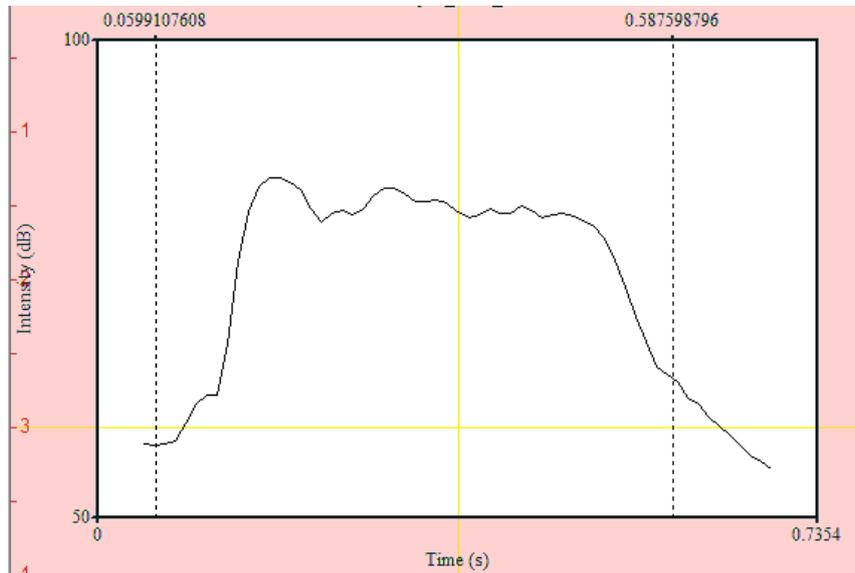
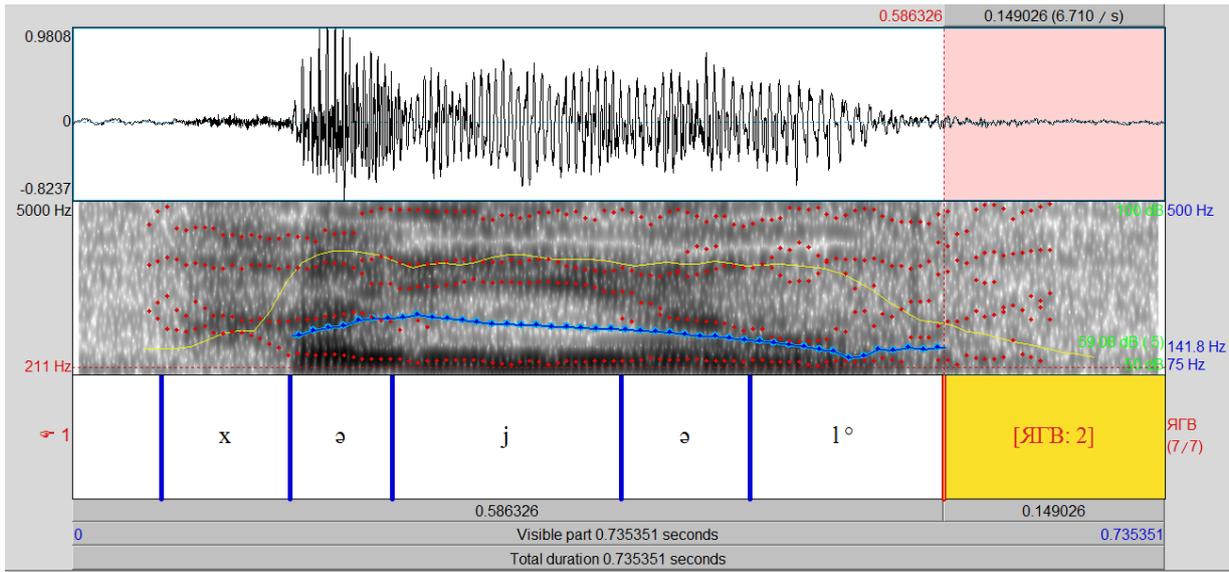
(24Г(1)) Т гыдан. [xəjəl°] xəjəl° [ЛАЛ: 1]

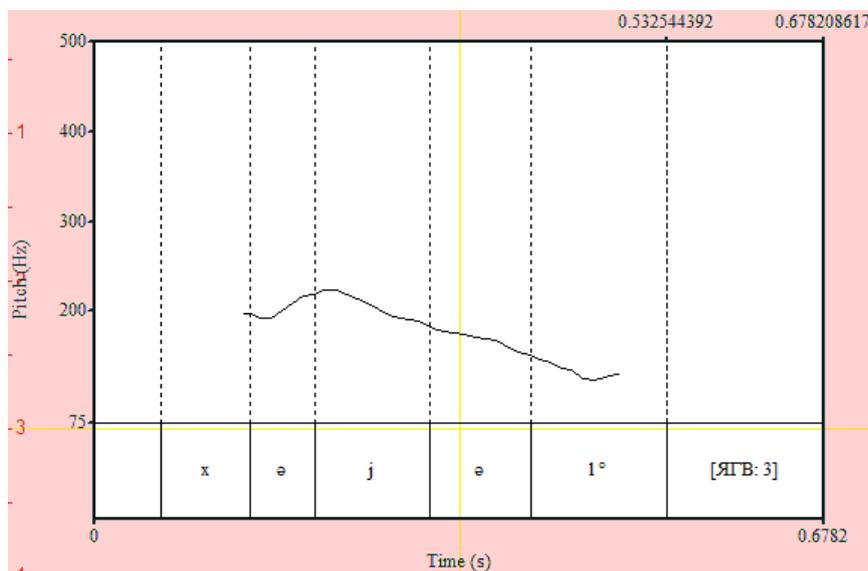
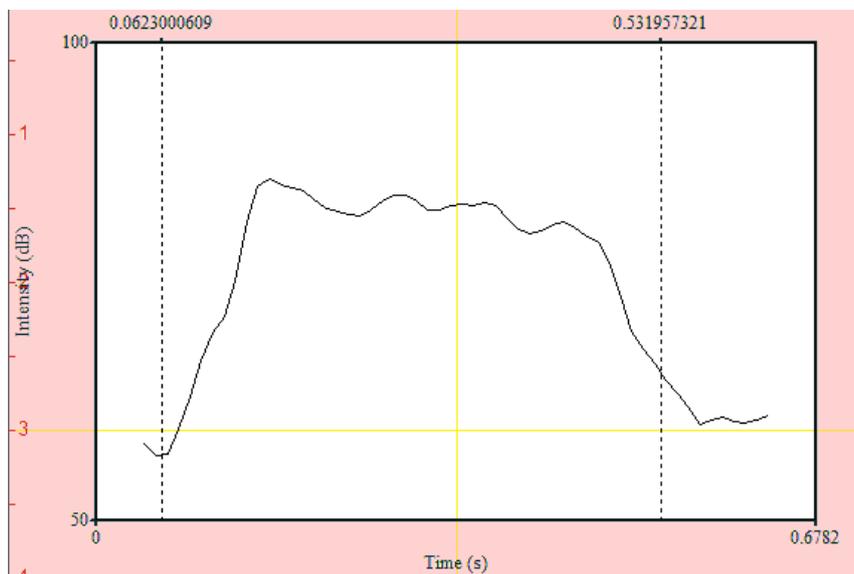
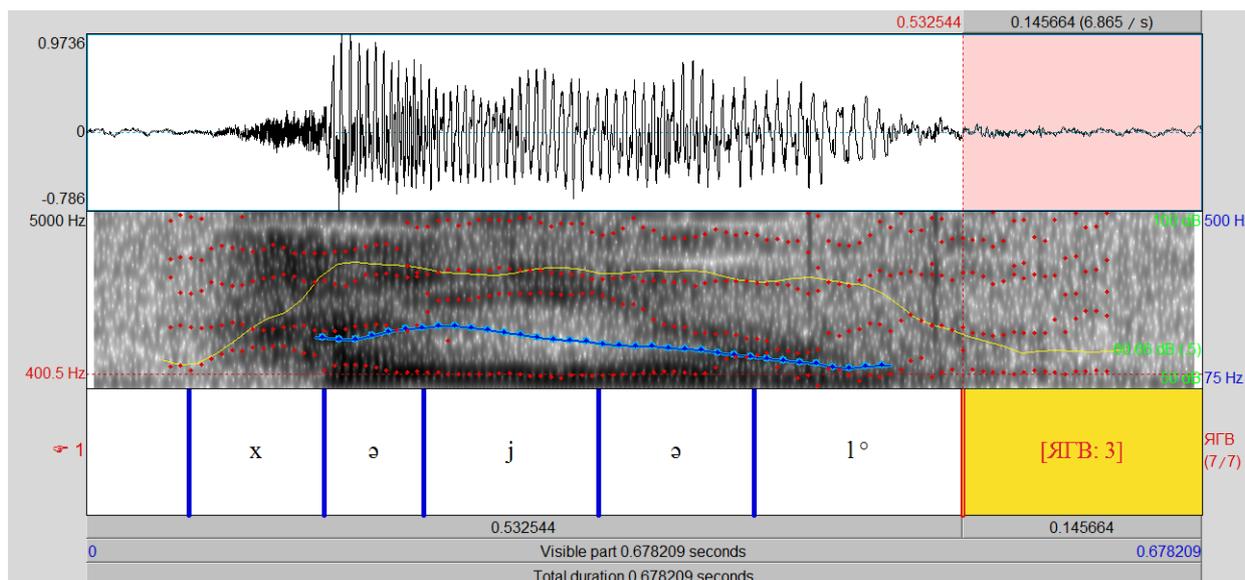
(24Г(1)) Т гыдан. [xəjəl°] xəjəl° [ЯГВ: 1]

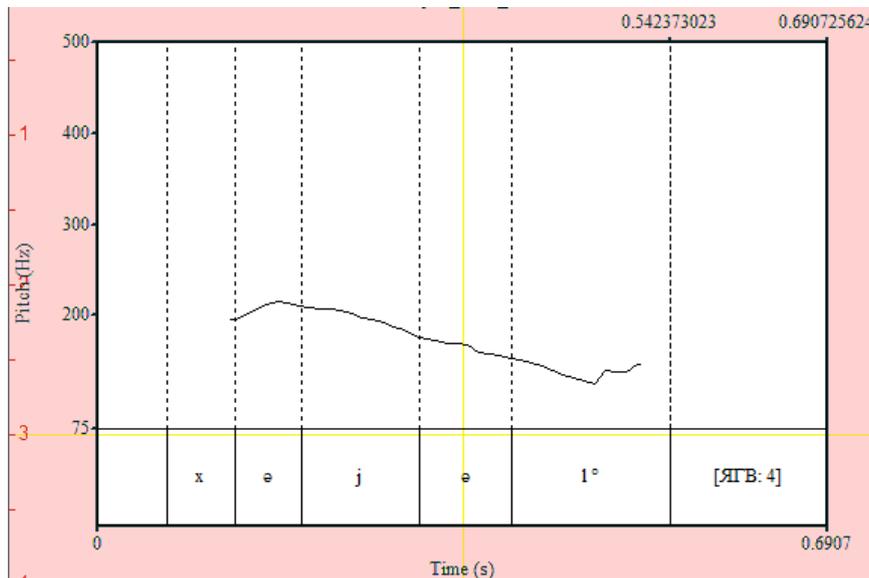
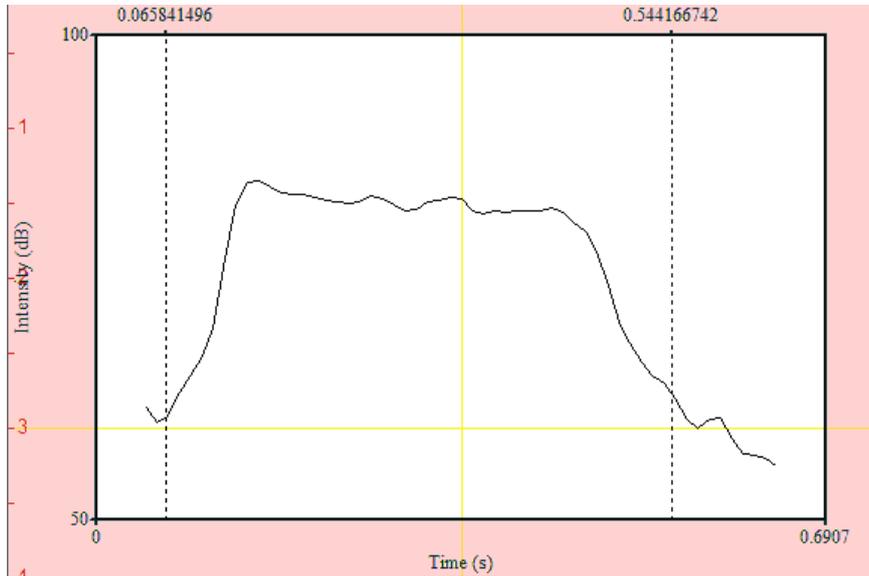
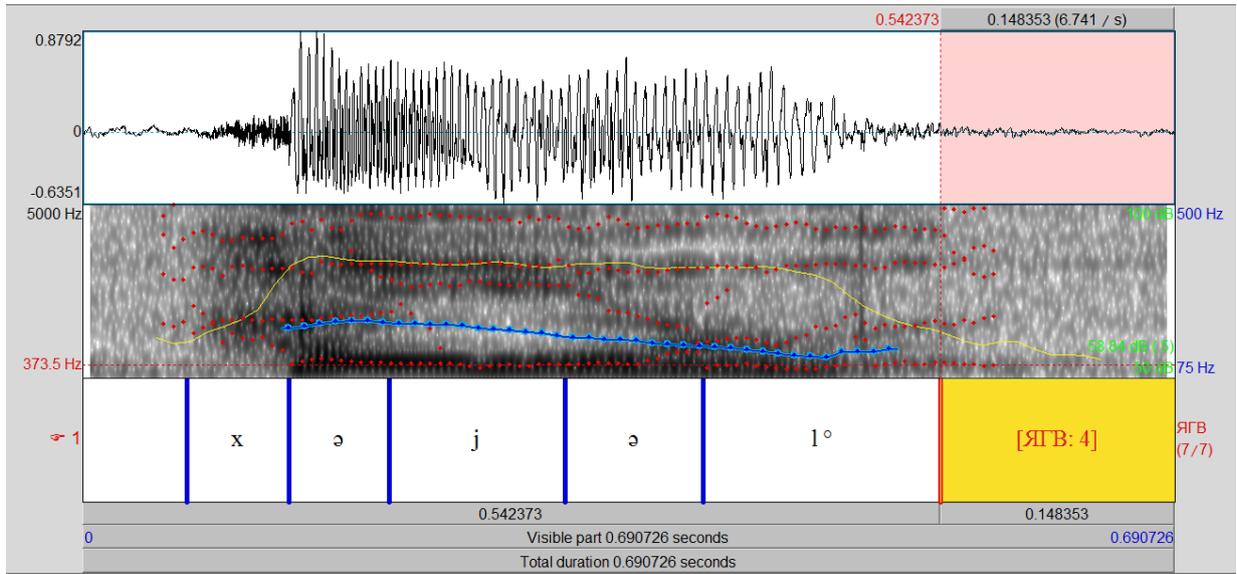
(24Г(1)) Т гыдан. [xə́jəl°] xəjəl° [ЯГВ: 2]

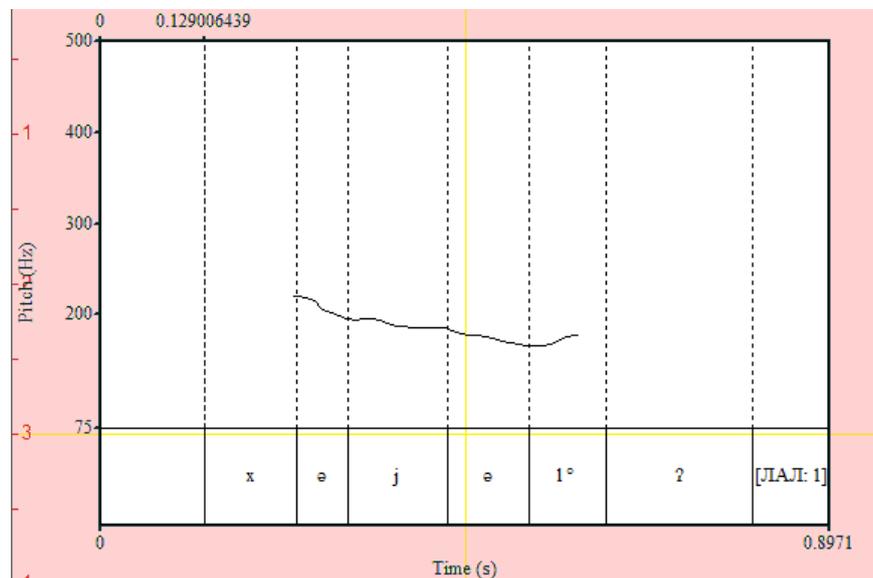
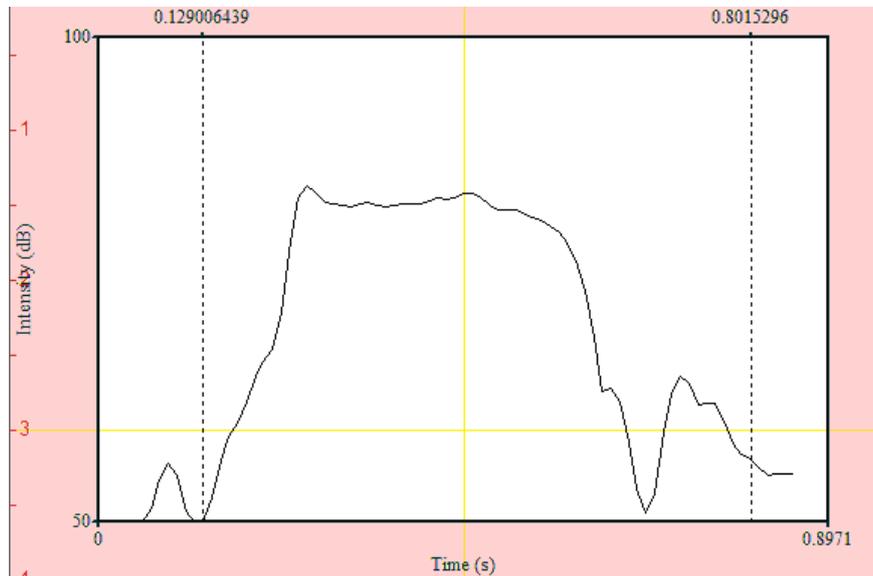
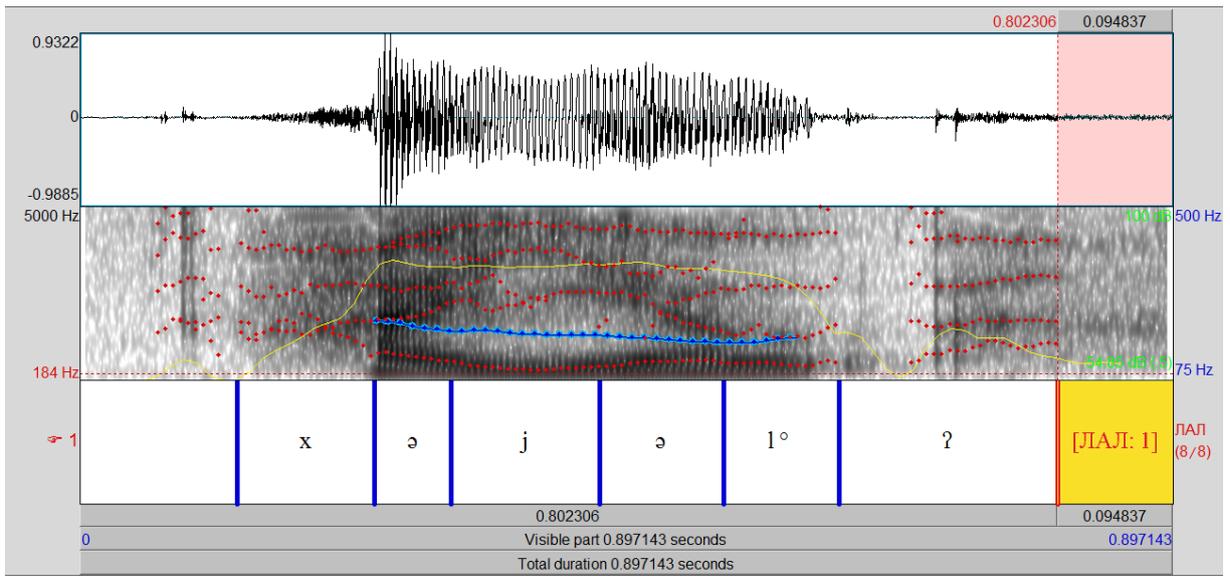
(24Г(1)) Т гыдан. [xəjəl°] xəjəl° [ЯГВ: 3]

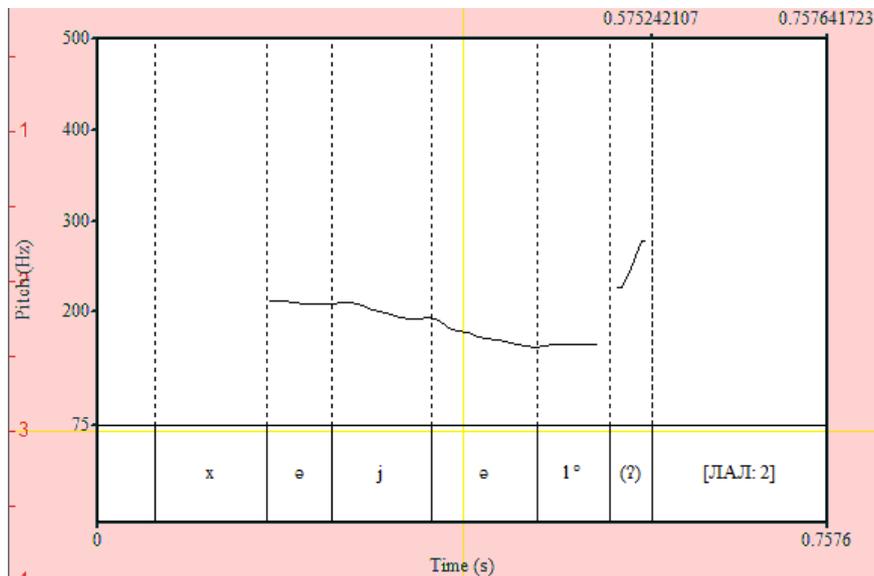
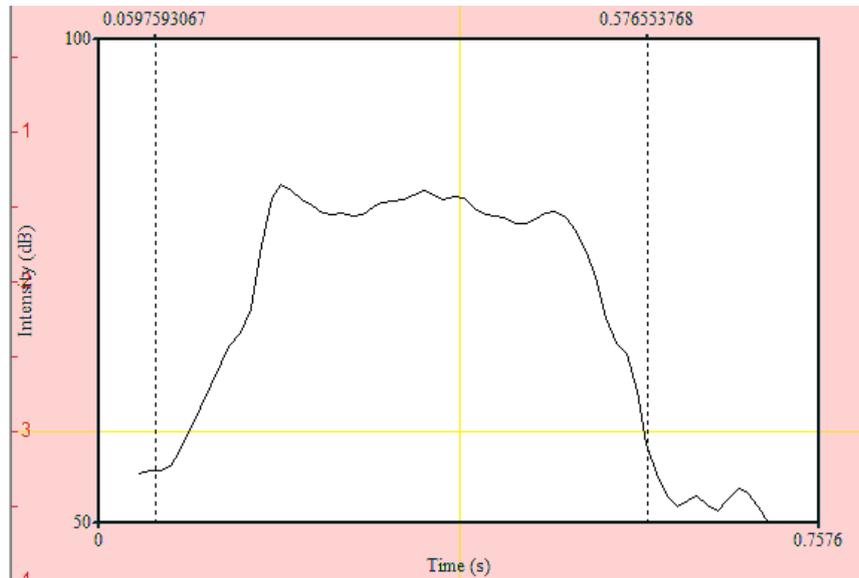
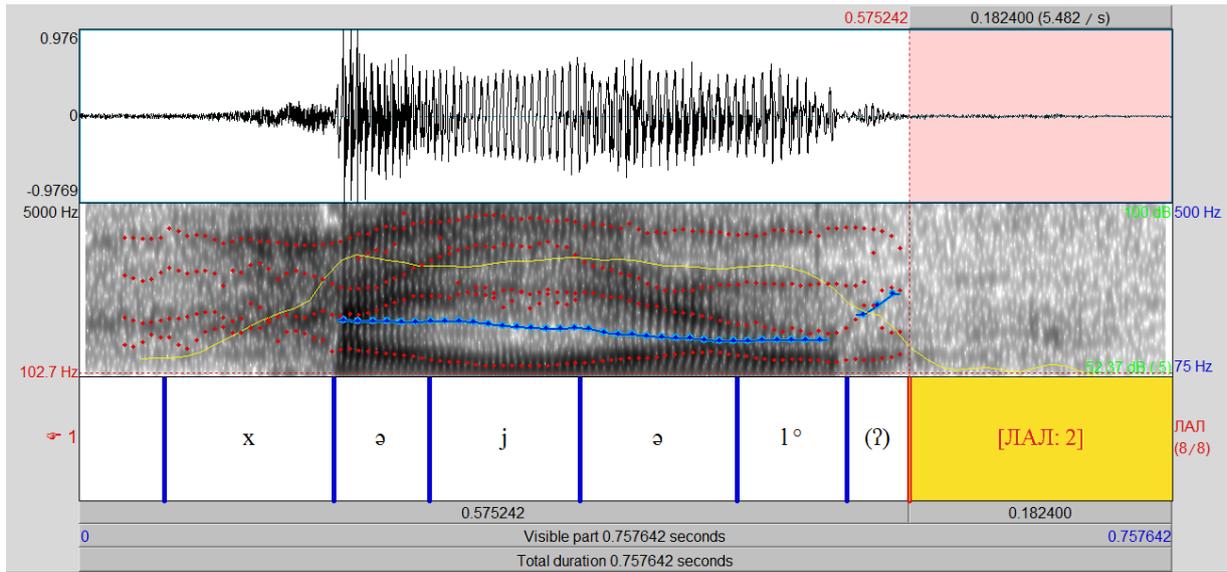
(24Г(1)) Т гыдан. [xəjə] xəjə^o [ЯГВ: 4]

(24Г(2)) Т гыдан. [xəjəlʔ] xəjəlʔ [ЛИАЛ: 1]

(24Г(2)) Т гыдан. [xəjəlʲ] xəjəlʲʔ [ЛАЛ: 2]

Сокращения

Языки и диалекты

ненец. — ненецкий

Л — лесной ненецкий

Kis. — говор по р. Киселёвская (идиолект *kōl'l'əz βîēn-ŋamššp*) [Lehtisalo 1956]

Kis₂ — говор по р. Киселёвская (идиолект *jennā³kkī ŋāχannī*) [Lehtisalo 1956]

Lj. — ляминский говор (идиолект *jīšsu n'ē₁tšsu*) [Lehtisalo 1956]

Ni. — говор по реке *n⁷t'š'e''ej* [Lehtisalo 1956]

Nj. — нялинский говор [Lehtisalo 1956]

P (= P₁) — пуровский говор (идиолект *βāššəp ŋāēiββāšəttp*) [Lehtisalo 1956]

P₂ — пуровский говор (идиолект *š'īmūk ŋāēiββāšəttp*) [Lehtisalo 1956]

S — говор по р. Сахалинская [Lehtisalo 1956]

Т — тундровый ненецкий

б.-з. — большеземельский диалект

I — ижемский говор (идиолект носителя, жившего в населенном пункте Ижма) [Lehtisalo 1956]

K — колвинский говор (идиолект носителя, жившего в населенном пункте Колва) [Lehtisalo 1956]

MB — говор Усть-Цильмы (идиолект Катерины Выучейской) [Lehtisalo 1956]

Sj. — говор по реке *š'ōiðp* (Полярный Урал) [Lehtisalo 1956]

U — устьинский (пустозерский) говор [Lehtisalo 1956]

вост. — восточные диалекты

O (= O₁) — обдорский говор (идиолект Максима Ядопцева, Maxim Jadoptsev) [Lehtisalo 1956]

OP — говор нижней Оби (идиолект Матвея Ядне, Matwei Jadnje) [Lehtisalo 1956]

T₁ — говор района Тазовской губы (идиолект Ивана Хаби) [Lehtisalo 1956]

T₂ — говор района Тазовской губы (идиолект *n'ēmB^f qdṛ šābi*) [Lehtisalo 1956]

T₃ — говор в устье р. Пур (идиолект Васи Тёра, Wasja Tjor) [Lehtisalo 1956]

T₄ — говор района Тазовской губы (идиолект *māšš'erū βārṛā*) [Lehtisalo 1956]

T₅ — идиолект носителя из рода *βāñnōittā*, проживающего в Туруханском крае Енисейской губернии [Lehtisalo 1956]

T₇ — говор по р. Таз (идиолект *βāk t'ōr*) [Lehtisalo 1956]

T₉ — тазовский говор, язык фольклорного текста, записанного в Тазовском районе от рассказчиков *parttā χūd'èi, miñnu χūd'èi* и *ān maṛik* [Lehtisalo 1956]

гыдан. — гыданский диалект

тайм. — таймырский диалект

зап. — западные диалекты

M — мезенский говор (идиолект носительницы Katerina Marennisnja и ее сына *mikkulài βî₁ū₁t'šèi*, записанный в городе Мезени у Белого моря) [Lehtisalo 1956]

N — говор с. Несь [Lehtisalo 1956]

Oks. — оксинский говор [Lehtisalo 1956]

Sjo. — сёмжинский говор [Lehtisalo 1956]

U-Ts. — идиолект Ofimja *šōB^f al'ūβ* [Lehtisalo 1956]

ПС — прасамодийский

ПСС — прасеверносамодийский

рус. — русский (= russ. [Lehtisalo 1956])

Информанты

ВЗТ — Вэнго Зоя Торневна (около 1975 г. р., род. в Гыданской тундре; зимой живет в с. Гыда, летом — на о. Оленьем)

ЛАЛ — Лапцуй (урожд. Салиндер) Анжелика Ляликовна (1968 г. р., род. в Гыданской тундре, близ Танамы; 10 классов; младший воспитатель в школе-интернате; в 1986—1992 гг. жила в тундре, с 1992 г. живет в с. Гыда)

СУГ — Салиндер (урожд. Яптунай) Ульяна Григорьевна (1968 г. р., родом из Гыданской тундры; 8 классов, среднее специальное образование; уборщица; до 2002 г. жила в тундре, с 2002 г. живет в с. Гыда)

ЯГВ — Яр (урожд. Лапцуй) Галина Вánзовна (1958 г. р., род. в Гыданской тундре; 10 классов, среднее специальное образование; уборщица; в 1978—2007 гг. жила в тундре, с 2007 г. живет в с. Гыда)

ЯНХ — Яптунай Николай Ханзотáвич (1955 г. р., род. в Гыданской тундре; 10 классов, незаконченное высшее образование; оленевод; постоянно живет в Гыданской тундре)

Общие

БГ — безударный гласный	ФС — фонетическое слово
букв. — буквально	числ. — имя числительное
Гц — герц	ЧОТ — частота основного тона
Д — длительность	ЧОТ1 — частота основного тона гласного первого слога
Д1 — длительность гласного первого слога	ЧОТ2 — частота основного тона гласного второго слога
Д2 — длительность гласного второго слога	
дБ — децибел	
зоол. — зоологическое	
И — интенсивность	ACC — аккузатив (винительный падеж)
И1 — интенсивность гласного первого слога	С — любой согласный
И2 — интенсивность гласного второго слога	der. — дериват
инф. — информант	F1 — первая форманта
колич. — количественное (числительное)	F2 — вторая форманта
мсек. — миллисекунда	когг. — korrelativ [Janhunen 1977]
перен. — переносное значение	PL — множественное число
призв. — призыв	SG — единственное число
произн. — произнесение	V — любой гласный
сек. — секунда	1С — первый слог
УГ — ударный гласный	2С — второй слог
урожд. — урожденный	# — абсолютный конец

Литература

- Амелина 2012 — Амелина М. К. Акцентные характеристики имен в тундровом наречии ненецкого языка. Часть II. Гыданский диалект // Урало-алтайские исследования. 2012, 1 (6). С. 7—54. {Amelina M. K. Accent characteristics of nouns in Tundra Nenets. Part II. The Gydan dialect // Ural-Altaiic Studies. 2012, 1 (6). P. 7—54.}
- Амелина 2016а — Амелина М. К. Ударение в непроеизводных именах с однородным вокалическим составом в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка. Часть I. Фонетические слова с гласными нижнего и среднего подъема // Урало-алтайские исследования. 2016, 2 (21). С. 7—82. {Amelina M. K. Stress in underived nouns with homogeneous vocalic structure in the Yamal dialect of Tundra Nenets. Part I. Phonetic words with low and middle vowels // Ural-Altaiic Studies. 2016, 2 (21). P. 7—82.}
- Амелина 2016б — Амелина М. К. Ударение в непроеизводных именах с однородным вокалическим составом в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка. Часть II. Фонетические слова с гласными верхнего подъема // Урало-алтайские исследования. 2016, 4 (23). С. 7—83. {Amelina M. K. Stress in underived nouns with homogeneous vocalic structure in the Yamal dialect of Tundra Nenets. Part II. Phonetic words with high vowels // Ural-Altaiic Studies. 2016, 4 (23). P. 7—83.}
- Бармич, Вэлло 2002 — Бармич М. Я., Вэлло И. А. Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект): Около 6500 слов. Пособие для учащихся начальной школы. 2-е изд. СПб., 2002. {Barmich M. Ja., Vello I. A. Nenets-Russian and Russian-Nenets Dictionary (Forest dialect): approximately 6500 words. A textbook for elementary school. 2nd ed. SPb., 2002.}
- Бондарко 1977 — Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977. {Bondarko L. V. Acoustic build of the modern Russian language. M., 1977.}
- Кодзасов 1991 — Кодзасов С. В. Пространство просодических возможностей и акцентная эволюция // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика: К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо. М., 1991. С. 108—112. {Kodzasov S. V. The realm of prosodic possibilities and accent evolution // Slavic studies. Indo-European studies. Nostratic studies: On account of V. A. Dybo's sixtieth birthday. M., 1991. P. 108—112.}
- Кривнова 2004 — Кривнова О. Ф. Длительность как средство реализации словесного ударения в тексте (сопоставительный анализ разных способов оценки выраженности ударения в слове) // Язык и речь: Проблемы и решения. М., 2004. С. 77—99. {Krivnova O. F. Duration as a tool for making a word stress in a text (Comparative analysis of different ways to estimate the intensity of stress in a word) // Language and speech: Problems and solutions. M., 2004. P. 77—99.}
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В. Н. М., 1990. {Thesaurus of linguistics / Ed. Jartseva V. N. M., 1990.}
- Попова 1978 — Попова Я. Н. Ненецко-русский словарь: Лесное наречие. Szeged, 1978. (= Studia Uralo-Altaiica. 1978, 12). {Popova Ja. N. Nenets-Russian dictionary: Forest dialect. Szeged, 1978. (= Studia Uralo-Altaiica. 1978, 12).}

Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965. {*Tereshchenko N. M.* Nenets-Russian dictionary. M., 1965.}

Терещенко 1966 — *Терещенко Н. М.* Ненецкий язык // Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 376—395. {*Tereshchenko N. M.* The Nenets language // Languages of the peoples of the USSR. Vol. 3. Finno-Ugric and Samoyedic languages. M., 1966. P. 376—395.}

Терещенко 2008 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. СПб., 2008. {*Tereshchenko N. M.* Nenets-Russian dictionary. SPb., 2008.}

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977. (= Castrenianumin toimitteita, 17.)

Lehiste 1970 — *Lehiste I.* Suprasegmentals. Cambridge, 1970.

Lehtisalo 1956 — *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XIII.)

Salminen 1997 — *Salminen T.* Tundra Nenets inflection // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 227. Helsinki, 1997.

Salminen 1998 — *Salminen T.* A Morphological Dictionary of Tundra Nenets. Helsinki, 1998.

РЕЗЮМЕ

В настоящей статье к исследованию привлекаются полевые данные автора, полученные в ходе работы с носителями гыданского диалекта тундрового ненецкого языка в с. Гыда Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа в сентябре 2011 г. Данная статья посвящена вопросам супrasegmentной фонетики этого диалекта (говора с. Гыда и Гыданской тундры Тазовского района ЯНАО). В ней выявлены основные и второстепенные акустические корреляты ударения в непроезженных именах с однородным вокалическим составом, представленным гласными нижнего и среднего подъёмов, в гыданском диалекте. В статье проанализирована комбинаторика основных и второстепенных акустических коррелятов ударения в гыданском диалекте и представлен вывод, что ударение в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка является квантитативно-экспираторным с элементами тонального, т. е. акустическими коррелятами словесного акцента в гыданском диалекте являются бóльшая длительность (темпоральная выделенность), бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) и более высокий тон (тональная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. При этом для маркирования ударного гласного первого слога на первый план выходит экспираторный параметр. Наоборот, для маркирования ударного гласного второго слога на первый план выходит темпоральный параметр, а тональный и экспираторный параметры оказываются дополнительными.

SUMMARY

In the article the field data collected by the author during the work with native speakers of the Gydan dialect of Tundra Nenets in Gyda village (Tazovski municipal district, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug) in September 2011. The article deals with the problems of suprasegmental phonetics of the Gydan dialect (the idiom of Gyda and the Gydan tundra of the Tazovski municipal district). The basic and secondary acoustic correlates of stress (word accent) in the underived nouns with homogeneous vocalic structure (with low and mid vowels) in the Gydan dialect are considered in the article. In the paper the combinatorics of the primary and secondary acoustic correlates of stress in the Gydan dialect is considered and the conclusion that the word accent in the Gydan dialect is expiratory and quantitative with tonal features is presented, i. e. the main acoustic correlates of stress are temporal, expiratory and tonal marking of a stressed vowel compared with the unstressed. While marking of a stressed vowel of the first syllable is mainly based on the expiratory emphasis, marking of a stressed vowel of the second syllable is mainly based on the temporal emphasis and tonal and expiratory marking is not obligatory.

Ключевые слова: тундровый ненецкий язык, гыданский диалект, ударение, акустические корреляты ударения, гласные нижнего подъёма, гласные среднего подъёма

Keywords: Tundra Nenets, the Gydan dialect, stress, acoustic correlates of stress, low vowels, mid vowels

Амелина Мария Константиновна, Институт языкознания РАН (Москва); neamelina@gmail.com

María K. Amelina, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow); neamelina@gmail.com

Passivization of matrix predicates in the light of constructions with accusative subjects: the case of Barguzin Buryat¹

1. Introduction

In this paper I discuss the relation between two constructions with a finite sentential argument that are attested in the Barguzin dialect of Buryat spoken in Baraghan village (Republic of Buryatia, Russia)²:

- (1) *badmə namejə xoto ošo-xo gžžə ši:d-э*
 Badma.NOM 1SG.ACC city go-POT COMP decide-PST1
 ‘Badma decided that I will go to the city.’
- (2) *bi badm-ar xoto ošo-xo-(b) gžžə ši:də-gd-э-b*
 1SG.NOM Badma-INSTR city go-POT-(1SG) COMP decide-PASS-PST1-1SG
 Lit. ‘I was decided by Badma that (I) will go to the city.’

In both (1) and (2) we see sentences that involve embedded finite clauses (Complementizer Phrases, henceforth CPs) with a complementizer *gžžə*, which is a grammaticalized converb form of the verb *gžxə* (‘say’)³. Sentences with verbs of saying functioning as complementizers have been widely attested and described both in Mongolic languages (see [Ulanova 1980; Knyazev 2009; Skribnik, Darzhaeva 2016], among others) and in languages of other families (see [Matić, Pakendorf 2013] for discussion of areal and genealogical patterns of non-canonical functions of verbs of saying).

In this paper I concern myself with the question of whether (1) and (2) are derivationally related. The sentence in (1) represents a structure with Exceptional Case Marking (ECM): the subject of the embedded clause is marked accusative, which is a non-canonical subject marking in a finite clause in Barguzin Buryat (finite clauses usually have nominative subjects). It seems that ECM configurations in Barguzin Buryat differ significantly from Standard Literary Buryat. For example, [Skribnik, Darzhaeva 2016] claim that in Standard Literary Buryat there is no connection between the ability of a matrix verb to assign the accusative case and the availability of an accusative subject in the embedded clause. Thus, the matrix verb *bajərləxə* (‘be happy’), which usually assigns the dative case, can take an embedded clause with an accusative subject:

- (3) *namejə zɜmə abə-bə gžžə bajərlə-bə gy-š?*
 1SG.ACC blame take-PST2 COMP be.happy-PST2 Q-2SG
 ‘Were you happy that I took the blame?’ (adapted from [Skribnik, Darzhaeva 2016: 132])

This is different from what we observe in Barguzin Buryat: verbs that assign lexical cases such as dative or instrumental cannot take sentential arguments with accusative subjects in Barguzin Buryat. This is illustrated below with the verb *atərxəxə* (‘to envy’), which assigns the dative case. In (4) we see that this verb assigns the dative case when it takes an object as its complement; in (5) we see that it also assigns the dative case to a nominalization that it takes as its argument. Sentences in (5)—(6) show for a nominalization and a CP respectively that when *atərxəxə* (‘envy’) is used as a matrix verb, the embedded subject cannot take accusative marking.

- (4) *xübün badma-da atərxə-nə*
 boy Badma-DAT envy-PRS
 ‘The boy envies Badma.’
- (5) *xübün badm-in / *badm-ijə nom unšə-xə-də atərxə-nə*
 boy Badma-GEN Badma-ACC book read-POT-DAT envy-PRS
 ‘The boy envies Badma’s reading the book.’
- (6) *xübün badmə / *badm-ijə na:dənxə abə-xə gžžə atərxə-nə*
 boy Badma.NOM / Badma-ACC toy buy-POT COMP envy-PRS
 ‘The boy envies that Badma will buy a toy.’

¹ The study has been supported by Russian Science Foundation (grant №16-18-02081).

² All the data presented in this paper has been collected during fieldwork trips of Lomonosov Moscow State University to Baraghan village in 2014—2016.

³ In this paper I cite verbs in their dictionary form, which is potential tense (with suffix *-xə*).

Another difference concerns the availability of inanimate accusative subjects. According to [Skribnik, Darzhaeva 2016] inanimate embedded subjects in Standard Literary Buryat cannot take the accusative case:

- (7) *šulu-jə un-a gžə Han-a-bdi
stone-ACC fall-PST1 COMP think-PST1-1PL
Expected: ‘We thought that the stone fell’ (adapted from [Skribnik, Darzhaeva 2016: 132]).

In Barguzin Buryat accusative marking on embedded subjects is possible, as (8)—(9) illustrate.

- (8) bi ɜnə mod-ijə urge-hən-ijə xar-a-b
1SG.NOM this apple.tree-ACC grow-PFCT-ACC see-PST1-1SG
‘I saw how this apple tree grew.’
- (9) sajənə ɜnə xan-ijə badm-ar šrdə-gdə-hən gžə mɜdə-nə
Sajana.NOM this wall-ACC Badma-INSTR paint-PASS-PFCT COMP know-PRS
‘Sajana knows that this wall has been painted by Badma.’

The fact that in Barguzin Buryat, unlike in Standard Literary Buryat [Skribnik, Darzhaeva 2016] and Mongolian [Heusinger et al. 2011], the availability of the accusative case on the embedded subject depends on the structural configuration (namely, on the transitivity of the matrix verb) rather than on semantic properties of the subject allows us to ask new interesting questions about the relation between ECM constructions (1) and constructions with passivized matrix predicates and promoted embedded subjects as in (2). Henceforth we will limit our discussion to the data from Barguzin Buryat, leaving the comparison between it and the literary language for the future research.

Constructions with Exceptional Case Marking have received a lot of attention in the theoretical literature ([Postal 1974; Kuno 1976; Kornfilt 1977; Hoji 1991; Tanaka 1992; Zidani-Eroğlu 1997; Bruening 2001; Kawai 2006; Serdobolskaya 2006; Yoon 2007; Şener 2008; Baker, Vinokurova 2010; Takeuchi 2010], among others). One of the standard analyses of ECM constructions, first proposed by [Postal 1974] for English, is the raising analysis ([Postal 1974; Kuno 1976; Tanaka 1992; Kawai 2006; Yoon 2007], among others), which assumes that an embedded subject raises in the constructions under consideration into the matrix clause where it receives accusative case from the matrix verb. One of the arguments for the raising analysis of ECM has been the ability of accusative subjects of embedded predicates to be promoted to the matrix subject position in cases where the matrix verb undergoes passivization. In languages like English this property is restricted to non-finite clauses: unlike subjects of infinitives ((10)—(11)), subjects of finite CPs cannot be promoted to the matrix subject position when the matrix predicate is passivized ((12)—(13)).

- (10) *Jack believed Joan to be famous.* [Postal 1974: 40] infinitive
(11) *Joan was believed to have been famous by Jack.* [Postal 1974: 40] infinitive + V_{matrix}.PASS
(12) *Jack believed (that) Joan was famous.* [Postal 1974: 40] CP
(13) **Joan was believed (that) was famous by Jack.* [Postal 1974: 40] CP + V_{matrix}.PASS

Barguzin Buryat represents an interesting case of a language that allows not only promotion of subjects of embedded non-finite clauses (which in Barguzin Buryat are clausal nominalizations, (14)—(15)), but also promotion of subjects of finite CPs into the matrix subject position (15)—(16):

- (14) badmə namejə tɜrgə ɜbdəl-h-ijə-mni mɜd-ɜ
Badma.NOM 1SG.ACC cart break-PFCT-ACC-1SG know-PST1
‘Badma found out that I broke the cart.’
bi badm-ar tɜrgə ɜbdəl-hən-ɜ mɜdə-gd-ɜ-b
1SG.NOM Badma-INSTR cart break-PFCT-REFL know-PASS-PST1-1SG
Lit.: ‘I was found out by Badma to have broken a cart.’
- (15) badmə namejə sajən-ijə zurə-xə gžə xɜl-ɜ
Badma 1SG.ACC Sajana-ACC draw-POT COMP say-PST1
‘Badma said that I will draw Sajana.’
- (16) bi badm-ar sajən-ijə zurə-xə-(b) gžə xɜlə-gd-ɜ-b
1SG.NOM Badma-INSTR Sajana-ACC draw-POT-(1SG) COMP say-PASS-PST1-1SG
Lit.: ‘I was said by Badma that (I) will draw Sajana.’

In this paper I am going to address the question of how structures like (16), which are impossible in many languages (for example, in English (13)), are related to sentences like (15). There are several possible deriva-

tions that a sentence like (16) could have. First, this structure could be the result of the long-distance passivization. Under this view accusative subjects would be claimed to have undergone promotion to the matrix subject position without prior raising into the matrix clause. Second, this structure could have a derivation that involves raising of an accusative subject into the direct object position of the matrix predicate followed by the further movement into the subject position. Another possible hypothesis would be that the structure in (16) is not derivationally connected to the sentence in (15) and represents a distinct structure involving control. This hypothesis assumes that the matrix subject of (16) has never been a subject of the embedded clause throughout the derivation. The fact that we understand the subjects of the two clauses to be identical then would have to be due to the existence of a null pronoun in the embedded clause that is coreferent to the matrix subject.

Another puzzle that arises with sentences like (16) is the optionality of agreement on the embedded predicate. A natural question is: do the sentences with and without agreement, as in (16), represent one syntactic derivation or to two distinct syntactic derivations?

This paper is structured as follows. In section 2 I am going to discuss long-distance passivization in Barguzin Buryat and show that the predicates that can take ECM complements disallow long-distance passivization (unlike some other predicates that involve restructuring). In section 3 I will provide independent evidence that accusative subjects in Barguzin Buryat are able to raise into the matrix clause. In section 4 I will suggest that the presence of agreement on the embedded predicate is a crucial diagnostic that can distinguish between the raising structure and the control structure, both of which exist in Barguzin Buryat. In section 5 another puzzle involving passivization of matrix predicates that take nominalizations with accusative subjects is presented. Section 6 summarizes the obtained results and discusses their consequences for analyses of ECM structures.

2. Long-distance passivization and restructuring in Barguzin Buryat

In this section I discuss the availability of long-distance passivization in Barguzin Buryat. Long-distance passivization is a process of valency alternation that involves demotion of a matrix subject and promotion of an argument of an embedded clause into the matrix subject position. Note that if the predicates that can take finite CPs with accusative subjects as their complements allowed long-distance movement of some material into argument positions of matrix clauses, then the obligatory raising of accusative subjects into a position higher than the position in which they are generated would not be necessary. However, I would like to argue that although Barguzin Buryat has some predicates that allow long-distance passivization, all of them are restructuring predicates and cannot take ECM complements.

The class of matrix predicates that allow long-distance passivization in Barguzin Buryat is restricted to the following verbs: *zxilxə* ‘begin’, *dü:rgəxə* ‘finish’, *turšəxə* ‘try’, *ürdixə* ‘manage’, *šadəxə* ‘can’. All these verbs take a converb as their complement. The direct object of this converb can be promoted to the matrix subject position, as illustrated in (17)—(18) for the verb *zxilxə* ‘begin’ and in (19)—(20) for the verb *turšəxə* ‘try’.

- (17) *badmə namejə zurə-žə zxil-3*
Badma.NOM 1SG.ACC draw-CONV begin-PST1
‘Badma began to draw me.’
- (18) *bi badm-ar zurə-žə zxilə-gd-3-b*
1SG.NOM Badma-INSTR draw-CONV begin-PASS-PST1-1SG
‘Badma began to draw me.’ (lit. ‘I was begun to draw by Badma.’)
- (19) *badmə namejə zurə-žə turš-a*
Badma.NOM 1SG.ACC draw-CONV try-PST1
‘Badma tried to draw me.’
- (20) *bi badm-ar zurə-žə turšə-gd-a-b*
1SG.NOM Badma-INSTR draw-CONV try-PASS-PST1-1SG
‘Badma tried to draw me.’ (lit. ‘I was tried to draw by Badma.’)

A substantial property of these verbs is illustrated in (21): an external argument of ‘manage’ is identical to the external argument of ‘tell’. An attempt to project a subject for each of the verbs, (22), leads to ungrammaticality.

- (21) *bağšə honin ju:mə xö:rə-žə ürd-jə*
teacher interesting thing tell-CONV manage-PST1
‘The teacher managed to tell an interesting story.’

- (22) **bagšə badm-in / badm-ijə / badma honin ju:mə xö:rə-žə ürd-jə*
 teacher Badma-GEN / Badma-ACC / Badma.NOM interesting thing tell-CONV manage-PST1
 Expected: ‘Teacher managed to do so that Badma told an interesting story.’ (for example, the teacher asked Badma to speak)

Verbs of this class cannot take CP clauses as their complements regardless of the agreement on the embedded verb:

- (23) **bagšə honin tü:xə xö:rə-bə-(b)⁴ gžə ürd-jə*
 teacher interesting thing tell-PST2-(1SG) COMP manage-PST1
 Expected: ‘The teacher managed to tell an interesting story.’

The observed facts suggest that the verbs that allow long-distance passivization (*zxilxə* ‘begin’, *dü:rgəxə* ‘finish’, *turšəxə* ‘try’, *ürdixə* ‘manage’, *šadəxə* ‘can’) exhibit clause union formation or voice restructuring ([Wurmbrand 2015; Wurmbrand 2016]): the matrix and the embedded verbs form a single predicate (either by the complex head formation ([Saito, Hoshi 1998; Williams 2003] among others) or by VP complementation [Wurmbrand 2001]) and share most of the functional verbal projections of the clausal make-up. Voice restructuring offers a simple explanation for the ability of promotion of direct objects into the matrix subject position: if direct objects are not objects of the embedded converbs, but are arguments of a single complex predicate, there is nothing surprising in their ability to become matrix subjects. The ungrammaticality of overt embedded subjects in sentences like (22) is also predicted under such approach: if there is only one functional verbal projection that introduces an external argument in this clause (VoiceP or its equivalent), it is expected that the insertion of a second external subject would lead to ungrammaticality.

In contrast to the voice restructuring verbs, verbs that take CP clauses do not allow long-distance passivization. Direct objects of embedded CP clauses cannot be promoted to the matrix subject position when the passivization of a matrix predicate takes place:

- (24) *sajənə badmə namejə xar-a gžə məd-ə*
 Sajana Badma.NOM 1SG.ACC see-PST1 COMP know-PST1
 ‘Sajana found out that Badma had seen me’
- (25) **bi sajən-ar badmə xar-a gžə məd-gd-ə-b*
 1SG.NOM Sajana-INSTR Badma see-PST1 COMP know-PASS-PST1-1SG
 Expected: ‘Sajana found out that Badma had seen me’ (lit.: ‘I was known by Sajana that Badma had seen (me)’)

Note that case marking of the subject of an embedded predicate does not play a role in the availability of long-distance passivization: irrespective of whether the subject of CP is marked nominative or accusative, direct objects cannot undergo long-distance movement (26—27).

- (26) *badmə sajənə / sajən-ijə namejə zurə-xə gžə xəl-ə*
 Badma Sajana.NOM / Sajana-ACC 1SG.ACC draw-POT COMP say-PST1
 ‘Badma said that Sajana would draw me’
- (27) **bi badm-ar sajənə / sajən-ijə zurə-xə gžə xəl-gd-ə-b*
 1SG.NOM Badma-INSTR Sajana.NOM / Sajana-ACC draw-POT COMP say-PASS-PST1-1SG
 Expected: ‘Badma said that Sajana would draw me’ (lit.: ‘I was said by Badma that Sajana would draw (me)’).

Whether the subject of an embedded clause is overt or null also has no effect on the availability of long-distance passivization: the direct object of a CP cannot be promoted to the matrix subject position even if the subject of this CP is null (28—29).

- (28) *badmə namejə zurə-xə-b gžə xəl-ə*
 Badma 1SG.ACC draw-POT-1SG COMP say-PST1
 ‘Badma_i said that he_i would draw me.’
- (29) **bi badm-ar zurə-xə-(b) gžə xəl-gd-ə-b*
 1SG.NOM Badma-INSTR draw-POT-(1SG) COMP say-PASS-PST1-1SG
 Expected: ‘Badma_i said that he_i would draw me’ (lit. ‘I was said by Badma_i that (he_i) would draw (me)’).

⁴ The agreement on embedded verbs in Barguzin Buryat will be discussed below.

To sum up, matrix predicates that take CP clauses as their complements cannot exhibit long-distance passivization. Although Barguzin Buryat has a small class of verbs that seem to show long-distance passivization, all these verbs undergo voice restructuring and form a single predicate with the embedded verb. In other words, what looks like a long-distance passivization is actually just a case of garden-variety passivization. Matrix predicates that take CP clauses do not undergo voice restructuring, hence the direct objects of these CPs cannot be promoted to the matrix subject position. Since long-distance passivization is generally unavailable in Barguzin Buryat, we can infer that sentences like (16) are not derived through this process: it cannot be the case that accusative subjects are promoted to the matrix subject position directly from the embedded clause.

3. ECM-clauses in Barguzin Buryat and the possibility of raising

In this section I show that accusative subjects in Barguzin Buryat are able to move into the matrix clause. Thus, the precondition for the analysis that assumes that sentences like (16) involve raising of accusative subjects prior to the promotion into the matrix subject position is satisfied.

Accusative subjects in Barguzin Buryat CP clauses alternate with nominative subjects (30)—(31):

- (30) *bi sajəna du: du:lə-žə be:-ga gʒžə du:l-a-b*
 1SG.NOM **Sajana.NOM** song sing-CONV be-PST1 COMP hear-PST1-1SG
 ‘I heard that Sajana sang a song.’
- (31) *bi sajən-ijə du: du:lə-žə be:-ga gʒžə du:l-a-b*
 1SG.NOM **Sajana-ACC** song sing-CONV be-PST1 COMP hear-PST1-1SG
 ‘I heard that Sajana sang a song.’

There are several facts that point to the conclusion that only accusative subjects, and not nominative ones, can raise into the matrix clause. One piece of evidence comes from possessive anaphor binding. The possessive anaphor *ö:ringö*, which has to be bound in the same clause that contains it (32), cannot modify nominative subjects of embedded CP clauses due to the absence of a potential binder inside the embedded clause (33)—(34):

- (32) *badma sajəna / sajən-ijə ö:r-in-gö nom unš-a gʒžə mʒd-ʒ*
 Badma Sajana.NOM / Sajana-ACC self-GEN-REFL book read-PST1 COMP know-PST1
 a. ‘Badma found out that Sajana_i read her_i book.’
 b. *‘Badma_i found out that Sajana read his_i book.’
- (33) **badmə ör-in-gö hamgən zurəg zur-a gʒžə mʒd-ʒ*
 Badma self-GEN-REFL wife.NOM picture paint-PST1 COMP know-PST1
 Expected: ‘Badma_i found out that his_i wife painted the picture.’
- (34) **badmə örin-gö hamgən nom unš-a gʒžə xar-a*
 Badma self-GEN-REFL wife.NOM book read-PST1 COMP see-PST1
 Expected: ‘Badma_i saw that his_i wife was reading a book.’

If the anaphor occurs within an accusative subject DP, that does not lead to ungrammaticality: the anaphor is able to get bound by the matrix subject (35)—(36).

- (35) *badmə ör-in-gö hamg-ijə zurəg zur-a gʒžə mʒd-ʒ*
 Badma self-GEN-REFL wife-ACC picture paint-PST1 COMP know-PST1
 ‘Badma_i found out that his_i wife painted the picture.’
- (36) *badma örin-gö hamg-ijə nom unš-a gʒžə xar-a*
 Badma self-GEN-REFL wife-ACC book read-PST1 COMP see-PST1
 ‘Badma_i saw that his_i wife was reading a book.’

These binding facts can be explained if accusative subjects raise into the matrix clause. After the raising the local domain where the possessive anaphor must be bound becomes a matrix Tense Phrase (henceforth, TP), where the anaphor can be bound by the matrix subject.

Further evidence for the ability of accusative subjects to undergo raising comes from scrambling. While accusative subjects can be scrambled to the left periphery of the matrix clause, nominative subjects cannot. Sentences in (37)—(40) show that accusative subjects of CPs can scramble into the matrix clause, while nominative subjects cannot.

- (37) *sajəna badm-ijə tɜrgə ʒmdəl-ʒ gʒʒə mʒdə-nə*
Sajana **Badma-ACC** cart break-PST1 COMP know-PRS
'Sajana knows that Badma broke a cart.'
- (38) *badm-ijə_i sajəna t_i tɜrgə ʒmdəl-ʒ gʒʒə mʒdə-nə*
Badma-ACC Sajana cart break-PST1 COMP know-PRS
'Sajana knows that Badma broke a cart.'
- (39) *sajəna badmə tɜrgə ʒmdəl-ʒ gʒʒə mʒdə-nə*
Sajana **Badma.NOM** cart break-PST1 COMP know-PRS
'Sajana knows that Badma broke a cart.'
- (40) **badmə_i sajəna t_i tɜrgə ʒmdəl-ʒ gʒʒə mʒdə-nə*
Badma.NOM Sajana cart break-PST1 COMP know-PRS
Expected: 'Sajana knows that Badma broke a cart.'

Other arguments for the raising of accusative subjects involve adverb placement and NPI licensing (see [Bondarenko 2016] for discussion). Note that the observed facts on their own do not necessarily argue for the obligatory raising analysis (proposed in [Postal 1974; Kuno 1976; Tanaka 1992; Kawai 2006; Yoon 2007] among others), but they do show that accusative subjects can become part of the matrix clause and participate in clause-mate relations with matrix elements. This suggests that the precondition for the raising analysis of (16) is satisfied: since accusative subjects can generally raise into the matrix clause, it is plausible that in (16) the former subject of the embedded clause underwent raising and became the direct object of the matrix clause, gaining the ability to undergo further promotion.

4. Passivization of matrix predicates that take ECM-clauses

In the previous sections I have shown that Barguzin Buryat has no genuine long-distance passivization and that accusative subjects are in principle able to raise into the matrix. This leaves two possible structures for sentences like (16), repeated here as (41): a structure involving raising (42) or a structure involving control (43). In what follows I am going to argue that both structures are present in Barguzin Buryat and that they can be distinguished by the presence / absence of agreement on the embedded predicate.

- (41) *bi badm-ar sajəni-ijə zurə-xə-(b) gʒʒə xʒlə-gd-ʒ-b*
1SG.NOM Badma-**INSTR** Sajana-**ACC** draw-POT-(**1SG**) COMP say-PASS-PST1-**1SG**
Lit.: 'I was said by Badma that (I) will draw Sajana.'
- (42) The raising analysis of (41) (= 16):
Sub_i.NOM Sub**INSTR** **Sub_i.ACC**-[**CP** **Sub_i.ACC** DO V_e COMP] V_m-PASS
- (43) The control analysis of (41) (= 16):
Sub_i.NOM Sub**INSTR** [**CP** **PRO_i** DO V_e COMP] V_m-PASS

First person agreement on predicates of embedded CPs appears due to the process of indexical shifting and signals that the subject of a CP is coreferent with the matrix subject [Podobryaev, ms]:

- (44) *sajəna (bi) tɜrgə ʒmdəl-ʒ-b gʒʒə mʒd-ʒ*
Sajana.NOM (**1SG.NOM**) cart break-PST1-**1SG** COMP know-PST1
*‘Sajana knows that I (= the speaker) broke the cart.’
OK^c‘Sajana_i found out that she_i broke the cart.’

Crucially, accusative subjects do not undergo indexical shifting and cannot agree with the embedded predicate:

- (45) *sajəna namejə tɜrgə ʒmdəl-ʒ-(b) gʒʒə mʒd-ʒ*
Sajana.NOM **1SG.ACC** cart break-PST1-(**1SG**) COMP know-PST1
OK^c‘Sajana knows that I (= the speaker) broke the cart.’
*‘Sajana_i found out that she_i broke the cart.’

Following previous research on indexical shifting ([Anand, Nevins 2004; Sudo 2012; Podobryaev 2014; Shklovsky, Sudo 2014] among others), I assume that there is a monster operator in CPs, denoted as “ ω ”, that shifts the interpretation of indexicals in its c-commanding domain. Accusative subjects obligatorily move to the left periphery of their embedded clause to a position above the operator (see [Bondarenko 2016]) for an exten-

sive discussion of the nature of this movement), and thus, cannot receive a shifted interpretation (46). Having moved higher than the tensed verb (presumably, higher than the TP), they do not exhibit agreement with the embedded predicate. Nominative subjects, on the other hand, do not undergo movement to the left periphery and remain in the c-commanding domain of the monster operator (47). Hence, they receive shifted interpretation and show obligatory agreement with the embedded verb.

(46) Sub_m [CP Sub_{ACC} [... \bar{Q} ... [Sub_{ACC} DO_e V_e]]] V_m

(47) Sub_m [CP [... \bar{Q} ... [Sub_{NOM} DO_e V_e]]] V_m

Taking into the consideration the agreement phenomena discussed above, we can now see how the two analyses of (41) can be set apart. Under the raising analysis of (41) we would expect the embedded predicate not to show agreement with the subject: if the surface matrix subject has moved to its position from the embedded clause where it had been an accusative subject, then it should not show agreement with the embedded verb, just like all accusative subjects do not agree with their embedded verbs (45). Under the control analysis of (41) we would expect the embedded predicate to show agreement: if the embedded clause contains a PRO subject in its normal subject position (presumably, in the specifier of TP) that is bound by the matrix subject, it should trigger agreement with the embedded verb just like nominative subjects that are coreferent to matrix subjects do. In other words, the presence of agreement on embedded predicates in sentences like (41) indicates that the derivation involving control (43) is at hand, while the absence of agreement shows that the derivation included raising of an accusative subject into the matrix clause followed by its further promotion (42).

Additional support for this suggestion comes from idiomatic expressions. Accusative subjects of CPs (just like nominative ones) can constitute idiomatic expressions with embedded predicates. In (48) a sentence with an idiomatic expression ‘one’s heart goes out of his mouth’ (‘be greatly frightened’) is presented. The example in (49) shows that both nominative and accusative subjects allow the idiomatic interpretation with the embedded predicate.

(48) *badm-in zürxən am-ar-a garə-nə*
Badma-GEN heart.NOM mouth-INSTR-REFL go.out-PRS
‘Badma gets greatly frightened.’ (lit.: ‘Badma’s heart goes out of his mouth.’)

(49) *sajənə badm-in zürxən / zürx-ijə am-ar-a gar-a gžə xar-a*
Sajana Badma-GEN heart-NOM / heart-ACC mouth-INSTR-REFL go.out-PST1 COMP see-PST1
1) Literal: ^{OK}‘Sajana saw, that Badma’s heart went out of the mouth.’
2) Idiomatic: ^{OK}‘Sajana saw that Badma got greatly frightened.’

The availability of the idiomatic interpretation in (49) suggests that accusative subjects of CPs originate in embedded clauses. The same diagnostic can help us determine whether subjects of structures like (41) originate in embedded clauses (as accusative subjects) or are base-generated in matrix clauses. The sentences in (50)—(51) provide the relevant contrast between the presence and the absence of agreement on the embedded predicate:

(50) *badm-in zürxən sajən-ar am-ar-a gar-a gžə mzdə-gd-ə*
Badma-GEN heart.NOM Sajana-INSTR mouth-INSTR-REFL go.out-PST1 COMP know-PASS-PST1
Idiomatic: ‘Sajana saw that Badma got greatly frightened.’ (lit. ‘Badma’s heart was known by Sajana that (it) went out of his mouth.’)

(51) **badm-in zürxən sajən-ar am-ar-a gar-a-b gžə mzdə-gd-ə*
Badma-GEN heart.NOM Sajana-INSTR mouth-INSTR-REFL go.out-PST1-1SG COMP know-PASS-PST1
Expected idiomatic interpretation: ‘Sajana saw that Badma got greatly frightened.’ (lit. ‘Badma’s heart was known by Sajana that (it) went out of his mouth.’)

We see that the presence of agreement in (51) leads to ungrammaticality: in a control structure the surface subject is base-generated and cannot form an idiom with an embedded verb, in contrast to the raising structure, where the idiomatic interpretation is possible (50). This corroborates our hypothesis: when the matrix subject of a passivized verb is generated inside the embedded clause and goes through a stage in the derivation when it is an accusative subject, there is no agreement on the embedded verb. When, however, the agreement is present, the matrix subject is base-generated, and the embedded CP involves a controlled null subject.

5. Passivization of matrix predicates that take nominalizations

Another interesting question concerns passivization of matrix predicates that take nominalizations as their complements ((52)—(53)): do the resulting sentences involve control or raising? We can see that accusative subjects of nominalizations can trigger nominal possessive agreement with the embedded predicate:

- (52) *badmə namejə sajən-ijə zurə-x-ijə-mni* / **zurə-x-a x3lə-3*
 Badma 1SG.ACC Sajana-ACC draw-POT-ACC-1SG / draw-POT-REFL say-PST1
 ‘Badma said that I would draw Sajana.’
- (53) *bi badm-ar sajən-ijə zurə-x-ijə-mni* / *zurə-x-a x3lə-gd-3-b*
 1SG.NOM Badma-INSTR Sajana-ACC draw-POT-ACC-1SG / draw-POT-REFL say-PASS-PST1-1SG
 ‘Badma said that I would draw Sajana.’ (lit.: ‘I was said by Badma that (I) will draw Sajana.’)

When the matrix verb is passivized, as in (53), the availability of possessive agreement on nominalization is retained. But in this configuration nominalizations can also show up with the reflexive marking which usually marks coreference between matrix and embedded subjects. The question then is as follows do possessive marking vs. reflexive marking on the nominalization in (53) correspond to different syntactic structures, one involving raising and the other — control? I leave this issue for the further research.

6. Conclusions

In this paper I have discussed sentences involving passivization of matrix predicates that can take ECM-clauses (16 = 41). I have argued that such sentences cannot result from long-distance passivization, since all the apparent instances of long-distance passivization are in fact instances of voice restructuring (a process by which certain matrix verbs select a reduced embedded clause with a deficient functional domain); and verbs that take ECM-clauses never form a single clause with an embedded verb. I have also shown that accusative subjects in Barguzin Buryat are able to undergo raising into the matrix clause (based on the evidence from scrambling and possessive anaphor binding), and the precondition for the raising analysis of (16)=(41) is thus satisfied. Furthermore, I have argued that both raising and control structures are possible for (16)=(41) and that they can be distinguished by the presence of agreement on the embedded verb: the presence of agreement indicates the control structure, while its absence points to the derivation involving raising. Thus, agreement on embedded predicates can serve as a diagnostic distinguishing between raising and control environments in languages that have indexical shifting.

There are several other issues that require further investigation with respect to the passivization of matrix verbs that take ECM-clauses. One question that arises concerns the existence of improper movement [Fukui 1993]. It is not obvious how accusative subjects can become subjects of passivized matrix verbs if their movement into the matrix clause is an instance of scrambling (as argued for Barguzin Buryat in [Bondarenko 2016]), which is A'-movement in Barguzin Buryat. The passivization (A-movement) cannot follow scrambling (A'-movement) because of the ban on improper movement [Fukui 1993]. A possible solution to this problem might be to assume that a single position can simultaneously have both A- and A'-properties [Wurmbrand 2016]. This was in fact claimed for Dinka: in [Urk 2015] it is argued that A- and A'-properties are derived not from syntactic positions, but from the properties of the head's features.

My analysis of Barguzin Buryat sentences like (16)=(41) suggests that both raising from finite CPs and control into finite CPs are among possible syntactic structures that human languages are in principle able to derive. The fact that languages like English do not allow such structures and show raising and control phenomena only in sentences with non-finite clauses poses an interesting challenge to the typology of raising and control environments: why do some languages but not others allow finite raising and finite control? What properties does a language need to have in order to have such structures? I leave these questions open for now.

Abbreviations

☹ — monster operator	INSTR — instrumental	PST2 — past tense 2
1, 2 — first, second person	m — matrix	Q — question particle
ACC — accusative	NOM — nominative	REFL — reflexive
COMP — complementizer	PASS — passive	self — reflexive pronoun
CONV — converb	PFCT — perfect	SG — singular
CP — complementizer phrase	PL — plural	Sub — subject
DAT — dative	POT — potential	t — trace
DO — direct object	PRO — null obligatory control pronoun	TP — tense phrase
e — embedded	PRS — present tense	V — verb
ECM — exceptional case marking	PST1 — past tense 1	VoiceP — Voice Phrase
GEN — genitive		

References

- Anand, Nevins 2004 — *Anand P., Nevins A.* Shifty operators in changing contexts // *Proceedings from Semantics and Linguistic Theory XIV* / Ed. *R. Young*. Ithaca, N.Y.: Cornell University, CLC Publications. 2004. P. 20—37.
- Baker, Vinokurova 2010 — *Baker M., Vinokurova N.* Two modalities of case assignment: Case in Sakha // *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 28. 2010. P. 593—642.
- Bondarenko 2016 — *Bondarenko T.* ECM in Buryat and the optionality of movement // To appear in *Proceedings from the 12th Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL 12)*, CCSU, New Britain, CT. 2016.
- Bruening 2001 — *Bruening B.* Raising to Object and Proper Movement. unpublished ms., University of Delaware. 2001.
- Fukui 1993 — *Fukui N.* A note on improper movement // *The Linguistic Review*. Vol. 10. 1993. P. 111—126.
- Heusinger et al. 2011 — *Heusinger K. von, Klein U., Guntsetseg D.* The case of accusative embedded subjects in Mongolian // *Lingua*. Vol. 1 (121). 2011.
- Hoji 1991 — *Hoji H.* Raising-to-object, ECM, and the major object in Japanese. Paper presented at the Japanese Syntax Workshop. University of Rochester. 1991.
- Kawai 2006 — *Kawai M.* Raising to object in Japanese: A small clause analysis // *Linguistic Inquiry*. Vol. 37. 2006. P. 329—339.
- Knyazev 2009 — *Knyazev M.* Participial sentential complements in Kalmyk // *Issledovaniya po grammatike kalmuckogo yazyka* [Studies of the Kalmyk grammar]. Ed. *N. N. Kazansky*. Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. St. Petersburg: Nauka. Vol. 5. Part 2. 2009. P.525—581.
- Kornfilt 1977 — *Kornfilt J.* A note on subject raising. // *Linguistic Inquiry*. Vol. 8. 1977. P. 736—742.
- Kuno 1976 — *Kuno S.* Subject Raising. // *Syntax and Semantics: Japanese Generative Grammar* / Ed. *M. Shibatani*. Academic Press. 1976. P. 17—41.
- Matić, Pakendorf 2013 — *Matić D., Pakendorf B.* Non-canonical SAY in Siberia: Areal and Genealogical Patterns // *Studies in Language*. 2013. Vol. 37 (2). P. 356—412.
- Podobryaev 2014 — *Podobryaev A.* Persons, Imposters, and Monsters // Doctoral dissertation, MIT, Cambridge, MA. 2014.
- Podobryaev, ms. — *Podobryaev A.* Indexical Shifting in Buryat, manuscript.
- Postal 1974 — *Postal P. M.* On raising: One rule of English grammar and its theoretical implications // MIT, Cambridge, MA. 1974.
- Saito, Hoshi 1998 — *Saito M., Hoshi H.* Control in complex predicates // Report of the special research project for the typological investigation of languages and cultures of the East and West, 15—46: University of Tsukuba. 1998.
- Şener 2008 — *Şener S.* Non-canonical Case Licensing is Canonical: Accusative subjects of CPs in Turkish. Unpublished ms., University of Connecticut. 2008.
- Serdobolskaya 2006 — *Serdobolskaya N.* Accusative Subjects in Tuvian nominalizations: against Subject-to-Object Raising analysis. // Paper presented at the 3rd Workshop on Altaic Formal Linguistics, Moscow State University. 2006.
- Shklovsky, Sudo 2014 — *Shklovsky K., Sudo Y.* The syntax of monsters // *Linguistic Inquiry*. Vol. 45 (3). 2014. P. 381—402.
- Skribnik, Darzhaeva 2016 — *Skribnik E. K., Darzhaeva N. B.* Grammar of the Buryat language. Syntax of the compound (polypredicative) sentence. Ulan-Ude: Publishing House of BSC SB RAS. Vol. 1. 2016.
- Sudo 2012 — *Sudo Y.* On the semantics of phi features on pronouns // MIT, Cambridge, MA. 2012.
- Takeuchi 2010 — *Takeuchi H.* Exceptional case marking in Japanese and optional feature transmission // *Nanzan Linguistics*. 2010. Vol. 6. P. 101—128.
- Tanaka 1992 — *Tanaka H.* Raising-to-object in English, French and Japanese // *English Linguistics*. Vol. 9. 1992. P. 39—60.
- Ulanova 1980 — *Ulanova A.* K probleme funkcij glagola gex v sovremennom mongolskom yazyke [On the problem of functions of the verb ‘gex’ in Modern Mongolian] // *Analiticheskiye sredstva svyazi v polipredikativnykh konstrukciyax*. Siberian branch of AS USSR, Institute of history, philology and philosophy. Novosibirsk, 1980. P. 91—102.
- Urk 2015 — *van Urk C.* A uniform syntax for phrasal movement: A Dinka Bor case study // MIT Dissertation on the syntax of phrasal movement and Dinka. 2015.
- Williams 2003 — *Williams E.* Representation theory. Cambridge, MA: MIT Press. 2003.
- Wurmbrand 2001 — *Wurmbrand S.* Infinitives: Restructuring and clause structure. Mouton de Gruyter. 2001.
- Wurmbrand 2015 — *Wurmbrand S.* Complex predicate formation via voice incorporation // *Approaches to complex predicates* / Ed. *Léa Nash, Pollet Samvelian*. Leiden: Brill. 2015. P. 248—290.
- Wurmbrand 2016 — *Wurmbrand S.* Restructuring as the Regulator of Clause Size. Talk given at the Workshop on Shrinking Trees, Universität Leipzig Institut für Linguistik, Leipzig, Germany. 2016.

Yoon 2007 — *Yoon J. H.* Raising of major arguments in Korean (and Japanese) // *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 25, Issue 3. 2007. P. 615—653.

Zidani-Eroğlu 1997 — *Zidani-Eroğlu L.* Exceptionally case-marked NPs as matrix objects. // *Linguistic Inquiry*. Vol. 28, 1997. P. 219—230.

SUMMARY

This paper discusses sentences involving passivization of matrix predicates that take finite CPs with accusative subjects in Buryat. It examines several potential derivations of such sentences, including long-distance passivization, raising and control structures. I argue that long-distance movement in Buryat is limited to restructuring verbs that do not take ECM-clauses. Therefore, the long-distance passivization analysis is excluded for the predicates under consideration. Two other potential derivations — the raising structure and the control structure are both attested in Buryat and can be distinguished by different agreement patterns on embedded verbs.

РЕЗЮМЕ

В данной статье рассматривается феномен пассивизации матричных глаголов, которые присоединяют финитные клаузы с аккузативными подлежащими, в бурятском языке. Рассматриваются несколько потенциально возможных дериваций таких предложений: длиннодистантная пассивизация, структуры с подъёмом и с контролем. В статье утверждается, что длиннодистантное передвижение в бурятском языке встречается только с такими матричными глаголами, которые образуют сложный предикат со своим комплементом и не могут присоединять клаузы с аккузативными подлежащими. Таким образом, анализ с длиннодистантной пассивизацией для рассматриваемых глаголов оказывается невозможным. Две другие потенциально возможные деривации — деривация с подъёмом и деривация с контролем — обе существуют в бурятском языке и могут быть идентифицированы с помощью наличия согласования между подлежащим и предикатом зависимой клаузы.

Ключевые слова: пассивизация матричных предикатов, бурятский язык, аккузативные подлежащие, подъём, контроль

Keywords: matrix passivization, ECM, Buryat, accusative subjects, raising, control

Татьяна Игоревна Бондаренко, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; t.i.bond@yandex.ru
Tatiana I. Bondarenko, Lomonosov Moscow State University; t.i.bond@yandex.ru

Еще раз об истории показателей лично-числового спряжения в тюркских языках¹

0.0. Как показывает история сравнительно-исторического языкознания, реконструкция морфологических систем обычно строится на выяснении отношений между парадигматическими классами лексем внутри этих систем. Поскольку отсутствие парадигматических классов является едва ли не важнейшей характеристикой агглютинативных языков, отличающей их от флективных², то почти общепринято считать, что в агглютинативных языках не бывает внутрипарадигменных процессов. В результате при реконструкции процессам парадигматической унификации уделяется чрезвычайно мало внимания.

Оказывается, однако, что парадигматические унификации все-таки находят себе область действия в агглютинативных языках. Это не только такие лежащие на поверхности вещи, как фузионные явления. В определенном смысле аналогами парадигматических классов являются словоизменительные типы, определенные не лексически, а морфологически.

0.1. Ранее [Дыбо 2006, Дыбо 2011] мы продемонстрировали основанные на анализе межпарадигменных взаимодействий опыты реконструкции системы аффиксов сказуемости для праогузского состояния и реконструкции системы трех типов склонения в праогузском и пратюркском³. Ниже рассматриваются парадигматические процессы, определившие облик современных систем спряжения в тюркских языках.

1.0. Для пратюркского языкового состояния периода распада восстанавливаются две серии личных показателей глагольных форм, распределенных морфологически. Одна серия совпадала бы с посессивными аффиксами, если бы не окончание 1P1 *-k*, не слишком хорошо объяснимое внутритюркскими развитиями (см. [Щербак 1981: 34]) и засвидетельствованное с Махмуда Кашгарского (по-видимому, как огузский и кыпчакский диалектизм, см. [Насилов 2009]); окончание не находит себе алтайских, но находит ностратические параллели (ср. одно из окончаний 1 лица в уральских языках и **g'* в составе прямой формы местоимения 1Sg в праиндоевропейском **eg'oHm*). Вторая серия — это попросту постпозитивно

¹ Работа велась по проектам РНФ № 15-18-00044 «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира. Создание описаний алтайских и уральских языков России, находящихся на грани исчезновения» (сбор и осмысление данных тофаларского, тубаларского и чулымско-тюркского языков) и РГНФ № 15-04-00370 «Разработка анкет для сбора материалов к интегральному описанию миноритарных тюркских языков и диалектов России».

² Конечно, кумуляция, обычно указываемая в качестве главного признака флективных языков, для этой роли подходит куда меньше. Фактически лишь не-кумулятивное выражение числа и падежа в словоизменении имени существенно отличает модельно агглютинативные тюркские языки от, допустим, индоевропейских. Ср., однако, кумуляцию граммем принадлежности и определенности в тюркском именном словоизменении или кумуляцию граммем времени и вида в тюркском глагольном словоизменении.

³ Проблеме аналогических развитий в тюркском словоизменении посвящена, в частности, теоретически значимая статья [Schönig 1995]. К сожалению, К. Шёниг в этой работе не ставит реконструктивных задач, а пытается вывести имеющиеся в современных языках парадигмы из древнетюркского состояния (заведомо не идентичного пратюркскому), что в ряде случаев приводит к ошибочным решениям, ср., например, малоправдоподобное объяснение развития огузских и чувашских падежных форм со вставным *-j-* палатализацией вставного *-n-* или аналогией с формами аориста со вставным *-j-*. Обычно это связано с невниманием к связи выбора формы окончания с типом основы, т. е. к явлениям, аналогичным флективным парадигматическим классам. Например, чувашский вставной *j* очевидным образом не имеет никакого отношения к огузскому. Дело в том, что чувашский вставной *j* строго связан с основами на *-i* (см. [Левитская 1976: 17]): но этот конец основы в чувашском восходит к стяжению *-vj, əj* [СИГТЯ 2002: 708], так что проявляющийся в интервокальной позиции *-j-* здесь представляет собой просто сохранение старого согласного в интервокальной позиции. В огузском же вставной *-j-* в склонении употребляется при любом вокалическом завершении основы; кроме того, он не может быть рефлексом палатализованного *-n-*, поскольку в разных огузских диалектах мы видим разные варианты распределения вставного *-n-* и *-j-* по падежным формам (Gen, Acc *-n-*, Dat *-j-*; Gen *-n-*, Acc, Dat *-j-*, Gen, Acc, Dat *-j-* [СИГТЯ 2002: 134—144], что убеждает в нефонетической природе явления. Замечательным образом, уже опубликовав свою статью [Дыбо 2006], явившуюся переработкой раздела в [СИГТЯ 2002], автор настоящей работы обнаружил малоизвестную статью Г. Дёрфера [Doerfer 1991], вышедшую в малотиражном сборнике, где ученый, основываясь на немного другом наборе диалектных огузских материалов, реконструировал ход развития современных систем аффиксов сказуемости в огузских языках и в ключевых точках принимал те же решения, касающиеся направления парадигматических унификаций, к которым мы позже пришли в своем разделе. Эта находка укрепила нас в убеждении относительно правильности выбранного метода исследования.

расположенные личные местоимения в номинативе (по-видимому, еще клитики, а не аффиксы, в руническом тюркском, ср. также современный тувинский).

Первая серия (собственно глагольная) употребляется первоначально с формами глагола, для которых не устанавливается именное (причастное) происхождение: претерит на *-d*⁴, условное наклонение. Вторая серия в целом совпадает с лично-числовыми аффиксами при именном сказуемом и употребляется изначально с формами глагола, восходящими к причастиям и деепричастиям. Итак, для **позднепратюркского состояния** имеем две серии показателей:

*1-я серия ⁵	Sg	Pl	*2-я серия	Sg	Pl
1	<i>-Um</i> ⁶	<i>-Uq/k</i>	1	<i>-bän</i>	<i>-biz</i>
2	<i>-Uŋ</i>	<i>-UŋIz</i>	2	<i>-sän</i>	<i>-siz</i>
3	<i>-I</i>	<i>-I(lAr)</i>	3	<i>-(ol)</i>	<i>-(onlar)</i>

1.1. Первая серия оказалась весьма устойчивой, и изменения, которые происходят в ней в части языков, легко объяснимы. Во-первых, застывший показатель множественности *-Iz* в этой парадигме не поддерживается формой 1PI и начинает заменяться на *-lar* (локальная связная изоглосса: северо-восточные тюркские языки, ново-уйгурский, узбекские диалекты; киргизский, казахский, каракалпакский. В новоуйгурском, киргизском, казахском, каракалпакском форма на *-ŋIz* используется как вежливая 2Sg, а новая форма на *-ŋ-lar* (каз. *-ндар*) как простое множественное. Форма *-ŋ-lar* отмечена также для чагатайского [ЯМ 1997: 157], правда, неясно, для каких именно памятников; не в Бабур-намэ — см. [Благова 1994: 329—330]. См. схему 1. Во-вторых, единственный аффикс, отличающий эту парадигму от посессивной, 1PI, заменяется на аффикс из посессивной парадигмы (*-UmIz*). Этот процесс, вообще говоря, выглядит как сохранение архаизма, поскольку он по видимости захватывает периферию тюркского мира, не связанную внутри себя специфическим родством: древнетюркский (рунический, древнеуйгурский, караханидско-тюркский; возможно, из караханидско-тюркской традиции этот же аффикс попадает в хорезмско-тюркскую, где «выступает довольно редко» [Щербак 1962: 176]⁷; чувашский; якутский; языки саянской и кыргызской групп, ср. тувинский:

	Sg	Pl
1	<i>-Im</i>	<i>-IvIs</i>
2	<i>-Iŋ</i>	<i>-IŋAr</i>
3	<i>-I</i>	<i>-IlAr</i>

Обычно его именно таким образом и трактуют, но приемлемого источника инновации для *-Uk* пока, как уже было сказано, обнаружить не удается. Сама же замена на посессивный аффикс — довольно простое явление (особенно учитывая, что глаголы в именных формах могут принимать посессивные аффиксы, становясь сказуемыми вторичных предикаций) и может быть в принципе интерпретировано как независимо возникшее в разных языках. Процесс замены *-Iz* на *-lar* в аффиксе 2PI в северо-восточных языках должен был предшествовать этой замене, потому что после нее формант *-Iz* получил бы системную поддержку от аффикса 1PI *-mIz*, ср.:

⁴ Единственный действительно весомый аргумент в пользу именного (причастного) характера формы на *-DI* рассматривается в [Erdal 2004: 238]: “in MaitH XI 15r4 we find 422 the phrase *savlarag (y)arutdumuz tamdurtumuz ücün* by the editors translated as ‘Weil wir die Worte ... erhellten (Hend.)(?)’. Here, two *-d + XmXz* forms are governed by a postposition and must therefore be nominal (as *yarot-dok-umuz* would be). While, therefore, there appears not to have been any derivate with a /d/, there may have been a participle with this consonant in inflectional morphology, if this single example (giving us two forms) is not an error”.

⁵ Позднепратюркский облик посессивных окончаний:

	Sg	Pl
1	*-m, *-Um	*-mIz, *-UmIz
2	*-ŋ, *-Uŋ;	*-ŋIz, *-UŋIz,
3	*-sI, *-I	*-sI, *-I, *-larI

⁶ Мы реконструируем двухвариантную огубленную гласную морфему для показателей 1 и 2 лиц в отличие от неогубленной гласной морфемы в показателе 3 лица, основываясь а) на их поведении в чувашском языке: перед показателем 3 лица зубные согласные в чувашском палатализуются, в остальных случаях нет (см. [СИГТЯ 2002: 710]), б) на рефлексах в староосманском, см. [Adamović 1985]

⁷ Кроме того, такое окончание отмечено для ташкентского говора узбекского языка: *berdimiz/berduq* [Поливанов 1923: 66]. Влияние хорезмской традиции? Независимое развитие? Иначе, по-видимому, следует трактовать данные из арабо-кыпчакского памятника Словарь Аби Хайяна: *biz qajdasa kätmädibiz* ‘мы никуда не ходили’; *sän nä jedi sän* ‘ты что поел?’, т. е. в этом памятнике претерит на *-di* получает показатели 2-й серии? См. [Наджип 1975: 44].

	Sg	Pl	но не	***	Sg	Pl
1	*-m,	*-k,		1	*-m,	*-m(-)Iz
2	*-ŋ,	*-ŋIz,		2	*-ŋ,	*-ŋ(-)Iz
3	*-sI,	*-larI		3		

Примечание 1. Материал современных языков и памятников дает довольно запутанную картину по совпадениям и различиям показателей 1Pl в посессивной парадигме, глагольной серии 1 и глагольной серии 2. В Таблице 1 дан относительно полный материал по этим показателям с дополнительными сведениями о поведении личных местоимений 1 лица, а также других аффиксов и клитик с заведомым начальным *-m. См. [СИГТЯ 2002; ДХЯ 1973; Баскаков 1966; Баскаков 1972; Баскаков 1975; Токмашев 2008].

Из этой таблицы можно сделать следующие выводы:

1. Форма местоимения 1Sg в прямом падеже обусловлена, по-видимому, во всех случаях фонетическими закономерностями назализации начального *b* в закрытом слоге, оканчивающемся на носовой согласный, в каждом языке / группе языков, см. [СИГТЯ 2006: 149].

2. Показатель посессивности и предикатный показатель 2-й серии различаются начальными согласными (предикативный восходит к **b*, а посессивный к **m*) в чувашском, древнеуйгурском, праогузском, возможно, кумандинском языках. Различение согласуется с общим представлением о том, что показатель 2-й серии — это личное местоимение, а система посессивных показателей имеет иное происхождение, и посессивный показатель 1Pl образован от посессивного показателя 1Sg с помощью аффикса *-Iʀ (что верно и для посессивных показателей 2 лица). В остальных языках, по-видимому, облик этих показателей унифицирован; в карлукской группе (вероятно, включая халаджский и караханидский — а также данные средневековых письменных памятников Средней Азии) и в ногайской группе кыпчакских языков — в пользу посессивного показателя (на *-mIz*); в прочих языках — в пользу клитического личного местоимения (на *-bIz*), причем если для кыпчакских языков унификация на *-b* — чисто морфологический процесс (прочие аффиксы на **-m-* сохраняют носовой характер морфемы, выступающей в виде *m* по крайней мере в сильной позиции — после гласной), то для Северо-Востока возможны и собственно морфонологические (так сказать, фонетические) развития на морфемных границах (некоторые, или все, аффиксы на **-m-* получают морфему *-B-*, которая дает *m* только в позиции после носовой согласной, а в интервокале дает *b* или *v*). «Фонетическим» развитие выглядит в языках тувинско-тофаларской и хакасско-шорской группы и северно-алтайских диалектах; в южно-алтайских и в якутском — скорее, следы того, как морфологическая унификация аффиксов 1Pl запустила процесс деназализации начального *-*m-* в аффиксах.

3. Во всех случаях, когда посессивный показатель и показатель второй серии различаются, а в первой серии **-k* заменено на **Cзубн.Iʀ*, показатель 1-й серии совпадает с посессивным, а не с показателем 2-й серии, что подтверждает его происхождение от первого, а не от второго.

2.0. В якутском и чувашском языках далее прошли следующие, явно обособленные друг от друга, процессы:

2.1. Чувашский (см. [СИГТЯ 2002: 713—714; Левитская 1976: 343]):

1-я серия	Sg	Pl	2-я серия	Sg	Pl
1	-ьт	-ьтър	1	-ьр	-ьрър
2	-ьп	-ьр	2	-ьп	-(h)ьр
3	-'ə	—	3	-ə	—

Архаичная (козьмодемьянская) система 2-й серии:

1	-(ь)р	-(ь)рър
2	-(ь)с	-(ь)сър

То есть в истории диалектной системы чувашского языка в большинстве, но не во всех диалектах, окончания 2 лица 2-й серии заменились на окончания 2 лица 1-й серии.

2.2. Якутский

1-я серия	Sg	Pl	2-я серия	Sg	Pl
1	-(ы)м	-(ы)быт	1	-бын	-быт
2	-(ы)һ	-(ы)һыт	2	-һын	-һыт
3	—	-лар	3	—	-лар

Здесь просматривается последовательное действие двух процессов: а) показатель 2Pl 1-й серии заменил собой показатель 2Pl 2-й серии; б) показатели единственного числа второй серии «срифмовались»

Таблица 1

Язык	Посессивность 1Sg / сказуемость-1 1Sg	Сказуемость-2 1Sg	Местоимение 1Sg	Посессивность 1Pl	Сказуемость-1 1Pl	Сказуемость-2 1Pl	Местоимение 1Pl	Отрицание	Perf *-mIš	NAct *-mAK	Вопр. частица -*mO
Чувашский	-(I)m	-(I)p	εBə	-(I)mIṛ	-mIṛ	-pIṛ	εBər	-mA	?-mIš	?-mAK	-Im
Якутский	-(I)m	-Blṇ	min	-Blt	-Blt	-Blt	bihigi	-MA/-BA- (в составе кумулятивных аффиксов)	-Blt	-MAx	—
Тувинский	-(I)m	men	men	-(I)vIs	-vIs	bis	bis	-BA	-BIš ⁽¹⁾ -	?-BAk	be
Тофаларский	-(I)m	men	men	-(I)BIš	-BIš	bis	bis	-BA	-BIš-	-mAK	be
Рунический	-(I)m	men	ben, men	-(I)mIz	-mIz	biz, miz	biz	-mA	-mIš (+ ым)	-mAK	mU
Др-уйгурский	-(I)m	men	men	-(I)mIz	-mIz	biz	biz	-mA	-mIš	-mAK	mU
Караханидский ⁽²⁾	-(I)m	men	men	-(I)mIz	-mIz	miz	biz	-mA	-mIš	-mAK	mU
Огузские	*-(I)m	*-ven	*ben	*-(I)mIz	*-K	*-vIz	*biz	*-mA	*-mIš	*-mAK	*mU
Саларский ⁽³⁾	-(I)m	—	men	-(I)m, -(I)mIz	—	—	biz, Piser	-mA	-mIš	-mAK	mU
Халаджский	-(U)m	-(U)m	men	-(U)mIz	-K	-K, -miz	biz	-mA	-miš	-mAK	?
Уйгурский	-(i)m	-män	män	-(i)miz	-(U)K	-miz	biz, bizlär	-mA	-miš	-mAK	mu, ma
Узбекский	-(i)m	-man	men	-(i)miz, Ташкент -(u)wuz	-K, Ташкент -miz	-miz	biz, bizär	-mA	-miš	-mAK	ma
Хакасско-шорский	-(I)m	*-PIṇ	*men	*-(I)bIs	*-PIš	*-PIš	*bis	*-PA	—	-PAK	-PA
Сарыг-югурский ⁽⁴⁾	—	—	men	—	—	—	miz	-MA	—	—	-m
Алтай-кижи	-(I)m	-(I)m, -mIṇ	men	-(I)bIs	-PIš, -K	-PIš	bis	-bA	-MVš	-mAK	bA
Теленгитский	-(I)m	-(I)m, -mIṇ	men	-Is	-Is, -K	-Is	bis	—	—	—	bA
Телеутский	-(I)m	-(I)m, -mIṇ	men	-(I)bIs	-K	-K, -PIš	pis	-bA	—	-mAK	PA

Язык	Посессивность 1Sg / сказуемость-1 1Sg	Сказуемость-2 1Sg	Местоимение 1Sg	Посессивность 1Pl	Сказуемость-1 1Pl	Сказуемость-2 1Pl	Местоимение 1Pl	Отрицание	Perf *-mIš	NAct *-mAK	Вопр. частица -*mO
Туба	-(I)m	-(I)m, men (Subst)	men	-Is	-Is	-Is	pis	-BA	—	—	PA
Чалканский	-(I)m	-(I)m, ben (Subst)	men	-(I)vIs	-vIs	vis	pis	-BA	—	-BAK	Pe
Кумандинский	-(I)m	-(I)m, -bIn	men	-(I)m/ bIs	-vIs	-vIs	bis	-BA	—	-PAK	mI
Киргизский	-(I)m	-(I)m, -mIn	men	-(I)bIz	-K	-bIz	biz	-mA	-mIš	-mAK	(mI)
Башкирский	-(I)m	-(I)m, -mIn	min	-(I)bIð	-K	-bIð	bəð	-mA	-mIš	-mAK	mI
Татарский	-(I)m	-(I)m, -mIn	min	-(I)bIz	-K	-bIz	bəz	-mA	-mIš	-mAK	mI
Караимский галицкий	-(I)m	-mAn	men	(I)mIz	-K	-bIz	biz	-mA	-mIš	-mAK	mo
Караимский тракайский	-(I)m	-(I)m, -mIn	min	-(I)bIz	-K	-bIz	bəz	-mA	-mIš	-mAK	ma
Кумыкский	-(I)m	-mAn	men	-(I)bIz	-K	-bIz	biz	-mA	-mIš	-mAK	ma
Кбалк.	-(I)m	-mA	men	-(I)bIz	-K	-bIz	biz	-mA	-mIš	-mAK	mI
Ногайская группа	*-(I)m	*-mAn	*men	*-(I)mIz	*-K	*-mIz	*biz	*-MA	*-MIš	*-MAK	*MA

(1) См. [СИГТЯ 2002: 657].

(2) [ДК 3: 327—328].

(3) [Тенишев ССЯ; Якур 2002].

(4) [Тенишев ССЮЯ; Roos 2000]

с показателями множественного числа, причем в 1 лице это привело только к замене ранее широкой гласной на узкую, а во 2 лице — ко вторичному выделению *-бы-* как собственно показателя 2 лица:

а) $-*c/hIm$ (фонетически $< *sIz$) \Rightarrow $^{-1} -\text{б}Im$ (фонетически $< *(I)\eta Iz$)

б)

	Sg	Pl		Sg	Pl
1	$^{-1} *бAn$	$^{-1} бIm$	\Rightarrow	$^{-1} бИ(-)н$	$^{-1} бИ(-)m$
2	$^{-1} *c/hAn$	$^{-1} бIm$		$^{-1} бИ(-)н$	$^{-1} бИ(-)m$

2.3. В тувинском и тофаларском языках, помимо уже описанных замен в 1-й серии, с окончаниями 2-й серии не произошло ничего, кроме, вероятно, замены местоимения 2Pl $*siz$ на *siler* (впрочем, и для тувинско-тофаларской, и для хакасской групп существование на каком-либо временном интервале формы $*siz$ не фиксируется; возможно, она была утрачена до разделения этих двух групп; см. о местоимениях ниже) и вследствие этого замены показателя 2Pl также на *siler*.

Тувинско-тофаларская система [Сат 1955: 684—685; Рассадин 1978: 171; Чадамба 1974: 103—104; Ragagnin 2011: 142]²:

1-я серия	Sg	Pl	2-я серия	Sg	Pl
1	<i>-Im</i>	<i>-IvIs</i>	1	<i>men</i>	<i>bis</i>
2	<i>-Iη</i>	<i>-IηAr</i>	2	<i>sen</i>	<i>siler</i>
3	<i>-I</i>	<i>-IIAr</i>	3	—	<i>-IAr</i>

2.4. В языках кыргызской³ и алтайской групп, как показано на схемах 1, 2, во-первых, в аффиксах 1-й серии замещен показатель 1Pl (поссесивное *-mlz* вместо $*-Ik$; вероятно, такая замена прошла вторичным образом для алтайских идиомов, не без влияния кыргызских языков, поскольку в южных алтайских диалектах *-Ik* сохраняется, для телеутского это почти единственно возможный аффикс, для теленгитского и алтайкижи — употребляемый наряду с *-bIs*; а в тубаларском, чалканском и кумандинском *-Ik* отсутствует). См. [СИГТЯ 2002: 554—586; ДХЯ 1973; Баскаков 1966; Баскаков 1972; Баскаков 1975; Токмашев 2008].

	1-я серия		2-я серия			
Хакасский литературный, качинский	Sg	Pl	Sg	Pl		
	1	<i>-Im</i>	<i>-IbIz</i>	1	<i>-BIн</i>	<i>-BIS</i>
	2	<i>-Iη</i>	<i>-IηAr</i>	2	<i>-SIη</i>	<i>-SIηAr, -SAr + качинское -San</i>
Сагайский	Sg	Pl	Sg	Pl		
	1	<i>-Im</i>	<i>-BIS</i>	1	<i>-Im, -SIм</i>	<i>-BIS</i>
	2	<i>-Iη</i>	<i>-(I)ηAr</i>	2	<i>-SIη</i>	<i>-SAr</i>
Пилтирский ⁴	Sg	Pl	Sg	Pl		
	1	<i>-Im</i>	<i>-IbIS</i>	1	<i>-Im</i>	<i>-BIS</i>
	2	<i>-Iη</i>	<i>-IηAr</i>	2	<i>-SIη</i>	<i>-SAr</i>
Кызыльский	Sg	Pl	Sg	Pl		
	1	<i>-Im</i>	<i>-IbIS</i>	1	<i>-BIн, -Im</i>	<i>-BIS</i>
	2	<i>-Iη</i>	<i>-(I)ηAr</i>	2	<i>-SIη</i>	<i>-SAr</i>
Шорский диалект хакасского	Sg	Pl	Sg	Pl		
	1	<i>-Im</i>	<i>-IbIS</i>	1	<i>-BIн, -BIм</i>	<i>-BIS</i>
	2	<i>-Iη</i>	<i>-IηAr</i>	2	<i>-SIη</i>	<i>-SAr</i>

¹ \Rightarrow здесь и далее обозначает изменение в результате процессов аналогии.

² В общетувинско-тофаларском, как и в ряде других тюркских языков, пока не удастся проследить различия двух-вариантной огубленной узкой и четырехвариантной узкой гласных морфем, в частности, в личных показателях.

³ В сарыг-юйгурском личное спряжение утеряно.

⁴ По материалам экспедиции 2011 г. в сс. Путрахты, Чилан, Карагач.

Шорский мрасский

	Sg	Pl		Sg	Pl
1	-Im	-IBIS	1	-BIn, BIm	-BIS
2	-Iη	-AAr	2	-SIη, -SIn,	-SAAr

Шорский кондомский

	Sg	Pl		Sg	Pl
1	-Im	-IS	1	-BIn, BIm	-BIS
2	-Iη	-AAr	2	-SIη	-SAAr

Среднечулымский

	Sg	Pl		Sg	Pl
1	-Im	-IBIS/IK	1	-BIn	-BIS
2	-Iη	-IηnAr	2	-SIη	-SIηnAr

Нижнечулымский

	Sg	Pl		Sg	Pl
1	-Im	-IvIS	1	-m	-vIS
2	-Iη	-IηnAr	2	-SIη	-SIηnAr

Фуюйско-кыргызский

	Sg	Pl		Sg	Pl
1	-Im	-IBIS	1	-mIn, -m	-bIS
2	-Iη	-IηAr	2	-SIη	-SIηnAr/-SIrIr

Алтайский литературный, алтай-кижи

	Sg	Pl		Sg	Pl
1	-Im	-Ik ⁵ , -IBIS	1	-m/-mIn ⁶	-BIS
2	-Iη	-IγAr	2	-SIη	-sIγAr

Теленгитский (тёлёс)⁷

	Sg	Pl		Sg	Pl
1	-Im	-Ik, -Is	1	-m/-mIn	-Is
2	-Iη	-IηAr	2	-SIη	-SIηAr

Телеутский

	Sg	Pl		Sg	Pl
1	-Im	-Ik	1	-Im	-Ik //
				-mIn	-pIs (бачат., только прош. на -KAIK)
2	-Iη	-IγAr	2	-SIη	-sIγAr

Туба

	Sg	Pl		Sg	Pl
1	-Im	-Is	1	-m/men	-Is
2	-Iη	-Ar	2	-SIη	-sIGAr/-sler

Чалканский

	Sg	Pl		Sg	Pl
1	-Im	-IvIs	1	-m/-vAn	-vIs
2	-Iη	-Ar	2	-SIn	-SAr

⁵ По современным текстам и по новейшей грамматике [ГСАЯМ 2017: 221] окончание -к полностью вышло из употребления.

⁶ Только при именном сказуемом.

⁷ По материалам экспедиции в с. Балыкча Улаганского р-на в 2006 г.

Кумандинский

	Sg	Pl		Sg	Pl
1	-Im	-IbIs	1	-m/-bIn	-bIs
2	-Iŋ	-Ar	2	-SIn	-SAr

Генезис этой картины можно объяснить следующими процессами:

а) в аффиксах 1-й серии замещен показатель 1Pl (посессивное *-mIz вместо *-Ik) — см. Схему 1.

Для алтайских идиомов этот процесс явно вторичен и прошел под влиянием кыргызских языков:

— в южных алтайских диалектах -Ik сохраняется, для телеутского это единственно возможный аффикс, для теленгитского и алтай-кижи — употребляемый наряду с -bIs;

— в тубаларском, чалканском и кумандинском -Ik отсутствует;

б) (см. Схему 3) 2Sg 2-й серии -SIn (шорский мрасский, чалканский, кумандинский) — связная центральная изоглосса — следовательно, скорее, инновация (конечная рифмовка на -n с показателем 1Sg — шорский мрасский -BIn, чалканский -vAn, кумандинский -Bin — предыдущего состояния *-SIŋ⁸);

Качинский 2Sg -SAŋ — широкий гласный в показателе, скорее не архаизм, а инновация (вокалическая рифмовка *-SIŋ с 2Pl -SAr)

— следовательно, для общего состояния этого ареала достаточно уверенно восстанавливаем 2Sg *-SIŋ.

Возможные отместоименные новообразования:

2Pl фуюйско-киргизский -SIrIr, туба -sler (= тув.; см. ниже примечание о личном местоимении 2Pl в восточном ареале тюркских языков).

1Sg чалканский -vAn, туба -men (в тубаларском — только как местоименная клитика при именном сказуемом; связная центральная изоглосса, поэтому вряд ли сохранение архаизма).

Совсем поздний эффект — сагайская форма 2-й серии 1Sg -SIŋ — видимо, результат начальной рифмовки с показателем 2Sg⁹.

Итак, кыргызская группа и алтайские идиомы вместе прошли путь сплавления аффиксальной системы 2-й серии, установив гибридный показатель 2Sg -SIŋ и выстраивая по нему форму Pl на -Ar и узкий гласный в показателе 1Sg (-M/BIn).

2.5. Карлукская группа [СИГТЯ 2002: 386—410].

	Уйгурский и диалекты:				Узбекский и диалекты:			
	1-я серия		2-я серия		1-я серия		2-я серия	
	Sg	Pl	Sg	Pl	Sg	Pl	Sg	Pl
1	-m	-k	mä/e(n)	miz	-m	-k	man	miz
2	-ŋ	-niz / -ŋlAr	sä/e(n)	siz/silär	-ŋ	-niz/-ŋlär	san	siz/silär

Для первой серии в узбекских диалектах зафиксированы упомянутые выше отклонения 1Pl ташкентский, карнабский *bər-dī-miz* ‘мы пошли’, *jur-dī-miz* ‘мы ходили’, ташкентский *ɔl-uw-duβ // ɔl-uw-duz* ‘мы брали’ и 2Pl *-dijnər/-dijlə* (< *-dij-lär) как простая (или «пренебрежительная») множественность, *-diz* как единичная вежливость и *-dizlə* как вежливая множественность (шахрисябский *üz-dijlə ~ üz-dizlə* ‘вы сорвали’, ташкентский *qil-dijlə* ‘вы сделали’, андижанский *kel-d'ij-nər* ‘вы пришли’ [СИГТЯ 2002: 408]. Форма *-diz* обеспечивается фонетическим стяжением *-dijiz*. Формы 2Pl *-di-lar-iŋ* параллельны соответствующим притяжательным; влияние монгольского порядка аффиксов? (ташкентский *qil-dī-lər-iŋ-mī* ‘вы сделали?’; маргеланский *kut-tī-lər-iŋ* ‘вы ждали’; андижанский *kel-dī-lə: iŋ* ‘вы пришли’).

Никаких взаимодействий между аффиксами 1-й и 2-й серий в карлукских идиомах не обнаруживается, кроме параллелизма употребления показателя Pl после аффикса *-siz*¹⁰ — наряду с формой показателя, соответствующего местоимению Pl *sIlAr* — для выражения вежливой множественности (ташкентский *bər-ə:-sīlə* ‘вы пойдете’; турткульский *bar-ažak-sylar/-syzla* ‘вы пойдете’).

⁸ Для происхождения такого окончания непосредственно из постпозитивного личного местоимения *sän* можно было бы предполагать его рифмовку с показателем 2Pl *-siz* (как делают Адамович и Дёрфер в случае староанатолийского — см. критику ниже), но в данном ареале окончание *-siz* вообще не прослеживается, а окончание *-SIŋ*, напротив, хорошо зафиксировано.

⁹ Ср. подобное развитие у аффикса 1Pl в косовских турецких говорах: *-sIk* из *-Ik* при рифмовке с *-sIz* 2Pl ([Adamović 1985: 38, 60]; влияние *-sA-k* Cond-1Pl, вопреки Адамовичу, маловероятно, из-за различной семантической нагрузки и отличающейся фонетики).

¹⁰ Фонетически маловероятно объяснение Д. М. Насилова (автора этого раздела СИГТЯ) «*sīlə* ‘вы пойдете’ (**siz-lar*)» [СИГТЯ 2002: 402—408], см. ниже о местоимениях.

Примечание 2.

Поведение аффиксов 2-й серии в карлукских и северо-восточных языках могло бы быть системно связано с поведением личных местоимений. Рассмотрим их. Личные местоимения множественного числа для пратюркского восстанавливаются как **biř* и **siř*, ОТю **biz* и **siz*, по отдельным языкам претерпевают следующие развития:

Чув. 1 *eBər, eBir, 2 eSər, eSir* [СИГТЯ 2002: 708—709]

Як. 1 *bihigi* < **biz-in-ki*, 2 *ähigi* < **söz-in-ki* [СИГТЯ 2002: 667—668] (развитие гласного во 2-м лице, вероятно, под влиянием формы 2Sg *än*; не можем сейчас ответить на вопрос, почему прямая основа местоимения 1Sg имеет узкий гласный, *min* — чувашские, например, данные говорят за широкий гласный в косв. основе: *ман-, сан-*).

Вероятно, нельзя считать формой вторичной множественности, т. е. фузионным развитием из **siz-ler* (вопреки [СИГТЯ 1988: 217]) форму 2Pl, распространенную в восточной части стандартно-тюркской зоны (гипотезе о такой фузии противоречат встречающиеся в этих языках формы личного местоимения 1Pl с аффиксом Pl *-LAR*)¹¹:

Тув. 1 *bi''s*, 2 *siler*; тоф. 1 *bi''s*, 2 *sler*; духа 1 *pis/pister*, 2 *siler* [Ragagnin 2011: 93];

Хак. литер., кач. 1 *pəs*, 2 *sərer*; койб. 1 *pəs*, 2 *səre*;

Саг., пилтир., шор. хак. 1 *pəs*, 2 *səler/sler*;

Кызыл. 1 *nic*, 2 *сілер*;

Шор. мрас., конд. 1 *pis*, 2 *siler/sler*;

Чул. средн. 1 *nuc*, 2 *сілер/слер*; чул. нижн. 1 *nuc*, *сләр* [Ураев 1955: 363];

Сюг. 1 *myz*, *myster*; 2 *siler*, *sile*;

Фуюйско-кирг. 1 *biz*, 2 *sirir*;

Куманд. 1 *buc/nuc*, 2 *снер/снир/слер*;

Чалкан. 1 *nuc*, 2 *слер*;

Туба 1 *buc/nuc*, 2 *сілер/слер*;

Телеут. 1 *nuc*, 2 *сеп*;

Теленгит. 1 *buc*, *бистер*, 2 *слер*;

Алт. 1 *buc*, 2 *слер*;

Бараб. 1 *bis*, 2 *sis/siler*

Новоуйг. лит. 1 *biz*, 2 *silä*; Хами 1 *biz*, *bez*, *bizlär*, 2 *silär*, *slär*;

Узб. лит. 1 *biz*, 2 *siz*; ферг.- марг. 1 *bъz*, 2 *sz/slä*.

Но ср.: кирг. 1 *биз*, *биздеп*, 2 *сиз*, *сиздеп*; алаб.-тат. 1 *bizler*, 2 *sizler*; старо-башк. 1 *biz*, *bizler*, 2 *siz*, *sizler* [Халикова 1990: 81].

Приходится предполагать для восточно-тюркских (включая барабинский) не фузионное развитие **siz-ler*, а образование **si-ler* от сохранившейся прямой основы местоимения 2Sg (зафиксированной также в чувашском и имеющей внешне параллели) с помощью аффикса множественного, а не двойственного числа. По границам этой зоны (узб., бараб.) такая форма встречается наряду с формой двойственного числа, что заставляет предполагать первоначальную семантическую дифференциацию (вежливое/множественное? ср. [Erdal 2004: 195]) и, по-видимому, последующее аналогическое развитие различия инклюзива и эксклюзива для 1 лица в отдельных точках зоны (**biz* ~ **biz-ler*, ср. подобное решение в [СИГТЯ 1988: 218])¹². К этому местоимению восходит один из вариантов личного окончания 2Pl 2-й серии в карлукских языках. Вероятно, вследствие ареального воздействия, т. е., заимствуясь из новоуйгурского, местоимение 2Pl *siler* появляется в огузском по происхождению саларском языке, после чего по тем же механизмам возникает 1Pl *piser* / *pisiler*. Ареальным же влиянием (карлукскими контактами) можно объяснить форму *siler* (при *bizer*) в туркменских диалектах группы лебап (кырач, чандыр, чегес), см. [Амансарыев 1970: 316—321].

Довольно очевидно при этом, что окончание 2-й серии 2Pl в рассмотренных языках хакасской и алтайской групп не равно местоимению, а образовано вторично от окончания 2Sg *-Sily* (в туба и фуюйско-киргизском параллельно существует и отместоименное окончание 2Pl). См. Схему 2.

2.6. Что касается халаджского, то его система лично-числовых окончаний получается заменой окончаний 2-й серии окончаниями 1-й серии почти во всех формах, исключая реликт местоименного окончания 1Pl в «аористе» (неопределенном будущем) на **-r* (см. [Doerfer 1987: 352—356; Doerfer 1988: 153]):

¹¹ Та же гипотеза в [Erdal 2004: 195]: “we have *silär* and *silärni* in HamTouHou 21,4” and *silärni* in KP 76,3 and 5. *Silär* probably does not result from a phonetic dropping of /z/ but from the replacement of the pronominal plural marker +(*X*)z by the much more “regular” + *LAr*.

¹² Высказываются сомнения в нагруженности оппозиции форм простых и с плеонастическими показателями *-LAR* именно семантикой инклюзивности/эксклюзивности и вежливости/нейтральности соответственно; предположительно, плеонастические формы обозначают выделенную множественность, см. [Nevskaya 2010].

«Аорист» на *-r		Прочие формы, включая претерит на -di			
	Sg	Pl			
1	-(ü)m	-(ü)miz	1	-(ü)m	-(ü)k ¹³
2	-(ü)y/n	-(ü)y/niz	2	-(ü)y/n	-(ü)y/niz
3	—	-lar		—	-lar

Генетически эта система в принципе может восходить к любой из групповых систем «стандартно-тюркских» языков — пракарлукской, пракыпчакской, праогузской (см. ниже); не к северо-восточной и не к древнетюркской, поскольку в этих последних нет рефлексов аффикса *-(U)k.

2.7. В развитии системы тюркских личных окончаний в «стандартно-тюркских» языках наиболее заметное явление — это смешение («гибридизация») аффиксов 1-й и 2-й серий, возникновение, соответственно, во второй серии аффиксов 2-го лица *-sUŋ*, *-sUŋlz*. Таких аффиксов нет в карлукских языках, они имеются в огузских, кыпчакских и сибирских — горноалтайском, хакасском, шорском (не в тувинском и якутском). Анализ (материал полностью см. в [СИГТЯ 2002: 113—126]), показывает, что для порождения таких аффиксов в огузских языках следует предполагать следующую последовательность процессов:

Для общеогузского ранней стадии 2-я серия окончаний после действия специфически огузских фонетических развитий должна была выглядеть так:

	Sg	Pl
1	-vän	-viz
2	-sän	-siz

В частности, следует предполагать для этого состояния сращение клитических постпозитивных местоимений с основой глагола, поскольку начальные *b-* в этих форматах развиваются как интервокальные ($> v$). Закономерным рефлексом 1Sg является, таким образом, зафиксированный в староосманском аффикс *-(v)An*, а 1Pl — практически общий (кроме крымско-татарского, урумского, периферийных туркменских диалектов и хорезмского) *-vUz/-j)Uz*¹⁴.

Раннюю историческую фиксацию огузских аффиксов можно проследить в основном на староосманских памятниках [Гузев 1979: 55, 58—59, 65; Mansuroglu: 172—173; Adamović 1985: 27—43].

Староосманский

1-я серия	Sg	Pl	2-я серия	Sg	Pl
1	-Um	-Uk	1	<i>-(v)An, In, -(j)Am, -(v)Am, -(j)Um, -män</i>	<i>-vUz, -(j)Uz</i>
2	-Uŋ	-UŋUz	2	<i>-sän, -sIn</i>	<i>-sIz</i>
3	-I	-I(lAr)	3	—	<i>(-lAr)</i>

Фонетический рефлекс праогузского *-(v)An* фиксируется в текстах XIII—XVI вв., по [Adamović 1985: 29—30] — с Султана Веледа, но в тех же памятниках наряду с ним употребляется *-(j)Am* (XIII—XVI вв.), и в ранних текстах также *-vAm* (XIII—XIV вв.). В памятнике из Хама (Сирия) — Xilaf, юридический текст 1332 г., предположительно азербайджанского извода, *-(v)An* только в поэтической части, в основном *-(j)Am*. В азербайджанских памятниках XIV—XVI вв. *-(v)An* употребителен в 1 половине XIV века, затем со 2-й половины сменяется на отместоименный *-mAn* (возможно, вторичное влияние хорезмской литературной традиции? Во всяком случае, этот показатель не прижился в народном языке). С XIV в. фиксируется *-(j)In* (Западная Анатолия); с XV в. в транскрипционных памятниках народно-разговорного языка (район Константинополя) *-(j)Um*, от которого и происходит современный турецкий аффикс. Памятники, подвергшиеся сильному влиянию хорезмской традиции, употребляют *-män*.

Показатели *-(j)Am, -(v)Am, -(j)Um* 1Sg показывают развитие, сходное с развитием родительного падежа местоимения 1 лица — не **benin*, как ожидалось бы закономерно из ПОгуз **beniŋ*, а *benim*. Вероятно, это такая же склейка с показателем принадлежности 1 лица. Ср. похожее развитие в шорском, где аффикс 1Sg 2-й серии принимает виды *-bIn, -bIm*. Непосредственным потомком этого аффикса можно считать азербайджанский показатель 1Sg *-(j)Am*; соответственно, к *-(j)Um* (который появляется с XV в.,

¹³ Неясен источник формы *käldimiz* ‘мы пришли’ в [ЯМ 1997: 473] (раздел А. М. Щербак) — ошибка вместо *kälimiz* ‘мы приходим’ [Doerfer 1987: 29].

¹⁴ Ср. случаи огузского развития $v > j$ в интервокальной позиции в узком переднерядном контексте — [СИГТЯ 2006: 71—72]; на границе клитики, вероятно, сработали процессы унификации.

очевидно, вследствие уподобления личному аффиксу 1-й серии) может восходить турецкий показатель. Отметим, что такая последовательность развития турецкого аффикса 1 лица лучше объясняется именно первоначальным влиянием посессивных показателей и последующим влиянием аффиксов 1-й серии (ср. иначе — только через влияние 1-й серии — в [Doerfer 1991: 73]).

Окончание 2Sg *-sIn* появляется впервые, как будто, в староосманском с XIII в., а в народно-разговорном османском (т. е., по данным латинографических записей) фиксируется точно с XVI в.¹⁵ ([Adamović 1985: 39]: Opera (1525—1530, Константинополь?) 234 *goselsi* „du bist hübsch“; Argenti (1533, Константинополь) I 27r *faidalisin* ‘ты полезен’, III 11r *sen nassil adamisin* „was für ein Mensch bist du“, Georg. (1544—1548, локализация неясна) 29 *gugtesson* ‘еси на небесех’, *barechessun ssen* ‘благословенна ты’, Lubenau (1588, Константинополь) 42 *eimisun* „geht es dir gut?“; Megiser (1612, частично по письменным источникам) II *degulsin* „du bist nicht“, III *giuglerdefin* „du bist im Himmel“, Molino (1641, частично письм.) 66r *sensin* „du bist“, 67 v *deghilsin* „du bist nicht“, Palinić (1650, Босния) Nr. 8 *sec ded'ul anlerdensin ema cafir ilderdenmisun* „es gibt keinen Zweifel, dass du von denen bist, aber kommst du aus den Ländern der Ungläubigen her?“, 10 *sen kandesin* „wo bist du“, 25 *ne d'uzel žansin* „was für eine schöne Seele bist du“, Martelini (1657, Пагуза) 45 *sensun* „du bist“; Vaughan (1709, Измир) 54 *ghercheksin* „du hast recht“, Ileshazy (1668 в., Косово) 84r *acsmiszun sindi* „bist du jetzt hungrig?“. В письменном османском такие формы появляются с XVIII в. Статус этой формы в памятнике XIII в. (S. Veled) не вполне ясен; понятно, что в современных идиомах и в XVI в. такой аффикс — скорее всего, фонетический рефлекс *-sIn*¹⁶ (для этого времени соответствующий звуковой переход уже продействовал - ср. [Adamović 1985: 179]), но для XIII в. это маловероятно. У Султана Веледа, пишет Адамович, постоянно *sin*, кроме некоторых рукописей *Ibtidānāme* (1291), где азербайджанский или иранский переписчик вставлял *san / sen* [Adamović 1985: 42]. Адамович [Adamović 1985: 36] полагает, что *sin* — контаминация *sen* и *siz*, однако для ранних текстов существует и другая возможность — что это влияние восточно-тюркского написания не-сингармонистического *sen* (с йай; так полагают [Гузев 1979] и [Напольнова 1995]). Окончание *-sIn* (предок сонкорского и, вероятно, азербайджанского окончаний) появляется впервые в староосманском памятнике Хама (Сирия) — *Xilaf*, юр. текст 1332 г., возможно, азербайджанский. Адамович полагает, что этот аффикс появляется как контаминация с формой 2Sg условного наклонения на *-sA-ŋ*, но такая контаминация — при различии семантики форм — выглядит маловероятной.

В [Грунина 1997: 87] упомянут аффикс *-sInIz* для огузского языка X—XI вв., но это реконструкция, в материалах МК по огузскому такая форма не обнаруживается; в источниках по грамматике староосманского его нет [Гузев 1979: 55, 58—59, 65; Mansuroglu: 172—173]. Дёрфер [Doerfer 1991] и Адамович [Adamović 1985: 42—43, 106, 195, 272] говорят о появлении *-sInIz* в разговорном староосманском языке (т. е., в транскрипционных памятниках) с начала XVI в., памятники практически без исключений — из Константинополя (Argenti *-sis*, *-sinnis*: *seumisc sinnis* „ihr habt geliebt“, Megiser *-sis*, *-singis*: *degulsingis*) и Туниса (Ferraguto 35r *satagiácsinis* „ihr werdet verkaufen“), и в письменном османском языке с XVIII в.

Инновации в огузских языках и диалектах могут быть объяснены как результат воздействия 1-й серии на 2-ю. Это воздействие, во-первых, может выражаться в ликвидации окончаний 2-й серии — либо

¹⁵ В этих текстах имеются и написания *-sen* в переднерядных формах: Vocabulario (1567, Константинополь) 49 *nerelissen* „von wo bist du?“, Ferraguto (1611, Тунис) 131v *eulimisen iocsa ergenmisen* „bist du verheiratet oder ledig“, D. Valle (1620, Константинополь): 94r *ghiuzelsen* „du bist hübsch“, 93r *sen-sen* „du bist“, Du Loir (1654, скорее, письм.) 242 *sen kim-sen* „wer bist du“, Nagy (1672, Константинополь) 2 *ei mişin hos mişin* „geht es dir gut?“, 4 *Hristianmişin* „bist du Christ?“, но 77 *sen dogri ve gani adam fen* „du bist ein aufrechter und edler Mensch“, 79 *szeiz handa fen* „wo bist du, Stallknecht?“. Адамович предпочитает все эти формы интерпретировать как формы на *-sIn*, указывая на то, что в ряде случаев европейские авторы явно записывают с помощью *e* редуцированный гласный верхнего подъема; но, конечно, такая запись амбивалентна.

¹⁶ По [Adamović 1985: 37—40, 310], аффикс *-sIn* в современных турецких диалектах распространен в диалектах Балканского полуострова и частично в северной Анатолии, а остальную часть Анатолии занимает аффикс *-sIn* (с фонетическим развитием в *-sIn* в некоторых регионах), причем автор морфонологически отождествляет все случаи современного *-sIn* со старописьменным *-sIn* (т. е. написаниям с ясрой) у Султана Веледа и пр. и объясняет огласовку *-sIn* контаминацией со 2Pl. *-sIz*, а форму *-sIn* — контаминацией *-Cond-2Sg -sA-ŋ* и *-sIn*. Однако, как можно легко показать (см. [СИГТЯ 2002: 113, 125, 134; Karahan 1996: 19—28, карта 12]; на карте в книге Карахан, к сожалению, не различены конечная и интервокальная позиции), современная форма *-sIn* встречается в тех диалектах (и литературном языке), где конечное *-ŋ* отражается как *-n* по фонетическим причинам, вне зависимости от того, в какой морфеме оно встречено (ср. рефлексии в показателях 2 л. 1-й серии и родительного падежа). Таким образом, все современные и встреченные в памятниках с XVI в. *-sIn* могут быть рефлексами *-sIn*.

2 лица (тур. диалекты Эдирне, Кютахья, туркм. диалекты йомуд, эрсары, теке, салыр), либо и 2, и 1 лиц обоих чисел (афшарский, боджнурди, гёкленский диалект туркменского; почти завершён этот процесс в ареально близком халаджском). Этот процесс теоретически невозможно хронологизировать, он мог проходить независимо в разных частях огузского мира. Однако положение этих систем на карте в огузской зоне, в общем, может рассматриваться как демонстрирующее центрально-периферийное поведение, в «центре» (хотя и разрывном) инновация зашла более далеко, чем на периферии (см. схему 4).

Во-вторых, это возникновение систем со смешанными аффиксами. Такие системы разбиваются на три типа.

а)	Sg	Pl
1	-(j)Am	-I/Uk
2	-sAη/n	-sI/UηI/Uz

К этому типу («азербайджанскому») относятся диалекты Урфы, Эрзурума, сонкорский язык, все азербайджанские диалекты (и литературный язык), кроме кедабекско-айрумского. Отметим, что все варианты «азербайджанского» аффикса 2 Pl 2-й серии восходят к праформе *sI/UηI/Uz, а не к -sIz (об этом свидетельствует либо назализация, либо долгота, либо огубленные гласные; этот эффект не учтен в статье [Doerfer 1991]¹⁷). Про показатель 2Sg, строго говоря, для большинства говоров нельзя решить, восходит он к *-sAn или к *-sAη (ср. фонетическое развитие -η и -η- > n в этих идиомах — [СИГТЯ 2002: 61]). Во втором случае это результат развития, аналогичного случаю с -(j)Am. Непосредственно аффикс -sAη находим в западной группе азербайджанских говоров (Газах, Карабах, Ганджа, некоторые айрумские говоры). Кроме того, именно о таком развитии свидетельствует сонкорская парадигма:

Сонкорский

	2-я серия			1-я серия	
	Sg	Pl		Sg	Pl
1	-äm	-äx	1	-im	-ux
2	-sä	-sis	2	-u (< -Uη)	-us/u (< -UηUz)

б)	Sg	Pl
1	-(j)I/Un	-(j)I/Uz
2	-sI/Uη	-sI/UηI/Uz

К этому типу («туркменскому») относятся диалекты северо-восточной Болгарии, Бартына, Зонгулдак, Кютахья, все туркменские непериферийные диалекты.

в)	Sg	Pl
1	-(j)Im	-(j)Iz
2	-sIη	-sI/UηI/Uz

К этому типу («турецкому») относятся турецкий литературный язык и большая часть диалектов, гаузский язык. Его вариант — парадигма диалекта Кебан-Баскыл, где в 1Pl проникает окончание 1-й серии (и, по-видимому, один из источников крымскотатарского набора аффиксов), а также кедабекско-айрумская парадигма (неясно происхождение широких гласных в Pl).

Расположение рефлексов этих трех систем на карте огузского мира довольно очевидно указывает на «периферийность» — и, следовательно, потенциальную архаичность — «туркменской» системы (туркменские и западные турецкие диалекты) по отношению к двум другим.

Порождение этих трех наборов аффиксов можно смоделировать следующим образом.

Учитывая, что в ранних староосманских письменных памятниках имеются «прямые предки» (т. е. получаемые фонетическим пересчетом) всех трех вариантов окончания 1Sg 2-й серии (-(j)Am, -vAn с XIII в.; -(j)Um с XV в. в транскрипционных памятниках, с XVII в. в литературном староосманском), но нет таковых для гибридных аффиксов 2Sg (кроме -sAη с XIV в.; -sIn не является фонетическим предком -sIη), можно заключить, что гибридные аффиксы 2Sg появились позже измененных аффиксов 1Sg. Тогда процессы, приведшие к их появлению, частично шли на диалектном континууме уже разделенных идиомов.

Следует отметить, что общая для всех трех систем новация — 2Pl -sI/UηI/Uz, возникающая как склейка -sIz + -I/UηI/Uz, нуждается в наличии параллелизма -(v)Iz ~ -sIz (чтобы -Iz могло осознаваться как аффикс и отделяться). Таким образом, нужно предполагать следующую последовательность процессов.

¹⁷ Ср. [Karahan 1996: 40—43, карта 19].

1. Азербайджанские диалекты, по-видимому, составляли особую группу огузских идиомов и развивались отдельно:

a)	2-я серия			1-я серия		
	Sg	Pl		Sg	Pl	
1	-vän	-viz		1	-Um	-Uk
2	-sän	-siz		2	-Uη	-UηIz

⇒

б) (фонетическое развитие + «посессивизация»; система засвидетельствована для XIV в.)

1	-(j)Am	-(j)Iz		1	-Um	-Uk
2	-sAη	-sIz		2	-Uη	-UηIz

⇒

в) (общий (?) с другими огузскими процесс гибридации)

1	-(j)Am	-(j)Iz		1	-Um	-Uk
2	-sAη	-sUηIz		2	-Uη	-UηIz

⇒

г) (замена последнего сильно отличающегося окончания во 2-й серии)

1	(j)Am	-UK		1	-Um	-Uk
2	sAη	-sUηIz		2	-Uη	-UηIz

2. Турецкий западный и туркменский:

a)	2-я серия			1-я серия		
	Sg	Pl		Sg	Pl	
1	-vän	-viz		1	-Um	-Uk
2	-sän	-siz		2	-Uη	-UηIz

⇒

б) (фонетическое развитие + аналогическое сужение; система засвидетельствована для XIV в. в Западной Анатолии)

1	-(j)In	-(j)Iz		1	-Um	-Uk
2	-sIn	-sIz		2	-Uη	-UηIz

⇒

в) (к туркменскому и западному турецкому, общий (?) с другими огузскими процесс гибридации)

1	-(j)In	-(j)Iz		1	-Um	-Uk
2	-sIη	-sUηIz		2	-Uη	-UηIz

⇒

г) (к турецкому; + «посессивизация»)

1	-(j)Im	-(j)Iz		1	-Um	-Uk
2	-sIη	-sUηIz		2	-Uη	-UηIz

⇒

То есть, турецкие диалекты получают, по-видимому, импульс с азербайджанской территории, «посессивизацию» форм 1, 2Sg. Можно заметить, что эта изоглосса несколько уже изоглоссы формы родительного падежа личного местоимения *benim*, захватывающей все турецкие говоры, см. [СИГТЯ 2002: 155].

Такое порождение аффиксов лучше всего соответствует огузскому материалу, но не подходит для кыпчакского, где также имеются аффиксы 2 лица 2-й серии *-sUη* и *-sUηIz*. В кыпчакских языках мы видим аффикс 2Pl *-sUηIz* только в тех языках и диалектах, где представлен аффикс 2Sg *-sUη* (в башкирском, в западных говорах казахского (*barasunuz* вм. *barasyuz* 'вы пойдёте' [ЯМ 1997: 254 ДТЯ 2010: 193]), в говоре алабугатских татар-ногайцев (наряду с *-sIz*) [ЯМ 1997: 175], юртовских татар-ногаоров [ЯМ 1997: 510], но не наоборот. Ср., например, литературный татарский, крымскотатарский, крымский караимский [ДТЯ 2010: 222], ногайский, кумыкский [Щербак 1981: 23—40]: *-sIη* — *-sIz*, казахский *-sIη* — *-sIz*,

-sIηdar (при 1-й серии *-Iη* — *-IGIz*), касимовско-татарский *alá-sen - alá-sez* при *al-d-un - al-d-u'uz* [Поливанов 1923: 9—10]. Здесь перерасчленение аффиксов явно начиналось с единственного числа, а форма 2Pl *-sUη-Iz* развивалась как производная на *-Iz* по отношению к 2Sg *-sUη* в параллель к отношениям в 1-й серии: 2Sg *-Iη* — 2Pl *-IηIz*. Так же должно было идти развитие и в языках Южной Сибири, где аффикс 2Pl **-sUη-lAr* получен добавлением показателя множественности к аффиксу 2Sg **-sUη*. На схеме 2 показано, что ареал такого развития лежит целиком в пределах ареала формы 2Pl *-(U)η-lAr* из 1-й серии и, таким образом, по-видимому, развитие показателя 2-й серии **-sUη ~ -sIz > -sUη ~ -sUη-lAr* является вторичным по отношению к развитию показателя 1-й серии **-(U)η ~ -(U)ηIz > -(U)η ~ -(U)η-lAr*.

2.8. Что касается не-огузских ранних источников, то фиксации гибридных аффиксов в них не обнаруживается. В большинстве арабо-кыпчакских памятников (и в армяно-кыпчакских) окончания 2-й серии архаичные, т.е. просто местоименные клитики, 1Sg *men*, 2Sg *sen*, 1Pl *biz*, 2Pl *siz*. В [Из. дар: 50-51, 208 и сл.], т.е. и в описании, и в транскрипции арабо-кыпчакского памятника XIV в., неоднократно дается в транскрипции аффикс 2Sg 2-й серии *-cān*, но это ошибка, поскольку в другом издании памятника, [Муталлибов 1967], содержащем арабскую транскрипцию, во всех соответствующих местах видим سن, т.е. *-cān*. За исключением этого, памятник показывает систему 1Sg *men/-Im*, 2Sg *sen*, 1Pl *biz*, 2Pl *siz*. Хорезмско-золотоордынские памятники (см. [Нуриева 2004]) в большинстве дают такую же систему 1Sg *men/-Im*, 2Sg *sen*, 1Pl *biz*, 2Pl *siz, sizler*; выделяется «Мухаббат-наме», хорезмско-тюркский памятник XIV в. (список XV в.), где 1Sg *min*, 2Sg *sin* с выписанным йай. В [Нуриева 2004: 279] упоминается форма 2Sg из «Мухаббат-наме» *jarar-syη* ‘рассекаешь’, но поскольку форма приведена как пример на аффикс *-syη* (т.е. написание местоименной клитики с йай, по-видимому, говорящее об отсутствии гармонизации; именно так это интерпретируется для чагатайского, см. [Bodrogligeti 2001: 196, сноска 133]), нет уверенности в точности ее передачи (ср. [Мухаббат-наме: 33], где *jararсын*). [Наджип 1975: 103] специально упоминает об отсутствии в хорезмско-тюркском памятнике «Гулистан» (XIV в.) окончания 2Pl 2-й серии *-sIηIz*. Наконец, в [Халикова 1990: 92] находим окончания 2-й серии 1Sg *-men*, 2Sg *-sen*; *-sIη*, 1Pl *-miz*, 2Pl *-siz*; но не *-sIηIz* или *-sIyIz*.

В живых кыпчакских языках мы встречаемся с разнообразными системами. Во-первых, это «архаические» системы с сохранением облика постпозитивных местоимений в окончаниях 2-й серии. Эти архаизмы разбросаны по кыпчакской территории случайным образом:

	1-я серия			2-я серия		
Кумыкский		Sg	Pl		Sg	Pl
	1	<i>-Im</i>	<i>-IK</i>	1	<i>-mAn</i>	<i>-bIz</i>
	2	<i>-Iη</i>	<i>-IGIz</i>	2	<i>-sAn</i>	<i>-sIz</i>
Нукратский говор татарского ([ДТЯ 2010: 364]; без соблюдения гармонии)		Sg	Pl		Sg	Pl
	1	<i>-ə/ə̃m</i>	<i>-ə/ə̃K</i>	1	<i>-min</i>	<i>-bəz</i>
	2	<i>-ə/ə̃η</i>	<i>-ə/ə̃Gə/ə̃z</i>	2	<i>-sin</i>	<i>-səz</i>
Караимский галицкий		Sg	Pl		Sg	Pl
	1	<i>-Im</i>	<i>-Ik</i>	1	<i>-men</i>	<i>-(lAr)biz</i>
	2	<i>-In</i>	<i>-InIz</i>	2	<i>-sen</i>	<i>-(lAr)siz</i>
Балкарский		Sg	Pl		Sg	Pl
	1	<i>-(I^d)m</i>	<i>-(I^d)K</i>	1	<i>-mA²</i>	<i>-bI^dz</i>
	2	<i>-(I^d)η</i>	<i>-(I^d)GI^dz</i>	2	<i>-sA²</i>	<i>-sI^dz</i>
Кара-ногайский		Sg	Pl		Sg	Pl
	1	<i>-Im</i>	<i>-IK</i>	1	<i>-mAn</i>	<i>-mIz</i>
	2	<i>-Iη</i>	<i>-IηIz</i>	2	<i>-sAn</i>	<i>-sIz</i>

Во-вторых, это системы с гибридизированными аффиксами 2-й серии, с различной степенью гибри-
дизации:

	1-я серия		2-я серия	
Ногайский				
	Sg	Pl	Sg	Pl
1	-Im	-IK	1 -mAn	-mIz
2	-In	-InIz	2 -sIn	-sIz
Каракалпакский				
	Sg	Pl	Sg	Pl
1	-Im	-IK	1 -mAn	-mIz
2	-Iη	-IηIz	2 -sAη	-sIz
Карачаевский и баксанский говоры карачаево-балкарского языка				
	Sg	Pl	Sg	Pl
1	-(I ⁴)m	-(I ⁴)K	1 -mI ⁴ n	-bI ⁴ z
2	-(I ⁴)η	бакс. -(I ⁴)ηI ⁴ z	2 -sI ⁴ n	-sI ⁴ z
Караимский крымский				
	Sg	Pl	Sg	Pl
1	-(I ²)m	-(I ²)K	1 -I ² m	-mI ² z
2	-(I ²)η	-(I ²)ηI ² z	2 -sI ² η	-sI ² z
Караимский тракайский				
	Sg	Pl	Sg	Pl
1	-(I ²)m	-(I ²)K	1 -mI ² n, -m	-bI ² z
2	-(I ²)j	-(I ²)jI ² z	2 sI ² n, -s	-sI ² z
Ак-ногайский				
	Sg	Pl	Sg	Pl
1	-Im	-IK	1 -mAn	-mIz
2	-Iη	-IηIz	2 -sIη	-sIηIz
Юртовские татары				
	Sg	Pl	Sg	Pl
1	-Im	-IK	1 -mAn	-mIz
2	-In	-InIz	2 -sIn	-sIz/-sInIz
Алабугатские татары				
	Sg	Pl	Sg	Pl
1	-Im	-IK	1 -mIn/-m	-mIz
2	-Iη	-IηIz	2 -sIη	-sIz/-sIηIz
Казахский				
	Sg	Pl	Sg	Pl
1	-Im	-IK	1 -mIn/-m	-mIz
2	-Iη, -IηIz	-IηdAr, -IηIzdAr	2 -sIη, -sIz	-sIηdAr, -sIzdAr
Западно-казахские говоры				
	Sg	Pl	Sg	Pl
1	-Im	-IK	1 -mIn/-m	-mIz
2	-Iη -IηIz	-IηdAr, -IηIzdAr	2 -sIη, -sIηIz	-sIηdAr, -sIηIzdAr

Киргизский

	Sg	Pl		Sg	Pl
1	-Im	-IK	1	-mIn/-m	-bIz
2	-Iŋ -IŋIz	-IŋAr, -IŋIzdAr	2	-sIŋ, -sIz	-sIŋAr, -sIzdAr

Чуйский говор киргизского (северный)

	Sg	Pl		Sg	Pl
1	-Im	-IK	1	-mIn/-m	-bIz
2	-Iŋ -IŋIz	-IŋdAr, -IŋIzdAr	2	-sIŋ, -sIz	-sIŋ/ndAr, -sIzdAr

Северозападно-ошский говор киргизского (южный)

	Sg	Pl		Sg	Pl
1	-Im	-IK	1	-mIn/-m	-bIz, -IK
2	-Iŋ -IŋIz	-IŋAr, -IŋIzdAr	2	-sIŋ, -sIz	-sIŋAr, -sIzdAr

Барабинско-татарский

	Sg	Pl		Sg	Pl
1	-Im	-IK(lar)	1	-m/-mAn	-bIs
2	-Iŋ	-Iŋnar/-Iŋis	2	-sIn	-sIs

Татарский литературный

	Sg	Pl		Sg	Pl
1	-ə/ə̃m	-ə/ə̃K	1	-m	-bə/ə̃z
2	-ə/ə̃ŋ	-ə/ə̃Gə/ə̃z	2	-sə/ə̃ŋ	-sə/ə̃z

Мишарский диалект татарского

	Sg	Pl		Sg	Pl
1	-ə/ə̃m	-ə/ə̃K	1	-mə/ə̃n	-bə/ə̃z
2	-ə/ə̃ŋ	-ə/ə̃Gə/ə̃z	2	-sə/ə̃ŋ	-sə/ə̃z

Касимовский говор среднего диалекта татарского

	Sg	Pl		Sg	Pl
1	-u/εm	-u/ε'	1	-m, -mεn	-b/mεz
2	-u/εn	-u/ε'u/εz	2	-sεn	-sεz

Мензелинский говор среднего диалекта татарского

	Sg	Pl		Sg	Pl
1	-ə/ə̃m	-ə/ə̃K	1	-mə/ə̃n	-bə/ə̃z
2	-ə/ə̃ŋ	-ə/ə̃Gə/ə̃z	2	-sə/ə̃ŋ	-sə/ə̃Gə/ə̃z

Златоустовский говор (Заказанье) среднего диалекта татарского²⁵

	Sg	Pl		Sg	Pl
1	-ə/ə̃m	-ə/ə̃K	1	-m	-bə/ə̃z
2	-ə/ə̃ŋ	-ə/ə̃Gə/ə̃z	2	-ŋ	-sə/ə̃Gə/ə̃z

¹⁸ Позволим себе привести большую цитату из статьи Д. Б. Рамазановой в [ДТЯ 2010: 363—365].

«Окончание 1-го лица единственного числа *-mān/-mən* сохранилось в основном в говорах мишарского диалекта и приуральского ареала. Оно наблюдается также и в отдельных говорах среднего диалекта (например, касимовском, нукратском, мензелинском): чистопольский *jal itəp utəramān* ‘сiju, отдыхаю’; касимовский *biç natšar ucyjmān* ‘очень плохо читаю’; *min sərājmān* ‘я спрашиваю’; мензелинский *žaqsə bələmān* ‘хорошо знаю’; нагайбакский *ujlyjmān da ujlyjmān* ‘думаю и думаю’; бугурусланский *əškä dä əlgərāmən* ‘и работать успеваю’; каргалинский *siNa qäyāz birāmən* ‘даю тебе справку’ (букв. ‘бумагу’)...

Окончание 2-го лица единственного числа *-N/-ŋ* наблюдается в говоре некоторых сел с крещено-татарским населением Заказанья, в златоустовском говоре. Примеры: *bäjlī bələŋmə sin?* (лит. *bäjlī*

Сибирско-татарские диалекты [ДТЯ 2010: 304—307]:

	Sg	Pl		Sg	Pl
1	-Im	-IK	1	-m, -mIn	-bIs
2	-Iḡ	-IḡIs	2	-sIn/ḡ	-sIs, -sIḡḡar (тебризский)

Башкирский литературный:

	Sg	Pl		Sg	Pl
1	-Im	-IK	1	-m, -mIn	-bIḡ
2	-Iḡ	-IḡIḡ	2	-hIḡ	-hIḡIḡ

В башкирском аффиксы первой серии сохраняются и продолжают употребляться в формах прошедшего категорического на *-d-* и условного наклонения. В аффиксах 2-й серии мы видим гибридные окончания 2Sg и 2Pl. В 1Sg наблюдается биение: аффикс 2-й серии в некоторых типах форм может замещаться аффиксом 1-й серии. Позиции таковы: презенс на *-a/-j - -mIn / -(i)m (bar-a-m // bar-a-mIn, uki-j-im // uki-j-mIn*, формы на *-mIn* малоупотребительны); будущее на *-(i)r- -mIn*, отрицательный аспект будущего — *-(ma-)m*, остальные формы, требующие 2-й серии, — только *-mIn*.

В башкирских диалектах (см. [ДТЯ 2010: 144—145]) наблюдается разная степень продвинутой замены окончаний 2-й серии на окончания 1-й (кроме 1Pl, которое везде сохраняется).

Айский говор

2-я серия	Sg	Pl
1	-m (Praes, Perf, Fut); -m/-mIn (FutNeg)	-bIḡ (Praes, Perf, Fut, FutNeg)
2	-ḡ (Praes), -ḡ/-hIḡ (Perf)	-ḡIḡ (Praes), -ḡIḡ/-hIḡIḡ/-hIḡ (Perf)

Аргаяшский говор

	Sg	Pl
1	-m/-mIn (Praes), -m (Fut, FutNeg)	-bIḡ (Praes, Perf, Fut, FutNeg)

bäläsəḡmә sin? ‘ты умеешь вязать’; *čäj äčkändä dä žazaN* (лит. *čäj äčkändä dä jazasâN*) ‘пишешь и тогда, когда пьешь чай’ и т. д.

Различие по говорам имеет и форма 2-го лица множественного числа. Для преобладающего большинства говоров татарского языка характерна литературная форма с окончанием *-sâz / -səz: barasâz, kiläsəz*. В параньгинском, заказанском и частично мензелинском, бирском, каргалинском, бугурусланском говорах среднего диалекта кроме этой формы наблюдается еще форма со сложным аффиксом *-sâḡâz / -səḡəz: barasâḡâz*. Примеры: параньгинский *ujâḡḡa čäḡasâḡâzma?* (лит. *ujâḡḡa čäḡasâḡâzma?*) ‘выходите на вечер?’, заказанский, каргалинский *üzäḡəz bäläsəḡəz* (лит. *üzäḡəz bäläsəz*) ‘сами знаете’.

Прошедшее простое первое на *-dâ / -dä* во всех говорах имеет единую схему спряжения и ничем не отличается от литературного языка.

Прошедшее второе на *-ḡan / -ḡän* в диалектах и говорах имеет широкое распространение. Оно может употребляться как в значении перфекта, так и с модальным оттенком прошедшего неочевидного. В литературном языке при спряжении эта форма обычно принимает личные окончания первой группы (*-män; -bâz; -sâN; -sâz*). В схеме спряжения прошедшего на *-ḡan / -ḡän* говоры имеют некоторые различия.

Sg	Pl
1 <i>min barḡan / barḡanmân / barḡanâm</i> ‘я ходил’	<i>bəz barḡan / barḡanbâz / barḡanâbâz</i>
2 <i>sin barḡan / barḡansâN</i>	<i>barḡanâNsəz / barḡansâz / barḡanâḡâz / barḡansâḡâz</i>
3 <i>ul barḡan</i>	<i>barḡanalar / barḡannar</i> .

Отрицательная форма спрягается по этой схеме.

Только формы 3-го лица не имеют своих диалектных вариантов, в остальных двух лицах говоры расходятся.

Вариант с личными окончаниями, совпадающими по форме с притяжательными аффиксами, наблюдается в говоре крещеных татар Заказанья, в мамадышском и частично мензелинском говорах среднего диалекта: мамадышский *ənetqanâm äjtärḡä* (лит. *äjtärḡä ənetqanmân*) ‘забыла сказать’; крышский *kilgändä kürḡänəḡəz minä* (лит. *kilgändä minä kürḡänsəz*) ‘вы видели меня, когда сюда приехали’. В пермском говоре эта особенность наблюдается в 1-м лице единственного и множественного чисел.

Вариант со сложным аффиксом во 2-м лице множественного числа (*barḡan-sâḡâz*) отмечен в параньгинском, заказанских, каргалинском, камышлинском, бугурусланском, учалинском, сафакульском, частично мензелинском говорах среднего диалекта. Примеры: параньгинский *küršə awâḡa barḡansâḡâz ikän* ‘оказывается, вы ходили в соседнюю деревню’.

Сальзигутский говор

	Sg	Pl
1	- <i>m</i> (Praes, Fut, FutNeg)	- <i>bl̥δ</i> (Praes, Perf, Fut, FutNeg)
2	- <i>hIŋ</i> (Praes), - <i>ŋ/-hIŋ</i> (Fut, FutNeg)	- <i>hIh</i> (Praes)

Миасский говор

	Sg	Pl
1	- <i>m</i> (Praes, Fut, FutNeg)	- <i>bl̥δ</i> (Praes, Perf, Fut, FutNeg)
2	- <i>hIŋ</i> (Praes), - <i>ŋ/-hIŋ</i> (Fut, FutNeg), - <i>hIn</i>	- <i>hIh</i> (Praes)

Кизильский говор и говоры южного диалекта

	Sg	Pl
1	- <i>m/-mIn/mIm</i> (Praes, Perf, Fut)	- <i>bl̥δ</i> (Praes, Perf, Fut, FutNeg)
2	- <i>ŋ/-hIŋ</i> (Praes, Perf, Fut)	- <i>ŋIδ/-hIŋIδ</i> (Praes, Perf, Fut)

Примеры: асинский *unaŋym* ‘играю’, *tabarym* // *taburym* ‘найду’, *baryanym* ‘(я) ходил’, средний *qalyanym* ‘(я) остался’, *qalyanyuŋ* ‘(ты) остался’, *qalyanybyδ* ‘(мы) остались’, *qalyanyuuyδ* ‘(вы) остались’, айский *jatqam* ‘(я) лег, лежал’, *jatqaŋ* ‘(ты) лег, лежал’, *jatqaŋyδ* ‘вы лежали’, казмашевский *toray* ‘(ты) стоишь’, *torayyδ* ‘(вы) стоите’, кизильский *alaŋ* ‘берешь’, *alanyyδ* ‘берете’, *alyrym* ‘возьму’, *alyanym* ‘(я) взял’, *alyanyuŋ* ‘(ты) взял’, *alyanyuuyδ* ‘(вы) взяли’, бурзянский *jatqam* // *jatqamym* ‘(я) лег, лежал’, кубалякский *töšäm* ‘спускаюсь’, *töšäŋ* ‘спускаешься’, *töšäged* ‘спускаетесь’, *qalyanym* ‘(я) остался’, *qalyanyuŋ* ‘(ты) остался’, *qalyanyuuyδ* ‘(вы) остались’.

Как можно видеть, данные по распространению окончаний, извлекаемые из литературы вопроса, неполны. Более подробное описание диалектных систем личных окончаний может выявить их пространственное распределение и, соответственно, расположение инновационных центров.

На соответствующих картах татарского и башкирского атласов (см. схемы 5, 6 в приложении к настоящей статье; [АТНГ: карта 98] и [ДАБЯ 2005: карта 82]) хорошо видно, что а) фиксации гибридного окончания 2Pl **-sIŋIz* в татарских диалектах никак не связаны с башкирскими контактами; б) фиксации архаичного окончания 2Pl **-sIz* в башкирских диалектах никак не связаны с татарскими контактами.

Итак, в кыпчакских языках и диалектах ранних фиксаций гибридных окончаний 2Sg, Pl нет, а в живых идиомах наблюдаются следующие типы систем:

а) «Архаические» системы: кумыкский; нукратский говор татарского; караимский галицкий; балкарский; караногайский; каракалпакский;

б) Система с гибридным окончанием 2Sg: ногайский;

в) Системы с гибридными окончаниями 2Sg, Pl: ак-ногайский, юртовский;

г) Системы с гибридными окончаниями 1Sg и 2Sg: карачаевский и баксанский говоры карачаево-балкарского, караимский тракайский и крымский, казахский, киргизский (все говоры), татарский, башкирские сальютский, миасский, частично айский говоры;

д) Системы с гибридными окончаниями 1Sg и 2Sg, 2Pl: западные казахские говоры, башкирский, алабугатские татары частично, параньгинский, заказанский, мензелинский, бирский, каргалинский, бу-гурусланский говоры татарского.

На настоящий момент мы не видим возможности реконструировать для пракупчакского состояния систему личных окончаний, отличающуюся от праобщетюркской (за исключением предположительного отсутствия в ней местоименной клитики **siler* для 2Pl 2-й серии).

2.9. Расположение систем с аффиксом *-sIŋ* показано на схеме 4; конфигурация зоны демонстрирует, что здесь мы имеем дело с общетюркской центральной инновацией, а в случае сохранения *-sAn* или развитием *-sAŋ* (каракалпакский; сонкорский; по большей части азербайджанский) — явно с периферийным и точечным сохранением (~ альтернативным развитием) архаизма. Видно, что а) окончание *-m* в кыпчакских и северо-восточных системах второй серии не возникает из старого окончания 2-й серии *-mAn*, а переносится из 1-й серии (в отличие от огуз. *-(j)I/Am*), за чем в ряде точечных случаев следует и перенос из первой серии окончания *-ŋ*; б) гибридизация, приведшая к возникновению *-sIŋ*, в целом не связана с процессом «посессивизации», т. е. возникновением пары *-m ~ --ŋ* и в этой серии окончаний.

Окончание *-sIŋIz* на схеме 4 явно тяготеет к западной, и в первую очередь к огузской зоне. Можно подозревать за отдельными точечными ареалами на кыпчакской территории «огузский след».

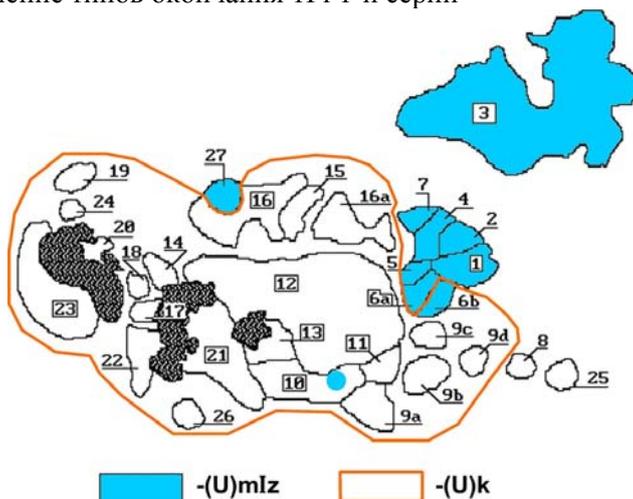
Таблица 3

Личные аффиксы в групповых реконструкциях¹⁹ тюркских языков

ПТю 1 серия	ПБулг 1 серия	ПОТю 1 серия	ПЯк 1 серия	ПТувТоф 1 серия	ПОгуз ²⁰ 1 серия	ПКарл 1 серия	ПНог 1 серия	ПХШ 1 серия	ПСАлт 1 серия	ПЮАлт 1 серия
1Sg *-(U)m	1Sg *-(U)m	1Sg *-(U)m	1Sg *-(I)m	1Sg *-(I)m	1Sg *-(U)m	1Sg *-(U)m	1Sg *-(I)m	1Sg *-(I)m	1Sg *-(I)m	1Sg *-(I)m
2Sg *-(U)ŋ;	2Sg *-(U)ŋ	2Sg *-(U)ŋ	2Sg *-(I)ŋ	2Sg *-(I)ŋ;	2Sg *-(U)ŋ	2Sg *-(U)ŋ	2Sg *-(I)ŋ	2Sg *-(I)ŋ	2Sg *-(I)ŋ	2Sg *-(I)ŋ
1Pl *-(U)K	1Pl *-(U)mIr	1Pl *-(U)K	1Pl *-(I)z	1Pl *-(I)bz	1Pl *-(U)K	1Pl *-(U)K	1Pl *-(I)K	1Pl *-(I)Bz	1Pl *-(I)Bz	1Pl *-(I)k
2Pl *-(U)ŋIr	2Pl *-(U)ŋIr	2Pl *-(U)ŋIz	2Pl *-(I)ŋIz	2Pl *-(I)ŋ-lAr	2Pl *-(U)ŋIz	2Pl *-(U)ŋIz, *-(U)ŋlAr	2Pl *-(I)ŋIz	2Pl *-(I)ŋ-lAr	2Pl *-(I)ŋ-lAr	2Pl *-(I)ŋ-lAr
ПТю 2 серия	ПБулг 2 серия	ПОТю 2 серия	ПЯк 2 серия	ПТувТоф 2 серия	ПОгуз 2 серия	ПКарл 2 серия	ПНог 2 серия	ПХШ 2 серия	ПСАлт 2 серия	ПЮАлт 2 серия
1Sg *bi	1Sg *bi	1Sg *ben	1Sg *-(I)n	1Sg *men	1Sg *-(v)An	1Sg *-(m)An	1Sg *-(m)An	1Sg *-(I)n, *-(I)m	1Sg *men, *-(I)m	1Sg *-(I)n, *-(I)m
2Sg *si	2Sg *si	2Sg *sen	2Sg *-(s)In	2Sg *sen	2Sg *-(s)An	2Sg *-(s)An	2Sg *-(s)An	2Sg *-(s)Iŋ	2Sg *-(s)Iŋ	2Sg *-(s)Iŋ
1Pl *bi-ř	1Pl *bir	1Pl *biz	1Pl *-(I)z	1Pl *biz	1Pl *-(v)Iz	1Pl *-(m)Iz	1Pl *-(m)Iz	1Pl *-(I)z	1Pl *-(I)z	1Pl *-(I)z, *-(I)k
2Pl *si-ř, *si-ler	2Pl *sir	2Pl *siz, *si-ler	2Pl *-(I)z	2Pl *si-ler	2Pl *-(s)UŋIz	2Pl *-(s)Iz, *-(s)I-lAr	2Pl *-(s)Iz	2Pl *-(s)Iŋ-lAr	2Pl *-(s)Iŋ-lAr	2Pl *-(s)Iŋ-lAr

Приложение.
Картосхемы к статье

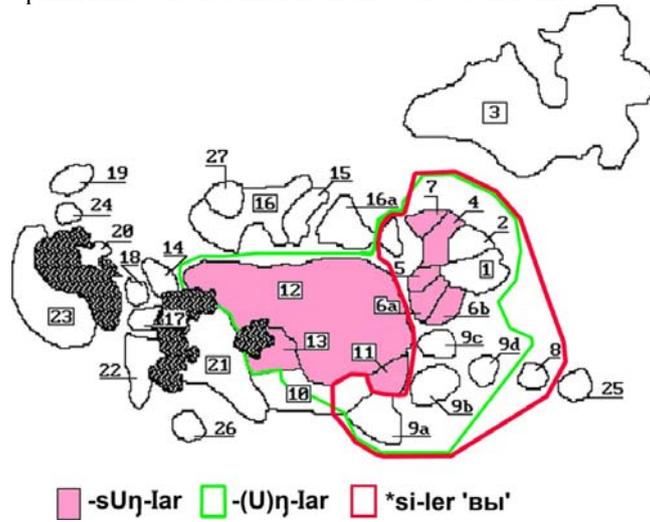
С х е м а 1. Распространение типов окончания 1Pl 1-й серии

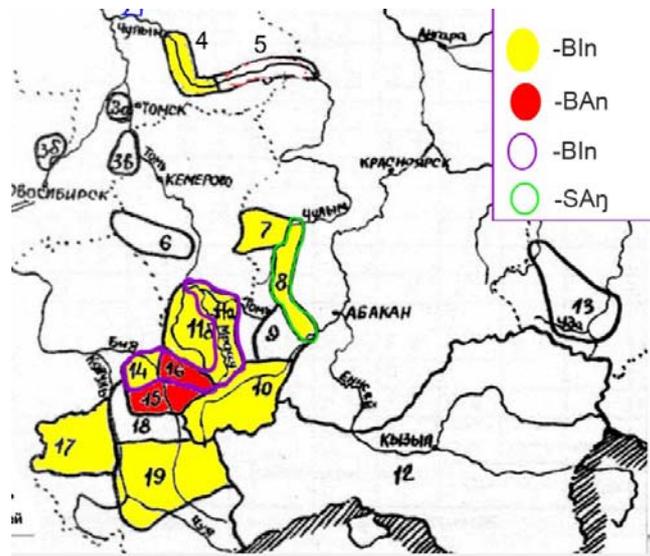
¹⁹ Здесь выписаны только те случаи, когда групповая реконструкция кажется возможной; как видно из предыдущего изложения, в ряде случаев описываемые аналогические процессы захватывают контактные диалекты, смежная границы группы; в ряде случаев диалектологической информации не хватает для обоснованного решения.

²⁰ См. также выше, в описании огузской группы, реконструкции для трех огузских подгрупп.

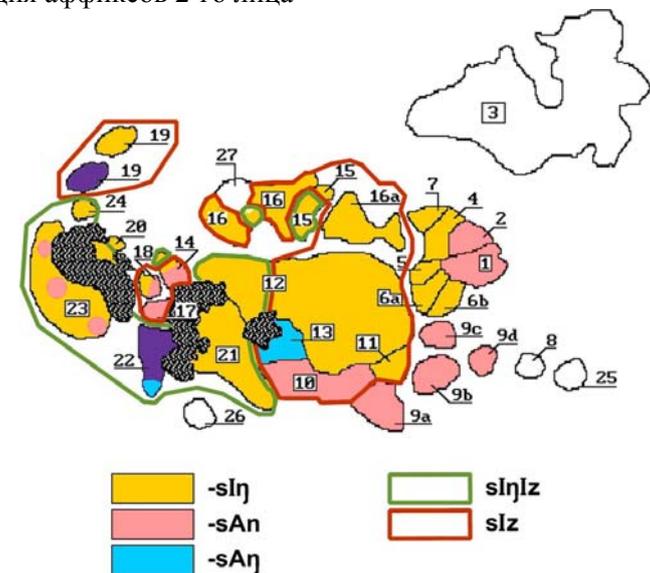
С х е м а 2. 2P1 на *-lar: финитные окончания и личное местоимение

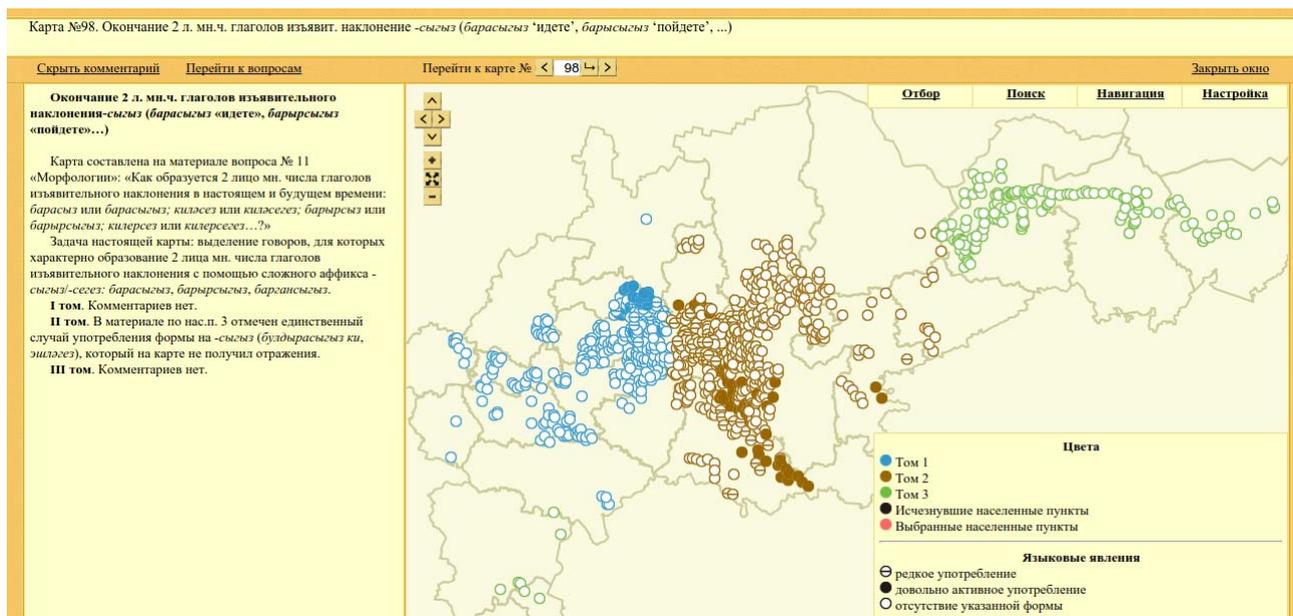
С х е м а 3. «Хакасские» и «алтайские» инновации

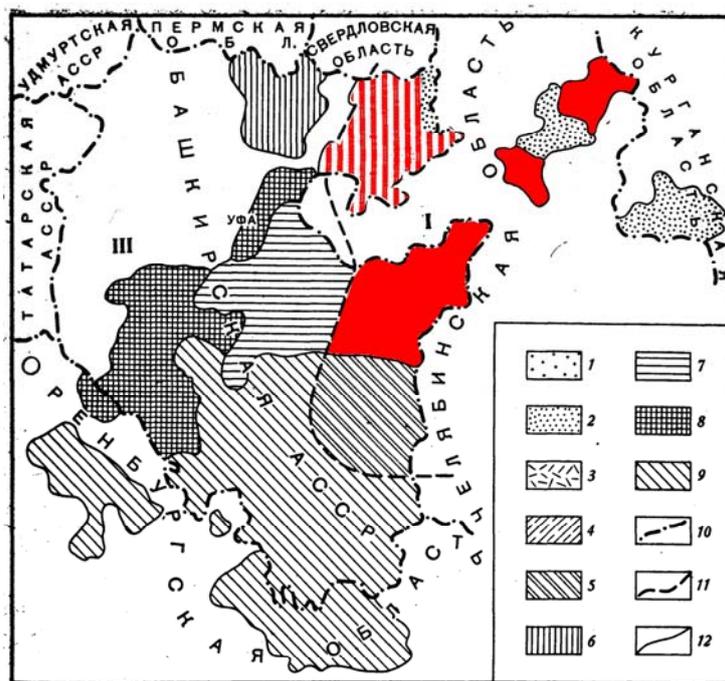
С х е м а 4. Гибридизация аффиксов 2-го лица

С х е м а 5. Татарские диалекты [АТНГ, карта 98]

С х е м а 6. Башкирские диалекты (красным отмечены фиксации архаичного окончания 2Pl *-s/z)

Диалекты и говоры башкирского языка

I — Восточный диалект:	II — Южный диалект:	III — Северо-западный диалект:
1 — айский говор,	7 — средний говор,	6 — карадельский говор.
2 — аргаяшский говор,	8 — демский говор,	
3 — сальютский говор,	9 — ик-сакмарский говор;	
4 — мнаасский говор,		
5 — кзылский говор;		
10 — граница БАССР и областей; 11 — граница диалектов; 12 — граница говоров.		

Сокращения

Общие

NAct — Nomen actionis
 Perf — Perfect
 Praes — Praesens

Pl — Plural
 Sg — Singular
 Subst — именное сказуемое

Языки и диалекты

алаб.-тат. — язык алабугатских татар
 алт. — диалект алтай-кижи
 бараб. — язык барабинских татар
 башк. — башкирский
 караим. — караимский
 кбалк. — карачаево-балкарский
 кирг. — киргизский
 куманд. — кумандинский
 мрас. — мрасский диалект шорского
 новоуйг. — новоуйгурский язык
 ПБулг — прабулгарский
 пилтир. — пилтирский говор хакасского
 ПКарл — пракарлукский
 ПНог — праногайский
 ПОгуз — праогузский
 ПОТю — праобщетюркский
 ПСАлт — прасеверноалтайский
 ПТув — пратувино-тофаларский
 ПТю — пратюркский

ПХШ — прахакасско-шорский
 ПЮАлт — праюжноалтайский
 ПЯк — праякутский
 саг. — сагайский диалект хакасского
 сюг. — сарыг-юйгу
 татар. — татарский
 теленгит. — теленгитский
 телеут. — телеутский
 тоф. — тофаларский
 тув. — тувинский
 туркм. — туркменский
 узб. — узбекский
 фуйюско-кирг. — язык фуюйских киргизов
 хак. — хакасский
 чалкан. — чалканский
 чув. — чувашский
 чул. средн. — средний диалект чулымского
 шор. — шорский
 як. — якутский

Литература

- Амансарыев 1970 — *Амансарыев Ж.* Түркмен диалектологиясы. Ашгабат, 1970. {*Amansariyev J.* Turkmen dialectology. Ashkhabad 1970}.
- АТНГ — Атлас татарских народных говоров. {Atlas of the Tatar native sub-dialects. <http://newipi.antat.ru/atlas/maps.html?mapnom=98>, 2011—2012.}
- Баскаков 1966 — *Баскаков Н. А.* Диалект черневых татар (Туба-кижи): Грамматический очерк и словарь. М., 1966. {*Baskakov N. A.* Taiga Tatar dialect (Tuba-kizhi): A grammatical survey and dictionary. Moscow, 1966}
- Баскаков 1972 — *Баскаков Н. А.* Диалект кумандинцев (Куманды-кижи): Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. М., 1972. {*Baskakov N. A.* Dialect of the Kumandins (Kumandy-kizhi): A grammatical survey, texts, translations and a dictionary. Moscow, 1972.}
- Баскаков 1975 — *Баскаков Н. А.* Диалект лебединских татар-чалканцев (Куу-кижи): Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. М., 1975. {*Baskakov N. A.* Dialect of the Lebedin Tatars—Chelkans (Kuu-kizhi): A grammatical survey, texts, translations and a dictionary. Moscow, 1975.}
- Благова 1994 — *Благова Г. Ф.* «Бабур-наме»: Язык, прагматика текста, стиль. М., 1994. {*Blagova G. F.* “Babur-name”: Language, text pragmatics, style. Moscow, 1994.}
- Грунина 1997 — *Грунина Э. А.* Огузский язык X—XI вв. // ЯМ 1997. С. 81—89. {*Grunina E. A.* Oghuz language of the 10th-11th centuries. // LW 1997. P. 81—89.}
- ГСАЯМ 2017 — Грамматика современного алтайского языка. Морфология. Горно-Алтайск, 2017. {Modern Altai grammar. Morphology. Gorno-Altaysk, 2017.}
- Гузев 1979 — *Гузев В. Г.* Староосманский язык. М., 1979. {*Guzev V. G.* Ottoman Turkish language. Moscow, 1979.}
- ДАБЯ 2005 — Диалектологический атлас башкирского языка. Уфа: Гилем, 2005. {Dialectological atlas of the Baskir language. Ufa: Gilem, 2005.}
- ДТЯ 2010 — Диалекты тюркских языков. М., 2010. {Dialects of the Turkic languages. Moscow, 2010.}
- ДХЯ 1973 — Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973. {Dialects of the Khakass language. Abakan, 1973.}

Дыбо 2006 — *Дыбо А. В.* Реконструкция праогузского спряжения // *Аспекты компаративистики*. М., РГГУ, 2006, 2. С. 259—280. {*Dybo A. V.* Proto-Oghuz conjugation reconstruction // *Aspects of comparative linguistics*. Moscow, RSUH, 2006. Vol. 2. P. 159—280.}

Дыбо 2011 — *Дыбо А. В.* К вопросу о реконструкции морфологических систем для языка агглютинативного типа // *Словообразование в тюркских языках: исследования и проблемы*. Казань, 2011. {*Dybo A. V.* On reconstructing morphological systems for an agglutinative language // *Word-building in Turkic languages: studies and problems*. Kazan, 2011.}

Из. Дар — *Изысканный дар тюркскому языку: Грамматический трактат XIV в. на арабском языке.* / Изд. Э. Фазылов. Ташкент, 1978. {*Exquisite gift to the Turkic language: An Arabic-language grammatical treatise from the 14th cent.* Publ. by *E. Fazylov*. Tashkent, 1978.}

Левитская 1976 — *Левитская Л. С.* Историческая морфология чувашского языка. М., 1976. {*Levitskaya L. S.* Historical morphology of the Chuvash language. Moscow, 1976.}

Муталибов 1968 — *Муталибов С. М.* Аттухфатуз закияту филлуғатит туркия. Тошкент, 1968. {*Mutallibov S. M.* Exquisite gift to the Turkic language. Toshkent, 1968.}

Мухаббат-наме — *Хорезми*. Мухаббат-Наме. Издание текста, перевод и транскрипция Э. Н. Наджиба. М., 1961. {*Khorezmi*. Mukhabbat-Name / Ed. *E. Najip*. Moscow, 1975.}

Наджип 1975 — *Наджип Э. Н.* Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сараи и его язык / АН СССР. Ин-т востоковедения. АН КазССР. Ин-т языкознания. Алма-Ата, 1975. {*Najip E. N.* Turkic-language monument of the 14th century — “Gulistan” by Saif-i Sarai and its language / AS USSR. Institute of Oriental Studies. AS KSSR. Institute of linguistics. Alma-Ata, 1975.}

Напольнова 1995 — *Напольнова Е. М.* История турецкого литературного языка XIII—XIV вв. (начальный период): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. {*Napolnova E. M.* History of Literary Turkish of 13th-14th cent. (early period): Author's abstract of the Ph. D. thesis. Moscow, 1995.}

Насилов 2009 — *Насилов Д. М.* Кыпчаки у Махмуда Кашгарского // *Тюркологический сборник. 2007—2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран*. СПб. С. 284—293. {*Nasilov D. M.* Kypchaks in Mahmud al-Kashgari // *Turkological collection. 2007—2008: History and culture of Turkic peoples of Russia and neighboring countries*. Sankt-Peterburg. P. 284—293.}

Нуриева 2004 — *Нуриева Ф. Ш.* Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. Казань, Казанский государственный университет, 2004. {*Nurieva F. Sh.* Historical and linguistic conditions for development of the Turkic-Tatar literary language of the Golden Horde period. Kazan, Kazan State University, 2004.}

Поливанов 1923 — *Поливанов Е. Д.* Ташкентский диалект (Материалы по лингвистической переписи Туркестана. № 4. Турецкая серия). / Предложена к печати через ГУС Наркомпроса Турк. АССР в ГИЗ. V. 1923. {*Polivanov E. D.* Tashkent dialect (Materials for linguistic census of Turkestan. #4. Turkish series. / Proposed for printing through Turk. ASSR People's Commissariat of Education SAC in SP. V. 1923.}

Рассадин 1978 — *Рассадин В. И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978. {*Rassadin V. I.* Tofa morphology in comparative aspect. Moscow: Nauka, 1978.}

Сат 1955 — *Сат Ш. Ч.* Тувинский язык. Краткий очерк // *Тувинско-русский словарь*. М., 1955. {*Sat Sh. Ch.* Tuvan language. A short survey // *Tuvan-Russian dictionary*. Moscow, 1955.}

СИГТЯ 1988 — *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология*. М., 1988. {*Comparative-historical grammar of Turkic languages: Morphology*. Moscow, 1988.}

СИГТЯ 2002 — *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции*. М., 2002. {*Comparative-historical grammar of Turkic languages: Regional reconstructions*. Moscow, 2002.}

СИГТЯ 2006 — *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрка*. М.: Наука, 2006. {*Comparative-historical grammar of Turkic languages. Proto-Turkic base language. A Proto-Turk's world-view*. Moscow: Nauka, 2006.}

Тенишев ССЯ — *Тенишев Э. Р.* Строй саларского языка. М., 1976. {*Tenishev E. R.* Structure of the Salar language. Moscow, 1976.}

Тенишев ССЮЯ — *Тенишев Э. Р.* Строй сарыг-югурского языка. М., 1976. {*Tenishev E. R.* Structure of the Saryg Uyghur language. Moscow, 1976.}

Токмашев 2008 — *Токмашев М. Г., Токмашев Д. М.* Теленет тили. Телеутский язык. Кемерово, 2008. {*Tokmashev M. G., Tokmashev D. M.* Теленет тили. Teleut language. Kemerovo, 2008.}

Ураев 1955 — *Ураев Р. А.* Говор чулымских тюрков дер. Ежи // *Уч. Зап. ТГПИ XIII Томск*, 1955. {*Uraev R. A.* Sub-dialect of the Chulym Turks from Ezhi village // *Sc. notes of TSPI XIII, Tomsk*, 1955.}

Халикова 1990 — *Халикова Р. Х.* Язык башкирских шежере и актов документов XVIII-XIX вв. М., Наука, 1990. {*Khalikova R. Kh.* Language of Bashkir shajaras and act documents from 18th-19th cent. Moscow, Nauka, 1990.}

Чадамба 1974 — *Чадамба З. В.* Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974. {*Chadamba Z. V.* Todzhi dialect of the Tuvan language. Kizil, 1974.}

- Щербак 1962 — *Щербак А. М.* Грамматика староузбекского языка. Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1962. {*Shcherbak A. M.* Old Uzbek grammar. Moscow-Leningrad: AS USSR Press, 1962.}
- Щербак 1981 — *Щербак А. М.* Очерки по сравнительно-исторической морфологии тюркских языков. Глагол. Ленинград, Наука, 1981. {*Shcherbak A. M.* Essays in comparative-historical morphology of the Turkic languages. Verb. Leningrad, Nauka, 1981.}
- ЯМ 1997 — Языки мира. Тюркские языки. М., 1997. {Languages of the world. Turkic languages. Moscow, 1997.}
- Adamović 1985 — *Adamović M.* Konjugationsgeschichte der türkischen Sprache. Leiden, Brill, 1985.
- Bodrogligeti 2001 — *Bodrogligeti A.J.E.* A Grammar of Chagatay. Muenchen, 2001.
- DK — *Dankoff R., Kelly J.* Compendium of the Turkic dialects. I–III. Harward, 1982—1985.
- Doerfer 1987 — *Doerfer G.* Lexik und Sprachgeographie des Chaladsch. Bd.1-2. Harrassowitz, 1987.
- Doerfer 1988 — *Doerfer G.* Grammatik des Chaladsch. Wiesbaden, 1988.
- Doerfer 1991 — *Doerfer G.* Die Prädikatsuffixe des Oghusischen, vornehmlich der Mundart von Galügāh // Исследование языковых систем в синхронии и диахронии. К 70-летию Э. Р. Тенишева. М., 1991. {// Synchronic and diachronic studies of language systems. To the E.R. Tenishev's 70th. anniversary. Moscow, 1991.}
- Erdal 2004 — *Erdal M.* A Grammar of Old Turkic. Leiden: Brill, 2004.
- Fund. — *Philologiae turcicae fundamenta.* Wiesbaden, 1959.
- Karahan 1996 — *Karahan L.* Anadolu Ağızlarının Sınıflandırılması. Ankara, 1996.
- Ragagnin 2011 — *Ragagnin E.* Dukhan, a Turkic Variety of Northern Mongolia. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden 2011.
- Mansuroglu — *Mansuroğlu M.* Das Altosmanische // Fund., S. 161—181.
- Roos 2000 — *Roos M. E.* The Western Yugur (Yellow Uygur) Language. Grammar, Texts, Vocabulary. Dissertation. Leiden, 2000.
- Schönig 1995 — *Schönig C.* Analogie als sprachbildende Kraft in den Türksprachen // Laut- und Wortgeschichte der Türksprachen. Wiesbaden, 1995.
- Yakup 2002 — *Yakup A.* An Ili Salar vocabulary. Tokyo, 2002.

РЕЗЮМЕ

В статье делается попытка проследить процессы парадигматической унификации на материале истории развития системы личных окончаний первичной предикации в тюркских языках и диалектах. Этот метод позволяет верифицировать реконструкцию пратюркского состояния и построить реконструкции ряда промежуточных (групповых) состояний для рассматриваемой морфологической подсистемы, в то же время демонстрируя отдельные результаты контактного взаимодействия в рамках то и дело возникавших на тюркской территории диалектных континуумов.

SUMMARY

The article makes an effort to trace the paradigmatic unification processes in the development history of the system of personal flections of primary predication in Turkic languages and dialects. This method allows to verify the Proto-Turkic reconstruction and reconstruct a number of intermediate states for this morphological subsystem. At the same time, it demonstrates some results of contact interaction in dialectal continua, which repeatedly appeared in Turkic territories.

Ключевые слова: Морфологическая реконструкция, аналогические процессы, парадигматическая унификация, междиалектные взаимодействия, промежуточные реконструкции, спряжение, тюркские языки

Keywords: Morphological reconstruction, paradigmatic unification, inter-dialectal interaction, intermediate reconstructions, conjugation, Turkic languages

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН / Институт классического Востока и античности Высшей школы экономики (Москва); adybo@mail.ru

Anna V. Dybo, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences & Institute for Oriental and Classical Studies, High School of Economics (Moscow); adybo@mail.ru

**Архивный пелымско-русский словарь,
составленный русским священником о. Константином Словцовым,
как источник, позволяющий оценить точность записей
в мансийских словарях А. Каннисто и Б. Мункачи¹**

Еще в начале XX века обские угры носители хантыйского и мансийского языков занимали огромную территорию от верховьев Печоры на севере Уральских гор до Томской области рек Юган, Васюган, Вах (около трех тысяч километров от северо-западного до юго-восточного регионов их расселения). Конечно, для языков, распространенных на такой огромной территории, была характерна значительная диалектная раздробленность. Хантыйский и мансийский языки разделены на четыре диалектных группы каждый, между носителями которых взаимопонимание отсутствует. В начале XX века в каждой диалектной группе было еще несколько диалектов, которые также значительно отличались друг от друга морфологическими и фонетическими системами. Оказалось, что даже один диалект, например, сосвинский мансийский, распространенный в населенных пунктах п. Сосьва и д. Ломбовож, расстояние между которыми около тысячи километров, имеет значительную вариативность по говорам. Как показали последние исследования, проведенные Е. В. Ковалевой в фонетической программе Praat, в говоре п. Сосьва есть долгие и краткие гласные, как и в литературном мансийском, а в д. Ломбовож, которая находится значительно южнее, в Свердловской области, судя по анализу архивных данных, собранных новосибирскими учеными в 70-х годах XX века, есть только нейтральные гласные. Таким образом, диалекты хантов и манси в начале XX века можно было бы описывать как восемь языков с несколькими десятками говоров, значительно отличающимися друг от друга.

К сожалению, в настоящее время ситуация катастрофически меняется. Часть диалектных групп уже исчезла: последние носители южных и западных диалектов мансийского языка, южных диалектов хантыйского языка умерли уже в середине XX века. Сейчас жив только один носитель восточно-мансийского диалекта (подробнее см. ниже). Часть диалектов хантыйского языка: низямский (промежуточная группа между северными и южно-хантыйскими диалектами), салымский (промежуточная группа между западными и восточными хантыйскими диалектами) считались уже исчезнувшими, но полевые экспедиции, проведенные в рамках наших проектов С. В. Ониной и М. К. Амелиной (подробнее см. ниже), позволили найти нескольких последних носителей этих диалектов.

По данным переписи 2010 г., на хантыйском языке говорят около 9,5 тыс. человек. На самом деле, речь идет фактически только о носителях северо-западных диалектах, поскольку, как было сказано выше, юго-западные диалекты уже исчезли, а восточными владеют лишь отдельные носители, живущие в деревнях по притокам Оби, средний возраст которых примерно 70–80 лет. В быту восточно-хантыйские диалекты не используются.

По данным переписи 2010 года мансийским языком владеют около 4,5 тыс. человек. Это практически исключительно носители северных сосвинского и сыгвинского диалектов, поскольку, как было сказано выше, носителей западного и южного диалектов уже нет, и нам известен лишь один носитель восточного диалекта.

Поэтому по западному и южному диалектам мансийского языка вплоть до настоящего времени в научный оборот вошли материалы только двух ученых, собранные в XIX в. и в некоторой степени друг другу противоречащие — это [МК 1986], созданный по материалам Б. Мункачи и [Kannisto 2013] — по данным А. Каннисто. Велики ли различия между этими словарями, на чью транскрипцию можно полагаться? Приведем лишь один пример, который достаточно хорошо отражает общую картину — это два слова ‘один’ и ‘осень’, которые, по мнению В. Штейнитца [Steinitz 1955], Л. Хонти [Honti 1982] и М. А. Живлова [Живлов 2006] имеют один и тот же праязыковой гласный **i* в первом слоге.

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 15-18-00044 «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира. Создание описаний алтайских и уральских языков России, находящихся на грани исчезновения» (сбор и осмысление данных современных мансийских диалектов), РГНФ № 15-04-00361 «Первые памятники письменности на уральских и алтайских языках» (анализ архивных данных по мансийским диалектам). Пользуясь случаем хотим выразить глубокую благодарность В. Айхингер (Австрия) за помощь в отождествлении лексем из словаря [Словцов 1905] и [Kannisto 2013], М. П. Безеновой за ввод материала по словарю А. Каннисто в пелымский словарь на сайте <http://lingvodoc.ispras.ru/>.

Соотношение транскрипций А. Каннисто и Б. Мункачи

[МК 1986]	[Kannisto 2013]
N <i>akw</i> (~ <i>au</i> ~ <i>ak</i>), LM <i>ākw</i> (~ <i>āu</i> ~ <i>āk</i>), LU <i>āk</i> (~ <i>āk</i>), P <i>əkw</i> ~ <i>əu</i> , K <i>āk</i> w ~ <i>āk</i> wē, T <i>uχ</i> - (<i>uk</i> -) ‘один’ [МК 1986: 28]	T <i>üχ</i> , KM <i>āk</i> , P <i>εk</i> , VNK <i>āk</i> , LO <i>ākβa</i> , So <i>āGβā</i> ‘один’ [Kannisto 2013: 15]
N <i>takwēs</i> , LM <i>tāk</i> wēs, LU <i>tāk</i> wēs, <i>tāχ</i> wēs, K <i>tāχ</i> wēs, T <i>tukēs</i> (~ <i>tūkēs</i>) ‘осень’ [МК 1986: 619]	KM, VNK <i>tākφs</i> , P <i>tεēks</i> , <i>tεχs</i> , So <i>tāGφs</i> [Kannisto 2013: 363]

Как видно, запись гласного первого слога в диалектах различается не только в двух словарях для одного и того же слова, но и в разных словах у одного и того же автора. В частности, у [МК 1986] гласные различны в пельмском (P *əkw* ~ *əu* ‘один’ и P *tāk*wēs ‘осень’) и в тавдинском (T *uχ*- (*uk*-) ‘один’ и T *tukēs* (~ *tūkēs*) ‘осень’) диалектах. По [Kannisto 2013] в этих словах также есть различия, правда, не только в тавдинском и пельмском, но практически во всех диалектах за исключением сосьвинского.

В 2015 году во время работы в Национальной библиотеке Финляндии в Хельсинки был найден словарь верхне-пельмского диалекта (западно-мансийского) [Словцов 1905]. В этом словаре представлено 424 западно-мансийских лексемы, для некоторых глагольных лексем приведены отдельные словоизменительные формы. Этот словарь набран нами и в настоящее время также в электронном виде представлен на сайте <http://lingvodoc.ispras.ru/>.

В настоящей работе мы планируем провести сравнительный анализ данных гласных графем первого слога в пельмском диалекте мансийского языка, представленном в словарях [Словцов 1905; МК: 1986; Kannisto 2013].

Для того, чтобы верифицировать полученные результаты, мы сочли целесообразным не просто сравнивать поллексемно словари между собой, но привлечь и современный полевой аудиоматериал, обработанный в фонетической программе Praat для уточнения транскрипции.

В марте 2013 г. М. К. Амелина предприняла экспедицию в д. Шугур Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) с целью сбора материала по юкондинскому диалекту мансийского языка, который, по классификации Б. Мункачи, считается восточным. В ходе экспедиции были найдены всего два носителя этого диалекта, которые могли на нем говорить: Селиванова (урожд. Нохова) Елизавета (Анна)² Ивановна (1923 г. р., на момент записи — 89 лет) и Шивторов Максим Семенович (1939 г. р., на момент записи — 74 года); остальные манси в д. Шугур помнят лишь отдельные слова. От этих двух носителей были записаны полные словники исконной лексики с парадигмами и контекстами их употребления, а также небольшие тексты. Через пять дней после отъезда М. К. Амелиной из д. Шугур, 2-го апреля 2013 г., Селиванова Елизавета Ивановна скончалась.

Важно отметить, что в настоящее время анализ данных, собранных от двух носителей восточномансийского (юкондинского) диалекта, указывает на их высокую значимость для лингвистики: оказалось, что, по сравнению с литературным северномансийским, в восточномансийском диалекте представлены архаические черты — три степени долготы гласных и три акцентных парадигмы глагола. Собранный материал подтверждает, что эти черты, которые встречаются и в обском (северномансийском) диалекте, должны быть реконструированы и для прамансийского языка. Наличие записей от двух носителей указывает на то, что та или иная черта не является особенностью идиолекта одного носителя, а была свойственна идиому в целом. На этом примере видно, что каждый год промедления может быть фатальным для сохранения материала языков и диалектов, которые находятся на грани исчезновения.

Ранее фонетические отличия юкондинского диалекта от мансийского литературного языка были описаны в [Кузакова 1963; Сайнахова 2012], однако система ударения в этом диалекте не была изучена. В результате полного анализа собранного аудиоматериала, нарезанного на отдельные словоформы, в программе Praat было установлено, что в юкондинском диалекте мансийского языка выделяются три акцентные парадигмы глагола, ср. [Норманская 2015a].

Итак, в 2013 году И. А. Стенин предпринял экспедицию в два села Октябрьского района ХМАО с. Нижние Нарынкары и с. Перегрёбное. Он опросил и по возможности записывал словник исконной лексики от 4 носителей обского диалекта мансийского языка из с. Нижние Нарынкары: Бутариной Галины Васильевны, Куликовой Нины Иосифовны, Матвеевой Зинаиды Яковлевны, Плехановой Клавдии Семеновны, и от 2 носителей из с. Перегрёбное Гындышевой Таисии Григорьевны, Ярлиной Евдокии Григорьевны. Почти все носители обского диалекта мансийского языка старше шестидесяти лет. В детстве они владели только мансийским языком, и до школы не знали русского языка. В настоящее

² Анна — официальное имя по паспорту, Елизавета — настоящее, но неофициальное имя.

время дома с детьми и внуками они говорят только по-русски, между собой общаются по-мансийски, но часто переходят на русский язык.

Фонетические отличия обского диалекта от мансийского литературного языка кратко описаны в [Ромбандеева 1973; Сайнахова 2012]. Но они подчеркивали, что в целом обской диалект фактически не изучен. Вероятно, поэтому исследователи ранее не отмечали наличие разноместного ударения в обском глаголе.

В результате полного анализа полевого материала, собранного в 2013 году И. А. Стениным, и нарезанного на отдельные словоформы, в программе Praat было установлено, что в обском диалекте мансийского языка выделяются три глагольные акцентные парадигмы, ср. [Норманская 2015б].

Указанный материал уже обработан и представлен на сайте <http://lingvodoc.ispras.ru/> в виде диалектных аудиословарей соединенных между собой этимологическими связями.

Сравнительный анализ этих словарей позволил значительно уточнить прамансийскую реконструкцию. Первая реконструкция прамансийского вокализма была предложена в работе [Kannisto 1919], который реконструировал 19 фонем, для каждой из которых был указано еще от 5 до примерно 10 вариантов особых рефлексаций в одном или нескольких говорах без указаний на системные распределения. Понятно, что если просто брать ряды соответствий, то получится не 19 фонем, а более 70. Последующим исследователям было очевидно, что такое количество фонем маловероятно, и речь, видимо, идет о фонетических вариантах. В. Штейнитц, Л. Хонти, М. А. Живлов, не обращаясь к полемому аудиоматериалу, предложили сократить эту систему: В. Штейнитц реконструировал 15 фонем, Л. Хонти и М. А. Живлов — 13 фонем. Но соответствия между этими системами далеко не всегда однозначны. Одна и та же фонема у Каннисто, например, **a* может соответствовать двум разным фонемам у более поздних авторов: **ǎ*, **ě*, а **ε* — даже трем фонемам: **ě*, **ǐ*, **ǰ*. И, наоборот, **ǰ* по В.Штейнитцу соответствует шести фонемам по А. Каннисто.

Мы предположили, что для выведения исследований по изучению мансийского вокализма на новый уровень необходима верификация материалов А. Каннисто и Б. Мункачи на материале современных диалектов, и их анализа с помощью возможностей, которые в настоящее время предоставляют программы для экспериментальной фонетики.

В статье [Норманская 2015в] был проведен сравнительный анализ полевых данных по мансийским диалектам и реконструирована прамансийская система вокализма, состоящая из 7 (? 8) фонем: **a*, **ā*, **u*, **o*, **i*, **e*, **ε*, ?**i*.

В настоящей статье мы проведем сравнительный анализ трех существующих источников материала по пелымскому диалекту мансийского языка: словарей [Словцов 1905], [МК 1986], [Kannisto 2013] и их сопоставление с прамансийской реконструкцией, полученной в [Норманская 2015в], на основании сопоставления полевых данных по мансийским диалектам.

Таблица 2

Рефлексы прамансийских гласных первого слога в пелымском диалекте

ПМанс.	[Словцов 1905]	[Kannisto 2013]	[МК 1986]
* <i>a</i>	<i>a</i> , <i>я</i> (C' _)	<i>a</i>	<i>a/ā</i> , <i>ə</i>
* <i>ā</i>	<i>oa</i> , # <i>o</i> , <i>o#</i>	<i>ɔǎ</i>	<i>oā</i> , <i>ǎ</i> (v _)
* <i>i</i>	<i>u</i>	<i>i</i>	<i>i</i>
* <i>u</i>	<i>y</i> , <i>ю</i> (C' _)	<i>u/ū</i>	<i>u/ū</i>
* <i>o</i>	<i>o</i> , <i>ě</i> (C' _)	<i>ɔ</i> , <i>ǒ</i>	<i>ǎ</i> , <i>o/ō</i>
* <i>e</i>	<i>э</i> , <i>e</i> (C' _)	<i>ē</i> , <i>e/ē</i>	<i>é/ē</i> , <i>e/ē</i>
* <i>ε</i>	<i>э</i> , <i>e</i> (C' _)	<i>ē</i> , <i>ε</i>	<i>ā</i> , <i>ə/ē</i>

Таблица 3

ПМанс. **a*³

пелым. <i>a</i> , <i>я</i> (C' _) [Словцов 1905]	пелым. <i>a</i> [Kannisto 2013]	пелым. <i>a/ā</i> , <i>ə</i> [МК 1986]	обск. <i>a</i>	юконд. <i>a/a</i> :	сосьв. <i>a/ā</i>
---	------------------------------------	---	----------------	---------------------	-------------------

1) пелым. *Шǎнишь-панга* 'Колено' [Словцов 1905: 15], *šǎnšpeŋk* [Kannisto 2013: 762], *šǎnš* [МК 1986: 525] < ПМанс. [Honti 1982] **šǎnš* > обск. *sans* 'колено', юконд. *sans* 'колено', сосьв. *sǎnsnuŋk* 'колено'⁴;

³ Здесь и далее приводятся, по возможности, примеры из исконной лексики, которая сохранилась в большинстве мансийских диалектов, для диалектов в таблице выписаны только те рефлексы, которые встретились более одного раза.

- 2) пелым. *Шаарпъ* ‘Топор’ [Словцов 1905: 25], *šayrp* ‘топор’ [Kannisto 2013: 782], *šairèp* [МК 1986: 511] < ПМанс. [Honti 1982] *šāyər- > обск. *sáyrap* ‘топор’, юконд. *sawr* ‘топор’, сосьв. *cāgran* ‘топор’;
- 3) пелым. *Сáрыйнгарь* ‘Белый’ [Словцов 1905: 4], *saḷrŋ* [Каннисто: 721], *sairiŋ* [МК 1986: 515], ср. юконд. *sairən* ‘белый’;
- 4) пелым. *Кáйтомъ* ‘Бегу’ [Словцов 1905: 4], *kajt* [Kannisto 2013: 274], *khāit-* [МК 1986: 71], ср. сосьв. *xāituŋkve* ‘бегать’;
- 5) пелым. *Мáинь* ‘Дай!’ [Словцов 1905: 9], *māji* [МК 1986: 306] < ПМанс. [Honti 1982] *māj- > сосьв. *май-* ‘давать’;
- 6) пелым. *Кáртэмъ* ‘Курю’ [Словцов 1905: 15], *kart-* ‘Курить’ [Kannisto 2013: 360], ср. сосьв. (*cāp*) *хартуŋкве* ‘курить’;
- 7) пелым. *Саатъ* ‘Радость’ [Словцов 1905: 22], *šayt-* ‘быть радостным’ [Kannisto 2013: 852], ср. сосьв. *сyгт* ‘радость’;
- 8) пелым. *Чáхаль* ‘Туча’ [Словцов 1905: 25], *šaxxal* ‘Туча’ [Kannisto 2013: 822], ср. сосьв. *сyхыл* ‘туча’;
- 9) пелым. *Вáйлэмъ* ‘Видишь’ [Словцов 1905: 5], *waj-* [Каннисто: 136], *vøi* [МК 1986: 711] < ПМанс. [Honti 1982] *wāj- > сосьв. *wā-*, *wāy-* ‘видишь’, обск. *vājmanojtʃik* ‘видеть, знать’;
- 10) пелым. *Пасса* ‘Рукавица’ [Словцов 1905: 22], *passā* [Каннисто: 646], *pøsse* [МК 1986: 418] < ПМанс. [Honti 1982] *pīsya > обск. *pāsā* ‘рукавица’, юконд. *pasʃe* ‘рукавица’, сосьв. *nāssa* ‘рукавица’;
- 11) пелым. *А́хъ* ‘Гора’, *А́хтишь* ‘Камень’ [Словцов 1905: 6, 13], *aχ*, *aχtš* [Kannisto 2013: 21, 33], *øχ*, *øχ* [МК 1986: 24], ср. юконд. *a:χ* ‘гора’, сосьв. *āχ* ‘гора’, *āχtwac* ‘камень’;
- 12) пелым. *Вáтакумъ* ‘Купец’ [Словцов 1905: 14], *βātāχum* [Kannisto 2013: 178], *vøtā* [МК 1986: 721], ср. сосьв. *вáтакум* ‘купец’;
- 13) пелым. *Кáнна* ‘Осина’ [Словцов 1905: 20], *kaʃpā* [Kannisto 2013: 336] < ПМанс. [Honti 1982] *kīpɜ > обск. *hap(i)gá* ‘осина’, юконд. *χa:p jiw* ‘осина’, сосьв. *xānka* ‘осина’;
- 14) пелым. *Лáхсъ* ‘Грибы’ [Словцов 1905: 7], *laχs* ‘Гриб’ [Kannisto 2013: 416], *løχs* [МК 1986: 246], ср. юконд. *laχs* ‘гриб’, сосьв. *lāχys* ‘гриб’;
- 15) пелым. *Пясерью* ‘Рябина’ [Словцов 1905: 22], *pāsèr* [МК 1986: 419] < ПМанс. [Honti 1982] *pācār > обск. *pačér* ‘рябина’, юконд. *pʹačər* ‘рябина’, сосьв. *nasjriuv* ‘рябина’;
- 16) пелым. *Ряквái* ‘дождь идет’ [Словцов 1905: 9], *rak-*, *raχ-* ‘идти о дожде, падать о воде’ [Kannisto 2013: 682], *rāχw* [МК 1986: 491], ср. сосьв. *раке* ‘дождь’.

Таблица 4

ПМанс. *ā

пелым. <i>oa/#o, o#</i> [Словцов 1905]	пелым. <i>ǝ</i> [Kannisto 2013]	пелым. <i>oā, ā (v_)</i> [МК 1986]	обск. <i>a</i>	юконд. <i>uo, ue, ua</i>	сосьв. <i>a/ā</i>
---	------------------------------------	---------------------------------------	----------------	-----------------------------	-------------------

- 1) пелым. *Омъ* ‘Собака’ [Словцов 1905: 23], *ǝmp* ‘Собака’ [Kannisto 2013: 61], *oāmp* [МК 1986: 38] < ПМанс. [Honti 1982] *āmpɜ > сосьв. *āmp* ‘собака’;
- 2) пелым. *Коатъ* ‘Рука’ [Словцов 1905: 22], *kǝāt* ‘Рука’ [Kannisto 2013: 387], *koāt* [МК 1986: 200] < ПМанс. [Honti 1982] *kātɜ > обск. *ka:t* ‘рука’, юконд. *kuete-* ‘рука’, сосьв. *kām* ‘рука’;
- 3) пелым. *О* ‘Дочь’ [Словцов 1905: 9], *ǝā* ‘Дочь’ [Kannisto 2013: 2], *oā* [МК 1986: 22] < ПМанс. [Honti 1982] *āy(ɜ) > юконд. *uey-* ‘дочь’, сосьв. *āgi* ‘дочь’;
- 4) пелым. *Она* ‘Чашка’ [Словцов 1905: 26], *ǝānā* ‘Чашка’ [Kannisto 2013: 72—73], *oānè, oānā* [МК 1986: 39] < ПМанс. [Honti 1982] *ānɜ > юконд. *uepe* ‘чашка’, сосьв. *āny* ‘чашка’;
- 5) пелым. *Оáсимъ* ‘Дедушка’ [Словцов 1905: 9], *ǝās* ‘Дедушка’ [Kannisto 2013: 408] < ПМанс. [Honti 1982] *āc(ɜ) > обск. *achrič* ‘дедушка со стороны матери’, юконд. *uə-* ‘дед’, сосьв. *ācēyka* ‘отец матери’;
- 6) пелым. *Тоары* ‘Ерш’ [Словцов 1905: 10], *tǝāriy* ‘Ерш’ [Kannisto 2013: 408], ср. юконд. *tʹuari* ‘ерш’, сосьв. *tārka* ‘ёрш’;
- 7) пелым. *Во* ‘Сила’ [Словцов 1905: 24], *βǝāyn* ‘Сильный’ [Kannisto 2013: 139], *vā* [МК 1986: 712] < ПМанс. [Honti 1982] *wāy > сосьв. *vāg* ‘сила’;
- 8) пелым. *Вóремъ* ‘Делаю’ [Словцов 1905: 9], *Вáрна* ‘Дело’ [Словцов 1905: 9], *βǝār* ‘делать’ [Kannisto 2013: 161], *vār-* [МК 1986: 194]
- 9) обск. *vá:rənki* ‘делать’, сосьв. *vāruŋkve* ‘делать’ < ПМанс. [Honti 1982] *wār-;

⁴ Здесь и далее сосьв. цитируется по [Ромбандеева, Кузакова 1982].

Таблица 5

ПМанс. *i

пелым. <i>и</i> [Словцов 1905]	пелым. <i>i</i> [Kannisto 2013]	пелым. <i>i</i> [МК 1986]	обск. <i>i</i>	юконд. <i>i, e/e:</i>	сосьв. <i>i/ī</i>
-----------------------------------	------------------------------------	------------------------------	----------------	-----------------------	-------------------

- 1) пелым. *Тусънитимъ* 'Губы' [Словцов 1905: 7], *tuspit't^sim* 'Губы' [Kannisto 2013: 948]; Р *pitəm* [МК 1986: 444] < ПМанс. [Honti 1982] **pitəm* > обск. *pit'mi* 'губа', юконд. *pet* 'губа', сосьв. *путьми* 'губа';
- 2) пелым. *Вить* 'Вода' [Словцов 1905: 5], *vüt* [МК 1986: 727], ср. обск. *isumvit* 'уха', юконд. *esəmwit* 'уха', сосьв. *вит* 'вода';
- 3) пелым. *Ишимкаръ* 'Горячий' [Словцов 1905: 7], *išm* 'Горячий' [Kannisto 2013: 111], *iš-* [МК 1986: 137], ср. обск. *isa* 'горячий', сосьв. *исум* 'горячий';
- 4) пелым. *Нилъ* 'Четыре' [Словцов 1905: 33], Р *nila* [МК 1986] < ПМанс. [Honti 1982] **nīlz*, **nāl(з)-* > юконд. *n'el'e* 'четыре', сосьв. *нила* 'четыре';
- 5) пелым. *Кидэй* 'Два' [Словцов 1905: 33], *kitəy* [Kannisto 2013: 397], *kit* [МК 1986: 215] < ПМанс. [Honti 1982] **kītz* > обск. *kitsát* 'двести', юконд. *kita* 'два', сосьв. *китыг* 'два';
- 6) пелым. *Вишкаръ* 'Малой' [Словцов 1905: 18], *iš*, *iš* [Kannisto 2013: 119b] < ПМанс. [Honti 1982] **wīš* > юконд. *wie* 'маленький';

Таблица 6

ПМанс. *u

пелым. <i>у, ю (С')</i> [Словцов 1905]	пелым. <i>и</i> [Kannisto 2013]	пелым. <i>и</i> [МК 1986]	обск. <i>u/ū</i>	юконд. <i>u/ū</i>	сосьв. <i>u/ū</i>
--	------------------------------------	------------------------------	------------------	-------------------	-------------------

- 1) пелым. *Тупъ* 'Весло' [Словцов 1905: 5], *tup* 'Весло' [Kannisto 2013: 921], *tup* [МК 1986: 681] < ПМанс. [Honti 1982] **tūp* > обск. *tup* 'весло', юконд. *tup* 'весло', сосьв. *туп* 'весло';
- 2) *тул'тəх* 'вор', сосьв. *тулманты* 'вор';
- 3) пелым. *Юнтпъ* 'Иголка' [Словцов 1905: 13], *jūntp* 'Игла' [Kannisto 2013: 222], *juntəp*, *jūntəp* [МК 1986: 183] < ПМанс. [Honti 1982] > обск. *juntup* 'игла (швейная)', сосьв. *юнтуп* 'игла';
- 4) пелым. *Куль* 'Рыба' [Словцов 1905: 22], *Туркуль* 'Карась' [Словцов 1905: 16], *turkul* 'карась' [Kannisto 2013: 929], *khul* [МК 1986: 117] < ПМанс. [Honti 1982] **kūl* > обск. (*tór*)*hul* 'карась', *hūlprajenk'e* 'рыбачить', юконд. (*tur*)*xul* 'карась', *xul* 'рыба', сосьв. *xūl* 'рыба', *tūrxul* 'карась';
- 5) пелым. *Вульпа* 'Кедр' [Словцов 1905: 16], *ūl'pā* 'Кедр' [Kannisto 2013: 150], *ul'pə*, *vul'pə* [МК 1986: 694] ср. обск. *úfra* 'кедр', сосьв. *ульпа* 'кедр';
- 6) пелым. *Туръ* 'Озеро' [Словцов 1905: 20], *tur* 'Озеро' [Kannisto 2013: 929], *tūr* [МК 1986: 683] < ПМанс. [Honti 1982] **tūrz* > обск. *tur* 'озеро', юконд. *tur* 'озеро', сосьв. *тур* 'озеро';
- 7) пелым. *Шунъ* 'Сани' [Словцов 1905: 23], *Шунъ* 'Воз' [Словцов 1905: 5], *šun* 'сани' [Kannisto 2013: 759], ср. обск. *sun* 'сани', сосьв. *сун* 'воз';
- 8) пелым. *Туйтъ* 'Снег' [Словцов 1905: 23], *tujt* [Kannisto 2013: 878], ср. обск. *tuit* 'снег', юконд. *tu:jt* 'снег', сосьв. *туйт* 'снег';
- 9) пелым. *Вулушь* 'Сон' [Словцов 1905: 23], *βилл'т* [Kannisto 2013: 49], ср. обск. *ulun* 'сон', юконд. *ul'ten* 'сон', сосьв. *улум* 'сон';
- 10) пелым. *Суй нуль* 'Брусника' [Словцов 1905: 4], *suipul* 'Брусника' [Kannisto 2013: 717], ср. обск. *sūjpel* 'брусника', юконд. *suipol* 'брусника', сосьв. *суй-нул* 'брусника';
- 11) пелым. *Ишпудъ* 'Котел' [Словцов 1905: 14], *išput* 'Котёл' [Kannisto 2013: 119] < ПМанс. [Honti 1982] **pūt* > обск. *put* 'котёл', юконд. *put* 'котёл', сосьв. *пут* 'котел';
- 12) пелым. *Суй* 'Бор' [Словцов 1905: 3], *sui* [Kannisto 2013: 717], ср. сосьв. *суй* 'бор';
- 13) пелым. *Яны-куль* 'Волны' [Словцов 1905: 4], *kum*, *kumpt* 'Волна' [Kannisto 2013: 335] < ПМанс. [Honti 1982] **kūmp* > сосьв. *хумп* 'волна';
- 14) пелым. *Лу* 'Конь' [Словцов 1905: 15], *лиβ* 'Лошадь, конь' [Kannisto 2013: 402] < ПМанс. [Honti 1982] **lūw* > обск. *liv* 'лошадь', юконд. *Лупэнь* 'Трива коня', сосьв. *лув* 'лошадь';
- 15) пелым. *Кўлемъ* 'Зола' [Словцов 1905: 12], *kull'it* 'Зола' [Kannisto 2013: 304], < ПМанс. [Honti 1982] **kūlmtz* > обск. *hūtīm* 'зола', юконд. *xul'em* 'зола', сосьв. *хўльм*, *хўлюм*;
- 16) пелым. *Нюль* 'Пихта' [Словцов 1905: 22], *nil* 'Пихта' [Kannisto 2013: 532] < ПМанс. [Honti 1982] **nūl(ī)*, **nūlt-* > сосьв. *нюлы* 'пихта';

- 17) пелым. *Уйтымсть* ‘Птица’ [Словцов 1905: 21], *uj* [МК 1986: 688] < ПМанс. [Honti 1982] **wūj* > сосьв. *товлын үй* ‘птица’;
 18) пелым. *Пумь* ‘Сено’ [Словцов 1905: 23], *pum* ‘Сено’ [Kannisto 2013: 596] < ПМанс. [Honti 1982] **pūm* > сосьв. *тōсам пум* ‘сено’;
 19) пелым. *Курумь* ‘Три’ [Словцов 1905: 33], *P khūrəm* [МК 1986:127] < ПМанс. [Honti 1982] **kūrəm* > юконд. *хирәп* ‘три’, сосьв. *хүрум* ‘три’;

Таблица 7

ПМанс. *o

пелым. <i>o, ɔ (C')</i> [Словцов 1905]	пелым. <i>ɔ, ɔ̃</i> [Kannisto 2013]	пелым. <i>á, o/ō</i> [МК 1986]	обск. <i>o</i>	юконд. <i>o/o:</i>	сосьв. <i>o/ō</i>
---	--	-----------------------------------	----------------	--------------------	-------------------

- 1) пелым. *Лоупэнгь* ‘Десятник’ [Словцов 1905: 8], *лэβ* ‘Десять’ [Kannisto 2013: 401], *lâu* [МК 1986: 270], ср. обск. *lón* ‘десять’, юконд. *low* ‘десять’, сосьв. *лов* ‘десять’;
 2) пелым. *Коуть* ‘Ель’ [Словцов 1905: 10], *кəфт* ‘Ель’ [Kannisto 2013: 264], *khaut* [МК 1986: 114] < ПМанс. [Honti 1982] **kāut* > обск. *hovt* ‘ель’, юконд. *χovt* ‘ель’, сосьв. *хōвт* ‘ель’;
 3) пелым. *Кóтоль* ‘Лебедь’ [Словцов 1905: 16], *кə·т·η* ‘Лебедь’ [Kannisto 2013: 394], *khwātēη* [МК 1986: 114] < ПМанс. [Honti 1982] **kōtāη* > обск. *hotá* ‘лебедь’, сосьв. *хотаң* ‘лебедь’;
 4) пелым. *Вóндарть* ‘Выдра’ [Словцов 1905: 5]; *vántērt* [МК 1986: 732] < ПМанс. [Honti 1982] **wāntər(ā)* > сосьв. *вонтыр* ‘выдра’;
 5) пелым. *Кóшеть* ‘Далеко’ [Словцов 1905: 10], *khwāšā* [МК 1986: 110], ср. сосьв. *хоса* ‘далеко’;
 6) пелым. *Ёмось* ‘Добро’ [Словцов 1905: 9], *јəт ‘s* ‘Добро’ [Kannisto 2013: 214], *jāme ‘s* [МК 1986: 170] < ПМанс. [Живлов 2006] **jətās* > сосьв. *ёмас* ‘добро’;
 7) пелым. *Пóшиемь* ‘Дым’ [Словцов 1905: 9], *pəššə‘m* ‘Дым’ [Kannisto 2013: 650], *pāšm, pāšēm* [МК 1986: 464] < ПМанс. [Honti 1982] **pāšəm* > сосьв. *посым* ‘дым’;
 8) пелым. *Сóу* ‘Звезда’ [Словцов 1905: 12], *сəβ* ‘Звезда’ [Kannisto 2013: 706], *sāu* [МК 1986: 567], ср. обск. *sov* ‘звезда’, юконд. *sel’sowt* ‘звёзды’, сосьв. *сов* ‘звезда’;
 9) пелым. *Кóтоль* ‘Лебедь’ [Словцов 1905: 16], *кə·т·η* ‘Лебедь’ [Kannisto 2013: 394], *khwātēη* [МК 1986: 114] < ПМанс. [Honti 1982] **kōtāη* > сосьв. *хотаң* ‘лебедь’;
 10) пелым. *Пориш* ‘Сор’ [Словцов 1905: 23], *pərs* ‘Мусор’ [Kannisto 2013: 633], *pārs* [МК 1986: 457], ср. юконд. *porc* ‘мусор’, сосьв. *порс* ‘сор’;
 11) пелым. *Ном сээмь* ‘Думаю’ [Словцов 1905: 10], *nəms-* ‘Думать’ [Kannisto 2013: 506], *nāmsi* [МК 1986: 340] < ПМанс. [Honti 1982] **nāms-* > сосьв. *номсуңкве* ‘думать’;
 12) пелым. *Оутэ* ‘Копьё’ [Словцов 1905: 13], *əβrā* ‘Копьё’ [Kannisto 2013: 5], *āute* [МК 1986: 398], ср. сосьв. *ōвта* ‘копье’;
 13) пелым. *(Сай)вой* ‘Коровье масло’ [Словцов 1905: 18], *vuoj, vōj* [МК 1986: 730] < ПМанс. [Honti 1982] **wāj*;
 14) пелым. *ókтарь* ‘Лисица’ [Словцов 1905: 17], *əχšər* ‘Лисица’ [Kannisto 2013: 31]; *oχšər* [МК 1986: 378] < ПМанс. [Honti 1982] **əksār* > сосьв. *охсар* ‘лиса’;
 15) пелым. *Ёнгь* ‘Месяц, Луна’ [Словцов 1905: 17], *јəη·кp* ‘Месяц’ [Kannisto 2013: 225], *jōηkhep* [МК 1986: 173], ср. обск. *jo‘nhup(a)* ‘луна’; сосьв. *ёңхуп* ‘месяц’;
 16) пелым. *Тóрумь-кошь* ‘Молится’ [Словцов 1905: 18], *тəл`χ* ‘Месяц’ [Kannisto 2013: 225], ср. юконд. *χos-* ‘молиться’;
 17) пелым. *Нёкгь* ‘Соболь’ [Словцов 1905: 23], *(nə)‘χus* [Kannisto 2013: 527], *noχs* [МК 1986: 364] < ПМанс. [Honti 1982] **nəkās* > обск. *njo‘his* ‘соболь’, юконд. *n’oχs* ‘соболь’, сосьв. *нёхысь* ‘соболь’;
 18) пелым. *Поть* ‘Утка’ [Словцов 1905: 25], *pət* [Kannisto 2013: 663], ср. юконд. *pot* ‘утка’;
 19) пелым. *Кóркйй* ‘Дятел’ [Словцов 1905: 9], *kərkii* ‘Дятел’ [Kannisto 2013: 150] < ПМанс. [Honti 1982] **kārkāj* > сосьв. *хōхра* ‘дятел’;
 20) пелым. *Шóшии* ‘Смородина’ [Словцов 1905: 24], *šašj* [МК 1986: 563] < ПМанс. [Honti 1982] **ššəγ/*šāšəγ* > обск. *so:s, sos, sósji* ‘смородина дерево’, сосьв. *сосыг* ‘смородина’;
 21) пелым. *Кóтоль* ‘Солнце’ [Словцов 1905: 24], *kōtn* ‘солнце’ [Kannisto 2013: 392], *khātél* [МК 1986: 112], ср. обск. *hótál* ‘солнце, день’, юконд. *χotal-* ‘солнце, день’, сосьв. *хōтал* ‘солнце’;
 22) пелым. *Торумь* ‘Икона’ [Словцов 1905: 13], *tōrə‘m* [Kannisto 2013: 934], *tōrēm* [МК 1986: 657] < ПМанс. [Honti 1982] **tārəm* > сосьв. *Тōрум* ‘бог’;

Таблица 8

ПМанс. *e

пелым. э, е (С') [Словцов 1905]	пелым. ē, e / ē [Kannisto 2013]	пелым. è/ē, e/ē, (i, ä) [МК 1986]	обск. e	юконд. e	сосьв. э/э/ē
------------------------------------	------------------------------------	--------------------------------------	---------	----------	-----------------

- 1) пелым. *Къэръ* 'Железо' [Словцов 1905: 11], *kië'r* 'железо' [Kannisto 2013: 345], *kër, kër* [МК 1986: 208], ср. сосьв. *кёр* 'железо';
- 2) пелым. *Экумъ* 'Женщина' [Словцов 1905: 10], *iëk* 'Женщина' [Kannisto 2013: 198], *jëkwä, j ëkwe* [МК 1986: 61] < ПМанс. [Живлов 2006] **ikwä* (> Р *jëk*, Р) > сосьв. *эква* 'женщина';
- 3) пелым. *Ёрптыма* 'Люблю' [Словцов 1905: 16], *iërpt-* [Kannisto 2013: 87], *jëri, jeri* [МК 1986: 66], ср. сосьв. *эруптаңкве* 'любить';
- 4) пелым. *Тэталъ* 'Голод' [Словцов 1905: 6], *të'tä.l* [Kannisto 2013: 864], ср. сосьв. *тэмäl* 'голод';
- 5) пелым. *Непхуаъ* 'Бумага' [Словцов 1905: 4], (*ne'px*) 'Бумага' [Kannisto 2013: 509], *nëpëx* [МК 1986: 337], ср. сосьв. *нэпак* 'бумага';
- 6) пелым. *Тэпканъ* 'Пашня' [Словцов 1905: 21], *tëpkæn* [Kannisto 2013: 864], ср. сосьв. (*сакватым*) *тэпкан*,
- 7) пелым. *Кэть* 'Шапка' [Словцов 1905: 26], *k'e-t* 'Шапка' [Kannisto 2013: 323] < ПМанс. [Живлов 2006] **kint* > сосьв. *кэнт* 'шапка';
- 8) пелым. *Шэръ* 'Заря' [Словцов 1905: 11], *šër* [Kannisto 2013: 780], *šir* [МК 1986: 543], ср. сосьв. *сэринос* 'заря';
- 9) пелым. *Сэрвартъ* 'Муха' [Словцов 1905: 18], *särë-* [МК 1986: 543], ср. обск. *sérvi* 'муха', сосьв. *сэриваруп* 'муха'.

Таблица 9

ПМанс. *e

пелым. э, е (С') [Словцов 1905]	пелым. ē, ē [Kannisto 2013]	пелым. ø/ø, ä [МК 1986]	обск. e	юконд. a/a:	сосьв. a/ä
------------------------------------	--------------------------------	----------------------------	---------	-------------	------------

- 1) пелым. *Кэпъ* 'Лодка' [Словцов 1905: 16], *këp* [Kannisto 2013: 33], *khëp* [МК 1986: 78] < ПМанс. [Honti 1982] **këp* > юконд. *ха:p* 'лодка', сосьв. *хән* 'лодка';
- 2) пелым. *Тэры* 'Журавль' [Словцов 1905: 10], *tërijy* [Kannisto 2013: 925] < ПМанс. [Honti 1982] **tëry* > сосьв. *тэрыг* 'журавль';
- 3) пелым. *Кэнгъ* 'Осока трава' [Словцов 1905: 19], *kënk* [Kannisto 2013: 331—332], сосьв. *хаңхай нум* 'осока';
- 4) пелым. *Лемъ* 'Черемуха' [Словцов 1905: 26], *l'ëm* [Kannisto 2013: 446], *l'am* [МК 1986: 281], < ПМанс. [Honti 1982] **lëm* > юконд. *l'am iw* 'черемуха', сосьв. *лэм* 'черемуха';
- 5) пелым. *Эвкаръ* 'Один' [Словцов 1905: 20], *ëk* [Kannisto 2013: 23], *økw, øu* [МК 1986: 29], ср. юконд. *а:х* 'один', сосьв. *аква* 'один';
- 6) пелым. *Тэксъ* 'Осень' [Словцов 1905: 20], *tëxw* [Kannisto 2013: 886], *täkwës* [МК 1986: 619] < ПМанс. [Honti 1982] **tëkäs* > обск. *teksi* 'осень', юконд. *t'axsi* 'осень', сосьв. *таквс*;
- 7) пелым. *Элимъ* 'Невод' [Словцов 1905: 18], *ël'm* [Kannisto 2013: 49], ср. сосьв. *jalom* 'невод';
- 8) пелым. *Сэхъ-пэнгъ* 'Кочка' [Словцов 1905: 14], *säxw* [МК 1986: 528] < ПМанс. [Honti 1982] **sënk* > юконд. *сахал'* 'кочка (возвышение)', сосьв. *саңквлы пуңк* 'кочка';
- 9) пелым. *Сээлы* 'Молния' [Словцов 1905: 18], *šax'xl sëli* [Kannisto 2013: 735] < ПМанс. [Honti 1982] **sël-* > сосьв. *сяхыл нял* 'молния';
- 10) пелым. *Рэхъ* 'Дождь' [Словцов 1905: 9], *rëx* 'дождь' [Kannisto 2013: 682], *räxw* [МК 1986: 491], ср. сосьв. *ракв* 'дождь'.

Итак, в заключении сравнения данных по мансийским диалектам можно сделать вывод о том, что данные [Kannisto 2013] наиболее точно соответствуют данным прамансийской реконструкции, сделанной на основании сравнения современных мансийских диалектов. Каждая прамансийская фонема имеет свой особый набор рефлексов в пелымских записях А. Каннисто. Примечательно что ни одна пелымская гласная графема у А. Каннисто не является рефлексом сразу двух праязыковых фонем. Но при этом в настоящее время нам не удалось выявить позиций появления нескольких рефлексов одной прамансийской фонемы в [Kannisto 2013], хотя ПМанс. *o, *e, *e имеют два и более возможных отражений: ПМанс. *o > o, ð, *e > ē, ē, *e > ē, ē.

В словаре Б. Мункачи соответствия прамансийской реконструкции не столь однозначные. В частности, \bar{a} и \bar{o} в [МК 1986] могут быть рефлексом ПМанс. $*a$, $*e$. Поскольку они имеют особые соответствия не только в современных мансийских северных и восточных диалектах, но и в пелымских материалах А. Каннисто и о. Константина Словцова, то различие можно надежно постулировать для пелымского, и отсутствие различия является недостатком записи пелымских материалов Б. Мункачи. Предположительно, это неразличие связано с особенностями родного венгерского диалекта Б. Мункачи, поскольку как показывают данные, собранные по венгерским диалектам (см. <http://lingvodoc.ispras.ru/>) для носителя русского языка e во многих венгерских диалектах на слух практически не отличимо от a . Можно отметить, что в словаре [МК 1986] практически все прамансийские фонемы за исключением $*i$ имеют два и более рефлексов (см. Таблица 2). Положения их распределения также установить не удалось. Интересно, что многочисленные рефлексии прамансийских фонем в пелымском у А. Каннисто и Б. Мункачи не коррелируют между собой, то есть на основании сравнения данных этих словарей не выделяются особые ряды соответствий. Можно предположить, что они отражают не фонологические противопоставления, а фонетические варианты, которые могли варьироваться по отдельным говорам каждого села или даже по разным носителям.

В материалах о. Константина Словцова запись имеет более фонологический характер. Общеизвестно, что книги, подготовленные в рамках Переводческой комиссии св. Гурия Казанского, были ориентированы на носителей языка и более простую, доступную для восприятия запись. Если у прамансийской фонемы есть два варианта записи в пелымском словаре [Словцов 1905], то позиции их появления совершенно прозрачны: одна из них — после палатализованных согласных, знак палатализации на которых есть и в материалах А. Каннисто и Б. Мункачи. В одном случае, как показывает сравнение данных словаря [Словцов 1905] с материалами А. Каннисто и Б. Мункачи и данными современных диалектов, одна графема \bar{e} (с вариантом e после мягких согласных) передает сразу две ПМанс. фонемы $*e$, $*\bar{e}$. Вероятно, это связано с затруднениями при передаче этого различия символами кириллического алфавита.

Таким образом, проведенное сравнение трех словарей исчезнувшего пелымского диалекта показывает, что при отсутствии внешнего сходства в передаче отдельных слов все авторы достаточно последовательно и четко отражали пелымские гласные фонемы, но в словаре о. Константина Словцова представлена практически фонологическая запись, а в словарях А. Каннисто и Б. Мункачи отражены произносительные варианты гласных звуков. Наиболее точно прамансийской реконструкции, сделанной на материале сравнения современных мансийских диалектов, соответствуют данные словаря [Kannisto 2013]. Это соответствует традиционному мнению специалистов по обско-угорским языкам о большей точности записей финского лингвиста по сравнению с Б. Мункачи.

Но и у Б. Мункачи и о. Константина Словцова наблюдаются неточность передачи лишь для двух ПМанс. фонем: у Б. Мункачи для ПМанс. $*a$ и $*e$, а у о. Константина Словцова для ПМанс. $*e$ и $*\bar{e}$. Можно предположить, что это связано с особенностями родных языков составителей словарей. Примечательно, что русский священник о. Константин Словцов достиг точности передачи пелымских фонем, сравнимой с выдающимся венгерским лингвистом, и именно обнаружение его словаря и введение его в научный оборот позволило верифицировать гипотезу о наиболее высокой точности записей А. Каннисто.

С о к р а щ е н и я

К — кондинские диалекты

КМ — среднекондинский диалект

LM — среднелозьвинский диалект

LO — верхнелозьвинский диалект

LU — нижнелозьвинский диалект

N — северномансийский диалект

P — пелымский диалект

So — сосьвинский диалект

Sy — сыгвинский диалект

T — тавдинские диалекты

VN — северновигильский диалект

VNK — говор д. Кама

обск. — обской диалект мансийского языка

пелым. — пелымский диалект мансийского

ПМанс. — праманский язык

сосьв. — сосьвинский диалект мансийского языка

юконд. — юкондинский диалект мансийского языка

Л и т е р а т у р а

Живлов 2006 — Живлов М. А. Реконструкция праобскоугорского вокализма. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2006. {Zhivlov M. A. Reconstruction of the Proto-Ob-Ugric vocalism. Author's abstract of the Ph. D. thesis. Moscow, 2006.}

Кузакова 1963 — *Кузакова Е. А.* Южно-мансийский (кондинский) диалект (в сопоставлении с северо-мансийским диалектом). Л., 1963. {*Kuzakova E. A.* Southern Mansi (Kondin) dialect (compared to the Northern Mansi dialect). L., 1963.}

Норманская 2015a — *Норманская Ю. В.* Система разноместного ударения в мансийском глаголе и ее внешние параллели. Часть I. Обской диалект мансийского языка // Урало-алтайские исследования. 2015, 2 (17). С. 51—66. {*Normanskaya Yu. V.* Free stress system in the Mansi verb and its external parallels. Part I. Ob dialect of the Mansi language // Ural-Altai studies. 2015. Vol. 2 (17). P. 51—66.}

Норманская 2015b — *Норманская Ю. В.* Система разноместного ударения в мансийском глаголе и ее внешние параллели. Часть II. Юкондинский диалект мансийского языка // Урало-алтайские исследования. 2015, 3 (18). С. 88—103. {*Normanskaya Yu. V.* Free stress system in the Mansi verb and its external parallels. Part II. Yukondin dialect of the Mansi language // Ural-Altai studies. 2015. Vol. 3 (18). P. 88—103.}

Норманская 2015c — *Норманская Ю. В.* Новые полевые и архивные данные по мансийским диалектам и их значении для прамансийской реконструкции системы вокализма первого слога // Урало-алтайские исследования. 2015, 4 (19). С. 40—59. {*Normanskaya Yu. V.* New field and archival data on the Mansi dialects and what does it mean for the Proto-Mansi reconstruction of the first syllable vocalism system // Ural-Altai studies. 2015. Vol. 4 (19). P. 40—59.}

Ромбандеева 1973 — *Ромбандеева Е. И.* Мансийский (вогульский) язык. Фонетика. Морфология. Словообразование. М., 1973. {*Rombandeeva E. I.* Mansi (Vogul) language. Phonetics. Morphology. Word-building. M., 1973.}

Сайнахова 2012 — *Сайнахова А. И.* Диалектология мансийского языка: учеб. пособие. Ханты-Мансийск, 2012. {*Saynakhova A. I.* Dialectology of the Mansi language: a textbook. Khanty-Mansiysk, 2012.}

Словцов 1905 — Опыт русско-вогульского словаря и переводов на вогульский язык (составлен священником Верхне-Пельымского (Спасского) прихода о. Констан. Словоцовым). Тобольск, 1905. {An attempt for a Russian-Vogul dictionary and translations to the Vogul language (compiled by the priest of the Upper Pelym (Spassky) parish, *father Kosntantin Slotvsov*). Tobolsk, 1905.}

Honti 1982 — *Honti L.* Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest, 1982.

Kannisto 2013 — *Kannisto A., Eiras V., Moisio A.* Wogulisches Wörterbuch. Helsinki: Société Finno-Ougrienne: Kotimaisten Kielten Keskus, 2013.

MK 1986 — *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt von *Munkácsi B.* Geordnet, bearb. und hrsg. von *Kálmán B.* Budapest, 1986.

Steinitz 1955 — *Steinitz W.* Geschichte des wogulischen Vokalismus. Berlin, 1955.

РЕЗЮМЕ

В настоящей статье рассматривается материал недавно обнаруженного в Национальной библиотеке Финляндии Пельымско-русского словаря, составленного о. Константином Словоцовым в 1905 году. Ранее этот словарь в научный оборот введен не был. Считалось, что по пельымскому диалекту мансийского языка, который в настоящее время исчез, существуют только словари финского лингвиста А. Каннисто и венгерского Б. Мункачи. Их данные часто противоречили друг другу. Для выяснения, чья запись мансийских слов более точная мы обратились к данным современных северных и восточных мансийских диалектов, с одной стороны, а с другой, к материалам, словаря о. К. Словоцова. проведенный анализ сравнения трех словарей исчезнувшего пельымского диалекта показывал, что при отсутствии внешнего сходства в передаче отдельных слов всех авторы достаточно последовательно и четко отражали гласные пельымские фонемы, но в словаре о. К. Словоцова представлена практически фонологическая запись, а в словарях А. Каннисто и Б. Мункачи отражены произносительные варианты гласных звуков. Наиболее точно прамансийской реконструкции, сделанной на материале сравнения современных мансийских диалектов, соответствуют данные словаря [Kannisto 2013]. Это соответствует традиционному мнению специалистов по обско-угорским языкам о большей точности записей финского лингвиста по сравнению с Б. Мункачи. Но и у Б. Мункачи и о. К. Словоцова наблюдаются неточность передачи лишь для двух ПМанс. фонем: у Б. Мункачи для ПМанс. *a и *e, а у о. К. Словоцова для ПМанс. *e и *e̞. Можно предположить, что это связано с особенностями родных языков составителей словарей. Примечательно, что русский священник о. К. Словоцов достиг точности передачи пельымских фонем, сравнимой с выдающимся венгерским лингвистом, и именно обнаружение его словаря и введение его в научный оборот позволило верифицировать гипотезу о наиболее высокой точности записей А. Каннисто.

SUMMARY

The article deals with the material from the newly-found in the National Library of Finland Pelym-Russian dictionary, which was compiled by father Konstantin Slotvsov in 1905. Previously the Pelym dialect of Mansi, which has now disappeared, was thought to only be covered by the dictionaries of the Finnish linguist A. Kannisto and the Hungarian linguist B. Munkácsi, whose data often contradicts each other. We used additional data from modern northern and eastern Mansi dia-

lects, as well as Slotvsov's dictionary, to establish which one is more accurate. The analysis showed that, while certain words were not similar from the outside, all authors recorded Pelym vowel phonemes fairly consistently and clearly; at the same time, Slotvsov's dictionary has almost phonological transcriptions, while Kannisto and Munkácsi give pronunciation variants of vowels. The Proto-Mansi reconstruction, made by comparing modern Mansi dialects, is mostly consistent with [Kannisto 2013], which agrees with the traditional notion of it being more accurate than Munkácsi. But Munkácsi and Slotvsov have only two Proto-Mansi phonemes recorded wrongly: Munkácsi *a and *e, Slotvsov *e и *e. It can be attributed to the specifics of the native languages of the authors. It is worth noting that Russian priest father K. Slotvsov has achieved an accuracy in the phoneme recording, which can be compared to a distinguished Hungarian linguist, and that it was his dictionary introduction into scientific use that allowed to verify the hypothesis of the Kannisto's recordings' highest accuracy.

Ключевые слова: мансийские диалекты, пелымский, архивные данные, полевые данные, сравнительно-историческое языкознание

Keywords: Mansi dialects, Pelym, archival data, field data, comparative-historical linguistics.

Норманская Юлия Викторовна, Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru
Yulia V. Normanskaya, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow); julianor@mail.ru

Кошелюк Наталья Андреевна, Томский государственный университет; nkoshelyuk@yandex.ru
Natalia A. Kosheliuk, Tomsk State University; nkoshelyuk@yandex.ru

Языковой памятник говора сергачских мишарей: текст исповеди XIX века¹

Среди тюркских языков татарский язык считается старописьменным языком и имеет давнюю и непрерывную традицию. Старописьменный татарский язык, именуемый еще старотатарским языком или поволжским тюрки, восходит в конечном счете к древнему варианту общетюркского литературного языка — караханидско-уйгурскому. Литературному языку, в отличие от общенародного устно-разговорного языка, присущи такие дополнительные признаки как обработанность, нормированность, в определенной степени селективность и он является важнейшим атрибутом общей духовной культуры народа, он надтерриториален. К настоящему времени существуют очень подробные описания языка памятников старотатарского литературного языка, а также литературного татарского языка и его диалектов.

В рамках работы над грантом РГНФ № 15-04-00361а «Первые памятники письменности на уральских и алтайских языках», коллектив ученых начал изыскания в новом ракурсе. Была поставлена цель — исследовать деятельность Переводческой комиссии Российского Библейского общества в XIX—начале XX вв. по созданию письменности и переводу христианских священных и вероучительных текстов на уральские и алтайские языки Российской империи. Для большинства этих языков в Комиссиях были созданы новые системы письменности на кириллической основе, ориентированные, прежде всего, на максимально адекватное отражение звукового облика живой речи. На более, чем 50 языков был осуществлен перевод Четвероевангелия, Деяний апостолов, богослужебных и учительных книг. Поскольку переводчики ориентировались, прежде всего, на живую разговорную речь, сознательно отвергая использование традиционных литературных языков, то в ряде случаев переводы осуществлялись на совершенно конкретных диалектах и говорах. Цель исследования коллектива ученых через переводные тексты получить сведения о диалектах того периода и связать их с тем, что известно о современных диалектах. Наши изыскания в рамках гранта направлены на изучение переводов священных книг на татарский язык. Составлен каталог текстов-переводов, словарей и грамматик. Пилотные исследования в архивах показали, что в современной научной и религиозной литературе отсутствуют полные данные об этих памятниках.

В настоящее время идет сбор материала, проводится описание графо-фонетических и морфологических особенностей переводов на татарский язык [Нуриева 2015: 67—74]. На основании обобщения лингвистического материала мы надеемся в дальнейшем выявить для каждого исследуемого текста, какому современному диалекту его язык наиболее близок и чем он от него отличается, каким был татарский разговорный язык XIX века.

Книги, изданные в конце XIX — начале XX века для крещеных татар, в основном были написаны на разговорном языке казанских татар [Nurieva 2016: 121—124]. Переводческая комиссия работала по официально признанной системе Н. И. Ильминского. В основу букваря (1862 г.), составленного, для обучения детей был заложен «...народный татарский язык, каким говорят старо-крещенные татары Мамадышского уезда Казанской губернии, среди и при помощи которых я переводил букварь» [Ильминский 1892: 6].

Среди книг, написанных на «крещено-татарском» языке, особый интерес представляет небольшой текст исповеди, отправленный Н. И. Ильминскому корректурный экземпляр из конторы московской синодальной типографии. Н. И. Ильминский комментирует его следующим образом: «Перевод сделан, несомненно, природным татаринном-магометанином, знакомым с языком Корана (Рухуль Куддус), наречия мишар, вероятно сергачского уезда Нижегородской губернии, которое отличается произношением *и* вместо татарского *ч*; здесь также встречается *мага=минга* (мне). Перевод вступительного увещания по языку вообще довольно складен. Слово *Христос* переведено Хазрятий (= Хазрятий Иса, как магометане называют Иисуса Христа; переписчик мог слить эти два слова в одно — Хазрятийса, а наборщик совсем опустил последний слог. Вопросы самой исповеди некоторые переведены неудачно, потому ли, что толмач не понял их смысла и значения, или может быть соблазнился приноровить на свою сторону. Вопросы «почитаешь ли Бога Отца? — Бога Сына?» переведены так, что окончания винительного падежа нет, а слово Сына переведено с притяжательным первого лица единственного числа — улам, сын мой; форма атай — отец, хотя формально не включает притяжения первого лица в разговорном всегда...» [ОП 1883: 330].

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00361а «Первые памятники письменности на уральских и алтайских языках»

Этот языковой памятник, исторический источник говора сергачских мишарей конца XIX века, был выявлен в обзорном труде Н. И. Ильминского «Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки» [ОП 1883: 330—335]. Текст исповеди предоставляет новый языковой материал для разработки вопросов истории формирования диалектов татарского языка, сравнения их с современным разговорным и татарским литературным языками. Современный мишарский диалект татарского языка описан с помощью методов лингвистической географии, в соответствующих работах дается достаточно подробная характеристика особенностей отдельных мишарских говоров в сравнении с литературным татарским языком [Махмутова 1978; ТХС 2008; Атлас 1989: 220]. Мишарский диалект, пройдя сложный и длительный путь развития, окончательно сформировался еще на первоначальной территории обитания его носителей — в бассейне рек Цна и Мокша, в пределах Мещеры. На это указывает единство диалекта, общность субстратных элементов в говорах, сравнительно незначительные расхождения между говорами, носящие в большинстве локальный характер. Несомненно и то, что уже к началу расселения мишарей (XVI в.) существовали два типа говоров: цокающий и чокающий. К цокающей группе говоров в настоящее время относятся: сергачский говор, распространен в районах Горьковской области; дрожжановский — в Дрожжановском и Буинском районах, чистопольский в районах Закамья Татарстана, Батыревском и Канашском районах Чувашии, байкибашевский — в Караидельском районе Башкортостана. На основе исторических документов выясняется время возникновения отдельных населенных пунктов, их генетическая связи с поселениями на прежних территориях обитания. «К цокающему типу говоров тяготеют говоры отдельных сел, расположенных на территории древних поселений мишарей, в бассейне рек Цна и Мокша, относившейся к Кадомскому уезду. В пределах Кадомского района или смежных на смежных с ними территориях Рязанской, Тамбовской областей и Мордовии до сих пор сохранились села: Азеево, Сургодь. Тарханы, Горенка, Тат. Лундан, южнее в Тамбовской области — Татарщино, говоры которых, как и современный сергачский говор, характеризуются цоканьем» [Махмутова 1978: 5].

Таким образом, текст исповеди из конторы московской синодальной типографии в четырех листах фиксирует активно употреблявшиеся в XIX столетии древние народно-разговорные формы языка предков современных сергачских (нижегородских) мишарей, выходцев из Кадомского уезда.

Русский текст и татарский перевод напечатаны в два столбца. Что примечательно, под оригинальным татарским переводом Н. И. Ильминский размещает транскрипцию, использовавшуюся в изданиях для крещеных татар, основу которого составляет разговорный язык заказанских крещеных татар. Он сам это объясняет таким образом: «...по незнанию наборщиком или переписчиком татарского языка, татарские слова искажены до крайности, местами без русского текста и не понять бы. Нередко одно слово разделено на два, или два слова соединены в одно, или же по недоразумению поставлены совсем не те буквы. Я привожу здесь этот перевод со всеми его отпечатками. И для большей наглядности подстроочно сопоставляю написание, принятое в наших крещено-татарских переводах» [ОП 1883: 331].

Текст исповеди представляет огромный научный интерес для сравнения различных языковых элементов с современным разговорным языком сергачских мишарей и выявления их устойчивости. При анализе также сопоставляются написания оригинального текста исповеди (далее Исп.) с современным татарским литературным языком.

К особенностям в области вокализма, которые встречаются в тексте, относятся следующие:

Исп. *y* ~ литер. *o/ə*: *Худай* [ОП 1883: 331] — литер. *Ходай* ‘Господи’; *тутунма* [ОП 1883: 334] — литер. *тотынма* ‘не берись’; *кусугуна* [ОП 1883: 334] — литер. *косьгына* ‘на блевотину’; *турадар* [ОП 1883: 331] — литер. *торадыр* ‘стоит’; *кучюкь* [ОП 1883: 334] — литер. *көчек* ‘щенок, пес’. Древнетюркское *u/i* в татарском языке переходит в *o/ə*. В тексте исповеди сохраняется исконная фонетика огубленных гласных, а также предстает губная гармония на узких гласных. Передвижения широких огубленных в узкие мы тоже не наблюдаем, о чем свидетельствует звуковое соответствие Исп. *o* ~ литер. *y*: *Юкь* [ОП 1883: 334] — литер. *йук* ‘нет’; *шол* [ОП 1883: 334] — литер. *шул* ‘тот’. Как указывают диалектологи, соответствия *y ~ o*, *o ~ y* характерны для современного сергачского говора: серг. *бутка* — литер. *ботка* ‘каша’; серг. *тукмац* — литер. *токмач* ‘лапша’; серг. *куңгыз* — литер. *коңгыз* ‘жук’; серг. *суңыдан* — литер. *соңыннан* ‘в конце’; серг. *он* — литер. *ун* ‘десять’; серг. *от* — литер. *ут* ‘трава’; серг. *орман* — литер. *урман* ‘лес’ и др. [ТХС 2008: 185].

Исп. *a/я* ~ литер. *ы/и*: *уламь* [ОП 1883: 331] — литер. *улым* ‘сын мой’; *урась* [ОП 1883: 333] — литер. *урус* ‘русский, христианин’; *турадарь* [ОП 1883: 331] — литер. *торадыр* ‘стоит’; *языкля* [ОП 1883: 332] — литер. *языклы* ‘грешный’; *утярмадиньма* [ОП 1883: 333] — литер. *үтермәдеңме* ‘не убивал ли’. Такая особенность сохранилась в говорах сел Татарщино (Күршә), Янгураз: *барама* — литер. *барамы* ‘он идет ли’; *алдынма* — литер. *алдынмы* ‘взял ли’ [ТХС 2008: 216]. В сергачском говоре зафиксированы чередования типа *ы* ~ литер. *a*: *яңы* — литер. *яңа* ‘новый’; *ажыган* — литер. *ажәган* ‘зарница’ [ТХС 2008: 22, 184].

Исп. *e* ~ литер. и: *берь* [ОП 1883: 331] — литер. *бир* 'дай'; *берерь* [ОП 1883: 334] — литер. *бирер* 'отдаст'; *кише* [ОП 1883: 333, 334] — литер. *кеше* 'человек'; *ики* [ОП 1883: 332] — литер. *ике* 'два', *ер* [ОП 1883: 333] — литер. *ир* 'муж'. Здесь отсутствует закономерный переход др.тюрк. *e* > татар. *и*. и, наоборот, др.тюрк. *i* > татар. *e*. В сергачском говоре также зафиксировано это явление: серг. *йэр* — литер. *жир* 'земля'; серг. *эр* — литер. *ир* 'мужчина'; серг. *цер* — литер. *чир* 'болезнь'; серг. *эртэ* — литер. *иртэ* 'утро'; серг. *тэре* — литер. *тире* 'кожа'; серг. *бэр* — литер. *бир* 'дай', серг. *шиша* — литер. *шешэ* 'бутылка'; серг. чиган — литер. *чегэн* 'цыган' [ТХС 2008: 110, 185].

Наблюдается вариативное написание лексем, типа *киши* ~ *кише* ~ *кие*. Ср.: *Кишикь катна язагин булмадама?* [ОП 1883: 333] — литер. *Кеше хатыны белэн языгың булмадымы?* 'Не согрешил с чужой женой?'; *Кие ере язагинь булмадама?* — литер. *Кеше ире белэн языгың булмадымы?* [ОП 1883: 333] 'Не согрешила с чужим мужем?'; *Утярмадиньма кие?* [ОП 1883: 333] — литер. *Кеше үтермәдеңме?* 'Не убивал человека?'

Сопоставление с формами литературного языка позволяет сделать вывод о том, что в диалекте текста произошли стяжения дифтонгов *-ай*, *-эй*, *-ой*: *магатмисань* [ОП 1883: 331] — литер. *миңа әйтмисең* 'мне не говоришь'; *языкларынгатерсень* [ОП 1883: 332] — литер. *языкларыңны әйтерсең* 'назовешь грехи свои'; *сюлямядинь* [ОП 1883: 333] — литер. *сөйләмәдең* 'не рассказывал' и др. В мишарском диалекте в корнях и основах слова в позиции перед переднеязычными *д*, *л*, *р*, *н*, *с*, *т*, *ч* (*ц*) дифтонг *-ай* переходит в *а*. Выпадение *й* привело к палатализации последующих переднеязычных согласных [Махмутова 1978: 52—61].

В тексте исповеди наблюдается редукция предударных гласных вплоть до выпадения: *ялма* [ОП 1883: 331] — литер. *оялма* 'не стыдись'; *языкларынгатерсень* [ОП 1883: 331] — литер. *языкларыңны әйтерсең* 'во всем покаешься'; *кие* 'человек' (см. выше), *ктыдарь* [ОП 1883: 331] — литер. *көтәдер* 'ждет'; *магатмисань* [ОП 1883: 331] — литер. *миңа әйтмисең* 'сказываешь не мне'; *скланмадиньма* [ОП 1883: 334] — литер. *сокланмадыңмы* 'не завидовал' и др.

В анлауте характерно употребление среднеязычного согласного *й*, как в татарском литературном языке: *языкла* [ОП 1883: 332] — литер. *языклы* 'грешный'; *янгна* [ОП 1883: 332] — литер. *яныңа* 'к тебе'; *юримисинь* [ОП 1883: 332] — литер. *йөрмисеңме* 'не ходишь'; *ялбарарга* [ОП 1883: 332] — литер. *ялбарырга* 'молиться'; *араюритьмадиньма* [ОП 1883: 334] — литер. *ара йөртмәдеңме?* 'не сводил ли'; *йокка* [ОП 1883: 333] — литер. *юкка* 'понапрасну'; *янгаль* [ОП 1883: 333] — литер. *ялган* 'ложь'; *язгинь* [ОП 1883: 333] — литер. *языгың* 'твой грех'. В текстах переводов, например «Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки» [ОП 1883], «Чын ден княгясе» [ЧД 1897], «Святое Евангелие» [Е 1908], выпущенных для крещеных татар Постоянной переводческой комиссией при братстве Гурия под руководством Н. И. Ильминского, устойчиво сохраняется явление жоканья, в большинстве случаев литературному *й* в начале и середине слова соответствует звонкий *ж*, например: *жаратылган* [ЧД 1897: 6] — литер. *яратылган* 'созданный', *жэзык* [ЧД 1897: 8] — литер. *язык* 'грех', *жолар* [ЧД 1897: 17] — литер. *йолыр* 'искупит', *жук* [ЧД 1897: 18] — литер. *юк* 'нет', *жул* [Е 1908: 36] — литер. *юл* 'дорога', *жакшы* [Е 1897: 37] — литер. *яхшы* 'хорошо' и др. Лишь в редких текстах зафиксированы примеры с анлаутным *й*: *юрисен* [ОП 1883: 344] — литер. *йөрисең* 'ходишь', *йерлярэ* [ОП 1883: 344] — литер. *жирләргә* 'в земли, страны'. Явление жоканья в начале слова считается характерной фонетической особенностью среднего диалекта [Нуриева 2015: 72]. Известно, что кроме мишарского диалекта, йоканье присуще восточному диалекту [Тумашева 1961: 28].

Западный (мишарский) диалект делится на две большие группы говоров: цоканьющую и чокающую. Как было отмечено Л. Т. Махмутовой, цоканье ярко проявляется в генетически связанных между собой сергачском, чистопольском, дрожжановском и байкибашском говорах, а также в говорах сел Сургодь (Сыркыды), Горенка, Тат.Лундан (Тат.Искил) Мордовии, Азеево (Тат.Әже), Тархань (Тархан) Рязанской и с. Татарщино (Тат. Күршә) Тамбовской областей (Махмутова 1978: 64; Атлас 1989). Явление цоканья имеет место также в диалектах сибирских татар. Оно известно в некоторых других тюркских языках [Тумашева 1977: 78; Алишина 1994: 21—22; Махмутова 1978: 66].

Цоканье проявляется в абсолютном большинстве случаев в тексте исповеди: *цынбя хиллярь* [ОП 1883: 331] — литер. *чын бәхилләр* 'поистину простит'; *цень кюлюнюнгань* [ОП 1883: 331] — литер. *чын күңеләнән* 'от всей души'; *мяцка* [ОП 1883: 332] — литер. *мәчеткә* 'в мечеть'; *ыцмадинма* [ОП 1883: 334] — литер. *эчмәдеңме* 'не выпил'; *ницькь* [ОП 1883: 334] — литер. *ничек* 'как'. Встретился единственный пример, в котором *ц* заменен на звук *ч*: *кучюкь* [ОП 1883: 334] — литер. *көчек* 'щенок, пес'.

Соответствие Исп. *к* ~ литер. *х*: *якшылык* [ОП 1883: 334] — литер. *яхшылык* 'добро'; *катна* [ОП 1883: 334] — литер. *хатын* 'жена'. Как отмечено Л. Т. Махмутовой такое звуковое соответствие характерно для сергачского говора: серг. *кал* — литер. *хәл* 'состояние'; серг. *калык* — литер. *халык* 'народ'; серг. *курла* — литер. *хурла* 'позорить' и др. [Махмутова, 1978: 89].

Исп. *x* ~ литер. *к*: *ярлыха* — литер. *ярлыка* ‘помилуй’: *Ярлыха Худай* [ОП 1883: 331] — литер. *Ярлыка Ходай* ‘Помилуй Господи’; *Алла сана булышылык берерь ярлыхарь сине* [ОП 1883: 334] — литер. *Алла сиңа булышылык бирер ярлыкар сине* ‘Бог тебе поможет простит тебя’; *вахтан* — литер. *вакыттан* ‘с того времени’: *шул вахтанбирле яса якшылык* [ОП 1883: 334] — литер. *шул вакыттан бирле яса якшылык* ‘от сего времени делай добро’. Данное соответствие довольно широко распространено в мишарских говорах, особенно в Пензенской и на юге Ульяновской областей (кузнецкий, хвалынский говоры [Махмутова 1978: 87]. Позитив того и другого соотношения (а также Исп. *x* ~ литер. *х*: *Худай* — *Ходай*) ни по данным нашего текста, ни по диалектологическим описаниям установить пока не удается.

Исп. *н* — литер. *ң*: в аффиксе принадлежности и в личном показателе 2 лица единственного числа, в аффиксе родительного падежа вместо заднеязычного *ң* почти повсеместно, по-видимому, употребляется переднеязычный носовой *н*: *алнында* [ОП 1883: 331] — литер. *алдыңда* ‘перед тобой’; *турадарь ктыдарь сининь языгаткканынгна* [ОП 1883: 331] — литер. *торадыр кәтәдер синең язык әйткәнеңне* ‘стоит и ждет твоего признания в грехах твоих’; *Аллага гатсянь кайснарга языклы булдың* [ОП 1883: 332] — литер. *Аллага әйтсәң нәрсәгә языклы булдың* ‘если скажешь Богу в чем согрешил’; *Сянга куя масинь атанне ананне?* [ОП 1883: 333] — литер. *Санга куясыңмы (санлыйсыңмы) атаңны анаңны?* ‘Чтишь ли отца и мать?’; *урламадиньма?* [ОП 1883: 333] — литер. *урламадыңмы?* ‘не украд?’; *Алдамадинь сактанда алдамадинь алганда?* [ОП 1883: 333] — литер. *Алдамадыңмы сактанда алдамадыңмы алганда?* ‘Не обманывал когда продавал или покупал?’. Ср., однако, написание *нг* в таких же случаях: *языкларынгнатерсень* [ОП 1883: 331] — литер. *языкларыңны әйтерсең* ‘во всем покаешься’; *языгаткканынгна* [ОП 1883: 331] — литер. *язык әйткәнеңне* ‘твои признания в грехах’, *кюлюнюнгань* [ОП 1883: 331] — литер. ‘сердцем твоим’, *янгна* [ОП 1883: 332] — литер. *яныңа* ‘к тебе’, *юзынгны* [ОП 1883: 334] — литер. *үзеңне* ‘себе’ (отметим, что все эти случаи перед следующим *н*).

Употребление переднеязычного носового *н* вместо *ң* встречается во всех говорах кряшен. Примеры: *мина* — литер. *миңа* ‘мне’; *безен* — литер. *безең* ‘наш’; *барасын* — литер. *барасың* ‘идешь’; *сезнен* — литер. *сезең* ‘ваш’ и другие [Баязитова 1986: 66].

Употребление *б* вместо губно-губного *w* наблюдается в сочетании согласных в слове *ялбарырга* — литер. *ялварырга* ‘просить, молиться’: *юримисинь мяцка ялбарарга?* — литер. *йөрмисеңме мәчеткә ялварырга?* [ОП 1883: 332] ‘не ходишь в мечеть молиться?’. Эта особенность характерна для сергачского, мордва-каратаевского говора мишарского диалекта, наблюдается также в мензелинском говоре и говоре пермских татар [Баязитова 1986: 65]. Однако слово *вахт* — литер. *вакыт* ‘время’ записано с помощью *в*: *шул вахтанбирле яса якшылык* [ОП 1883: 334] — литер. *шул вакыттан бирле яса якшылык* ‘от сего времени делай добро’ (ср. *бакыт* ‘время’ мишар. дрожжановск. [ДС 1969: 66], *багыт* мишар. заказанско-кряшенск. [ДС 1969: 63]).

Фарингальный звук *h* в современном татарском языке встречается только в заимствованных словах, а в говорах кряшен в анлауте всегда опускается: *әр* [ЧД 1897: 7] — литер. *һәр* ‘каждый’, *ич-кем* [ЧД 1897: 17] — литер. *ичкем* ‘никто’, *ичтя* [ЧД 1897: 20] — литер. *ичтә* ‘никак’, *ава* [Е 1908: 39] — литер. *һава* ‘погода’, *әммә* [Е 1908: 37] — литер. *һәммә* ‘все’ и др. [Нуриева 2015: 71]. В тексте в арабском слове *һәм* ‘и’ записано через *г*: *Аллага гатсянь кайснарга языклы булдың гямь уланынгь сининь языгынгы бяхиларга миннянь, утя* [ОП 1883: 332] — литер. *Аллага әйтсәң кайсысына языклы булдың һәм ул анык синең языгыңны бәхилләргә миннән үтә* ‘если скажешь Богу в чем согрешил он готов простить твои через меня’.

При слитном написании наблюдается озвончение конечного глухого *к* перед гласным началом следующего слова: *турадарь ктыдарь сининь языгаткканынгна* [ОП 1883: 331] — литер. *торадыр кәтәдер синең язык әйткәнеңне*, ‘стоит и ждет твоего признания в грехах твоих’.

В тексте в нескольких случаях находим употребление букв *е*, *я*, *ь*, свидетельствующее, видимо, о мягкости предшествующих согласных, в заднерядных словах. Примеры: *языкле атай!* [ОП 1883: 334] — литер. *языкы Атай!* ‘Грешен, отче!’; *ялма алардань ать мага* [ОП 1883: 331] — литер. *оялма алардан, әйт миңа ты* ‘не стыдись пересказать их мне’; *нибарь языкне алгань кайсларне синь але ару аттиньмага юзынгны тыарга улашня тутунма* [ОП 1883: 334] — литер. *ни бар языкны алган кайсыларны син әле ару әйттең миңа үзеңне тыарга ул эшкә тотынма*. ‘во всех грехах в которых ты мне честно признался и не должен возвращаться’. Употребление в слове палатализованных согласных в соседстве с гласными заднего ряда составляет одну из немногих специфических особенностей мишарского диалекта, отличающих его от всех других тюркских языков, кроме чувашского [Махмутова 1978: 101; Баязитова 2008: 25].

В тексте встречаются диалектные фонетические варианты для некоторых слов: *уламь! бакь алнында Хазратий кюрмисинь турадарь* [ОП 1883: 331] — литер. *улым! бак алдыңда Хәзрәти күрмисең торадыр* ‘Сын пред тобой Христос невидимо стоит’ — ср. *алны* ‘перед’ [ДС 1969: 36] видимо, того же происхож-

дения; *кюлюнюгнянь барындань языкладынгнатерсень* [ОП 1883: 332] — литер. *чын күңелеңнән барлык языкладыңны әйтерсең* ‘если чистым сердцем во всем покаешься’. Некоторые случаи метатезы (перестановка звуков) отмечены в мишарском диалекте: *чолбану* ~ *чобалу* ‘спутаться’, *йаңгал* ~ *йалган* ‘ложь’ и др. [Махмутова 1978: 105].

Таким образом, в фонетической системе исследуемого текста наблюдаются особенности, характерные для мишарского диалекта. Такие народно-разговорные формы полностью сохранились в языке современных сергачских (нижегородских) мишарей, выходцев из Кадомского уезда. Это подтверждает устойчивость диалектных фонетических особенностей.

Морфологический строй текста, в отличие от фонетической системы, в основном совпадает с морфологическим строем татарского литературного языка.

Встретились отличные от литературных формы дательного-направительного падежа личных местоимений: *сана* [ОП 1883: 331] — литер. *сиңа* ‘тебе’; *мага* [ОП 1883: 331] — литер. *миңа* ‘мне’. Как следует из [АТНГ, карта №70], форма *мага* располагается на западе региона компактного расселения татар, в Рязанской области. Форма *сана* в карте не отмечается, но, возможно, ей соответствует в карте форма *мәңа* (Индери, Бегитино, Истяцкая в Тюменской области и ряд пунктов в Новосибирской области). Ситуация в памятнике выглядит нетривиально, т. к. по предположению создателей карты, формы местоимений 1 и 2 лица обычно в одном говоре выступают в одинаковой форме (т. е. ожидалось бы или *мага*, *сага*, или *мәңа*, *сәңа*). Но вообще говоря, обе диалектные формы представляют собой общетюркский архаизм (см. [СИГТЯ 2002: 155], так что не могут служить основанием для классификации.

В тексте зафиксированы глаголы изъявительного наклонения настоящего и прошедшего времени. В 3-ем лице единственного числа настоящего времени употребительна связка *-дыр*: *Уламь! бакъ алнында Хазрятий кюрмисинь турадарь ктыдарь сининь языгаткканынгна* [ОП 1883: 331] — литер. *Улым! кара алдында Хазряти кюрмисең тора, көтә синең языгыңны әйткәңеңне* ‘Сын пред тобой Христос невидимо стоит и ждет твоего признания в грехах твоих’. Известный исследователь мишарского диалекта Л. Т. Махмутова по этому поводу пишет: «В 3-ем лице единственного числа в традиционных мишарских говорах сохранилась связка *-дыр*, исторически восходящая к вспомогательному глаголу *тор-* и воспринимаемая ныне в качестве аффикса сказуемости 3-его лица. В последние десятилетия в мишарских говорах, особенно в цокающих, отмечается параллельное и даже преимущественное употребление варианта без *-дыр*» [Махмутова 1978: 141].

В образовании вопросительного аспекта глаголов прослеживается присоединение вопросительного аффикса непосредственно к показателям времени глагола: при *ашамадиньма* [ОП 1883: 333] — литер. *ашамадыңмы* ‘не ел ли’; *карганьмадиньма* [ОП 1883: 333] — литер. *каргамадыңмы* ‘не проклинал ли’; *урламадиньма* [ОП 1883: 333] — литер. *урламадыңмы* ‘не украл ли’; *язагин булмадама* [ОП 1883: 333] — литер. *языгың булмадымы* ‘не согрешил ли’; *утярмадиньма* [ОП 1883: 333] — литер. *үтермәдеңме* ‘не убивал’, имеются формы *биямисень* [ОП 1883: 332] — литер. *беләсеңме* ‘знаешь ли’; *юримисинь* [ОП 1883: 332] — литер. *йөрөмисеңме* ‘не ходишь’; *намазока ока мимисинь?* [ОП 1883: 333] — литер. *намаз укымыйсыңмы* ‘не читаешь ли намаз’ и другие.

Обзор языковых особенностей народно-разговорной формы сергачских (нижегородских) мишарей, выходцев из Кадомского уезда, зафиксированных в тексте исповеди, показывает, что эти особенности полностью сохранились в современном сергачском говоре. Но наряду с характерными для сергачского говора, имеются особенности, общие для западного диалекта татарского языка.

Приложение.
Текст исповеди

— 330 —

Исповѣдь съ переводомъ на татарскій языкъ.

Для этого описанія мнѣ обязательно доставленъ былъ конторою московской синодальной типографіи корректурный экземпляръ этой исповѣди. Русскій текстъ ея совершенно сходенъ съ тѣмъ, который находится въ переводѣ мордовскомъ (см. выше 315—318), только для татаръ прибавлены три вопроса, относящіеся къ магометанству. Переводъ слѣланъ несомнѣнно природнымъ татаринномъ-магометаниномъ, знакомымъ съ языкомъ Корана (*Рухуль Куддусъ*), нарѣчія мишарь, вѣроятно сергачскаго уѣзда нижегородской губерніи, которое отличается произношеніемъ *и* вмѣсто татарскаго *и*; здѣсь также встрѣчается *магамина* (мнѣ). Переводъ вступительнаго увѣщанія по языку вообще довольно складенъ. Слово *Христосъ* переведено *Хазрятій* (= *Хазрятій Иса*, какъ магометане называютъ Иисуса Христа; переписчикъ могъ слить эти два слова въ одно—*Хазрятіиса*, а наборщикъ совсѣмъ опустилъ послѣдній слогъ). Вопросы самой исповѣди нѣкоторые переведены неудачно, потому ли, что толмачъ не понялъ ихъ смысла и значенія, или быть можетъ соблазнился приноровить на свою сторону. Вопросы: *почитаешь ли Бога Отца? — Бога Сына?*—переведены такъ, что окончанія винительнаго падежа нѣтъ, а слово *Сына* переведено съ притяжаніемъ перваго лица един. числа — *уламъ, сынъ мой*; форма *атай* — отецъ, хотя формально не заключаетъ притяжанія перваго лица, но въ разговорѣ всегда понимается съ этимъ притяжаніемъ. И то и другое слово въ подобной постановкѣ въ обыкновенной рѣчи выражаетъ обращеніе, такъ что эти вопросы можно такъ понять: *Знаешь ли ты Бога, отецъ мой? Знаешь ли ты Бога, сынъ мой?*—Четвертый вопросъ: *не счита-*

331.

есть ли Магомета и законъ его,—въ переводѣ татарскомъ даетъ такой смыслъ: *а еще знаешь-ли Магометову вѣру?* По связи съ предыдущими вопросами, знаніе Магометовой вѣры представляется столь же обязательнымъ, какъ знаніе Бога, какъ бы въ соотвѣтствіе съ магометанскимъ догматомъ: *нѣтъ Бога кромѣ Аллаха и Магометъ Его пророкъ.*—Заключительное увѣщаніе переведено темно и нескладно. Но въ печати и вѣроятно въ рукописи еще, по незнанію наборщикомъ и переписчикомъ татарскаго языка, татарскія слова искажены до крайности; мѣстами безъ русскаго текста и не понять бы. Нерѣдко одно слово раздѣлено на два, или два слова соединены въ одно, или же по недоразумѣнію поставлены совсѣмъ не тѣ буквы. Напримѣръ: *намазока ока мимисинь.* Или: *Кишикъ катна язагинь булмадама.* Или: *цинбя хилляръ.* Или: *уланьнгъ.* Я привожу здѣсь этотъ переводъ со всѣми его опечатками, и для большей наглядности подстрочно сопоставляю написаніе, принятое въ нашихъ крещено-татарскихъ переводахъ.

По русски. По татарски.

Господи помилуй. Ярлыха Худай.

Подай Господи. Беръ Алла.

Тебѣ Господи. Сана Алла.

Исповѣдь.

Сыне, се предъ тобою Христось невидимо стоитъ, и ждетъ твоего признанія во грѣхахъ твоихъ. Ты не стыдись оные пересказать предомною: ибо ты ихъ	Уламь! бакъ алнында Улым бак алдында кюрмисинь турадарь, ктядарь сининь кюрмейчен торадыр кбтядер синен языгатканынгна, язык айтыяненге оймалма алардан ать мага: магатмисань, беръ Алла- айт миға миға айтмейсен бер Аллага	Хазрятій Хазряте
---	--	------------------

332

сказываешь не гатысанъ, кайсарга,
 мнѣ, а самому айтасенъ, кака сы анарга (кайсынар)
 Богу, предъ кото- языклы булдинъ, гямъ уланынгъ си-
 рымъ согрѣшилъ языклы булдынъ амъ уланык си-
 ты, и Онъ готовъ цинь, язынынгне бахиллярга миннянь,
 тебѣ простить нефъ языгыны бахиллярга миннян
 грѣхи твои чрезъ утя: цынбоя хилляръ, день кюлююнг
 меня: и по истин- утя чын бахилляр чын кюлелен-
 нѣ простить, еже- нянь барынданъ языкларынгнатер-
 ли ты чистымъ нян барынданъ языкларынгны ай-
 сердцемъ во всемъ сенъ: миннянь танасыбурсанъ, ики
 покаешься: а еже- терсен миннян танасы булсан ике
 ли что отъ меня утайшь, то дво-
 акый грѣхъ на ду- языклабулырсанъ сининь янгна алар-
 шу твою при- языклы булырын сипен жанына алып-
 мешь. сынъ.
 сын.

- Почитаешь ли Вилямисень Алла Атай?
 Бога Отца?
- Почитаешь ли Вилямисень Алла Уламъ?
 Бога Сына?
- Почитаешь ли Вилямисень Алла Рухуль Куддусъ?
 Бога Духа Свя-
 таго?
- Не почитаешь Гямъ биямисень Мухамедъ дя-
 ли Магомеда и нинь?
 законъ его?
- Не ходишь ли Юромимисинь мяцка ялбарарга?
 въ мизгить (ме- Жорбеймесен мячитка ялбарарга
 четъ) на молитву?

333

Не молишься ли по татарски? Намазока ока мимисинь?
Намаз укымыймысы

Не поругался ли христианскому закону? Урась дянинь хурламадинь?
Урыс денен курламадын (мы)

Не Ёль ли скоромнаго въ посты? Апмадиньма ураза, скоромна?

Понапрасну не божился ли? Иокка карганьмадиньма?
Жукка карганмадын ма.

Почитаешь ли отца и мать? Сянга куя масинь атанне ананне?
Санга куямысын атанны ананны

Не лжесвидѣтельствоваешь ли? Янгалъ сюля мядинь?
Жангал (= жалгал) сбийлямаден (ме)

Не украсть ли? Урламадиньма?
Урламадын мы.

Съ чужою женою не согрѣшилъ ли? Кишикъ катна язагинь бул-
Кеше катыны(белян) языгынъ бул-
мадама?
мады мы

Съ чужимъ мужемъ несогрѣшила ли? Кше ере язагинь булмада-
Кеше эре (белян) языгынъ булмады
ма?
мы

Не убилъ ли человека? Утярмадиньма кеше?
Утермаденме кеше

Не обидѣлъ ли кого въ купляхъ или продажахъ? Алдамадинь сакганда, алдама-
Алдамадын(мы) сатканда, алдама-
динь алганда?
дын (мы) алганда.

334

Не проклиналъ Каргамадинъ кешене?
ли человекъ? Каргамадынъ (мы) кешене?

Не позавидоваль ли? Скланмадинъма?
Соклацмадынъ мы

Не сводилъ ли Араюритьмадинъма?
кого съ кѣмъ къ Ара жортмаденъме
люבודѣйству?

Не сдѣлалъ ли Кише бузмадинъма?
человѣку вреда Кеше бозмадынъ мы
ворожбою?

Не привлекалъ Сюярмадинъма кше?
ли къ себѣ въ лю- Сбйдермаденъ ме кеше
будѣйство ворож-
бою?

Не пьянствоваль ли? Артагыцмадинъма?
Артыкъ эчмаденъ ме

Грѣшнень, отче. Языкле атай!
Нѣтъ, отче. Юкъ атай!

Отъ всѣхъ сихъ Нибаръ языкне алганъ, кайслар-
грѣховъ, въ ко- Ней баръ языкны алганъ кайсылар-
торыхъ ты теперь не синъ але ару аттинъмага, юзынг-
чисто признался, ны синъ але ару айттенъ минга ѳзенъ-
долженъ себя у- ны тыарга, улашня тутунма, ницыкъ
держивать и опять не тыарга ул эшкя тононма ничекъ
на оны не воз- не тыарга ул эшкя тононма ничекъ
вращаться, какъ кучюкъ юскусугуна, шоль адымга
песъ на свою бле- кочокъ ѳз косогона шул адымга
вотину; ибо сіе кише хрїстіанинъ ярамидаръ бикъ
человѣку хрїсті- кеше ярамыйдыр бикъ
анину не прилич-
но и весьма грѣш-
но; и отъ сего языкъ: шоль вахтанбирле яса якш-
времени располо- языкъ шол багыттан бирле яса якшы-

315

жись дѣлать вся-лыкне; Алла сана булшыкъ берерь,
 кое добро, а Богъ лыкны Алла сина булшыкъ биреря
 тебѣ будетъ по-арлыхарь сине полтурмушунъ блянъ
 мощникъ; и на-арлыкар сине шул тормошонъ белянъ
 градитьтебя въ-рыскаль блянъ, тигидуйна стюмакта
 сей жизни ща-рыскаль блянъ, тигидуйна стюмакта
 стіемъ, а въ бу-рыскаль блянъ теге донья очтомакта
 душой царство урныкъ буларь.
 небесное даруетъ. урныкъ буларь.

4

Исповѣдь съ переводомъ на чувашскій языкъ.

По русски.

По чувашски.

Господи помилуй.

Сирлахъ Тора.

Подай Господи.

Баръ Тора.

Тебѣ Господи.

Сана вали Тора.

Исповѣдь.

Сыне! се предъ тобою
 Христось невидимо сто-
 ить и ждетъ твоего при-
 знанія во грѣхахъ твоихъ;
 ты не стыдись оные пере-
 сказать предо мною: ибо
 ты ихъ сказываешь не

Ивули! сякъ санданъ,
 Христось Тора никамъ да
 корнманны турать, кюдеть
 да санынъ айпланатуранъ
 силахъ ря санынъ! ась ан-
 вуданъ она калязасъ мана:
 ась она, калязданъ мана

Сокращения

Исп. — исповедь
 серг. — сергачский говор
 татар. — татарский
 др.тюрк. — древнетюркский

Литература

- Алишина 1994 — *Алишина Х. Ч.* Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар. Казань: изд-во Казан. пед. ин-та, 1994. {*Alishina H. Ch.* The Tobol-Irtysh dialect of the Siberian Tatar language. Kazan: Kazan Pedagogical Institute press, 1994.}
- Атлас 1989 — Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья. Казань, 1989. {Atlas of the Tatar folk dialects of Middle Volga and Cisurals. Kazan, 1989.}
- АТНГ — Атлас татарских народных говоров // <http://newipi.antat.ru/atlas/maps.html?mapnom=98>, 2011—2012. {Atlas of the Tatar native sub-dialects // <http://newipi.antat.ru/atlas/maps.html?mapnom=98>, 2011—2012.}
- Баязитова 1986 — *Баязитова Ф. С.* Говоры татар-крещен в сравнительном освещении. М., 1986. {*Bayazitova F. S.* Dialects of the Kryashen Tatars in comparative treatment. M., 1986.}
- Баязитова 2008 — *Баязитова Ф. С., Мухамметова Г. Ф.* Язык и культура: этнолингвистические исследования по татарским говорам Закамья Татарстана (чистопольский, мензелинский, крещено-татарский говоры). Казань: Алма-Лит, 2008. {*Bayazitova F. S., Muhammetova G. F.* Language and culture: ethnolinguistic studies of the Tatar sub-dialects of the Tatarstan's Trans-Kama region (the Chistopol, Minzälä, Kryashen sub-dialects). Kazan: Alma-Lit, 2008.}
- ДС 1969 — Диалектологический словарь татарского языка. Казань, 1969. {Dialectological dictionary of the Tatar language. Kazan, 1969.}
- ОП 1883 — Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. Материал для истории православного русского миссионерства. Казань: Типография императорского ун-та, 1883. {A record of translating the Christian books of creed in Tatar and other non-Russian languages in the beginning of the present century. Materials for the history of the Orthodox Russian missionary work. Kazan: Imperial University press, 1883.}
- Е 1908 — Святое Евангелие господина нашего Иисуса Христа на татарском языке. Казань, 1908. {Holy Gospel of Our Lord Jesus Christ in Tatar. Kazan, 1908.}
- Махмутова 1978 — *Махмутова Л. Т.* Опыт исследования тюркских диалектов (мишарский диалект татарского языка) / Л. Т. Махмутова. М.: Наука, 1978. {*Mahmutova L. T.* A study in Turkic dialects (the Mishar dialect of Tatar) / L. T. Mahmutova. M.: Nauka, 1978.}
- Нуриева 2015 — *Нуриева Ф. Ш.* Диалектная основа книг на «крещено-татарском» языке второй половины XIX века // Урало-алтайские исследования. 2015, 2 (17). С.67—74. {*Nurieva F. Sh.* Dialectal basis of the books in “Kresheno-Tatar” language of the second half of the 19th century // Ural-Altai studies. 2015. Vol. 2 (17). P. 67—74.}
- СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М.: Наука, 2002. {Comparative-historical grammar of Turkic languages: Regional reconstructions. M., 2002.}
- ТХС 2008 — Татар халык сөйләшләре. 2 китапта: Икенче китап. Казан: Мәгариф, 2008.
- Тумашева 1977 — *Тумашева Д. Г.* Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. Казань: изд-во Казан.ун-та, 1977. {*Tumasheva D. G.* Dialects of the Siberian Tatars. A comparative study. Kazan: Kazan University press, 1977.}
- ЧД 1897 — Чын ден княгясе. Учение о православной вере. Казань, 1897. {Чын ден княгясе. Doctrine of the Orthodox faith. Kazan, 1897.}
- Nurieva 2016 — *Nurieva F. S, Kadirova E. K, Kuzmina K. K.* Translation practice and educational activities of the Christian missionary N. I. Ilminsky // European Journal of Science and Theology. 2016. Vol. 12. Is. 6. P. 113—121.

РЕЗЮМЕ

Исследование переводного миссионерского памятника — исповеди, написанного на народно-разговорном языке сергачских мишарей во второй половине XIX века, представляет огромный интерес для сравнения с современным разговорным и татарским литературным языками. Этот текст как языковой памятник говора сергачских мишарей, представляет богатый материал о разговорном языке, в которых прослеживаются общие звуковые соответствия со современными диалектами татарского языка, также обнаруживаются древние диалектные отношения. В статье ста-

вится цель через переводной текст получить новые сведения о системе мишарского диалекта того периода. Исследование позволяет ввести в научный оборот фактический материал ареалогического характера, способствующий более полному изучению многовековой истории и культуры народа в их местных проявлениях.

SUMMARY

Studying a translated missionary monument — a confession written in the folk-spoken language of Sergach Mishars in the later half of the 19th century — is of great interest for comparison with modern spoken and literary Tatar language. This text, being a linguistic monument of the dialect of the Sergach Mishars, contains extensive material on the spoken language, which has sound correspondences with contemporary dialects of the Tatar language; ancient dialectic relations can be traced through it, as well. The article aims to obtain new information about the Mishar dialect system of that period using the translated text. Our research allows to introduce factual areagraphic material into scientific use, and thus promotes a more complete study of the centuries-old history and culture of the nation in their local performances.

Ключевые слова: крещенные татары, XIX век, переводческая комиссия, фонетика, сергачский говор, мишари

Keywords: baptized Tatars, XIX century, translation committee, phonetics, Sergach subdialect, Mishars

Нуриева Фануза Шакуровна, Казанский (Приволжский) федеральный университет / Институт языкознания РАН;
fanuzanurieva@yandex.ru

Fanuza Sh. Nurieva, Kazan (Volga region) Federal University & Institut of Linguistic, Russian Academy of Sciences;
fanuzanurieva@yandex.ru

Квантитативная характеристика лексики карачаево-балкарского языка (на материале малого карачаево-балкарско-русского словаря)

Карачаево-балкарский язык — язык двух этнических групп одной народности; карачаевцев (къарачайлыла) и балкарцев (малкъарлыла), живущих ныне главным образом на Северном Кавказе: балкарцы — в Кабардино-Балкарской Республике и карачаевцы — в Карачаево-Черкесской Республике. Некоторая незначительная часть карачаевцев и балкарцев находится в Средней Азии и Казахстане.

Задачей нашего исследования является выделение ядра лексико-семантической системы карачаево-балкарского языка, путем применения метода параметрического анализа проф. В. Т. Титова, детально описанного в его трудах [Титов 2002: 8]. Объектом исследования является электронная версия словаря балкарского языка [ЭСКБЯ 2002].

Электронная версия малого балкарско-русского словаря содержит 4629 строк. Если можно поставить знак равенства между количеством строк и количеством словарных статей в этом словаре, то вряд ли можно поставить знак равенства между количеством строк и количеством слов в словаре, потому что часто балкарская часть содержит словосочетания. Например, *агъач къакъгъыч* ‘дятел’, *агъач къарауул* — ‘егерь, лесник’, *агъач къыйыр* — ‘опушка’, *агъач тауукъ* — ‘тетерев’, *агъач уста* — ‘плотник, столяр’, *агъачда талачыкъ* — ‘лужайка’ и т. п.

Эта часть словаря используется нами для оценки синтагматического веса слова: чем в большее количество словосочетаний оно входит, тем больше его синтагматический вес.

Некоторые синонимы даются через запятую и переводятся одним русским словом, например: *жарауьсуз, файдасыз* — ‘невыгодный’; *ау, туман* — ‘мгла’; *жигит, тауькел* — ‘смелый’; *зорлукъ, артыкълыкъ* — ‘насилие’; *тентек, жарты* — ‘дурак’; *хал, адет* — ‘нрав’. В таком случае строка расщеплялась на две: например: *жарауьсуз* — ‘невыгодный’; *файдасыз* — ‘невыгодный’; *ау* — ‘мгла’; *туман* — ‘мгла’; *жигит* — ‘смелый’; *тауькел* — ‘смелый’; *тентек* — ‘дурак’; *жарты* — ‘дурак’; *артыкълыкъ* — ‘насилие’; *зорлукъ* — ‘насилие’; *хал* — ‘нрав’; *адет* — ‘нрав’.

Ещё одной особенностью данного словаря является отсутствие нумерации значений слова. Поскольку количество значений у слова является одним из системно значимых показателей, мы за разделитель между значениями принимаем точку с запятой. Следовательно, количество значений у слова равно количеству символов «;» в словарной статье + 1.

С принятыми поправками количество слов-универбов в малом словаре оценивается в 3401 единицы.

В соответствии с методом ПАЛ, предложенным В. Т. Титовым, мы анализируем словарь по четырем параметрам: функциональному ((употребительность) косвенно оцениваемая по длине слова — Ф-вес), синтагматическому ((широкая сочетаемость) косвенно оцениваемому по числу устойчивых словосочетаний и иллюстративных речений в словарной статье с данным словом — С-вес), эпидигматическому ((продуктивность) оцениваемому по количеству значений у слова в словаре — Э-вес) и парадигматическому (оцениваемому количеством слов в синонимическом ряду, в который входит слово по одному из своих значений — П-вес). Корпус материала малого словаря, как отмечалось выше, состоит из 3401 слов, полученных в результате превращения электронной версии словаря-источника [ЭСКБЯ 2002] в базу данных.

1. Функциональная стратификация карачаево-балкарской лексики (Малый словарь)

Для функциональной стратификации лексики вводится такой параметр, как *функциональный вес* (Ф-вес) слова — некая неизвестная величина, подлежащая определению. Косвенно функциональный вес проявляется в том, что он влияет на такие наблюдаемые параметры слова, как его длина в языке и частотность в корпусах (речи), из которых для оценки Ф-веса используется длина слова. Измерять эту величину можно в разных единицах. Проще всего — в буквах, но более «лингвистичный» способ — измерение длины в звуках, предполагающий преобразование орфографической записи слов в практическую транскрипцию, отвечающую одному главному требованию: количество символов равно количеству фонем. При возникновении коллизии между длиной слова в фонах и фонемах предпочтение отдаётся длине в фонемах.

Получив запись лемм словаря в практической транскрипции, получаем распределение слов по длине в таблице Excel, используя лингвистическую функцию ДЛСТР (длина строки) для выявления количества символов в каждой строке.

Для вычисления частнопараметрического веса (Ф-веса, Э-веса, С-веса и П-веса) используем предложенную В. Т. Титовым [Титов 2003] формулу:

$$Pr_i = \frac{\Sigma r - R_{1-i}}{\Sigma r}, \text{ где}$$

Σr — сумма единиц всех рангов,

R_{1-i} — сумма единиц от первого до данного, а

Pr_i — вес i -го ранга.

Следовательно, для каждой единицы ядра необходимо определить, к какому рангу какой параметрической шкалы ее отнести. Это дает возможность вычислить системный вес каждой из ядерных единиц словаря и упорядочить их по убыванию.

Распределение карачаево-балкарских слов по длине представлено в таблице 1.

Таблица 1

Распределение карачаево-балкарских слов Малого словаря по длине

Фонов	Слов	Накопленное количество слов	Функциональный весМал
1	0	0	1,00000
2	27	27	0,99206
3	173	200	0,94121
4	244	444	0,86949
5	616	1060	0,68842
6	522	1582	0,53498
7	497	2079	0,38889
8	422	2501	0,26484
9	369	2870	0,15638
10	274	3144	0,07584
11	116	3260	0,04174
12	83	3343	0,01734
13	35	3378	0,00705
14	12	3390	0,00353
15	7	3397	0,00147
16	4	3401	0,00029
17	1	3402	0,00000

Как видим, в карачаево-балкарском языке целесообразно ограничиться включением в ядро слов длиной от двух до пяти фонем. В таком случае мы получим множество наиболее близкое к 1000 слов.

В карачаево-балкарском языке наиболее активными в функциональном отношении словами оказываются служебные слова:

1. а 'и', бла 'и', эм ~ эмда 'и' соединительный союз;
2. не...не 'или...или', бир...бир 'то...то' разделительный союз;
3. бла 'с', дери 'до' и др.

Так как мы исследуем лексико-семантический уровень языка, данные слова, находятся за пределами нашего исследования. Также исключаются из рассмотрения слова, не являющиеся существительными, прилагательными или глаголами, также слова с ограничительными пометами, свидетельствующими об их социальной, функциональной или территориальной маркированности.

Как выяснилось, наиболее длинным оказалось одно слово, состоящее из 17 звуков: амалсызландырыргъа 'извести';

Слов длиной в 16 звуков 4:

акырынландырырга ‘замедлить’; *арымаўчуталмаўчу* ‘неутомимый’; *борбайсызланырга* ‘обессилить’; *йуйюрсюндюрмезге* ‘недолго любить’.

Наиболее короткими и, следовательно, функционально активными оказались слова, состоящие из двух звуков: *аз* ‘малый, малочисленный’; *ай* ‘луна’; *акъ* ‘белый’; *ал* ‘начальный’; *ат* ‘конь’; *аў I* ‘сетка’; *аў II* ‘мгла’; *ач* ‘голодный’; *аиш* ‘пища’; *ит* ‘пёс’; *ич* ‘внутренний’; *иш* ‘дело’; *окъ* ‘пика’; *от* ‘костёр’; *ун* ‘мука’; *ыз* ‘колея’; *эл* ‘аул’ и др.

Наибольшее же количество слов состоит из 5 фонем. Распределение количества КБ слов по длине представлено на диаграмме (см. Рис. 1).

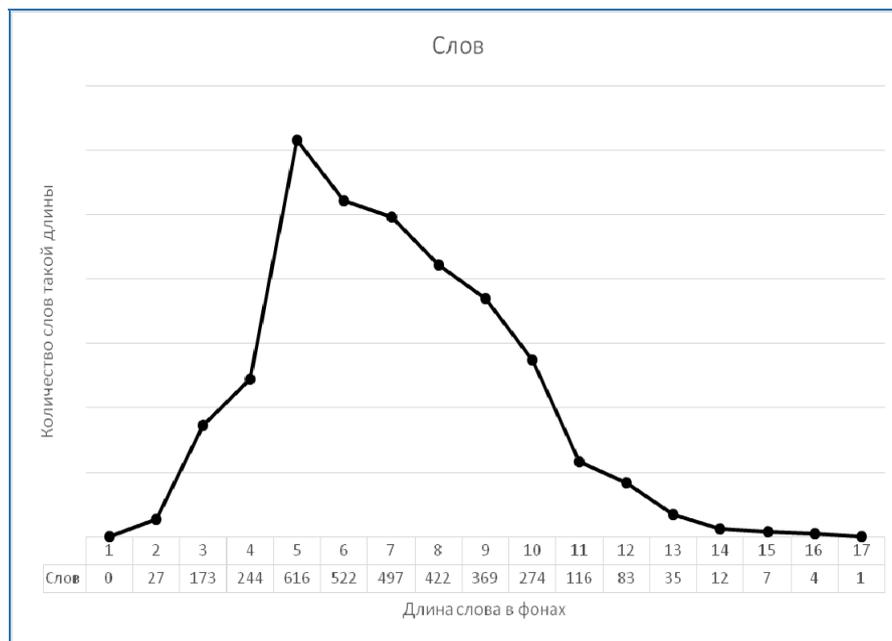

Рис. 1. Распределение карачаево-балкарских слов по длине

Из данной таблицы следует, что в карачаево-балкарском языке целесообразно включение в ядро слов длиной не более пяти звуков. В таком случае мы получим (за вычетом дискурсивных слов, имен собственных и тем или иным способом маркированных полнозначных слов) множество, наиболее близкое к 1000.

Распределение слов Малого словаря по функциональному весу (Ф-весу) представлено на Рис. 2.

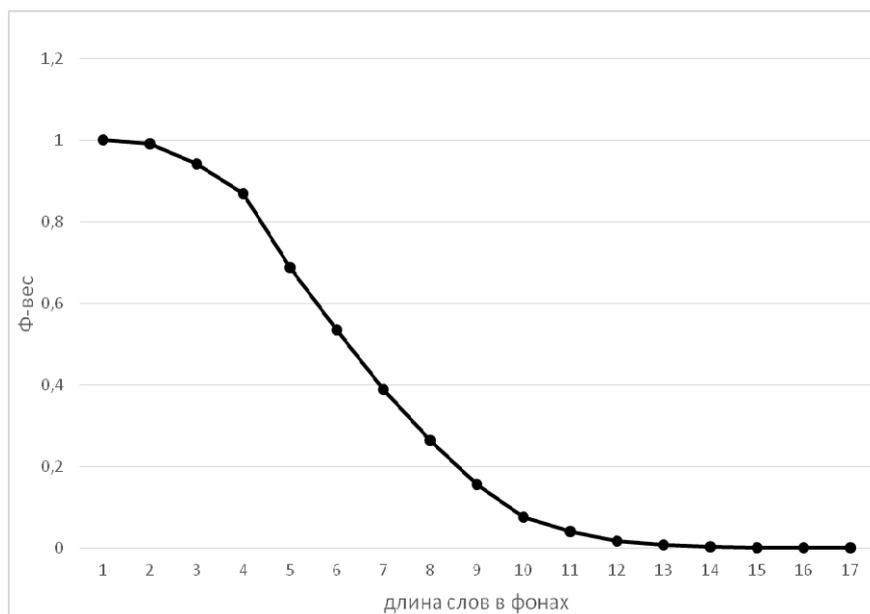

Рис. 2. Распределение слов Малого словаря по функциональному весу.

Как видим, распределение носит «змеевидный» характер, при котором «голова» распределения тяготеет к морфемам, «хвост» — к словосочетаниям, а средняя (диагональная) часть распределения (от 5 до 9 фонов) приходится на собственно слова. Ср. у В. Т. Титова: «...в подавляющем большинстве наиболее длинные слова романских (а возможно, и не только романских) языков — это словосочетания, находящиеся на пути к компрессии, на пути к универбации» [Титов 2002: 39 Черных].

2. Синтагматическая стратификация карачаево-балкарской лексики (Малый словарь)

Индикатором синтагматической активности слов является количество фразеосочетаний, образуемых с их участием. В Малом словаре индикатором синтагматической активности слова является количество словосочетаний с его участием.

Поскольку двуязычные словари, как правило, бедны синтагматической информацией, в некоторых случаях в качестве косвенного показателя синтагматической активности слова приходится принимать количество речений и иллюстративных помет, даваемых при слове в словаре, исходя из допущения, что богатство синтагматических связей в языке пропорционально богатству иллюстративного материала, приводимого при данном слове в словаре.

Обратимся к данным, полученным в результате анализа синтагматической активности исследуемого корпуса карачаево-балкарской лексики.

Так как число карачаево-балкарских слов, имеющих иллюстрации и речения, 1279, а число фразеологизмов в строгом смысле — 319, есть смысл взять все слова, имеющие в словарной статье синтагматическую информацию (речения, иллюстрации и т. п.) в качестве ядра, выделенного по признаку *синтагматической активности*.

Распределение синтагматически активных карачаево-балкарских слов представлено в таблице 2 и на Рис. 3.

Таблица 2

Синтагматическая стратификация КБ лексики в Малом словаре

Фразео-сочетания	Слов	Накоплено слов	Синтагматический весМакс
101	1	1	0,99971
43	1	2	0,99941
20	1	3	0,99912
19	2	5	0,99853
16	1	6	0,99824
15	2	8	0,99765
14	4	12	0,99647
13	6	18	0,99471
12	2	20	0,99412
11	1	21	0,99383
10	4	25	0,99265
9	1	26	0,99236
8	11	37	0,98912
7	12	49	0,98559
6	11	60	0,98236
5	28	88	0,97413
4	41	129	0,96207
3	88	217	0,93620
2	182	399	0,88268
1	880	1279	0,62393
0	2122	3401	0,00000

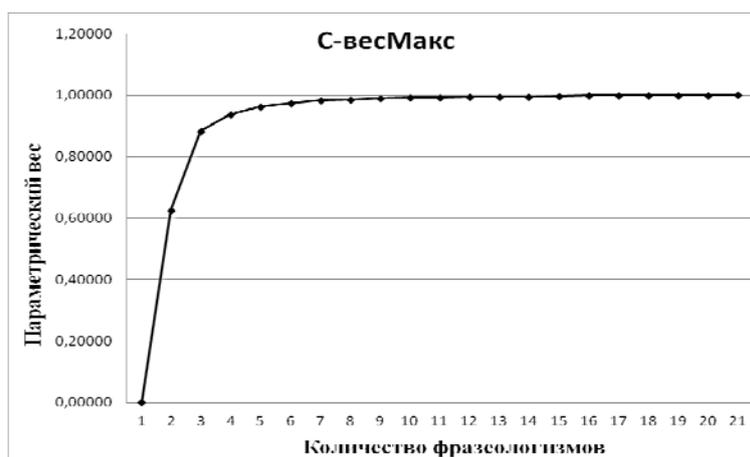

Рис. 3. Распределение лексики Малого карачаево-балкарского словаря по Синтагматическому весу

Рис. 3 свидетельствует, что синтагматический вес слов возрастает с ростом числа фразеологизмов, образуемых с участием данного слова. Иными словами, между числом фразеосочетаний (ФС) и синтагматическим весом (С-весом) существует прямая зависимость. С-вес слов, не имеющих ФС, = 0.

Проанализировав синтагматическую активность исследуемого корпуса лексики карачаево-балкарского языка путем оценки ее фразеологической сочетаемости (т. е. количества фразеологических оборотов, в которых участвует то или иное слово), мы выявили 1279 слов, формирующих ядро исследуемой лексики в соответствии с критерием максимальной синтагматической активности. Максимальное количество фразеологизмов в нашем материале имеют слова:

- 101 фразеологизм имеет слово *этерге* гл. 'делать';
- 43 фразеологизма *болургъа* гл. 'быть';
- 19 фразеологизмов *альыргъа* гл. 'брать';
жер суц. 'земля';
- 16 фразеологизмов *улуу прил.* 'большой, крупный';
- 15 фразеологизмов *салыргъа* гл. 'ставить, класть';
бир числ. 'один';
- 14 фразеологизмов *чыгъаргъа* гл. 'ставить, класть';
къалыргъа гл. 'остаться';
бек нареч. 'очень';
- 13 фразеологизмов имеют 6 слов:
ат суц. 'конь';
кёз суц. 'глаз, око';
кёп нареч. 'много';
кетерге гл. 'уходить';
кюн суц. 'день';
суу суц. 'вода';
- 12 фразеологизмов имеют 2 слова:
адам суц. 'человек';
берирге гл. 'давать';
- 11 фразеологизмов имеет 1 слов:
аман прил. 'плохой';
- 10 фразеологизмов имеют 4 слова;
жангыдан нареч. 'вновь, сначала';
къол суц. 'рука';
сёз суц. 'слово';
турургъа гл. 'быть, находиться';
- 9 фразеологизмов имеет 1 слово:
баш суц. 'голова';
- 8 фразеологизмов имеют 11 слов:
ариу прил. 'приятный, красивый';
атаргъа гл. 'бросать';
аякъ суц. 'нога';
болмагъан прич. 'небывалый';

ётерге гл. 'проходить';
жюз числ. 'сто';
къараргъа гл. 'смотреть';
къояргъа гл. 'оставить';
таш сущ. 'камень';
тутаргъа гл. 'держатъ';
юй сущ. 'дом';

7 фразеологизмов имеют 12 слов:

агъач сущ. 'дерево, древесный';
аз прил. 'малочисленный, малый';
билрге гл. 'знать';
жан сущ. 'душа, жизнь';
жол сущ. 'дорога';
кёрюрге гл. 'видеть';
къара прил. 'черный';
орун сущ. 'место';
терен прил. 'глубокий';
чабаргъа гл. 'бегать';
чыгъарыргъа гл. 'выносить';
эс сущ. 'память, внимательность';

6 фразеологизмов имеют 11 слов:

айтыргъа гл. 'говорить';
барыргъа гл. 'идти';
бурун сущ. 'нос';
жюрек сущ. 'сердце';
кёл сущ. 'душа, настроение';
кирирге гл. 'входить';
от сущ. 'огонь';
сюйген сущ. 'возлюбленный, любимый (человек)';
тют сущ. 'дно, низ';
тюшерге гл. 'падать';
эт сущ. 'мясо';

5 фразеологизмов имеют 28 слов;

4 фразеологизма имеют 41 слово;

3 фразеологизма имеют 88 слов;

2 фразеологизма имеют 182 слова, и, наконец, слова, которые имеют 1 фразеологизм (880 единиц), составляют большую часть исследуемого корпуса лексики карачаево-балкарского языка.

3. Парадигматическая стратификация карачаево-балкарской лексики (Малый словарь)

Информация о синонимических связях лексем извлекалась путем позиционного анализа дефиниций, предложенного и описанного в работе [Кретов 2006: 62—65]. Анализ синонимических рядов карачаево-балкарской лексики дал результаты, представленные в Таблице 3.

В ядро (после оговоренной выше фильтрации) войдут все слова, имеющие синонимы. Понятно, что синонимический ряд, состоящий из одного слова, содержит 0 синонимов.

Таблица 3

Показатели парадигматической активности лексики
 Малого карачаево-балкарского словаря

Слова	Синонимические ряды	Накопленное количество рядов	Парадигматический вес
5	1	1	0,99980
4	11	12	0,99755
3	120	132	0,97306
2	1291	1423	0,70959
1	3477	4900	0,00000

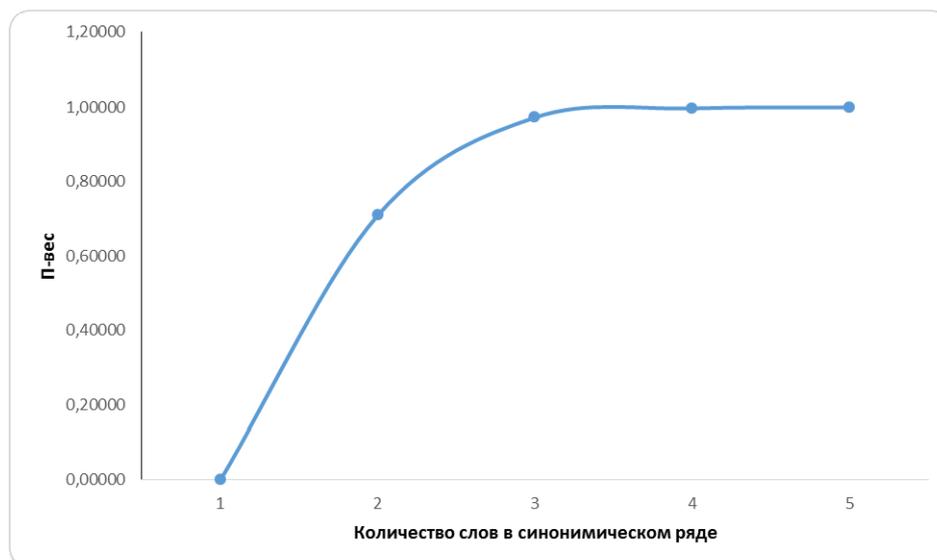

Рис. 4. Распределение лексики Малого карачаево-балкарского словаря по Парадигматическому весу.

Приведем примеры наиболее многочисленных синонимических рядов, состоящих из 5-4 синонимов. Один ряд имеет 5 членов:

с семантикой 'спокойный, кроткий' — *буюгъуўчу, жуўаиш, сабыр, тынч, уялчакъ*;

Одиннадцать рядов имеют по 4 члена:

с семантикой 'бродяга' — *калак, саякъ, хаўле, айланма*;

с семантикой 'бросать' — *атаргъа, къояргъа, жиберирге, атдырыргъа*;

с семантикой 'брюхо' — *быдыр, къурсакъ, къарын, гыбыт*;

с семантикой 'смелый' — *жигит, таўкел, болумлу, жигер*;

с семантикой 'достоверный' — *керти, туура, тюз, ётюрюксюз*;

с семантикой 'достоинство, достойный' — *багъалы, намыс, тийишлы, сыйлы*;

с семантикой 'жалкий' — *жазыкъ, мискин, онгсуз, харип*;

с семантикой 'неряха' — *жыйышсыз, кирли, тизгинсиз, халахоста*;

с семантикой 'переполох' — *даўур-дуўур, къатышлыкъ, къаўгъа, халабалыкъ*;

с семантикой 'хватать, быть достаточным' — *жетерге, жетиширге; татыргъа I, болургъа*;

с семантикой 'повод, зацепка' — *сылтаў, чурум, къайгъы, илинуу*.

4. Эпидигматическая стратификация карачаево-балкарской лексики (Малый словарь)

Об эпидигматической активности карачаево-балкарских слов свидетельствует их многозначность. Многозначность также может рассматриваться как один из критериев оценки принадлежности того или иного слова лексико-семантическому ядру языка. Данный критерий был выдвинут П. Я. Черных [Черных 1950; 1952: 126—150] и неоднократно проходил проверку в современных исследованиях [Кретов 1985: 38—46], [Кузнецова 1964; 1988; 2010], [Титов 2002].

Для определения многозначности исследуемого корпуса лексики, обратимся, прежде всего, к информации о том, сколько однозначных, двузначных, трехзначных и т. д. слов имеется в исследуемом корпусе лексики. Распределение эпидигматически активных карачаево-балкарских слов представлено в таблице 4 и на Рис. 5.

Из таблицы следует, что при выделении ядра мы можем ориентироваться на слова с количеством значений от 2 до 25 включительно. Максимальное количество значений (25) имеет слово *бузаргъа* 'менять; взломать; испортить; нарушить; отменить; портить; развратить; повредить; попить; изуродовать; перебить; разрушить; извратить; разменять; обезобразить; усложнить; ломать; снести; расторгнуть; исковеркать; обострить; натворить; проломить; вредить; сорвать'.

Итогом нашего исследования является выявление параметрического ядра лексики карачаево-балкарского языка, полученного путем слияния функционального ядра размером в 1060 слов, эпидигматического ядра размером в 1225 слова, синтагматического — размером в 1279 слов и парадигматического ядра размером в 1423 слова, полученных после удаления из множества слов, не являющихся суще-

Таблица 4

Распределение карачаево-балкарских слов по числу значений

Значения	Слова	Накоплено слов	Эпидигматический вес
25	1	1	0,99971
21	1	2	0,99941
20	1	3	0,99912
18	1	4	0,99882
17	2	6	0,99824
15	4	10	0,99706
14	3	13	0,99618
13	1	14	0,99588
12	4	18	0,99471
11	11	29	0,99147
10	12	41	0,98794
9	11	52	0,98471
8	23	75	0,97795
7	40	115	0,96619
6	64	179	0,94737
5	75	254	0,92532
4	132	386	0,88650
3	243	629	0,81505
2	596	1225	0,63981
1	2176	3401	0,00000

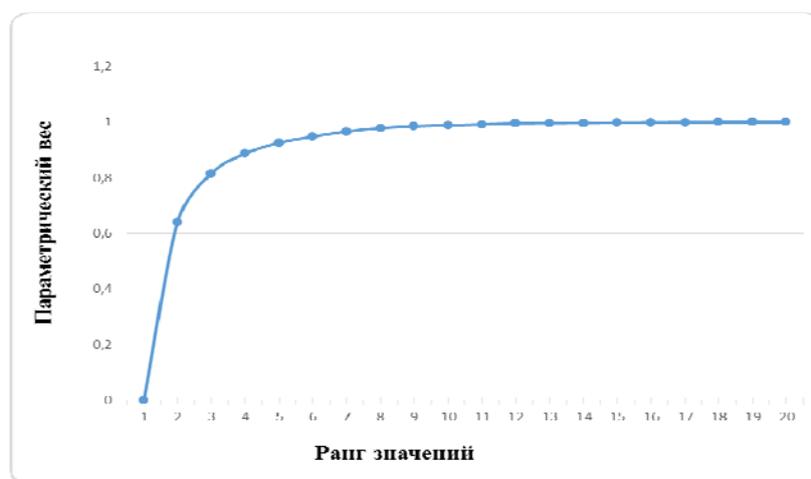

Рис. 5. Распределение лексики Малого карачаево-балкарского словаря по Эпидигматическому весу

ствительными, прилагательными и глаголами, и осуществления прочих этапов фильтрации лексики: исключение из рассмотрения аббревиатур и сложных слов, состоящих из двух и более корней, наречий и причастий, представляющих собой часть глагольной парадигмы, местоимений, не являющихся самостоятельными лексическими единицами, союзов и предлогов, являющихся служебными частями речи, а также числительных, не входящих по своей категориальной принадлежности в ядро лексико-семантической системы языка.

В результате сложения четырех файлов, мы получили корпус ядерной лексики карачаево-балкарского языка. Сложение весов по каждому из параметров дало нам возможность получить **Интегральный параметрический вес** (Ип-вес) и упорядочить слова по убыванию их параметрического веса.

Сам термин **Интегральный параметрический вес** (Ип-вес) является нововведением в сложившейся практике ПАЛ. Мы считаем, он необходим для того, чтобы отличать его от **частно-параметрических весов**: Ф-веса, С-веса, П-веса и Д-веса.

Слияние ядер и упорядочение лексики по Ип-весу позволяет отсортировать лексику в порядке его убывания и выявить системную стратификацию Малого карачаево-балкарского словаря (см. Рис. 6).

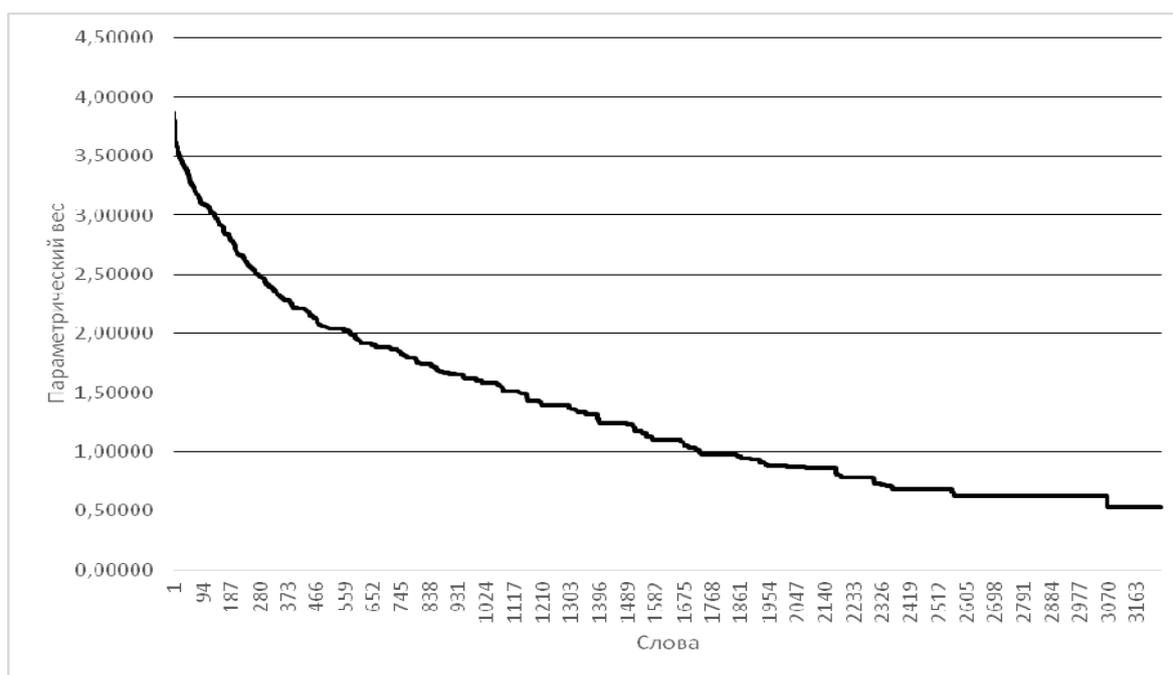

Рис. 6. Стратификация лексики Малого словаря по Интегральному параметрическому весу

Округление Ип-веса до целых величин (от 4 до 1) позволяет осуществить стратификацию КБ лексики следующим образом (см. табл. 5).

Таблица 5

Системная стратификация карачаево-балкарской лексики (Малый словарь)

Словаря	Множества			ИпОкр вес	Малый		Малый	
	Полные	Большие	Малые		Слов	Накопл.	%	Накопл.
Ядро	Ядро	Ядро	Ядро	4	20	20	0,6%	0,6%
			Периферия	3	260	280	7,6%	8,2%
	Периферия			2	884	1164	26,0%	34,2%
	Периферия			1	2108	3272	62,0%	96,2%
Периферия				0	129	3401	3,8%	100,0%

В Таблице 5 мы вводим ещё одно терминологическое новшество: кроме малых и больших ядра-периферии выделяем также **Полные** ядро-периферию и ядро-периферию **Словаря**.

Полное ядро включает в себя все слова, вошедшие в два и более частнопараметрических ядра и имеющие округлённый Ип-вес ≥ 2 .

Полная периферия включает в себя слова, вошедшие в одно из частнопараметрических ядер и имеющих округлённый Ип-вес = 1.

Ядро Словаря включает в себя все слова, вошедшие не менее чем в одно из частнопараметрических ядер и имеющие округлённый Ип-вес ≥ 1 .

Периферия Словаря включает в себя слова, не вошедшие ни в одно из частнопараметрических ядер и имеющие округлённый Ип-вес = 0.

Как видим, системный вес слов связан с их количеством обратной зависимостью: чем больше системный вес, тем меньше слов с таким весом и наоборот.

Наличие этой закономерности даёт надежду на системное описание словаря по полемому принципу, обладающее максимальной структурированностью в минимальном множестве слов системного ядра.

Как видим, малое ядро составляют 20 слов, малую периферию — 260 слов. Большое ядро составляют 280 слов, большую периферию — 884 слова, полное ядро — 1164, периферию полного ядра — 2108 слов, что в совокупности даёт 3272 слова. Добавление к ним 129 слов периферии словаря даёт полный объём словаря — 3401 слово.

То, что отмеченная выше закономерность не распространяется на периферию Словаря, вполне обосновано: тем самым подтверждается маргинальность периферийной лексики и подтверждается высокая информативность Малого словаря, содержащего наиболее существенную в системном отношении лексику. Можно сказать, что этот словарь содержит максимум информации о лексико-семантической системе КБ языка и минимум энтропии. Слова с максимальным параметрическим весом входят в малое ядро. Частеречное распределение малого ядра, в целом, в пользу именной группы: 11 существительных, 9 прилагательных; глаголы в малом ядре отсутствуют, но присутствуют в большом ядре.

Таблица 6

Малое параметрическое ядро карачаево-балкарской лексики (Малый словарь)

№	Слово	1 знач.	Э	П	С	Ф	Σ
1	<i>тюз</i>	достоверный	0,98471	0,99755	0,93620	0,94121	3,85967
2	<i>уллу</i>	большой	0,98471	0,97306	0,99824	0,86949	3,82550
3	<i>къаты</i>	крутой	0,99706	0,97306	0,97413	0,86949	3,81374
4	<i>бек</i>	крепкий	0,88650	0,97306	0,99647	0,94121	3,79724
5	<i>ат</i>	конь	0,96619	0,70959	0,99471	0,99206	3,66255
6	<i>иш</i>	дело	0,94737	0,70959	0,97413	0,99206	3,62315
7	<i>баш</i>	голова	0,97795	0,70959	0,99236	0,94121	3,62111
8	<i>акъыл</i>	мысль	0,81505	0,97306	0,96207	0,86949	3,61967
9	<i>юс</i>	поверхность	0,88650	0,97306	0,88268	0,86949	3,61173
10	<i>жаш</i>	парень	0,96619	0,70959	0,97413	0,94121	3,59112
11	<i>жер</i>	земля	0,92532	0,70959	0,99853	0,94121	3,57465
12	<i>аз</i>	редкий	0,88650	0,70959	0,98559	0,99206	3,57374
13	<i>бош</i>	поверхностный	0,94737	0,70959	0,97413	0,94121	3,57230
14	<i>халкъ</i>	народ	0,81505	0,97306	0,88268	0,86949	3,54028
15	<i>кертти</i>	порядочный	0,96619	0,99755	0,88268	0,68842	3,53484
16	<i>кеп</i>	форма, множество	0,88650	0,70959	0,99471	0,94121	3,53201
17	<i>сѣз</i>	склока	0,88650	0,70959	0,99265	0,94121	3,52995
18	<i>чам</i>	юмор	0,63981	0,97306	0,96207	0,94121	3,51615
19	<i>иги</i>	хороший	0,88650	0,70959	0,97413	0,94121	3,51143
20	<i>ачыкъ</i>	откровенный	0,96619	0,70959	0,96207	0,86949	3,50734

Одним из главных результатов проведенного исследования является определение доминанты лексико-семантической системы карачаево-балкарского языка — прилагательного *тюз* ‘достоверный’, и вице-доминанты — имени *уллу* ‘большой’. Максимальный Ип-вес в лексико-семантической системе карачаево-балкарского языка среди существительных имеет слово *ат* ‘конь’, далее по убыванию идут существительные *иш* ‘работа’, *баш* ‘голова’, *акъыл* ‘ум, мысль’, среди глаголов (в большом ядре) — *этерге* ‘делать, произвести’, *ачаргъа* ‘открыть, растворить’, *къояргъа* ‘бросать’, и среди прилагательных *тюз* ‘достоверный’, *уллу* ‘большой’, *къаты* ‘крутой, твердый’ и т. д. Такой состав параметрического ядра связан с национальными особенностями исследуемого карачаево-балкарского языка. Так, если в настоящее время *ат* ‘конь’ в жизни карачаевцев и балкарцев оттеснен на периферию жизни, в их языке (и душе) он продолжает занимать центральное место.

Полученные квантитативные характеристики карачаево-балкарской лексики могут быть проанализированы на фоне всех тюркских языков.

Квантитативные характеристики лексики тюркских языков, полученные путем применения метода параметрического анализа, предложенного В. Т. Титовым, являются неполными, так как этот метод применен только к трем тюркским языкам (турецкому языку — [Бугаев 2006], тофаларскому — [Воржева 2008], узбекскому — [Хайиткулова 2009]). Применение данного метода ко всем тюркским языкам, позволит получить полную картину об организации тюркского лексико-семантического пространства, а также дать типологическую характеристику лексико-семантическим системам тюркских языков.

Сокращения

Ип-вес — интегральный параметрический вес	П-вес — парадигматический вес
ПАЛ — параметрический анализ лексики	С-вес — синтагматический вес
КБ — карачаево-балкарский	Ф-вес — функциональный вес
	Э-вес — эпидигматический вес

Литература

- Бугаёв 2006 — *Бугаёв В. П.* Параметрический анализ лексики турецкого языка. Воронеж, 2006. {*Bugayov V. P.* Parametric analysis of the Turkish vocabulary. Voronezh, 2006.}
- Воржева 2008 — *Воржева И. В.* Параметрическое ядро тофаларской лексики на фоне родственных языков. Воронеж, 2008. {*Vorzheva I. V.* Parametric core of the Tofa vocabulary against the backdrop of the related languages. Voronezh, 2008.}
- Кретов 2006 — *Кретов А. А.* Алгоритм позиционного выявления синонимии // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. Системный анализ и информационные технологии. 2006, 1. С. 62—65 {*Kretov A. A.* Algorithm of positional detection of synonymy // Voronezh State University Bulletin. Systems analysis and information technology series. 2006. Vol. 1. P. 62—65.}
- Кретов 1985 — *Кретов А. А.* Значение, пресуппозиция и значимость глагола ВИДЕТЬ: межвуз. сб-к научн. трудов // Семантика и системность языковых единиц. Новосибирск, 1985. С. 38—46. {*Kretov A. A.* Meaning, presupposition and meaningfulness of the verb TO SEE: inter-university collection of scientific articles // Semantics and systemacy of the units of language. Novosibirsk, 1985. P. 38—46.}
- Кретов 1987 — *Кретов А. А.* Принципы выделения ядра лексико-семантической системы: межвуз. сб-к науч. трудов // Семантика слова и синтаксической конструкции. Воронеж, 1987. С. 84—93. {*Kretov A. A.* Principles of detaching the core of a lexico-semantic system: inter-university collection of scientific articles // Semantics of a word and of a syntactic construction. Voronezh, 1987. P. 84—93.}
- Кретов 2011 — *Кретов А. А.* Проблемы квантитативной лексикологии славянских языков // Вопросы языкознания. РАН. М., 2011, 1. С. 52—65 {*Kretov A. A.* Problems of quantitative lexicology of the Slavic languages // Issues in linguistics. RAS. M., 2011. Vol. 1. P. 52—65.}
- Кузнецова 1964 — *Кузнецова А. И.* Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. М., 1964. {*Kuznetsova A. I.* Concept of language's semantic system and ways to study it. M., 1964.}
- Кузнецова 2010 — *Кузнецова А. И.* Динамика русских глаголов движения с XI по XX в. // Монография; под редакцией проф. А. А. Кретова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010, 5. {*Kuznetsova A. I.* Dynamics of the Russian verbs of movement from the 11th to the 20th century // Monograph; ed. prof. A. A. Kretov. Voronezh: VSU press, 2010. Vol. 5.}
- Кузнецова 1988 — *Кузнецова А. И.* Параметрическое исследование периферийных явлений в области морфемике: На материале русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1988. {*Kuznetsova A. I.* Parametric study of peripheral phenomena in the field of morphemics: Based on the Russian language data: D. of Philology thesis. M., 1988.}
- Титов 2002 — *Титов В. Т.* Общая квантитативная лексикология романских языков: // Монография; Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. {*Titov V. T.* General quantitative lexicology of the Romance languages: // Monograph; Voronezh: Voronezh State University press, 2002.}
- Титов 2003 — *Титов В. Т.* Синтагматическая характеристика романской лексики: фразеология // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003, 2. С. 3—16. {*Titov V. T.* Syntagmatic description of the Romance vocabulary: phraseology // Voronezh State University Bulletin. Linguistics and intercultural communication series. 2003. Vol. 2. P. 3—16.}
- Хайткулова 2009 — *Хайткулова Н. Р.* Параметрическое ядро узбекской лексики на фоне родственных языков. Воронеж, 2009. {*Khaytikulova N. R.* Parametric core of the Uzbek vocabulary against the backdrop of related languages. Voronezh, 2009.}
- Черных 1950 — *Черных П. Я.* Об основном словарном фонде и словарном составе языка // Учительская газета. М., 1950. {*Chernykh P. Ya.* On the basic vocabulary fund and the vocabulary of a language. Teacher's paper. M., 1950.}
- Черных 1952 — *Черных П. Я.* И. В. Сталин об основном словарном фонде языка // Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина. М, Изд-во Моск. ун-та, 1952. С. 126—150. {*Chernykh P. Ya.* I. V. Stalin on the basic vocabulary fund of a language // Issues in linguistics in the light of I. V. Stalin's works. M., Moscow University press, 1952. P. 126—150.}
- ЭСКБЯ 2002 — Электронный словарь карачаево-балкарского языка // <http://balkaria.narod.ru> 2002. {Electronic dictionary of Karachay-Balkar // <http://balkaria.narod.ru> 2002.}

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена квантитативному анализу лексики малого карачаево-балкарско-русского словаря по четырем параметрам: функциональному, синтагматическому, парадигматическому и эпидигматическому. Целью предлагаемой работы является выделение лексико-семантического ядра карачаево-балкарского языка, путем применения метода параметрического анализа, разработанного В. Т. Титовым.

SUMMARY

The article deals with the quantitative analysis of the vocabulary of the Concise Karachay-Balkar-Russian dictionary according to the functional, syntagmatic, paradigmatic and epidigmatic parameters. The aim of this research is to single out the lexico-semantic core of the Karachay-Balkar language. The investigation is based on the theoretical conception of poly-parametric analysis worked out by V. Titov.

Ключевые слова: квантитативная лексикология, параметрический анализ, карачаево-балкарский язык, стратификация лексики, функциональный параметр, синтагматический параметр, парадигматический параметр, эпидигматический параметр, лексико-семантическое ядро

Keywords: quantitative lexicology, parametric analysis, Karachay-Balkar language, vocabulary stratification, functional, syntagmatic, paradigmatic and epidigmatic parameters, lexical-semantic core

Семенова Индира Джотдаевна, Воронежский государственный университет / Институт языкознания РАН (Москва); boomerang.sid@mail.ru

Indira D. Semenova, Voronezh State University & Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow); boomerang.sid@mail.ru

Возможности цифровых технологий: описание аллофонов передних гласных, гортанного смычного и объектного согласования глагола в энецком языке¹

1. Введение

Цель настоящей публикации — представить цифровые ресурсы, созданные нами для энецкого языка, и привести примеры новых возможностей, которые открываются при их использовании для лингвистического описания этого малого языка. Корпус текстов и аудиословари энецкого языка содержат большое количество данных, доступ к которым принципиально облегчается благодаря тому, что их обработка и хранение происходят в электронном виде. Объем данных и возможность легкого поиска по ним позволяют подробно описывать явления, анализ которых был довольно затруднителен при традиционной методологии и бумажных ресурсах. Опираясь на энецкий опыт, мы предлагаем экстраполировать этот методологический подход для работы с другими малоописанными языками.

В первой части статьи мы расскажем о самих цифровых ресурсах со значимыми для лингвистики техническими деталями, а во второй части приведем два примера из области фонологии (аллофоны передних гласных и фонетическая реализация фонемы «гортанный смычный») и один пример из области грамматики энецкого языка (объектное согласование глагола). Эти примеры продемонстрируют, что с помощью электронного корпуса и электронных словарей можно описать те фрагменты энецкого языка, которые не представлены в существующей литературе или представлены недостаточно, при том что эта литература отражает исследования, проведенные стандартными методами дескриптивной лингвистики.

Традиционная территория распространения энецкого языка (уральский, самодийский, северносамодийский) — низовья Енисея, в настоящий момент относящиеся к Таймырскому муниципальному району. Сейчас немногочисленные говорящие на этом языке проживают в п. Потапово (лесной диалект), в п. Воронцово и тундре вокруг п. Тухард (тундровый диалект), а также в районном центре г. Дудинка (в основном лесной диалект). К сожалению, энецкий язык находится на грани исчезновения: не более 50 человек все еще способны на нем хоть как-то говорить, все из них старше 50 лет, при этом ежедневно этот язык больше не используется и не усваивается детьми. В такой социолингвистической ситуации особенно важными становятся фиксация речи последних говорящих, перевод с их помощью образцов звучащей энецкой речи, записанной в предыдущие десятилетия, и сохранение этих данных. Цифровые ресурсы, о которых идет речь, не только полезны для описания энецкого языка сейчас, но и отвечают этим целям, направленным в будущее.

2. Корпус текстов энецкого языка

Корпус текстов энецкого языка, обсуждаемый в настоящей статье, создавался А. Б. Шлуинским и автором в 2008—2013 гг. В рамках проекта «Документация энецкого языка: оцифровка и анализ архивных материалов и полевая работа с последними носителями» были собраны воедино все архивные записи по энецкому языку и записаны образцы речи современных носителей, все это было переведено и расшифровано с говорящими на энецком языке²; затем большая часть расшифрованных текстов была отгlossированна³. Расшифровка осуществлялась с помощью программы ELAN, в ней также принимали активное участие М. А. Овсянникова, Н. М. Стойнова, С. А. Трубецкой; далее тексты были экспортированы в программу Toolbox для glossирования. В результате обратного импорта отгlossированных текстов в ELAN был создан электронный корпус синхронизированных с аудио отгlossированных текстов на энецком языке (треть текстов синхронизирована также с видеозаписью), ср. Рисунок 1. Благодаря своей электронной природе, корпус может храниться в любом количестве копий в разных частях планеты и быть общедоступным в сети Интернет.

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ (проект 15-18-00044).

² Эта часть работы была осуществлена в рамках проекта, поддержанного Международным фондом документации исчезающих языков им. Ханса Раузинга (HRELP).

³ Эта часть работы была осуществлена при поддержке Института эволюционной антропологии им. Макса Планка.

The screenshot displays the ELAN software interface. At the top, there is a timeline from 00:01.000 to 00:00:12.000. Below the timeline is a waveform representing the audio signal. The main area contains several tracks of text and phonetic annotations. The tracks include:

- annotator_toolbox [1]**: A track with a yellow background.
- tx_lat_for_toolbox [138]**: A track with a yellow background containing phonetic transcriptions like 'modi teza, man7, niezu7, tfejizoj7, jedadaz7, kobaj7, diago7, niu7, kunin, kodaz7, koba, u, kobar, tneθ, εε, kasaj7, man7, niu7, kobaj7, tneθ'.
- mb@unknown [37]**: A track with a yellow background containing phonetic transcriptions like 'modi teza man -7 i -zu7 tfej2 -z0 -f7 jed -da -z7 kob -f7 dia -f7 i -u7 ku -x0 k -d -z koba u ko -r ton -θ εε kas -f7 ma -f7 i -u7 ko -f7 ton -θ'.
- ge@unknown [37]**: A track with a yellow background containing phonetic transcriptions like 'l now say(pj -CON, NEG -1SG, las, -DE -N, ma -FU -1S, ski, -N, the, -C, NE, -3S, wh, -L, fi, -F, -1 skin you(sg) ski, -N, the, -3S yes ma -N, say -C, NE, -3, ski, -N, the, -3'.
- ps@unknown [37]**: A track with a yellow background containing phonetic transcriptions like 'pron-pers adv v -nfin v -pers n -ca -po, v -m, -pe, n -po, v -nfi, v -pe, pro -ca, v - , -p, n pron-p, n -po, v -pe ptcl n -pq, v -nfi, v -pe, n -po, v -pe'.
- gt@unknown [37]**: A track with a yellow background containing phonetic transcriptions like 'я сейчас скаса -CON, NEG -1SG, мау -DE -N, сде -FU -1S, шк, -N, не, -C, NE, -3S, гд, -L, н, -F, -1 шура ты шк, -N, им, -3S да му, -N, ска -C, NE, -3, шк, -N, им, -3'.
- ft_e@unknown [38]**: A track with a yellow background containing Russian text: 'Я сейчас, говорю, сделаю себе маут. А шкуры у меня ведь нет. Где я возьму шкуру? У тебя есть шкура? Да, сказал мой товарищ, у меня есть шкура.'
- ft_s@unknown [38]**: A track with a yellow background containing English text: 'Now, I say, I will make a lasso. But still I have no skin. Where from would I get. Do you have a skin? Yes, my mate said, I have a skin.'
- tx_lat@unknown [38]**: A track with a yellow background containing phonetic transcriptions like 'modi teza7, manizu7 tfejizuj jedadaz7 kobaj diago niu kunin kodaz7 koba u kobar tne kasaj manku, kobaj tone'.
- tx_lat_durina trans**: A track with a yellow background containing phonetic transcriptions like 'modi teza7, manizu7 tfejizuj jedadaz7 kobaj diago niu kunin kobajuz kodaz7 u kobar tne kasaj manku, kobaj tone'.

Рис. 1. Пример текста на лесном диалекте. Программа ELAN

Сверху вниз идут строки а) исходного энецкого текста в фонологической транскрипции, б) энецкого текста, поделенного на морфемы, в) поморфемного перевода на английский язык, г) частеречной принадлежности каждой морфемы, д) поморфемного перевода на русский язык, е) русского перевода, ж) английского перевода, з) фонетической спецификации, если она значительно отличается от первой строки, и) исходного энецкого текста, записанного лингвистом во время перевода текста с носителем языка

С технической точки зрения, корпус представляет собой набор звуковых файлов с расширением *.wav и соответствующих им файлов разметки в программе ELAN, с расширением *.eaf; отдельно имеются текстовые файлы *.txt с глоссированием, созданные программой Toolbox, причем в последних содержится информация о времени начала и конца единицы глоссирования, обычно предложения. Каждый текст, тем самым, — это звуковой файл, файл с глоссированием и файл с разметкой. Мы приводим здесь эти детали, чтобы подчеркнуть, что основное содержание корпуса хранится в виде файлов неproprietary формата⁴, т. е. будет доступно через десятилетия вне зависимости от наличия/отсутствия на компьютерном рынке в тот момент программ конкретных брендов. Стремление не зависеть от коммерческих разработчиков при работе с исчезающими языками — общемировым культурным наследием, потерять которое было бы очень нежелательно, — характерно для современной лингвистики вообще (ср. инициативы EMELD⁵, CLARIN⁶ и др.).

Перевод и поморфемное глоссирование в нашем корпусе дается на двух языках, русском и английском, фонологическая запись энецкой речи приводится в латинской транскрипции на основе Международного фонетического алфавита (в ближайшем будущем планируется добавить кириллическую запись с помощью конвертера). Корпус разрабатывался с целью сделать все эти энецкие тексты доступными как международному научному сообществу, так и всем интересующимся энецким языком в России, прежде всего, на Таймыре, поэтому было выбрано трехязычное представление корпуса (энецкий, русский, английский).

Корпус представляет оба диалекта энецкого языка, лесной и тундровый; заметим, что некоторые исследователи считают их разными языками, напр., [Siegl 2013] или [Lewis et al. 2016]. Со второй половины XX в. носители тундрового диалекта разбросаны по труднодоступным населенным пунктам и таймырской тундре, в то время как носители лесного диалекта проживают компактно в г. Дудинке и в п. Потапово в 80 км. от него, с относительно регулярным транспортом. В связи с этим лесной диалект значительно лучше представлен, во-первых, в существующей литературе по энецкому языку, во-вторых, собственно в нашем корпусе: объем лесных записей в три раза превышает соответствующий объем тундровых записей. В будущем мы планируем увеличить долю тундровых данных.

Все тексты, составляющие корпус, являются примерами естественной устной речи на энецком языке. Они принадлежат к различным жанрам: это бытовые рассказы, традиционные истории, диалоги, интервью, процедурные тексты, песни и полилоги. Ввиду описанных выше социолингвистических особенностей современного функционирования энецкого языка бытовые рассказы наиболее многочисленны, далее жанры перечислены в порядке убывания количества записей в корпусе. Любопытно отметить, что

⁴ Файлы разметки *.eaf являются разновидностью XML-файлов, которым программа ELAN предоставляет удобную визуальную репрезентацию, однако они могут быть прочитаны и без нее или с помощью другой программы визуализации.

⁵ <http://emeld.org/>

⁶ <https://www.clarin.eu/>

диалогов на тундровом энецком значительно больше, чем на лесном: двое носителей тундрового диалекта, до недавнего времени проживавшие в п. Воронцово (И. П. Кошкарёва и В. П. Надер), имели привычку действительно иногда разговаривать друг с другом на своем родном языке в те годы, когда записывался материал для корпуса⁷. В Таблице 1 приводятся некоторые количественные характеристики электронного корпуса энецкого языка.

Таблица 1

Количественные характеристики электронного корпуса энецкого языка

	Время в часах	Число текстов	Число клауз	Число словоупотреблений	Число говорящих	
					Нынешнее по- коление	Предыдущее поколение
Лесной энецкий	25	342	~ 30 000	~ 150 000	18	18
Тундровый энецкий	7.2	99	~ 9 000	~ 50 000	8	6
Всего	32.2	441	~ 39 000	~ 200 000	50	

Рассматриваемый корпус может быть поделен на подкорпуса следующим образом: во-первых, это лесной и тундровый подкорпуса, во-вторых, это современная энецкая речь и речь предыдущего поколения. Это деление позволяет осуществлять сравнительные исследования и задаваться вопросами о качественных и количественных отличиях между диалектами и между поколениями. Последний интерес обусловлен предположением о возможных структурных изменениях, связанных с забыванием языка людьми, которые перестали его регулярно использовать (ср. обширную литературу по «языковому распаду», или *language decay*, напр. [Campbell, Muntzel 1989; Dorian 1989; Sasse 1992; 2001; Aikhenvald 2002 и др.]).

Скажем несколько слов о составе подкорпуса предыдущего поколения энцев. Как уже упоминалось, составители энецкого корпуса проводили поиски неопубликованных энецких данных, в особенности звуковых. Таким образом, в его состав вошли тексты с оцифрованных катушек, кассет и конвертированных минидисков, разобранные впоследствии с современными носителями. Эти архивные записи были сделаны, в основном, от энецкоговорящих людей 1910—1930-х гг. рождения, в то время как наши собственные записи в поле были сделаны от энецкоговорящих людей 1940—1960-х гг. рождения. В большинстве случаев архивные записи были сделаны учеными: лингвистами Д. С. Болиной, К. И. Лабанаускасом, И. П. Сорокиной, Е. А. Хелимским, музыковедом О. Э. Добжанской, фольклористом Г. Г. Григорьевой, но также имелся большой массив архивных данных от Н. Н. Болиной, энки, работавшей на радио, в Таймырском отделении ВГТРК, в то недолгое время, когда там была энецкая национальная редакция (1990-е гг. и начало 2000-х гг.), и записавшей множество пожилых людей обоих диалектов. Наконец, В. Н. Пальчин и М. Н. Пальчина, члены семьи известного энецкого сказителя Н. С. Пальчина, записывали последнего по просьбе ученых и по собственной инициативе; также нами были обнаружены единичные записи, сделанные В. Бетту и не идентифицированными интервьюерами⁸. Современная речь энцев записывалась А. Б. Шлуинским, М. А. Овсянниковой, Н. М. Стойновой, С. А. Трубецким и автором в 2005—2010 гг. в упомянутых выше местах проживания энцев.

При создании энецкого корпуса мы руководствовались целью максимальной доступности результата, поэтому в скором времени он будет целиком размещен в сети Интернет, пока же эти данные доступны при личном обращении к составителям или, в своих более старых версиях, по адресам <http://elar.soas.ac.uk/deposit/0302> (отдельные скачиваемые файлы, в том числе аудио- и видеозаписи текстов с расшифровками в ELAN, без глоссирования) или <http://larkpie.net/siberianlanguages/recordings/forest-enets> (просмотр в браузере, только лесной диалект, глоссированные тексты, синхронизованные с аудиозаписью).

Поскольку описанный корпус энецкого языка является электронным, то в нем возможен самый разнообразный поиск, в том числе поиск по морфемам, по регулярным выражениям и т. д. При этом при любом поиске, во-первых, сразу показываются минимальные правый и левый контексты, а во-вторых, возможен мгновенный переход к самому исходному тексту, что позволяет учитывать и более широкий

⁷ К сожалению, И. П. Кошкарёва скончалась весной 2017 г.

⁸ Особую благодарность мы выражаем всем тем, кто поделился с нами архивными энецкими записями — своими или оказавшимися в их распоряжении: Д. С. Болиной, Н. Н. Болиной, О. Э. Добжанской, И. П. Сорокиной, А. Ю. Урманичевой, Таймырскому дому народного творчества, кафедре языков Сибири Томского Педагогического университета, Таймырскому отделению ГТРК «Норильск», Институту русской литературы РАН «Пушкинский дом».

контекст. А. Б. Шлуинским и автором был уже проведен ряд исследований на материале корпуса, в основном, про грамматику, но частично и по сегментной фонетике, ср. [Ханина, Шлуинский 2012; 2015; 2016; Ханина 2016; Шлуинский 2017; Khanina, Shluinsky 2011; 2013; 2014; subm], однако тут стоит подчеркнуть, что этими областями применение корпуса не ограничивается: он может послужить для исследования интонации, принципов «передачи слова», или *turn-taking*, в разговорах, участия активного слушателя в нарративах, невербальной части вербальной коммуникации, т. е. жестов, движения глаз и т. д. В разделе 4 ниже будут приведены два примера описания языковых явлений, осуществление которых было бы невозможным без описанного корпуса: распределения аллофонов передних гласных и объектного согласования глагола.

3. Электронные словари энецкого языка

Нами были созданы два аудиословаря энецкого языка: тундрового диалекта и лесного диалекта. Ввиду уже упоминавшейся разницы в доступности мест проживания носителей этих диалектов, в настоящий момент второй словарь существенно больше, чем первый. Эти словари создавались в рамках исследовательского проекта «Звуковые словари уральских и алтайских языков России» Института языкознания РАН под руководством А. В. Дыбо и Ю. В. Норманской⁹. Энецкие словари включают в себя списки слов на энецком языке, составленные с целью изучения звуковых контрастов именно этого языка: исходный словник из 260 слов был составлен и собран А. Б. Шлуинским и автором в ходе экспедиций 2008 г. (п. Потапово и г. Дудинка для лесного диалекта, 13 говорящих; п. Воронцово для тундрового диалекта, 4 говорящих). В 2015—2016 гг. А. Б. Шлуинский и М. А. Овсянникова осуществили еще две экспедиции, в ходе которых собирался дополнительный материал для лесного диалекта, включающий все лексемы, встреченные в корпусе текстов энецкого языка, описанного в предыдущем разделе, и многие лексемы из словарей [Сорокина, Болина 2009], [Хелимский]; запись каждого слова была сделана от одного до четырех говорящих, всего было записано ок. 1600 лексем.

В энецких электронных словарях каждая лексема сопровождается звуковым файлом *.wav, который включает, в среднем, от трех до десяти изолированных произнесений, и переводом на русский язык. Помимо этого, для большинства лексем приводится также фонетическая транскрипция, многие лексемы сопровождаются разметкой на фонемы в программе Praat и словоформами, а также вариантами написания этой лексемы из существующих не звуковых словарей энецкого языка: [Сорокина, Болина 2009] для лесного диалекта и неопубликованный словарь [Хелимский] для тундрового диалекта. Для каждой словоформы дается как минимум перевод на русский язык и звуковой файл, а как максимум — фонетическая транскрипция и разметка на фонемы в программе Praat. Словари создавались в программе Lingvodoc, специально разработанной для указанного коллективного проекта: она позволяет не только создавать и просматривать словари, но и создает фонологические таблицы для словарей, автоматически высчитывая длительность, интенсивность и значения первых двух формант для гласных. Рисунок 2 показывает, как выглядит десктопная версия одного из энецких словарей (тундрового), Рисунок 3 — интернет-версия этого же словаря; на Рисунке 4 можно увидеть окно словоформ для конкретной лексемы в десктопной версии. Интернет-версия имеет также англоязычный интерфейс. Энецкие словари были созданы автором статьи, на начальном этапе словарем лесного диалекта занимался также С. Е. Шешенин при помощи А. Б. Шлуинского¹⁰.

На настоящий момент словарь тундрового диалекта энецкого языка включает 256 лексем и более 1600 словоформ к ним, для каждой лексемы приводится звуковая запись от двух, трех или четырех разных говорящих.¹¹ Словарь лесного диалекта включает 480 лексем и более 3300 словоформ к ним, для каждой лексемы приводится звуковая запись от одного, двух, трех или четырех разных говорящих.¹² При том что цифры для лексем далеки от того, что ожидается от словарей даже малоизученных языков,

⁹ <http://lingvodoc.ispras.ru/>. Часть сбора данных и непосредственное создание энецких словарей происходили при финансовой поддержке гранта РФФИ 15-18-00044.

¹⁰ Впоследствии в уже готовых словарях Ю. В. Норманской были добавлены связи с когнатами в других самодийских словарях.

¹¹ Пользуемся случаем высказать свою благодарность жительницам поселка Воронцово [И. П. Кошкарёвой] (Туглаковой), В. П. Надер (Силкиной), [Л. П. Новосёловой] (Пилько), Л. Ч. Яр (Турутиной) (перечислены в алфавитном порядке), чьи голоса представлены в тундровом энецком словаре.

¹² Пользуемся случаем высказать свою благодарность жителям поселка Потапово Н. К. Болиной (Ивановой), Л. Д. Болину, Г. А. Иванову, Н. И. Силкину (перечислены в алфавитном порядке) и жительнице г. Дудинка З. Н. Болиной, чьи голоса представлены в лесном энецком словаре.

цифры для словоформ показывают, что эти ресурсы вполне могут использоваться для описания фонетики и морфологии. Более того, возможность поиска и моментального переслушивания, существующие благодаря электронной природе этих словарей, позволяют делать обобщения, не видимые при традиционных методах работы с материалом. Так, например, статья [Khanina, subm.] анализирует пределы вариативности некоторых фонетических явлений энецкого языка, опираясь на данные описанных словарей. В следующем разделе будет приведен пример фонетического явления (фонетическая реализация фонемы ‘гортанный смычный’), описание которого было бы вряд ли осуществимым без этих электронных словарей.

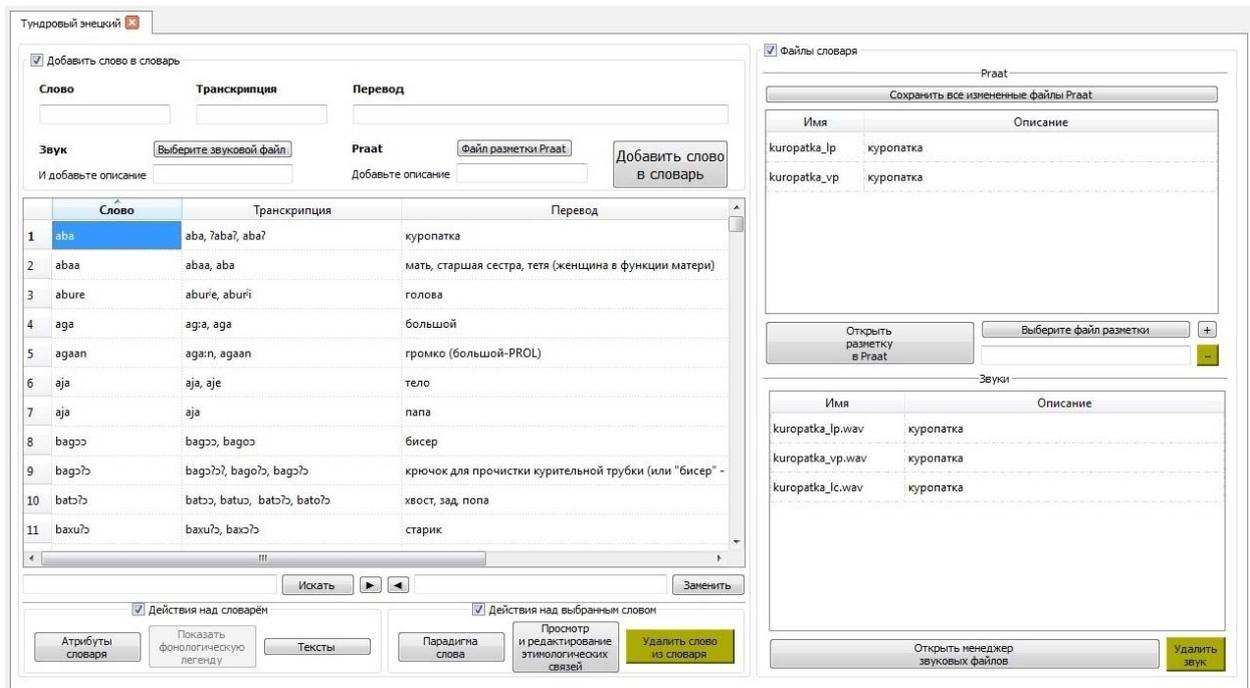

Рис. 2. Словарь энецкого языка, тундровый диалект. Программа Lingvodoc

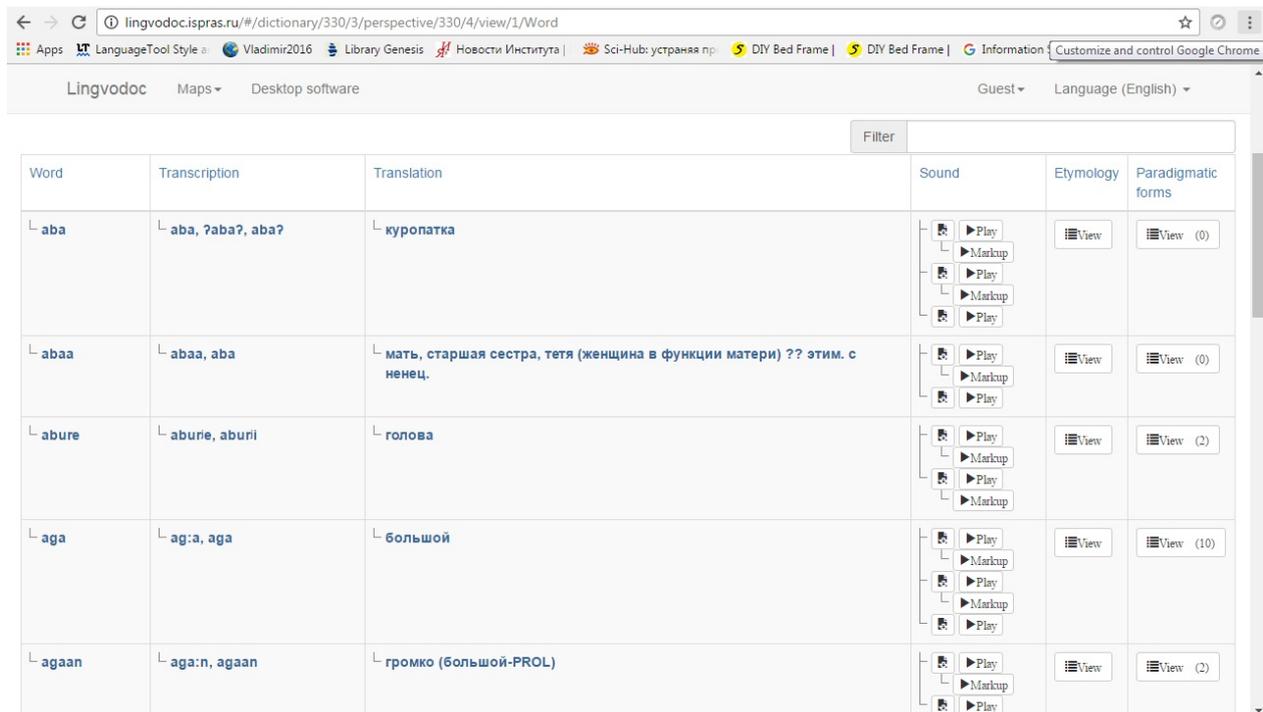

Рис. 3. Словарь энецкого языка, тундровый диалект. Веб-приложение Lingvodoc

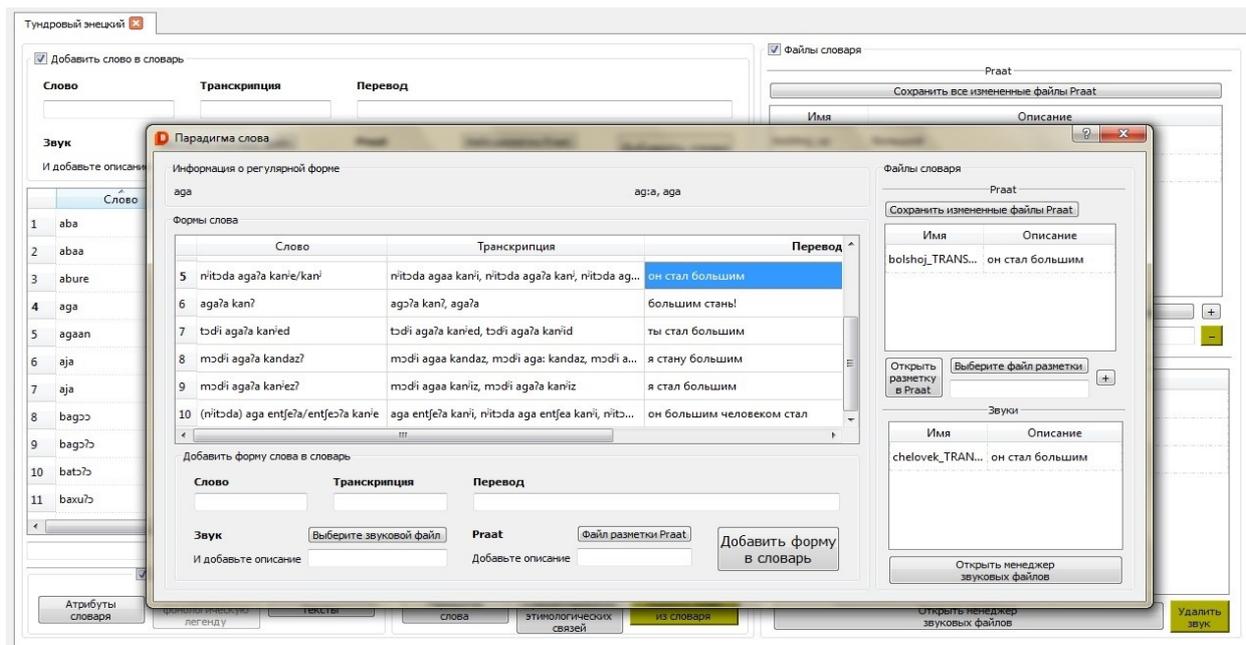

Рис. 4. Словарь энецкого языка, тундровый диалект. Программа LingvoDoc, окно Парадигма слова

4. Цифровые технологии на службе дескриптивной лингвистики: три примера из энецкого языка

4.1. Распределение аллофонов передних гласных

Энецкие фонемы характеризуются большим количеством вариантов/аллофонов со свободным, на первый взгляд, распределением. Фонетическая вариативность не только в пределах каждого диалектного сообщества, но и в пределах речи одного и того же человека бросалась в глаза любому, кто пытался записать энецкую речь. Следствием этого является тот факт, что ни одна публикация на энецком языке или посвященная энецкому языку, не использует последовательную фонологическую орфографию, ср. [Болина 2012; 2014; 2015; Лабанаускас 1992; 2002; Сорокина 2010; Сорокина, Болина 2001; 2005; 2009; Siegl 2013]; исключением мог стать только словарь тундрового диалекта, подготовленный, но не опубликованный Е. А. Хелимским [Хелимский]. Прочитав Ф. Сигла, который объясняет отказ от фонологической записи в своей грамматике лесного диалекта энецкого языка следующим образом: «Я решил не использовать ни абстрактную фонологическую запись, ни нормализацию, чтобы отразить текущую картину. В настоящее время нормализация была бы непродуктивной; идиолектная вариативность в произношении, напр., в реализации гортанных смычных, чередовании долгот гласных в одних и тех же формах, или невозможность вычленивть единую глубинную форму, которая представляла бы «язык лесных энцев», не позволяют осуществить абстрактную нормализацию с точки зрения принципов документации языка» [Siegl 2013: 33]¹³.

На наш взгляд, нормализация или использование абстрактной фонологической формы допустимы и, более того, предпочтительны в научных публикациях в тех случаях, когда известны принципы выведения конкретных реализаций из нормативных / абстрактных. Первые годы работы с энецким языком, однако, мы, так же, как и все упомянутые авторы, не могли выработать эти принципы и довольствовались частично фонетической записью. Однако рассмотренные электронные ресурсы, с легкостью предоставляющие одновременный доступ к десяткам произнесений одних и тех же лексем, позволили нам увидеть закономерности, которые до этого ускользали от нашего внимания. В данной статье речь пойдет о двух фонологических принципах записи: передних гласных и гортанного смычного.

¹³ “I have decided against both an abstract phonological transcription and normalization in order to preserve the encountered picture. At present normalization would be counter-productive; idiolectal variation in pronunciation, e. g. realization of glottal stops, alternating vowel length in identical forms, or the impossibility to identify a single underlying form which would be representative of ‘Forest Enets’, do not justify any abstract normalization from the point of view of language documentation.”

Итак, в энецком языке нередко можно услышать одни и те же слова, произнесенные то с [i], то с [ī], то с [e]¹⁴; как уже упоминалось, такая вариативность встречается в том числе в речи одних и тех же людей, то есть не может быть связана ни с какими социальными параметрами. Ср. примеры (1)—(3).

- (1) ЛЭ¹⁵ *kare* [kar̄e, karī] / ТЭ *kare* [kar̄e, karī, kare, karī] ‘рыба’,
- (2) ЛЭ/ТЭ *fize* [f̄izi, f̄izī, f̄ize, f̄izē, f̄iði, f̄iðe, f̄ið̄i] ‘два’,
- (3) ТЭ / ЛЭ *bine* [b̄ine, b̄inī] ‘веревка’.

Противопоставление [i] и [ī], с одной стороны, и [i] с [e], с другой стороны, имеет принципиально разный статус: первое никогда не разделяет минимальные пары, т. е. не фонологично, в то время как второе — разделяет, т. е. [i] и [e] действительно являются двумя разными фонемами энецкого языка, как показывают примеры (4)—(9).

- (4) ЛЭ *feze* ‘лопатка (кость)’ vs. *fize* ‘два’,
- (5) ЛЭ *be?* ‘сторожи (олений)! (сторожить-2SG.S.IMP)’ vs. *bi?* ‘вода’,
- (6) ЛЭ *d̄eri* ‘день’ vs. *d̄iri* ‘луна, месяц’,
- (7) ТЭ *me?* ‘дом’ vs. *mi?* ‘внутри’,
- (8) ТЭ *pi* ‘ночь’ vs. *pe* ‘дерево’,
- (9) ТЭ *pered̄a* ‘он будет держаться’ (держаться-FUT.3SG.S) vs. *pireda* ‘он сварит’ (сварить-FUT.3SG.S).

Распределение между [i] и [ī] как вариантами фонемы /i/ является свободным, однако, как видно уже из примеров (1)—(3), прослеживается очевидная корреляция с факультативной нефонематичной палатализацией согласного перед этой гласной фонемой и выбором одного из этих двух фонетических вариантов: палатализованные согласные и [ī] никогда не встречаются вместе, в то время как [i] может встречаться и с палатализованными, и с непалатализованными согласными. Сама возможность такой факультативной палатализации для большинства фонематически непалатализованных согласных¹⁶ зависит от качества согласного. Как показывают наши предварительные наблюдения над фонетическими транскрипциями лексем в электронных словарях, у некоторых согласных факультативная палатализация перед передними гласными происходит почти всегда (напр., /p/, /b/ для обоих диалектов, также /k/ и /t/ для лесного диалекта, ср. (1), (3)), у других — довольно редко (напр., /z/, /s/, см. однако (2)), для некоторых — одинаково частотны оба варианта, палатализованный и непалатализованный (напр., /m/ для обоих диалектов, /g/ для лесного диалекта).

Как кажется, возможность этой факультативной палатализации зависит также от качества последующего гласного, т. е. перед /e/ vs. /i/ (vs. /e/ для лесного диалекта, где на одну переднюю фонему больше) палатализация наблюдается с разной частотностью: перед /i/ — существенно чаще. Об окончательных выводах говорить пока рано, требуется проведение дополнительных исследований, которые определили бы не только наличие корреляции между факультативной палатализацией и аллофонами всех передних фонем, но и смогли бы установить направление причинно-следственной связи. Тем не менее, уже сейчас понятно, что само наличие корреляции — это важный факт для описания фонетики энецкого языка, заметить который было практически невозможно без электронных словарей с фонетической транскрипцией. К слову, фонетике энецкого языка посвящен ряд исследований, напр., [Глухий 1973; 1976а; 1976б; 1976в; 1977; Сусеков 1977; 1978; 1980; 1983], однако ни в одном из них не говорится о принципах факультативной палатализации.

Итак, мы рассмотрели распределение аллофонов [i] и [ī] для фонемы /i/, теперь перейдем к распределению [ī]/[i] с [e]. С одной стороны, мы указали на наличие минимальных пар, свидетельствующих о том, что в первом слоге /i/ и /e/ явно противопоставлены друг другу как фонемы. С другой стороны, мы уже приводили примеры (1)—(3) на смешение этих гласных в первом слоге, и таких примеров можно

¹⁴ В грамматике лесного диалекта энецкого языка [Siegl 2013: 93—96] упоминается вариативность [i]~[ī], но не [i]~[e], однако внимательный взгляд на написание примеров говорит о том, что и с последней автор, безусловно, тоже сталкивался, ср., например, написания *äsi* на стр. 235—236 и *äse* на стр. 197 для ‘отец’, *kañe-* на стр. 197 и *kañi-* на стр. 198, стр. 200 для ‘уйти’, *ote-* на стр. 298 и *oti-* на стр. 430 для ‘ждать’ и т. д.

¹⁵ При одинаковых когнатных морфемах в обоих диалектах данные приводятся только один раз, а аббревиатуры диалектов даются через косую черту, при различных — два диалектных варианта приводятся через косую черту с соответствующими аббревиатурами.

¹⁶ Речь идет о согласных фонемах /b/, /p/, /m/, /r/, /s/, /z/ в обоих диалектах, а также о /k/, /g/ в лесном диалекте. В энецком языке есть также четыре фонематически палатализованных согласных, /n̄/, /l̄/, /d̄/, /t̄/, парные им непалатализованные фонемы /n/, /l/, /t/ и /d/ логичным образом не допускают факультативную палатализацию.

найти десятки, если не сотни. Эта вариативность характерна для лесного диалекта, но несомненно встречается и в тундровом, хотя и несколько реже.

Более того, в обоих диалектах имеются единичные примеры также на смешение /i/ и /e/ в первом слоге, ср. (10)—(16).

- (10) ЛЭ *seŋiŋa* [seŋiŋa], [siŋiŋa] ‘он смотрит’
 (11) ЛЭ *leblīku* [leblīku], [liβlīku] ‘бабочка’
 (12) ЛЭ *tetfi* [tetfi], [titfi] ‘холодно’ (быть_холодным.3SG.S)
 (13) ЛЭ/ТЭ *nexu?* [nexu(?)], [niχu(?)] ‘три’
 (14) ТЭ *nene* [nene], [niŋe] ‘с’
 (15) ТЭ *edo* [edo], [ido] ‘por’
 (16) ТЭ *eə?* [eəʔ], [iəʔ] ‘сюда’

До создания электронных ресурсов казалось невозможным найти какие бы то ни было закономерности в распределении [e] и [i] в непервом слоге; де-факто мы записывали все возможные варианты, т. е. придерживались фонетической записи. Для создания электронного корпуса варианты написания одних и тех же слов с разными передними гласными заносились в словарь программы Toolbox как привязанные к одной и той же лексеме. В результате такой процедуры, когда корпус достиг 200 000 словоупотреблений, оказалось возможным заметить, что для большого количества слов в текстах были засвидетельствованы только написания с [i] в непервом слоге, в том числе для частотных слов с десятками вхождений. Частотных слов¹⁷, для которых были бы засвидетельствованы только варианты с [e] в непервом слоге, не оказалось вообще, т. е. все [e] в непервом слоге имели также варианты произнесений с [i]¹⁸.

Обращение к словарю [Хелимский], собранному в 1970-х гг. и фиксирующему архаичные варианты произнесения слов тундрового диалекта (который сам по себе более архаичен, чем лесной диалект), показало, что в большинстве случаев те лексемы, которые встретились у нас только с [i] в непервом слоге, там записаны с /i/, а те лексемы, для которых у нас засвидетельствована вариативность [e]—[i], в этом словаре записаны с /e/. Иначе говоря, происходит фонетический процесс сужения открытого переднего /e/ в /i/, который уже зашел так далеко, что охватил все слова с /e/ в непервом слоге, но при этом еще не завершился, поэтому мы наблюдаем не исчезновение /e/ в непервом слоге, а вариативную реализацию [e]/[i] для этой фонемы¹⁹.

Примечательно, что у существительных с вариативным передним гласным в непервом слоге редко встречается реализация [e] в номинативной форме без каких-либо суффиксов, однако у тех же существительных в других формах, т. е. со словоизменительными или словообразовательными суффиксами, частотность [e] реализации возрастает, ср. (17)—(18). Это верно по крайней мере для лесного диалекта, электронный словарь которого содержит большее количество единиц, чем словарь тундрового диалекта, что позволяет формулировать наблюдения о частотности. Сама указанная тенденция может быть связана с тем, что при построении форм происходит обращение к внутреннему лексикону, более архаичному, чем реальный узус, поэтому и частотность исконного произнесения с [e] оказывается выше.

- (17) ЛЭ *buuse* ‘старик’: [bu:si] >> [bu:se], но *buuse-za* ‘его старик, NOM.SG.3SG’ [bu:siza] > [bu:seza]
 (18) ЛЭ *bine* ‘веревка’ [bi:ni] >> [bi:ne], но *bine-za* ‘его веревка, NOM.SG.3SG’ [bi:niza] > [bi:neza]

¹⁷ Понятно, что для слов, которые встретились 1-2 раза во всем корпусе, вполне возможны только написания с [e], однако они не кажутся информативными для изучения проблемы вариативности. Более того, уже упоминалось, что впоследствии все лексемы корпуса были записаны в изолированных произнесениях и в словоформах для целей пополнения словаря: как можно судить по части обработанных данных, в большинстве случаев лексемы с произнесениями только с [e] действительно обнаруживали произнесения с [i] при многократном повторе.

¹⁸ Уточним, что в лесном диалекте энецкого языка есть не слова, но морфемы с /e/ в непервом слоге, которые никогда не произносятся с [i] — это два омонимичных алломорфа глагольного и именного лично-числовых аффиксов 1-го лица, множественного числа *-e?* (эти алломорфы используются после основ, оканчивающихся на передний гласный, основные алломорфы выглядят как *-a?*, и именно они используются со всеми основами в тундровом диалекте).

¹⁹ На сайте lingvodoc.ispras.ru можно получить доступ не только к электронным словарям энецкого языка, но и увидеть график распределения первых двух формант для наиболее интенсивных и наиболее длительных гласных в выборке слов из словаря лесного диалекта. Представляется, что пересечение области /e/ и /i/ на этих графиках дают как раз слова с вариативностью, в то время как непересеченные области каждой из передних гласных получаются из слов с /e/ или /i/ в первом слоге и из слов без вариативности для /i/. В то же время сам график является лишь предварительным и не может полноценно использоваться для иллюстрации проблемы передних гласных лесного диалекта энецкого языка: во-первых, он основывается на одном, обычно наиболее архаичном, произнесении для каждого слова от каждого носителя, во-вторых, он не различает гласные первого и непервого слога (с количественным преобладанием первых), и наконец, смешивает мужские и женские голоса.

В практическом плане, когда нам встречается слово с такой вариативностью, мы теперь записываем его с фонемой /e/, когда же нам встречается слово без этой вариативности, то мы записываем его с фонемой /i/ (ср. примеры (1)—(18) выше). Тем самым, мы смогли выработать фонологический принцип записи энецких слов с передними гласными, из которых мы можем всегда вывести все возможные варианты их произнесения в том, что касается вариативности [i]/[i̥] vs. [e].

4.2. Фонетические реализации фонемы «гортанный смычный»

Фонетическая вариативность охватывает также слова с гортанным смычным /ʔ/: на первый взгляд, он нередко не произносится вообще, т. е. имеет нулевую фонетическую реализацию. При этом в некоторых позициях, например, между гласными, его сегментная реализация настолько редкая, что в грамматике лесного диалекта [Siegl 2013: 87—88] утверждается, что интервокальный гортанный смычный больше вообще не слышен в ряде слов из [Глухий 1976б] — ср. (19)—(22), и эти слова действительно пишутся Ф. Сиглом без гортанного смычного во всех остальных случаях. Можно ли, тем самым, утверждать, что в лесном диалекте энецкого языка произошло языковое изменение и гортанный смычный в интервокальной позиции полностью исчез?²⁰

(19) FE *baʔa* ‘постель’

(20) FE *seʔo* ‘семь’ (в написании Ф. Сигла — *säʔo*)

(21) FE *ŋaʔo* ‘утка’

(22) FE *piʔir* ‘твои штаны’ (*piʔi-r* ‘штаны-NOM.SG.2SG’)

В электронных словарях энецкого языка на настоящий момент находится 53 лексемы с интервокальным гортанным смычным (34 в лесном словаре, 19 в тундровом словаре, из них 36 имен), для которых в сумме имеется более 500 произнесений различных словоформ (более 400 произнесений в лесном словаре, более 150 — в тундровом словаре). Рассмотрение этих фонетических данных показало, что в действительности нет оснований утверждать, что в этих словах произошло какое бы то ни было языковое изменение: гортанный смычный между гласными вполне может реализоваться как отдельный сегмент в речи современных говорящих обоих диалектов энецкого языка, ср. рис. 5 для лесного диалекта и рис. 6 для тундрового диалекта.

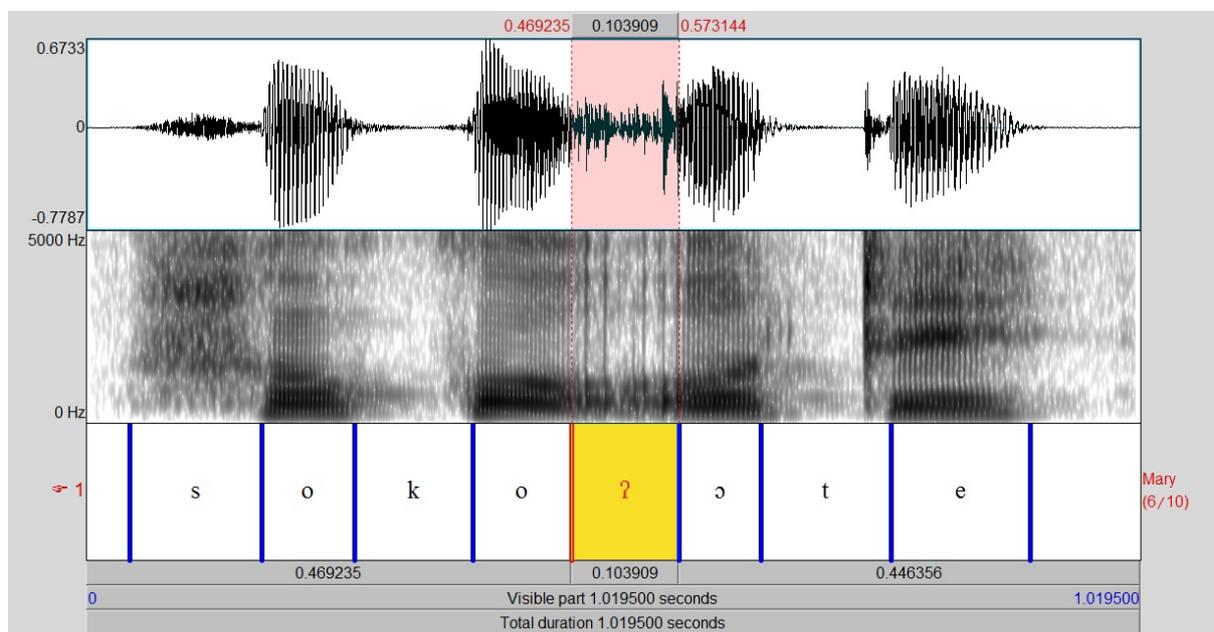

Рис. 5. Сегментная реализация фонемы гортанный смычный без глоттализации последующего гласного: ЛЭ *sokoʔte* [sokoʔte] ‘сокуй’²¹

²⁰ Ф. Сигл пишет о том, что в глагольных основах гортанный смычный сохраняется лучше, т. е. если он и исчез, то только в именных основах.

²¹ На сайте журнала Урало-алтайские исследования (<http://iling-ran.ru/library/ural-altaic/audio/>) можно прослушать звуковые файлы ко всем спектрограммам, приведенным в настоящей статье.

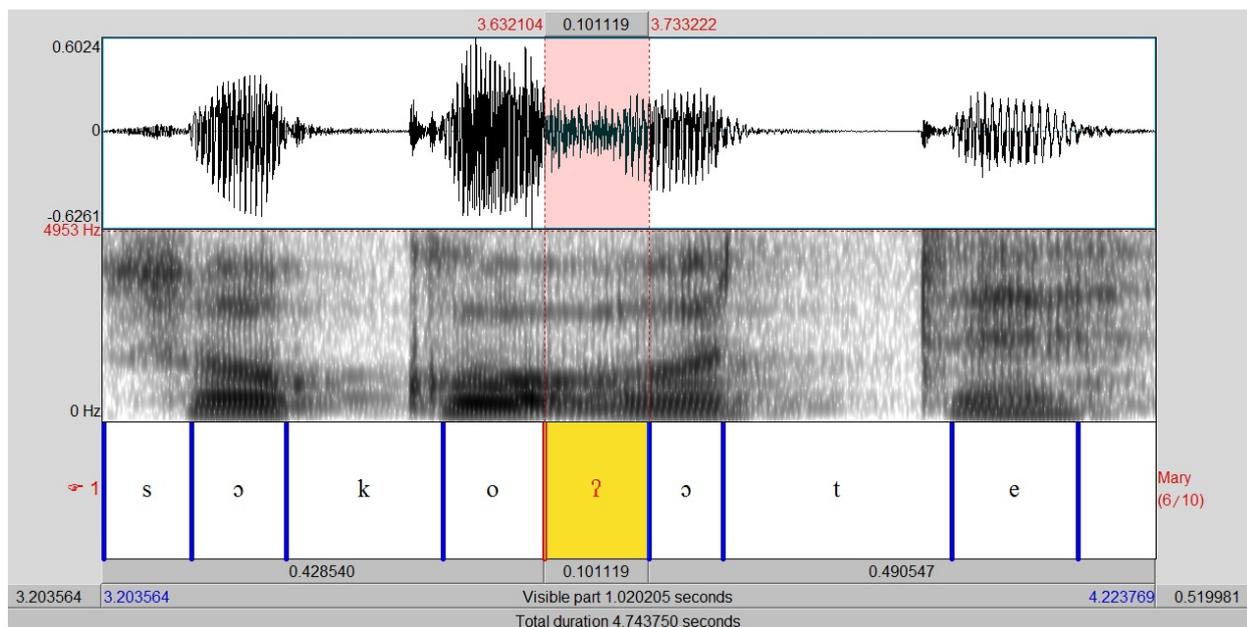

Рис. 6. Сегментная реализация фонемы гортанный смычный без глоттализации последующего гласного:
ТЭ *sokoʔte* [sokoʔte] ‘сокуй’

Часто этот сегмент также сопровождается глоттализацией последующего гласного, ср. рис. 7, и изредка также и предшествующего гласного, ср. рис. 8²².

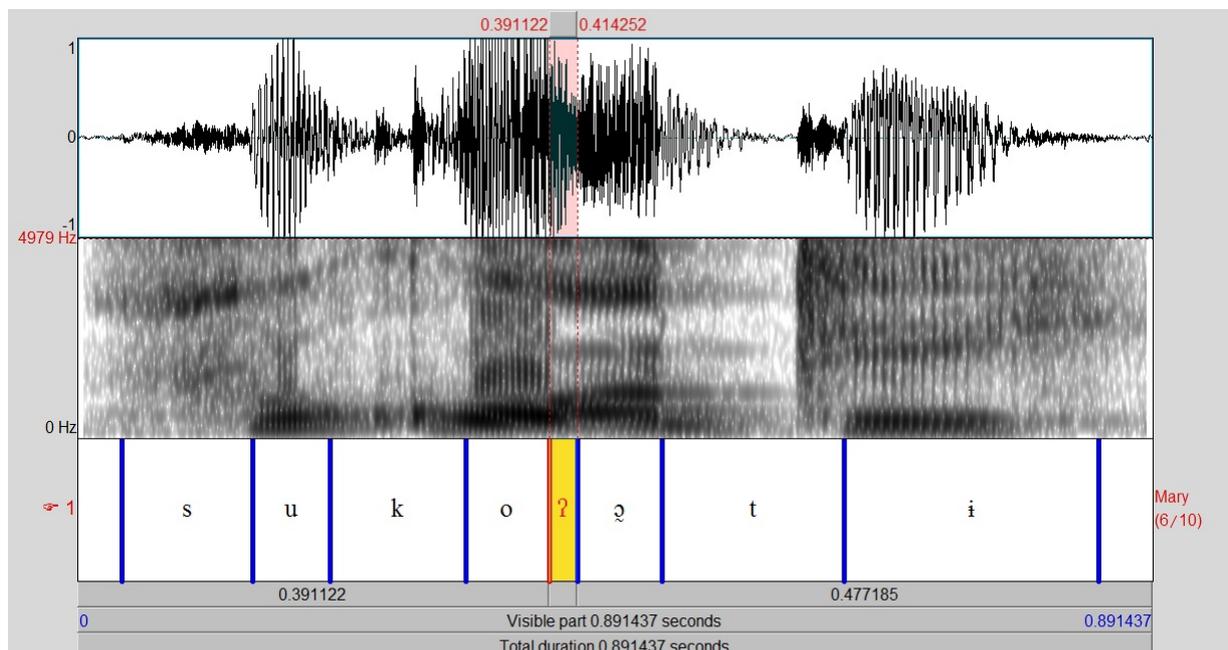

Рис. 7. Сегментная реализация фонемы гортанный смычный с глоттализацией последующего гласного:
ЛЭ *sokoʔte* [sukoʔti] ‘сокуй’

²² На сонограмме глоттализированных гласных видны характерные вертикальные полосы с увеличенными интервалами между ними, ср., например, сонограмму неглоттализованного [o] и глоттализованного [oʔ] на Рисунке 7.

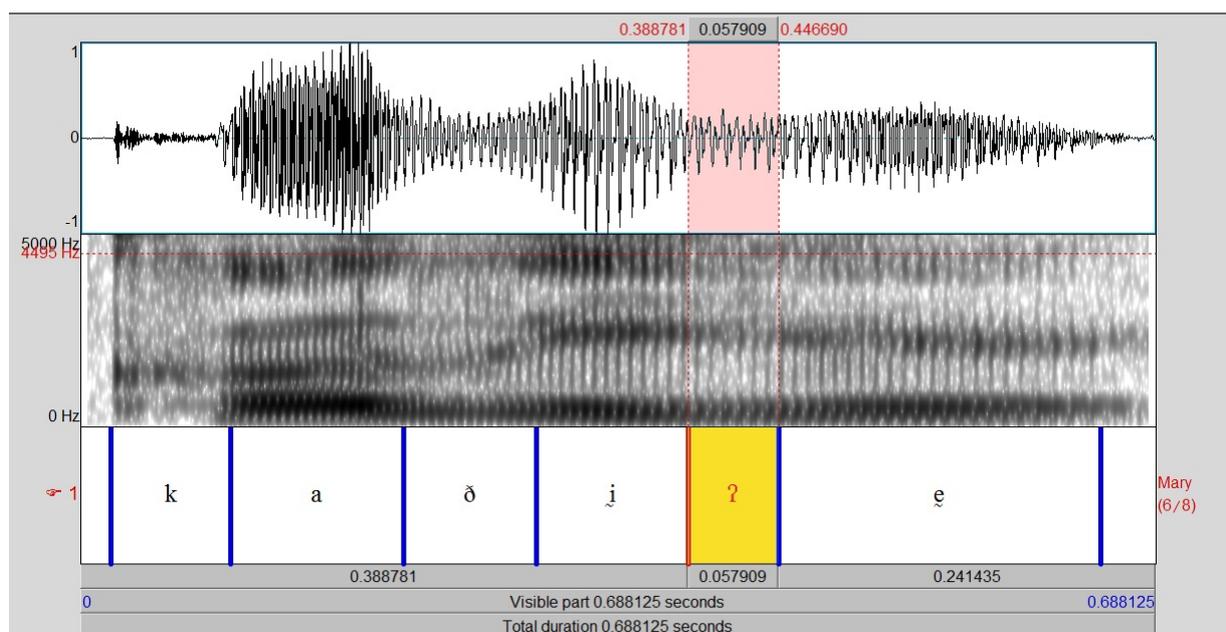

Рис. 8. Сегментная реализация фонемы гортанный смычный с глоттализацией предыдущего и последующего гласных: ЛЭ *kaziʔe* [kaɔ̯iʔe] ‘нетельная важенка (= самка оленя, не давшая приплода в этом году)’

Наиболее распространенной при этом действительно является реализация только глоттализацией второго (чаще) или обоих (реже) гласных, т. е. без самого гортанного смычного, ср. рис. 9 и 10.

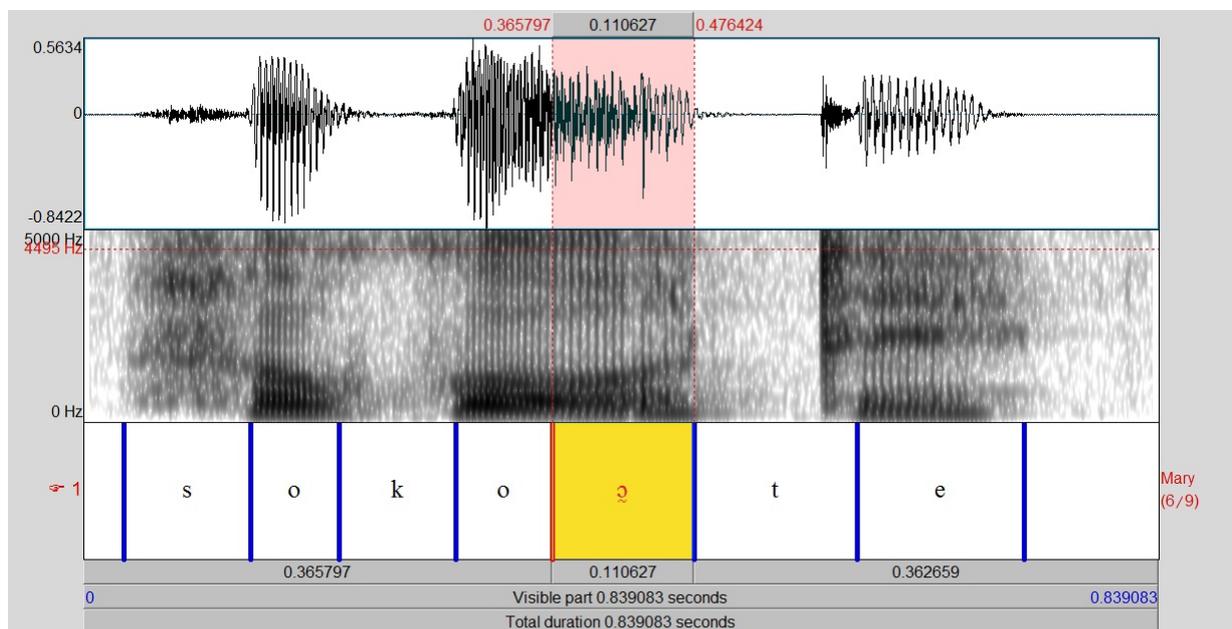

Рис. 9. Реализация фонемы гортанный смычный только глоттализацией последующего гласного: ЛЭ *sokoʔte* [sokoʔte] ‘сокуй’

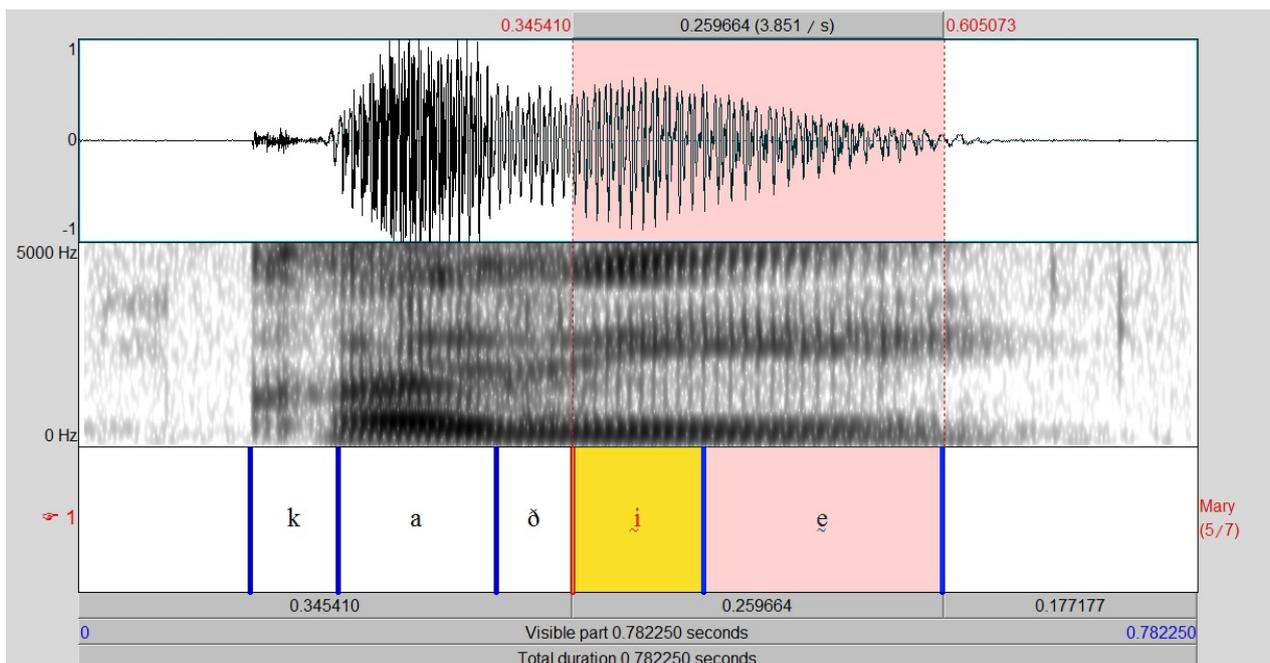

Рис. 10. Реализация фонемы гортанный смычный только глоттализацией двух гласных — предыдущего и последующего: ЛЭ *kazi?e* [kaðje] ‘нетельная важенка (= самка оленя, не давшая приплода в этом году)’

Нулевая же фонетическая реализация интервокального гортанного смычного — ни самого сегмента, ни глоттализации гласных — встречается довольно редко, хотя, безусловно, существует, ср. рис. 11.

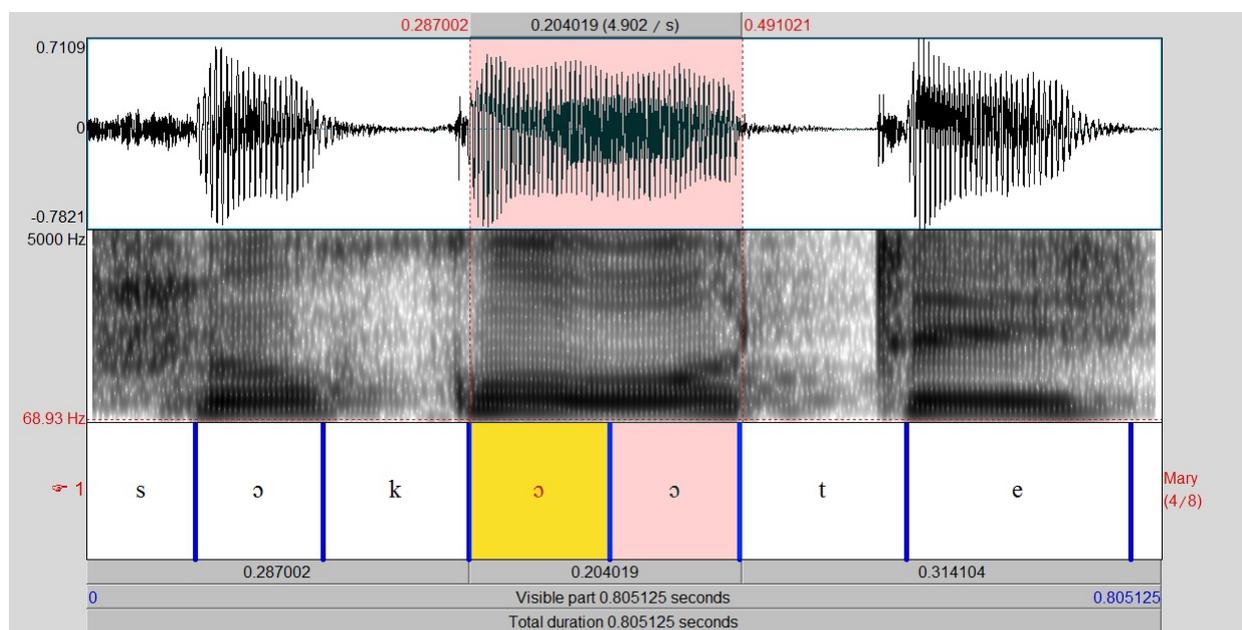

Рис. 11. Нулевая фонетическая реализация фонемы гортанный смычный: ЛЭ *soko?te* [səkət] ‘сокуй’²³

Дадим также краткий обзор возможных фонетических реализаций фонемы гортанный смычный в других позициях, которых, вообще говоря, не так много: гортанный смычный невозможен в начале слова и перед согласными. Иначе говоря, он встречается только между гласными и на конце слов — после

²³ Почти все приведенные рисунки относятся к лесному диалекту, однако в тундровом наблюдается ровно такая же ситуация. Ввиду того, что мы приводим контраргументы к точке зрения, высказанной в [Siegl 2013] для лесного диалекта, примеры намеренно приводятся именно из этого диалекта.

гласных в обоих диалектах, ср. (23)—(24), после согласных — только в аффиксах лесного диалекта, ср. (25)²⁴. На конце слов после гласных гортанный смычный может реализовываться сегментом с факультативной глоттализией предшествующего гласного, ср. (23)—(24), только глоттализией предшествующего гласного, ср. (24), левосторонней метатезой с глоттализией гласного, ср. (23) и рис. 12—13, или полным нулем, ср. (24).

(23) ЛЭ *mεʔ* [mʲεʔ], [mʲεʔɣ], [mʲεʔɣ] / ТЭ *meʔ* [mʲeʔ], [mʲeʔ], [mʲeʔɣ] ‘чум, дом’

(24) ЛЭ, ТЭ *biʔ* [bʲi], [bʲi], [bʲiʔ], [bʲiʔ] ‘вода’

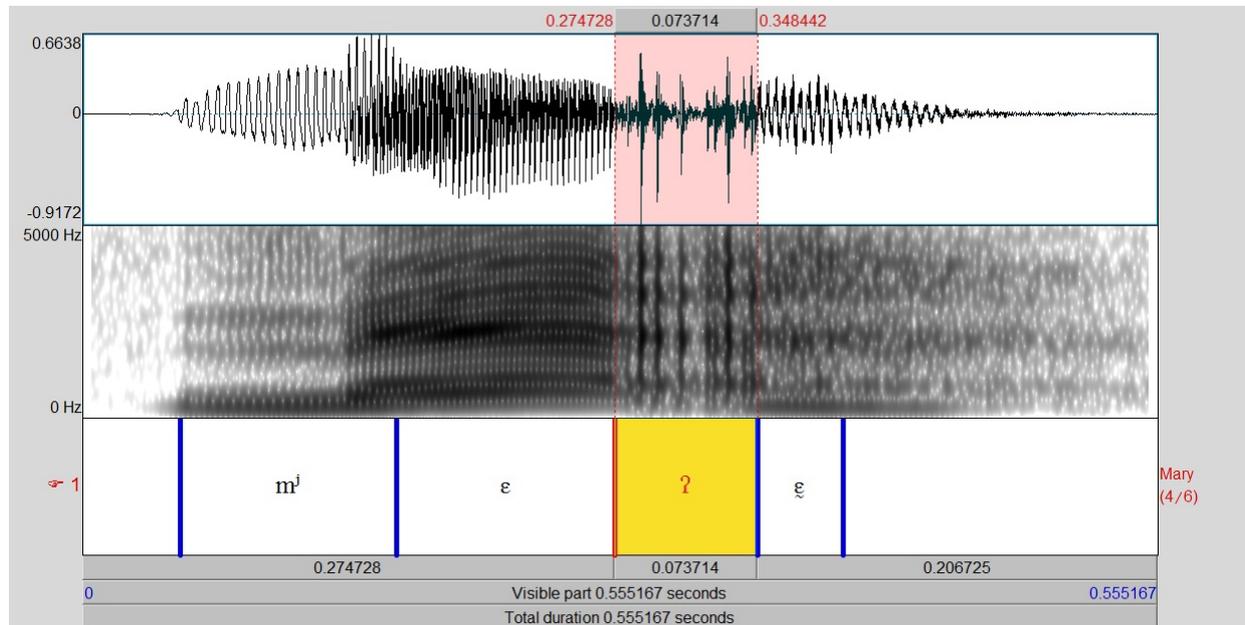

Рис. 12. Реализация фонемы гортанный смычный сегментом и левосторонней метатезой с глоттализией гласного: ЛЭ *mεʔ* [mʲεʔɣ] ‘чум’

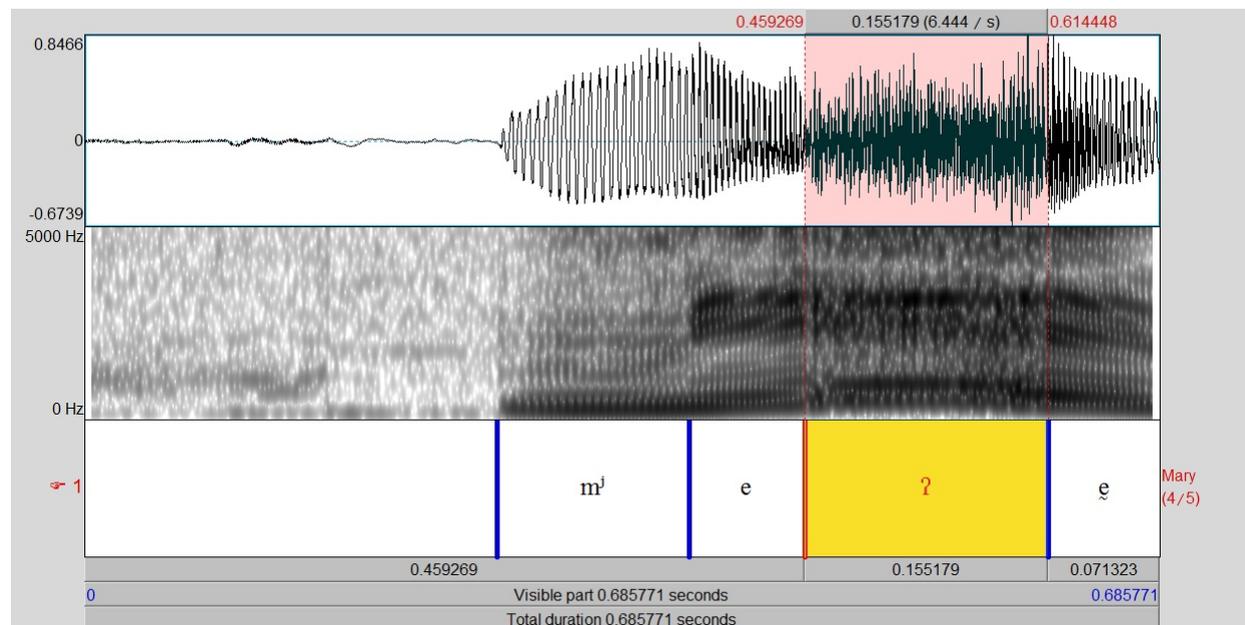

Рис. 13. Реализация фонемы гортанный смычный сегментом и левосторонней метатезой с глоттализией гласного: ТЭ *meʔ* [mʲeʔɣ] ‘чум, дом’

²⁴ Во всех таких случаях речь идет о выпавшем гласном, который очень редко проявляется в современном лесном диалекте в данной позиции. Отметим, что этот гласный может выпадать и в тундровом диалекте, в этом случае фонетически гортанный смычный также идет после согласного.

На конце слов после согласных гортанный смычный может реализоваться сегментно или фонетическим нулем, ср. (25) и рис. 14—16.

(25) ЛЭ *neeʔ* [ne:ðʔ], [ne:ð] / ТЭ *nəʔ* [nəʔ, nəʔ, nəʔ] ‘я стою’ (ЛЭ *nee-zʔ* / ТЭ *nə-zʔ* ‘стоять-1SG.S’)

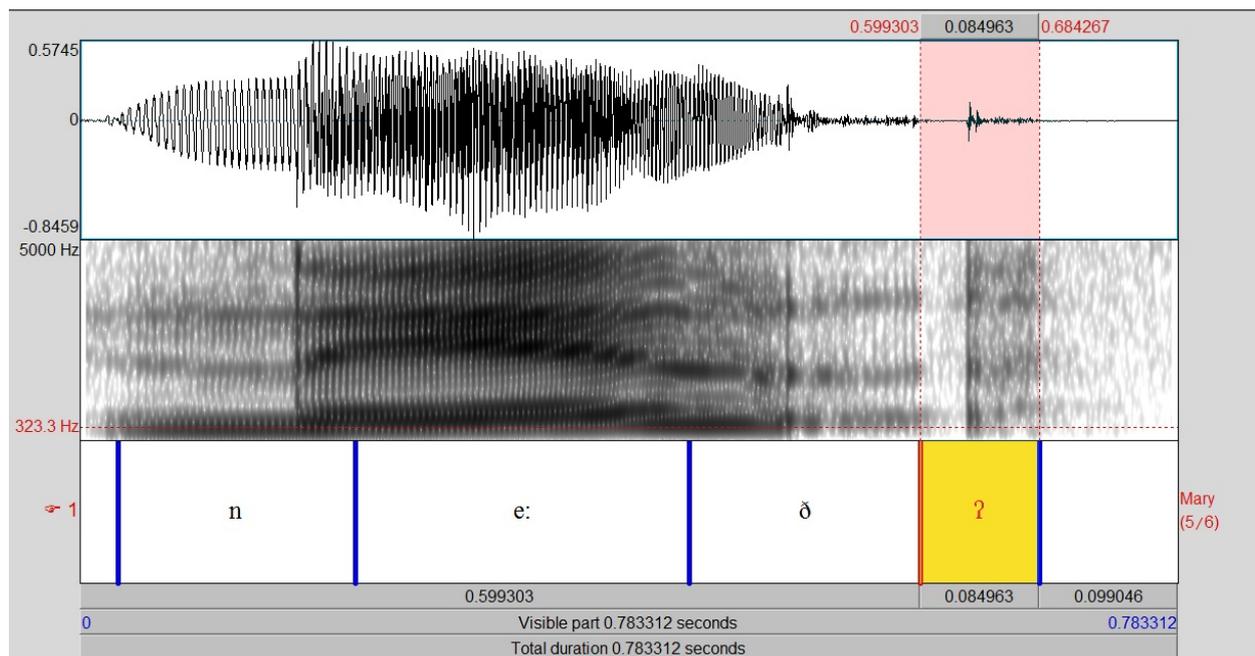

Рис. 14. Реализация фонемы гортанный смычный сегментом после согласного: ЛЭ *neeʔ* [ne:ðʔ] ‘я стою’

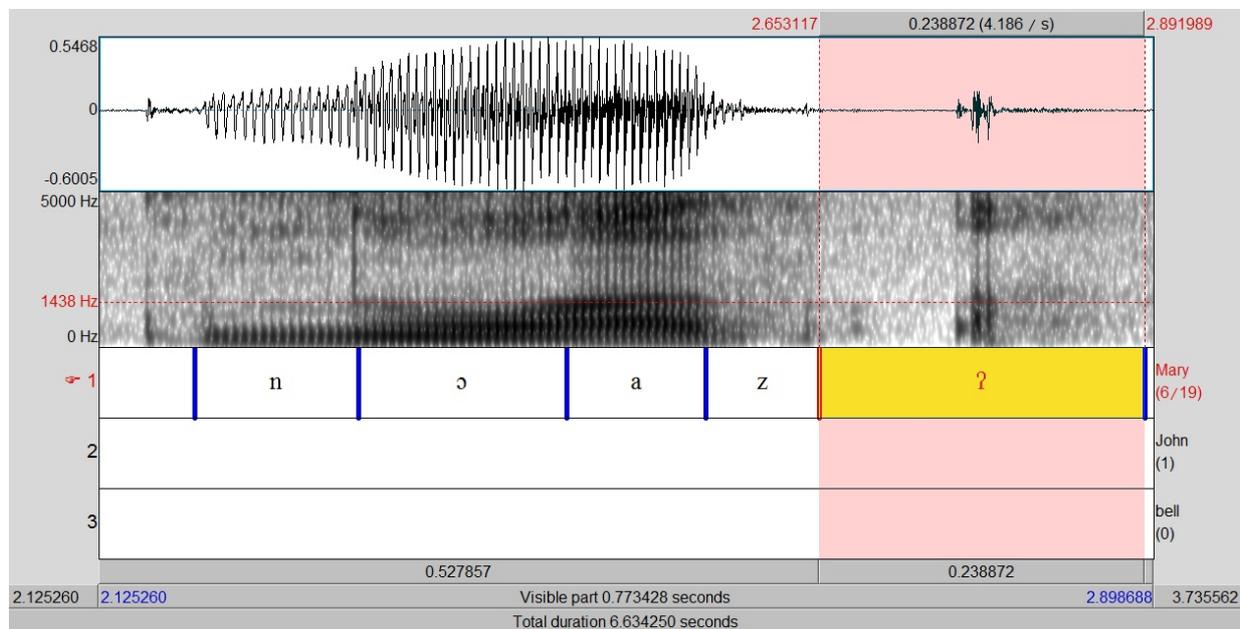

Рис. 15. Реализация фонемы гортанный смычный сегментом после согласного: ТЭ *nəʔ* [nəʔ] ‘я стою’

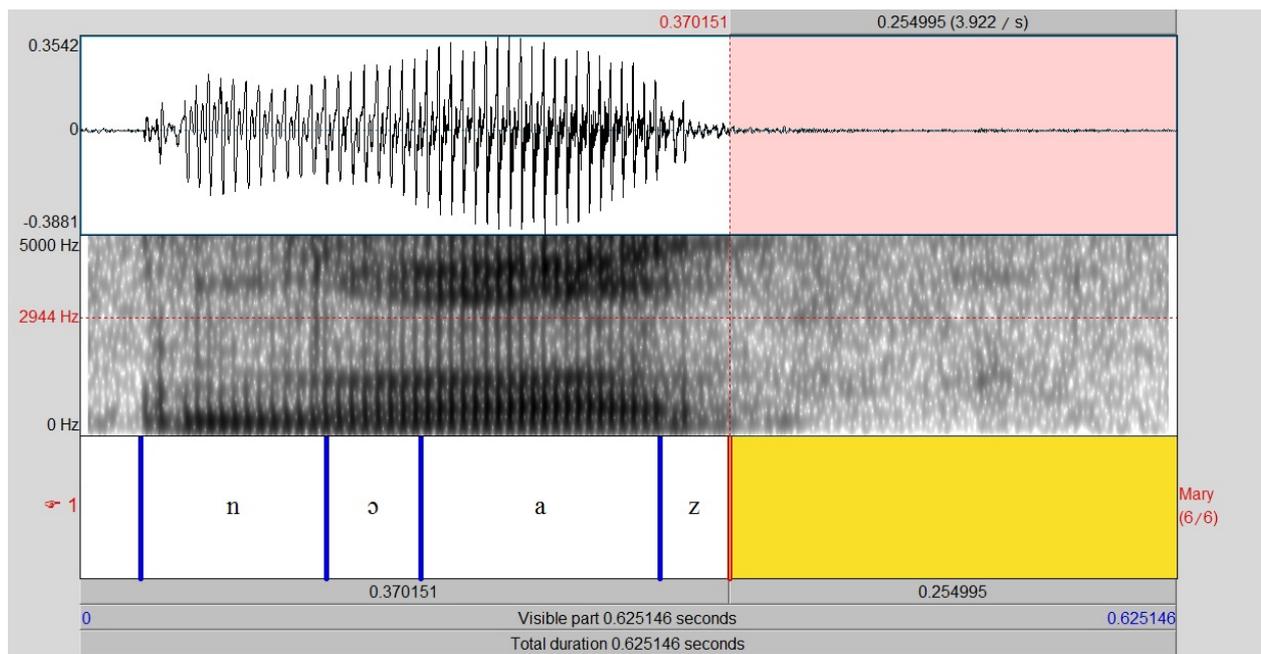

Рис. 16. Нулевая фонетическая реализация фонемы гортанный смычный после согласного: ТЭ *mɑ:zo?* [mɑ:z] ‘я стою’

Любопытно, что хотя данный согласный традиционно описывается в литературе по энецкому языку как «гортанный смычный», собственно смычные фонетические реализации уступают не-смычным в количественном отношении. Как видно из приводимых рисунков, гортанные фрикации, как с основным тоном, т. е. звонкие (ср. рис. 6—8, 13), так и без него, т. е. глухие (ср. рис. 5, 12), — типичный способ произнесения этой фонемы²⁵: это единственно возможный вариант для интервокальной позиции, и частотный для позиции конца слова, где он встречается наряду с полноценной смычкой (ср. рис. 14). Как указывалось еще в [Глухий 1976б; 1977] для лесного диалекта, в обоих диалектах энецкого языка на конце слов возможно также сочетание щелевого и смычечного компонента (ср. рис. 15 для тундрового диалекта).

Отметим, что описанный набор фонетических реализаций вообще характерен для гортанной смычной фонемы в языках мира, ср. [Ladefoged, Maddieson 1996: 73—77], т. е. ничего узкоспецифичного для энецкого языка в этой области не наблюдается.

Тем самым, рассмотренный набор реализаций вполне соответствует тому, что написано о гортанной смычной фонеме в [Глухий 1976б; 1977], более того, и в [Глухий 1976б: 29] указывалось на то, что «гортанная настройка в ряде этих слов уже не отмечается», что может подразумевать отсутствие собственно консонантного сегмента или нулевую фонетическую реализацию. Тем самым, нет никаких оснований предполагать, что фонетическая реализация гортанного смычного изменилась за последнее поколение, и уж тем более, что эта фонема вообще пропала в интервокальной позиции для имен.

Как и в случае с передними гласными, описанном в предыдущем разделе, анализ большого количества произнесений позволил вывести фонологический принцип записи слов с гортанным смычным, из которого выводятся все возможные фонетические реализации. Более того, этот принцип записи ничем не отличается, в результате, от принципа, принятого в работе других лингвистов, работавших с предыдущим поколением говорящих на энецком языке, и гипотеза о недавно произошедшем языковом изменении, тем самым, отвергнута. Как и в разделе выше, заключим, что этот анализ был бы невозможен или, по крайней мере, крайне затруднителен без фонетической базы данных: созданной специально для исследования фонетики в случае упомянутых лингвистов, работавших в 1970—1980-х гг., или электронных аудиословарей, рассматриваемых в настоящей статье. Бесспорным преимуществом последних является то, что они могут использоваться для большего разнообразия научных целей, во-первых, и являются доступными и простыми в использовании для других ученых²⁶.

²⁵ [Ladefoged & Maddieson 1996: 76] предлагают анализировать подобный звук как фарингализованный гортанный аппроксимант (creaky voice glottal approximant), что, безусловно, не лишено смысла с точки зрения фонетического анализа, однако мы продолжим использовать традиционный для самодистики термин «гортанный смычный».

²⁶ Спустя много лет работы с энецким языком автору удалось получить доступ к рабочим материалам Я. А. Глухого и В. А. Сусекова: на сегодняшний день эффективно использовать можно только их аудиозаписи не-

4.3. Что кодирует объектное согласование глагола?

В энецком языке финитный глагол согласуется по лицу и числу с подлежащим и по числу с прямым дополнением 3-го лица, ср. (26). Однако объектное согласование не обязательно, т. е. переходные глаголы могут использовать ту же лично-числовую парадигму, что и непереходные, ср. (27) и (28)—(29).

(26) a. *mɔta-a*²⁷ b. *mɔt-e-n* c. *mɔta-xu-n*
 ЛЭ отрезать-1SG.SOsg отрезать-SOpl-1SG.SONsg отрезать-SOdu-1SG.SONsg
 ‘я отрезал его’ ‘я отрезал их (мн.)’ ‘я отрезал их (дв.)’

(27) a. *mɔta-zʔ* b. *mɔsara-zʔ*
 ЛЭ отрезать-1SG.S работать-1SG.S
 ‘я отрезал’ ‘я работаю’

(28) *neɔ-do* *kada-da-a*
 ТЭ ребенок-OBL.SG.2SG унести-FUT-1SG.SOsg
 ‘Я возьму твоего ребенка’ (VA080723_STA_068)²⁸.

(29) *tʃi, tʃinadʃi kere-ta* *sʔ-da* *mu-da-zoʔ*
 ТЭ вот сейчас сам-OBL.SG.3SG песня-OBL.SG.3SG сделать-FUT-1SG.S
 ‘Сейчас я спою его песню’ (ZA100811_PESOTE_011).

Если прямой объект выражен анафорическим нулем, объектное согласование чаще всего представлено, ср. (30), однако если он имеет поверхностное выражение, полной или местоименной именной группой, согласование может как присутствовать, так и нет, что было показано в примерах (28)—(29) выше. Тем самым, возникает закономерный вопрос о том, в каких случаях объектное согласование глагола используется, а в каких нет, иначе говоря, что именно оно кодирует (см. также [Ханина, Шлуинский 2015]).

(30) *ne* *niɔ-ku* *kan'e* *tʃi, ne-dʃa* *ɔte-obi-za,* *ɔte-obi-za,*
 ТЭ женщина ребенок-DIM уйти.3SG.S вот женщина-PEJ ждать-НАВ-3SG.SOsg ждать-НАВ-3SG.SOsg
dʃigwa
 не_иметься.3SG.S
 ‘Девочка ушла вот, женщина ждала ее, ждала ее... Нету (ее).’ (IP080722_SIR_025)

В литературе высказывались предположения о том, что наличие объектного согласования в энецком языке определяется информационной структурой высказывания: [Терещенко 1973: 188] и [Сорокина 2010: 310—311] использовали понятие «логическое ударение» на объекте, [Siegl 2013: 253—254] ввел понятие «нейтральной информационной структуры» и описывал роль объектного согласования как маркирование отступления от таковой. Электронный корпус энецкого языка предоставляет возможность проверить, насколько эти описательные утверждения подкрепляются реальными данными естественных текстов.

В поиске формальных аналогов абстрактных понятий информационной структуры мы обратились к вопросительным предложениям и ответам на них как к таким высказываниям, про которые заведомо известно, что именно в них является фокусом. Следуя традиции, заданной работой [Lambrecht 1994], мы говорим о фокусе предложения, а не дискурса, и в качестве одного из классических тестов на фокус предложения используются как раз вопросно-ответные пары: обычно фокусом признается вопросительное слово и его структурный эквивалент в ответном предложении, а в полярных вопросах — предикат. Извлечь из текстов вопросительные предложения оказалось делом технически несложным: простой по-

больших списков слов, в то время как остальные материалы представляют собой разрозненный набор бумаг и микрофильмов, обработка которых требует отдельных значительных усилий.

²⁷ Также есть свободные варианты *-u* и *-b*, т. е. формы *mɔta-u*, *mɔta-b*.

²⁸ Текстовые примеры приводятся с указанием на уникальный идентификатор данного предложения в описанном цифровом корпусе текстов, ср. работы [Evans & Dench 2006: 11; Mithun 2014: 30; Mosel 2012: 238; 2014: 140, 154], настаивающие на важности таких идентификаторов для читателя, которому открывается возможность верификации, доступа к контексту и просто получения информации о говорящем и дате записи. В случае энецкого корпуса идентификатор состоит из инициалов говорящего/говорящих, от которых был записан данный текст, далее даты записи в формате ГТММДД, далее факультативно инициалов конкретного говорящего, если их несколько, далее сокращенного названия текста и, наконец, номера предложения.

иск по вопросительному знаку в русском переводе предоставил в наше распоряжение около 1000 вопросов, причем около 200 из них — с ответами, отличными от «да» или «нет»²⁹.

Результаты анализа этих предложений поражают своим единообразием: оказывается, использование объектного согласования несовместимо с фокусом на прямом объекте. Это можно переформулировать следующим образом: объектное согласование маркирует топиальный объект. Рассмотрим конкретные данные корпуса, позволяющие сделать такой вывод.

Во-первых, в вопросах к прямому дополнению никогда не бывает объектного согласования на глаголе, ср. (31) для лесного диалекта и (32) для тундрового, в обоих случаях с ответами.

- (31) a. *ɔbu oo-bi-d*, *ɔbu oo-bi-d?*
 ЛЭ что есть-PRF-2SG.S что есть-PRF-2SG.S
 ‘Что ты ела? Что ты ела?’ (ES090722_UL_004)
 b. *modʲ man-ʔ nʲe-zuʔ, gribi oo-bi-zʔ, gribi*
 я сказать-CONN NEG-1SG.S.CONT грибы есть-PRF-1SG.S грибы
 ‘Я говорю, я грибы ела, грибы’ (ES090722_UL_005).

- (32) *miiro kinu-ta-zoʔ, ese-niʔ mu mu-da-zoʔ?*
 ТЭ что петь-FUT-1SG.S отец-OBL.SG.1SG PLC сделать-FUT-1SG.S
 ‘Что я буду петь, песни [= это] моего отца?’ (ZAZN100811ZA_PESOTL_002)

Во-вторых, в вопросах к подлежащему всегда наблюдается объектное согласование на глаголе, ср. (33) для лесного диалекта и (34) для тундрового.

- (33) *kudʲi-miʔ mu-da-za ɛke, ɛke dʲa?*
 ЛЭ какой-NOM.SG.1DU взять-FUT-3SG.SOSg этот этот земля
 ‘Кто из нас возьмет эту, эту землю?’ (NSP90S_ENRU_028)

- (34) *nexuʔ kare fiʔ ɔ-da-za?*
 ТЭ три рыба кто съест-FUT-3SG.SOSg
 ‘Три рыбки кто съест?’ (ZAZN100810_SKAO_106)

В подавляющем большинстве полярных вопросов и вопросов не к подлежащему или дополнению мы также видим объектное согласование глагола, ср. (35)—(37).

- (35) *anʲi mu ɲa-j, kɔdeʔɔ ɲa-j tʃike, kɔdeʔɔ*
 ЛЭ и PLC существовать-3SG.S.IMP сова существовать-3SG.S.IMP этот сова
nʲe-ruʔ tene-ʔ?
 NEG-2SG.SOSg.CONT знать-CONN
 ‘Вот это, например, сова, например, сову ведь знаешь?’ (NI080815_OSEN_021)

- (36) a. *ne-do kaza-ba-roʔ*
 ТЭ женщина-OBL.SG.2SG убить-Q-2SG.SOSg
 b. *dʲigua, ne-jʔ dʲuʔa-bo*
 иметься.3SG.S женщина-NOM.SG.1SG потерять-1SG.SOSg
 ‘(Что случилось?) Жену убил? — Нет, жену потерял’ (ZAZN100810ZA_OSEBE_073, ZAZN100810ZA_OSEBE_075).

- (37) *nʲii-za mii-gone ɔ-ta-d-e-za?*
 ТЭ ребенок-NOM.PL.3SG что-LOC.SG съест-CAUS-FUT-sopl-3SG.SOSng
 ‘Детей как будет кормить?’ (RDNNB981221RD_BES_187)

Наконец, был обнаружен также пример (38), в котором вопрос задается одновременно и к подлежащему, и к прямому дополнению: отсутствие в нем объектного согласования подтверждает гипотезу о том, что на выбор последнего влияют свойства дополнения, а не подлежащего. Действительно, в этом примере прямое дополнение не является топиальным, и именно это предопределяет отсутствие объектного согласования; если бы определяющим был фокусный статус подлежащего, согласование присутствовало бы.

²⁹ Около 600 вопросов принадлежали лесному подкорпусу (выборка была осуществлена из части подкорпуса) и около 450 вопросов – тундровому (выборка была осуществлена из всего подкорпуса).

- (38) *buʔ i-bu-ta ko-ʔ, see əbu ə-da?*
 ЛЭ он NEG-CVB.COND-OBL.SG.3SG найти-CONN кто что съесть-FUT.3SG.S
 ‘Если он не найдет (это), кто что будет есть?’ (VNB940221_PRIR_124)

Имеется также два дополнительных факта энецкого языка, говорящих о связи топиальности и объектного согласования.

Во-первых, в [Ханина, Шлуинский 2015] было показано, что энецкие дополнения с аффиксом дестинатива никогда не встречаются с объектным согласованием, ср. (39), при этом в других работах [Khanina, Shluinsky 2014; subm] было показано, что дестинативные именные группы в позиции дополнения всегда имеют неопределенный референциальный статус. Если принять во внимание только что рассмотренные данные по объектному согласованию в вопросах, эти два факта оказываются связанными друг с другом: неопределенная именная группа не может быть топиальной, поэтому и никогда не наблюдается объектного согласования в случае дополнений с аффиксом дестинатива.

- (39) *ugal'e-zo-do teza-da-do*
 ТЭ уголь-DEST.SG-OBL.SG.2SG принести-FUT-2SG.S
 ‘Ты принесешь (себе) угля.’

Во-вторых, если мы рассмотрим финитные переходные предикации с выраженным прямым объектом и без объектного согласования на глаголе (такие, как (29), (31b) и (32) выше), то окажется, что в подавляющем большинстве случаев³⁰ прямой объект находится непосредственно перед глаголом, т. е. занимает фокусную для этого языка позицию. Тем самым данные порядка слов также указывают на то, что только топиальные дополнения сочетаются с объектным согласованием глагола.

Полученные результаты не противоречат описанию объектного согласования в других самодийских языках, ср. [Nikolaeva 2001; Dalrymple, Nikolaeva 2011], где показано, что ненецкие и, по всей видимости, селкупские топиальные объекты всегда сопровождаются согласованием и только они имеют это свойство.

Исследование вопросно-ответных предложений, проведенное в настоящей работе, равно как и цитируемые источники, приводящие дополнительные доказательства связи информационного статуса прямого дополнения и объектного согласования глагола, опираются на данные электронного корпуса. Более того, степень доверия описанию дискурсивных параметров на порядок выше, если оно проведено на естественных, а не элицированных данных.

5. Заключение

Итак, в настоящей статье были подробно описаны два цифровых ресурса, представляющие данные энецкого языка: корпус текстов и аудиословарь. Помимо этого, были рассмотрены три конкретных примера — описание аллофонов передних гласных, фонетической реализации фонемы «гортанный смычный» и объектного согласования глагола, — которые проиллюстрировали использование этих ресурсов для получения результатов, невозможных или труднодостижимых при традиционной «бумажной» работе с языковыми данными. При этом сам тип данных — звуковая запись, сопровождаемая некоторой аннотацией, — пожалуй, используется на настоящий момент практически всеми полевыми лингвистами, т. е. новым оказывается только способ организации этих данных.

Действительно, у любого полевого лингвиста имеются звуковые записи, сейчас по преимуществу цифровые, а до недавнего момента кассетные или катушечные, и их разбор в бумажной тетради или в текстовом файле на компьютере. Однако поиск по содержимому разрозненных текстовых файлов и, тем более, тетрадей требует значительного времени, не говоря уже о составлении конкорданса (т. е. алфавитного перечня всех заданных объектов с указанием контекстов их употребления). Помимо этого, возврат к звуковым данным, например, при подозрении на неадекватную запись при разборе или при желании проанализировать фонетическую сторону вопроса, также требует отдельных времени и усилий. Наконец, работа с такими «традиционными» данными обычно представима только для того, кто их собственноручно создал: верификация и уточнение анализа других ученых на непосредственных фактах или, например, полный разбор архивов других исследователей становятся практически недостижимыми задачами. Однако в случае исчезающих языков, а их, к сожалению, подавляющее большинство на сегодняшний день, подобная невозможность обращения к исходным данным в будущем особенно печальна.

Цифровые способы организации лингвистических данных существенно облегчают все эти задачи: время, необходимое для поиска, построения конкорданса, проверки контекста или звука, исчисляется

³⁰ В 93% случаев по данным электронного корпуса.

минутами, если не секундами. Более того, все эти действия могут осуществлять и те, кто эти ресурсы не создавал, в том числе в неопределенном будущем.

Разумеется, само создание цифровых ресурсов требует немалого количества времени и усилий, однако, как мы постарались показать в настоящей статье, эти затраты впоследствии оправдываются принципиально иным количеством и уровнем описательных обобщений. Например, автор настоящей работы не является фонетистом и никогда не задавался целью проводить специальные исследования по фонетике энецкого языка, а лишь исключительно желал понять общие принципы устройства звуковой системы этого языка и выработать фонологическую транскрипцию для целей описания грамматики. Однако благодаря большому объему рассмотренных данных удалось получить результаты, значимые и для фонетики: при этом указанные данные не собирались для конкретного фонетического исследования, а были легко получены из уже существующего цифрового ресурса. Как упоминалось, фонетисты 1970—1980-х гг. могли и вручную собрать часть данных, на которых строились обобщения в 4.1—4.2, однако принципиально, что цифровые ресурсы предоставляют возможность описывать открытый круг явлений, причем не только автору этих ресурсов, но и другим ученым. Помимо этого, они существенно облегчают работу полевого лингвиста, который по необходимости обязан разбираться в явлениях языка на всех уровнях, и, тем самым, существенно повышают ее качество: ср. методические работы [Bright 2007; Chelliah 2001; Mithun 2014; Mosel 2014], настаивающие на том, что грамматические описания, построенные на цифровых корпусах, предпочтительнее для науки по сравнению с теми, которые используют традиционные способы работы с материалом.

Наконец, благодаря цифровым ресурсам становится возможным описание реального функционирования языка, со всей присущей ему вариативностью, а не только той системы, к которой мы приводим реальную речь для простоты описания или в попытках найти глубинную форму наблюдаемому разнообразию фактов. Количественные данные становятся, тем самым, таким же равноправным участником лингвистического анализа, как и языковые формы сами по себе (ср. обоснование значимости этого в [Bender et al. 2012: 190—191; Mosel 2012: 238—239; 2014: 139]). В некотором смысле, исследования, основанные на цифровых ресурсах, делают лингвистику чуть менее гуманитарной наукой, открывая новую эру «лингвистического эмпиризма», ср. [Harrison et al. 2008].

Сокращения

ЛЭ — лесной энецкий	ТЭ — тундровый энецкий
1 — 1-е лицо	NOM — именительный падеж
2 — 2-е лицо	OBL — косвенный падеж
3 — 3-е лицо	PEJ — пейоратив
DU — двойственное число	PL — множественное число
CAUS — каузатив	PLC — словозаменитель
CONN — коннегатив	PRF — перфект
CONT — контрастивная серия лично-числовых окончаний	Q — вопросительный маркер
CVB.COND — конверб условия	S — субъектная серия лично-числовых окончаний
DEST — дестинатив	SG — singular
DIM — диминутив	SODu — объект двойственного числа
FUT — будущее время	SONsg — субъектно-объектная серия лично-числовых окончаний с объектом не-единственного числа
HAB — хабиуталис	SOPl — объект множественного числа
IMP — императивная серия лично-числовых окончаний	SOsg — субъектная серия лично-числовых окончаний с объектом единственного числа
LOC — локативный падеж	
NEG — отрицательный глагол	

Литература

- Болина 2012 — Болина З. Н. Энецкий картинный словарь. Дудинка: Таймырский окружной центр народного творчества, 2012. {*Bolina Z. N. Enets picture dictionary. Dudinka: Taimyr district center for folk art, 2012.*}
- Болина 2014 — Болина З. Н. Песни родной земли: самодеятельный энецкий художник Иван Силкин. Дудинка: Таймырский окружной центр народного творчества, 2014. {*Bolina Z. N. Songs of the homeland: the Enets amateur painter Ivan Silkin. Dudinka: Taimyr district center for folk art, 2014.*}

- Болина 2015 — *Болина З. Н.* Эззуй. След нарты. Дудинка: Таймырский окружной центр народного творчества, 2015. {*Bolina Z. N.* Ezzuy. Trace of a sledge. Dudinka: Taimyr district center for folk art, 2015.}
- Глухий 1973 — *Глухий Я. А.* О некоторых ассимилятивных явлениях в энецком языке (на материале говора бай) // Происхождение аборигенов Сибири и их языков 2. Томск: Издательство Томского университета, 1973. С. 87—88. {*Glukhiy Ya. A.* On some assimilative phenomena in Enets (in the Baj dialect) // Origins of the Siberian aboriginal peoples and their languages 2. Tomsk: Tomsk University press, 1973. P. 87—88.}
- Глухий 1976а — *Глухий Я. А.* Консонантизм энецкого языка (диалект бай) по экспериментальным данным. Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1976. {*Glukhiy Ya. A.* Enets consonantism (the Baj dialect) according to the experimental data. Ph. D. thesis. L., 1976.}
- Глухий 1976б — *Глухий Я. А.* Гортанный в энецком // Сибирский фонетический сборник. Труды института общественных наук, Серия языковедческая. Улан-Удэ: СО АН СССР, Бурятский филиал, 1976, 29. С. 29—35. {*Glukhiy Ya. A.* Glottal in Enets // Siberian phonetic digest. Institute of social sciences proceedings, linguistic series. Ulan-Ude: AS USSR SD, Buryat arm, 1976. Vol. 29. P. 29—35.}
- Глухий 1976в — *Глухий Я. А.* Губные фонемы энецкого языка (диалект бай) по экспериментальным данным // Исследования по фонетике сибирских языков. Новосибирск: СО АН СССР, 1976. С. 75—103. {*Glukhiy Ya. A.* Labial phonemes of the Enets language (the Baj dialect) according to the experimental data // Studies in Siberian languages' phonetics. Novosibirsk: AS USSR SD, 1976. P. 75—103.}
- Глухий 1977 — *Глухий Я. А.* Реализация гортанной фонемы в энецком языке (диалект бай) // Языки и топонимия 5 / Ред. Э. Г. Беккер и др. Томск: ТГПИ, 1977. С. 27—33. {*Glukhiy Ya. A.* Manifestation of the glottal phoneme in the Enets language (the Baj dialect) // Languages and toponymy 5 / Ed. E. G. Bekker et al. Tomsk: TSPU, 1977. P. 27—33.}
- Лабанаускас 1992 — *Лабанаускас К. И.* Фольклор народов Таймыра. Дудинка: Таймырский окружной центр народного творчества, 1992, 1. {*Labanauskas K. I.* Folklore of the peoples of Taimyr. Dudinka: Taimyr district center for folk art, 2015. Vol. 1.}
- Лабанаускас 2002 — *Лабанаускас К. И.* Родное слово: энецкие песни, сказки, исторические предания, традиционные рассказы, мифы. СПб, 2002. {*Labanauskas K. I.* Darling speech: Enets songs, fairy-tales, historical legends, traditional stories, myths. SPb, 2002.}
- Сорокина, Болина 2001 — *Сорокина И. П., Болина Д. С.* Словарь энецко-русский и русско-энецкий. Пособие для учащихся начальной школы. СПб.: Просвещение, 2001. {*Sorokina I. P., Bolina D. S.* Enets-Russian and Russian-Enets dictionary. Textbook for elementary schools. SPb.: Prosveshchenie, 2001.}
- Сорокина, Болина 2005 — *Сорокина И. П., Болина Д. С.* Энецкие тексты. СПб.: Наука, 2005. {*Sorokina I. P., Bolina D. S.* Enets texts. SPb.: Nauka, 2005.}
- Сорокина, Болина 2009 — *Сорокина И. П., Болина Д. С.* Энецкий словарь с кратким грамматическим очерком. СПб, 2009. {*Sorokina I. P., Bolina D. S.* Enets dictionary with a short grammatical outline. SPb, 2009.}
- Сорокина 2010 — *Сорокина И. П.* Энецкий язык. СПб, 2010. {*Sorokina I. P.* The Enets language. SPb, 2010.}
- Сусеков 1977 — *Сусеков В. А.* Вокализм энецкого языка (экспериментально-фонетическое исследование на материале диалекта бай). Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1977. {*Susekov V. A.* Vocalism of the Enets language (experimental phonetics research based on the Baj dialect). Ph. D. thesis. L., 1977.}
- Сусеков 1978 — *Сусеков В. А.* Фонемы-монофтонги в вокализме энецкого языка (диалект бай) // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук, 1978, 6 (2). С. 131—137. {*Susekov V. A.* Monophthong phonemes in the Enets vocalism (the Baj dialect) // AN USSR Siberian Department Bulletin. Social sciences series, 1978. Vol. 6 (2). P. 131—137.}
- Сусеков 1980 — *Сусеков В. А.* Опыт спектрального исследования гласных энецкого языка // Народы и языки Сибири / Ред. Е. А. Убрятова и др. Новосибирск, 1980. С. 210—214. {*Susekov V. A.* An attempt at a spectral research of the Enets vowels // Peoples and languages of Siberia / Ed. E. A. Ubratova et al. Novosibirsk, 1980. P. 210—214.}
- Сусеков 1983 — *Сусеков В. А.* Сопоставительный анализ гласных энецкого языка // Вопросы енисейского и самодийского языкознания / Ред. Р. Ф. Деннинг, Ю. А. Морев. Томск: ТГПИ, 1983. С. 139—143. {*Susekov V. A.* Comparative analysis of Enets vowels // Issues in Yenisean and Samoyedic linguistics / Ed. R. F. Denning, Yu. A. Morev. Tomsk: TSPI, 1983. P. 139—143.}
- Терещенко 1973 — *Терещенко Н. М.* Синтаксис самодийских языков. Л, 1973. {*Tereshchenko N. M.* Syntax of the Samoyedic languages. L, 1973.}
- Ханина 2016 — *Ханина О. В.* Сочинительные стратегии энецкого языка // Урало-алтайские исследования, 2016, 21. С. 131—148. {*Khanina O. V.* Coordination strategies of the Enets language // Ural-Altaic Studies, 2016. Vol. 21. P. 131—148.}
- Ханина, Шлуинский 2012 — *Ханина О. В., Шлуинский А. Б.* Эмфатические отрицательные глаголы в энецком языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012, 116 (1). С. 115—121. {*Khanina O. V., Shluinskij A. B.* Emphatic negative verbs in the Enets language // Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2012. Vol. 116 (1). P. 115—121.}

Ханина, Шлуинский 2015 — *Ханина О. В., Шлуинский А. Б.* Прямой объект в энецком языке: объектное согласование глагола // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015» / Ред. *Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Коношенко*. М: МПГУ, 2015, 2. С. 392—410. {*Khanina O. V., Shluinskiy A. B.* Direct object in the Enets language: verbal object cross-reference // Typology of morphosyntactic parameters. Materials from the international conference “Typology of morphosyntactic parameters 2015”. / Eds. *E. A. Lyutikova, A. V. Zimmerling, M. B. Konoshenko*. М: MPSU, 2015. Vol. 2. P. 392—410.}

Ханина, Шлуинский 2016 — *Ханина О. В., Шлуинский А. Б.* Энецкий перфект: дискурсивные употребления у эвиденциально-адмиративного перфекта // Acta Linguistica Petropolitana (Труды института лингвистических исследований РАН) XII-2. (Исследования по теории грамматики: Типология перфекта / Отв. ред. *Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова*), 2016, 7. С. 425—474. {*Khanina O. V., Shluinskiy A. B.* Enets Perfect: discursive uses of the evidential-admirative Perfect // Acta Linguistica Petropolitana (RAS Institute of Linguistic Studies Proceedings) XII-2. (Studies in grammar theory.: Typology of Perfect / Ed. *T. A. Maysak, V. A. Plungyan, X. P. Semyonova*), 2016. Vol. 7. P. 425—474.}

Хелимский — *Хелимский Е. А.* Материалы к словарю энецкого языка. Рукопись. {*Helimski E. A.* Materials for the Enets dictionary. Manuscript.}

Шлуинский 2017 — *Шлуинский А. Б.* Видовая система энецкого языка на фоне русской: к типологии словоклассифицирующего вида // Вопросы языкознания, 2017, 3. С. 24—52. {*Shluinsky A. B.* Aspect system of the Enets language compared to Russian: on the typology of the word-classifying aspect // Issues in Linguistics, 2017. Vol. 3. P. 24—52.}

Aikhenvald 2002 — *Aikhenvald A. Yu.* Language obsolescence: progress or decay? The emergence of new grammatical categories in ‘language death’ // Language endangerment and language maintenance / Eds. *D. Bradley, M. Bradley*. London: RoutledgeCurzon, 2002. P. 144—55.

Bender et al. 2012 — *Bender E. M., Ghodke S., Baldwin T., Dridan R.* From database to Treebank: on enhancing hyper-text grammars with grammar engineering and Treebank search // Electronic Grammaticography (LD&C Special Publication 4) / Ed. *Nordhoff S.*, 2012. P. 179—206. Electronic publication available at <http://hdl.handle.net/10125/4535>.

Bright 2007 — *Bright W.* Contextualizing a grammar // Perspectives on grammar writing / Eds. *Th. Payne, D. Weber* Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 11—17.

Chelliah 2001 — *Chelliah, Sh.L.* The role of text collection and elicitation in linguistic fieldwork // Linguistic Fieldwork / Eds. *Newman P., Ratliff M.* Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 152—164.

Dalrymple, Nikolaeva 2011 — *Dalrymple M., Nikolaeva I.* Objects and information structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Dorian 1989 — *Dorian N. C.* (Ed.). Investigating obsolescence: studies in language contraction and death. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Evans, Dench 2006 — *Evans N., Dench A.* Introduction: Catching language // Felix K. Ameka, Nicholas Evans & Alan Dench (eds.). Catching language: the standing challenge of grammar writing. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006. P. 1—40.

Harrison et al. 2008 — *Harrison K. D., Rood D. S., Dwyer A. M.* (eds.). A world of many voices: editors’ introduction // Lessons from documented endangered languages (Typological studies in language 78). Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 1—12.

Khanina, Shluinsky 2011 — *Khanina O., Shluinsky A.* Emphatic transcategorial morphology: a cross-linguistically rare phenomenon in Enets // Proceedings of Conference on Language Documentation and Linguistic Theory 3 (SOAS, London) / Eds. *P. K. Austin, O. Bond, D. Nathan, L. Marten*. London: University of London, 2011. P. 171—181.

Khanina, Shluinsky 2013 — *Khanina O., Shluinsky A.* Choice of case in cross-reference markers: Forest Enets non-finite forms // Finnisch-Ugrische Mitteilungen, Helmut Buske Verlag, 2013. Bd 37. P. 31—44.

Khanina, Shluinsky 2014 — *Khanina O., Shluinsky A.* A rare type of benefactive construction: Evidence from Enets // Linguistics, 2014. Vol. 52 (6). P. 1391—1431.

Khanina, Shluinsky, subm. — *Khanina O., Shluinsky A.* Competing ditransitive constructions in Enets // Submitted to Folia Linguistica.

Khanina, subm. — *Khanina O.* Documenting a language with phonemic and phonetic variation: the case of Enets // Submitted to Language documentation and conservation.

Ladefoged, Maddieson 1996 — *Ladefoged P., Maddieson I.* The sounds of the world's languages. Oxford: Blackwell, 1996.

Lambrecht 1994 — *Lambrecht K.* Information structure and sentence form. Cambridge: CUP, 1994.

Lewis et al. 2016 — *Lewis M. P., Simons G. F., Fennig Ch. D.* (Eds.). Ethnologue: languages of the world. 19th edition. Dallas, Texas: SIL International, 2016. Online version: <http://www.ethnologue.com>.

Mithun 2014 — *Mithun M.* The data and the examples: comprehensiveness, accuracy, and sensitivity // The Art and Practice of Grammar Writing (LD&C Special Publication 8) / Eds. *T. Nakayama, K. Rice*. 2014. P. 25—52. Electronic publication available at <http://hdl.handle.net/10125/4583>

Mosel 2012 — *Mosel U.* Advances in the accountability of grammatical analysis and description by using regular expressions // Electronic Grammaticography (LD&C Special Publication 4) / Ed. *S. Nordhoff*. 2012. P. 235—250. Electronic publication available at <http://hdl.handle.net/10125/4537>.

Mosel 2014 — *Mosel U.* Corpus linguistic and documentary approaches in writing a grammar of a previously undescribed language // *The Art and Practice of Grammar Writing (LD&C Special Publication 8)* / Eds. *T. Nakayama, K. Rice.* 2014. P. 135—157. Electronic publication available at <http://hdl.handle.net/10125/4589>

Nikolaeva 2001 — *Nikolaeva I.* Secondary topic as a relation in information structure // *Linguistics*, 2001. Vol. 39 (1). P. 1—49.

Sasse 1992 — *Sasse H.-J.* Theory of language death // *Language death [:] factual and theoretical explorations with special reference to East Africa* / Ed. *M. Brenzinger.* Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 1992. P. 7—30.

Sasse 2001 — *Sasse H.-J.* Typological changes in language obsolescence // *Language typology and language universals. An international handbook.* / Eds. *M. Haspelmath et al.* Berlin: Walter de Gruyter, 2001. Vol. 2. P. 1668—1677.

Siegl 2013 — *Siegl F.* Materials on Forest Enets, and indigenous language of Northern Siberia. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2013.

РЕЗЮМЕ

В статье обсуждаются цифровые ресурсы, существующие для энецкого языка (корпус текстов и аудиословари), и приводятся примеры новых дескриптивных возможностей, возникающих благодаря им. Подробно разбираются два примера из области энецкой фонологии, для которой вообще характерна крайне высокая вариативность, и один пример из области энецкой грамматики. Во-первых, предлагается анализ распределения аллофонов передних гласных с [i], [i̥] и [e], системность которого не удавалось заметить предыдущим исследователям: с одной стороны, оказалось, что распределение [i] vs. [i̥] завязано на факультативную палатализацию предшествующего согласного и, в целом, имеет не категориальный, а частотный характер, а данные о частотности различных фонетических реализаций одних и тех же энецких фонем были недоступны до создания обсуждаемого аудиословаря, а с другой стороны, стало понятно, что вариативность [i]/[i̥] vs. [e] связана с наличием у фонемы /e/ (но не у фонемы /i/) всех этих реализаций — [i], [i̥] и [e]. Во-вторых, дается полное описание всех фонетических реализаций фонемы «гортанный смычный» (с анализом спектрограмм), что позволяет сравнить эту фонему у современных говорящих с ней же у предыдущего поколения говорящих и продемонстрировать отсутствие оснований для утверждения о языковом изменении, которое высказывалось ранее в [Siegl 2013]. В-третьих, с помощью анализа всех вопросительных предложений корпуса разбирается, что именно кодируется объектным согласованием энецкого глагола. Подробно разбирая опыт создания и использования цифровых ресурсов по энецкому языку, мы преследуем цель показать преимущества этого методологического подхода для работы с другими малоописанными языками.

SUMMARY

The paper discusses digital resources now existing for Enets (a corpus and sound dictionaries) and illustrates new descriptive possibilities entailed by their usage. Two examples from the Enets phonology, known for its extreme variability, and one example from the Enets grammar are used for the purpose. Firstly, a distributional analysis of front vowel allophones [i], [i̥], and [e] is suggested; the logic of this distribution had so far eluded scholars of Enets: it turns out to be connected both to optional palatalization of the preceding consonant (and this connection is statistical rather than categorical, which means it could hardly be described without the data on the frequency of various phonetic realizations of Enets phonemes, provided now by the sound dictionary) and to the existence of all three allophones [i], [i̥], and [e] by /e/, though not by /i/. Secondly, all types of phonetic realizations of the glottal stop phoneme are listed with spectrograms, and this description allows for rebutting of an earlier hypothesis by [Siegl 2013] that a recent sound change could be observed here. Thirdly, analysis of all interrogative sentences taken out from the Enets corpus helps to understand what controls the presence of the object cross-reference marker in an Enets verb. A story of creation and usage of the Enets digital resources speaks for advantages of these new methodological approaches and invites scholars of other underdescribed languages to follow the path.

Ключевые слова: цифровые технологии, лингвистическая методология, гласные, аллофоны, фонетическая вариативность, гортанный смычный, объектное согласование глагола, энецкий язык, самодийские языки

Keywords: digital technologies, linguistic methodology, vowels, allophones, phonetic variation, glottal stop, verbal object cross-reference, Enets, Samoyedic

Ханина Ольга Владимировна, Институт языкознания РАН (Москва); olesya.khanina@gmail.com

Olesya V. Khanina, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow); olesya.khanina@gmail.com

Языковая ситуация в Республике Марий Эл в начале 2010-х годов: социолингвистический анализ

Языковая ситуация и языковая политика в полиэтническом регионе, каковой является и Республика Марий Эл (далее — РМЭ), определяются рядом факторов, среди которых немаловажное значение имеют этнический состав его населения, законодательное обеспечение языковых прав граждан и готовность самого общества к их реализации.

По материалам последней Всероссийской переписи населения [НС 2012], демографическая составляющая РМЭ имеет следующую этническую структуру: марийцы (титulyный этнос, определивший название республики) составляют 41,8%; русские — 45,1%; татары — 5,5%; остальные народы (удмурты, чувашаи, украинцы, евреи и др.) — 7,6%. Удельный вес марийцев в общей численности населения в 2010 году, по сравнению с 2002 годом, уменьшился на 1,1%, а по сравнению с 1989 годом, — на 1,5%; марийское население за последние 20 лет сократилось на 33,43 тыс. человек.

В соответствии с Конституцией РМЭ, принятой в 1995 году [КРМЭ 1995], государственными языками в РМЭ были провозглашены марийский (горный, луговой) и русский языки (статья 15). Язык титульного (марийского) этноса представлен в социуме в статусе родного (этнического, материнского) и государственного языка.

В научной социолингвистической литературе имеется анализ языковой ситуации в РМЭ в 1980—1990-х годах [Шабыков, Соловьев, Исанбаев 1995; Кудрявцева, Шабыков 2002; Шабыков 2011; Шабыков 2012; Шабыков, Кудрявцева, Казанцев 2014]; данная проблематика отчасти актуализирована и применительно к первому десятилетию XXI века, но, главным образом, в рамках изучения межнациональных отношений в РМЭ [СИ 2013] и места языка в системе коммуникации и этнического сознания студенческой молодежи [Кудрявцева, Шабыков 2012]. Исследования по интересующей нас теме применительно к современности активно проводятся в Чувашской Республике, но они большей частью строятся на опросах учащихся, их родителей и педагогов общеобразовательных школ [Алос-и-Фонт 2015] или, не являясь темой специального исследования, затрагиваются лишь в рамках исследования этнокультурного развития и межэтнических отношений [ЭР 2012].

Данная статья предьявляет научному миру новые социологические данные, позволяющие прояснить общую языковую ситуацию в РМЭ в начале 2010-х годов, то есть в новейших социально-общественных условиях. Она является первым опытом специального и целостного осмысления заявленной проблемы. Материалами статьи стали результаты социологического опроса среди жителей РМЭ, проведенного в 2012 году отделом социологии Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева [ЯС 2012]. В ходе исследования были опрошены 1200 респондентов в трех городах (Йошкар-Оле — 459 чел., Козьмодемьянске — 60 чел., Звенигове — 41 чел.) и 5 сельских районах республики (Звениговском — 71 чел., Горномарийском — 45 чел., Моркинском — 204 чел., Мари-Турекском — 136 чел., Советском — 184 чел.).

1. Методико-технологический инструментарий и структура исследования

Цель данной статьи — анализ общественного сознания населения РМЭ сквозь призму его отношения к языкам (в том числе к марийскому языку), оценки респондентами своей языковой компетенции, состояния языковой коммуникации, проблем и перспектив языковой политики региона.

В работе использован социологический инструментарий, традиционно используемый в исследованиях социолингвистической направленности. В опросе, который стал основным способом получения социолингвистических данных, были использованы следующие методы: 1) случайная бесповторная квотная выборка населения в возрасте 15 лет и старше; 2) формально-стандартизированное интервью. Квотная выборка рассчитывалась из генеральной совокупности населения РМЭ (в соответствии с данными переписи населения 2010 года) по возрасту, полу, образованию, национальной принадлежности и месту жительства. Объем выборки, в обязательном порядке включающий в себя три главных этноса Марий Эл (марийцы, русские и татары), и тщательный отбор анкетеров-интервьюеров позволяют обеспечить точность данных и репрезентативность исследования.

В статье выделены оппозиции (марийцы / русские — как две основные, наиболее многочисленные группы населения РМЭ; взрослое население / молодежь), что обусловило необходимость использования сравнительного метода исследования.

Структура исследования общественного сознания населения РМЭ увязана с четырьмя актуальными показателями языковой ситуации в регионе, определившими конкретную проблематику статьи: родной язык, государственные языки, языковая компетенция и двуязычие.

2. Родной язык

2.1. Выбор родного языка

В разрезе всего совокупного населения РМЭ родным языком считают: русский — 50,7% опрошенных, марийский — 34,9%, другой (не русский и не марийский) — 5,4%, русский и марийский одновременно — 6,5%. В соседних республиках, где численность титульного (нерусского) этноса превышает численность русского, процент считающих родным нерусский язык в общей совокупности опрошенных несколько выше. Так, в Чувашской Республике (ЧР) в 2011 году 35,6% респондентов назвали родным чувашский язык и только 37% назвали таковым русский язык; одновременно чувашский и русский языки назвали родными 20,3% опрошенных [ЭР 2012: 31].

Почти все русское население РМЭ (97,4%) и ЧР (95,3%) [ЭР 2012: 31] родным языком называет этнически значимый (русский) язык; все другие варианты ответа имеют минимальные численные показатели (например: марийский — 0,8%, русский и марийский одновременно — 1,6%; чувашский — 0,6%, чувашский и русский одновременно — 4,1% [ЭР 2012: 31]).

Наибольшая часть марийского населения также склонна считать родным этнический (марийский) язык (79,2%). 7,8% марийских респондентов признают родным русский язык и 12,8% — одновременно русский и марийский. Именно марийское население в наибольшей степени привержено к отказу от этнического языка и от этнической самоидентификации через него. При этом свидетельством слабого проявления этноидентичности является не только большое число марийцев (примерно пятая часть), указывающих на русскую составляющую в концепции родного языка, но и такие фактические данные, как большая доля респондентов, понимающих родной язык просто как язык, на котором говорит большинство населения региона, где они родились (41,9%), и малая доля респондентов, относящихся к родному языку как к языку той социальной среды, где они воспитывались (18,6%), и как к языку родителей (27,9%). Они не содержат выраженных признаков позитивной коннотации по отношению к своему этносу и «первородному» языку.

Данная ситуация заметно усилена в молодежной среде. Среди марийских респондентов в возрасте от 15 до 29 лет меньше (72,2%), чем среди совокупного марийского населения, считающих родным марийский язык; соответственно больше респондентов с русской составляющей в концепции родного языка — уже около 28% (11,8% родным считают русский язык и 16% — русский и марийский одновременно).

2.2. Источники изучения родного языка

Результаты исследования позволяют говорить о трех главных источниках освоения родного языка жителями РМЭ: 1) семья (в целом, среди опрошенных указали на этот источник 94,3%; среди марийцев — 93,7%; среди русских — 94,2%); 2) детский сад и школа (соответственно 56,9%, 57,4% и 59,6%); 3) друзья и сверстники (соответственно 20%, 21,9% и 18,5%). Работа и самостоятельное освоение как источники изучения родного языка в настоящее время практически не являются актуальными. Численные показатели по источникам изучения родного языка примерно одинаковы по всем этническим языкам, признаваемым родными, и по обоим самым многочисленным этносам (русским и марийцам). У молодежи несколько выше показатели по источнику «детский сад и школа» (62,9%). Марийская молодежь в большей мере, чем русская, осваивает родной язык среди друзей и сверстников, в то время как русская молодежь изучает его, в основном, в образовательных учреждениях (как государственный язык). Таким образом, повседневная коммуникация не является в настоящее время благоприятной средой для повышения компетентности русского населения в области марийского языка.

2.3. Язык общения в семье

Наибольшее число респондентов, общающихся в семье на своем этническом языке (независимо от того, признается он родным или нет), отмечено среди русского населения РМЭ. Аналогичная группа марийцев по своей численности значительно меньше, чем у русских. Так, если среди всех опрошенных русских обычно разговаривают с родителями только на русском языке 86,9% респондентов, то среди марийцев только на марийском языке говорят с родителями значительно меньше респондентов (54,2% — меньше на 32,7%).

По трем остальным аспектам общения в семье (общение между супругами, общение с детьми дошкольного и школьного возраста) разница в этнической языковой коммуникации русских и марийцев еще более существенная (Таблица 1). Так, если среди русских общаются между собой только на русском языке 98,5% супругов, то среди марийцев только на марийском языке говорит лишь примерно половина (50,1%) супругов (разница 48,4%). Аналогичная разница наиболее выражена в ответах, связанных с общением респондентов с их детьми: дошкольного возраста — 64,9%, школьного возраста — 64,2% (Таблица 1).

Таблица 1

Язык общения в семье в зависимости от национальной принадлежности*А. Общение с родителями (в % от общего числа опрошенных)*

Язык, на котором обычно разговаривают	Все респонденты		В том числе			
			марийцы		русские	
	2006	2012	2006	2012	2006	2012
только на русском	50,4	47,9	14,2	12,5	86,0	86,9
только на марийском	21,3	23,9	49,0	54,2	0,3	0,4
только на татарском	2,6	3,1	0	0,4	0	0
только на другом языке своей национальности	0,3	0,8	0	0	0	0
на русском и марийском	10,3	9,7	21,2	20,8	2,1	1,2
на русском и татарском	1,8	1,6	0	0	0,3	0
на другом (других)	0,6	1,6	0,3	0,2	0,3	0,2
не ответили	12,7	11,4	15,3	11,9	11,0	11,3

*Б. Общение с мужем/женой
(в % от числа ответивших)*

Язык, на котором обычно разговаривают	Все респонденты		В том числе			
			марийцы		русские	
	2006	2012	2006	2012	2006	2012
только на русском	61,2	60,9	22,5	25,6	98,1	98,5
только на марийском	21,4	21,9	49,8	50,1	0,5	0,7
только на татарском	2,0	2,1	0	0,3	0	0
только на другом языке своей национальности	0,1	1,1	0	0	0	0
на русском и марийском	12,3	10,8	27,0	23,7	0,9	0,5
на русском и татарском	2,5	1,8	0	0	0,2	0
на другом (других)	0,5	1,4	0,7	0,3	0,3	0,3

*В. Общение с детьми дошкольного возраста (2012 г.)
(в % от числа ответивших)*

Язык, на котором обычно разговаривают	Все респонденты	В том числе	
		марийцы	русские
только на русском	64,1	35,7	98,5
только на марийском	15,9	33,6	0,9
только на татарском	1,5	0,3	0
только на другом языке своей национальности	0,1	0	0
на русском и марийском	14,6	30,4	0,3
на русском и татарском	2,3	0	0
на другом (других)	1,5	0	0,3

Г. *Общение с детьми школьного возраста* (2012 г.)
(в % от числа ответивших)

Язык, на котором обычно разговаривают	Все респонденты	В том числе	
		марийцы	русские
только на русском	63,9	34,7	98,3
только на марийском	15,7	34,1	0,6
только на татарском	0,8	0,3	0
только на другом языке своей национальности	0,1	0	0
на русском и марийском	14,2	30,3	0,9
на русском и татарском	3,3	0	0
на другом (других)	2,0	0,6	0,2

Разница, безусловно, будет меньше, если присоединить к респондентам, предпочитающим общение только на этническом языке, тех, кто разговаривает одновременно на русском и марийском языках: с родителями — разница 13,1% (88,1% у русских и 75% у марийцев); с детьми дошкольного и школьного возраста — разница по 34,8%. Однако это не снижает актуальности проблемы межпоколенческой трансляции этнического языка, особенно — марийского. Большую часть супругов-мари не интересует эта проблема; их коммуникационная практика, как показывают результаты исследования, не отвечает декларируемым ими ориентирам на сохранение родного языка в качестве средства общения в семье и с родственниками. 89,5% респондентов-мари хотели бы, чтобы их дети знали родной язык (нежелание этого или безразличие выразили только 6,1% опрошенных); 83,5% считают обязательным для каждого человека знание своего родного языка (на необязательность указали только 7,8%). Примерно такие же позитивные декларации относительно родного языка выявлены и в молодежной среде. Декларативность подтверждается реальной ситуацией, связанной с уровнем знания детьми респондентов-мари родного (марийского) языка; ситуация заметно уступает их желаемым позициям. У 77,2% опрошенных дети знают родной язык, не знают — у 17,2%. Данные сведения, в свою очередь, не коррелируют с выявленной нами картиной языкового общения в семье (показатели еще ниже), что также позволяет говорить о том, что респонденты настроены на позитивное, но не желают или не готовы к практическим шагам по его достижению в своей конкретной жизнедеятельности.

Следует заметить, что среди супругов-мари численность тех, кто поддерживает общение только на этническом языке, в начале XXI века менялась незначительно, например, в 2006 году таковых было 49,8%, а в 2012 году их стало 50,1% (Таблица 1).

На язык общения супружеских пар активно влияет место жительства респондентов. Так, например, в 2012 году среди супружеских пар марийцев, живущих на селе, тех, кто разговаривал только на марийском языке, примерно в 3,8 раза больше, по сравнению с респондентами, живущими в городе (соответственно 60,3% и 16%). В 2006 году эти позиции отличались только примерно в 2 раза (соответственно 75,8% и 36,5%); кроме того, был выше процент супругов-селян, предпочитающих общение только на этническом языке. Как видим, во-первых, для сохранения активной семейно-коммуникативной функции марийского языка наиболее благоприятной остается сельская среда, во-вторых, намечена тенденция угасания этой функции как в деревне, так и в городе, причем, в городе она выражена сильнее.

Общение респондентов-мари со своими родителями только на своем этническом языке также наиболее популярно в сельской местности, но разница в позиции село / город в данном случае намного меньше (в 2012 году — соответственно 72,9% и 29,8%, то есть разница в 2,5 раза).

С детьми (всех возрастов) в 2006 году только на марийском языке разговаривали 41,9% родителей, в 2012 году с детьми дошкольного возраста общались 33,6% родителей-мари, школьного возраста — 34,1%.

2.4. Другие сферы использования родного языка

Кроме семьи, родной язык используется в следующих сферах жизнедеятельности (представляем данные в общей совокупности населения РМЭ и по мере убывания показателей): в общении с друзьями — 86,4%; в общественных местах (в магазине, в транспорте, на улице и т. п.) — 74,3%; в общении с коллегами по работе — 54,6%; в административных учреждениях — 35,3%; в СМС-сообщениях — 25,8%; в Интернете — 23,1%; других сферах — 4,1%. Такое соотношение показателей и их процентное содержание почти полностью повторяются в ответах молодежи.

Выявленная общая иерархия приоритетов проявляется и в разрезе этнических групп. Но показатели сильно разнятся в процентном отношении. Так, численность русских по всем сферам использования

родного (это в большинстве своем русский этнический язык) значительно превышает численность марийцев: сфера общения с друзьями — 89,8% русских и 83% марийцев; общественные места — соответственно 84,5% и 66,1%; работа — 63,9% и 47,1%. Наиболее существенная разница (примерно 30—34%) обнаруживается в таких сферах использования родного языка, как административные учреждения (53,6% русских и 19,6% марийцев), СМС-сообщения (соответственно 41% и 11,6%), интернет (39,2% и 8,3%). По двум последним сферам наибольший «разброс» отмечен у молодежи: СМС-сообщения (59,6% русских и 16% марийцев — разница 43,6%), интернет (соответственно 60,3% и 15,4% — разница 44,9%).

Таким образом, наиболее «проблемными» в плане функционирования марийского языка являются: 1) административный социум, не стимулирующий общение на языке коренного населения, и 2) электронная информационная среда, «живущая» по законам глобальной сети, которые ориентированы на самые востребованные языки международного общения (в первую очередь, английский), и технологически не подготовленная для широкого и качественного использования в ней марийского языка.

В данном контексте представляет интерес и характер ответов самих марийских респондентов, называющих родным свой этнический язык (Таблица 2).

Таблица 2

Сферы использования марийцами родного (марийского) языка в социуме
(в % от опрошенных)

Сфера использования	Родной язык	
	марийский	марийский и русский
<i>Марийское население РМЭ, в целом</i>		
в разговоре с друзьями	82,2	80,3
с коллегами по работе	43,7	47,9
в общественных местах (в магазине, в транспорте, на улице и т. п.)	67,5	46,5
в административных учреждениях	15,6	19,7
в интернете	1,8	15,5
в СМС-сообщениях	4,8	22,5
<i>Марийцы Горномарийского района</i>		
в разговоре с друзьями	100	100
с коллегами по работе	33,3	71,4
в общественных местах (в магазине, в транспорте, на улице и т. п.)	61,9	42,9
в административных учреждениях	21,4	28,6
в интернете	100	42,9
в СМС-сообщениях	2,4	42,9

Вышеприведенная таблица показывает, в целом, очень низкий уровень использования марийцами своего этнического языка, признаваемого ими родным, в ряде сфер социума, в частности, в интернете (1,8% от общего числа респондентов-мари), в СМС-сообщениях (4,8%), в административных учреждениях (15,6%); с коллегами общаются на нем менее половины опрошенных марийцев. В данном контексте несколько выделяется марийское население, признающее своим родным языком горномарийский язык (оно компактно проживает, в основном, в Горномарийском районе РМЭ): оно больше, чем марийское население в общей своей массе, общается на родном языке с друзьями и в интернете, и меньше — с коллегами на работе и в общественных местах, то есть в открытом общественном пространстве (Таблица 2).

В позиции признания марийцами, в целом, в качестве родного одновременно марийского и русского языков данные показатели в большинстве случаев выше: ненамного — в общении с коллегами и в административных учреждениях, намного — в интернете (15,5%) и в СМС-сообщениях (22,5%). И, наоборот, ниже показатели у данной категории марийцев, по сравнению с теми, кто считает родным только свой этнический язык, в следующих случаях: общаются с друзьями на марийском языке — меньше всего лишь на 1,9% (соответственно 80,3% и 82,2%); в общественных местах — намного меньше, на 21% (46,5% и 67,5%). Такое явление, безусловно, свидетельствует о продолжающемся интенсификации обрусения марийцев. Можно говорить о наличии в марийской среде сильного психологического фактора, мешающего в условиях общественного доминирования русского языка свободно и с легкостью отдавать предпочтение в общении в наиболее людных местах (в магазине, в транспорте, на улице и т. п.) родному этническому языку, а не иному (русскому) языку, признаваемому родным.

3. Государственные языки

3.1. Знание правовых основ функционирования государственных языков

Примерно пятая часть всего населения РМЭ, а также 28,3% русских жителей отметили, что не знают главной языковой статьи Конституции РМЭ, провозглашающей русский и марийский языки в качестве государственных языков. Наиболее осведомленными и заинтересованными в этом вопросе являются марийцы: 80,6% респондентов-мари (русских — 64,7%) и 80,5% молодых марийцев заявили о том, что знают о языках РМЭ с государственным статусом. Игнорирование вопроса о государственных языках особенно сильно проявляется в русской молодежной среде (35,8% опрошенных ответили, что не знают данной конституционной статьи, 7,9% затруднились с ответом).

3.2. Отношение к необходимости владения государственными языками

На вопрос анкеты «Необходимо ли для всего населения РМЭ владение государственными языками?» получены следующие данные (См. Таблица 3).

1) В разрезе всего населения выявлены: безоговорочное признание всеми этническими группами (в том числе марийцами — 92,6%) необходимости владения русским государственным языком; отсутствие такого единодушия относительно марийского государственного языка (33,9% русских респондентов отрицают необходимость владения им, 29,5% считают, что это необходимо только для представителей отдельных профессий и руководящих работников, «необходимо для всех» указали только 16,9%); наличие в самой марийской среде людей (11,2%), не разделяющих доминирующего мнения их сородичей (за необходимость владения марийским государственным языком высказались 54,2% респондентов-мари); безразличие к проблеме государственных языков (особенно в части марийского языка) со стороны большого числа русских респондентов (15,7% уклонились от ответа и 4% вовсе не стали отвечать на поставленный вопрос); примерно одинаковая степень осознания всем населением и двумя наиболее многочисленными этносами республики того, что владение обоими государственными языками необходимо для представителей отдельных профессий и руководящих работников (на уровне 23—30%).

Таблица 3

Мнение респондентов о необходимости владения государственными языками для всего населения РМЭ в зависимости от национальности (в% от числа опрошенных)

А. Русским государственным языком

Ответы	Все население	В том числе				
		национальность		вся молодежь	молодежь	
		марийцы	русские		национальность	марийцы
необходимо для всех	94,8	92,6	96,4	94,6	94,1	94,7
необходимо, но только для представителей отдельных профессий и руководящих работников	0,9	0,9	1,0	0,3	0	0,7
в этом нет необходимости	1,0	0,7	1,2	0,9	0	2,0
затрудняюсь ответить	1,7	2,2	1,4	2,3	1,8	2,6
не ответили	1,6	3,6	0	1,9	4,1	0

Б. Марийским государственным языком

Ответы	Все население	В том числе				
		национальность		вся молодежь	молодежь	
		марийцы	русские		национальность	марийцы
необходимо для всех	32,9	54,2	16,9	32,9	56,2	13,2
необходимо, но только для представителей отдельных профессий и руководящих работников	26,9	23,0	29,5	25,1	19,5	31,1
в этом нет необходимости	24,2	11,2	33,9	27,4	8,9	41,7
затрудняюсь ответить	12,3	9,2	15,7	12,9	13,0	12,6
не ответили	3,7	2,4	4,0	1,7	2,4	1,3

2) В разрезе молодежного сознания: признаки интерференции мнений молодежи в общей ее совокупности и всего населения республики по всем позициям; наличие по вопросу владения марийским государственным языком большей определенности и элементов радикализма, меньшее проявление уклончивости в ответах респондентов, взятых в их этническом сообществе, (например, среди русской молодежи примерно на 6% меньше, чем среди всего русского населения РМЭ, тех, кто затруднился с ответом или не ответил на поставленный вопрос).

За необходимость владения марийским государственным языком чуть реже, по сравнению со всем населением РМЭ, выступает марийская молодежь («необходимо для всех» сказали 56,2% марийцев); русская молодежь, наоборот, более выражено проявляет свое негативное отношение к этому (41,7% респондентов дали категоричный ответ «в этом нет необходимости», только 13,2% высказались за обязательное владение им — данные показатели у русской молодежи, по сравнению с показателями у русского населения РМЭ, в целом, выражены гораздо более отчетливо). Почти треть русской молодежи (31,1%) склонна считать, что это необходимо только для представителей отдельных профессий и руководящих работников. Следовательно, имеет место диспропорция общественного мнения: русская молодежь не осознает свои правовые обязательства относительно марийского государственного языка в той мере, как осознает такие права марийская молодежь относительно русского государственного языка (94,1% марийской молодежи считает необходимым обязательное владение им).

3.3. Роль школы в развитии и сохранении государственных языков

Значительное большинство совокупного населения РМЭ (83,4%), а также марийцев (86,9%) и русских (81,3%) считают, что развитию и сохранению государственного языка способствует школа; за ней не видят такой функции только 11,5% респондентов (7,9% марийцев и 14,4% русских).

Однако при расшифровке государственного языка (русский или марийский) картина заметно меняется. Когда речь идет о роли школы в развитии и сохранении русского государственного языка, позитивный ответ дают 95,1% жителей РМЭ; применительно к марийскому государственному языку этот показатель намного меньше — 71,7%. Такая существенная разница проистекает, главным образом, из мнения русских респондентов, 27,3% которых (у молодежи еще больше — 32,5%) снимают со школы всякую ответственность за будущее марийского языка (признают такую ответственность примерно 65%).

Среди марийцев (и в целом, и среди молодежи) роль современной школы в развитии и сохранении марийского государственного языка отмечают примерно 81% респондентов, не признают ее — около 15%. Марийское население в большинстве своем (74,5%) убеждено в том, что преподавание в школе марийского языка — это главный фактор его сохранения (среди русских такого мнения придерживаются только 41,4%). Все остальные ответы на вопрос, для чего необходимо в школе преподавать марийский язык, в процентном отношении заметно уступают ответу «для сохранения языка»: для воспитания взаимного уважения и понимания друг к другу — 39,7%, для формирования чувства принадлежности к РМЭ — 35,9%, в целях соблюдения Закона РМЭ «О языках в Республике Марий Эл» — 24,8%, для оздоровления — 21,7%, для карьерного роста — 2,2%.

Правовой нигилизм русского населения РМЭ относительно марийского государственного языка наиболее ярко просматривается в ответах на вопрос «Как вы считаете, есть ли необходимость в преподавании государственного марийского языка во всех школах РМЭ?». Если среди марийцев такую необходимость признают 71,4% респондентов, то среди русских таковых примерно в 2,3 раза меньше (31,1%). Около половины (45,6%) всего русского населения РМЭ и более половины русской молодежи (51%) отрицают необходимость преподавания марийского языка во всех школах; около четверти русских жителей республики (23,3%) и почти 20% молодых русских респондентов отнеслись к проблеме индифферентно (уклонились от ответа). В целом, только 47,9% жителей РМЭ, ответивших на вышеуказанный вопрос положительно, адекватно воспринимают правовые шаги, направленные на обеспечение равноправного с русским конституционного статуса марийского языка. Допущение в сознании русского населения РМЭ возможности невыполнения языковых пунктов законодательства, обязательных для выполнения в правовом государстве, просматривается и в том, что только 8,2% русских респондентов (на 16,6% меньше, чем марийцев) целью преподавания марийского языка в школе считают соблюдение Закона РМЭ «О языках в Республике Марий Эл». Заметим также, что русские почти в два раза меньше, чем марийцы, связывают с его изучением в школе формирование чувства принадлежности к РМЭ.

4. Языковая компетенция

Одним из факторов современной языковой ситуации, важнейшим показателем эффективности языковой политики и индивидуальных языковых траекторий является языковая компетенция населения, ко-

торая будет рассмотрена нами по таким параметрам, как уровень владения языками, желание / нежелание изучать марийский язык, состояние с чтением текстов на марийском языке.

4.1. Уровень владения языками

Практически все население РМЭ (98,6%) полноценно владеет русским языком, то есть пишет, читает и говорит на нем. Полноценно владеющих другим государственным (марийским) языком значительно (почти в три раза) меньше — примерно 35% жителей республики (среди молодежи — 35,5%); не владеет им около 40% населения; 13,2% жителей (среди молодежи — почти 15%) понимают марийскую речь, но не говорят на этом языке (Таблица 4).

Таблица 4

Языковая компетенция населения РМЭ
(в % от числа опрошенных)

Языки	Пишу, читаю, говорю	Читаю, говорю, но писать не умею	Говорю, но читать и писать не умею	Говорю с затруднениями	Понимаю, но не говорю	Не владею	Не ответили
русский	98,6	0,2	0,1	0,2	0,0	0,3	0,6
марийский	34,8	4,1	2,6	3,3	13,2	39,8	2,2
татарский	3,9	0,9	1,5	1,2	4,0	85,0	3,5
чувашский	1,3	0,2	0,2	0,1	2,1	91,7	4,4
удмуртский	0,2	0,2	0,2	0,2	0,6	93,8	4,8
английский	4,3	1,1	0,9	8,3	5,4	75,7	4,3
другие	2,1	0,4	0,3	0,8	0,5	47,2	48,7

Полноценно владеют главным языком международного общения (английским) 4,3% населения; 8,3% — с затруднениями, но могут участвовать в устном общении на этом языке; не владеют им 75,7% респондентов.

Конкретизация полученной в ходе социологического опроса информации с учетом этнического фактора позволяет представить более объективную картину языковых интенций и компетенций граждан, в том числе выявить признаки внутренней конфликтности общественного сознания РМЭ. Особенно четко проявляется это относительно владения марийским языком. Если среди марийцев полноценно владеют им 76,6% и вообще не владеют им 2%, то среди русских полноценно владеют им только 2,2% и совсем не владеют им 70,3% опрошенных. Вся молодежь, в целом, достаточно категорична и «несговорчива» относительно равноправного функционирования в обществе обоих государственных языков, как это было показано выше, в вопросе реальной языковой компетенции проявляет несколько более мягкую, по сравнению с совокупным населением РМЭ, позицию. Так, среди русской молодежи чуть больше, чем среди всего русского населения, тех, кто полноценно владеет марийским языком (соответственно 3,3% и 2,2%), больше тех, кто понимает, но не говорит (соответственно 21,9% и 19,3%) и почти на 6% меньше тех, кто вообще не владеет им (соответственно 64,9% и 70,3%). На этом фоне в определенной мере проигрывает марийская молодежь, проявляющая, по сравнению со всем марийским населением РМЭ, в целом, больше либерализма по отношению к своей компетенции в области марийского языка: полноценно владеют им 74,6%, что на 2% меньше относительно показателя по всему марийскому населению республики.

Структура лингвокомпетенции марийского населения в сфере марийского языка по результатам социологического анализа выглядит следующим образом:

- 1) пишут, читают, говорят — 76,6%,
- 2) читают, говорят, но писать не умеют — 8,3%,
- 3) говорят, но читать и писать не умеют — 4,9%,
- 4) говорят с затруднением — 2,7%,
- 5) понимают, но не говорят — 5,1%,
- 6) не владеют — 2%,
- 7) не желали оценить свою компетенцию — 0,4%.

Как видим, около четверти марийского населения (23%) владеет неполноценно или вообще не владеет своим этническим языком. Численность этой категории населения, а также численность респондентов, полноценно владеющих им, в начале XXI века держатся примерно на одном уровне (2001 год — соответственно 24,6% и 75,4%, 2006 год — 24,4% и 74,9%). Очевидно, что такая стагнационная ситуация,

фиксирующая факт сохранения сложившихся к началу XXI века компетентностных характеристик марийского языка применительно к марийскому населению, при наличии значительного числа неполноценно владеющих и не владеющих им не может рассматриваться как признак его полноценного развития.

Более благополучная ситуация складывается в этом плане с жителями Горномарийского района. Среди них нет тех, кто вообще не владеет горномарийским языком. По сравнению с общими показателями по марийскому населению РМЭ, у них выше процент полноценно владеющих горномарийским языком (83,7%) и ниже процент по позициям неполноценного владения им («читают, говорят, но писать не умеют», «говорят, но читать и писать не умеют», «понимают, но не говорят» — по 4,1%).

В плане сохранения полноценной коммуникации на марийском языке наибольшее беспокойство вызывает городское марийское население, которое по этнолингвокомпетенции заметно уступает сельскому населению:

- 1) пишут, читают, говорят — 91,3% сельских мари, городских — 51,2%,
- 2) читают, говорят, но писать не умеют — соответственно 2,3% и 18%,
- 3) говорят, но читать и писать не умеют — 3% и 7,1%,
- 4) говорят с затруднением — 1,7% и 4,8%,
- 5) понимают, но не говорят — 1% и 12,5%,
- 6) не владеют — 0% и 5,4%.

4.2. Желание/нежелание изучать марийский язык

Респондентам, не знающим марийский язык, был задан вопрос о том, хотят ли они его изучать; и были получены следующие результаты: 1) хотели бы его изучать среди марийцев — 58,1%, среди русских — 13,4%; 2) не хотели бы — соответственно 28,4% и 75%; 3) не знают, хотят они или нет, — соответственно 13,5% и 11,4%. Процент желающих изучать марийский язык среди не знающей его русской молодежи выше, чем среди всего аналогичного русского населения РМЭ (16,8% против 13,4%), а не желающих, наоборот, меньше (71,9% против 75,2%).

Респонденты-марийцы, не знающие марийского языка (21 человек из 519 опрошенных марийцев указал на незнание этнического языка), свое нежелание его изучать объясняют следующими причинами (представляем их в порядке убывания значимости): не востребованность марийского языка в их повседневной жизни (28,6%), отсутствие желания (23,8%), безразличие (19%), ненужность языка в их профессиональной деятельности (14,3%), отсутствие способностей для изучения языков (9,5%).

У русских респондентов (403 человека из 563 опрошенных русских указали на незнание марийского языка) также на первом месте находится не востребованность языка в их повседневной жизни, но показатель почти в два раза выше (54,1%); на втором месте — отсутствие желания (также со значительно превышающим уровнем значения — 30,8%); на третьем месте — не безразличие, как у марийцев, а ненужность марийского языка в профессиональной деятельности (14,9%); на четвертом месте — безразличие (данный показатель у русских, по сравнению с марийцами, ниже и составляет 12,7%). У русской молодежи, не знающей марийского языка, по первой (не востребованность в повседневности) и четвертой (безразличие) позициям количественные данные, по сравнению с совокупным русским населением, не знающим этого языка, выше на 5%, по второй — (отсутствие желания) — выше даже на 7,5%. Это позволяет утверждать, что у русской молодежи сильнее выражен эмоциональный фактор в восприятии марийского (неродного, но государственного) языка.

4.3. Чтение текстов на марийском языке

Русские респонденты в большинстве своем не видят необходимости в чтении на марийском языке ни художественной литературы (83,1%), ни газет (82,3%), ни журналов (83,1%). Примерно на таком же уровне находятся ответы представителей русской молодежи.

Что касается марийцев, то обращает на себя внимание «пестрота» их ответов как относительно видов текстов, так и самого характера отношения к ним. Наибольшее внимание (читают постоянно или иногда) они уделяют марийским газетам (70,5%, в целом, и среди сельских мари — 85,3%, городских — 45,2%), наименьшее — журналам (47%); художественную литературу на марийском языке постоянно или иногда читают около половины опрошенных марийцев (49,4%). Соответственно по газетам получено наименьшее количество ответов «нет необходимости в их чтении» (17,2%, но среди городских мари — 35,1%). Не видят необходимости в чтении художественной литературы 28,1% марийцев, журналов — 23,9%. Почти четвертая часть марийцев отмечает, что им недоступны журналы на марийском языке (24,5%). Таким образом, марийское население в большинстве своем предпочтение отдает более доступной, ин-

формативной, публицистической, а не образной (изящной) словесной культуре. Численность постоянно читающих художественную литературу и журнальную продукцию среди марийцев очень немногочисленная, она составляет примерно 11—12%.

Если среди всего марийского населения постоянно и иногда читающие газеты респонденты составляли примерно одинаковое количество (соответственно 34,1% и 36,4%), то среди молодежи их показатели значительно разнятся (20,1% и 39,1%). Среди них меньше постоянно обращающихся к марийским газетам, что указывает на обозначившуюся тенденцию убывания интереса молодежи к чтению марийских текстов (Таблица 5).

Таблица 5

Чтение молодежью РМЭ текстов на марийском языке
в зависимости от национальности (в% от числа опрошенных)

	Все население	В том числе	
		марийцы	русские
<i>А. Читают художественную литературу</i>			
Постоянно	5,3	11,2	0,7
Иногда	17,4	33,1	4,0
Нет возможности	10,5	14,8	5,3
Нет необходимости	60,9	37,3	82,8
Не ответили	5,9	3,6	7,2
<i>Б. Читают газеты</i>			
Постоянно	9,5	20,1	0,7
Иногда	19,5	39,1	4,0
Нет возможности	8,4	9,5	6,0
Нет необходимости	56,7	27,8	82,1
Не ответили	5,9	3,6	7,2
<i>В. Читают журналы</i>			
Постоянно	2,7	5,3	0,7
Иногда	17,6	35,5	3,3
Нет возможности	12,8	20,1	5,3
Нет необходимости	59,7	32,5	83,4
Не ответили	7,2	6,6	7,3

Об этом же свидетельствует и заметная количественная разница между всем марийским населением республики и марийской молодежью по ответу «нет необходимости»: по художественной литературе разница составляет 9,2% (соответственно 28,1% и 37,3%), газетам — 10,6% (17,2% и 27,8%) и журналам — 8,6% (23,9% и 32,5%).

5. Двуязычие

Как известно, главным средством достижения в обществе межнационального согласия и основным фактором этнокультурной интеграции, предполагающей налаживание доброжелательного взаимодействия этносов на общезначимой почве и с сохранением их самобытной культуры, традиций, является двуязычие. Рассмотрим его состояние и проблемы в РМЭ в социологическом дискурсе.

5.1. Состояние двуязычия

Значительная часть населения РМЭ справедливо считает, что двуязычие в республике еще не сформировано и больше используется русский язык, чем марийский. Такой ответ получен от 64,5% респондентов, в том числе от 73% марийцев и 57% русских. Разница в ответах марийцев и русских, видящих функциональное доминирование в обществе русского языка, составляет 16%. Как видим, у русского населения отмечена более спокойная реакция на существующее положение дел. У данной этнической группы имеют место и несколько завышенные оценки реального места марийского языка в обществе. Так, 14,9% русских отметили, что марийский язык, как и русский, функционирует в полной мере. В этой же этнической группе обнаружен достаточно высокий процент отстранившихся от ответа (22,5% респондентов либо не смогли высказаться определенно, либо, вообще, не стали отвечать на вопрос). Отме-

ченные факты могут свидетельствовать о наличии в социуме этнически окрашенных общественных сил, осознанно/неосознанно препятствующих процессу формирования равноправного языкового сообщества, конструктивному диалогу народов и этнической интеграции.

Русская молодежная среда по рассматриваемому вопросу демонстрирует следующее: в ней такое же большое, как и у всего населения, в целом, количество респондентов, отстранившихся от ответа (22,5%); нет завышенных оценок (идеализации ситуации по тем или иным причинам) по поводу функционирования в обществе марийского языка, рефлексия двуязычия более категоричная и объективная, по сравнению с русским населением РМЭ, в целом (про функционирование русского и марийского языков в полной мере говорят 10,6%, что на 4,5% меньше); несколько выше у молодежи показатели по признанию доминирующей роли русского языка (59,6% — на 2,6%) и признанию полноценного функционирования обоих языков (7,3% — примерно на 2%). Отметим, что мнение марийской молодежи по большинству пунктов совпадает с оценкой всего совокупного марийского населения.

Главными причинами отсутствия полноценного двуязычия в обществе русское население РМЭ называет следующие (Таблица 6): «не все жители республики владеют русским и марийским языками» — 61,2%; «нет желания изучать марийский язык» — 44% (у русской молодежи — даже 51,7%); «нет уважения к языкам» — 16,3%. По мнению марийского населения, главными факторами, препятствующими установлению такого двуязычия (причем, все показатели выше, чем у русских респондентов) являются: «не все жители республики владеют русским и марийским языками» (62,5%), «нет уважения к языкам» (43,8%), «нет желания изучать марийский язык» (31,7%), «марийский язык не функционирует в органах государственной власти» (25,7%), «не ведется делопроизводство на марийском языке» (14,9%). Последние два фактора, связанные с функционированием в обществе марийского языка, в восприятии русского населения представляют интерес в значительно меньшей мере, чем для марийского населения (непредставление марийского языка в органах государственной власти — 10%, отсутствие делопроизводства на нем — 4,4%).

Таблица 6

Причины отсутствия полноценного двуязычия в РМЭ
в зависимости от национальности (в% от числа опрошенных)

Причины	Все население	В том числе	
		марийцы	русские
не все жители республики владеют русским и марийским языками	62,3	62,5	61,2
не ведется делопроизводство на марийском языке	9,0	14,9	4,4
нет уважения к языкам	28,2	43,8	16,3
нет уважения к русскому языку	2,4	2,7	2,0
марийский язык не функционирует в органах государственной власти	16,7	25,7	10,0
недостаточно возможности для получения образования на марийском языке	7,3	10,0	5,2
не хватает финансовых средств для развития двуязычия	3,9	4,5	4,0
нет современных учебников по марийскому языку	6,1	10,1	3,6
нет желания изучать марийский язык	38,3	31,7	44,0
другое	1,2	0,9	1,2

5.2. Меры для достижения полноценного двуязычия

Для достижения равноценного использования обоих государственных языков РМЭ респонденты предлагают ряд системных мер на правительственном, административном уровне, среди которых ключевыми являются следующие: шире использовать двуязычие в СМИ — 34,2%; во всех государственных учреждениях обязательно начинать официальные мероприятия с приветствия на марийском языке — 29,3%; ввести обязательное обучение марийскому языку во всех учебных заведениях — 29%; ввести обязательные курсы марийского языка для работников государственных учреждений — 28,3%. Этим же мерам отдают предпочтение марийцы. Однако они у них имеют более выраженный характер — соответственно 38,5%, 43,1%, 40% и 40%. Для русских вышеназванные мероприятия (кроме более широкого использования двуязычия в СМИ) гораздо менее привлекательны — соответственно 31,1%, 19,7%, 20,1% и 19,9%. Для марийских респондентов больше, чем для русских, имеет значение ведение делопроизводства на государственных языках (соответственно 11,6% и 7,2%). Аналогичная картина пред-

ставлена и в ответах молодежи. Исключение составляет следующее: марийская молодежь гораздо меньше, чем все марийское население, придает значение обязательным курсам русского языка для работников государственных учреждений (соответственно 33,1% и 40%); также в меньшей мере признает их ценность и русская молодежь, по сравнению со всем русским населением республики (соответственно 16,6% и 19,9%); русская молодежь в большей степени, чем молодые респонденты-мари, а также чем русское население республики, в целом, актуализирует введение обязательных курсов русского языка для работников государственных учреждений.

Расширение сферы функционирования марийского языка в информационном пространстве (СМИ, интернете), что могло бы стать одним из средств достижения полноценного двуязычия, оценивают как позитивный факт 35,3% опрошенных в РМЭ (причем, марийцы намного больше, чем русские, — соответственно 57,6% и 19,9%), а также 32,8% молодежи (также с большой разницей между марийцами и русскими). Безразличие к этому вопросу наиболее выражено среди русских респондентов. Так, если среди марийцев ответы «это никому не нужно» и «меня это не касается», в целом, по РМЭ дали 20,5% опрошенных и среди молодежи 18,5%, то среди русских значительно больше — соответственно 33,3% и 43,4%.

Для достижения равноправного функционирования обоих государственных языков, очевидно, необходима поддержка менее защищенного языка, каковым является марийский язык, повышение его престижа в обществе. Респонденты-мари в качестве основных путей укрепления его престижа представляют следующее (приводим в порядке их значимости): 1) создание отдельного спутникового телеканала «Марийский мир» для освещения на марийском языке событий в республике и в местах компактного проживания мари — указали 60% опрошенных (у русских данный показатель также на первом месте — 31,1%, однако выбравших этот, а также другие показатели, которые будут названы ниже, примерно в два раза ниже); 2) популяризация на центральном российском телевидении национальной культуры, современных марийских исполнителей — 58,2% (русские — 28,1%); 3) введение во всех детских садах и школах республики обязательного преподавания государственного марийского языка — 53,6% (русские — 20,9%); 4) организация производства, тиражирования и распространения художественных, документальных, мультипликационных фильмов на марийском языке (с субтитрами на русском и английском) — 35,3% (русские — 17,3%); 5) объявления на вокзалах, в транспорте на русском и марийском языках — 24,5% (русские — 13,3%); 6) широкое использование рекламы на марийском языке (телевидение, радио, реклама на улице) — 21,2% (русские — 10,6%); 7) создание Интернет-канала (IP-телевидения) на марийском языке — 20,7% (русские — только 8,2%); 8) материальное стимулирование государственных служащих, выучивших марийский язык — 16,5% (по данной позиции русские не просто единодушны с марийцами, но даже чуть активнее их — 17,1%). Последнее положение, очевидно, следует рассматривать в русле прагматических установок населения, не очень желающего, но обязанного, согласно Конституции, изучать чужой этнический язык, и нельзя не учитывать его в реализации языковой политики.

Заключение

Анализ языковой ситуации в РМЭ в начале 2010-х годов позволяет утверждать, что максимальной защищенностью в социуме как в объективном, так и субъективном планах обладает русский государственный язык; он признается родным языком всем русским населением и большей частью нерусских этносов РМЭ; он обязателен для изучения и использования в обществе.

Марийским государственным языком владеют не все представители самого марийского населения республики; несмотря на то, что он изучается во многих школах, им владеет лишь небольшая часть самого многочисленного в РМЭ — русского — этноса. Не вся марийская молодежь по языковому признаку идентифицирует себя со своим этносом.

Обращают на себя внимание два процесса, неблагоприятным образом влияющие на сохранение и развитие марийского (государственного и родного) языка. Один из них исходит от русского населения — это нежелание признавать и участвовать в практической реализации конституционного статуса марийского языка и формирования в республике полноценного двуязычия (марийско-русского + русско-марийского). Второй связан с самим марийским населением — это сохранение индифферентных тенденций относительно своего этнического языка, что подтверждается и анализом уровнем беспокойства за судьбу марийского языка. Для русских — это вопрос, в основном, за пределами их интересов (62,3% ответили, что не беспокоятся, а 14,5% затруднились с ответом). Для марийцев, казалось бы, — это один из важнейших вопросов, диагностирующих уровень их этнической самоидентификации. Однако среди них сохраняется немалый процент равнодушных к судьбе этнического языка: 12,1% респондентов совсем не беспокоятся о будущем их этнического языка и 10,7% затруднились с ответом. Потенциальная опасность этих процессов особенно четко прослеживается в общественном сознании молодежи.

Приложение.**ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!**

Марийский научно-исследовательский институт проводит социологический опрос населения республики с целью изучения отношения населения Республики Марий Эл к проблеме сохранения и развития государственных языков: русского и марийского.

Просим Вас внимательно ознакомиться с каждым вопросом анкеты, выбрать один из вариантов ответов к нему, наиболее полно совпадающий с Вашим мнением, и обвести кружком соответствующую ему цифру. Если ни один из предложенных вариантов не отражает Вашего мнения, напишите свое мнение на специально отведенных для этого строчках.

Данный опрос является анонимным. Лицам, проводящим опрос населения, не разрешается сообщать кому-либо сведения, содержащиеся в анкете.

От точности Ваших ответов зависят результаты исследования, которые будут использованы при формировании государственной политики и образовательных программ.

По всем вопросам, связанным с организацией и проведением исследования, Вы можете обратиться в МарНИИЯЛИ им. В. М. Васильева по адресу: 424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, д. 44, тел. 8(8362) 45-06-81.

НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ О ВАШЕМ РОДНОМ ЯЗЫКЕ**1. СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КАКОЙ ЯЗЫК (ЯЗЫКИ) ВЫ СЧИТАЕТЕ РОДНЫМ?**

- 1) марийский
- 2) русский
- 3) другой (напишите) _____
- 4) русский и марийский
- 5) русский и другой (напишите) _____

2. ЧТО ОЗНАЧАЕТ ДЛЯ ВАС РОДНОЙ ЯЗЫК?

- 1) родной язык — это язык матери
- 2) родной язык — это язык отца
- 3) родной язык — язык, на котором говорит большинство населения, где Вы родились
- 4) родной язык — язык социальной среды, где Вы воспитывались
- 5) родной язык — это язык, усвоенный в детстве
- 6) родной язык — это язык родителей
- 7) ничего не означает
- 8) другое (напишите) _____

3. ГДЕ ВЫ ОСВАИВАЛИ РОДНОЙ ЯЗЫК? (Можно дать несколько ответов)

- 1) в семье
- 2) в детском саду, школе
- 3) среди друзей и сверстников
- 4) на работе
- 5) на языковых курсах
- 6) изучал(а) самостоятельно
- 7) где еще (напишите)

4. КАК ДОЛГО ВЫ ИЗУЧАЛИ В ШКОЛЕ РОДНОЙ ЯЗЫК?

- 1) 1—2 года 4) 7—8 лет
- 2) 3—4 года 5) 9—10 лет
- 3) 5—6 лет 6) не изучал(а)
- 7) другое

5–8. НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ВЫ ОБЫЧНО РАЗГОВАРИВАЕТЕ СО СВОИМИ
(в каждом столбце выберите один ответ):

	5. Родителями	6. Мужем (женой)	7. Дети дошкольного возраста	8. Дети школьного возраста
только на русском	1)	1)	1)	1)
только на марийском	2)	2)	2)	2)
только на татарском	3)	3)	3)	3)
только на другом языке своей национальности	4)	4)	4)	4)
на русском и марийском	5)	5)	5)	5)
на русском и татарском	6)	6)	6)	6)
на русском и другом языке своей национальности	7)	7)	7)	7)
на другом	8)	8)	8)	8)

9. КРОМЕ СЕМЬИ, ГДЕ ЕЩЕ ВЫ ИСПОЛЬЗУЕТЕ РОДНОЙ ЯЗЫК? (Можно дать несколько ответов)

- 1) в разговоре с друзьями
- 2) с коллегами по работе
- 3) в общественных местах (в магазине, транспорте, на улице и т. п.)
- 4) в административных учреждениях
- 5) в Интернете
- 6) в СМС-сообщениях
- 7) другое (напишите) _____

10. ХОТИТЕ ЛИ ВЫ, ЧТОБЫ ВАШИ ДЕТИ ЗНАЛИ РОДНОЙ ЯЗЫК?

- 1) да
- 2) нет
- 3) мне это безразлично

11. ЕСЛИ У ВАС ЕСТЬ ДЕТИ, ТО ЗНАЮТ ЛИ ОНИ РОДНОЙ ЯЗЫК?

- 1) да
- 2) нет
- 3) затрудняюсь ответить

12. ДОЛЖНО ЛИ БЫТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ ДЛЯ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА ЗНАНИЕ СВОЕГО РОДНОГО ЯЗЫКА?

- 1) да, обязательно
- 2) нет, не обязательно
- 3) не задумывался об этом

ТЕПЕРЬ НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ О ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ

13–19. НАСКОЛЬКО ХОРОШО ВЫ ВЛАДЕЕТЕ нижеуказанными языками (дайте по каждой строке один ответ):

	Пишу, читаю, го- ворю	Читаю, говорю, но писать не умею	Говорю, но читать и писать не умею	Говорю с затруд- нением	Понимаю, но не говорю	Не владею
13. Русским	1	2	3	4	5	6
14. Марийским	1	2	3	4	5	6
15. Татарским	1	2	3	4	5	6
16. Чувашским	1	2	3	4	5	6
17. Удмуртским	1	2	3	4	5	6
18. Английским	1	2	3	4	5	6
19. Другими (напишите)	1	2	3	4	5	6

20. НЕОБХОДИМО ЛИ ДЛЯ ВСЕГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ ВЛАДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ЯЗЫКАМИ? (в каждом столбце выберите один ответ)

	20.1. Русским	20.2. Марийским
Необходимо для всех	1	1
Необходимо, но только для представителей отдельных профессий и руководящих работников	2	2
В этом нет необходимости	3	3
Затрудняюсь ответить	4	4

21. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЕСТЬ ЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ В ПРЕПОДАВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА ВО ВСЕХ ШКОЛАХ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ?

- 1) да 2) нет 3) затрудняюсь ответить

22. КАКУЮ РОЛЬ ИГРАЕТ СОВРЕМЕННАЯ ШКОЛА В РАЗВИТИИ И СОХРАНЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ? (в каждом столбце выберите один ответ)

	22.1. Русского	22.2. Марийского
Школа способствует развитию и сохранению языка	1	1
Школа не способствует развитию и сохранению языка	2	2
Другое (напишите)	3	3

23. КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, ЕСЛИ В ШКОЛЕ ПРЕПОДАВАТЬ МАРИЙСКИЙ ЯЗЫК, ТО ДЛЯ ЧЕГО (можно дать не более трех ответов)?

- 1) для ознакомления
- 2) для сохранения языка
- 3) для формирования чувства принадлежности к Республике Марий Эл
- 4) для карьерного роста
- 5) для формирования взаимного уважения и понимания друг к другу
- 6) соблюдая Закон о языках в Республике Марий Эл
- 7) другое (напишите) _____
- 8) затрудняюсь ответить

24. КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, ЧТО ДОЛЖНА УЧИТЫВАТЬ ШКОЛА ПРИ ПЛАНИРОВАНИИ ПРЕПОДАВАНИЯ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА И ДРУГИХ ПРЕДМЕТОВ С НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫМ СОДЕРЖАНИЕМ? (можно дать несколько ответов)

- 1) нужно учитывать загруженность учащихся
- 2) нужно учитывать национальность учащихся
- 3) учитывать мнение родителей и интерес учащихся
- 4) учитывать мнение национальных общественных организаций
- 5) учитывать мнение религиозных организаций
- 6) учитывать требования закона «О регулировании отношений в сфере образования на территории Республики Марий Эл»
- 7) другое (напишите) _____
- 8) затрудняюсь ответить

25. БЕСПОКОИТЕСЬ ЛИ ВЫ ЗА БУДУЩЕЕ РУССКОГО ЯЗЫКА?

- 1) да, беспокоюсь
- 2) нет, не беспокоюсь
- 3) затрудняюсь ответить

26. СУЩЕСТВУЕТ МНЕНИЕ, ЧТО СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК ИЗЛИШНЕ НАПОЛНЕН (в каждой строке выберите один ответ):

	согласен	не согласен	мне это безразлично
26.1. Иностранными словами, терминами	1	2	3
26.2. Нецензурными выражениями	1	2	3
26.3. Блатными выражениями	1	2	3

27. СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО ШИРОКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВЫШЕУПОМЯНУТЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ (вопрос 26) НЕГАТИВНО СКАЗЫВАЕТСЯ НА РАЗВИТИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА?

- 1) да 2) нет 3) затрудняюсь ответить

28. ЧТО, ПО-ВАШЕМУ МНЕНИЮ, НЕБХОДИМО ДЛЯ РАЗВИТИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА? (Можно дать несколько ответов)

- 1) увеличить количество учебных часов по русскому языку в общеобразовательных школах
2) увеличить количество учебных часов по русской литературе в общеобразовательных школах
3) запретить упоминание нецензурных выражений, блатных выражений, сленга в СМИ
4) за использование в общественных местах нецензурных выражений ввести штрафные санкции
5) другое (напишите) _____

29. БЕСПОКОИТЕСЬ ЛИ ВЫ ЗА БУДУЩЕЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА?

- 1) да, беспокоюсь
2) нет, не беспокоюсь
3) затрудняюсь ответить

30. ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО СОГЛАСНО КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ РУССКИЙ И МАРИЙСКИЙ ЯЗЫКИ ОПРЕДЕЛЕННЫ КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЕ?

- 1) да 2) нет 3) затрудняюсь ответить

31. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, В ПОЛНОЙ ЛИ МЕРЕ ФУНКЦИОНИРУЮТ РУССКИЙ И МАРИЙСКИЙ ЯЗЫКИ КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЕ?

- 1) да, в полной мере функционируют русский и марийский языки
2) больше используется русский язык, чем марийский язык
3) больше используется марийский язык, чем русский язык
4) нет, русский и марийский языки функционируют не в полной мере
5) не могу сказать определенно

32. ЕСЛИ ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО ПОЛНОЦЕННОГО ДВУЯЗЫЧИЯ В НАШЕЙ РЕСПУБЛИКЕ НЕТ, ТО ПОЧЕМУ? (Можно дать несколько ответов)

- 1) не все жители республики владеют русским и марийским языками
2) не ведется делопроизводство на марийском языке
3) нет уважения к языку
4) марийский язык не функционирует в органах государственной власти
5) недостаточно возможности для получения образования на марийском языке
6) не хватает финансовых средств для развития двуязычия
7) нет современных учебников по марийскому языку
8) нет желания изучать марийский язык
9) другое (напишите) _____

33. ЧТО НУЖНО ПРЕДПРИНЯТЬ, ЧТОБЫ В РЕСПУБЛИКЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ (РУССКИЙ И МАРИЙСКИЙ) ИСПОЛЬЗОВАЛИСЬ РАВНОЦЕННО? (Можно дать несколько ответов)

- 1) во всех государственных учреждениях обязательно начинать официальные мероприятия с приветствия на марийском языке
2) ввести обязательное обучение марийскому языку во всех учебных заведениях
3) ввести обязательные курсы марийского языка для работников государственных учреждений
4) вести делопроизводство на русском и марийском языках
5) шире использовать двуязычие в СМИ
6) ввести обязательные курсы русского языка для работников государственных учреждений
7) другое (напишите) _____

34. ВАШЕ ОТНОШЕНИЕ К РАСШИРЕНИЮ СФЕРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА В ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ

- 1) да, согласен
2) нет, не согласен

- 3) делопроизводство должно вестись на русском и марийском языках
- 4) мне безразлично

35. ВАШЕ ОТНОШЕНИЕ К РАСШИРЕНИЮ СФЕРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ (СМИ, ИНТЕРНЕТ)

- 1) это необходимо сделать
- 2) это никому не нужно
- 3) меня это не касается

ВОПРОСЫ 36 и 37 — ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ ЗНАЕТ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА, ЗНАЮЩИЕ МАРИЙСКИЙ ЯЗЫК ПЕРЕХОДЯТ К ВОПРОСУ 38.

36. ХОТЕЛИ БЫ ВЫ ИЗУЧАТЬ МАРИЙСКИЙ ЯЗЫК?

- 1) да 2) нет 3) не знаю

37. ЕСЛИ НЕ ХОТИТЕ, ТО ПОЧЕМУ? (Можно дать два ответа)

- 1) марийский язык мне не нужен в моей профессиональной деятельности
- 2) марийский язык мне не нужен в моей повседневной жизни
- 3) нет способностей к изучению языков
- 4) мне безразлично
- 5) нет желания
- 6) другое (напишите) _____

38. ЧТО НЕОБХОДИМО СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ ПОВЫСИТЬ ПРЕСТИЖ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА?

(Можно дать несколько ответов)

- 1) материально стимулировать государственных служащих, выучивших марийский язык
- 2) популяризировать на центральном российском телевидении национальную культуру, современных марийских исполнителей
- 3) создать отдельный спутниковый телеканал «Марийский мир» для освещения на марийском языке событий в республике и местах компактного проживания мари
- 4) создать Интернет канал (IP-телевидение) на марийском языке
- 5) организовать производство художественных, документальных, мультипликационных фильмов на марийском языке (с субтитрами на русском и английском), наладить их тиражирование и распространение
- 6) широко использовать рекламу на марийском языке (телевидение, радио, реклама на улице)
- 7) делать объявления на вокзалах, в транспорте на русском и марийском языках
- 8) локализовать (перевести) интерфейсы (меню) мобильных телефонов, терминалов, бытовой техники и т. д. на марийский государственный язык
- 9) ввести во всех детских садах и школах обязательное преподавание государственного марийского языка
- 10) другое (напишите) _____

РАССКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, О ВАШЕЙ СЕМЬЕ

39—40. КТО ПО НАЦИОНАЛЬНОСТИ ВАШИ РОДИТЕЛИ?

- 39. МАТЬ (напишите) _____
- 40. ОТЕЦ (напишите) _____

41. КЕМ ВЫ СЕБЯ СЧИТАЕТЕ ПО НАЦИОНАЛЬНОСТИ? (напишите) _____

42. КАКОВО ВАШЕ ОТНОШЕНИЕ К ТОМУ, ЧТО ВЫ ЯВЛЯЕТЕСЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ СВОЕЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ?

- 1) горжусь этим
- 2) доволен(-на) этим
- 3) безразличен(-на) к этому
- 4) не очень доволен(-на) этим

- 5) не доволен(-на) этим
6) затрудняюсь ответить

43. ВАШЕ СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

- 1) состою в зарегистрированном браке 4) разведен(а)
2) состою в незарегистрированном браке 5) не состоял(а) в браке
3) вдовец (вдова)

44. КТО ПО НАЦИОНАЛЬНОСТИ ВАША ЖЕНА (МУЖ) (напишите) _____

45. ВАШЕ ОТНОШЕНИЕ К МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ БРАКАМ

- 1) считаю такой брак нежелательным
2) мое отношение будет зависеть от того, с человеком какой национальности будет заключаться брак
3) считаю, что национальность в браке не имеет значения
4) положительное
5) затрудняюсь ответить

46. НА КАКОМ ИЗ НИЖЕПЕРЕЧИСЛЕННЫХ ОСНОВАНИЙ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ДОЛЖНА БЫТЬ ОПРЕДЕЛЕНА НАЦИОНАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА?

- 1) национальность отца
2) национальность матери
3) решение самого подростка
4) место проживания
5) родной язык родителей
6) язык общения между родителями и детьми
7) что-то другое (напишите) _____

47—50. СМОТРИТЕ ЛИ ВЫ ТЕЛЕПЕРЕДАЧИ НА МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ?

(в каждой строке выберите один ответ)

Каналы вещания	Смотрю регулярно	Смотрю нерегулярно	Смотрю редко	Не смотрю
47. Россия-1 (ГТРК «Марий Эл»)	1	2	3	4
48. «Культура» (ГТРК «Марий Эл»)	1	2	3	4
49. «РЕН ТВ» (Регион 12 — Марий Эл ТВ)	1	2	3	4

50. СЛУШАЕТЕ ЛИ ВЫ РАДИОПЕРЕДАЧИ НА МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ?

- 1) слушаю регулярно 3) слушаю редко
2) слушаю нерегулярно 4) не слушаю

51—52. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ДОСТАТОЧНО ЛИ ПЕРЕДАЧ НА МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

(в каждом столбце выберите один ответ):

	51. Радио	52. Телевидение
явно недостаточно, следует увеличить количество передач	1	1
пожалуй, маловато	2	2
достаточно	3	3
излишне	4	4
затрудняюсь ответить	5	5

53. ЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ НА МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (в каждом столбце выберите один ответ):

	53.1. Художественную литературу	53.2. Газеты	53.3. Журналы
постоянно	1	1	1
иногда	2	2	2
нет возможности	3	3	3
нет необходимости	4	4	4

И, НАКОНЕЦ, СООБЩИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О СЕБЕ:

54. ПОЛ: 1) мужской 2) женский

55. ВАШ ВОЗРАСТ (напишите количество полных лет): _____

56. ВАШЕ ОБРАЗОВАНИЕ:

- 1) неполное среднее
- 2) среднее (средняя школа, ПТУ)
- 3) среднее специальное (техникум, колледж)
- 4) незаконченное высшее (не менее 3 курсов вуза)
- 5) высшее
- 6) другое (напишите) _____

57. ВАШ РОД ЗАНЯТИЙ

- 1) работаю 5) не работаю по состоянию здоровья
- 2) учусь 6) безработный(-ая)
- 3) работаю и учусь 7) другое _____
- 4) нахожусь на пенсии по возрасту

58. ЕСЛИ ВЫ РАБОТАЕТЕ, ТО УКАЖИТЕ КЕМ

(укажите как можно точнее Вашу профессию)

59. КАКОВ НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ КОЛЛЕКТИВА, В КОТОРОМ ВЫ РАБОТАЕТЕ (УЧИТЕСЬ)?

- 1) преимущественно марийцы
- 2) преимущественно русские
- 3) многонациональный
- 4) другой (напишите) _____

60. В КОЛЛЕКТИВЕ КАКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА ВЫ ПРЕДПОЧЛИ БЫ РАБОТАТЬ (УЧИТЬСЯ)?

- 1) в многонациональном
- 2) желательно с людьми своей национальности
- 3) не хотелось бы работать с представителями своей национальности
- 4) национальный состав не имеет значения для совместной работы

61. ИМЕЕТ ЛИ ДЛЯ ВАС ЗНАЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ОБЩЕНИИ С ЛЮДЬМИ?

- 1) предпочитаю общаться с людьми своей национальности
- 2) не придаю никакого значения
- 3) предпочитаю общение с людьми не своей национальности
- 4) затрудняюсь ответить

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

62. КЕМ ВЫ СЕБЯ СЧИТАЕТЕ? (дайте только один ответ)

- 1) просто жителем Земли (гражданином мира)
- 2) только гражданином Республики Марий Эл
- 3) больше гражданином Республики Марий Эл, чем россиянином
- 4) в равной мере гражданином Республики Марий Эл и россиянином
- 5) больше россиянином, чем гражданином Республики Марий Эл
- 6) только россиянином
- 7) другое _____
- 8) затрудняюсь ответить

63—67. УДОВЛЕТВОРЕННЫ ЛИ ВЫ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

(в каждой строке выберите один ответ)

	не удовлетворен(а)	скорее не удовлетворен(а)	скорее удовлетворен(а)	полностью удовлетворен(а)	затрудняюсь ответить
63. Уровнем своего образования	1	2	3	4	5
64. Состоянием своего здоровья	1	2	3	4	5
65. Жилищными условиями	1	2	3	4	5
66. Уровнем материального благосостояния своей семьи	1	2	3	4	5
67. Своей жизнью в целом	1	2	3	4	5

68. КАКАЯ СУММА ДЕНЕГ ПРИХОДИТСЯ В ВАШЕЙ СЕМЬЕ В СРЕДНЕМ НА ЧЕЛОВЕКА В МЕСЯЦ?

- 1) менее 1000 рублей
- 2) 1000—2000 рублей
- 3) 2001—4000 рублей
- 4) 4001—5000 рублей
- 5) 5001—7000 рублей
- 6) 7001—15000 рублей
- 7) свыше 15000 рублей

69. МЕСТО ВАШЕГО ЖИТЕЛЬСТВА

- 1) город Йошкар-Ола
- 2) город республики
- 3) районный центр
- 4) рабочий поселок
- 5) село (деревня)

ВАШИ ПОЖЕЛАНИЯ _____

БЛАГОДАРИМ ВАС!**Сокращения**

РМЭ — Республика Марий Эл

ЧР — Чувашская Республика

Литература

Алос-и-Фонт 2015 — *Алос-и-Фонт Э.* Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике: сб. ст. // Чув. гос. ин-т гуманитар. наук; под ред. *И. И. Бойко и А. В. Кузнецова.* Чебоксары, 2015. {*Alos-i-Font E.* A study of the

linguistic situation in the Chuvash Republic: a collection of articles // Chuvash State Institute of the Humanities; Ed. I. I. Boyko and A. V. Kuznetsov. Cheboksary, 2015}

КРМЭ 1995 — Конституция Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 1995 // <http://parliament.mari.ru/title/const.html>, 1995. {Constitution of the Mari El Republic. Yoshkar-Ola, 1995 // <http://parliament.mari.ru/title/const.html>, 1995.}

Кудрявцева, Шабыков 2002 — Кудрявцева Р. А., Шабыков В. И. Республика Марий Эл: Языковая ситуация и языковая политика в сфере образования // РУДН. М., 2002. {Kudryavtseva R. A., Shabykov V. I. The Mari El Republic: linguistic situation and educational language policy // RUDN University. M., 2002.}

Кудрявцева, Шабыков 2012 — Кудрявцева Р. А., Шабыков В. И. Язык в системе коммуникации и этнического сознания обучающейся молодежи Республики Марий Эл // Вестник Марийского государственного университета. 2012, 10. С. 83—86. {Kudryavtseva R. A., Shabykov V. I. Language in the communication system and the ethnic awareness of the studying youth of the Mari El Republic // Mari State University Bulletin. 2012. Vol. 10. P. 83—86.}

НС 2012 — Национальный состав населения Республики Марий Эл (Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года): стат. сб. // Территор. орган ФСГС по РМЭ; предс. ред. коллегии А. В. Целищев. Йошкар-Ола, 2012. {Ethnic composition of the Mari El Republic population (Results of the Russian national census of 2010): collection of articles // RFSSS Territorial Body in Mari El; head editor A. V. Tselishev. Yoshkar-Ola, 2012.}

СИ 2013 — Социологические исследования межнациональных и межконфессиональных отношений, Йошкар-Ола, 2013. {Sociological studies of interethnic and interreligious relationships, Yoshkar-Ola, 2013.}

Шабыков, Кудрявцева, Казанцев 2014 — Шабыков В. И., Кудрявцева Р. А., Казанцев Д. Е. Проблема «государственного» двуязычия в восприятии обучающейся молодежи Республики Марий Эл // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2014, 2. Ч. I. С. 204—207. {Shabykov V. I., Kudryavtseva R. A., Kazantsev D. E. Problem of the “state” bilingualism through the eyes of the studying youth of the Mari El Republic // Historical, philosophical, political and legal sciences, culture studies and art theory: Questions of theory and practice. 2014. Vol. 2. Part I. P. 204—207.}

Шабыков 2011 — Шабыков В. И. Родной язык и язык общения жителей Республики Марий Эл (на материале социологических исследований рубежа XX — XXI вв.) // Проблемы филологии народов Поволжья. М.-Ярославль, 2011. С. 348—355. {Shabykov V. I. Native language and working language of the Mari El dwellers (based on material of the sociological research at the turn of the 21st cent.) // Problems in philology of the peoples of the Volga region. M.-Yaroslavl, 2011. P. 348—355.}

Шабыков 2012 — Шабыков В. И. Современные социолингвистические проблемы в Республике Марий Эл // Этнокультурная интеграция в Республике Марий Эл: проблемы реализации. Йошкар-Ола, 2012. С. 15—30. {Shabykov V. I. Modern problems of sociolinguistics on the Mari El Republic // Ethnocultural integration in the Mari El Republic: problems of realization. Yoshkar-Ola, 2012. P. 15—30.}

Шабыков, Соловьев, Исанбаев 1995 — Шабыков В. И., Соловьев В. С., Исанбаев С. Н. Межнациональные отношения в Республике Марий Эл (по материалам социологического исследования 1994 г.). Йошкар-Ола, 1995. {Shabykov V. I., Solovyev V. S., Isanbaev S. N. Interethnic relationships in the Mari El Republic (based on the sociological study of 1994). Yoshkar-Ola, 1995.}

ЭР 2012 — Этнокультурное развитие и межэтнические отношения в Чувашской Республике: науч. отчет по материалам социологического обследования 2011 г. // Чув. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары, 2012. {Ethnocultural development and interethnic relationship in the Chuvash Republic: scientific report based on the sociological survey of 2011 // Chuvash State Institute of the Humanities. Cheboksary, 2012.}

ЯС 2012 — Языковая ситуация в Республике Марий Эл: анкета. Йошкар-Ола, 2012. {Linguistic situation in the Mari El Republic: a survey. Yoshkar-Ola, 2012.}

РЕЗЮМЕ

В данной статье на основе результатов социологического исследования, проведенного в Республике Марий Эл в 2012 году, выявляются основные параметры языковой ситуации сквозь призму общественного сознания, через наиболее актуальные оппозиции: марийцы/русские (две основные, наиболее многочисленные группы населения РМЭ), взрослое население / молодежь. Особое внимание уделено социолингвистической характеристике марийского языка.

SUMMARY

In this article, key features of the linguistic situation through the prism of social consciousness in Mari El are discovered, based on the sociological study carried out in 2012. The most relevant oppositions under consideration are: the Maris versus Russians (two main and most numerous population groups of the Republic of Mari El), and the adult population versus youth. Particular emphasis has been placed on describing the Mari language from the sociolinguistic point of view.

Ключевые слова: Республика Марий Эл, социолингвистика, языковая ситуация, марийский язык.

Keywords: the Republic of Mari El, sociolinguistics, the language situation, the Mari language.

Шабыков Виталий Иванович, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева (Йошкар-Ола); sebs9-kud@yandex.ru

Vitaly I. Shabykov, Vasiliev Mari research Institute of language, literature and history (Yoshkar-Ola); sebs9-kud@yandex.ru

Кудрявцева Раисия Алексеевна, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола); kudsebs@rambler.ru

Raisiya A. Kudryavtseva, Mari State University (Yoshkar-Ola); kudsebs@rambler.ru

Фонетические преобразования в позициях сандхи в тувинских аналитических конструкциях¹

Данное исследование продолжает цикл работ, посвященных анализу фонетических процессов в позициях внешнего и внутреннего сандхи в некоторых тюркских языках Южной Сибири [Селютина, Уртегешев, Рыжикова 2006: 216—234; Уртегешев, Селютина, Рыжикова 2007: 87—109]. При этом под сандхи мы понимаем, вслед за О. С. Ахмановой, позиционно обусловленные изменения звуков, возникающие на стыке словоформ — внешнее сандхи, и на стыке морфем — внутреннее сандхи [Ахманова 1966: 394].

Анализ звуковых преобразований, происходящих в деепричастных аналитических конструкциях (ДАК) тувинского языка как в позиции внешнего сандхи — анлаутного и ауслуаутного, так и на внутренних морфемных швах, ранее не проводился.

В данной статье рассматриваются примеры с аналитическими конструкциями (АК), состоящими из трех компонентов, т. е. трехкомпонентные деепричастные аналитические конструкции (ТДАК). Выбор этого типа АК не был случайным, так как он соответствует рассмотренным нами ранее бивербальным деепричастным АК чалканского и шорского языков, что делает возможным проведение сопоставительного анализа АК в трёх близкородственных южносибирских тюркских языках.

В основу нашего исследования была положена классификация АК, предложенная Л. А. Шаминой в работе «Аналитические конструкции сказуемого в тувинском языке» [1995: 23—39]. В цитируемой в данной статье таблице 1 «Трехкомпонентные АК» тувинские ТДАК систематизированы автором по структурному и семантическому параметрам [Шамина 1995: 37—38].

Для проведения слухового фонетического анализа были подобраны соответствующие выявленным конструкциям примеры из произведений художественной литературы и записаны в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ) им. В. М. Наделяева Сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН в произношении аспирантки Кафедры языков и фольклора народов Сибири Новосибирского государственного университета (ныне — кандидата филологических наук) А. В. Байыр-оол и студентки 2-го курса этой же кафедры Ч. Г. Ондар, являющихся носителями тувинского языка.

Для точной передачи звучания исследуемых ДАК используется традиционная транскрипционная система Новосибирской фонетической школы, разработанная В. М. Наделеевым и изложенная в его работе «Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ)» (1960), с уточнениями и дополнениями, внесенными сотрудниками ЛЭФИ [Сарбашева 2004; Уртегешев, Селютина, Эсенбаева 2009; Уртегешев 2015; 2016 и др.]. Система соответствий фонетических транскрипционных стандартов УУФТ и МФА при передаче консонантных компонентов речи представлена в публикации авторов данной статьи в журнале «Урало-алтайские исследования» [Уртегешев, Селютина, Эсенбаева и др. 2009]. Здесь же подробно проанализированы научные принципы и подходы, положенные в основу сопоставляемых транскрипционных стандартов, их достоинства и недостатки, некоторые перспективы совершенствования системы УУФТ. Аналогичная работа по выявлению соответствий в МФА и УУФТ проделана и относительно вокальных речевых составляющих [Уртегешев 2016].

Выбор стандарта УУФТ не случаен. Во-первых, УУФТ обладает безусловными преимуществами по сравнению с другими артикуляторно-ориентированными транскрипционными системами в силу своей универсальности, последовательности и систематичности и предоставляет возможности для адекватной фиксации фонетических систем как на фоническом, так и на фонематическом уровнях. Во-вторых, использование в данной работе стандарта УУФТ обеспечивает сопоставимость приведённых здесь данных с полученными ранее материалами по языкам народов Сибири и сопредельных регионов (более 60 идиомов), их описаниями и интерпретациями, выполненными лингвистами с использованием единой транскрипционной базы.

Авторы не ставили себе целью дать исчерпывающее описание трансформаций, происходящих в звуковых оболочках всех тувинских деепричастных аналитических конструкций. Для этого необходимо многократно расширить исследовательскую базу и скорректировать методологические подходы. Задачей

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 15-18-00044 «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира. Создание описаний алтайских и уральских языков России, находящихся на грани исчезновения».

Таблица 1

Трехкомпонентные АК

СЛОЖНАЯ ОСНОВА			Глагол вспомогат. 3-й комп.	Семантика аналитической конструкции	
1-й компонент	2-й компонент				
1	{Tv=п + ЧОРуп}		тур=	Повторяемость длительных действий	
2	{Tv=п + ЧОРуп}		олур=		
3	{Tv=п + КААп}		чор=	Повторяемость кратких действий	
4	{Tv=п + БАР= ² / КЕЛ=}		чор=		
5	{Tv=п + КААп}		тур=		
6	{Tv=п + КЭЭп}		тур=		
7	{Tv=п + БЕРип}		тур=		
8	{Tv=п + БАР= / КЕЛ=}		чыт=		
9	{Tv=a + {ХАЛып=}}		чыт=		
10	{Tv=пайн + САЛып}		олур=		
11	{Tv=п + ЧЫДып}		кал=		Результативное состояние: с глаголами движения делать что- либо усердно, старательно
12	{Tv=п + ЧОРуп}		каг=		
13	{Tv=п + ЧОРуй}		бар=		
14	Tv=п + {ТУРуп}		бер=}		
15	Tv=пайн + {ТУРуп}		бер=}	Мгновенное действие + векторное («из + сюда») Мгновенность + адресив	
16	Tv=п + {КИРе}		бер=}		
17	Tv=п + {ЧЕДе}		бер=}		
18	Tv=a + {ХОНа}		бер=}		
19	{Tv=п + КИРип}		кел=		
20	{Tv=п + ЧЕДип}		кел=		
21	{Tv=a + ХОНуп}		кел=		
22	{Tv=a + СОП / ТЫРТып}		кел=		
23	{Tv=a + СОП / ТЫРТ / ШАП}		ал=		
24	{Tv=п + КИРе}		албас		МОДАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ: невозможность совершить действие; пробный характер действия; возможность действия
25	{Tv=п + БЕРип}		көрөм		
26	Tv=п + АП		бол=		

нашего исследования является фиксация на современном синхронном срезе процессов фонетических изменений, позволяющих судить о степени синтетизации представленных выше трехкомпонентных деепричастных АК тувинского языка (таблица 1), и попытка их первичной интерпретации. Поскольку в дальнейшем предполагалось сопоставление результатов, полученных по трем южносибирским тюркским языкам — чалканскому, шорскому и тувинскому, языковой материал, приведённый в статье, даётся в точной фонетической транскрипции, отражающей тончайшие нюансы произношения и позволяющей выявить специфику языков, которая, как известно, кроется в деталях. Фонологическая трактовка преобразований — как на уровне звуковой ткани, так и в системной организации вокальной и консонантной систем, может быть предметом специального исследования. Статья предназначена прежде всего для фонетистов. Для облегчения восприятия материала специалистами других предметных областей подробная фонетическая транскрипция дублируется упрощённой кириллической записью (к сожалению, не совсем адекватно отображающей произношение), помещённой в круглые скобки, а в переводе русское соответствие рассматриваемой АК выделяется полужирным шрифтом.

Ниже приводится список тувинских АК, выбранных из произведений художественной литературы и анализируемых в данной статье. Порядковые номера АК соответствуют номерам трехкомпонентных деепричастных конструкций, систематизированных в таблице 1. Восемь из двадцати шести типов АК, зафиксированных в классификационной таблице Л. А. Шаминой, не выявлены в используемых в данной статье текстах (АК 4, 7, 9, 10, 12, 15, 22, 24).

² В тувинской письменности буквами *б* и *д* в абсолютном начале слова обозначаются слабые непрдыхательные глухие согласные, «произносимые факультативно с весьма слабым озвончением или вовсе без озвончения», а буквами *п* и *т* — сильные прдыхательные глухие звуки [Исхаков, Пальмбах 1961: 50—52, 57, 70—73, 76—78].

1. {T_v=п + ЧОРуп} тур=

(1) *Азы ол ийиниң аразына ызулуғ ынакшылы өөскүп шыдавайн, анаа-ла эдержип чоруп турганы-даа* [ʔzd'ɹ'ip', /=/ tʃ^cæɣ^cʏ^cuɔɭɪnɪ (эдерип чортурган)] *чадавас* (С.С.Т.к.,127) 'Настоящая любовь между этими двумя не сумела разгореться, возможно, (они) просто **дружили**'.

2. {T_v=п + ЧОРуп} олур=

(2) *Мынчан одарга хой барык-ла тодуп аптар, ынчангаи шоолуғ ыравас, харын-даа аал углай эглип чоруп олар-ла* [ɹ'ip', /=/ tʃ^cæɣ^cɔβ^coɔɭ'œ (эглип чороворолё)] *болгай* (С.С.Т.к.,98) 'В это время скот на пастбище почти насыщается, поэтому не очень далеко уходит, даже в сторону села обратно **поворачивает** ведь'.

3. {T_v=п + КААп} чор=

(3) *Амыдыралдан дыка-ла чыдын каап чоруур* [tʃ^cadɔɣ^c,k^cɔ:p, tʃ^cʏ^cθɣ'ʏɪ (чадапкан чурюрь)] *кижи-дир мен деп бодумну чемелеп-даа бодап хүнзедим* (С.С.Т.к.,80) '«От **жизни** очень **отстающий** человек», — я, так себя упрекая, провел целый день'.

5. {T_v=п + КААп} тур=

(5.1) *Ол хиреде, чуртталгадан озалдап каап турар улус* [ɔzɔɪdɔɣ^c,k^cɔ:p, /=/ t^cʏr{l^cʏs'} (озалдапкаап тур{лус})]-*тур бис* (С.С.Т.к.,123) 'Несмотря на это, от жизни **отстающие** люди ведь мы'.

(5.2) *Оон Омак-кыска чугалап каап тургай* [tʃ^cʏɔɭɪɔɣ^c,k^cɔ:p, /=/ t^cʏɔɭɪɔɭ{s':ɛn'} (чугалапкан тургай{сын})] *сен* (С.С.Т.к.,156) 'Потом **будешь рассказывать** Омак-кыс'.

6. {T_v=п + КЭЭп} тур=

(6.1) *Шыырак эшитир улуг кижилер оларның ындыбы кыдыындан хемче шурааш, кыдыын куду эшитип баткаш, куду бадын-бадын, адаандан үнүп кээп турар* [ʏn'ʏkz:p,t^cɛɣ^cɔɣ^c (үнүкеептырар)] (С.С.Т.к.,78) 'Хорошо (умеющие) плавать взрослые, прыгая в реку с противоположной им стороны, плывя вдоль края (берега) вниз, **поднимались** вверх (досл.: **выходили** снизу)'.

(6.2) *Хоорайның чурттакчылары мөөң-мөөңү-биле, бөлүк-бөлүү-биле сөктүп кээп турар* [s'œk^ct'öp', /=/ k'e:p't'ɛɣ^c /=/ [ʔɔɣ^cɔɣ^cɔɧ, (сөктүп кеептыра (апарган)] *апарган* (С.С.Т.к.,131) 'Жители города **стали приезжать** скуученно'.

8. {T_v=п + БАР=/КЕЛ=} чыт=

(8.1) *Ынаньши ышкындырып бар чыткан* [{...}'ɪʃkɔndɪɣ /=/ pɑrtʃ'atkɔn ({...}ишкандыр парчаткан)] (С.С.Т.к.,108) 'Надежда **терялась**'.

(8.2) *Ооң соондан беш-алды кускуннар бөкпээ-биле шуужуп бар чыткан* [{b'l'ɛʃ}'ɔz'œpɔrtʃ'atkɔn ({блеш}ужепарчаткан)] (С.С.Т.к.,128) 'После этого пять-шесть воронов **летели вереницей**'.

11. {T_v=п + ЧЫДып} кал=

(11) *Оттукмаа Салбак-оолдуң «өөдежек язы сен» дээн сөстөрүн дыңнап чыдын калган* [tɛŋ,nɔɣ^c,tʃ^cɪt,çɔɭɪɔɧ (тыңнапчиткалган) (11.)] (С.С.Т.к.,122) 'Оттукмаа **осталась слушать** сказанные Салбак-облом слова: «Никудышный, проклятый (человек) ты»'.

13. {T_v=п + ЧОРуй} бар=

(13.1) *Ооң соонда тарааны кестирип кааптарга, хову шөл-шөлү-биле чадагайланьп, алгып чоруй баар* [ʔɔɭɪɔɣ^c, /=/ tʃ^cœ:r'ijbɔɣ^c{ʃ'kɔ z'ɪlɔɭ} (алгып чөөрийбарь{ишка жилиай})] *ышкажыгай* (А.Д.Ч.к.,6) 'После уборки хлеба, поле, опустошаясь, **увеличивается (вширь)**'.

(13.2) *Ооң-биле санажып алгаш, пөстөр талазынче кылаштан чоруй баар* [k^clɔɭ^ct^cœp,tʃ'œr'e /=/ ʃ^cɔɣ^c{œɣɪɣ^cɔɧ} (кылаштанчөре пар{арыңда})] *араңда, сени авам ол-дур деп, аңаа айтып берген болгай мен* (А.Д.Ч.к.) 'В то время, как расплатившись с ней, ты **пошла** в сторону тканей, я сказал ей, что ты моя мама'.

14. T_v=п + {ТУРУп бер=}

(14) *Оларның оозунда кижиди билбес чүве чок, олар чем дилеп туруп бергеннер* [t'l'ɛp',t^cʏɣ^cœr'œn',n'zɪ (тлептурпергеннер)] (С.С.Т.к.,107) 'В этом нет (ничего), что не знал бы человек: они **ищут** еду'.

16. T_v=п + {КИРе бер=}

(16) *Мурнунда болза, амыр-ла болгай, бир шилди кармактап алгаш, кайызының-даа бажыңынче базып кире бээр* [bɔ:zɪɣ^c, /=/ k^cœr'eβ'œr'œ (баарзып көреверь)] (С.С.Т.к.,80) 'Прежде же просто ведь было, засунув в карман одну бутылку, **войдешь** в дом любого (из них)'.

17. T_v=п + {ЧЕДе бер=}

(17) *Бажыңыңга эдертип чеде бээр* [zd'zр', /=/ tʃ^ced'zб^cε-г' (эдеп чедеберь)] *дээрге, эпчок* (С.С.Т.к.,134) 'Если **повести** с собой домой, неудобно'.

18. T_v=а + {ХОНа бер=}

(18.1) *Монгуш Долзат ажык соңга караанда шайлап олуарарын эскерип кааш, арны хейде-ле кыза хона берген* [q'ʒzɑ /=/ χзпɑb'εг'g'en' (кыза хонаберген)] (А.Д.Ч.к.,6) 'У Монгуша Долзат (**внезапно**) **покраснело** лицо, (когда) заметил, что она пьет чай перед открытым окном'.

(18.2) *Долзат иштиг артып калганын Кызыл-оолче бижириңден дидинмейн барган, ынчалза-даа ооң дугайы аңаа дөмей-ле өске уткалыг чеде хона берген* [tʃ^ced'z /=/ χзпɑβзг'gзп' (чеде хонаверген)] (А.Д.Ч.к.,10) 'Долзат не отважилась написать Кызыл-оолу то, что она осталась беременной, но все равно весть про это (**быстро**) **дошла** до него в другом содержании'.

19. {T_v=п + КИРип} кел=

(19) *Өлеңмаа ону эдерип кирип келгеш* [ʔzd'zг' /=/ k'p'kɑlɔgɑʃ' (эдер киркалгааш)], *чүък бажында олуруп алган* (С.С.Т.к.,170) 'Оленма, за ним **следую**, (вошла), села у изголовья выюка'.

20. {T_v=п + ЧЕДип} кел=

(20) *Ол чоп бээр сөөгүн сөөртүп чедип келген* [s^cœ:p' tʃ^cet'ʔpʁɔʒp (сөөпчетипыгын)]? (С.С.Т.к.,98) 'Он зачем сюда кости свои **притащил**'?

21. {T_v=а + ХОНуп} кел=

(21.1) *Маңаа келгенимде, бир төөгү сагыжымга бо-ла кире хонуп кээр* [{bɔlɑ}g'g'ɑxɔn kɛ'g' ({бо-ла}грахон кирь)] (С.С.Т.к.,77) 'Когда приезжаю сюда, мне часто на ум **приходит** одна история'.

(21.2) *Ол-бо дилегзини турда, Омак-кыс бо чеде хонуп келген* [tʃ^ced'zχɔnɔp,kɛl'εn' (чедехонупкелен)] (С.С.Т.к.,151) 'Когда (он) искал то (там), то (здесь), Омак-кыс вот (и) **догнала** (его)'.

23. {T_v=а + СОП / ТЫРТ / ШАП} ал=

(23.1) *Арай деп хоора соп алдым* [χɔ-гɑs:ɔldɔm, (хорасолдым)] (С.С.Т.к.,72) 'Еле-еле **оторвал**'.

(23.2) *Долзат эжиин тыртышитай шап алган* [t'ε'g'ʃt'ε'ʃ' /=/ ɑβɑlɔʁɑp (тыртыштыыщ авалган)] (А.Д.Ч.к.,6) 'Долзат **закрыла** дверь (**на замок**)'.

25. {T_v=п + БЕРип} КӨРем

(25) *Мен фотографты дозуп алгааш, «демги эзириктиң чуруун он экземпляр кылдыр, болдунар болза, элээн улгаттыр парлап берип көрүңер* [pɑrlɑ'æp, p'ε:г'ip', /=/ kɔg'nεz' {d'zʃ''} (парляппеерип көрнер{дец})]» *дээш ужуруун чугааладым* 'Я подкараулил фотографа и сказал ему по сути: «Фотографию того козленка в десяти экземплярах, если возможно, **напечатайте** в сильно увеличенном (виде)»'.

26. {T_v=п + АП} бол=

(26) *Он беш харлыында-даа өгленип ап болур* [ɔl'εn'ʔn, /=/ ʔɑp,p'ɔlɔg (өленип апполор)] (С.С.Т.к.,123) 'Даже в пятнадцать лет **можно жениться** (**выходить замуж**)'.

1. Фонетическая классификация ТДАК

По результатам аудитивных наблюдений все выявленные примеры ТДАК тувинского языка были распределены по трем классам в зависимости от расположения внешней (межсловной) паузы, которая, как показывает анализ ДАК по другим южносибирским тюркским языкам, играет важную роль в процессе фонетических преобразований.

1.1. ТДАК, в которых межсловная звуковая пауза отсутствует:

$$V_1 + V_2 + V_3$$

К первому классу ТДАК тувинского языка отнесены конструкции, характеризующиеся полным отсутствием межсловной звуковой паузы между компонентами тривербального сочетания. Такая АК воспринимается, фактически, как единое фонетическое слово, внешнее сандхи меняет статус и становится внутренним.

Тем не менее процесс стяжения нельзя считать завершённым, поскольку выравнивания по палатальной гармонии гласных в АК 1-го класса не происходит: чаще всего один из трёх компонентов реализуется с иной палатальной осью, чем два остальных. Наиболее продуктивны явления синтезаций в АК с вокальной осью, однородной как по ряду, так и по огубленности.

ТДАК данного класса составляют 36% от общего числа примеров, анализируемых нами в статье, и по употребляемости занимают второе место (после АК 2-го класса).

В обобщённом виде АК 1-го класса можно представить формулой $V_1 + V_2 + V_3$. Ниже приведены примеры деепричастных аналитических сочетаний рассматриваемого типа.

(3)	<i>чыдын каап чоруур</i>	[tʃ ^c adɑp, k ^c ɑ:p, tʃ ^c γ ^θ rʏrʏ]
(6.1)	<i>үнүп кээп турар</i>	[ʏn ^c γkz:p, t ^c ɣrɑr ^c]
(8.2)	<i>шуужуп бар чыткан</i>	[{b ^c l'ɛʃ} ʊz ^c ɛpɑrtʃatkɑn]
(11)	<i>дыңнап чыдын калган</i>	[tɕŋ, nɑp, tʃ ^c itɕɑloqɑn]
(14)	<i>дилеп туруп бергеннер</i>	[t ^c l'ɛp ^c , t ^c uɪp ^c ɛr ^c qen ^c , n ^c zr ^c]
(20)	<i>сөөртүп чедип келген</i>	[s ^c œ:p ^c tʃ ^c et ^c ɪpɕoŋn]
(21.1)	<i>кире хонуп кээр</i>	[{bɑlɑ} g ^c rɑxɑn kɕr ^c]
(21.2)	<i>чеде хонуп келген</i>	[tʃ ^c ed ^c zχɑnɑp, kɕl ^c ɛn ^c]
(23.1)	<i>хоора сон алдым</i>	[χɑ-rɑs:ɑldɕm _ɔ]

Фонетический аудитивный анализ предложений 1-го класса ТДАК позволил выявить кроме общих фонетических признаков, характерных для всех ТДАК этого класса, некоторые частные фонетические изменения, свойственные либо какой-то отдельной АК, либо нескольким АК этого класса.

1. **Сохранение или выпадение деепричастного показателя на =*(ы)*n**. По орфографическим нормам современного тувинского языка во всех нижеприведенных примерах показатель *-ын* отображается на письме. В живой разговорной речи, как показано далее, он не всегда реализуется.

В нашем исследовании мы не учитывали морфонологические запреты на опущение-неопущение показателя *-ын* в сериальных конструкциях тувинского языка, ограничившись лишь простой констатацией фонетических явлений, происходящих в звуковом облике АК на данном этапе развития языка.

Из пяти примеров АК 1-го класса, сложные основы которых образованы двумя деепричастиями на =*n*, в двух предложениях деепричастный показатель сохраняется в спонтанной речи как у 1-го, так и у 2-го компонентов АК:

(3)	<i>чыдын каап чоруур</i>	[tʃ ^c adɑp, k ^c ɑ:p, tʃ ^c γ ^θ rʏrʏ]
(20)	<i>сөөртүп чедип келген</i>	[s ^c œ:p ^c tʃ ^c et ^c ɪpɕoŋn]

В других двух примерах аффикс =*n* деепричастия сохранился только у первого компонента АК:

(11)	<i>дыңнап чыдын калган</i>	[tɕŋ, nɑp, tʃ ^c itɕɑloqɑn]
(14)	<i>дилеп туруп бергеннер</i>	[t ^c l'ɛp ^c , t ^c uɪp ^c ɛr ^c qen ^c , n ^c zr ^c]

И, наоборот, в одном примере у 1-го компонента ТДАК деепричастный показатель выпал, но сохранился у 2-го:

(6.1)	<i>үнүп кээп турар</i>	[ʏn ^c γkz:p, t ^c ɣrɑr ^c]
-------	------------------------	--

В конструкциях (21.1) и (21.2) с деепричастием *хонуп* в качестве второго компонента АК констатируются различные этапы процесса упрощения фонетической структуры ТДАК.

(21.1)	<i>кире хонуп кээр</i>	[{bɑlɑ} g ^c rɑxɑn kɕr ^c]
(21.2)	<i>чеде хонуп келген</i>	[tʃ ^c ed ^c zχɑnɑp, kɕl ^c ɛn ^c]

В примере (21.1) произошло не только выпадение деепричастного показателя, но и смена палатальной сингармонической рядности всей звуковой цепочки фонетического слова. В АК (21.2) преобразования затронули лишь третий компонент глагольного сочетания — выпал интервокальный согласный *z* без компенсирующей долготы гласного.

Выпадение или стяжение деепричастных аффиксов =*n* в звуковых оболочках компонентов сложной основы ТДАК происходит вследствие того, что они утрачивают или уже утратили свою семантику в составе АК. В тех же случаях, где этот показатель еще сохраняется, он выполняет, по большей части, функцию интерфикса, что подтверждается нестабильностью его употребления.

2. **Выпадение комплекса звуков**. В аналитической конструкции (23.1) *хоора сон алдым* [χɑ-rɑs:ɑldɕm_ɔ] в позиции внешнего сандхи, трансформировавшегося в процессе фонетических преобразований во внут-

реннее, между вторым и третьим компонентами ТДАК происходит выпадение звукового комплекса «βǝ» в результате цепочки одновременно происходящих фонетических процессов: озвончения и вокализации глухого согласного $p \rightarrow \beta$ в финальной позиции второго компонента АК под влиянием вокального окружения с последующим выпадением малошумного вокализованного сверхслабого согласного «β» и стяжением гласных в долгий *oo*. В результате на данном этапе функционирования тувинского языка под влиянием просодической меры длины слога гласный *oo* утратил вторичную долготу, реализуясь как краткий *o*: *хорасолдым* < *хорасоолдым* < *хора соалдым* < *хора совалдым* < *хора соп алдым*.

3. Расширение узких гласных. Под влиянием прогрессивно-регрессивной ассимиляции по широкому гласному *a* узкий нелабиализованный звук *ы* подвергся расширению в глаголах следующих аналитических конструкций:

- (3) *дыка-ла чыдыт каап чоруур* [tʰ^cadǝp, k^cǝ:p, tʰ^cɣ^hrʲyɣʲʰ]
 (8.2) *шуужуп бар чыткан* [ʃ^hbʲl'ɛʃʰ}ǝʒ^cǝpǝʃʰatkǝn]

В данных случаях можно говорить о проявлении гармонии гласных по широкому твердоярному нелабиализованному вокальному компоненту основы АК (a-*Ca CaCaC CaaC* < a-*Ca СыСыC CaaC*; a*CaCa* < a*СыCa*).

4. Сужение широких гласных. В ряде АК фиксируется сужение гласного «*ε*» (4-я ступень) в более узкие «*ǝ*», «*ɣ*», «*ə*» (3-я ступень).

- (20) *сөөртүп чедип келген* [s^cǝ:p^ctʰ^cɛtʰǝpǝʃʰɣn]
 (21.2) *чеде хонуп келген* [tʰ^cɛdʰxǝnǝp, kǝl'ǝnʰ]

Приведенные примеры также дают основание для предположения о реализации гармонии гласных по степени подъёма: в постпозиции к узким гласным *ǝ*, *ö* (2-я ступень) второго компонента сложной основы АК гласный «*ε*» в третьей глагольной форме аналитического сочетания сужается и реализуется в звуках «*ǝ*», «*ɣ*» и «*ə*». Учитывая тот факт, что в других подобных АК сужение гласных не фиксируется, например: (14) *дилеп туруп бергеннер* [tʰ^cl'ɛpʰ, tʰ^curpʰɛgʰɣenʰ, n'zɣʰ], можно предположить, что констатируемое преобразование не является систематическим, находясь на стадии формирования.

5. Делабиализация узкого гласного. В АК (6.1) *үнүп кээп турар* [ɣnʰɣkz:p, tʰ^cɣrǝɣʰ^c] в звуковой оболочке 3-го компонента сочетания — вспомогательного глагола (ВГ) *тур*= происходит делабиализация узкого гласного. На наш взгляд, в результате десемантизации глагола *тур*=, перехода его во временной аффикс, вокальный компонент этого глагола испытал на себе воздействие фонетического контекста, уподобившись пре- и постпозитивным нелабиализованным гласным «*z*:» и «*ǝ*:».

6. Смена палатального ряда. В ряде случаев отмечается смена палатального ряда с мягкого на твёрдый не только у вспомогательного глагола (пример (20)), но и у основного (пример (21.1)):

- (20) *сөөртүп чедип келген* [s^cǝ:p^ctʰ^cɛtʰǝpǝʃʰɣn]
 (21.1) *кире хонуп кээр* [kɪrǝlǝ}qʰrǝxǝn kʰrʰ]

В обоих случаях переход гласных с одного палатального сингармонического ряда на другой может быть объяснён влиянием фонетического контекста: в примере (20) — воздействием препозитивного переднеязычного согласного «*t*», в примере (21.1) — твёрдоярного вокального окружения.

В южносибирских тюркских языках реализуются аккомодационные закономерности, в соответствии с которыми переднеязычные согласные (кроме «*l*») детерминируют функционирование постпозитивных переднерядных гласных фонем в аллофонах более заднего образования — центральнорядных, центральнозаднерядных или (реже) смешаннорядных, нейтральных с точки зрения палатального сингармонизма [Selyutina 2000: 27—32].

В АК (20) в постпозиции к «*t*» мягкорядная фонема *u* реализуется в центральнорядном позиционно-комбинаторном оттенке «*ǝ*», который, в свою очередь, в условиях синтезированного единого фонетического слова повлечёт за собой ассимиляцию по признаку палатальности гласных и согласных последующих слогов. В постпозиции к финальнослововому непалатализованному согласному «*p*» фонема *e* манифестируется центральнорядным аллофоном «*ǝ*», обусловившим твёрдоярную реализацию последнего слога конструкции — увулярную репрезентацию «*q*» согласной фонемы *k*, заднерядный гласный «*ɣ*», непалатализованный «*n*».

Смена сингармонической рядности в звуковой цепи основного глагола (ОГ) в примере (21.1) может быть обусловлена действием в пределах синтезированного слова законов прогрессивно-регрессивной ассимиляции — как со стороны твёрдоярной огласовки лексемы, препозитивной по отношению к ОГ *кире*, так и со стороны центральнорядного гласного «*ǝ*» последующего слога единого фонетического слова.

1.2. ТДАК с паузой между основным и вспомогательным компонентами:

$$V_1 \neq V_2 + V_3$$

Трёхкомпонентные АК данного класса характеризуются тем, что основной глагол (1-й компонент АК) отделен внешней продолжительной звуковой паузой от вспомогательных глаголов (2-го и 3-го компонентов сочетания). Аудитивно комплекс вспомогательных глаголов воспринимается, фактически, как единое фонетическое слово, внешнее сандхи трансформировалось во внутреннее, что выражается в отсутствии внешней паузы между 2-м и 3-м компонентами АК.

Второй класс тувинских ТДАК составляет почти половину всей выборки: 46% примеров от общего числа АК, анализируемых в данной статье. По употребляемости данный класс занимает первое место.

Структуру АК второго класса можно представить в виде формулы: $V_1 \neq V_2 + V_3$. Например:

(1)	<i>эдержип чоруп турганы-даа</i>	[ʔədːʒr̥ip̚, /≠/ tʃʰær̥t̚ʰuroɣɒnɒ]
(2)	<i>эглип чоруп олар-ла</i>	[ʒːl̥ip̚, /≠/ tʃʰær̥ʒ̥βóroɣl̥œ]
(6.2)	<i>сөктүп кээп турар</i>	[s̚œk̚t̚ʰüp̚, /≠/ k'e:p̚t̚ʰɛr̥œ /≠/ [ʔœp̚œ̚roɣɒn,]]
(8.1)	<i>ышкындырып бар чыткан</i>	[ʃ̚...ʃ̚} ɨʃ̚k̚œnd̚ɪr̚ /≠/ p̚ɑrtʃ̚atk̚œn]
(13.1)	<i>алгып чоруй баар</i>	[ʔɑɣɣip̚, /≠/ tʃʰœ:r̥ijb̚œr̚ {tʃ̚k̚œ̚z̚'ɪl̚œ̚}]
(16)	<i>базып кире бээр</i>	[b̚œ:z̥ɪp̚, /≠/ k̚œ'r̥eβ̚'eβ̚'e'r̥]
(17)	<i>эдертип чеде бээр</i>	[z̚d̚z̚p̚, /≠/ tʃʰed̚z̚b̚'e'r̥]
(18.1)	<i>кыза хона берген</i>	[q̚z̚œ̚z̚œ̚ /≠/ χ̚œ̚n̚œ̚b̚'e'r̥'g̚'en̚]
(18.2)	<i>чеде хона берген</i>	[tʃʰed̚z̚ /≠/ χ̚œ̚n̚œ̚β̚z̚r̚'g̚œ̚n̚]
(19)	<i>эдерип кирип келгеш</i>	[ʔəd̚z̚r̚ /≠/ k̚œ'r̥k̚œ̚lg̚œ̚ʃ̚]
(23.2)	<i>тыртыыштай шап алган</i>	[t̚œ̚r̚t̚y̚ʃ̚t̚œ̚ʃ̚ /≠/ œ̚β̚œ̚loɣɒn]
(26)	<i>өгленип ап болур</i>	[ø̚l̚en̚'ɪ̚n̚, /≠/ ʔœ̚p̚,œ̚l̚œ̚r̚]

Аудитивный анализ предложений, входящих во 2-й класс ТДАК, позволил выявить некоторые фонетические преобразования, свойственные АК этого типа.

1. **Сохранение или выпадение деепричастного показателя на =*(ы)*п**. Наличие деепричастного показателя =*n* констатируется в следующих АК рассматриваемой выборки примеров:

а) у 1-го и 2-го компонентов сложной основы АК, например:

(2)	<i>эглип чоруп олар-ла</i>	[ʒːl̥ip̚, /≠/ tʃʰær̥ʒ̥βóroɣl̥œ]
(6.2)	<i>сөктүп кээп турар</i>	[s̚œk̚t̚ʰüp̚, /≠/ k'e:p̚t̚ʰɛr̥œ /≠/ [ʔœp̚œ̚roɣɒn,]]

б) деепричастный показатель фиксируется только у 1-го компонента тривербальной АК, в составе которой — два деепричастия на =*n*:

(1)	<i>эдержип чоруп турганы-даа</i>	[ʔədːʒr̥ip̚, /≠/ tʃʰær̥t̚ʰuroɣɒnɒ]
-----	----------------------------------	------------------------------------

в) аффикс =*n* сохраняется в звуковых оболочках 1-х компонентов конструкций, в которых 2-м компонентом является деепричастие на =*й* или на =*а*:

(13.1)	<i>алгып чоруй баар</i>	[ʔɑɣɣip̚, /≠/ tʃʰœ:r̥ijb̚œr̚ {tʃ̚k̚œ̚z̚'ɪl̚œ̚}]
(16)	<i>базып кире бээр</i>	[b̚œ:z̥ɪp̚, /≠/ k̚œ'r̥eβ̚'eβ̚'e'r̥]
(17)	<i>эдертип чеде бээр</i>	[z̚d̚z̚p̚, /≠/ tʃʰed̚z̚b̚'e'r̥]

В ряде ТДАК деепричастный показатель =*n* выпал: а) у обоих компонентов АК — 1-го и 2-го (пример (19)); б) у 1-го — в АК, в состав которых входит лишь одно деепричастие на =*n*: (пример (8.1)):

(19)	<i>эдерип кирип келгеш</i>	[ʔəd̚z̚r̚ /≠/ k̚œ'r̥k̚œ̚lg̚œ̚ʃ̚]
(8.1)	<i>ышкындырып бар чыткан</i>	[{...ʃ̚} ɨʃ̚k̚œnd̚ɪr̚ /≠/ p̚ɑrtʃ̚atk̚œn]

Таким образом, из четырёх предложений с АК 2-го класса, сложные основы которых образованы двумя деепричастиями на =*n*, в примерах (2) и (6.2) служебный показатель сохраняется в обоих компонентах, в примере (1) аффикс =*n* констатируется только в составе 1-го деепричастия, в примере (19) наблюдается полная редукция рассматриваемого показателя в обоих деепричастиях на =*n*, входящих в состав ТДАК. Следует отметить, что в АК 1-го класса не было зафиксировано случаев выпадения аффикса =*n* в обоих деепричастиях на =*n* в составе рассматриваемого комплекса, в отличие от АК 2-го класса.

В тех же случаях, когда в состав АК входит лишь одно деепричастие на =*n* — в качестве 1-го компонента, репрезентирующего основной глагол, его фонетический облик более стабилен: выпадения мор-

фонологического показателя не происходит в трёх примерах — (13.1), (16), (17), в то время как его утрата констатируется лишь в одном случае (8.1) — в комбинации двух губных согласных на стыке двух компонентов АК при сохранении позиции внешнего сандхи.

Нестабильность употребления аффикса =н в структуре тувинских ТДАК свидетельствует о развивающемся процессе десемантизации деепричастных компонентов, об утрате ими информативности и — как следствие — об упрощении фонетического облика комплекса, направленного на минимизацию проносительных усилий.

2. Озвончение. В ряде АК инициальный умереннонапряженный глухой смычный согласный 3-го компонента, оказавшись — в результате трансформации внешнего сандхи во внутреннее — в медиально-интервокальной или медиальной постсонантно-превокальной позициях, озвончился:

(16)	<i>базып кире бээр</i>	[bɑ:zɛ̃p, /=/ k ^c æɾ'eβ'er ^c]
(17)	<i>эдертип чедε бээр</i>	[zɛd'ɛp, /=/ tɬ ^c ɛd'zβ ^c ɛ-r']
(18.1)	<i>кыза хона берген</i>	[q ^z ɛzɑ /=/ χ ^z ɔnɑb'er'g'en ^c]
(18.2)	<i>чедε хона берген</i>	[tɬ ^c ɛd'z /=/ χ ^z ɔnɑβzr'gɛn ^c]
(13.1)	<i>алгып чоруй баар</i>	[ʔɑlɔɣp, /=/ tɬ ^c ɑ:r'ijbɑr' {ɬ'kɑ'z'ɬɑj}]

В некоторых случаях озвончение сопровождается спирализацией артикуляции в результате ослабления смычки:

(16)	<i>базып кире бээр</i>	[bɑ:zɛ̃p, /=/ k ^c æɾ'eβ'er ^c]
(18.2)	<i>чедε хона берген</i>	[tɬ ^c ɛd'z /=/ χ ^z ɔnɑβzr'gɛn ^c]

Озвончению и спирализации подвергся также финальный глухой сильный финальный согласный «р» 2-го глагольного компонента в АК (23.2):

(23.2)	<i>тыртыыштай шап алган</i>	[t ^c ɛrɬɛtɬ'ɬ ^c ɛ:ɬ' /=/ ɑβɑlɔɣɑn]
--------	-----------------------------	--

В результате слияния двух вспомогательных глаголов фон «р» оказался в интервокальном положении, что и послужило причиной изменения его артикуляционно-акустических характеристик.

3. Оглушение. В ряде ДАК малозвучные согласные типа «г» в ауслате основы 1-го ВГ, оказавшись в результате переосмысления компонентов комплекса и последующих фонетических преобразований в позиции внутреннего сандхи, подвергаются оглушению под воздействием шумных глухих в анлауте 2-го ВГ, что является признаком полной синтетизации этих двух глагольных слов в составе тривербальных АК.

(1)	<i>эдержип чоруп турганы-даа</i>	[ʔzɛd'ɛr'ip', /=/ tɬ ^c æɾ't ^c urɔɣɑnɬ]
(8.1)	<i>ышкындырып бар чыткан</i>	[{...ɬ'} ɬ'kɑndɛr /=/ pɑrtɬ'atkɑn]
(19)	<i>эдерип кирип келгеш</i>	[ʔzɛd'ɛr' /=/ k ^c ɪr'kɑlɔɣɬ']

4. Расширение узких нелабиализованных гласных. Под влиянием прогрессивно-регрессивной ассимиляции по широкому гласному типа «а» узкий нелабиализованный звук типа «ы» подвергся расширению: а) в основе 2-го ВГ (пример (8.1)); б) в аффиксе 2-го ВГ (пример (1)):

(8.1)	<i>ышкындырып бар чыткан</i>	[{...ɬ'} ɬ'kɑndɛr /=/ pɑrtɬ'atkɑn]
(1)	<i>эдержип чоруп турганы-даа</i>	[ʔzɛd'ɛr'ip', /=/ tɬ ^c æɾ't ^c urɔɣɑnɬ]

В обоих случаях можно говорить о проявлении гармонии гласных по широкому твердоярному нелабиализованному вокальному компоненту звуковой оболочки глагольной формы (CaCCaCCaC < CaC CыCCaC; CyCCaCa-Caa < CyCCaCы-Caa). Тувинскому глаголу *чыт* = 'лежать' в других сибирских тюркских языках соответствуют глаголы с широким гласным основы, например: шорское, кумандинское, хакасское *чат* =, алтайское, телеутское *јат* =.

Выявленная тенденция к ассимиляции гласных фонетического слова по степени подъема вступает в диссонанс с диссимилятивными процессами, фиксируемыми в звуковой оболочке основного глагола АК (8.1) *ышкындырып бар чыткан* [{...ɬ'} ɬ'kɑndɛr /=/ pɑrtɬ'atkɑn], где констатируется расширение *ы* до *а*, разрушающее качественную однородность вокальной оси слова.

5. Расширение узких лабиализованных гласных. Узкий лабиализованный гласный типа «у» 1-го ВГ *чоруп* в составе АК (2) *эглип чоруп ораp-ла* [z'ɬ'ip', /=/ tɬ^cæɾ'ɔβorol'œ], оказавшись между двумя широкими гласными типа «о», подвергся прогрессивно-регрессивной ассимиляции по «о»-типу. Глухой смычный согласный «р», оказавшись в результате фонетических трансформаций в интервокальном положении, подвергся озвончению (*чоруборар* < *чоруп ораp*) с дальнейшим ослаблением смычного компонента и преобразованием его в щелевой (*чоруборар* < *чоруборар*). Усиление лабиализации по широкому гласному в начале словоформы запустило механизм реализации лабиального сингармонизма по широ-

кому гласному, который распространился на гласные компоненты звуковой оболочки не только глагольной словоформы, но и постпозитивной частицы (*чороворолё < чороворола < чороворала*). В результате стяжения произошло выпадение малошумного согласного типа «r» (*чороворола < чороворарла*). Кроме того, под влиянием первого мягкорядного слога ВГ произошла прогрессивная ассимиляция по ряду последующих компонентов фонетического слова.

6. **Выпадение согласного г.** В мягкорядных словоформах в сходных позиционно-комбинаторных условиях ($V_{\text{широкий}} + g + l + V$) у ОГ в первом слоге происходит выпадение межзвонкого смычного звонкого согласного г. В примере (2) в результате выпадения g создаются условия для реализации компенсационной позиционной (полу)долготы и фарингализации широкого гласного открытого слога перед слогом с узким гласным: [ʒːlʲipː, /≠/ tʲʰæɾːʒbörölːœ]. В составе АК (26) удлинения гласного ø в первом открытом слоге не происходит, поскольку гласный e второго слога имеет ту же 3-ю ступень отстояния, что и гласный ø, то есть не является более узким по отношению к нему.

(2)	<i>эглип чоруп олар-ла</i>	[ʒːlʲipː, /≠/ tʲʰæɾːʒbörölːœ]
(26)	<i>өгленип ап болур</i>	[ølːenːb̥ɯ, /≠/ ʔɑpːpːɔlɔɾ]

7. **Смена палатального ряда.** В ТДАК (19) *эдерип кирип келгеш* [ʔzdːzrː /≠/ kːrːkɑlgɔʃː] в звуковой оболочке 3-го глагольного компонента произошла смена палатального ряда с мягкого на твердый, не обусловленная фонетическим контекстом: препозитивный 2-й компонент конструкции — мягкорядный, влияние постпозитивного слова на огласовку глагола также исключается — между ними реализуется межсловная пауза. Но отмеченные изменения затронули лишь вокальную ось словоформы, консонантные компоненты сохранили сингармонические характеристики мягкорядности — согласные k и g реализуются как заднеязычные, не переходя в ряд увулярных, шипящий ʃː остался умереннопалатализованным, не трансформировавшись в слабопалатализованный согласный [Дамбыра 2005; Кечил-оол 2006].

8. **Изменение границ словоформ.** В АК (23.2) *тыртышитай шап алган* [tːʲrtʲɨʃtːʲjː /≠/ ɑβɑlqɑŋ] инициальный шипящий согласный 2-го вербального компонента отошёл к финальному открытому слогу основного глагола, вследствие чего межсловная звуковая пауза проходит внутри основы глагола *шап*.

1.3. ТДАК с паузой между вспомогательными компонентами:

$$V_1 + V_2 /≠/ V_3 \{+ L\}$$

Спецификой третьего класса тувинских ТДАК является отсутствие межсловной паузы между ОГ и первым ВГ, это двухкомпонентное сочетание воспринимается, фактически, как единое фонетическое слово, внешнее сандхи меняет статус и трансформируется во внутреннее. В то же время между вспомогательными глаголами отмечается внешняя продолжительная звуковая пауза, которая делит конструкцию на два комплекса: первый — $V_1 + V_2$, второй — V_3 .

При этом в одних примерах отмечается слияние (5.1), в других — примыкание постпозитивного слова ко второму вспомогательному глаголу (5.2), (13.2), (25), внешнее сандхи обретает статус внутреннего, вследствие чего 3-й компонент ТДАК и постпозитивное к нему слово также реализуются как единый фонетический комплекс.

ТДАК 3-го класса наименее частотны, они составляют в нашей выборке 16% от общего числа анализируемых АК.

Структуру аналитических тривербальных сочетаний рассматриваемого класса можно отразить формулой: $V_1 + V_2 /≠/ V_3 \{+ L\}$. Данная конструкция представлена следующими примерами.

(5.1)	<i>озалдап каап турар улус</i>	[ɔzɑldɑp, k̥ɑːp, /≠/ tːʲr̥ {l̥usː}]
(5.2)	<i>чугаалап каап тургай сен</i>	[tʲʰçɑlɑlɑp, k̥ɑːp, /≠/ tːʲr̥ ɔɣɑj {sːːɨnː}]
(13.2)	<i>кылаштап чоруй баар араңда</i>	[k̥lɑʃtɑp, tʲʰæɾːe /≠/ b̥ɑːr {ɑɣɨndɑ}]
(25)	<i>парлап берип көрүңер дээш</i>	[pɑrlɑp, pːeːrːipː, /≠/ k̥ɔrːnɨrː {dːɨʃ}]

Аудитивный анализ тувинских трёхкомпонентных деепричастных АК третьего класса позволил сделать следующие выводы.

1. **Сохранение деепричастного показателя на =(ы)л.** Во всех примерах АК с деепричастиями на =л в позиции как внешнего сандхи, так и сменившего статус и трансформировавшегося в процессе фонетических преобразований во внутреннее сандхи сохраняется деепричастный показатель =(ы)л. Согласный реализуется как смычный облигаторно имплозивный. Указанные особенности формирования звукового облика АК косвенно свидетельствуют о прочных позициях аналитизма в ТДАК рассматриваемого класса, о слабости процессов синтеза компонентов тривербальных конструкций.

2. **Выпадение комплекса звуков.** В АК (5.1) *озалдан каап турар улус* [ʒɔɔldɔp, k̥ɔ:ɔ:p, /≠/ t̥ʉr{lusː}] в результате слияния 3-го глагольного компонента и постпозитивного имени *улус* ‘люди’ в одно фонетическое слово *турлус* (*тур улус* < *турар улус*) в сформировавшейся позиции внутреннего сандхи констатируется выпадение комплекса звуков «ɔr» у глагола *турар* с одновременной редукцией инициального узкого гласного *ʉ* в слове *улус*. Таким образом, процесс преобразования фонетического облика АК по пути упрощения распространяется и на постпозитивные лексемы.

3. **Озвончение согласных.** В АК (25) *парлап берип көрүңер дээш* [pɔrl'æp, p̥ɛ:r'ip̥, /≠/ k̥ɔr'nɛr̥{d̥ɛʃ''}] после слияния 2-го вспомогательного глагола с постпозитивным словом *дээш* в одно фонетическое слово произошло озвончение глухого смычного согласного «t» в постсонантно-превокальной позиции. Ассимиляция по глухости-звонкости, а также палатальное и лабиальное выравнивание звуковой оси позволяют говорить о полном стяжении данных слов.

4. **Оглушение согласных.** В ТДАК (5.2) *чугаалап каап тургай сен* [tʃʉqɔɔlp, k̥ɔ:ɔ:p, /≠/ t̥ʉqɔɔj{sːɸnː}] во втором звуковом комплексе ауслатный малозумный «j» 2-го ВГ, оказавшись в поствокально-преконсонантной позиции внутри единого фонетического слова в результате преобразования позиции внешнего сандхи во внутреннее, оглушается под воздействием анлаутного шумного глухого «s», постпозитивного (по отношению к глаголу *тургай*) местоимения *сен* ‘ты’, что указывает — как и смена палатального ряда с мягкого на нейтральный в лексеме *сен* — на полное слияние данных слов.

5. **Смягчение малозумного «l».** В результате объединения в один фонетический комплекс 1-го (твердоядного) и 2-го (мягкорядного) компонентов в АК (25) *парлап берип көрүңер дээш* [pɔrl'æp, p̥ɛ:r'ip̥, /≠/ k̥ɔr'nɛr̥{d̥ɛʃ''}] произошла регрессивная ассимиляция по палатализованности — малозумный согласный «l» умеренно смягчился и обусловил смену палатальной рядности постпозитивного гласного *a* → *æ*.

6. **Смена палатального ряда.** В АК (13.2) *кылаштан чоруй баар араңда* [k̥lɔʃtʃæp, tʃære /≠/ k̥ɔ:ɔ:r̥{ɔg̊ɔd̥ɔ}] констатируется смена палатального ряда у 1-го ВГ *чор* = ‘ходить’. Сравнительный анализ тувинского *чор* = с глаголами той же семантики в других тюркских языках свидетельствует об их мягкорядности (ср.: шорское, кумандинское, хакасское *чөр* =, телеутское, алтайское *jör* =, калмакское *ёр* = ~ *чёр* = ~ *жёр* =, древнетюркское *jör*).

7. **Морфологическая замена.** В АК (13.2) *кылаштан чоруй баар араңда* [k̥lɔʃtʃæp, tʃære /≠/ k̥ɔ:ɔ:r̥{ɔg̊ɔd̥ɔ}] у 1-го ВГ отмечается замена деепричастного аффикса =*уй* на просодически более удобный показатель *-e*.

Как видно из примеров, в данном классе АК продуктивно развивается процесс синтетизации 3-го компонента ДАК и постпозитивной к нему лексемы — происходит слияние двух слов в единое беспазуальное фонетическое слово, стыковочные компоненты которого подчиняются ассимилятивным законам внутреннего сандхи.

Таким образом, в результате анализа тувинских трехкомпонентных деепричастных аналитических конструкций было выявлено три класса единиц в зависимости от расположения внешней звуковой паузы:

- 1) $V_1 + V_2 + V_3$,
- 2) $V_1 /≠/ V_2 + V_3$,
- 3) $V_1 + V_2 /≠/ V_3 (+ L)$.

Наиболее частотным фонетическим изменением в тувинских АК в позициях внешнего и внутреннего сандхи является выпадение аффикса деепричастия =(ы)n, редукция которого происходит вследствие утраты показателем своей информативности в составе АК. В тех же случаях, где этот аффикс сохраняется, он выполняет, по большей части, функцию интерфикса.

Устранение в АК 1-го класса внешней (межсловной) паузы, выполняющей в других классах делимитативную функцию между компонентами ТДАК, свидетельствует о большей активности процесса синтетизации компонентов тривербальных комплексов 1-го класса по сравнению с ТДАК 2-го и 3-го классов, где фонетические преобразования находятся на начальной стадии. Иными словами, наблюдается процесс морфологического опрощения в результате усечения какой-то части сложной (аналитической) формы, который некоторые тюркские языки уже пережили [Шамина 1995: 24]. В представленных здесь материалах зафиксированы различные этапы этого явления.

Из приведенных выше примеров аналитических конструкций видно, что четыре пары АК (6.1 и 6.2, 8.1 и 8.2, 13.1 и 13.2, 23.1 и 23.2) реализуются, в зависимости от их лексического наполнения, с различными фонетическими характеристиками, позволяющими отнести их к разным — смежным — классам фонетической классификации АК. Если конструкции 6.1, 8.2 и 23.1 квалифицируются как ТДАК 1-го

класса, в которых межсловная звуковая пауза отсутствует, то (6.2, 8.1 и 23.2) отнесены ко 2-му классу конструкций с паузой между основным и вспомогательным компонентами; к этому же 2-му классу отнесена АК 13.1, в то время как пример 13.2 реализуется с паузой между вспомогательными компонентами конструкции и отнесен к следующему — 3-му классу. При повторных произнесениях дикторами (от трёх до пяти раз) конструкции, обнаруживая некоторую вариативность, сохраняли, тем не менее, основные фонетические параметры, на основании которых они были отнесены к тому или иному классу. На наш взгляд, непоследовательность в реализации аналитических конструкций одного типа является отражением незавершенности процессов грамматикализации, различной скоростью их протекания, обусловленной целым рядом факторов: лексическим наполнением этих конструкций, а точнее, их звуковым обликом, частотностью употребления в речи и пр.

Сопоставление фонетических и морфонологических изменений в позициях внешнего и внутреннего сандхи в глагольных аналитических конструкциях трех южносибирских тюркских языков — тувинского, шорского и чалканского, свидетельствует об их типологической общности. В основе сандхиальных модификаций звукового облика АК лежат процессы десемантизации входящих в их состав глагольных форм, ослабления их статуса, что, в свою очередь, детерминировало устранение межсловных пауз с последующим слиянием компонентов АК в единое фонетическое слово, трансформацию позиций внешнего сандхи во внутреннее, реализацию ассимилятивных закономерностей, обусловленных вновь сформировавшимся фонетическим контекстом.

Вместе с тем, «в чалканском, шорском и тувинском языках на современном этапе их развития фиксируются различные стадии процесса синтезирования АК. Если в языке чалканцев во многих случаях стяжение аналитических форм привело к окончательной утрате ими прозрачности структуры, к невозможности вычленения вспомогательных глаголов, то в шорском выделение вспомогательных глаголов в БВК, аналитических по происхождению, не вызывает особых затруднений, несмотря на активное протекание процессов утраты лексическими компонентами АК самостоятельности, стяжения их в одно слово с соблюдением правил фонотактики и подчинением законам шорского сингармонизма. В тувинском же языке процесс упрощения АК находится на более ранних этапах, уже пережитых близкородственными южносибирскими тюркскими языками — чалканским и шорским» [Селютина, Уртегешев 2017: 154—155].

Благодарность

Авторы статьи благодарят кандидата филологических наук А. В. Байыр-оол за подбор материалов по тувинскому языку, необходимых для составления программы данного исследования.

Сокращения

/=/ — внешняя (межсловная) звуковая пауза

{ } — пре- и постпозитивное слово, не относящееся к ТДАК, но фонетически сливающееся с ним (полностью или частично)

АК — аналитическая конструкция

ДАК — деепричастная аналитическая конструкция

ТДАК — трехкомпонентная деепричастная аналитическая конструкция

ВГ — вспомогательный глагол

ОГ — основной глагол

V — гласный

C — согласный

Tv — глагольная основа

V₁, V₂, V₃ — глагольные компоненты АК

L — слово

Источники

А.Д.Ч.к. — Александр Даржай. Чурттаарың күзезинзе ... Кызыл, 1984.

С.С.Т.к. — Салим Сүрүн-оол. Тывалаар кускун. Кызыл, 1994.

Литература

- Ахманова 1966 — *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966. {*Akhmanova O. S.* Dictionary of linguistic terms. M., 1966.}
- Дамбыра 2005 — *Дамбыра И. Д.* Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск, 2005. {*Dambyra I. D.* Vocalism of the Kaa-Khem subdialect compared to other subdialects and dialects of Tuvan. Novosibirsk, 2005.}
- Исхаков 1961 — *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961. {*Iskhakov F. G., Palmbakh A. A.* Grammar of the Tuvan language. Phonetics and morphology. M., 1961.}
- Кечил-оол 2006 — *Кечил-оол С. В.* Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. Новосибирск, 2006. {*Kechil-ool S. V.* Typological specifics of the Sut-Khol subdialect consonantism in the system of Tuvan subdialects and dialects. Novosibirsk, 2006.}
- Наделяев 1960 — *Наделяев В. М.* Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л., 1960. {*Nadelyaev V. M.* Project of a universal unified phonetic transcription (UUPT). M.; L., 1960.}
- Сарбашева 2004 — *Сарбашева С. Б.* Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск, 2004. {*Sarbasheva S. B.* Phonological system of the Tuba dialect of Altai (in a comparative aspect). Novosibirsk, 2004.}
- Селютина, Уртегешев, Рыжикова 2006 — *Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Рыжикова Т. Р.* Чалканские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи // Языки коренных народов Сибири. Аналитические структуры в простом и сложном предложении. Новосибирск, 2006, 18. С. 216—234. {*Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S., Ryzhikova T. R.* Chelkan analytic verbal forms: phonetic changes in the sandhi positions // Languages of the native peoples of Siberia. Analytic structures in simple and complex sentences. Novosibirsk, 2006. Vol. 18. P. 216—234.}
- Селютина, Уртегешев 2017 — *Селютина И. Я., Уртегешев Н. С.* Фонетические изменения в позициях сандхи в аналитических формах тюркского глагола как феномен исторической памяти этноса // Сибирский филологический журнал. 2017, 2. С. 136—158. {*Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S.* Phonetic changes in the sandhi positions in analytic forms of Turkic verb as a phenomenon of a nation's historical memory // Siberian philological journal. 2017. Vol. 2. P. 136—158.}
- Уртегешев 2015 — *Уртегешев Н. С.* Внутриязыковые фонетические процессы, влияющие на усложнение языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Новосибирск, 2015, 2 (29). С. 81—88. {*Urtegeshev N. S.* Intralingual phonetic processes influencing the language's complexifying // Languages and folklore of the native peoples of Siberia. Novosibirsk, 2015. Vol. 2 (29). P. 81—88.}
- Уртегешев 2016 — *Уртегешев Н. С.* Фонетика чулымско-тюркского языка по записям 70-х годов XX века // Урало-алтайские исследования. М. 2016, 1 (20). С. 105—110. {*Urtegeshev N. S.* Phonetics of the Chulym Turkic language according to 1970s recordings // Ural-Altai Studies. M. 2016. Vol. 1 (20). P. 105—110.}
- Уртегешев, Селютина, Рыжикова 2007 — *Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Рыжикова Т. Р.* Шорские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи // Языки коренных народов Сибири. Аналитические структуры в простом и сложном предложении. Новосибирск, 2007, 19. С. 87—109. {*Urtegeshev N. S., Selyutina I. Ya., Ryzhikova T. R.* Shor analytic verbal forms: phonetic changes in the sandhi positions // Languages of the native peoples of Siberia. Analytic structures in simple and complex sentences. Novosibirsk, 2007. Vol. 19. P. 87—109.}
- Уртегешев, Селютина, Эсенбаева, Рыжикова, Добринина 2009 — *Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Эсенбаева Г. А., Рыжикова Т. Р., Добринина А. А.* Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий // Урало-алтайские исследования. М. 2009, 1. С. 100—115. {*Urtegeshev N. S., Selyutina I. Ya., Esenbaeva G. A., Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A.* Phonetic transcription standards UUPT and IPA: accordance system // Ural-Altai studies. M. 2009. Vol. 1. P. 110—115.}
- Шамина 1995 — *Шамина Л. А.* Аналитические конструкции сказуемого в тувинском языке // Языки народов Сибири. Новосибирск, 1995, 2. С. 23—39. {*Shamina L. A.* Analytic constructions of the predicate in Tuvan. Languages of the peoples of Siberia. Novosibirsk, 1995. Vol. 2. P. 23—39.}
- Selyutina 2000 — *Selyutina I.* Palatal synharmonism in the Turkic languages of South Siberia // *Turcologica* 46. Studies on Turkish and Turkic Languages. Wiesbaden, 2000. P. 27—32.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена исследованию звуковых трансформаций, происходящих в трёхкомпонентных деепричастных аналитических конструкциях (АК) тувинского языка. Анализ фонетических изменений в позиции сандхи — внешнего (анлаутного и ауслатного) и внутреннего (на морфемных швах) позволяет судить о внутриязыковых процессах синтетизации. По результатам аудитивных наблюдений выявлены три класса АК, различающихся расположением внешней межсловной паузы, играющей важную роль в процессе фонетических преобразований. Наиболее частотным

фонетическим изменением в тувинских АК в позициях внешнего и внутреннего сандхи является выпадение аффикса деепричастия $=(\text{ь}/\text{п})$, редукция которого происходит вследствие утраты показателем своей информативности в составе АК. В тех же случаях, где этот аффикс сохраняется, он выполняет, по большей части, функцию интерфикса. Устранение в АК 1-го класса ($V_1 + V_2 + V_3$) межсловной паузы, выполняющей в других классах делимитативную функцию между компонентами АК, свидетельствует о большей активности процесса синтеза элементов тривербальных комплексов 1-го класса по сравнению с АК 2-го ($V_1 \neq V_2 + V_3$) и 3-го ($V_1 + V_2 \neq V_3 (+ L)$) классов, где фонетические преобразования находятся на начальной стадии. В представленных в статье материалах по тувинскому языку зафиксированы различные этапы процесса морфологического опрощения в результате усечения какой-то части сложной аналитической формы, который некоторые тюркские языки уже пережили.

SUMMARY

The article is devoted to the study of sound transformations occurring in the triple adverbial participle analytic constructions (AC) of the Tuvan language. The analysis of phonetic changes in the position of the sandhi — external (anlaut and auslaut) and internal (morphemic boundaries) allows to make conjectures about the processes of intra-language synthesis. The results of auditive observations revealed three classes of AC, which differ in location of the external pause between words, which plays an important role in the process of phonetic changes. The most frequent phonetic change in Tuvan AC in the positions of external and internal sandhi is the loss of the affix of the adverbial participle $=(\text{y})\text{p}$ reduction which occurs due to the loss of its informativity as a part of AC. In the cases where this affix is stored, it mostly performs the function of an interfix. Elimination in 1st class ACs ($V_1 + V_2 + V_3$) of the pauses between words, which in other classes perform a delimitative function between the components of AC, indicates greater activity of the process of synthesis of components of triple complexes of the 1st class compared to AC-2 ($V_1 \neq V_2 + V_3$) and AC-3 ($V_1 + V_2 \neq V_3 (+ L)$) classes, where the phonetic transformation are at an initial stage. In the materials on Tuvan language presented in the article various stages of the process of morphological simplification are recorded. This process is the result of truncation of some part of a complex analytic form, which some Turkic languages have already experienced.

Ключевые слова: тувинский язык, деепричастные аналитические конструкции, фонетические преобразования, сандхи, процессы синтеза

Keywords: Tuvan language, adverbial participle analytical constructions, phonetic transformation, sandhi, processes of synthesis

Уртегешев Николай Сергеевич, Институт филологии СО РАН (Новосибирск); urtegeshev@mail.ru

Nikolay S. Urtegeshev, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); urtegeshev@mail.ru

Селютина Ираида Яковлевна, Институт филологии СО РАН (Новосибирск); siya_irina@mail.ru

Iraida Y. Selyutina, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); siya_irina@mail.ru

Рыжикова Татьяна Раисовна, Институт филологии СО РАН (Новосибирск); tanya12@mail.ru

Tatyana R. Ryzhikova, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); tanya12@mail.ru

Дискуссионная заметка к статье
Н. С. Уртегешева, И. Я. Селютиной и Т. Р. Рыжиковой
«Фонетические преобразования в позициях сандхи
в тувинских аналитических конструкциях»¹

Работа посвящена очень интересной теме — тому, как происходит на наших глазах синтезация трехчленных аналитических конструкций в тувинском языке. Проведено инструментальное исследование произнесений конструкций разного типа от двух носителей языка. Показано, что произнесения можно разделить на три разных типа по наличию межсловных пауз; внутри этих типов прослеживаются другие фонетические или морфонологические явления: опущение деепричастного показателя *-ын*, ослабление и выпадение попавших в интервокальную позицию граничных согласных и распространение сингармонизма. Ниже мы приведем некоторые соображения, в связи с которыми хотелось бы видеть продолжение исследования с тем, чтобы при дальнейшем исследовании получить от авторов некоторую дополнительную информацию.

Из примеров в статье видно, что разделение произнесений на типы не связано с грамматическим типом «трехсловных» конструкций. Так, конструкция 6 {T_v=п + КЭЭп} *тур=* в одном из лексических заполнений попадает в тип 1 (*унукеептырар*), в другом — в тип 2 (*сөктүп//кеептыра апарган*); конструкция 8 {T_v=п + БАР=/КЕЛ=} *чыт=* — в тип 2 (*шикандыр//парчаткан*) и тип 1 (*шужепарчаткан*); конструкция 13 {T_v=п + ЧОРуй} *бар=* — в тип 2 (*алгын//чөөрийбар*) и в тип 3 (*клаштанчөре//пар*). Это подразумевает, что тип произнесения, устанавливаемый в зависимости от слитности произнесения трехсловной конструкции (места речевой паузы в конструкции), не связан со степенью грамматикализации этой конструкции. В таком случае целесообразно было бы проверить, можно ли исключить предположение, что в принципе одна и та же конструкция с одним и тем же лексическим заполнением может быть произнесена одним и тем же информантом и по типу 1, и по типу 2, и по типу 3. Возможно также, в принципе, что один из информантов произносит одно и то же сочетание по одному типу, а другой по другому. Вероятно, полезно было бы увеличить количество информантов и проверить также, какие из выделенных фонетических явлений в этих случаях варьируют, а какие остаются жестко привязанными. Если никакие из выделенных факторов не являются жестко сцепленными (кроме, конечно, того тривиального факта, что при наличии межсловной паузы не будет наблюдаться ни сингармонизма, ни процессов изменения согласных в интервокальной позиции), то было бы интересно провести небольшое статистическое исследование на предмет обнаружения корреляций.

Второе соображение. Декларируемое в статье намеренное игнорирование морфонологических запретов/разрешений на опущение показателя *-ын* в конструкциях вряд ли целесообразно. Один из выводов работы — «Выпадение или стяжение деепричастных аффиксов =*n* в звуковых оболочках компонентов сложной основы ТДАК происходит вследствие того, что они утрачивают или уже утратили свою семантику в составе АК». Это довольно сильный вывод. Во-первых, о какой семантике грамматического конструкционного элемента идет речь в случае с деепричастным показателем? Значение деепричастного показателя — вторичность предикации; к слиянию первичных и вторичных предикатов в одну предикацию приводит, как известно, десемантизация вспомогательных глаголов (ранее выполнявших роль первичных предикаций), логически очевидно, что с этого момента происходит утрата значимости показателя вторичной предикации и морфема продолжает фигурировать только как конструкционный элемент. Во-вторых, в свете того, что в приведенном авторами материале явно наблюдается частичное распределение наблюдаемых фонетических процессов в зависимости от морфонологических факторов, без их учета общая картина оказывается смазанной.

В данном случае воздействуют на результат следующие сегментные процессы тувинской порождающей морфологии (см. подробнее [Дыбо, Шеймович 2017]):

«1.2. преобразование конечных (стоящих непосредственно перед морфологической словоизменительной границей) *к, л, м, л²* некоторых односложных глагольных основ на границе с афф. деепричастия на *Ып*

¹ Работа проведена в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства РФ № 14.У26.31.0014).

² По данным [ГТЯ: 38], опционально это правило действует также для односложных глаголов на *-ң* (*доң-Ып > дооп/доуп* ‘замерзнув’), но по примерам в [ГТСТЯ] все такие основы сохраняют *ң*. Вопрос нуждается в корпусном и диалектологическом исследовании.

в Г: бол- + Ып > боГ-Ып / бол-Ып (> бооп болуп) 'быв', кел- + Ып > кээн 'придя', но бил- + Ып > билп 'узнав'. Информация о наличии и обязательности преобразования извлекается из полей ALTERNATEN или FORM базы грамматического словаря основ и сегментного состава и имени аффикса деепричастия.

1.2. (N(V)=1){Mrphn}к-,п-,м-,л-[н-] → (N(V)=1){Mrphn}Г-/_{(ConvPast)Mrphn+1}

бол-Ып → боГ-Ып бол-Ып (→ бооп болуп) 'будучи',

кел-Ып → кеГ-Ып (→ кээн) 'придя',

но бил-Ып → билп 'зная'.

? доң-Ып → дооп доңуп 'замерзнув'

NB: ал-Ып → ап 'взяв',

кып-Ып → хып 'загоревшись'

сок-Ып → сон 'ударив'

3.1. Все Г, г, имеющиеся в условной записи словоформы до сих пор и оказавшиеся в интервокальной позиции, выпадают, а окружающие их гласные стягиваются в одну долгую, являющуюся соотносительной парой по долготе для гласной, предшествовавшей выпавшей Г: оГЫл > оол, аГЫс > аас, таваГ-Ыл > таваам 'мое блюдо'; уруГ-Ы > уруу 'его ребенок'; белеГ-Ыл > белээм 'мой подарок'; кес=eГ-Ы > кезээ 'его часть'; даг-Ы > даа 'его гора'; суг-Ы > суу 'его вода'; саг-Ып > саап 'подоив', каг-Ар > каар 'оставлять', чуг-Ыр > чуур 'мыгь', кеГ-Ар/кел-Ар > кээр/келир 'приходить', беГ-Ар > бээр 'давать'».

Действительно, все случаи, содержащие формы деепричастий на -(Ы)П с выпавшей согласной и долгой стяженной гласной в корне, сохраняют -П независимо от типа конструкции и типа произнесения, к которому они отнесены; случаи, в которых в форме деепричастия при выпадении гласная корня остается краткой (словарно обусловленные), ведут себя по-разному, но не в зависимости от наличия паузы между рассматриваемой формой деепричастия и следующей словоформой:

Первый тип произнесения:

(3) чыдып каап чоруур

[tʃ^cadɔp.k^cɑ:p.tʃ^cγ/θrʏrʃ]

(6.1) үнүп кээн турар

[γnːγksɜ:p.t^cɛrɑr^c]

но

(23.1) хоора сон алдым

[χɔːrɔs:ɔldɛm]

Второй тип произнесения:

(6.2) сөктүп кээн турар

[sʰæks.tʃɔpː, /=/ k'e:pːt'ɛrɑ /=/ [ʔɑpːɑrɑɑn]]

(23.2) тыртыыштай шап алган

[tʃ'ɛrtɛʃtɛ:ʃ' /=/ ɑβɑlɑn]

(26) өгленип ап болур

[ø'lenːɛn, /=/ ʔɑp.pɔlɔr]

Третий тип произнесения:

(5.1) озалдап каап турар улус

[ɔzɑldɑp.k^cɑ:p, /=/ t^cur{lusː}]

(5.2) чугаалап каап тургай сен

[tʃ^cγɑɑlɑp.k^cɑ:p, /=/ t^curoɑj{s':ɛnː}]

Далее, хотя в порождении орфографической формы тувинских словоформ отсутствует правило запятой опущения -(Ы)П при глагольной основе, оканчивающейся на гласную, но похоже, что такое правило (морфонологическое по его месту применения в порождении словоформы, то есть действующее на сегментных цепочках с неснятыми границами морфем) действует в порождении устной формы словоформ, ср. полный список соответствующих примеров из статьи:

(11) дынна-п чыдып калган

[tɛn.nɑp.tʃɔt.qɑlɑn]

(14) диле-п туруп бергеннер

[tɛ'lɛpː.turp'ɛr'genːn'zrː]

(5.1) озалда-п каап турар улус

[ɔzɑldɑp.k^cɑ:p, /=/ t^cur{lusː}]

(5.2) чугаала-п каап тургай сен

[tʃ^cγɑɑlɑp.k^cɑ:p, /=/ t^curoɑj{s':ɛnː}]

(13.2) кылашта-п чоруй баар араңда

[k'ɪɑʃt'ɑp.tʃɔr'e /=/ h^cɑːr{ɑrɛndɑ}]

(25) парла-п берип көрүңөр дээш

[pɑrl'æp.p'ɛ:r'ip, /=/ kɔr'nzrː{d'zɪʃ}]

(13.1) алгы-п чоруй баар

[ʔɑlɔpː, /=/ tʃ^cɑːr'ijbɑrː{ɪ'kɑːz'ɪɑj}]

(2) эглип чору-п орап-ла

[z'ɪpː, /=/ tʃ^cærːβɔrɔl'æ]

Пример (1) *эдержип чоруп турганы-даа* [ʔɛd'zr'ipː, /=/ tʃ^cærːt^curoɑnɪ] (*эдержип чортургана*) объясняется тем, что основа глагола 'двигаться' в тувинском имеет двойственную структуру — с гласной и без гласной на конце, см., например, [TPC: 541]: *чор-*, *чору-*, эта двойственность восходит, возможно, к пратюркскому состоянию, см. [ЭСТЯ 1989: 225].

Опущение-неопущение показателя *-(Ы)П* в сериальных конструкциях других тюркских языков Южной Сибири определяется, как известно из имеющихся описаний и действующих корпусов, также не вполне фонетическими условиями. Прежде всего, в хакасском языке опущение возможно только для деепричастий, образованных от глаголов с консонантным завершением основы, от основ на гласную опущение невозможно. Это не фонетика и не фонология, а морфонология (в хакасском языке в деепричастии *арын* от глагола *ар-* ‘худеть’ *-(ы)п* может быть опущено, а в деепричастии *арын* от глагола *ары-* ‘очищаться’ — не может, см. [Донидзе 1962: 46; Дыренкова 1948: 80]). Наличие такого правила явно противоречит идее, что выпадение показателя связано с утратой им семантики. Затем, в хакасском языке, как и в тувинском, опущение показателя деепричастия невозможно в случае, если при образовании деепричастия происходит выпадение конечного согласного корня в интервокальной позиции. Поэтому в деепричастии *хаан* от *хап-* ‘хватать’ опущение также запрещено вне зависимости от фонетического окружения этой словоформы. Как следует из примеров в [ГХЯ: 183, сноска 37] (подтверждаемых материалами нашего хакасского корпуса www.khakas.altai.ca.ru), эти правила действуют как в случае грамматикализованных поливербальных сочетаний (при выражении десемантизованными вспомогательными глаголами модальных и акциональных значений), так и при сохранении лексической семантики всех участвующих в конструкции глаголов, в частности, в свободных поливербальных сочетаниях: *чүгүр нар-* ‘бежать’; ‘идти бегом’ [*чүгүр(ин)*], по анализу [ГХЯ: 183], — обстоятельство образа действия]; *сегір кил-* ‘идти (сюда) подпрыгивая’; *син иб хадар хал* ‘ты останься охранять дом’ [*хадар(ын)*], по анализу [ГХЯ: 183], — обстоятельство цели]; но *аңна-п нар-* ‘ехать (идти) на охоту’ (*аңна-п* — обстоятельство цели).

Надо сказать, что в других известных нам тюркских языках Южной Сибири также можно обнаружить действие морфонологических ограничений на опущение деепричастного показателя *-(Ы)П* в поливербальных конструкциях. Приведем материал челканского корпуса, в котором примеры с опущением и без опущения абсолютно регулярно распределяются по тем же группам, связанным со структурой глагольной основы: консонантные, вокалические, стяженные; причем, как будто, это не связано со степенью десемантизации не-первых глаголов в сочетании. Ниже приводятся примеры из [Erdal et al. 2013: 3—14].

Консонантные основы:

пара-зы-ны тарт шыгар кел-зе
 сеть-POS3-ACC³ тянуть выносить AUX:выходить-COND
 ‘когда он вытянул свою сеть’

Пара-зы-на ньаан үш педер кир қал-тыр.
 сеть-POS3-DAT большой три таймень войти остаться-PAST.INDIR
 ‘В сеть три больших тайменя попали, оказывается.’

Үш педер-ни пожот ий-тир.
 три таймень-ACC освободить пустить-PAST.INDIR
 ‘Он трех тайменей выпустил, оказывается.’

қарыт-қа сал са-ан педер-лер
 корыто-DAT класть AUX:класть-PRF таймень-PL
 ‘положенные в корыто таймени’

талай-ға нар сал ий-ди.
 море-DAT уходить класть⁴ пустить⁵-PAST
 ‘в море отпустил’

Вокалические основы:

Алтай-дын тала-п ал-ған қат-ы нар ақ пол-тыр.
 Алтай-AVL грабить-CONV братъ-PRF жена-POS3 наличие ASS быть-PAST.INDIR
 ‘Оказывается, у него была жена, которую похитил⁶ из Алтая’.

³ В источнике ошибочное глоссирование: Fischernetz -POSS.3 POSS.3 SG.

⁴ В источнике неточно отгlossировано AUX:legen.

⁵ В источнике неточно отгlossировано AUX:schicken.

⁶ В источнике, видимо, неточный перевод ‘выбрал’. Значение ‘выбирать’ не фиксируется у глагола *тала-* нигде, кроме [Баскаков 1985: 201], причем в текстах Баскакова слово встречено один раз, там, где речь идет о планируемой женитьбе, и перевод ‘похитить’ столь же возможен, сколь ‘выбрать’ — [Баскаков 1985: 125].

семийе-зи-ни азыра-п тьат-тен пол-тыр
 семья-POS3-ACC кормить-CONV AUX:лежать-IPF быть-PAST.INDIR
 ‘кормил (обычно), оказывается, свою семью’

Тирүҗ педер-лер шалвықта-п, ойна-п-тен-и матап пол-тыр.
 живой таймень-PL плескаться-CONV играть-CONV-IPF-POS3 здорово быть-PAST.INDIR
 ‘То, как живые таймени, плескаясь, играли, было здорово’.

Стяженные основы:

Үй-и-не экел-ке-п ({al-IP-ke-IP-ke-IP}), ньяан қарыт-қа суғ ур-ке-п ({ur-IP-ke-IP})
 дом-POS3-DAT принести-AUX:приходить-CONV большой корыто-DAT вода налить-AUX:приходить-CONV
 ‘Принеся домой (три тайменя), налив в большое корыто воду, (выпустил их туда)’.

Пир педер-ни қав ал ({kar-IP al-IP}), талай-ға нар сал ий-ди.
 один таймень-ACC взять-CONV AUX:брать⁷ море-DAT уходить класть пустить-PAST
 ‘Он, схватив одного тайменя, пойдя к морю, отпустил его туда’.

Ср. также встретившиеся выше уже совершенно грамматикализованные формы имперфектного причастия: *тьат-тен*, но *ойна-п-тен-и*.

Несколько иначе, чем хакасские и челканские, выглядят данные чулымско-тюркского языка. В качестве языкового материала использованы тексты среднечулымского диалекта (тутальский и мелетский говоры), написанные и озвученные информантами (оригинальная орфография сохранена), а также фрагменты диалогической и монологической речи нижнечулымского и среднечулымского диалектов, собранные в ходе полевой работы В. М. Лемской при участии Д. М. Токмашева в 2006—2018 гг. О проблеме степени стяженности поливербальных конструкций в чулымском мы уже упоминали в некоторых работах, обращая внимание на высокую степень морфонологической вариативности чулымско-тюркских форм, ср. [Лемская 2012, Лемская 2014]⁸.

Нижнечулымский диалект (информант Д. Г. Мамонтов, 1921—2011):

Консонантные основы

а) Консонантные основы — выпадение *-(I)P*: темпоральные и аспектуально-акциональные формы с десемантизацией вспомогательного глагола.

maa nada par sal-arҕa
 мне надо уходить AUX:класть-INF
 ‘мне надо уйти (совсем)’

*sän ködür sal-ҕan (<*η) eer nözä-mi*
 ты поднимать AUX:класть-PAST-SG2 тяжелый что-Q
 ‘ты поднял тяжелое что-то’

kerek jer-in-de pek-älä päk paaz wär-ädi
 нужный земля-POS3-DAT сильный-PART сильный нажимать AUX:давать-PRES
 ‘в нужном месте шибко нажмет (< *нажимает)’

*men saa ajt-(*t)ir-im әҕір-w-il*
 я тебе говорить-PRES-SG1 болеть-NEG-IMP
 ‘я тебе говорю, не болей’

ol ajt jat-qan men leçitsa boo-p ja-η
 он говорить AUX:лежать-PAST я рус.лечиться AUX:быть-CONV AUX:лежать-SG2
 ‘он рассказывал, как меня ты лечил’

anda jad-ip uqlu(-p) par-wo-ҕo-m⁹
 там лежать-CONV спать(-CONV) уходить-AUX:быть-FUT-1
 ‘там заночую (усну)’

⁷ В источнике неточно отгlossировано fassen AUX:nehmen.

⁸ Мы исключили из анализа чулымские формы, восходящие к сочетаниям с вспомогательным глаголом *is-* ‘послать’, т. к. эти формы должны рассматриваться как уже полностью синтезированные (ср. данные хакасского языка).

⁹ На выпадение показателя *-(I)P* указывает, в частности, “постсонантное” поведение начального согласного глагола *pol-* ‘быть’ в форме *wo-ҕo-m*, ср. ниже.

*qaryi maa uts-al-yan / uts-sal-yan*¹⁰
 ворона мне лететь-AUX:братъ-PAST лететь-AUX:класьть-PAST
 ‘ворона ко мне прилетела’

Дублирование форм с выпадением и без выпадения встретилось при слитном глаголе *ä-kel-* ‘принести’ (**al-ip kel-* ‘взяв, прийти’).

sawin ä-kel-ip-sal-yan / ä-kel-sal-yan
 мыло братъ-AUX:приходить-CONV-AUX:класьть-PAST братъ-AUX:приходить-AUX:класьть-PAST
 ‘мыло принесла’

б) Консонантные основы — выпадения нет: поливербальные конструкции с глаголами движения, где подчиненная предикация обозначает способ перемещения; глагол, обозначающий главную предикацию, не десемантизован; поливербальные конструкции, обозначающие последовательность действий, второй глагол также не десемантизован.

sïsqin maa udz-up käl-gen
 сорока мне лететь-CONV приходить-PAST
 ‘сорока ко мне прилетела’

män läpkä-ä jür-üp par-ya-m
 я лавка бежать-CONV уходить-PAST-SG1
 ‘я в магазин сбегал’

anda jad-ip uqlu(-p) par-wo-yo-m
 там лежать-CONV спать(-CONV) уходить-AUX:быть-FUT-1
 ‘там пойду заночую (лягу, усну)’

Вокалические основы: выпадения нет, независимо от степени грамматикализованности конструкции.

а) *qursay-i iyri-p sal-yan*
 живот-POS3 болеть-CONV AUX:класьть-PAST
 ‘живот заболел’

meŋ pel-i iyri-p jör-yen
 моя спина-POS3 болеть-CONV AUX:ходить-PAST
 ‘моя спина заболела’

*baba katä jurtə(-p) par-yaan*¹¹ *jüs jerwe jil*
 бабушка Катя жить(-CONV) AUX:уходить-PAST 100 20 год
 ‘Бабушка Катя прожила 120 лет’

б) *anda jad-ip uqlu(-p) par-wo-yo-m*
 там лежать-CONV спать(-CONV) уходить-AUX:быть-FUT-1
 ‘там пойду заночую (усну)’

men anda uqlu-p paar-im
 я там спать-CONV уходить.FUT¹²-1
 ‘я там пойду спать’

Стяженные основы — выпадения нет, независимо от степени грамматикализованности конструкции (десемантизации второго глагола).

а) *ol-ani saap qal-yan qursay-im-a*
 она-ее класьть-CONV AUX:оставлять-PAST живот-POS1-DAT
 ‘так/ее положил на живот’

¹⁰ Здесь неясно, какой именно вспомогательный глагол использован.

¹¹ Здесь и в следующем примере очевидно, что показатель *-(I)P* не выпал, так как в противном случае начальный *p-* вспомогательного глагола перешел бы в *w-*.

¹² Форма *paar* представляет собой стяженную форму причастия будущего времени: *par-ar*.

duya-zin-i saap qal-yan pel-im-ye
 дуга-POS3-ACC класть-CONV AUX:оставлять-PAST спина-POS1-DAT
 ‘дугу положил на мою спину’

ol ayt jat-qan men leçitsa boop ja-ŋ
 он говорить-AUX:лежать-PAST я рус.лечиться AUX:быть-CONV ?AUX:лежать-SG2
 ‘он рассказывал, как меня ты лечил’

б) *üü-yaä keep tsik-kel-gen*¹³
 дом-DAT приходить-CONV выходить -AUX:приходить-PAST
 ‘Когда он вернулся домой’

Тутальский говор среднечулымского диалекта (информант В. М. Габов, 1952 г. р.):

Консонантные основы

а) Консонантные основы — выпадение *-(I)P*: темпоральные и аспектуально-акциональные формы с десемантизацией вспомогательного глагола.

кёрь-на-ган
 смотреть-AUX:уходить-PAST
 ‘увидел’

ол аны эт-сал-ган айт-қан
 он ее делать-AUX:класть-PAST говорить-PAST
 ‘Сказал, что он ее сделал’

*кер-юнь — аны ыс-ал-ган / ы(с)-сал-ган*¹⁴
 смотреть-CONV его посылать-AUX:брать-PAST посылать-AUX:класть-PAST
 ‘и, посмотрев на него строго, тотчас отослал его (букв. посмотрев, его отослал)’

а ол көр-на-ган нис-тә
 а он смотреть-AUX:уходить-PAST мы-DAT
 ‘а он увидел нас’

б) Консонантные основы — выпадения нет: поливербальные конструкции, обозначающие совмещение или последовательность действий; глагол, обозначающий главную предикацию, не десемантизован, может отделяться от подчиненной формы.

*камя-да олур-ун тик-(*к)ян-(*н)ар пю-зюн*
 обласок-DAT сидеть-CONV шить-PAST-PL сеть-POS.ACC
 ‘также в лодке починивающих сети (букв. в лодке сидя, шьют сети)’

Пар-ын кот-юс (<körüt-üs)*
 уходить-CONV показывать-СОМ
 ‘пойди, покажись’

арьтян тур-ун пар-с-кан
 утро вставить-CONV уходить-AUX:посылать-PAST
 ‘а утром, встав весьма рано (букв. утром встав, пошел)’

ол пар-ын парче-зын-ге сата-н-сал-ган
 он уходить-CONV все-POS3-DAT говорить-CONV-AUX:класть-PAST
 ‘а он, выйдя, начал провозглашать’

кер-юнь — аны ыс-ал-ган / ы(с)-сал-ган
 смотреть-CONV его посылать-AUX:брать-PAST посылать-AUX:класть-PAST
 ‘и, посмотрев на него строго, тотчас отослал его (букв. посмотрев, его отослал)’

¹³ Пример из [Дульзон 1952: 175].

¹⁴ Здесь неясно, какой именно вспомогательный глагол использован.

Встретился случай, когда при консонантной основе и явной десемантизации второго глагола (даже утрате аналитизма формы) показатель *-(I)P* сохраняется; здесь, вероятно, дело в звуковом параллелизме с первой формой от вокалической основы *чи-* ‘есть’¹⁵:

кая ол чи-п-тыр - *ич-иб-тыр*
как он есть-CONV-PRES пить-CONV-PRES
‘как это Он ест и пьет’

Вокалические основы — выпадения нет, независимо от степени грамматикализованности конструкции.

а) *тырла-п-сал-ган*
трясти-CONV-AUX:класть-PAST
‘сотряси (букв. сотряс)’

ол пар-ып парче-зын-ге сата-п-сал-ган
он уходить-CONV все-POS3-DAT говорить-CONV-AUX:класть-PAST
‘а он, выйдя, начал провозглашать’

б) *түкәти пис-ти орлу-п пыр-руқ*
все мы-ACC красть-CONV AUX:уходить-FUT
‘нас обокрадет (и уйдет)’

Стяженные основы — выпадения нет, независимо от степени грамматикализованности конструкции.

аны ап-сал-ган
его брать-CONV-AUX:класть-PAST
‘его забрал’

пис-ти ап шық-қан
мы-ACC брать-CONV выходить-PAST
‘нас увез’

ол еш-па-ган ке-п-тыр Исус Назорей
он слышать-AUX:уходить-PAST приходить-CONV-PRES Исус Назорей
‘услышав, что это Исус Назорей (букв. Услышал/услышавший, приходит Исус Назорей)’

Мелетский говор среднечулымского диалекта (информант А. Ф. Кондияков, 1952 г. р.)

Консонантные основы

Консонантные основы — выпадение *-(I)P*: темпоральные и аспектуально-акциональные формы с десемантизацией вспомогательного глагола.

қал-дыр-са-ган
оставлять-CAUS-AUX:класть-PAST
‘оставил’

көр-па-ган
смотреть-AUX:уходить-PAST
‘увидел’

чун-са-ган
мыть-AUX:класть-PAST
‘вымыл’

¹⁵ В тутальском говоре в поселке Тегульдет (или же у данного информанта? — В. Л.) показатель *-(I)P* при консонантных основах регулярно сохраняется также в утративших аналитизм формах презенса, восходящих к сочетанию с вспомогательным глаголом *olur-* ‘сидеть’: *пил-иб-ли-м* знать-CONV-AUX:сидеть-SG1 ‘я знаю’, *пил-иб-зын* знать-CONV-(*AUX:сидеть)-SG2 ‘ты знаешь’, *пил-иб-ли* знать-CONV-AUX:сидеть ‘он знает’.

өл-па-ган

умирать-AUX:уходить-PAST

‘умер’

Консонантные основы — выпадения нет; и формы с десемантизацией вспомогательного глагола, и формы без такой десемантизации.

- а) айд-ыл-тыр-ыс (в отличие от «ожидаемого» *айттыр)
говорить-CONV-PRES-PL I
‘мы говорим’

олур-са-п

сидеть-AUX:класть-CONV

сатоз-ув-с-қан

разговаривать-CONV-AUX:посылать-PAST

‘сел и стал разговаривать’

Дублетность форм:

эс-са-п

слушать-AUX:класть-CONV

нар-с-қа(*н)-нар

AUX:уходить-AUX:класть-PAST-PL далеко-INS

ырақ-лаң

‘послушав, пошли дальше’

нар-ыс-с-қа(*н)-нар

уходить-CONV-AUX:посылать-PAST-PL

‘пошли’

- б) ол нарчө-зун кор-ун (<*kör-ür) түд-увлу
он все-POS.ACC смотреть-CONV AUX:держатъ-PRES
‘он всегда все контролирует’

Вокалические основы — выпадения нет, даже при утрате формой аналитизма, с десемантизацией вспомогательного глагола.

қорғу-п-тур-лар

бояться-CONV-AUX:стоять-PL

‘боятся’

ўрьнў-пъ-тўрь

радоваться-CONV-PRES

‘радуется’

Стяженные основы — выпадения нет, даже при утрате формой аналитизма, с десемантизацией вспомогательного глагола.

- а) по-п-тур-увс

быть-CONV-PRES-PL I

‘становимся’

- б) олур-са-п

сидеть-AUX:класть-CONV

сатоз-ув-с-қан

разговаривать-CONV-AUX:посылать-PAST

‘сел и стал разговаривать (последовательные действия)’

Таким образом, в разных тюркских идиомах Южной Сибири мы видим разное соотношение между грамматическими и морфонологическими правилами опущения деепричастного показателя, но во всех случаях морфонологическое, обусловленное не степенью грамматикализации формы, а только словарной формой внешней оболочки глагольной основы, правило действует в определенных зонах материала.

Возможно, что и для тувинского языка работают подобные правила, не отраженные в грамматических описаниях в силу того, что выпадения не отражены в тувинской орфографии. При выборе материала для фонетического эксперимента эти моменты тоже следует эксплицировать — верно ли окажется в эксперименте, что действительно здесь выпадения не происходит, и какие другие фонетические явления при этом могут наблюдаться; в статье рассмотрение этих примеров не отделено от других, для которых не имеется известных морфонологических запретов.

Кажется, что, если ответы на все эти вопросы, возникающие у читателя, будут получены, значимость проведенного эксперимента для решения проблем связи морфологических процессов синтеза и фонетической фузии в тюркских языках Южной Сибири значительно возрастет.

И высказанные соображения, и уже рассмотренный в статье материал заставляют еще раз задуматься о необходимости дополнения развиваемого сейчас Национального корпуса тувинского языка (см. [Salchak, Bayir-ool 2015; Oorzhak, Khertek 2015]) подкорпусом устной речи.

Сокращения

1 — 1-е лицо	INF — инфинитив
2 — 2-е лицо	IMP — императив
3 — 3-е лицо	INS — инструменталис/комитатив
ACC — винительный падеж	IPF — имперфектив
ABL — отложительный падеж	NEG — отрицательная форма
ASS — утвердительная частица	PART — частица
AUX — вспомогательный глагол	PAST — прошедшее время
CAUS — каузатив	PL — множественное число
COM — форма совместного действия	POS, POSS — принадлежность
COND — условное наклонение	PRES — настоящее время
CONV — деепричастие	PRF — перфектив
DAT — дательный падеж	Q — вопросительная форма
FUT — будущее время	SG — единственное число
INDIR — заглазность	

Литература

Баскаков 1985 — Баскаков Н. А. Диалект лебединских татар-чалканцев (Куу-кижи): Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. М., 1985. {*Baskakov N. A. Dialect of Lebedin tatar-chalkans (Kuu-kizhi). Grammar, texts, translations and lexics. Moscow, 1985.*}

ГТЯ — Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. М., 1961. {*Isxakov F. G., Palmbach A. A. Grammar of Tuvinian. Moscow, 1961.*}

ГХЯ — Грамматика хакасского языка / Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1975. {*N. A. Baskakov (ed.). Khakas Grammar. Moscow, 1975.*}

Донидзе 1962 — Донидзе Г. И. Средства выражения подлежащего и сказуемого в хакасском языке // Вопросы хакасской филологии. Абакан, 1962. С. 21—67. {*Donidze G. I. Means of expressing subject and predicate in Khakass // Issues in Khakass philology. Abakan, 1962. P. 21—67.*}

Дульзон 1952 — Дульзон А. П. Чулымские татары и их язык // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Том IX. Томск, 1952. С. 76—211. {*Dulzon A. P. Chulyum Tatars and their language // Transactions of Tomsk State Pedagogic Institute. V. 9. Tomsk, 1952. P. 76—211.*}

Дыбо, Шеймович 2017 — Дыбо А. В., Шеймович А. В. Опыт компьютерно-ориентированного описания тувинской морфонологии в рамках системы автоматического морфологического анализа // Материалы V-й Международной конференции по компьютерной обработке тюркских языков “TurkLang 2017” (Казань, 18—21 октября 2017 г.) {*A. Dybo, A. Sheimovich. An Attempt of Computer-Oriented Description of Tuvan Morphophonology within the Framework of the Automatic Morphological Analysis System // Proceedings of The Vth International Conference on Computer Processing of Turkic Languages “TurkLang 2017” (Kazan, 18—21 October 2017)*} <http://www.turklang.tatar/wp-content/uploads/2017/05/TurkLang-2017.-Tom2.pdf>.

Дыренкова 1948 — Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка: фонетика и морфология. Абакан, 1948. {*Dyrenkova N. P. Grammar of the Khakass language: phonetics and morphology. Abakan, 1948.*}

Лемская 2014 — Лемская В. М. Грамматикализация поливербальных конструкций в чулымско-тюркском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). Вып. 1 (116) 2012. Томск, Изд-во ТГПУ, 2012. С. 60—63. {*V. Lemskaya. Grammaticalization of Polyverbal Constructions in Chulyum Turkic // Tomsk State Pedagogical University Bulletin. Vol. 1 (116). Tomsk, 2012. P. 60—63.*}

Лемская 2014 — Лемская В. М. Проблемы установления фонематического инварианта лексем при составлении словаря родного языка (на материале чулымско-тюркского языка) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). Вып. 4 (6) 2014. Томск, Изд-во ТГПУ,

2014. С. 9—12. {*V. Lemskaya. Problems of Determining the Lexeme's Phonemic Invariant when Compiling a Dictionary of One's Mother Tongue (Based on Chulym Turkic Data)* // *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. Vol. 4 (6). Tomsk, 2014. P. 9—12}.

ТРС — Тувинско-русский словарь /Под ред. Э. Р. Тенишева. М., 1968. {*E. R. Tenishev* (ed.) *Tuvinian-Russian dictionary*. Moscow, 1968}.

ТСТЯ — Толковый словарь тувинского языка. Т. II. Новосибирск, 2011. {*Explanatory dictionary of Tuvinian language*. Vol. II. Novosibirsk, 2011}.

ЭСТЯ 1989 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Авт. сл. статей Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. М., 1989. {*Etymological dictionary of the Turkic languages: Common Turkic and Intra-Turkic stems on J, Zh, Y* / E. V. Sevortyan, L. S. Levitskaya. Moscow, 1989}.

Erdal et al. 2013 — *Handbuch des Tschalkantürkischen*. Teil 1: Texte und Glossar. Hg.: M. Erdal, I. Nevskaya, H. Nugteren und M. Rind-Pawłowski.

Salchak, Bayir-ool 2015 — *Salchak A., Bayir-ool A. The main results of the project on creation an electronic corpus of Tuvan language* // Сборник трудов конференции “TurkLang 2015”. Казань, 2015. С. 259—268. {// Collected papers from the TurkLang 2015 conference. Kazan, 2015. P. 259—268}.

Oorzhak, Khertek 2015 — *Oorzhak B., Khertek A. Development of semantic markup the corpus of Tuvan language* // Сборник трудов конференции “TurkLang 2015”. Казань, 2015. С. 351—362. {// Collected papers from the TurkLang 2015 conference. Kazan, 2015. P. 351—362}.

Дыбо Анна Владимировна, Томский государственный университет (Томск), Институт языкознания РАН / Институт классического Востока и античности Высшей школы экономики (Москва); adybo@mail.ru

Лемская Валерия Михайловна, Томский государственный педагогический университет, Томский политехнический университет, Томский государственный университет (Томск); lemskaya@mail.ru

Anna V. Dybo, Tomsk State University (Tomsk), Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences & Institute for Oriental and Classical Studies, High School of Economics (Moscow); adybo@mail.ru

Valeriya M. Lemskaya, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk Polytechnic University, Tomsk State University (Tomsk); lemskaya@mail.ru

**Таисия Макаровна Тоцакова — первый алтайский ученый-лингвист
(к 115-летию со дня рождения)**

27 апреля 2017 г. в Горно-Алтайске прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы алтайского языкознания: проблемы развития литературного языка, совершенствование современной орфографии», посвященная 115-летию первого алтайского ученого, лингвиста, одного из основоположников науки и образования Республики Алтай Т. М. Тоцаковой (1902—1970).

Таисия Макаровна Тоцакова родилась 22 декабря 1902 г. в с. Улалу Бийского уезда Томской губернии (ныне г. Горно-Алтайск, Республика Алтай) в семье рабочих. Для своего времени она получила неплохое образование, окончив церковно-приходскую школу в с. Узнезя Чемальского района и второ-классную школу при женском монастыре в с. Чемал. Это позволило ей в 1922—1933 гг. работать учительницей в начальной школе с. Карасево Солтонского района Алтайского края, затем в начальных школах с. Актел Шебалинского района, начальных школах-интернатах с. Челушман Улаганского района и с. Кош-Агач Ойротской автономной области (ныне Республика Алтай), заведующим тувинской школой-интернатом в Ойрот-Туре (ныне Горно-Алтайск) [Суразакова 1982; Тыбыкова 1994; Тыбыкова 2006: 3].

В 1933 г., после окончания курсов на получение звания учителя, Т. М. Тоцакова направляется в Ойротский педагогический техникум (ныне Горно-Алтайский педагогический колледж) преподавателем ойротского языка. С этого времени начинается её основная научно-педагогическая деятельность.

В 1935 г. начинается кампания по переводу латинизированных алфавитов народов СССР на кириллицу. Т. М. Тоцакова избирается ответственным секретарем Комитета нового алфавита при Ойротском облисполкоме. Она занимается разработкой нового ойротского алфавита на основе русской графики и усовершенствованию орфографии ойротского языка. В это время на Алтае создаются специальные комиссии по созданию национальной письменности, по переводу на ойротский язык общественно-политической и русской художественной литературы. Таисия Макаровна принимает активное участие в переводческой работе, ведет кропотливую работу по составлению новых учебников и учебных пособий по ойротскому языку.

В 1938 г. утверждаются проект нового ойротского алфавита на основе русской графики и проект орфографии. В этом же году выходит в свет фундаментальная работа Т. М. Тоцаковой «Орфография ойротского языка» [Тоцакова 1938а]. Кроме того, в 1938 г. издаются её работы: «Грамматика ойротского языка: Пособие для учителей родного языка, переводчиков и изучающих ойротский язык» [Тоцакова 1938б], «Грамматика ойротского языка. Синтаксис» [Тоцакова 1938в]. В подготовке этих работ большую помощь оказали известные ученые-тюркологи С. Е. Малов, К. К. Юдахин, Н. А. Баскаков, А. А. Соколов. Все эти работы впоследствии дополнялись и переиздавались несколько раз [Тоцакова 1941а; 1947; 1952а; 1958; 1960; 1965; 1968].

В 1940 г. по решению облисполкома Ойротской автономной области Т. М. Тоцакова переводится в отдел народного образования на должность председателя областной комиссии языка и литературы с правом инспектирования преподавания ойротского языка и литературы. Это дало ей возможность вплотную заняться вопросами ойротской школы, создания ее учебно-педагогической базы. Т. М. Тоцакова занимается не только проблемами преподавания ойротского языка, но и проблемами преподавания литературы [Тоцакова 1941б].

В конце 1941 г., во время Великой Отечественной войны, в Ойрот-Туру из Москвы эвакуируется Московский государственный педагогический институт им. К. Либкнехта. В числе преподавательского состава института были такие знаменитые тюркологи, как Н. А. Баскаков и Л. П. Потапов. В 1942 г. в институте было открыто Ойротское отделение для подготовки учителей с высшим образованием. Активное участие в открытии института принимали Н. А. Баскаков и Т. М. Тоцакова. Таисия Макаровна становится преподавателем Кафедры ойротского языка и литературы этого института.

В 1943 г. МГПИ им. К. Либкнехта был реэвакуирован в Москву вместе с Ойротским отделением и присоединен к МГПИ им. В. И. Ленина. В 1945—1948 гг. Т. М. Тоцакова, одновременно работая на Кафедре ойротского языка и литературы, экстерном заканчивает заочное отделение МГПИ им. В. И. Ленина. В 1948 г. она поступает в аспирантуру Института языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР (ныне Институт языкознания РАН).

1 июня 1950 г. Таисия Макаровна успешно защищает кандидатскую диссертацию «Служебные слова в алтайском языке». Работа была выполнена под руководством профессора Н. А. Баскакова. Официаль-

ными оппонентами на ее защите были академик В. А. Гордлевский и профессор Б. К. Пашков. В своем диссертационном исследовании Т. М. Тоцакова впервые на материале алтайского языка рассматривает такие служебные части речи как послелогои, союзы и частицы, проводит их семантико-синтаксическую классификацию. Например, послелогои подразделены ею на следующие группы: 1) послелогои, слабо дифференцированные с именами существительными и глагольными формами деепричастий, выражающие форму синтаксической связи обстоятельства места, времени, меры (*алд* 'перед', *үст* 'верх, поверхность', *кийин* 'задняя сторона, задняя часть', *орто* 'середина, промежуток'); 2) послелогои, выражающие форму обстоятельства цели, причины и следствия (*учун* 'за', 'из-за', 'ради', *болуп* 'ради'); 3) послелогои, служащие формой выражения синтаксической связи косвенного дополнения совместного действия (*была* 'с...'); 4) послелогои, выражающие форму синтаксической связи обстоятельства противопоставления (*башка* 'кроме', *өскө* 'кроме'); 5) послелогои, выражающие форму обстоятельства образа и способа действия (*ажыра* 'через что-л.', *кечире* 'через что-л.', *откүре* 'сквозь что-л.', *көрө* 'по сравнению с') [Тоцакова 1950: 7—8]. На современном этапе развития алтайского языка слова *алд* 'перед', *үст* 'верх, поверхность', *кийин* 'задняя сторона, задняя часть', *орто* 'середина, промежуток' квалифицируются не как послелогои, а как служебные имена [Орсулова 2006: 90—111].

Исследуя союзы, Т. М. Тоцакова отмечает, что алтайский язык, в силу особенностей структуры предложения, не имеет развитой системы союзов. Число собственно союзов в алтайском языке ограничено и это объясняется тем, что для соответствующих оборотов язык пользуется другими синтаксическими приемами: причастными и деепричастными оборотами. Вместе с тем она отмечает, что благодаря развитию литературного языка увеличилось и количество простых и сложных союзов: в роли союзов выступают целые фразеологические сочетания, например, *ненин учун десе* 'потому что'. Кроме того, она обращает внимание на то, что в алтайском языке увеличивается число переходных слов и выражений, совмещающих значения союзов со значениями других групп служебных слов, послелогов и частиц, например, *ла/ле* 'и', *база* 'и' [Тоцакова 1950: 8—9]. Действительно, восполнение нехватки тех или иных союзов и союзных слов за счет внутренних ресурсов является одной из важных особенностей алтайского языка. Эта тенденция наблюдается и в наши дни. Так, А. А. Озонова постулирует, что расширение социально-коммуникативных сфер функционирования алтайского языка, его интенсивное стилевое развитие обуславливает формирование новых союзов. Этому способствует и имеющаяся в языке богатая система послелогов, местоимений и частиц, которые используются в новой для них функции — синтаксического средства связи, а также способность самих новых союзов выражать более конкретные семантические отношения между событиями [Озонова 2007: 117].

Диссертационная работа Т. М. Тоцаковой в свое время была высоко оценена тюркологами. Так, известный ученый Э. В. Севортян в своем отзыве на автореферат диссертации от 16 апреля 1950 г. писал: «Анализ каждого служебного элемента дан автором с максимальной полнотой. Учтены все типичные и частные (фразеологические) случаи применения данной служебной части речи. Не забыт и морфологический анализ, без которого многое осталось бы непонятным. Об этом приходится специально говорить, так как уже можно встретить на практике известное пренебрежение морфологической стороной языкового явления (...) По полноте изложения и охвату всех служебных форм исследование Т. М. Тоцаковой должно считаться выдающимся не только среди работ, посвященных алтайскому языку, но и другим тюркским языкам» [НА НИИАа].

В августе 1950 г. Т. М. Тоцакова направляется в Горно-Алтайский учительский институт (ныне Горно-Алтайский государственный университет) на должность заместителя директора по учебной и научной работе. Через два года она по совместительству становится заведующим Кафедрой алтайского языка и литературы. В институте она читает курсы современного алтайского языка, истории алтайского языка и диалектологии, руководит педагогической практикой студентов. Ее приезд из Москвы после защиты диссертации был заметным событием не только для студентов и преподавателей Учительского института, но и для всей общественности города и автономной области. Ее имя стало широко известным во всем Горном Алтае.

13—17 августа 1951 г. на Алтае состоялась Научно-практическая конференция по вопросам алтайского языка и алтайской литературы в Горно-Алтайской автономной области. В работе конференции приняли участие известные ученые из Москвы, Ленинграда и Новосибирска, писатели, преподаватели Горно-Алтайского учительского института и педучилища, партийные работники, учителя национальных школ, журналисты и представители книжного издательства. Одним из основных докладов на конференции был доклад Т. М. Тоцаковой «О состоянии грамматики современного алтайского языка». В докладе она раскрывает основное содержание таких разделов грамматики, как «Алфавит», «Письменность и орфография», «Фонетический строй алтайского языка», «Словарный состав современного литературного языка», «Морфология» и «Синтаксис». В своем выступлении Т. М. Тоцакова особое внимание уделяет

также проблемам орфографии. Она отмечает, что с течением времени отдельные правила действующей орфографии алтайского языка не стали соблюдаться, что приводит к нарушению единства в правописании. Школьные учебники и учебные пособия трактуют грамматические правила в соответствии с утвержденной орфографией, а в периодической прессе и книгах местного издательства в отдельных случаях эти правила нарушаются. Таисия Макаровна приводит примеры нарушения правописания слов, в которых последующие гласные **ы** и **у** уподобляются предыдущим губным гласным **о, ö, у, ү**. Например, вместо *бөрүк* пишется *бөрик*, вместо *бөрү* — *бөри*, вместо *көрүн* — *көрип*, вместо *болуп* — *болып*. Докладчик обращает внимание на то, что нарушается морфологический принцип написания редуцированных (ослабленных) гласных в словах типа *сыйын, мойын, айыл, тийин* и др.; не всегда соблюдается правописание долгих гласных, появившихся в языке вследствие выпадения согласного **г** в известных позициях, например, вместо *уур* (исторически *угур*) — ‘тяжелый’ пишется *ур*, вместо *ыраак* — ‘далеко’ пишут *ырак* или *рак*. Вместе с тем она отмечает и недостатки орфографии: «Как показал опыт последних лет, не все вопросы орфографии были разрешены правильно и сама жизнь, сам непрерывно развивающийся и совершенствующийся язык потребовали пересмотра ряда орфографических правил. Самый факт отсутствия единства в пользовании правилами правописания, очевидно, говорит о том, что алтайская орфография в настоящее время нуждается в некоторых поправках и уточнениях (...) При переработке алтайской орфографии необходимо уточнить все вопросы, касающиеся расхождений норм правописания с нормами разговорного языка. Орфография должна быть устойчивой и стабильной. Но, наряду с этим, орфография может допускать усовершенствования и улучшения отдельных правил, пополняться новыми правилами, может отбрасывать ненужные, устаревшие элементы, для которых не оказывается основания в языке» [Тоцакова 1954: 15—16]. Сейчас, сквозь призму времени давая оценку событиям тех лет, приходится констатировать, что те же самые нарушения орфографии алтайского языка отмечаются и в наше время. Современная орфография также требует усовершенствования и уточнения некоторых правил относительно правописания сложных слов, деепричастных форм на *-ын* и *-уп* и т. д.

С 1958 по 1964 г. Т. М. Тоцакова работает директором Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ныне БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова»), в создании которого она принимала самое активное участие. Большую поддержку в создании института оказали также Н. А. Баскаков и Л. П. Потапов. Например, Л. П. Потапов в своем письме к Таисии Макаровне от 9 ноября 1950 г. для открытия института советует воспользоваться датой 30-летия со дня основания Горно-Алтайской автономной области [НА НИИАБ]. Действительно, Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы был создан в 1952 г. в год празднования 30-летия со дня основания Горно-Алтайской автономной области.

Т. М. Тоцакова внесла неоценимый вклад в развитие алтайского языкознания. Ее основополагающие труды посвящены актуальным вопросам развития алтайского литературного языка и его диалектной системы, изучения грамматического строя алтайского языка, усовершенствования орфографии, развития терминологии, в том числе лингвистической терминологии алтайского языка. Ее перу принадлежат научные статьи: «Служебные слова в алтайском языке» [Тоцакова 1951: 3—24], «К вопросу изучения предложений с развернутыми членами» [Тоцакова 1952б: 38—42], «О состоянии грамматики современного алтайского языка» [Тоцакова 1954: 13—44], «Послелог в алтайском языке» [Тоцакова 1956: 19—50], «Союзы и частицы в алтайском литературном языке» [Тоцакова 1961: 45—56] и др.

Большой вклад Т. М. Тоцакова внесла в разработку словарей. Так, в 1947 г. в Москве был издан академический «Ойротско-русский словарь» объемом около 10 тысяч слов, авторами которого стали Н. А. Баскаков и Т. М. Тоцакова [Баскаков, Тоцакова 1947]. Составление словаря проходило в тесном сотрудничестве с Ойротской областной комиссией языка и литературы, которым руководила Т. М. Тоцакова. Словарь, в первую очередь, был предназначен для студентов Ойротского отделения в качестве научного и учебного пособия. В его основу были положены материалы «Образцов народной литературы тюркских племен и народов, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи» В. В. Радлова [Радлов 1866], «Словаря алтайского и аладагского наречий тюркского языка» В. И. Вербицкого [Вербицкий 1884]. В качестве иллюстративных примеров были использованы фольклорные произведения, в частности примеры из алтайского героического эпоса, что стало одним из главных достоинств данного словаря. В 2005 г. «Ойротско-русский словарь» был переиздан издательством «Ак Чечек», благодаря чему он обрел новую жизнь и до сих пор пользуется большой популярностью [Баскаков, Тоцакова 2005].

В 1964 г. сектор алтайского языка Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы под руководством Н. А. Кучигашевой издает первый «Русско-алтайский словарь» объемом около 33000 слов [РАС 1964]. Рукопись словаря редактировалась Т. М. Тоцаковой с участием В. Н. Тадыкина, общее редактирование осуществлял профессор Н. А. Баскаков. Словарь главным образом был рассчитан на алтайского читателя, поэтому переводы многих общественно-политических, науч-

ных и иных терминов были снабжены краткими толкованиями их значений на алтайском языке. Одним из удачных в словаре явилось решение проблемы перевода на алтайский язык русских глаголов совершенного и несовершенного видов. Так, глаголы несовершенного вида переводились простыми глаголами в форме инфинитива на *-ар*: *айдар* ‘говорить’, *бичиир* ‘писать’, *кычырар* ‘читать’. Глаголы совершенного вида переводились при помощи аналитических конструкций со вспомогательными глаголами *ал-* ‘брать’, *сал-* ‘класть’, *ий-* ‘посылать’, *кал-* ‘оставаться’, *бер-* ‘давать’, *чык-* ‘выходить’, *кон-* ‘ночевать’, *кел-* ‘приходить’ и др. Например: *айдын берер* ‘сказать, подсказать’, *бичип салды* ‘написал’, *кычырып койдым* ‘[я] прочитал’. Эту подачу в свое время оценил Н. А. Баскаков. В своем письме к Таисии Макаровне от 20 февраля 1963 г. он пишет: «Рад, что вы, наконец, развязались со словарем, который получился очень интересным и оригинальным в подаче совершенного вида русских глаголов и их переводов на алтайский язык» [НА НИИАб]. Этот принцип перевода русских глаголов совершенного и несовершенного вида на алтайский язык использовался и языковедами БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова» при составлении новейшего «Русско-алтайского словаря» [РАС 2015; РАС 2016].

В начале 60-х гг. XX в. Т. М. Тошакова возглавляла работу сектора языка Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы по написанию нормативной грамматики алтайского языка, издание которой планировалось в 1965 г. Научное руководство работой осуществлял Н. А. Баскаков. Известно, что у членов коллектива была идея включения в грамматику не только общепринятых нормированных форм, но и диалектных и просторечных форм. По этому поводу Н. А. Баскаков в своем письме к Таисии Макаровне от 23 марта 1963 г. пишет: «Глубокоуважаемая и дорогая Таисия Макаровна! Всегда очень приятно получить Ваше письмо и вспомнить милый Горный Алтай и нашу экспедицию, и путешествие по Алтаю. Теперь насчет нормативной грамматики. Ваша идея приводить сопоставления с просторечными, диалектными и прочими формами слов мне кажется очень интересной. Дело в том, что нормативные грамматики могут быть написаны и без сопоставлений, т. е. в грамматике помещаются только общепринятые нормы, но если параллельно в списках или скобках будут приведены существующие ненормализованные формы, то это только украсит работу. Если это будет проведено по всей книге, то это будет очень ценно и интересно» [НА НИИАб]. В настоящее время языковеды БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова» завершили большую работу по подготовке к изданию коллективной монографии «Грамматика современного алтайского языка. Морфология». Ответственным редактором работы является д. филол. н., профессор И. А. Невская.

Наряду с многогранной научно-педагогической деятельностью Т. М. Тошакова известна как видный общественный и политический деятель. С 1950 по 1963 гг. она трижды избиралась депутатом в городской, дважды — в областной и один раз в краевой Советы депутатов трудящихся. Была членом горкома партии. Много раз избиралась делегатом городской, областной и краевой партконференций.

Велика заслуга Т. М. Тошаковой в подготовке первых алтайских педагогических кадров на Алтае. Ее учениками были первые ученые С. С. Суразаков, С. С. Каташ, П. Е. Тадыев, Н. А. Кучигашева, Н. Н. Суразакова, А. Т. Тыбыкова, З. С. Казагачева, С. М. Каташев, В. Н. Тадыкин и др. Благодаря ей практически все первые ученые на Алтае получили возможность поступления в аспирантуру в Москве и Ленинграде.

За заслуги в области образования и науки Т. М. Тошакова была награждена орденом «Знак Почета», медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За доблестный труд в ознаменовании 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», а также почетными грамотами и благодарственными письмами.

Т. М. Тошакова была любящей женой, мамой и любимой бабушкой. Она подавала своим домочадцам замечательный пример верности избранному делу. Ее мужем был Павел Иванович Чевалков, известный учитель, кавалер двух орденов В. И. Ленина, брат известного алтайского живописца и графика Николая Ивановича Чевалкова. Они вырастили двух сыновей, Льва и Мирослава. Сестра Таисии Макаровны, Екатерина Макаровна Тошакова, является первой женщиной-алтайкой, получившей ученую степень кандидата исторических наук. Ее внук, Лев Мирославович Чевалков, пошел по следам своей бабушки и тети, стал кандидатом исторических наук и долгое время работал в БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова».

В последние годы жизни Т. М. Тошакова работала в должности заведующего сектором алтайского языка Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы.

Служение науке и образованию стало делом всей жизни Таисии Макаровны Тошаковой. Ее имя навсегда запечатлено в истории науки и образования Республики Алтай. В ее честь названа улица в Горно-Алтайске.

В настоящее время научно-педагогическое и общественно-политическое наследие Т. М. Тошаковой требует более глубокого осмысления и изучения. Необходимо издание архивных материалов о ее жизни и деятельности, хранящихся в научном архиве БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова».

Литература

- Баскаков, Тоцакова 1947 — *Баскаков Н. А., Тоцакова Т. М.* Ойротско-русский словарь. М., 1947. {*Baskakov N. A., Toshchakova T. M.* Ouyrot-Russian dictionary. M., 1947.}
- Баскаков, Тоцакова 2005 — *Баскаков Н. А., Тоцакова Т. М.* Ойротско-русский словарь. Изд. 2-е. Горно-Алтайск: Издательство «Ак чечек», 2005. {*Baskakov N. A., Toshchakova T. M.* Ouyrot-Russian dictionary. 2nd edition. Gorno-Altaysk: Ak chechek publishing, 2005.}
- Вербицкий 1884 — *Вербицкий В. И.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884. {*Verbitskiy V. I.* Dictionary of the Altaic and the Aladag dialects of Turkic. Kazan, 1884.}
- НА НИИАа — Научный архив БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», Рукописный фонд, Дело №620. Т. М. Тоцакова. Личное дело. {Scientific Archive of BSI AR “S. S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies”, Manuscript holding, File 620. T. M. Toshchakova. Personal file.}
- НА НИИАб — Научный архив БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», Рукописный фонд, Дело №622. Т. М. Тоцакова. Письма Н. А. Баскакова, Л. П. Потапова. {Scientific Archive of BSI AR “S. S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies”, Manuscript holding, File 622. T. M. Toshchakova. Personal file.}
- Озонова 2007 — *Озонова А. А.* Некоторые изменения в системе аналитических средств связи в алтайском языке // Языки коренных народов Сибири. Развитие аналитических структур в условиях языковых контактов. Новосибирск, 2007, 19. С. 110—117. {*Ozonova A. A.* Some changes in the analytic means of cohesion system in the Altai language // Languages of the native peoples of Siberia. Vol. 19. Analytic structures’ development in linguistic contacts. Novosibirsk, 2007. P. 110—117.}
- Орсулова 2006 — *Орсулова Т. Е.* Послелог и служебные имена в алтайском языке. Горно-Алтайск, 2006. {*Orsulova T. E.* Postpositions and function nouns in the Altai language. Gorno-Altaysk, 2006.}
- Радлов 1866 — *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен и народов, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Казань, 1866. {*Radlov V. V.* Examples of folk literature of the Turkic tribes and peoples of Southern Siberia and Dzungar steppe. Kazan, 1866.}
- РАС 1964 — Русско-алтайский словарь / Под ред. *Н. А. Баскакова*. М., 1964. {Russian-Altai dictionary / Ed. *N. A. Baskakov*. M., 1964.}
- РАС 2015 — Русско-алтайский словарь. В 2-х томах. Том I (А—О) / БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова»; Науч. ред. *А. В. Дыбо*; редколлегия: *А. Э. Чумакаев* (отв. ред.), *А. Н. Майзина*, *А. А. Озонова*, *Н. Д. Алмадакова*. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2015. {Russian-Altai dictionary. In 2 volumes. Vol. I (A—O) / BSI AR “S. S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies”; Scientific ed. *A. V. Dybo*; editorial board: *A. E. Chumakaev* (executive ed.), *A. N. Mayzina*, *A. A. Ozonova*, *N. D. Almadakova*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya publishing, 2015.}
- РАС 2016 — Русско-алтайский словарь. В 2-х томах. Том II (П—Я) / БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова»; Науч. ред. *А. В. Дыбо*; редколлегия: *А. Э. Чумакаев* (отв. ред.), *А. Н. Майзина*, *А. А. Озонова*, *Н. Д. Алмадакова*. Горно-Алтайск, 2016. {Russian-Altai dictionary. In 2 volumes. Tom II (P—Ya) / BSI AR “S. S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies”; Scientific ed. *A. V. Dybo*; editorial board: *A. E. Chumakaev* (executive ed.), *A. N. Mayzina*, *A. A. Ozonova*, *N. D. Almadakova*. Gorno-Altaysk, 2016.}
- Суразакова 1982 — *Суразакова Н. Н.* Путь в науку: к 80-летию Т. М. Тоцаковой // Звезда Алтая. 1982. 22 января. {*Surazakova N. N.* The road to science: for the 80th anniversary of T. M. Toshchakova // Altai Star. 1982. January 22nd.}
- Тоцакова 1938а — *Тоцакова Т. М.* Орфография ойротского языка. Ойрот-Тура, 1938. {*Toshchakova T. M.* Orthography of the Ouyrot language. Ouyrot-Tura, 1938.}
- Тоцакова 1938б — *Тоцакова Т. М.* Грамматика ойротского языка: Пособие для преподавателей родного языка, учителей начальных школ, переводчиков и изучающих ойротский язык. Новосибирск, 1938. {*Toshchakova T. M.* Grammar of the Ouyrot language: A handbook for teachers of native language, elementary schools, translators and students of Ouyrot. Novosibirsk, 1938.}
- Тоцакова 1938в — *Тоцакова Т. М.* Грамматика ойротского языка. Синтаксис. Ойрот-Тура, 1938. {*Toshchakova T. M.* Grammar of the Ouyrot language. Syntax. Ouyrot-Tura, 1938.}
- Тоцакова 1941а — *Тоцакова Т. М.* Орфография ойротского языка. 2-е изд., перераб. и доп. Ойрот-Тура, 1941. {*Toshchakova T. M.* Orthography of the Ouyrot language. 2nd edition, revised and enlarged. Ouyrot-Tura, 1941.}
- Тоцакова 1941б — *Тоцакова Т. М.* Программа по литературному чтению для ойротских национальных школ. Барнаул, 1941. {*Toshchakova T. M.* Syllabus in literature reading for Ouyrot national schools. Barnaul, 1941.}
- Тоцакова 1947 — *Тоцакова Т. М.* Орфография алтайского языка. 3-е изд., измен. и доп. Ойрот-Тура, 1947. {*Toshchakova T. M.* Orthography of the Ouyrot language. 3rd edition, revised and enlarged. Ouyrot-Tura, 1947.}
- Тоцакова 1950 — *Тоцакова Т. М.* Служебные слова в алтайском языке. М., 1950. {*Toshchakova T. M.* Function words in the Altai language: author’s abstract of the Ph.D. thesis. M., 1950.}

Тошчакова 1951 — *Тошчакова Т. М.* Служебные слова в алтайском языке // В помощь учителю: Сб. ст. Горно-Алтайск, 1951. С. 3—24. {*Toshchakova T. M.* Function words in the Altai language // In aid of a teacher: Collection of articles. Gorno-Altaysk, 1951. P. 3—24.}

Тошчакова 1952а — *Тошчакова Т. М.* Грамматика алтайского языка. Часть 2. Синтаксис для 6—7 кл. 2-е изд. Горно-Алтайск, 1952. {*Toshchakova T. M.* Grammar of the Altai language. Part 2. Syntax for 6th and 7th grades. 2nd edition. Gorno-Altaysk, 1952.}

Тошчакова 1952б — *Тошчакова Т. М.* К вопросу изучения предложений с развернутыми членами // В помощь учителю: Сб. ст. Горно-Алтайск, 1952. С. 38—42. {*Toshchakova T. M.* On the problem of learning sentences with clauses // In aid of a teacher: Collection of articles. Gorno-Altaysk, 1952. P. 38—42.}

Тошчакова 1954 — *Тошчакова Т. М.* О состоянии грамматики современного алтайского языка // Вопросы изучения алтайского языка и литературы. Горно-Алтайск, 1954. С. 13—44. {*Toshchakova T. M.* On the state of modern Altai grammar. // Problems of studying the Altai language and literature. Gorno-Altaysk, 1954. P. 13—44.}

Тошчакова 1956 — *Тошчакова Т. М.* Послелогои в алтайском языке // Ученые записки ГАНИИИЯЛ, Горно-Алтайск, 1956, 1. С. 19—50. {*Toshchakova T. M.* Postpositions in the Altai language // GARHLL proceedings, Gorno-Altaysk, 1956. Vol. 1. P. 19—50.}

Тошчакова 1958 — *Тошчакова Т. М.* Орфография алтайского языка. 4-е изд., измен. и доп. Горно-Алтайск, 1958. {*Toshchakova T. M.* Orthography of the Oyrot language. 4th edition, revised and enlarged. Gorno-Altaysk, 1958.}

Тошчакова 1960 — *Тошчакова Т. М.* Грамматика алтайского языка. Часть 2. Синтаксис для 6—7 кл. 3-е изд. Горно-Алтайск, 1960. {*Toshchakova T. M.* Grammar of the Altai language. Part 2. Syntax for 6th and 7th grades. 3rd edition. Gorno-Altaysk, 1960.}

Тошчакова 1961 — *Тошчакова Т. М.* Союзы и частицы в алтайском литературном языке // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. Горно-Алтайск, 1961, 4. С. 45—56. {*Toshchakova T. M.* Conjunctions and particles in the literary Altai language // GARHLL proceedings. Gorno-Altaysk, 1961. Vol. 4. P. 45—56.}

Тошчакова 1965 — *Тошчакова Т. М.* Грамматика алтайского языка. Часть 2. Синтаксис для 6—7 кл. 4-е изд. Горно-Алтайск, 1965. {*Toshchakova T. M.* Grammar of the Altai language. Part 2. Syntax for 6th and 7th grades. 4th edition. Gorno-Altaysk, 1965.}

Тошчакова 1968 — *Тошчакова Т. М.* Грамматика алтайского языка. Часть 2. Синтаксис для 6—7 кл. 5-е изд. Горно-Алтайск, 1968. {*Toshchakova T. M.* Grammar of the Altai language. Part 2. Syntax for 6th and 7th grades. 5th edition. Gorno-Altaysk, 1968.}

Тыбыкова 1994 — *Тыбыкова А. Т.* Тил шинжүчи Таисья Макаровна Тошчакова. Горно-Алтайск, 1994.

Тыбыкова 2006 — *Тыбыкова Л. Н.* Тошчакова Таисия Макаровна (к 100-летию со дня рождения) // Филологические исследования (к 100-летию со дня рождения Т. М. Тошчаковой): Сборник научных трудов. Горно-Алтайск, 2006. С. 3—12. {*Tybykova L. N.* Toshchakova Taisiya Makarovna (on the 100th anniversary) // Philological studies (on the 100th anniversary of T.M. Toshchakova): A collection of papers. Gorno-Altaysk, 2006. P. 3—12.}

РЕЗЮМЕ

В данной работе содержится краткий обзор жизни и деятельности первого алтайского ученого-лингвиста Таисии Макаровны Тошчаковой. Анализируется вклад ученого в развитие алтайского языкознания.

SUMMARY

This work contains a summarized review of the life and activities of the first Altai scientist in the field of linguistics, Taisiya Makarovna Toshchakova. Her contribution to the development of Altaic linguistics is analyzed.

Ключевые слова: алтайский язык, орфография, грамматика, синтаксис, словари

Keywords: the Altai language, spelling, grammar, syntax, dictionaries

Майзина Аржана Николаевна, БНУ РА Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова (Горно-Алтайск); arshana@mail.ru

Arzhana N. Mayzina, Budget scientific institution of the Republic of Altai "Surazakov Research Institute of altaistics" (Gorno-Altai); arshana@mail.ru

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or **s p a c i n g** for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use ‘single quotes’ for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Редакторы
Е. В. Ковалева

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editors
Elena Kovaleva

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >